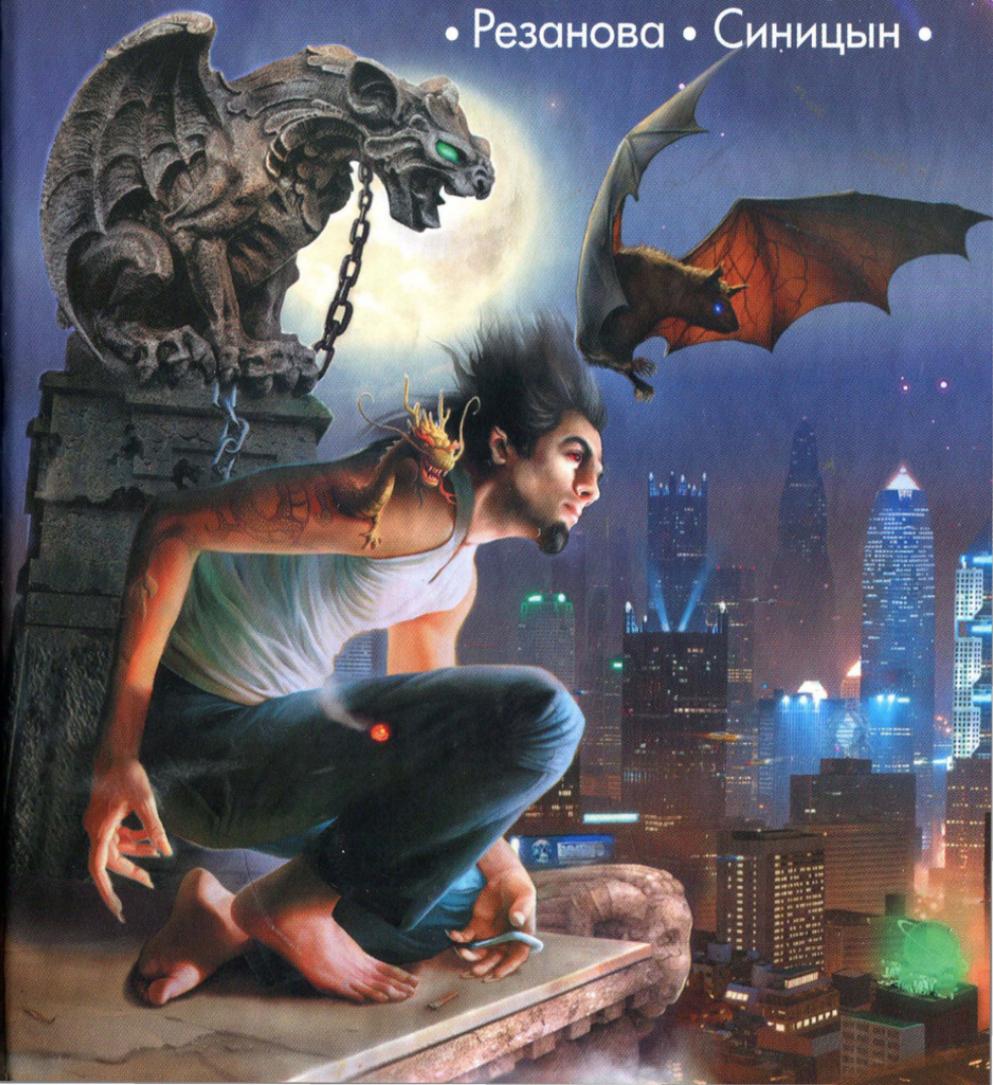

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

2010

- Алехин • Белаш • Березин • Кулагин •
- Логинов • Олди • Орлов • Прозоров •
- Резанова • Силицын •

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ
ФЭНТЕЗИ
2010

ЛЕОНИД АЛЕХИН
ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР БЕЛАШ
АРТЕМ БЕЛОГЛАЗОВ
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН
АНДРЕЙ БУДАРОВ
СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ
АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ
НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА
ОЛЕГ КУЛАГИН
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АНТОН ОРЛОВ
ЛЕВ ПРОЗОРОВ
НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА
ОЛЕГ СНИЦЫН
АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ГОРОДСКАЯ
ФЭНТЕЗИ

2010

ЭКМО
МОСКВА
2010

Оформление серии *Е. Савченко*

Художник *М. Петров*

Составитель сборника *В. Мельник*

Серия основана в 2003 году

Г 70 **Городская фэнтези-2010 : фантастические повести и рассказы.** Леонид Алехин, Людмила и Александр Белаш, Владимир Березин, Олег Кулагин, Святослав Логинов, Генри Лайон Олди, Антон Орлов, Лев Прозоров, Наталья Резанова, Олег Синецын. — М. : Эксмо, 2010. — 608 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-39844-7

Злобными колдунами похищен единорог, обитавший в Подмоскowie... Гигантская муха безнаказанно разгуливает по лесам в районе деревни Мухино... Тибетские махатмы активно участвуют в великой астральной войне между двумя империями — советской и нацистской... Вампиров тоже можно понять, особенно если это собственные родственники... Купе скорого поезда превращается в зал Страшного суда, языческие злые духи без труда проникают в квартиры многоэтажного дома, в подвале подмосковного коттеджа обнаруживается ход в параллельный мир, морская дева, по совместительству бизнес-леди, vstupает в опасную игру с зловещим союзом могущественных магов...

Очередная ежегодная антология городской фэнтези предлагает на ваш суд новые произведения отечественных писателей-фантастов, для которых современный мегаполис — не просто бессмысленный человеческий муравейник, а загадочная территория, наполненная невидимой магией и живущая по законам, отличным от повседневных.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-39844-7

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ПОВЕСТИ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ КАРАВАН

(Из цикла «Сказки Долгой Земли»)

Раньше я радовался зиме, как пьяный заяц. Круговерть ледяных папоротников на окнах. Сиреневые вечерние улицы в морозном мареве, выманивающие за порог неясными обещаниями. Все оттенки снега — от совершенной нетронутой белизны в алмазных искрах до полуденно-голубоватого, от разлитой на закате музейной позолоты до печально сияющего лунного молока. Восхитительный «Зимний капучино» в моей любимой «Кофейне-на-Бутре». Все это казалось замечательным — до тех пор, пока мы не заблудились в дебрях зимы. Разве можно любить то, что тебя убивает?

Началось с того, что нас догнала наползающая с запада пасмурная мгла. Или с того, что запил Куто Бочка, следопыт каравана? Да без разницы, то и другое случилось одновременно.

Когда небо заволокло облачной ватой в несколько слоев, штурман убрал свои приборы в сундучок до следующего раза: нет небесных светил — нет и навигации. А Куто к тому времени уже дорвался до неприкосновенной капитанской заначки и был хороший. Обычный для караванчиков инцидент, не давать ему больше пить и сунуть башкой в сугроб, чтобы поскорее протрезвел, но у него мозги съехали набекрень, началась белая горячка. Тут еще и компасы «поплыли». Одолев две трети пути от Магарана до Кордеи, мы увязли в этой стылой белизне, как муха в холодной патоке.

— Матиас! — Это Джазмин, моя учительница. — Готовься, сменишь Ингу.

Мы, трое магов — ну, если честно, одна магичка и двое учеников первой ступени, — пытаемся вернуть Куто в дееспособное состояние. Если не получится, всем конец. Дорогу через Лес в облачную погоду найдет только следопыт. Или, как вариант, лесной колдун, но мы же не лесные, мы классические.

Джазмин зябко кутается в большую шубу из черного с серебристыми кончиками меха. Мерзнет. Скверный признак. То есть совсем хреновый. Все мерзнут, но она же колдунья, и если у нее не осталось сил на собственное тепло — значит, вымоталась до крайней степени.

Она высокая, с меня ростом. Сухопарая и фигуристая, хотя под шубой не видно. Удлиненное смугловатое лицо из тех, что называют породистыми. Кожа пожелтела, щеки слегка ввалились, но горделивые скулы и изящный нос с горбинкой по-прежнему производят царственное впечатление, к ней даже капитан обращается «миледи». Большие блестящие глаза цвета крепкого кофе, несмотря ни на что блестящие, хотя на покрасневших белках проступили веточки сосудов. Губы подкрашены вишневой помадой, тоже несмотря ни на что. Тяжелая грива вьющихся иссиня-черных волос ниспадает почти до пояса. Нашей наставнице двести сорок семь лет — подвид С, естественно. Редко бывает, чтобы кто-то из магов не принадлежал к подвиду долгоживущих. По-настоящему ее зовут Ясмينا, но она обожает джаз, поэтому переделала свое имя. Еще она обожает сигареты и кофе, в последние две недели переводит то и другое в немереных количествах.

Джазмин *держит* защитный полог, чтобы нас не почувяли на расстоянии кесейские шаманки, и вдобавок она применила чары полусна, не позволяющие пассажирам удариться в панику. Полусон замедляет мыслительные процессы и скорость реакции, поэтому действовать он должен избирательно, не затрагивая караванщиков. Ей пришлось сплести до умопомрачения сложный узор, распознающий, кого надо убаюкивать, а кого нельзя. Громадный расход сил, так что есть с чего мерзнуть. На сколько еще ее хватит — на неделю, на полторы? А потом кесу и паника сметут нас, как швабра паутину.

Джазмин нервно затягивается, дорогая сигарета с серебряным обрезом слегка подрагивает в длинных тонких пальцах, как будто выточенных из помутневшего янтаря.

— Матиас, ты мне не нравишься. После сеанса с Куто забудь вздремнуть, договорились?

А сама она когда спала в последний раз? Она ведь не только *держит защиту*, она вдобавок пытается вытащить тронувшегося следопыта из того бездонного водочного омуты, в кото-

ром утонула его забубенная душа, и раз даже у Джазмин ничего не получается — дела плохи. И для Куто Бочки, и для всех остальных.

Не подозревал раньше, что она такая сильная. Она свою силу не выставляла напоказ, и сперва я думал, что попал в ученики к колдунье из тех, что практикуют бытовую магию средней руки, создают иллюзии для киношников, могут кого-нибудь подлечить — и ничего из ряда вон выходящего.

Машины стоят, словно вереница уснувших железных зверей, вокруг протоптаны в сугробах тропинки. Опрокинутая чаша небосвода до самого верхнего дна забита мерзлыми облаками.

Из медфургона выбралась Инга. На ней меховая куртка и штаны с начесом — после полученного от Джазмин нагоняя больше не рисуется перед простыми смертными, бережет тепло. Глаза на слегка осунувшемся, но все еще свежем лице сверкают так, словно их обладательница того и гляди врежет тебе под дых.

— Пьянчуга по-прежнему. Сейчас будут обтирать и переодевать. Повесила бы его на ближайшем дереве — как предателя, вниз головой.

— Ты сумеешь разогнать тучи или найдешь дорогу до Кордеи без следопыта?

Не могу удержаться, как будто за язык потянули.

— Нет, поэтому придется отрабатывать этот дохлый шанс до конца. А ты, Матиас, в зеркало посмотришься. У тебя на лице написано: кто-нибудь добренький, заберите меня отсюда!

— Детишки, перестаньте, — машинально, без привычной твердости, роняет Джазмин, стряхивая пепел на снег изящным, но чуточку смазанным из-за дрожи в руке движением.

Мы с Ингой неприязненно переглядываемся, но умолкаем. Посторонние иногда принимают нас за парочку ершистых влюбленных, которые «бранятся — только тешатся». А вот ни фига. Никакого влечения ни с одной стороны не было и в помине, с самого начала. Мы с ней друг друга не принимаем. Это взаимное чувство зародилось на глубинном уровне и не имеет ничего общего ни с соперничеством двух учеников, ни с мелкими личными обидами.

Инга хорошенькая, многим нравится. Сам я, чего там врать, довольно нескладный, физиономия невыразительная — не принц из девчачьих мечтаний, знаю, но и не урод. Здесь все это не имеет значения. Мы с ней словно принадлежим к враждующим расам, все равно что я человек, а она кесу, или наоборот. Нет, даже сейчас выходит не совсем то. У людей с кесу вражда открытая, понятная, из-за биологических и прочих различий, а нас с Ингой разделяет что-то сутобо внутреннее и абсолютно непреодолимое.

Возможно, Джазмин понимает, в чем дело, но вслух не говорит. До того как попасть к ней в ученики, мы не были знакомы, жили в разных городах — я в Юлузе, Инга в Шебаве, да и после наше взаимное неприятие проявилось не враз. Вероятно, когда Джазмин увидела, какие аховые между нами складываются отношения, она пожалела о своем выборе, но отсылать кого-то из нас тоже пожалела.

Мы с Ингой только однажды были заодно. Когда у нас появился общий противник — Ажальбер, книжный упырь. Парень примерно нашего возраста, не колдун, учится в Магаранской Гуманитарной Академии. Сейчас, наверное, уже доучился. Он засел у нас в печенках после того, как глумливо изругал наши любимые книги. Не надо было с ним на эту тему, но мы же не знали. Ажальбер начитанный — нам и не снилось, однако интерес к художественной литературе у него специфический: читает все, что ни попадется под руку, с целью авторитетно порассуждать о том, какая же это дрянь.

Я обычно погружаюсь по самую макушку в те вымышленные миры, которые возникают из россыпи черных значков на белой бумаге, и они для меня становятся как настоящие. У Инги то же самое, хотя нам с ней нравится разное. А у нашего магаранского знакомца Ажальбера интерес к этим мирам специфический: он их кушает.

Мы решили поквитаться за свои любимые книжки. Волшба отпадала, это даже не обсуждалось: если ученика застукают на таком номере, будешь потом целый год прозябать на складе, сохраняя от порчи стратегические запасы продовольствия. Ага, вы правильно поняли, имеется в виду *golгий rog*, в котором тридцать два стандартных по староземному счету.

Зато я додумался до другого способа мести, безопасного для исполнителя и в то же время более изощренного.

Мы подсунули Ажальберу произведение настолько совершенное, что даже он не смог выцедить ни одной мало-мальски обоснованной гадости. «Дорогу к озеру» Рерьяна. Пришлось покупать вскладчину дорогой шоколадный набор для библиотекарши, чтобы одолжила на несколько дней раритетный том из читального зала, но предприятие того стоило. После новелл Рерьяна Ажальбер скис, как забытое возле батареи молоко. Он ведь книжный упырь, а тут вроде скушал порцию, но калорий не получил. Представьте себе медузника, эту летнюю ночную напасть: вот он заплывает через открытую форточку в комнату, присасывается к спящему человеку, а потом обнаруживает у себя в желудке вместо крови шампанское. Медузник, наверное, сдохнет. Ажальбер не сдох, но настроение мы ему основательно так испортили.

Со стороны может показаться, что мы с Ингой ополчились против книжного упыря за одно и то же, только на самом-то деле каждый защищал свои собственные миры, которые мало где соприкасаются.

Пассажиров снаружи не видно. Лишь мы да караванщики, и еще вышла подышать свежим воздухом госпожа Старый Сапог — единственная пассажирка, на которую убаюкивающие чары Джазмин не действуют. Впрочем, она в них и не нуждается. Суровая особа, на лбу написано. Старый Сапог — это я мысленно прилепил ей такое прозвище, а вообще-то госпожу зовут Тарасия Эйцнер. Вначале мне показалось, что она тоже колдунья, но почему тогда не участвует в нашей спасательной работе? Правда, я ведь ни разу не засек, чтобы Тарасия творила хотя бы самую простенькую волшбу.

Непонятно, что она собой представляет. Моложавая, черты лица правильные, волосы гладко зачесаны назад, собраны в пучок. Одеты не броско, но и не дешево. Это первое впечатление, а когда присмотришься, становится чуток не по себе. Тяжелый взгляд, и лицо жесткое, как подметка пресловутого сапога. В ней ощущается что-то неистребимо старое, заматерелое. Кто она — судебный исполнитель? Хозяйка подпольного борделя? Надзирательница в женской тюрьме? Не нравится

она мне, зато Инга, едва ее увидит, сразу светится, как фонарик.

Инга и сейчас к ней кинулась, срезая путь по нетронутому снегу. Джазмин проводила ученицу взглядом, по которому не определишь, как она отнеслась к этому маневру. А у меня уже не в первый раз мелькнула мысль, что Инга знает о Тарасии Эйцнер что-то особенное, о чем я никак не могу догадаться.

Она вьется вокруг госпожи Старый Сапог с таким восторженно-подобострастным видом, что поневоле начинаешь испытывать неловкость, как будто подсмотрел невзначай что-то интимное. Если это у Инги лесбийское увлечение — еще ничего, простительно. Влюбленность, хотение и все такое прочее. Но если она мечтает не в постель к Старому Сапогу забраться, а преследует ускользающую от моего понимания выгоду — тогда по-настоящему противно. И какой же запредельной должна быть выгода, чтобы ради нее подлизываться с таким энтузиазмом?

Наконец-то задаю вопрос вслух:

— Джазмин, извините... Тарасия Эйцнер — колдунья?

— Не лезь к ней. Тебе сейчас не об этом нужно думать, а о пациенте.

Сперва досадно: не ответила на вопрос, не сказала ни «да», ни «нет». А потом доходит: Джазмин не сказала «нет» — значит, ответила... Таки да. Но какого же тогда черта лесного мы пластаемся втроем, а не вчетвером?!

Об этом спросить не успеваю. Из-за вековых деревьев вываливается группа, ходившая за почками сужабника. Трое охранников, один из шоферов, ученик следопыта Хорхе — долговязый и вечно растерянный четырнадцатилетний пацан, чувствующий себя виноватым из-за того, что не может вывести караван на правильный курс. Он не виноват, он же еще ничего не умеет. Мальчишку в первый раз взяли в рейс, чтобы Куто его натаскивал, а тот на все забил и нажрался, как последняя свинья.

Шестой в этой компании врач. Кроме спятившей Бездонной Бочки, в медфургоне лежит еще один больной, молодой парень из Трансматериковой. Прихватило вскоре после того, как мы заблудились, и врач подозревает, что у него не бронхит, а пневмония. Чего уж там, при нынешнем раскладе этот Эберт

не жилец. Джазмин, возможно, сумела бы ему помочь, но сейчас ее на это попросту не хватит. Ей самой бы кто помог, я же вижу, в каком она состоянии. А у нас с Ингой не тот уровень, чтобы лечить пневмонию. Госпожа Старый Сапог? Но она никому не предлагала своей помощи...

Или тоже болеет? Колдунья, утратившая силу, — изредка, но бывает. То-то Джазмин тактично уклонилась от объяснений, а я только сейчас сообразил, в чем дело. Непонятно, что нашла в искаленной магичке Инга, но мало ли, кто кому нравится — на вкус и на цвет, как известно... А врач все пытается выхаживать Эберта, для того и пошли искать почки сужабника, против инфекций органов дыхания лучшее средство.

Вернулись они слишком скоро. Издали заметно, что встревоженные, словно повстречали в заснеженной чащобе рогающую древесную каларну или медвєраха-шатуна.

— Там трупы, — сообщил, подойдя к нам, старший из охранников. — Вы бы на это посмотрели...

Другой сбегал за капитаном, и мы все вместе пошли смотреть, прихватив еще пяток охранников. Старый Сапог тоже увязалась, и капитан каравана, что интересно, слова против не сказал.

Брести по колено в снегу пришлось с полчаса. Женщины шли в хвосте, по протоптанному, потом я, замыкающим — верзила с автоматом на шее и мечом на поясе. Перед тем как тронулись в путь, он похлопал меня по плечу — осторожненько так, чтобы не свалить с ног ненароком, — и сказал, что в случае сшибки моя задача — прикрыть его от чар. Точнее, его автомат, а то кесейские ведьмы умеют насылать порчу на огнестрельное оружие.

Пока тащимся, я не улавливаю ни чужой волшбы, ни какой другой опасности. Громадные кряжистые стволы, заиндевелые лианы, нечесанные бороды лишайника, на снегу птичьи следы и длинные темные хвоинки, над головами нависают елажниковые лапы, каждая размахом с крышу деревенского домика. Доконавшая нас хмарь едва виднеется в далеких про светах.

Впереди открылась поляна, там они и лежали. Два мертвєца нагишом. На них остались только утепленные армейские

сапоги. Вокруг валялись на истоптанном снегу обрезки меха и ткани.

Тела почти не повреждены: промерзли насквозь раньше, чем лесные санитары успели исклевать и обгрызть мертвую плоть, и у каждого небольшой порез в области печени, с запекшейся темной кровью.

— Сможете сказать, что случилось? — Капитан обращает к Джазмин.

Та приседает возле ближайшего покойника, через три-четыре минуты встает, подходит к другому. Глаза прикрыты, полы длинной серебристо-черной шубы волочатся по снегу, словно крылья подбитой вороны. Ей необходимо хоть немножко поспать, она же так сторит... Караванщики настороженно прислушиваются к лесным шорохам, кто-то цедит сиплым шепотом ругательства в адрес «серых сучек».

— Это не кесу, — обернувшись, говорит Джазмин. — Их убил человек.

Эффект такой, словно весь снег, дремлющий на разлапистых ветвях хвойных великанов, разом обрушился нам на головы.

— Эти двое поссорились с кем-то третьим. — Она рассказывает выцветшим от усталости голосом, не проявляя эмоций по поводу жестокой стычки на затерянной в Лесу поляне. Ее эмоции спят, потому что дошли до предела, хотя сама она ни с какими пределами считаться не собирается. — Дрались на мечах, вдвоем против одного. Он сначала искромсал их одежду, не нанося ран, потом убил их и ушел. Оружие унес с собой, часть лоскутьев утащили к себе в гнезда мелкие звери и птицы. Это произошло около двадцати дней тому назад. Убитые были солдатами лесной пехоты. Вероятно, карательный рейд против кесу.

Джазмин пошатнулась, и мы с капитаном и врачом одновременно ринулись вперед, чтобы ее подхватить, чуть не столкнулись. Такое считывание информации — тоже расход сил, она ведь могла поручить это мне или Инге... Должно быть, побоялась, что мы упустим что-нибудь важное.

Капитан велел ученику следопыта взять охрану и пройтись по широкому радиусу: вдруг найдется колея, проложенная военными вездеходами.

Вряд ли. Поляну не засыпало только потому, что она укрыта многоярусным пологом из колючих ветвей, сюда и свет-то сочится слабо, сумрак средь бела дня, а на открытых участках никаких следов двадцатидневной давности не отыщешь. Кроме того, их не похоронили — значит, либо отбились от своих, либо дезертиры. И в любом случае подразделение лесной пехоты, истребляющее автохтонов в такой дали от принадлежащих людям островов, не будет торчать на одном месте, а то ведь кесу всегда не против нанести ответный удар.

На обратном пути мы с врачом поддерживаем Джазмин под руки.

Возле машин начинается суета, караванщиков созывают на собрание. Таинственная госпожа Старый Сапог скрывается в пассажирском фургоне первого класса, а Инга замечает, возбужденно косясь на пасмурные бастионы елажника:

— Так убить — это что-то потрясающее!

— Гад он, этот третий участник.

Поддерживаю разговор машинально, с усталости, а то бы промолчал. Мы с Ингой как начнем обмениваться мнениями на любую тему, так стопудово поругаемся. Вот и сейчас она презрительно замечает:

— Матиас, не суди других. Ты никогда не убивал, и тебе не понять, что испытывает победитель. Я тоже еще не убивала, но я этого третьего понимаю. Может быть, он что-то себе доказал, а если ты привык жить, как двуногий кролик без перьев, это выше твоего разумения.

— Зоологию ты в школе на отлично сдала, ага? Кролики бывают без перьев и с перьями, спасибо, что просветила...

— А ну, хватит! — обрывает нас подошедшая Джазмин. — Матиас, марш работать с Куто. Инга, поможешь мне, надо защитить тех, кто пойдет искать следы.

У меня екает сердце: это что же, у Джазмин силы совсем на доньшке осталось? До сих пор она для такой волшбы не нуждалась в помощниках. Выжимает себя, как лимон, но разве есть другой выход?

А Инга ошибается: я однажды убил, просто никто не в курсе. И вовсе это не праздник души, как ей мнится, а что-то вроде незаживающего свища, только мне по ряду причин не хотелось бы ссылаться в споре на личный опыт.

Это случилось, когда мне было четырнадцать лет.

Юлуза — городишко не из самых интересных, но в то же время не забытая богом дыра. Разноцветно оштукатуренные дома расползлись по косогорам, полно улиц с мостиками, лестницами и акведуками. Жизнь налаженная: магазины, танцклубы, кафе, кинозалы, есть даже два театра. Спросите: как же я умудрился посреди этакой благодати вырасти в душегуба?

Представьте, что ваш отец — старший инспектор городских продовольственных складов, человек безусловных достоинств, примерный семьянин. Повышение по службе получил после того, как по приказу Осеннего Властителя на складах провели повальную чистку и ворье замели на каторгу. Правильная мера, потому что припасов должно хватить на конец осени, на всю зиму и первую половину весны — то есть лет на пятнадцать-восемнадцать, иначе все мы вымрем от голода, к радости красноглазых автохтонов.

Последний Осенний, чья власть закончилась с началом долгой зимы, был сдвинут на вопросе о положительных-отрицательных личных качествах и считал, что человеческие слабости надо искоренять самым радикальным образом, в крайнем случае вместе с их носителями. За доказанный адюльтер госслужащих выгоняли с работы, за появление на улице в «легкомысленной одежде» штрафовали, за «мероприятия, оскорбляющие общественную нравственность» отдавали под суд, и в придачу вышел указ, обязывающий частных предпринимателей взять под контроль моральный облик и досут своих работников. Вот интересно: был ли сам наш Осенний господин ходячим совершенством, лишенным какой бы то ни было червотины? Почему-то мне кажется, что вовсе нет.

Не знаю, как в других городах и местечках, а в Юлузе люди опасались оказаться недостаточно образцовыми: если не угодишь на лесозаготовки или рудники, о приличной работе все равно придется забыть.

Представьте, что родители вас, в общем-то, любят, но при этом до холодного кома в животе боятся, что вы своим неприемлемым поведением втравите их в неприятности. Отец — человек жесткий, чуть что — хватается за ремень. Нарисовал себе умозрительный образ идеального ребенка и все ваши отклонения от идеала воспринимает как личное оскорбление.

У мамы характер помягче, но она привыкла во всем с ним соглашаться — мгновенно схватывает нужную точку зрения и до глубины души проникается, от нее заступничества не жди. Если сравнивать, не самый плохой вариант семьи: пусть медом не намазано, жить можно. Только вы же, на свою беду, еще и в школу ходите!

Представьте, что вы не «звезда», не лидер, не подпевала лидера, внешностью наделены невзрачной, учитесь посредственно, кулаками машете еще посредственной. В неписаной школьной иерархии занимаете место в хвосте: не крайний, не всеобщая жертва, однако находитесь в опасной близости к этой позиции.

Представьте, что за оценки ниже «хорошо» и за любые нарекания вас неминуемо лупят. Впрочем, существуют же всякие ухищрения... Вы наловчились переправлять отметки и подделывать учительские подписи, завели два дневника: один — чтобы радовать родителей, второй настоящий. Парочка одноклассников докопалась до ваших неблагоприятных секретов и начала шантажировать. Разве вам не захочется их убить?

Урия Щагер и Яржех Сулосен. Первый был худощав, остронос, пронырлив, это он сообразил, что из моих проблем можно извлечь немалую выгоду. Второй был грузноватый, неряшливый, с тяжелым отвислым задом, страдал дальновзоркостью, и его глаза вращались за толстенными линзами, словно блестящие жирные личинки.

За молчание о моих махинациях я отдавал им карманные деньги, таскал из дома лакомства, подсказывал на уроках Сулосену (Щагер и сам учился неплохо, зато его приятель числился среди отстающих). Если бы вымогательство ограничивалось только этим, они бы скорее всего остались живы, но им позарез было нужно, чтобы я по двадцать-тридцать раз повторял «я козел» или «я дерьмо» — «иначе все про тебя расскажем!».

Считаете, напрасно я обманывал отца? Лучше бы показывал дневник с оценками и замечаниями, ничего не утаивая? Для этого надо быть или мазохистом, или нереально благородным персонажем, который скорее даст порезать себя на куски, чем отступит от высоких принципов, а я ни то, ни другое.

Ну не люблю я, когда меня бьют, особенно если чуть ли не через день и по каждому поводу.

Магические способности начали у меня проявляться лет с десяти, я их старательно скрывал — вот это уже не от большого ума. Наслушался страшилок о том, каким жутким испытаниям подвергают начинающих колдунов и сколько их гибнет на первом этапе обучения... Враки. Магов рождается не так много, чтобы гробить их почему зря, а на первом этапе, который проходит на продовольственных складах, умереть можно разве что от скуки. Магическая консервация, сохранение в неизменном виде, проверка состояния припасов, расконсервация без ущерба для вкусовых и питательных качеств... Брр, вправду жуть, хотя совершенно не такая, как в тех детских байках. Но для меня склад уже в прошлом, спасибо Джазмин.

Откуда на задворках котельной взялась последка — честное слово, не знаю. В Санитарной службе потом сказали, что она вылезла из-под земли на соседнем пустыре, разрытом вдоль и поперек для замены водопроводных труб. Так или иначе, я не призывал ее, ни нарочно, ни безотчетно: повелевать лесными тварями могут только лесные колдуны, это прописная истина.

За котельной стояли угрюмые одноэтажные постройки непонятного назначения, вечно запертые, словно склепы, рос бурьян, лежали штабеля старых досок и ничейные бетонные блоки, торчал из лебеды серый остов заброшенной оранжереи. Если свернуть на тропинку, вьющуюся мимо этих достопримечательностей, от дома до школы можно дойти на десять минут быстрее.

Второй год осени, теплынь, еще и желтеть ничего не начало. Щагер и Сулосен потребовали, чтобы я принес им жареных тыквенных семечек, всю дорогу грызли, сплевывая под ноги белую шелуху. Я шел за ними, выдерживая дистанцию в несколько шагов, а то бы начали плевать в меня. Внезапно стена сорняков возле разрушенной теплицы зашевелилась, и оттуда выбралась эта тварь — или, скорее, вытекла, как червь-плавунец на мелководье. В холке она была мне по пояс, длиной около трех метров. Грязновато-желтая, с белесым, словно мукой запорошенным брюхом и четырьмя парами сильных шипастых лап. Последка, переросток. Вместо того чтобы закуклиться, ко-

гда подошел срок, она так и осталась личинкой, продолжая расти до наводящих оторопь размеров.

Ученые никак не договорятся, что такое последки — аномалия или нормальный альтернативный вариант развития у некоторых видов, но все сходятся на том, что лучше б их не было.

Плотоядная скотина, сразу видно. В школе нас учили различать опасные и неопасные разновидности, все коридоры плакатами увешаны.

Дальше... Ну, я ведь уже знал, что способен колдовать, а тут еще такой кошмарный стимул! Замер на месте и соткал морок уподобления, словно я не я, а грязный бетонный блок вроде тех, что громоздятся в гуще чертополоха с колючими пурпурными фонариками. В учебниках самозащиты в каждом разделе есть специальное дополнение «Для магов», отсюда я и знал про этот способ. Там все детально расписано, и я уже втайне практиковался, это иногда помогало от школьной шпаны прятаться.

Щагера и Сулосена последка разорвала. В котельной услышали их крики, вызвали Санитарную службу, примчалась бригада, и эту пакость изрешетили пулями. А я все видел с начала до конца: как они пытались убежать, как личинка с окровавленной мордой раздирала и жрала мясо... Еще и запахи чувствовал, куда от них денешься. Хорошо, что в обморок не свалился, а то бы моя иллюзия мигом закончилась.

Спросите, почему я называю себя убийцей, если не убивал? Так ведь я вполне мог их тоже прикрыть защитным мороком. В первый момент чуть так и не сделал, но передумал. Мелькнуло: вот выручу, а потом опять давай им денег и жареных семечек, и оттирай от грязи Щагеровы ботинки, и бегай вместо Сулосена за пивом для его матери, и обзывай самого себя козлом, дерьмеедом, дуриком по тридцать раз подряд, потому что их это развлекает. Мне и жалко-то не было. Я не злорадовался, но испытывал несказанное облегчение: неужели взаправду закончилась вся эта тошнотворная дрянь, в которой я барахтался несколько лет кряду?

Когда обнаружилось, что я маг, родители были на седьмом небе — им же надо гордиться и хвастать моими успехами перед знакомыми, и вот наконец-то достойный повод! Никому даже в голову не пришло меня обвинять. Наоборот, похвалили

за то, что проявил находчивость и сам не стал жертвой. От необученного мальчишки не ожидалось, что он сумеет заслонить мороком сразу троих, но я-то знаю, что мог это сделать.

Худо мне стало немного позже. Щагеры и Сулосены жили по соседству, и я потом нередко видел родных моих растерзанных врагов. Осунувшегося отца и съжившуюся, в одночасье постаревшую до преддверия маразма бабушку Урии Щагера. Вечно пьяную и зареванную мать Яржеха Сулосена. Они же ничего плохого мне не сделали, и я тоже ничего против них не имел. Если дети — малолетние гаденыши, это еще не значит, что их родители непременно окажутся взрослыми гадами, всяко бывает. Наблюдать, как из-за меня мучаются ни в чем не виноватые люди, было тяжело, хоть головой о стенку бейся. До чего я обрадовался, когда Джазмин позвала меня в ученики, — словами не передать. Думал: прошлое отрезано, теперь начнется другая жизнь.

В медфургоне воздух загустевший, как несвежая патока. Пахнет лекарствами, овсянкой и человеческими выделениями, зато тепло. Пока еще тепло, а вот потом, когда сдохнут аккумуляторы... Но я для того и пришел сюда, чтобы этот страшный вариант «потом» не осуществился.

Горючего до Кордеи хватит, капитан решил не тратить его почем зря, ломясь через Лес наугад, а дожидаться, когда или Куто оклемается, или облака расползутся и штурман сможет проложить курс. Второе вряд ли, мы ворожили на погоду, и вышло, что это неохватное облачное стадо в ближайшие месяцы полтора трогаться с места не собирается.

Куто Бочка разметался на койке, его удерживают страховочные ремни, пропущенные через торчащие по бокам скобы. Раскрасневшийся, опухший, мордастый, густо заросший черновато-седым волосом. Время от времени мычит, словно слыась что-то сказать.

Из-за перегородки доносится кашель Эберта, надсадный, безнадежный, рвущий бронхи и легкие. Двадцать три года, потомственный работник Трансматериковой компании, на лицо симпатичный — во всяком случае, был, пока не заболел, на него даже Инга посматривала с интересом. Уже не актуально. Все, чем наделила его судьба, сошло на нет из-за того, что ста-

рому алкашу втемяшилось набраться, не дотерпев до окончания рейса.

Я давно разучился завидовать. У каждого что-то есть, и чем кусать локти из-за чужих даров, лучше уделить побольше внимания своим собственным, пока они не утекли, как вода в песок. Впрочем, насчет «разучился» бессовестно привираю, это не моя персональная заслуга. Джазмин отучила, и это было первое, чем она занялась, взяв нас с Ингой под крыло. А то, знаете ли, нет ничего хуже завидущего колдуна.

Кое-как пристраиваю задницу на неудобном откидном сиденье возле Бочкиного изголовья. Вытаскиваю из кармана флакон с «зельем проникновения», делаю глоток, заранее скривившись. Противно. Пакостно. Одна радость, что глотка достаточно. Был бы я прирожденным менталистом, мог бы вторгаться в потемки чужой души за просто так, а иначе — каждый раз принимай эту дрянь. Теперь закрыть глаза, посторонние мысли вон из головы. На все есть свои причины, и если добраться до корней душевного расстройства Куто, возможно — не наверняка, всего лишь возможно — удастся вытянуть его из дебрей кошмаров и забыть в нашу реальность с застрявшим посреди Леса караваном.

...Что-то рваное мельтешит, потом под сомкнутыми веками как будто вспыхивает резкий белый свет — похоже на взрыв. Ого, раньше такого не наблюдалось... Женщина кричит в истерике: «Лучше бы ты сгинул, а он вернулся!» Черно-белая картинка, дерганая, как на киноэкране, когда аппаратура барахлит: заснеженная поляна, стая саблезубых собак кого-то рвет — вид сквозь мутноватое стекло, из машины. Снова зареванная женщина: «Убирайся, это из-за тебя! Ты виноват!» Вслед за этим приходят эмоциональные ощущения, да такие знакомые...

Вот оно. То самое, что называют *резонансом*.

Царство сугробов и раскидистого елажника, уходящего колючими вершинами в облачную кашу. Холодно, изо рта вырывается белый пар. И внутри у меня тоже все заледенело. Зачем я потащился в Лес — за сужабником для Эберта или за смертью?

Иду по тропинке, навстречу гуськом плетутся те, кто ходил искать колею. Физиономии возбужденные, но не радостные. Нашли вездеход с выдавленными стеклами, до половины похороненный под снегом, и больше никаких следов. Либо солдаты отстали от своих и заблудились, либо кесу их наголову разбили — и, значит, для нас с этих страшных находок никакого проку.

По-деловому бормочу насчет сужабника, отступая с тропинки в глубокий снег. Ни на кого не смотрю. Они слишком устали, чтобы заметить неладное. Направляются к машинам, а я — в противоположную сторону, куда глаза глядят. На душе так скверно... Это ведь я утробил караван.

У Куто давным-давно случилась похожая ситуация, из-за этого мы с ним *вошли в резонанс*. Мои переживания по поводу эпизода с последкой зацепили и потащили на поверхность аналогичную историю из его прошлого.

Как я понял, они с приятелем не поделили девушку, и, когда на того парня напали саблезубые собаки, Куто укрылся в машине и не стал стрелять — вроде как я не защитил мороком Сулосена и Щагера. Девчонка обвинила его и прогнала с глаз долой, после этого он начал пить. Сколько лет миновало? Больше двухсот, это точно, он же из подвида С, а тогда был совсем молодой. И все это время изводился хуже, чем я, потому что девчонку любил, а погибший был до соперничества его другом. Куто маялся, но держался, заливал муку алкоголем, однако резонанс его подкосил. Я же колдун, так что получились непреднамеренные чары.

Я должен рассказать об этом Джазмин. Я не могу рассказать об этом Джазмин. Из-за меня все пропадут, но даже если я сознаюсь насчет резонанса, это никого не спасет, так разве обязательно рассказывать?

Под хвойными сводами царит сумрак и снежная стылая тишина. Озираюсь, высматривая сужабник — нитевидные побеги с почками красновато-шоколадного цвета: если верить справочнику, они должны свисать с лиан, похожих на толстые задубевшие веревки. Пока ничего не свисает.

Единственное, что я могу сделать в нынешних обстоятельствах, застывших и насквозь замороженных, под стать окружающим декорациям, — это хотя бы найти сужабник для

Эберта. Ему станет чуть-чуть полегче, и мне с моими угрызениями тоже. Остальное не в моей власти, погубить проще, чем исправить. К Куто мне на выстрел подходить нельзя, так что разговора с Джазмин все-таки не миновать.

Думаю, все заварилось тем вечером, когда мы Бочкой стояли возле похожей на самоходную крепость таран-машины и смотрели на темно-розовый закат, сквозящий за редколесьем впереди по курсу. Облака громоздились на востоке, они упорно ползли следом за нами, но пока еще не успели захватить все небо. Куто возьми да скажи, что здесь водятся каларны, а я возьми да вспомни, что мать Урии Щагера ходила с пятнистой коричневой сумочкой из каларновой кожи. Поневоле начал обо всем этом думать, как обычно, словно у меня в голове включили проигрыватель: я же не хотел ничего плохого матери Щагера, мне только от него надо было избавиться, а вышло, что всем жизнь поломал. Видимо, тогда между нами и случился резонанс, потому что Куто запил на следующий день.

На громадной лапчатой ветке поблескивает пригоршня хрустальных звездочек. Высоко, не дотянешься, а то снял бы шерстяную перчатку двойной вязки — и прощайте, все мои проблемы. На солнце чешуя ледяной змеи отсвечивает радужными переливами, красота редкостная, но в пасмурный день еще лучше: волшебное мерцание посреди мышиноного сумрака, словно перезвон колокольчиков, так и тянет подойти, протянуть руку... Изящная змейка похожа на безделушку из кесуанского или шарадского хрусталя, а яд этого прелестного создания убивает за два-три часа. Прохожу мимо.

В поле зрения по-прежнему никакого сужабника, но Хорхе здесь уже смотрел, надо зайти дальше. Найду целебное растение — вернусь по своим следам, не найду — не вернусь. Эта мысль в тот момент показалась мне правильной.

Тропа вывела на поляну с мертвецами. Их положили рядом и прикрыли срезанным лапником, воткнув в изголовье связанный из двух прутьев крест. О жутком происшествии напоминают втоптаные в снег обрезки одежды.

Сворачиваю туда, где ветви над головой перекрывают друг дружку в несколько ярусов и потому сугробы не слишком глубокие. Через некоторое время впереди как будто распаивается призывно белеющее окно: серые стволы расступились, на

открытом пространстве вздымаются устрашающие снежные холмы, посередине торчит верхняя часть заметенного вездехода, а вот и лыжня, оставленная караванщиками. Тут тоже нечего ловить: как утверждает справочник, «сужабник произрастает на лианах семейства мерзлотников в тени сомкнутых крон хвойных гигантов».

В полной тишине смотрю на бесславно утонувшую в снегу армейскую машину. Могу поручиться, что в полной, и когда совсем рядом незнакомый голос произносит: «Что тебе здесь понадобилось?» — чуть не подскакиваю на месте.

Скорее всего этот парень с самого начала прятался за деревом, не мог же он подобраться настолько бесшумно. Я все время прислушивался, а то ведь здесь, кроме ледяных змей, еще и каларны водятся!

Оторопело смотрю на него. Не из каравана, это я понял сразу, хотя далеко не всех наших знаю в лицо.

Высокий, плечистый — в драку на кулаках, без магии, я бы с таким не полез. Мохнатый полушубок из медвєраха-альбиноса и шапка, пошитая, видимо, из остатков того же меха. Шкура редкого зверя стоит бешеных денег, а он, вместо того чтобы загнать ее, справил себе одежду, это говорит о многом.

Резкие злые черты худощавого лица, недружелюбные голубые глаза, презрительная линия губ. Злой — вот самое подходящее слово. На поясе сумка и охотничий нож, наискось через грудь перевязь с метательными штуковинами, над левым плечом торчит рукоятка меча. Вся эта экипировка и натолкнула меня на неверный вывод. Наш брат маг не любит таскать на себе лишний металл — лениво, и я принял его за простого охотника. За хорошего охотника: если вышел на промысел не с ружьем, а с одним только заточенным железом, это кое о чем говорит, как и белый медвєраховый полушубок на зависть городским франтам. Хотя, может, у него просто дробь закончилась, и никакой тут из ряда вон крутизны.

Пока я глазел на него, он меня тоже рассматривал, оценивающе и неуважительно. Возникшую по этому поводу законную обиду смело озарение: раз парень забрался в такую даль и от Кордеи, и от Магарана — он наверняка знает дорогу!

Выражение неземной радости на моей физиономии его озадачило.

— Чему радуешься?

— Хочешь заработать?

— И что ты можешь предложить?

— Ты ведь тут всяких луниц и других белок добываешь, да? Нам нужен проводник до Кордеи. Насчет оплаты поговорим с капитаном. Пошли!

— Если вам что-то нужно, это еще не значит, что мне нужно то же самое.

Его незаинтересованный тон меня взбесил.

— Ты что, не понимаешь, караван с пути сбился! Поможешь — заплатят, не захочешь — заставят.

— Уже заставляли, плохая была идея. Хочешь присоединиться?

— К кому? — растерялся я.

— Вон там лежат, отдыхают. Ты ведь притащился с той стороны, разве не видел?

До меня дошло.

— Это ты убил военных? Да за это...

Я оборвал фразу, решив не тратить силы на ругань: лает тот, кто не может укусить. Свяжу мерзавца чарами, и как маленький пойдет. «Лягушка в желудке» — заклинание на самом деле безвредное, но пугает до колик: ощущения один к одному, будто проглотил взбесившуюся лягу и она рвется на волю.

Смотрю на собеседника в ожидании результата, а он, вместо того чтобы вопить и кататься по снегу, паскудненько так ухмыляется. А потом как оно запрыгает у меня в желудке! Я взвыл не своим голосом, но вовремя опомнился и погасил заклинание, как учила Джазмин. Итак, парень не контрабандист, в обход закона ведущий меновую торговлю с кесу, и не охотник на ценного пушного зверя, а наш (вот уж повезло) коллега.

Блеванув на снег — прощальный спазм таки заставил меня расстаться с гречневой кашей, — я утер рот и выдавил:

— Зачем тебе столько железяк, если ты колдун?!

Он презрительно вздернул светлую бровь:

— Ты же видел зачем. Хочешь наглядную демонстрацию?

Тусклый взблеск выдернутого из-за спины короткого меча. Треск распоротой материи. Я попятился и ахнул навзничь в сугроб, ожидая, что сейчас меня прикончат — или не сразу прикончат, сначала будут долго кромсать, — а в горле за-

стрял горький ком с привкусом рвоты, и в душе какой-то тоскливый провал вместо страха, и седые вершины елажника слегка покачиваются высоко-высоко под облачными сводами. И, потихоньку холодея, улываешь прочь из этой жизни...

Пинок по ребрам. Приглушенный снегом, поэтому не слишком болезненный.

— Вставай и топай к своему каравану, — процедил мой противник. — Или окоченеть тут собираешься?

— А если собираюсь? Ты против?

Угораздило же меня нарваться на субъекта из тех, кто всегда не прочь переломить чужую волю. Не знаю, как бы он себя повел, полезь я в драку или начни просить пощады. Возможно, сделал бы вид, что собирается меня убить. А может, и убил бы, как тех двух солдат, кто ж ему запретит? Но охватившая меня апатия спровоцировала другую реакцию. Ага, захотел умереть? Значит, не видать тебе скорой смерти!

Меня за шиворот выдернули из сутроба, надавали оплеух и толкнули под сень елажника, точно по направлению к нашей стоянке.

Снова применить чары я не рискнул, слишком легко он перехватил и направил обратно мое первое заклинание.

Поплелся обратно, придерживая обеими руками края длинной косой прорехи на груди, а то холод пробирал до костей. Этот подонок вспорол мою несчастную одежду с хирургической точностью: и куртку с меховой подкладкой, и джемпер, и фланелевую рубашку, и нательную фуфайку, — но кожи не задел. Кожа покрылась гусиными пупырышками, еще и за шиворот набился снег. Я шел так быстро, как только мог, и под конец уже всю лязгал зубами.

Не обращая внимания на оторопелые взгляды охранников, кое-как отряхнулся, забрался в наш фургон, постучался в купе. Джазмин, дернул фанерную дверь, скользящую на полозьях, и ввалился внутрь. По «Правилам для пассажиров» в первую очередь следовало поставить в известность об инциденте помощника капитана, но мы, маги, можем иногда пренебречь правилами.

Джазмин с Ингой пили красный чай с живжебицей — сильнодействующий стимулятор, на столике перед ними ле-

жала одна-единственная распечатанная пачка печенья: продукты решено экономить.

— С деревьями в Лесу дрался? — ехидно осведомилась Инга.

Джазмин шевельнула узкой смугловатой кистью в привычном жесте, означающем «заткнись, милая», — и потребовала:

— Матиас, сними верхнюю одежду, налей себе чаю, садись и рассказывай.

Я рассказал. Глаза наставницы, отливающие чернотой спелой черешни, обрадованно вспыхнули.

— Хорошо, детишки, собираемся — и пошли. Матиас, бегом почини свою куртку, я вас этому учила.

— Мы пойдем его ловить? — спросила Инга.

Испугалась, это заметно. Не такая уж она смелая, несмотря на свои излюбленные рассуждения о силе и крутизне.

— Пойдем договариваться. Я знаю, кто это. Надеюсь, он не откажет нам в помощи, несмотря на дипломатические достижения Матиаса.

Инга торжествующе зыркнула в мою сторону, но я не обращал на нее внимания, потому что возился с порезанной курткой. А на шпильки Джазмин я никогда не обижаюсь: все равно она добрая, этого не спрячешь и не отнимешь.

Прореху зарастил кое-как. Больше всего это напоминало келоидные рубцы, только не на живой плоти, а на толстой драповой ткани и меховой изнанке. Сразу видно, что без волшбы не обошлось, только оно скорее недостаток, чем достоинство, любая швея сделает лучше. С остальным возиться не стал, переделся в запасное — и мы пошли.

Остановившись на краю поляны с вездеходом, Джазмин осмотрелась и отправила в дремлющую глухомань заклинание зова. Оно у каждого свое. У нашей наставницы — похоже на обрывок джазовой мелодии или неоновый росчерк, плывущий через цветные сумерки вечерней улицы.

Лесной мерзавец заставил себя подождать. Джазмин стояла, кутаясь в шубу, а мы с Ингой, чтобы согреться, затеяли играть в снежки. Когда он появился — как и в прошлый раз, внезапно и бесшумно, — я поневоле на него уставился, и Инга, воспользовавшись моментом, залепила снежком мне в лоб.

— Здравствуй, Валеас, — улыбнулась Джазмин.

— Здравствуйте, — отозвался гость — и умолк, с интересом ожидая, что еще ему скажут.

Я только сейчас хорошенько рассмотрел его обувь — ке-сейские меховые мокасины — и обратил внимание на походку — по глубокому снегу он ступал, как по тротуару, не проваливаясь, хотя весу в нем должно быть побольше, чем во мне. Не отказался бы я научиться таким чарам, чтобы не барахтаться каждый раз по сугробам. Или это специфически лесная магия? Так ведь даже Джазмин не умеет.

— Познакомься, мои ученики — Матиас, Инга. Караван остался без следопыта, и нам очень нужна твоя помощь.

— У вас есть кому вывести караван. — Валеас неприятно ухмыльнулся. — Поищите среди пассажиров. Или вы не в курсе, кто с вами едет?

— У нас есть кому пронаблюдать до конца, как люди погибнут от голода и холода. — В голосе Джазмин прорвалась горечь, а Инга нахмурилась и приоткрыла рот, словно хотела перебить ее, выпалить что-то протестующее, я же ничего не понимал. — Речь не об этом, а о помощи живым, чтобы они смогли жить дальше. Прошу тебя, Валеас, ради памяти Изабеллы... Она бы не отказала.

— Ага. Мать не отказывалась делать добро — и что с ней стало? Хотя ладно, я подумаю.

— По поводу этого, — Джазмин, едва заметно вздохнув, кивнула на вездеход, торчащий из снежной целины, — не беспокойся. У военных своя политика, у Трансматериковой компании своя. Караванчики не станут допытываться, что здесь произошло.

— Те два придурка на меня напали. Потребовали, чтоб я отвел их к себе на займку, а у меня там ограниченный запас жратвы, личное барахло и красивая девушка, только их туда пусти... Я предложил посмотреть, чья возьмет. — Рассказывает с ухмылкой, следя за нашей реакцией. — Что осталось, вы видели.

— Можно было сохранить им жизнь, — вполголоса, под нос, бормочет Инга.

— На кой они мне сдались? Еще корми дармоедов, а дичи сейчас негусто... Так они хоть поляну украшали, пока вы не пришли.

— Олимпия тоже здесь? — поинтересовалась Джазмин. — Буду рада повидаться. Я с ней познакомилась на похоронах Изабеллы, славная девочка. Валеас, еще одна просьба, если у тебя найдутся почки сужабника — пожалуйста, захвати с собой. У нас один молодой человек подхватил пневмонию. Капитан с тобой рассчитается.

Несимпатичный лесной колдун хмыкнул и, не прощаясь, исчез за деревьями.

— Думаете, он придет? — спросил я с порядочным сомнением.

— Скорее всего, — отозвалась наставница.

Ее опять пошатывает, мы с двух сторон ее поддерживаем.

— Помните историю о девочке из другого измерения, которая оказалась лесной колдуньей? — Из-за поднятого пушистого воротника голос Джазмин звучит приглушенно. — Это и есть Олимпия, о которой я говорила.

Еще бы не помнить, в магических кругах история известная и притом совершенно невероятная. У двадцатилетней туристки с Земли Изначальной обнаружили задатки лесной ведьмы — раньше считалось, что для этого надо родиться на Долгой, а теперь оказалось, что вовсе не обязательно. Был конец лета, порталы один за другим закрывались. Девчонка вернулась в родное измерение, но ее тянуло обратно, и окончательное решение она приняла в последний момент. Каким-то чудом прорвалась на своей стороне через оцепление и ринулась в портал, который уже находился в процессе схлопывания, — представляете, да? Это могло закончиться скверно, однако ей фантастически повезло: выпала оттуда не в виде фарша, а живая и почти невредимая, не считая изодранной в клочья одежды и сплошных ссадин. В общем, счастливо отделалась.

— Валеас и Олимпия — ученики Текусы Ванхи, старшей лесной колдуньи.

— А кто такая Изабелла?

— Мать Валеаса. Тоже лесная, и тоже училась у Текусы. Ее убили в конце осени, полтора года назад.

Припоминаю: ага, Джазмин тогда ездила на какие-то похороны, оставив нас Ингой на одном из складов в Дубаве. Уже

лег первый снег и вовсю шла консервация последнего урожая, так что работы для магов хватало.

— Почему — убили? — удивляюсь с некоторой задержкой. — Кто?

— Ох, она узнала что-то, чего не следовало узнавать. И позволила себя убить. Лесного колдуна в Лесу никто не найдет, если он сам того не захочет, но Изабелла Мерсмон не стала уходить и прятаться. Опасалась, что они тогда возьмут заложников, и поэтому дождалась убийц у себя дома.

Инга издает невнятный звук, словно из души у нее рвется особое мнение, а я снова спрашиваю:

— Кто?

— Высшие. Матиас, никогда с ними не связывайся.

О Высших мало что известно. Даже Джазмин нам почти ничего о них не рассказывала. Нестареющие маги, на порядок могущественней всех остальных, с невысказанными способностями к регенерации — практически полубоги. Вот интересно, как становятся Высшими — или это у них врожденное? Я ведь даже такой малости не знаю.

Вспоминаю фразу, оброненную сволочным лесным колдуном, и вспыхивает догадка:

— Тарасия Эйцнер — Высшая?

Джазмин молча кивает.

— Если б она согласилась вывести караван, Трансматериковая расплатилась бы, разве нет? Она же вместе с нами тут пропадет... Почему капитан с ней не поговорит?

— Она не пропадет. А капитан понимает, что это бесполезно.

— Если люди будут каждый раз получать помощь, они развиваться перестанут, — сердитым голосом выдает Инга. Без запинки, словно отвечает заученный урок.

— Так она бы хоть Эберту помогла, что ли, какое там дальнейшее развитие, если он загнется от пневмонии посреди Леса!

— Матиас, это как на экзамене: одни сдают, другие вылетают. — Инга поворачивается в мою сторону, ее глаза воодушевленно светятся.

— Какой еще экзамен, если и для каравана и, в частности, для Эберта речь идет о жизни и смерти...

— Все, Матиас, хватит на эту тему, — ровным утомленным голосом окорачивает меня Джазмин.

Осознаю и замолкаю. Я же трус, никуда не денешься. Боялся отца, боялся Щагера и Сулосена. Валеаса этого не испугался по-настоящему только потому, что в тот момент не хотел жить и он показался мне подходящим орудием для достижения цели. Сейчас суицидное настроение уже прошло, и я быстро схватываю: Изабелла Мерсмон чем-то не угодила Высшим и умерла, я тоже смертен, следовательно... Да, следовательно, надо держать свои соображения при себе. Какая разница — нравится, не нравится, если все равно ничего не изменишь?

— Мы должны расти, а если каждого заплутавшего выводить за ручку и каждого заболевшего лечить, никакого роста не будет! — Инга продолжает прилежно рассуждать, эхо ее звонкого голоса гложет в морозной тишине под заснеженными хвойными сводами. Отмечаю все сомнительные связи в ее аргументации, но помалкиваю, как велено.

Я тогда решил, что больше не буду принимать ее всерьез. И, как выяснилось немногим позже, сделал еще одну чудовищную ошибку.

Когда выходим к каравану, она сразу устремляется к фургону первого класса, где обитает госпожа Старый Сапог. Джазмин провожает ее ничего не выражающим взглядом и поворачивается ко мне:

— Матиас, насчет помощи Валеаса — это еще надвое, поэтому обнадеживать капитана я пока не буду. Сейчас поработаешь с Куто, хорошо?

— Я не могу.

— В чем дело? — Она вытаскивает тонкую сигарету с серебряным обрезом и смотрит на меня с тревожным недоумением. — Что ж, если так сильно устал, можешь часок отдохнуть.

С трудом мямлю:

— Я вообще не могу... Потому что...

Рассказываю о последке и о резонансе. Это занимает довольно много времени, она успевает выкурить три-четыре сигареты, нервно затягиваясь и роняя пепел на свою серебряную шубу. Пальцы у нее все сильнее дрожат.

— Хорошо... — произносит она свистящим шепотом после

долгой паузы. — Хорошо, Матиас, что ты хотя бы сам понимаешь, что натворил.

Киваю. Молча. А что тут скажешь?

— Есть какие-нибудь идеи? — Голос у нее непривычно тусклый, почти безжизненный.

— Наверное, меня надо судить. Наверное... Судом магов, потому что по обычным законам я невиновен. Приму приговор, каким бы он ни был.

— И после этого тебе станет легче, верно? — безжалостно заканчивает Джазмин. — Для суда магов нужен кворум, как минимум четверо. К Куто не ходи. Буду сама с ним работать, если этот лесной разбойник нас не выручит. Теперь хотя бы причина известна, уже что-то.

Сутки проходят, как в дурном сне. Джазмин не стала позорить меня и всем объяснять, почему я отстранен от работы с Бочкой. В результате Инга решила, что Матиаса переутомление одолело, силы истаяли, и задрала нос к самым облакам: она круче. Наверняка уже успела похвастаться перед Старым Сапогом. Ну и наплевать.

Я делю купе с коммерсантом из Танхалы, похожим на квелого мотылька, не успевшего найти себе щель для спячки, все пассажиры такие из-за чар Джазмин. Выбираюсь наружу только по нужде. Иначе, боюсь, увижу Тарасию Эйцнер, выжидающую, когда мы подышать начнем, и меня невежливо перекосит. Знаю, кто бы говорил, сам подлец, но я хотя бы понимаю, что я подлец, и моя душа из-за этого места себе не находит, а Старому Сапогу хоть бы что. Она Высшая, она выше этого.

Избегая встречаться взглядом с сонными рыбьими глазами зачарованного соседа, смотрю в забранное стальной сеткой окно. Снег в пятнах подмерзших помоев, поломанный кустарник, дальше темнеет сплошная стена елажника. На стекле по краям наледь: обогрев работает в полмощности, чтобы аккумуляторы протянули подольше.

На мне многострадальная куртка, шея замотана шарфом, иначе зуб на зуб не попадает. Смешно, да? Остался не при деле и все равно не могу согреться, а еще кодуном называюсь.

С тупой тоской вспоминаю «Кофейню-на-Бугре». Подне-

бесный переулок прячется среди тесно сдвинутых домов с крутыми черепичными крышами. Узкие тротуары, булыжные мостовые, на всем налет легкой запущенности, придающей местечку ностальгический шарм. На столбах сидят пузатые стеклянные лягушки в железных шляпах — ни в каком другом уголке Танхалы я больше не видел таких фонарей. Чтобы попасть в кофейню, надо подняться по истертой лестнице из розоватого камня, свернуть под арку, обрамленную обветшалой пышной лепниной, и тогда в небольшом проходном дворе увидишь дверь под вывеской из фальшивой бронзы. Какой там кофе разных видов, и классик, и капучино, и гясе, и с пряностями, и по древним староземным рецептам... Какой сногшибательный горячий шоколад, какие десерты, какая выпечка! Окна выходят на другую сторону: вид с пригорка на уютный квартал, напоминающий, говорят, старинные европейские города, какие были давным-давно на Земле Изначальной. На Поднебесный переулок я набрел случайно, когда знакомился с Танхалой, и на Магаране все мечтал: вот вернусь в столицу — и снова буду хотя бы раз в неделю захаживать в «Кофейню-на-Бугре».

Никуда я не вернусь. Утонули мои мечты в сугробах посреди Дремучего Леса.

Стук в расхлябанную фанерную дверь.

— Матиас, выходи! — Голос у Джазмин уже не такой тусклый, как при нашем вчерашнем разговоре. — Пойдем гостей встречать.

Сказать по правде, не верил я в это, но иногда случается даже то, во что не веришь.

Получив магическое послание, Джазмин предупредила караванщиков, чтобы не вышло вдругорядь какой неувязки, и, когда мы втроем двинулись навстречу визитеру, вслед нам смотрел сам капитан с помощниками. Стояли возле машин, за компанию никто не потянулся. И правильно, а то мало ли как оно повернется.

Мне показалось, что Тарасия Эйцнер тоже наблюдает за нами из окошка фургона первого класса, сквозь расписные жалюзи. Кто ее разберет.

Бредем по усыпанной редкими хвоинками тропе, над голо-

вой проплывают страшноватые гирлянды седого лишайника и путаница черных лиан, смахивающих на канаты под куполом цирка. Мерещится мне — или тут и в самом деле все каждый раз выглядит немного по-другому, словно на тех картинках, где нужно найти энное количество отличий? Ледяной змейки на прежнем месте уже не видно. На снегу валяется расклеванная шишка величиной с кулак, вчера ее не было.

— Тихо! — Джазмин делает знак остановиться.

Из-за деревьев доносится скрип шагов, все ближе и ближе. Ага, вот они! Скотина Валеас явился не один, с ним девчонка в серой медвежиховой шубке и пушистой шапке из серебристой луницы. Из-под длинной соломенно-пепельной челки с любопытством смотрят серые глаза, живые, дерзкие, с хитринкой. На ней тоже меховые мокасины и в придачу кесейские снегоступы: не умеет ходить по сугробам, не проваливаясь, как ее приятель. Симпатичная.

Когда я хорошенько рассмотрел Олимпию, моя неприязнь к Валеасу стала острой, как бритва: не заслуживает этот облом такой девушки! Я вообще-то терпимый, нечасто бывает, чтобы кого-то возненавидел. Щагер и Сулосен не в счет, они были мразью, это я и сейчас повторю, хотя и чувствую себя виноватым перед их близкими. А вчерашний день разбередил то, что раньше лежало в уголке моей души, словно куколка медузника, до поры до времени похожая на сморщенный лаковый стручок длиной с ладонь, нисколько не страшный. Меня распирало желание одержать верх. Ответишь, позер долбанутый, за располосованную куртку. Ладно, махать мечом ты умеешь получше, чем лесные пехотинцы, а как насчет магического поединка? Говоря по правде, только благодаря этому чувству я тогда и продержался, иначе мысли о том, что я натворил, перемесили бы все у меня в голове до полного бедлама. Встретить подходящего врага — это иной раз так же хорошо, как найти друга.

Олимпия бойко и приветливо поздоровалась с Джазмин, обменялась оценивающими взглядами с Ингой, кокетливо усмехнулась мне. Сразу, наверное, отметила, как я на нее вылутился.

Мы пошли к стоянке. По дороге случился инцидент, еще больше настроивший меня против Валеаса. Тот внезапно вы-

дернул из перевязи нож и метнул в гущу хвойных лап, так быстро и с такой силой, что самого движения я почти не заметил, только услышал, как свистнуло в воздухе, и увидел, как Инга шарахнулась в сугроб — решила, что это нападение. Джазмин осталась невозмутима.

Зашуршали ветви, за стволами елажника что-то шмякнулось в снег.

— Сходи, — бросил Валеас, полуобернувшись к своей девушке.

Та без единого слова нырнула под угрожающе растопыренные хвойные лапы.

Инга сердито отряхнулась, независимо вздернув подбородок — мол, не подумайте чего, люблю иногда побарахтаться в сугробах, — и кинулась догонять лесного колдуна и Джазмин. Я остался подождать Олу. Мне очень не понравилось, что она сразу послушалась этого кама, и еще не понравилась его меткость: швырнуть нож на еле различимый звук и попасть в цель — это надо суметь, это ощутимо портит настроение. Следом за Олой я не полез, нечего там делать без снегоступов. Стоял, слушая шорохи, и чувство было такое странное, словно у меня нет будущего, только бесконечно длящийся настоящий момент, после которого может наступить все что угодно.

Олимпия выбралась на тропинку, держа в одной руке метательный причиндал, в другой, за когтистые лапы, тушку пузатой, как шар, птицы с бурым оперением, величиной с крупную курицу. Снова улыбнувшись мне, сбросила висевший за спиной рюкзачок и сноровисто упаковала добычу.

Я заметил:

— Он мог бы и сам сходить.

— Разделение труда, — возразила девушка, затягивая тесемки. — Вал бьет дичь, я на подхвате. Я же не умею охотиться, нипочем так не попаду. В одиночку я тут хочешь — не хочешь села бы на диету.

— Я слышал, вы можете приманивать лесных животных, чтоб они сами шли в руки. Почему он, вместо того чтобы вас гонять, просто не позвал эту птицу?

— Если хочешь, давай на «ты». А этот прием, о котором ты говоришь, не для убийства. — Она ловко продела руки в лямки рюкзака, я даже помощь предложить не успел, подобрала и на-

тянула перчатки. — Если нам нужна шкура или мясо — мы охотимся, а если зовем — значит, понадобилась служба и смерть рядом с нами не стоит. Вначале я тоже задавала такие вопросы. Пошли.

Когда мы вышли к машинам, Джазмин, Валеас и капитан беседовали особняком от остальных. У меня сложилось впечатление, что вовсю идет торг: ага, он еще и несусветую цену за свою распрекрасную помощь заломил! Очень хочется, чтобы все поскорей уладилось, но моего враждебного отношения к Валеасу это не отменяет.

Инга куда-то ушмыгнула. Наверняка в гости к Старому Сапогу.

— Матиас! — окликнула Джазмин и, когда я подошел, распорядилась: — Проводи сейчас Валеаса к Эберту. Куто не беспокоить, понял?

Само собой, понял. Я должен *закрыться*, чтобы не усилить ненароком резонанс, хотя, боюсь, и так уже дальше некуда.

Приглашающее кивнув, потопал к фургону с красным крестом. Возле машины оглянулся: к капитану и Джазмин присоединились оба капитанских помощника с врачом, и они все вместе что-то обсуждают, негромко, но бурно. Какую же сумму этот подлец затребовал?

Перед тем как ухватиться за скобу возле двери, интересуюсь:

— Если не секрет, сколько возьмешь за работенку?

Тон у меня самый невинный, а на уме вертится фраза насчет сквалыг, которые за копейку сами удавятся и других задавят: оброню чуть позже, якобы просто так.

Честно сказать, на ответ не особо рассчитываю и, когда он цедит цифру, застываю столбом перед металлической лесенкой. Нет, не чары, просто перестаю что-либо понимать. Сумму-то он назвал вполне божескую по меркам Трансматериковой компании: насколько я знаю, следопыт у них за рейс Магаран — Кордея примерно столько и получает. С чего тогда торговались? Неужели капитан жмотится во вред и себе, и всему каравану?

Из оцепенения меня вывел, стыдно сказать, подзатыльник. Я чуть не ткнулся носом в рифленую ступеньку.

Оторопело поворачиваюсь, а он, как ни в чем не бывало:

— Долго собираешься медитировать?

Не сцепился я с ним только потому, что в нашу сторону смотрела Джазмин. И так уже напортачил выше крыши, и если, в довершение, полезу в драку с парнем, который, несмотря на свой сволочный нрав, реально может нас выручить, — грош цена мне будет.

Забираемся в фургон. Куто не спит, из-за перегородки доносится воинственное мычание. Угадав нужную дверь, Валеас как есть в полушубке и при своих железках вваливается в инфекционный бокс.

Пытаюсь его остановить:

— Куда лезешь, ты же не стерильный!

— Когда надо, стерильный.

На шум высовывается фельдшер. Опоздал, надо было раньше не пускать.

Эберт спит, слипшиеся волосы наполовину закрывают бледное исхудавшее лицо. На подушке и на пододеяльнике старые и свежие пятна крови. На столике скомканное полотенце, крошки, миска нетронутой овсянки, граненый стакан в тяжелом блестящем подстаканнике, с мутью недопитого компота. На дне стакана угадывается какой-то размокший фрукт — то ли ломоть груши, то ли черносливина. В сочащемся сквозь заледенелое снаружи окошко сереньком свете этот натюрморт смотрится до того безнадежно... Спертый запах лекарств, несвежего белья и близкой смерти. Знаю, это я виноват. Даже как-то не до Валеаса становится.

Он протягивает руку и убирает волосы с лица Эберта. Больной от этого бесцеремонного жеста просыпается, щурит заплывшие воспаленные глаза, тут же заходится в диком кашле, и тогда Валеас кладет пятерню ему на горло.

Моя первая мысль: что делает, гад... Пытаюсь его оттащить, тогда он другой рукой, не глядя, меня тоже хватает за глотку. Сбоку суется и что-то говорит фельдшер, за стенкой мычит Куто, а у меня звенит в ушах, и думается: вот сейчас придушит обоих, Эберта — чтобы не кашлял, меня — чтобы не мешал душить Эберта...

Когда он разжал пальцы, я так и сполз по стенке на корточках и схватился за ноющую шею.

— Спасибо, — доносится из бокса слабый голос Эберта. — Теперь лучше... Спасибо вам.

— Я сделал, что мог, — небрежно бросает Валеас фельдшеру. — Тут сужабник, заварите для него.

Тот обеими руками хватает пакет с драгоценным лекарственным растением и тоже бормочет что-то признательное, а после, когда хлопает дверь фургона, спрашивает:

— Э-э, Матиас, вам нужна медицинская помощь?

— Нет! — хриплю яростно и пристыженно. — Я пойду...

Напоследок вижу, что Эберт, неуклюже усевшись на постели, за раз выхлебал компот и набросился на овсянку. Рад за него, словно гора с плеч, хотя на душе пакостно: почему выдающиеся способности иной раз достаются тем, кто их вовсе не заслуживает?

Интересно, это у меня разыграла недобитая зависть или протестует чувство справедливости?

Когда выбираюсь, все еще сорванно дыша, из медфургона, первым делом вижу Ингу.

— Ты чего такой встрепанный? Что-то не так с больными?

— С ними все нормально. — Не буду радовать ее тем, что мне только что чуть шею не свернули. — Не знаешь, из-за чего спорят? — киваю на группу возле головных машин. — Он же запросил обычный для следопытов гонорар, если не врет.

— Кроме денег, он потребовал заложника.

Я присвистнул.

— Ни фиги себе... Ну и дурак! Это же не лесная пехота, а Трансматериковая компания — дельцы и дипломаты, для которых худой мир всяко лучше конфронтации.

— Второй помощник капитана вызвался остаться, а этот его забраковал. Сказал, сам заложника выберет.

— Он, часом, не охренел?

Инга выразительно хмыкнула и пожала плечами. На сей раз мы с ней сошлись во мнениях. Второй помощник капитана, строгий пожилой дядька с бакенбардами и вислыми усами, самая подходящая фигура, чтобы стать гарантом безопасности зарвавшегося вольнонаемного провожатого. Валеас, что ли, забеспокоился, что его сдадут властям за убийство тех солдат или силком заставят подписать контракт с Трансматериковой, чтобы и дальше на нее работал? Так они же не идиоты — выки-

нуть подобный фокус с лесным колдуном, тем более таким отъявленным отморозком. И по-любому помощник капитана — идеальная кандидатура, кого еще ему надо... Тут мои мысли перескакивают на другое: а ведь гарант безопасности останется с Олой! Вполне себе здорово, если только для пущей надежности в каменную статую не превратят.

Олимпия бродит вдоль автоколонны, разглядывая машины, глаза лукаво блестят из-под пепельно-пшеничной челки. Подхожу и напрямик спрашиваю:

— На заложника будут наводить чары окаменения?

— Еще чего не хватало. — У нее вырывается фыркающий смехок.

— Тогда я согласен остаться. Как бы еще Валеаса убедить...

— Ой-е... Матиас, ты уверен, что действительно этого хочешь?

Она смотрит как будто с легкой обидой, наполовину наигранной, наполовину настоящей.

Не понимаю, в чем дело, но сердце сжимается. Уже начинает темнеть, пасмурная мгла угрожающе загустела, и к ней примешивается розоватый оттенок, хотя в облачном панцире не видно ни единой прорехи. Я снова мерзну, а Ола, кажется, нет.

— Это из-за того, что я спросил, почему вы не подманиваете животных, когда охотитесь? Не подумав ляпнул, честное слово. Я буду во всем тебе помогать по хозяйству и что-нибудь рассказывать, чтоб не было скучно. Добывать дичь я не умею, но попробуем договориться, чтобы нам оставили консервов из запасов каравана.

— Балда! — Ола неожиданно смеется. — Это же я поеду с караваном, а Валеас останется здесь. То-то я удивилась... Если хочешь со мной пообщаться, никуда не девайся, понял?

— Так заложник ему нужен, чтобы с тобой ничего не случилось?

— Будем считать, что для этого.

Группа, стоявшая возле таран-машины, двинулась в нашу сторону. Джазмин молчит и кутается в свои меха, Валеас время от времени что-то невежливо цедит, а все остальные дошли, кажется, до белого каления и говорят одновременно.

— Это пневмония! — срывая голос, кричит врач. — Вы это

понимаете или что? Если оставить его в Лесу без наблюдения специалиста, летальный исход обеспечен!

— Толку было от вашего наблюдения, — презрительно замечает Валеас.

— Я же доброволец! — напоминает о себе отвергнутый помощник капитана, с перекошенным от раздражения раскрасневшимся лицом. — Согласно Уставу нашей компании...

— Еще чуть-чуть, и подерутся, — хихикает Ола, прикрыв рот ладошкой, чтобы услышал только я.

Джазмин и лесной колдун останавливаются около нас, караванное начальство уходит дальше, в облаках пара, как закипевший чайник. Небо постепенно меркнет, словно его заливает текущая поверху темная вода. Елажник превращается в почти призрачный, протяжно шепчущий массив, от сугробов тянет таким нездешним холодом, что начинаешь зябнуть при одной мысли, не дожидаясь ощущений.

— Капитан разрешил нам занять конференц-фургон, — сообщает Джазмин. — Идемте туда, ужин скоро принесут. Нам предстоит не слишком приятное, но важное дело — суд магов. Как раз набрался кворум.

Валеас ухмыляется совершенно по-бандитски. Могу поспорить, решил, что это его хотят засудить. Есть ведь за что — за голые трупы на поляне, за выкрутасы насчет заложника.

— А кто обвиняемый? — с нехорошим воодушевлением интересуется Инга.

— Матиас. Он сам об этом попросил, есть причина.

У меня с некоторым запозданием похолодело в животе. Столько всего произошло, что я и думать об этом забыл... А Джазмин не забыла.

Большую часть конференц-фургона занимает салон с мягкими кожаными диванчиками вдоль стен и овальным полированным столом, кое-где покорябанным, намертво привинченным к полу. Столешница темно-темно-коричневая, сиденья благородного коньячного оттенка, обивка на стенах малиновая с тисненной золотом ромбической сеткой. Золотистые линии местами стерлись, и почему-то меня это болезненно царапает. Занавески задернуты, три плафона на потолке еле теплятся: режим экономии. Ну и пусть. Уж лучше краснеть в полумраке, чем при ярком свете.

Несмотря на свое оцепенело-обреченное настроение, не слабо удивляюсь: я-то думал, что наши лесные коллеги стригутся накоротко, по примеру караванщиков, а Валеас отрастил патлы до пояса. Светлые, прямые, стянуты в хвост на затылке — в детстве я представлял себе с такими прическами мудрых и благостных чародеев, которые творят сплошное добро. Ага, встретил в натуре с точностью до наоборот... У Олы коса покороче, до нижнего края лопаток, вдохнуть бы аромат этих пепельно-соломенных волос, зарыться в них лицом... И тогда Валеас придушит меня окончательно, до летального исхода.

Стюард притащил гречку с тушенкой и чай на пять персон, но мне кусок в горло не лезет. Пока все едят, пошел в уборную — чулан с металлическим унитазом, туманно-тусклым зеркалом и умывальником, похожим на прилепленное к стенке гнездо шмыргалей. Вонь из выдвижного контейнера под полом смешивается с вездесущим запахом бензина. Обмылок в мыльнице замерз, и вода в баке ледяная: растаявший снег. Хорошо, что пока еще есть возможность его растапливать... Эта мысль возникает по инерции. Все же теперь в порядке, с лесными так или иначе договорятся — да хоть сам капитан в заложниках останется, передав свои полномочия первому помощнику, — и поедем дальше, тогда и аккумуляторы зарядятся. Но это всем остальным будет счастье, а у меня ничего не в порядке, меня ждет суд. Я успел малодушно пожалеть о том, что сознался насчет резонанса, однако прятаться в сортире — дополнительное позорище, поэтому как ни в чем не бывало возвращаюсь в салон.

После ужина, когда эмалированные миски и стаканы в гремучих узорчатых подстаканниках сдвинули на дальний конец стола (мою порцию кто-то умял, и я даже догадываюсь кто), Джазмин произнесла традиционную официальную формулу:

— Суд магов — дело магов и только магов. Воздвигаю сферу.

Устала она все-таки до жути. Ее «непроницаемая для любых проникновений» защитная сфера получилась зыбкой, как шелковая занавесь на ветру.

Вслед за ней те же самые слова сказал Валеас. *Это* — его защита? Ну, тогда офигеть... Мы теперь словно в скале замуро-

ваны, и захоти он нас убить — даже Старый Сапог вряд ли сюда прорвется, никто ничего не узнает и не поможет.

Защита Олимпии — пушистая и колючая, вроде шатра из хвойных веток. У Инги типичный для начинающих «кирпичный домик», как две капли воды похожий на мой, но я в этом не участвую, я — подсудимый.

После того как приняли меры, чтобы никто не совал нос в наши междусобойные дела, — церемония представления кворума судей, по старшинству, тоже согласно замшелому протоколу.

— Ясмينا Гарбуш, ученица Сивела Тентеби, закончила обучение двести шестнадцать лет назад.

— Валеас Мерсмон, ученик Текусы Ванхи, закончил обучение год назад.

— Олимпия Павлихина, ученица Изабеллы Мерсмон, обучение прервалось полтора года назад. Ученица Текусы Ванхи и Валеаса Мерсмона.

— Инга Штарбе, ученица Джазмин Гарбуш.

Пока они друг за другом говорят, чувствую себя странно и неуютно: зритель-то у них один-единственный — я.

— Вопросы есть? — обращается к младшим коллегам Джазмин.

— Да! — Инга чуть было не поднимает руку, словно в школе за партой. — Олимпия, почему у тебя сейчас сразу двое наставников?

Ага, мне тоже интересно. Было бы интересно, не находишься в таком положении.

— Госпожа Текуса Ванха уже не в том возрасте, чтобы путешествовать зимой по Лесу, поэтому она передоверила мое обучение в полевых условиях своему прежнему ученику. — Ола отвечает тем шелковым голосом, каким глянцево-девочки в магазинах зазывают попробовать крохотный бутербродец с новым сортом колбасы или малюсенькую розочку из шоколадного крема.

— И вопрос к Валеасу. — Инге все нейдет, а мне уже совсем худо, судили бы поскорее. — Зачем понадобилось убивать тех солдат, да еще так жестоко, если ты мог просто уйти от них и прикрыть мороком свою заимку, раз уж не захотел им помочь?

В другой ситуации он бы отмахнулся или вовсе не удостоил ее вниманием, но сейчас, по правилам суда магов, обязан ответить на вопрос «уважаемой коллеги».

Джазмин порывистым движением сует руку в карман накинутой на плечи шубы, за портсигаром в виде двустворчатой раковины, но спохватывается — курить в салоне фургона воспрещается — и сцепляет в замок худые пальцы, беспокояно щурясь. Как будто она знает, в чем дело, и не хочет, чтобы об этом говорили вслух, но в то же время вмешиваться не собирается: будь что будет.

— Если я встречаю в Лесу бешеное животное, я его убиваю, — спокойно сообщает Валеас, откинувшись на мягкую спинку диванчика.

— Это были такие же люди, как ты, пусть и не способные к магии! — Инга почти шипит.

— Не такие же. Не возражаю, я злодей с отвратными манерами, мне об этом уже говорили, но раскатывать гусеницами вездехода в кровавую кашу малолетних детей — это даже для меня был бы перебор.

Господи, я не сразу понял, что он сказал. То есть слова по отдельности понял, а общий смысл — нет. Когда наконец дошло, ухватился за край стола, словно за перила перед бездонным провалом. Что он несет, не может такого быть! Не может ведь, правда же?

— Это неправда, — вторя моим мыслям, произнесла слегка побледневшая Инга. — Это невозможно...

— Возможно, — негромко и грустно возразила Джазмин, по-птичьему нахохлившись в своей серебристо-черной шубе. — Когда мы ходили на поляну, я считала в том числе эти образы, но рассказала только капитану, с глазу на глаз. Поэтому у меня к Валеасу аналогичных вопросов нет.

— Их бы тогда преследовали как преступников... Где оно случилось?

— В четырех днях пути к юго-востоку отсюда, в стойбище Девятицветной Изморози на Лиловых Ветвях. — После короткой недоуменной паузы Валеас пояснил: — Я перевел, оригинальное название ни о чем вам не скажет.

Я чуть не выпалил, что нет же здесь никаких поселений на много дней во все стороны, однако вовремя вспомнил, что мне

полагается помалкивать, пока не спросили. А Инга потрясенно промолвила:

— Так ты говоришь о кесу?! Уф, а я-то подумала... Мы воюем с кесу, и солдаты просто выполняют свой долг. Надеюсь, ты не кесолюб?

— Тот, кто просто выполняет свой долг, иногда может сделать дряни похлеще, чем отдельно взятый злодей с отвратными манерами, — вполголоса заметила Олимпия.

— Кто для вас важнее — свои соплеменники или серые твари? Вы же вроде бы люди!

— В Девятицветной Изморози на Лиловых Ветвях я до недавних пор снегоступы на сгущенку выменивал. Хорошие там делали снегоступы. А теперь, если Ола сломает последнюю пару, придется тащиться в другое стойбище, две недели туда и обратно.

— Значит, ты убил людей из-за снегоступов?! Знаешь, как ты после этого называешься? Живи с кесу, если ты предатель-кесолюб, а к человеческим территориям близко не подходи! И кто тебе позволил сгущенку им отдавать?!

Инга любит сгущенку. За живое задело... И лихо это она ему запретила, особенно если учесть, что без помощи лесных нам отсюда не выбраться.

Валеас даже не усмехнулся, глядит на нее, как на вешалку или кухонный табурет, с униженным безразличием.

— Разве тебя не учили тому, что надо хранить верность своему народу?

— Народ — довольно сложная структура с уймай слоев, ячеек, уровней. — Смотри-ка, все-таки снизошел до полемики. — Ты считаешь себя колдуньей и не знаешь таких вещей? Скажем так, разные элементы этой структуры вызывают у меня разные реакции, от рвотной до «ладно, пусть оно будет».

— И ты готов сменять нашу сгущенку на кесейские снегоступы?

Обо мне, подсудимом, они забыли. Им и без меня интересно.

— Почему нет?

— Это называется предательством, понял?

Джазмин подняла длинные лаково-черные ресницы — как будто в течение нескольких мгновений она была не здесь и

даже успела поймать обрывок какого-то далекого сновидения — и устало, с хрипотцой, произнесла:

— Инга, ты никогда не задумывалась о том, почему караванщики недолюбливают лесную пехоту?

— Еще бы, штатские и военные!

— Нет, милая, это не сводится к популярным анекдотам. Проблема в том, что мобильная и хорошо вооруженная лесная пехота нападает на поселения кесу, а те потом нападают на не причастные к этим делам караваны Трансматериковой компании.

— Да они бы в любом случае напали на караваны!

— Мы как будто собирались судить этого несчастного парня? — игнорируя распалившуюся Ингу, обратился Валеас к нашей наставнице.

Сам ты несчастный. Этого я тебе тоже не забуду.

Джазмин кивнула, тряхнув волнистой иссиня-черной гривой, и повысила голос:

— Призываю уважаемый суд к тишине!

Уважаемый суд заткнулся, и теперь четыре пары глаз уставились на меня. Хорошо, что сижу, а не стою, а то колени сами собой мелко затряслись.

— Обвиняемый, представься и расскажи о своем проступке.

— Матиас Лугони, ученик Джазмин Гарбуш. — Слова еле проталкиваются через горло. — Я убил своим невмешательством двух человек. И я заблудил наш караван... То есть заплутал караван...

— Заплутил, — подсказывает Валеас, и я, как дурак, чуть за ним не повторяю.

Он смотрит насмешливо, Ола — удивленно и с неожиданной для нее серьезностью, Инга — с недобрый торжеством, словно подтвердились ее давнишние ожидания. Осунувшееся янтарно-желтоватое лицо Джазмин сохраняет подчеркнутую бесстрастность, из всех четверых она единственная похожа на судью.

В каком-то смертном оцепенении наблюдаю, как она вытаскивает из мехового, одной масти с ее шубой, ридикюля плоский темный флакон и три коньячных наперстка в красно-то-радужных переливах. «Зелье проникновения», так положе-

но. Если я совру, меня тут же застукают. Можно, конечно, закрыть свой разум, мы с Ингой уже научились, но это не одобряется, и я, в конце-то концов, сам захотел, чтобы меня судили.

А вот это уже из разряда весьма хреновых неожиданностей... За рюмками с зельем потянулись Ола с Ингой — и Джазмин. Понятно, вымоталась до такой степени, что ей сейчас без специального стимулятора не обойтись, но почему Валеас не пьет? Ответ единственный: он в гадком снадобье не нуждается, и так менталист. Ну почему, а? Где справедливость?

— Ее нет, Матиас, — негромко и небрежно замечает лесной колдун.

Глядит с обидной иронией — но все же как на человека, а не на табурет, который надо бы снести на помойку.

Неожиданно меня осенило. Ору ему мысленно: «А то, что ты сделал с теми солдатами-палачами, — что это, если не справедливость?!»

Уел я его или нет, узнать так и не довелось, потому что Инга вскакивает и орет на меня — уже вслух:

— Ты дурак и предатель, Матиас, что ты себе позволяешь думать?! Да ты за одно это преступник!

— Уважаемый суд, прошу соблюдать протокол, — утомленно дотронувшись кончиками пальцев до висков, говорит Джазмин.

— Так он же только что подумал...

В жизни не видел такого чокнутого суда. Когда я трудился на складах, дважды присутствовал на подобных мероприятиях в качестве зрителя: в первый раз судили магичку, замешанную в хищении крупной партии какао-бобов, а во второй раз парня, нарочно сгноившего огурцы, на которые наводил сохраняющие чары его недрут. Там все было честь по чести, без балагана.

— Матиас, расскажи обо всем по порядку.

Рассказываю. Начать пришлось со школьных махинаций с дневником, потом про Шагера и Сулосена, про встречу с последкой, про измученных горем близких Яржеха и Урии, про то, как я догадался насчет резонанса, в очередной раз работая с Куто.

— У кого есть вопросы к обвиняемому?

— У меня, разрешите? — тут же отзывается Ола. — Матиас, ты подозревал, что можешь вызвать у кого-нибудь резонанс?

— Нет.

— Но ты знал о том, что существует такое явление, как резонанс душевных колебаний? — спрашивает Джазмин.

— Да.

— Раньше, до случая с последкой, ты не совершал покушений на жизнь тех двоих? — присоединяется к допросу Валеас.

— Нет.

— А там, около котельной, не вмешивался в течение событий?

— Нет! Это ты мог бы командовать последкой, а я же не лесной.

— У тебя все равно были шансы повлиять на события, — замечает он почти вкрадчиво. — К примеру, ты мог разозлить личинку, используя какой-нибудь внешний раздражитель, или помешать им убежать. Ничего такого не делал?

— Нет.

Разваливается на заскрипевшем диванчике с презрительным выражением на злом худощавом лице. Такое впечатление, что ответ я утвердительно — и он бы хоть чуть-чуть меня зауважал.

— Ты понимаешь, что предал своих товарищей? — неестественно резким театральным тоном спрашивает Инга.

Вот на это я не знаю, что сказать, и молчу, а она ждет, и вдруг вмешивается Ола:

— Шантажисты — не товарищи. Из малолетних мерзавчиков выросли бы взрослые мерзавцы, я на таких насмотрелась и там у нас, на родной Земле, и здесь у вас. Если б Матиас их вырубил, стало бы в мире на две кучки экскрементов больше.

— Они же были еще дети! — сердито полыхнула глазами Инга.

— И Матиас тоже был ребенком, их ровесником, поэтому судить его можно не за преступное бездействие, а только за резонанс. За вред, причиненный без умысла, по неосторожности.

— Человек должен быть верен людям, а четырнадцать лет — это уже не ребенок, в этом возрасте стыдно быть трусом и расчетливым приспособленцем.

— Тогда из твоих слов вытекает, что Урия Щагер и Яржех Сулосен все-таки уже не были детьми, разве нет?

— Да как ни поверни, Матиас ради своей мелочной выгоды и безопасности бросил в беде людей, определенных ему в товарищи! Ничего удивительного, что он еще и резонанс нам устроил, этого следовало ожидать. Большое предательство всегда начинается с малого.

— Опять двадцать пять... — пробормотала Ола.

Инга ответила ей воинственным взглядом: да, опять, а надо будет — у меня их еще целый короб.

— Все выяснили? — осведомилась Джазмин. — Теперь прошу уважаемых судей обдумать услышанное и сообщить свое заключение.

Пока они обдумывают, чувствую себя, как ярмарочный болванчик, подвешенный на нитке. Есть такая игра: кто сумеет, бросив нож, срезать нитку, чтобы кукла шлепнулась в грязь, — получит приз. Я уже не понимаю, зачем мне понадобился этот суд, ведь что бы они там ни решили, для меня по большому счету ничего не изменится.

— Уважаемые судьи, ваши резюме. Напоминаю, что сейчас, согласно протоколу, дискуссии исключены.

— Виновен. — Инга высказывается первой, как самая младшая. — В преступном бездействии, которое равняется убийству из корыстных соображений, и в сокрытии от наставницы факта, который поставил весь караван в ситуацию смертельной опасности. Таких, как Матиас, нужно расстреливать.

— Невиновен, — говорит Олимпия. — От человека нельзя требовать, чтобы он спасал вымогателей, которые ему угрожают. Насчет резонанса он ведь не знал, а как только понял — пошел к наставнице и сознался, это смягчающее обстоятельство. Другой на его месте постарался бы это скрыть.

— Виновен, — роняет Валеас с кривоватой и пренебрежительной усмешкой. — В малодушии. Над ним столько времени измывались, а он пальцем не шевельнул, чтобы это прекратить. Хотя, с учетом того, что Матиас маг, у него была масса возможностей. И что касается резонанса... Мог бы подумать о том, что колдун, которого терзают пресловутые угрызения, для окружающих так же опасен, как носитель инфекции, и должен применять ментальную блокировку, чтобы исключить проецирование. Я бы еще понял, если бы Матиас воспользо-

вался резонансом и вывел из игры следопыта, преследуя какую-то свою цель, но если нечаянно — бить за такое нужно.

Осудил за то, что мой проступок оказался недостаточно злодейским! С ума сойти.

— Виновен, — подытоживает Джазмин. — В том, что скрыл от меня эти обстоятельства на собеседовании и позже. Матиас, ты ведь никогда не давал воли своим переживаниям в моем присутствии — значит, соображал, что могут возникнуть проблемы? Вот они и возникли, причем не только у тебя. Тремя голосами против одного — Матиас Лугони виновен.

Внутри у меня что-то обрывается. А разве могло быть иначе?

Она продолжает:

— Рекомендуемый приговор: в течение долгого года Матиасу запрещается покидать Кордею и путешествовать с караванами по Лесу на любые расстояния, даже на ближайшие острова. Кроме того, Матиас обязан изучить способы блокировки и технику предотвращения проецирования, с тем чтобы применять это на практике. Мнение уважаемых судей?

— Согласен.

— Согласна.

— Не согласна, — вскинулась Инга. — Это слишком мягкое наказание!

— А речь идет не о наказании. — Джазмин выжато, как тень, улыбнулась краешками ярких губ. — Матиас и так шесть лет себя наказывал, и вот чем оно закончилось. Приговор суда магов — это не всегда кара. Чаще это предписание, что тебе делать дальше, чтобы избежать таких проблем в будущем, потому что проблемы неуравновешенных магов нередко так или иначе влияют на других людей, как получилось у Матиаса с Куто. Итак, тремя голосами против одного приговор вынесен. Матиас, с завтрашнего дня мы с тобой займемся ментальными техниками, будешь учиться защищать окружающих от своей рефлексии.

Инга выглядит недовольной, словно ей пообещали кило конфет и обманули. А я... тоже чувствую себя обманутым, потому что по-прежнему не знаю, что мне делать с моей виной перед близкими Урии Щагера и Яржеха Сулосена.

— Это можешь решить только ты сам, — качает головой Джазмин.

А я-то, до сих пор не отдавая себе в том отчета, надеялся, что они снимут с меня этот груз.

— Одного я не понял, — задумчиво цедит лесной колдун. — По правилам Трансматериковой компании следопыт в рейсе должен носить, не снимая, амулеты, защищающие от чар и ментальных атак. Отсюда следует, что теоретически душевные метания Матиаса могли вызвать резонанс у кого угодно, только не у Куто. Интересно бы посмотреть на эти хваленые амулеты.

— Не на что смотреть, пропили он их. Еще на Магаране. Загуляя по-черному, остался без денег и начал расплачиваться за водку чем попало. Я это выяснила после того, как Матиас рассказал о резонансе. От начальства Куто скрыл, что амулетов у него больше нет, а второй помощник капитана, проверявший готовность экипажа, поверил ему на слово. Помощник раскаивается и хочет искупить свою халатность, оставшись в заложниках.

— Ну, спасибо, — невежливо фыркнул Валеас. — Только мне здесь всяких кающихся не хватало... Я уже сказал, останется парень, которого я лечил от пневмонии.

А Инга снова принимается за свое:

— Да расстрелять обоих надо, и Матиаса, и Куто, рядышком к стенке поставить! Для примера.

— Все бы тебе, милая, стрелять, — расстроено вздыхает наставница. — Скверное увлечение. Будь добра, сполосни рюмки. Детишки, от коньяка никто не откажется?

По сравнению с ней все мы и впрямь детишки, даже Валеас. Она достает еще две миниатюрные рюмки из того же красновато-радужного набора, небольшую бутылочку коньяка — ух ты, настоящий, с Изначальной! — и две плитки сбереженного шоколада.

Глоток, другой, и меня вырубает. Все вижу и слышу, но как будто нахожусь невообразимо далеко от остальных, за толстым-претолстым стеклом. Чьи-то пальцы ловко ломают шоколад, протягивают мне темный прямоугольник с изжелта-белыми выпуклостями орехов.

— На, скушай, ты же ничего не ел.

Это Олимпия. Кажется, что глаза у нее позеленели.

Послушно жую шоколад, и в это время сквозь звенящую стеклянную толщу доносится:

— Как по-вашему, детишки, что общего между Лесом и человеческим социумом?

Лучше бы Джазмин не заводила этот разговор. Лучше б он, едва начавшись, перетек в пустопорожнюю болтовню, тогда бы ничего не случилось.

Сижу, оглушенный коньяком и всем предыдущим. То слышу, то не слышу реплики остальных, как будто они в соседней комнате и дверь то и дело открывают-закрывают. Словно читаешь книгу, пропуская страницы.

— ...Без магов наша цивилизация не смогла бы существовать в измерении Долгой Земли. Единицы вроде тебя, Валеас, сумели бы прокормиться в зимнем Лесу охотой и собирательством, но остальные попросту вымерли бы. Когда среди первых переселенцев выявились люди с магическим даром, это все решило, потому что никакими другими способами, кроме колдовства, не сохранить на такой срок потребную прорву продовольствия.

Свет плафонов снуло отражается в выдавшей виды полированной столешнице. Шоколада осталось всего четыре квадрата.

— ...Да, Ола, об этих чудесах я насылана, но сейчас речь идет о *нашем* мире. Ваши высокие технологии у нас не работают. Сама знаешь, умница...

Блестки на стеной обивке кажутся то праздничными, как дождь из фольги, то жалкими, как остатки облезлой позолоты на старой утвари. Развезло меня, в общем.

— ...По-вашему, детишки, я цитирую спьяну школьный учебник? Угу, есть немножко. Но задумайтесь вот о чем: волшебникам и неволшебникам на Долгой Земле друг без друга не прожить, мы как замкнутые в симбиозе элементы биосистемы. Каждая сторона что-то берет и что-то дает, происходит непрерывный обмен. Но, как оно ни досадно, кроме симбионтов, встречаются еще и паразиты — те, кто гребет под себя, ничего не отдавая.

Услышав это, Инга встрепенулась и вперила в меня злорадный взгляд. Ага, для нее раз паразит — значит, я. Честно, не знаю, в чем дело, я же свои обязанности на нее отродясь не сваливал и от работы не бегал.

Джазмин снова разливает коньяк:

— За то, что в нашей компании таких нет.

Вот так-то, Инга обломалась.

После второй порции окружающее меня стекло становится еще толще. Все как будто ненастоящие, даже Валеаса ничуть не боюсь. Разрумянившаяся Ола спрашивает:

— А где они есть?

Ох, не надо бы задавать таких вопросов... Потому что Джазмин отвечает:

— Паразитировать, детишки, можно по-разному. Можно воровать, грабить, мошенничать, или расчетливо эксплуатировать чужие чувства, или обсчитывать своих наемных работников, все это обычные вещи, которые встречаются сплошь и рядом. Но есть еще один способ, на мой взгляд, самый отвратительный. Вращаться среди людей, с жадностью наблюдать за ними, при случае непрошенно влезать в их дела, пить пульсирующую вокруг жизнь, как вино, как бодрящий кофе, как полезный для здоровья бульон, — и ни полушки не платить за выпитое, принципиально ничего не давать взамен. Этакое духовное скопидомство.

На скулах у нее расцвели красные пятна, и она выглядит, словно человек, очень долго державший что-то под спудом, но неожиданно для самого себя решившийся высказаться о том, о чем говорить вслух вообще-то не стоит. Валеас слушает с едва обозначенной угрюмой ухмылкой и скупым намеком на одобрение, Ола — с милой оживленной гримаской, вскинув пушистые ресницы и дожевывая наш последний шоколад. Инга вначале согласно кивает, а потом вдруг перестает кивать и смотрит так потрясенно, недоверчиво, с разгорающимся протестом... Как обычно, когда что-то вызывает у нее возражения. В том-то и дело, что как обычно.

— Кого вы имеете в виду? — Ее голос угрожающе звенит, но так бывало и раньше, если она с чем-то не соглашалась.

— Назовем их упырями. Самое подходящее слово. Если б они жили отшельниками, вдали от людей, это не вызывало бы нареканий, но они трусят среди нас, вмешиваются и в политику, и в межличностные отношения — экспериментируют, словно в игрушки играют. Как вы знаете, они неуязвимы, но Изабеллу они убили, мне кажется, с какого-то очень большого перепугу... Что же такого она узнала, если это настолько их испугало?

— Вы не имеете права так говорить!

Дальше начался спор, но подробностей я не запомнил, потому что клевал носом, еле-еле удерживаясь от того, чтобы не отключиться окончательно. Дискутировали главным образом наставница с Ингой, лесные лишь изредка подавали реплики.

Потом мы все вместе выходим наружу, в холодную беззвездную темень. Кое-где горят костры — оранжевое пламя, треск хвороста, лапника и елажниковых шишек, черные тени расположившихся вокруг караванчиков. Окошки жилых фургонов тускло светятся, остальные машины громоздятся темными глыбами. Мимо нас проходит, скрипя снегом, стюард с корзиной — забрать посуду из конференц-фургона.

Джазмин и Валеас, отойдя в сторонку, беседуют: она как будто пытается уговорить лесного колдуна отказать от затеи с заложником, тот выслушивает ее доводы с миной «мне наплевать на чужое мнение».

Я тогда еще подумал, что ей надо бы поосторожнее, он крайне опасен, но глупо будет, если я полезу предостерегать наставницу, которая и без меня видит, кто есть кто. Ох, если бы она и в самом деле все видела, как я понадеялся, но она же слишком устала...

— Матиас! — Меня тронули за локоть, и я, повернувшись, увидел рядом Олу. — Спокойной ночи. Я уже никакая, пойду спать. Нас определили на ночь в конференц-фургон, там классные мягкие диванчики. Ты тоже отправляйся-ка лучше спать, до завтра!

Забираясь к себе в фургон, я подумал с привычным холодком о предстоящем суде и тут же спохватился: меня ведь уже судили — и ничего, настолько ничего, что даже забыть об этом умудрился, пусть ненадолго, но все-таки! Ни на утрызения, ни на размышления сил не осталось. Дергаю дверцу, вваливаюсь в купе. Плафон выключен, сосед-коммерсант дрыхнет. Сбрасываю обувь и прямо в куртке, чтобы не терять тепло, устраиваюсь на своей полке, укутав ноги одеялом.

— ...Вставай!.. Чтоб тебя, просыпайся... Убили... Да просыпайся ты наконец!..

Меня с воплями трясут. В окошко сочится сквозь рабицу серый утренний свет. Разбуженный сосед, приподнявшись на локте, осоловело моргает и что-то спрашивает у склонившегося надо мной охранника, но тот не обращает на него внимания.

Усваиваю: кого-то убили, и я должен поскорее туда подойти. Первая мысль: бандитствующий лесной колдун повздорил с парнями из каравана (возможно, из-за Олы) — и за нож, много ли такому надо, чтоб человека порешить?

Не задавая вопросов, натягиваю выстуженные, хоть и с мехом внутри, сапоги, вываливаюсь следом за провожатым в коридорчик, потом в пасмурную стылую зыбь. Галдеж невесть откуда налетевших птиц, тихий протяжный гул хвойной пуши, тревожный говор столпившихся людей. Толпа раздается, пропуская меня, — и я вижу совсем не то, к чему приготовился.

...Джазмин лежала навзничь в распахнувшейся шубе, волосы рассыпались волнистой иссиня-черной массой, на свитере как будто вышиты темно-красные маки, которых раньше не было. Черты изможденного лица заострились, в остекленевших глазах отражается небо. Истопанный снег вокруг подтаял от растекшейся крови, а после снова замерз.

Мне словно врезали под колени и одновременно в живот, чтобы все кишки собрались в заолодевший ком. Это как же так, а?.. Разве может быть, чтобы Джазмин умерла?..

Над ней нависало, как сгусток дыма, невидимое для непосвященных облако чар, не позволяющее разглядеть, что здесь случилось. Без волшбы не обошлось... И ни Инги, ни лесных, вокруг стоят одни караванщики.

— Где они, где эти?..

От сильных потрясений я становлюсь косноязычным, но капитан понял и ответил, что Инги в купе не оказалось и за «здешними» он тоже послал, сейчас приведут.

Появилась Ола в сопровождении охранников. Меня слегка отпустило: значит, она не причастна к убийству. Вот ведь как подонки, сам сбежал, а ее бросил расхлебывать!

— Парня на месте не было, — доложил офицер.

Почему-то я об этом уже догадался. Ищи-свищи его теперь в Лесу.

Олимпия выглядела рассерженной и деловитой. Отмахнувшись от шагнувшего к ней капитана, присела возле тела Джазмин, потом выпрямилась и повернулась к нам.

— Мертва уже несколько часов. Несколько ножевых ранений. Кто — определить не могу из-за чертова морока. Может быть, Вал разберется, он в таких вещах силен.

— Твой Вал уже далеко, — вырвалось у меня. — Зарезал и смылся!

— Балда ты, Матиас, — процедила она сквозь зубы, копируя интонацию своего приятеля. — Зачем ему убивать Джазмин? И чтобы Вал с первого раза не попал в сердце? Ты же видел, как он владеет оружием, а здесь работа какого-то доморощенного мясника-самоучки!

— Где Валеас? — спросил капитан.

— Ну, точно не знаю... — Взгляд Олы метнулся к стоявшему тут же врачу. — Он разве не ночевал у вас в медфургоне?

— К нам он не заходил, — возразил доктор. — Хотя я надеялся, что заглянет. У Эберта спала температура, прекратился кашель. Я еще не встречал колдуна с таким мощным целительским потенциалом. Возможно, он сумел бы и Куто помочь, если бы согласился с ним поработать, но восстановить душевное здоровье — это другое дело, чем одним махом выжечь инфекцию.

— Надо его найти, — распорядился капитан уже не с угрозой, а с некоторым облегчением.

У него, положим, есть повод для радости: парень из семьи, занимающей достаточно высокое положение в иерархии Трансматериковой компании, не умрет во время рейса, и вытекающие отсюда неприятности капитану больше не грозят. Обошлось. А Джазмин уже не вернуть... Кто мог поднять на нее руку?

— Не посылайте за ним, — с едва заметным замешательством попросила Ола. — Я сейчас отправлю ему зов.

Она убрела на десяток шагов в сторону, к деревьям, по щиколотку проваливаясь в снег, я — следом за ней.

— Может, ушел к вам на заимку?

Слова помогают удерживаться на поверхности, как спасательный круг, все равно какие слова, иначе начну будто в ледяной омут погружаться, с головой, все глубже и глубже. Я в первый раз потерял близкого человека.

— Да нет, он наверняка в каком-то из пассажирских фургонов. Щас найдется...

Поссорились? Неужели из-за меня?

— Капитан, я же сказала, не надо! — кричит Ола. — Я уже позвала, скоро придет! — И бормочет, чтобы слышал только

я: — Если его застукают без штанов, он же всем головы пооткручивает.

— Так он, что ли, по бабам пошел?

— Типа того.

Не похоже, чтобы Олу этот факт расстраивал, хотя оттенок смущения присутствует. Что у них за отношения такие странные? На секунду цепляюсь за эту мысль, и становится словно бы легче, а потом снова — Джазмин больше нет... Внезапно меня осеняет:

— Извини, наша Инга, наверное, это самое, с ним... Значит, ее можно не звать.

— А что, Инга потерялась? Тогда позови. Не может она быть вместе с Валом.

— Почему?

— Это ему неинтересно.

Ничего не понял, но послал зов Инге. Никакого отклика. Спит? Или с ней тоже что-то случилось?

Кстати, пассажиры все полусонные... Были. Теперь, когда Джазмин умерла, чары, которые она держала, в ближайшее время должны рассеяться, то-то мой сосед по купе полез к охраннику с расспросами, вместо того чтобы индифферентно дремать.

Ощущение, словно смотришь в «волшебный бинокль» — знаете, та оптическая игрушка, завозная с Земли Изначальной, которая меняет местами верх и низ, перетасовывая вдобавок цвета окружающих предметов, это весело и немного страшновато: в мгновение ока все становится совершенно неузнаваемым. И сейчас что-то вроде того, но никакого веселья, одна жуть.

Распахивается дверь дальнего пассажирского фургона второго класса, и на снег спрыгивает Валеас в расстегнутом медвежиховом полушубке — никуда не делся, вопреки моим подозрениям.

— Вот видишь, — замечает Ола.

Напряжение отпускает ее, расправляются вздернутые плечи, разжимаются стиснутые кулаки. Сперва я подумал, что она все-таки не была уверена в его местопребывании, но после догадался, в чем дело: Олимпия привыкла находиться под его защитой, и если он рядом — можно хоть чуточку расслабиться,

что бы там ни стряслось. Это при том, что отношения у них какие-то нетипичные, и я до сих пор не понял, спит она с ним или нет.

— Дерьмо, — высказался Валеас, увидев труп. — Кто ее?

— Хотелось бы услышать ваше мнение, — сухим официальным тоном произнес капитан.

Он не искал конфликта с лесным колдуном, но замашки этого парня безусловно его раздражали, не говоря уж о требовании выдать заложника, которое вообще ни в какие ворота не лезет.

— Над ней чары, сейчас я эту хрень уберу. Отвалите, чтоб никого не шарахнуло ненароком.

Караванчики отступили подальше, мы с Олой остались, на всякий случай выставив «щиты». Невидимое дымное облако, повисшее над местом убийства, вело себя, как приставшая к подошве пакостная жвачка, ни в какую не желающая отлепиться, но Валеас примерно за полтора часа его изничтожил.

— Я же говорил, дерьмо. Хотите посмотреть?

И прежде чем кто-нибудь успел выразить согласие, он сотворил «окно в минувшее». Сложная, между прочим, штука, не у каждого из опытных получается. Джазмин как-то обмолвилась, что мы с Ингой сможем приступить к освоению таких техник лет через семьдесят-восемьдесят, раньше просто нет смысла.

Туманная по краям живая картинка напоминала проталину на заледеневшем оконном стекле. Въявь пасмурный день, на картинке глубокая ночь, караванчики давно разбрелись по машинам, снаружи никого не осталось, только Джазмин курит возле последнего догорающего костерка.

— Наставница... — У вынырнувшей из темноты Инги вид воинственный и растерянный — и то и другое с заходом в крайность. — Я с вами не согласна!

— Иди-ка лучше спать, — отвечает Джазмин с бесконечной усталостью в голосе.

— У нас нет права судить о Высших, потому что они выше нашего понимания!

— Не считаю так.

Джазмин, кажется, стоя засыпает, а Инга дышит прерыви-

сто, как после бега, и глаза сверкают двумя спятившими звездами.

— В жизни столько враждебного, злого, грязного, и без Высших не было бы вообще никакого света и добра.

— Инга, светлое и доброе вырастает и живет само по себе, как сорная трава в трещинах городского асфальта. На беду или к счастью, оно только в такой форме и может существовать, хотя люди испокон веков притворяются, будто дело обстоит не так. Ты знаешь о том, что никаких армий добра в природе не существует?

— В природе — нет, другое дело в обществе...

— Угу, и в обществе тоже. Добро стихийно и независимо, индивидуальная душевная поросль, чертовски важная для нашего бытия, но не поддающаяся никакой бюрократизации. От означенных попыток оно быстро вырождается и в худшем случае оборачивается своей противоположностью — объединившиеся адепты милосердного бога живьем жгут на кострах людей и животных, победившие борцы за социальную справедливость убивают либо превращают в рабов миллионы так называемых врагов народа. Вспомни историю Земли Изначальной, зачем я, черт побери, заставляла вас с Матигасом все это читать? В менее тяжелых случаях то, чему нет цены, подменяется торжеством формализма и отстаиванием групповых интересов. Общества негодяев разного толка, всевозможные армии зла — этого в человеческой истории пруд пруди, а свет на то и свет, что руками его не ухватишь. Не думай, что во мне разыграл пессимизм, трава-то растет себе и растет, несмотря ни на что... А привлекающие тебя Высшие — всего лишь еще одна тупиковая игра. Помнишь сказку о Стерките-Жмотке, которая бегала угощаться по соседям, а сама даже вчерашней хлебной коркой поделиться жалела? Тебе это никого не напоминает?

— Нет! — враждебно выпалила, почти выкрикнула Инга, ее тонкие ноздри истерически трепетали и раздувались.

— Госпожа Эйцнер вчерашними корками не разбрасывается, — усмехнулась Джазмин.

— Ее помощь надо заслужить! Ничего не должно даваться человеку даром.

— Кстати, заметь, Валеас, которого уж никак добрым не

назовешь, когда его попросили спасти умирающего, попросту пошел и сделал, не требуя никакой платы.

— Показал свою крутизну, это само по себе плата. И теперь ему заложника подавай, ту жизнь, которую подарил, он так же легко заберет назад.

— Не думаю, что жизнь заложника будет под угрозой. Валеасу просто нужна компания. Я пыталась поговорить с ним на эту тему, но он не захотел меня слушать. — Она печально покачала головой и затынулась, слегка прижмуриваясь от чада угасающего костра.

— Валеас всего-навсего человек, а Высшие стоят выше добра и зла, к ним нельзя применять повседневные человеческие мерки.

— Угу, здесь ты еще как права. Есть зло, одинокое или групповое, есть добро, свободное, незащищенное и вопреки всему неистребимое, и есть, условно говоря, третья сила, которая очень любит выдавать себя за добро, имя ей — подлость. Высшие осуждают зло и как огня чураются настоящего добра, зато подлость — их родная стихия. Они называют ее неизбежностью и считают, что благовидных целей нужно добиваться максимально дрянными способами, иначе, видимо, удовольствие не то. Расщедрившись на что-нибудь полезное для окружающих, они попутно причиняют страдания и потери, это у них принципиальное правило. Грузовик, который везет хлеб для голодающих, по дороге обязательно должен кого-нибудь задавить, и все в этом роде. Пожалуй, Эберту сказочно повезло, что вылечил его злой Валеас, а не Тарасия Эйцнер. Иначе, вполне возможно, выздоровление так бы ему отлилось, что лучше уж пневмония с летальным исходом. Хуже всего то, что они при этом упорно называют свою деятельность «добром», девальвируя таким образом само понятие и внося путаницу в вечные вопросы. У них цель всегда оправдывает средства — то есть светлая цель является стопудовым оправданием грязной и жестокой практики, которая для так называемых Высших в действительности куда важнее задекларированных целей. Это старо, как мир, и пошло, как куча дерьма в подъезде многоквартирного дома.

Тут Инга, все порывавшаяся выдать какие-то возражения, с судорожным вскриком ринулась в объятия Джазмин... Так

мне показалось в первый момент. Темень ведь ночная, костерок еле теплится, подробностей не разглядишь. Наставница тоже издала тонкий полувиzg-полувсхлип, отшатнулась. Инга шагнула следом и, когда та осела на снег, рванула в стороны полы ее шубы, ударила еще раза три, примериваясь, как будто перед ней манекен кесу на занятиях по самообороне.

Джазмин больше не шевелилась. Сжавшаяся в комок Инга быстро огляделась, потом старательно, словно зарабатывая хорошую оценку, вытерла о мех шубы окровавленный нож, вскочила и вытянула над телом руки с растопыренными пальцами, наводя скрывающие чары. Так себе чары, ученические, вовсе не та вязкая дрянь, которую лесной колдун нейтрализовал с немалым трудом, провозившись больше часа.

Убить двухсотлетнюю магичку — задача из разряда «зубы обломаешь». Безоружная Джазмин могла защититься от сдуревшей девчонки дюжиной способов... Если бы у нее была в запасе хоть капля силы, но ведь она все без остатка израсходовала на караван. Из-за меня.

Ноги подкосились, в голове зашумело, и я повалился в снег на колени. Кажется, еще и отрубился, потому что в следующий за этим момент сижу, прислоненный к снеговика (его в первые дни шоферы слепили от нечего делать), а Ола отпаивает меня из фляжки чем-то крепким, отдающим елажниковой хвоей.

— Моя вина... — Язык еле ворочается.

— Ага, конечно, а эта сучка Инга всего лишь рядышком стояла.

Тарасии Эйцнер и Инги уже след простыл. Свежая лыжня уходила на восток, в ту сторону, откуда мы приехали. Ушли еще затемно, никто их не видел, налегке: у госпожи Тарасии, как рассказал стюард, багажа было всего ничего, элегантный рюкзачок из похожей на серый бархат шкуры кесу, и Инга, отправляясь в новую жизнь, захватила с собой только самое необходимое. Лыжи они украли. Стояло несколько пар возле фургона-подсобки... «Ничего не должно даваться человеку даром», — но на чужие лыжи, надо понимать, это правило не распространяется.

— Как думаете, могли бы мы догнать этих сук? — с нехорошим азартом спросила Олимпия, глядя на две параллельные

полоски, уползающие в хмурую даль редколесья, осененную причудливо вырезанными хвойными кронами, седыми от изморози.

— Зачем? — равнодушно бросил Валеас.

И правда, зачем? Он хоть и крут нереально для своих тридцати лет, но все же не настолько, чтобы драться с Высшей. И вряд ли Старый Сапог с Ингой потрухают на лыжах до самого Магарана. У Высших есть недоступные для нас пути, позволяющие попадать из пункта А в пункт Б, минуя обычное пространство. Доберутся до ближайшего — и будут нынче вечером ужинать за тысячу километров отсюда, поэтому Тарасии было все едино, выберется наш караван из Леса или нет.

Перед тем как повернули к машинам, я на долю секунды поймал взгляд Валеаса, брошенный напоследок на лыжню. От этой тяжелой ледяной ненависти у меня все печенки покрылись инеем, хотя предназначалась она не мне. Когда-нибудь догонит. Не сегодня и не завтра, а когда наберет достаточную силу, чтобы бить наверняка. У него к Высшим свой счет.

Пока охранники и шоферы собирали лапник для погребального костра, мы попытались расспросить стюарда, дежурившего ночью в том фургоне, где ехала госпожа Старый Сапог. Разумеется, ничего он не запомнил — то ли спал, то ли нет, но в памяти осталось блеклое грязноватое пятно, словно на ватмане, где затерли карандашный рисунок. Валеас ухитрился считать кое-какие обрывки: отдельные миллиметровые штрихи, бороздки от карандашного грифеля — все-таки человеческое сознание не бумага, а Старый Сапог стирала второпях, мимоходом.

Инга: *...Так говорила о Высших... Я не могла... Быть с Высшими, управлять людьми... Испытайте меня...*

Тарасия: *...Думаешь, достаточно одного твоего желания?..*

Инга: *...Переступила через кровь... Докажу...*

Тарасия: *...Что ж, попробуй... Предупреждаю... Скрывающие чары, тебе еще учиться...*

Последний обрывок фразы заставил Валеаса сдержанно ухмыльнуться: он ведь уничтожил, хоть и не без труда, чары Высшей.

В голове не укладывается... Видимо, я это не просто подумал, а пробормотал вслух, потому что Олимпия отозвалась:

— А я, знаете, понимаю... Когда я была маленькая, мы с мамой кое-как перебивались от зарплаты до зарплаты, денег вечно не хватало, а мне хотелось новых кукол, они же красивые. Поганкой я была, как выражается наставница Текуса, и, чтобы мама купила новую игрушку, ломала старые. У Инги мозги срабатывали в том же направлении. — Глаза Олы поблескивают из-под челки потрясенно, с театральным испугом. — Я поступала так с куклами, но я бы не подняла руку на своего учителя.

— Еще бы ты попробовала, — саркастически хмыкнул Валеас.

— Ага, и попробую... Ты любишь раздавать другим плюхи, а сам еще какую заслужил! Разбойник, блин, с большой дороги... Когда капитан подкатится побеседовать о дальнейшем, разговаривать с ним буду я, пока ты все хорошие перспективы не утробил. Ну, пожалуйста, ведь это я у нас политтехнолог, поэтому пусть в этот раз будет по-моему!

Они пошли к толпе караванщиков, я побрел следом. У них жизнь продолжается, с перспективами... Это для меня она остановилась, как сломанные часы.

Завернутую в шубу Джазмин положили на высокое хвойное ложе. Караванщики стояли полукругом, самые оклемавшиеся из пассажиров тоже повыползали из фургонов и присоединились. Бывает, что в пути кто-нибудь умирает, это не повод для паники, а о том, что мы застряли здесь еще полторы недели тому назад, они, будем уповать, не догадаются.

— Господа маги. — Капитан говорил вполголоса, чтобы даже свои не услышали. — Понадобятся ваши чары, чтобы о нас не прознали кесу. Раньше этим занималась покойная миссис Джазмин...

— Не тронут вас кесу, — буркнул Валеас.

Три наших огненных ступка ударили в грудь елажниковых лап одновременно. Взметнулось и загудело бледное при дневном свете пламя. Волшебный огонь сжигает быстро, и скоро на снегу осталось только черное пятно. Заодно и в душе у меня что-то выгорело.

— Пепел соберем и похороним? — предложил первый помощник капитана.

— Она была колдуньей, — возразил Валеас. — Нас нельзя хоронить, иначе какая-нибудь хрень на могиле начнется, по-

бочные остаточные эффекты. Пусть ветер развеет ее прах, и пусть ее дух будет свободен, как ветер.

Мы с Олой повторили за ним традиционные слова прощания. В глазах у меня щипало. Олимпия тоже вполне искренне шмыгнула носом, заметив:

— Она была славная, жалко... Лучше б мы тех двух сучек на тот свет проводили.

— Серые наверняка засекали нас, — услышав о сучках, негромко произнес капитан, поглядывая на стену деревьев, опутанных черными лианами и мочалистыми гирляндами зимнего лишайника, с сугробами на могучих лапах и расплывчатыми, как тучи, вершинами.

— Я ведь уже сказал, не тронут. В третий раз повторить?

— Хотелось бы, господин Мерсмон, обсудить вопрос об условиях сотрудничества...

— Сейчас обсудим. — Кошкой втершись между мужчинами, Олимпия улыбнулась капитану задорно и обворожительно. — Только лучше в тепле за чашкой кофе, согласны? Вал, ты бы пока списочек составил, чего купить в городе, а то у меня память дырявая, ты же знаешь. Дома я таскала с собой карманный комп, он за меня все помнил, а тут он в первый же день сдох — ну, еще тогда, летом... Пойдемте?

Она смело ухватила капитана под руку, и тот повел ее к командной машине. Караванщики уговаривали пассажиров разойтись по фургонам и не нервничать, клятвенно заверяя, что «все в порядке, скоро поедем». Большинство проглатывало эту наглую ложь, но наблюдательных не могли не зацепить косвенные признаки истинного положения вещей: подозрительно утоптанное белое пространство между автоколонной и елажником, кострища кучи мусора, мерзлые разводы помоев, монументальный снеговик... Счастье, если никто не запакирует.

Валеас, вытащив блокнот и карандаш, принялся за перечень покупок.

— Ты раньше знал Джазмин?

— Немного, — отозвался он, не прерывая своего занятия. — Видел раза три-четыре. Она была идеалисткой — сильная, но незащищенная, из-за этого и кончила так по-глупому. И с ученичками ей под конец не повезло... Я бы на ее месте

обоих убил: Ингу — потому что дрянь, а тебя — чтобы не мучился.

— Ты же менталист, мог предупредить, что у Инги на уме! Вместо этого умотал трахаться в пассажирский фургон, как будто тебя туда звали... Наверняка у Инги мозги соскочили с петель, еще когда мы все вместе сидели, мог же сказать! Что, разве не так?

От удара в лицо у меня внутри что-то хрустнуло, в глазах потемнело. Небо качнулось, надвинулось, заполняя почти все поле зрения. Хвойные сгустки оторвались от кряжистых древесных башен и поплыли по кругу. В носоглотке такие ощущения, словно нахлебался мыльной воды, во рту привкус крови.

— Я бы сказал, если б был в курсе, — спокойно сообщил Валеас. — Инга закрылась наглухо, как только узнала, что я менталист. Нормальная мера предосторожности, это ты, дурак, до сих пор ходишь *открытый*. Дай-ка гляну, я тебе ничего не сломал?

— Не лезь!

Игнорируя протесты, он бесцеремонно ощупал мою физиономию и констатировал:

— Ага, сломал. Не дергайся. Сейчас сделаем, как было.

Караванные охранники поглядывали на нас с профессиональным интересом, однако вмешиваться не спешили — оно им надо? Покончив с первой помощью, Валеас опять взялся за список. Я сидел на снегу, хотя небо больше не кружилось, кровь из носа не текла, и ощущение, будто вместо лицевых костей у меня треснувшая яичная скорлупа, тоже исчезло. Лечить он умеет не хуже, чем бить, но все равно гад.

Как выяснилось позже, это Ола попросила его присмотреть за мной, вот он и «присматривал» в меру своего добросердечия.

Сама она, вернувшись, с ходу объявила:

— Тронемся после обеда. Я все уладила. Главное, не забудь кухлярку забрать из моего рюкзака, и пусть ее в этот раз Эберт ошипывает. С ним я тоже поговорила, ага, так что сейчас он отправился улаживать капитана и писать письмо домой, чтобы там не беспокоились. Прикинь, он сам захотел, типа давно мечтал о каком-нибудь таком приключении. Умолчала я только о том, что ему придется завтра вечером возиться с кухляркой, слушая твои понукания, пусть это будет сюрпризом. — Ола

хитренько ухмыльнулась. — С Трансматериковой вообще надо дружить и взаимовыгодничать, они будут еще как рады. Не пугай людей разбойничьей рожей, и они сами к тебе потянутся. И скажи спасибо, что у тебя есть свой личный политехнолог!

— Спасибо, — усмехнулся Валеас.

Вроде без иронии. Чуть ли не с теплотой.

— Ага, и давай сюда список, это ж самое актуальное...

Неприкаянно слоняюсь вдоль вереницы машин, а шоферы и механики с жизнерадостной руганью разогревают моторы, проверяют колеса и прочее свое хозяйство — на их улице долгожданный праздник.

Меня поедом ела тоска. Если б знал, если б не ушел спать, если б оказался рядом, чтобы отобрать у этой дуры нож... Закричали «Обед!», я вернулся в фургон, с животным аппетитом съел миску перловой каши с разваренными волокнами тушенки. Выпил стакан чаю, по случаю завершения нашего стояния посреди Леса заметно более сладкого, чем в предыдущие полторы недели. Потом опять вылез наружу, меня как на аркане туда тянуло: мысленно сфотографировать это страшное место, где осталась Джазмин, и сохранить в памяти. Хотя «осталась» — неправильное слово. Она здесь не осталась, ее нигде больше нет.

Возле снеговика стоят Валеас и Ола — он инструктирует, она слушает и кивает. К ним направляется парень с лыжами в одной руке и разбухшей спортивной сумкой в другой. Физиономия точно знакомая, но не помню, как зовут.

— Привет! — улыбается он, дождавшись окончания разговора.

И смотрит из-под косой челки с вызовом, но не воинственно, как перед дракой, а с каким-то непонятным для меня вызовом, словно дразнит. Нашел с кем играть. Валеас его сейчас зашибет.

— Ладненько, все поняла, — еще раз энергично кивает Ола. — Не бойсь, не заплутаю. Я так хочу в город, что найду его с завязанными глазами в крошечном вакууме. А ты, Матиас, не убегай, со мной поедешь.

Лесной колдун меряет взглядом подошедшего парня, но вместо того, чтобы одним ударом стереть провоцирующую улыбку, неожиданно ухмыляется в ответ:

— Лыжи оставь, наденешь снегоступы. Там иначе не пройти. А барахло надо было сложить в рюкзак.

— У меня нет рюкзака. Зато есть коньяк и сгущенка, выпросил у капитана. Может, я тогда схожу, поищу рюкзак?

— Давай сюда. — Валеас отобрал у него увесистую сумку и легко закинул на плечо. — На заимке будем завтра, а сегодня заночуем в шалаше, до которого еще добраться надо, так что шевелись.

Теперь до меня дошло, что это Эберт. Я-то привык видеть его умирающим на койке в медфургоне, а тут он живой и здоровый, разве что лицо исхудалое, и ведет себя так, словно собрался на пикник. Интересно, ему хотя бы объяснили, что он заложник?

— Матиас, идем.

Олимпия взяла меня за руку. Я пошел за ней и только после спохватился: *«Во время движения каравана пассажиру надлежит находиться в пассажирском фургоне согласно указанному в билете месту»*.

— Идем-идем, не робей. Я же сказала, ты со мной.

Какой мальчишка не мечтал прокатиться на таран-машины? Но чтобы эта мечта вдруг сбылась, да еще в один день с горькой и страшной потерей... Наверное, из-за этого совмещения у меня в мозгах что-то затуманилось, и все казалось не вполне реальным: чудовищные гусеницы с забитыми снегом сегментами, крепкий запах солянки и мазута, вибрирующая металлическая лесенка, уводящая наверх и в глубь рокочущей громады. Кабина — целая комната с шестью креслами: для водителя, для капитана, для штурмана, для следопыта и еще два для стажеров. Я занял одно из стажерских, в другом сидел Хорхе, ученик спившегося Куто, а Ола устроилась на месте следопыта. Кресла мягкие и глубокие, вдобавок снабжены ремнями, чтобы при необходимости пристегиваться. Панель управления — святая святых, торчащие рычаги, трубка для переговоров с механиком, громадное лобовое стекло-триплекс — без сетки, но толстенное, пуля не пробьет, а если понадобится, его перекрывают выдвижные бронированные створки. Смотришь наружу, словно с высоты третьего этажа.

Двигатели таран-машины взревели в полную силу, и мы наконец-то поехали.

Пробовали когда-нибудь разобраться с собственным душевным раздраем, всматриваясь, словно в схему городского транспорта, в другого человека — в надежде, что вас каким-то чудом подтолкнут к ответам на все вопросы? Бесполезно. Тем более мы с Олой во всех отношениях разные. Я парень, она девушка. Я классический, она лесная. Я коренной долгианин, уроженец Юлузы, она иноземка с Изначальной, выросшая в гигантском городе из тех, что называют «мегаполисами», среди диковин почище всякой магии. Из-за меня караван сбился с пути, она вывела его из заваленной снегом колдовской пущи к Кордейскому архипелагу. Если сравнивать характеры, тоже никаких совпадений, и все-таки я ждал от нее — или, скорее, от своего общения с ней — подсказок, что делать дальше.

После того как первая эйфория схлынула, караванщики посматривали на Олимпию настороженно: справится — не справится, черт ее знает, но на шестой день впереди вырос, выше самых высоких хвойных великанов, причудливый белый гребень — Пьяный хребет. Относительно небольшой горный массив, нанесенный на все карты ориентир. Тогда недоверие сошло на нет.

— Мне сам Лес дорогу подсказывает. У нас взаимная любовь, он меня аж с родной Земли сюда выманил.

— Это правда, что ты прыгнула в схлопывающийся портал?

— Правда. Если б осталась там, я бы сторчалась от тоски. Хорошо, вовремя это поняла. За секунду, прикинь, до «уже поздно».

— Извини, что бы ты сделала?

— Ну, подседа бы на наркотики и все такое.

Я бы не смог ни сунуться в нестабильный портал, ни «подсесть». Но это не потому, что я более рассудительный и нравственный, чем Ола. Просто мы по-разному устроены.

В кабину таран-машины меня пустили только в тот первый раз, а потом я, как полагается дисциплинированному пассажиру, ехал в своем купе. Рядом запертое и опечатанное пустое купе, которое занимали раньше Джазмин с Ингой. Словно за стенкой ледник и оттуда тянет почти потусторонней стужей.

По вечерам, когда караван останавливался, я ходил к Олимпии в гости. Ей предоставили свободные апартаменты в

одном из фургонов первого класса: две смежные комнатки с персональным туалетом, королевская кровать, расписанный ирисами эмалированный умывальник, круглое настенное зеркало с золоченым ободком, привинченные к полу плюшевые кресла, на окнах лакированные жалюзи, на полу ковры с геометрическим узором в коричневых тонах.

Вначале мы сразу лезли в кровать — и все побоку. Днем ду-малось: убьет меня Валеас, это для него что муху прихлопнуть, из-под земли достанет и убьет. Но тут же возникала другая мысль, вперевивку: ну и ладно, пусть убивает, зато сейчас у меня есть Ола.

Вскоре после того, как феерические белые фестоны Пяного хребта остались позади, у нее начались особенные женские дни, и тогда на смену постели пришли разговоры.

— Мы жили на двадцать четвертом этаже, можешь себе представить?

Я кивал: «ага, представляю», хотя видел небоскребы только на картинках и в кино — и то не мог отделаться от впечатления, что это сплошные фантазии, а в жизни такие дома невозможны.

— Мама, папа и я. Папа работал участковым контролером муниципальных мусороробочных роботов, мама была «карамельной девочкой». «Карамельные девочки» — это те, кто ходит на улице и зазывает во всякие магазины, салоны и так далее. Сколько за это платят, сам догадайся. Они с папой так познакомились, и она бросила этот отстой, но когда мне было пять лет, папе раскрыл голову глюкнувший робот. Говорили, что это подстроил наладчик с их участка, сводивший счета из-за придирок, но доказать ничего не доказали. Мы с мамой остались вдвоем. Она убежала на работу, а меня запирала в нашей маленькой квартирке, потом я стала ходить в школу. За папу платили не ахти какую пенсию, но мама старалась накопить денег на мою дальнейшую учебу. Ей хотелось, чтобы я получила приличную профессию, а не перебивалась, как она, всякой дешевкой последнего разбора. В «карамельные девочки» ее больше не брали, и она подрабатывала нянькой у богатых. Такая мерзопакость... Ей везло на «подкладочников» — так у них в агентстве «Добрая бонна» называли хитрожопых клиентов, которые суют денежку под половик, или в кухонный шкаф,

или еще куда, а потом заставляют тебя там прибраться. Проверка: возьмешь — не возьмешь. Моя мама ни в жизнь не тронула бы чужого, и эти подкладочные фокусы сильно портили ей настроение. Вдобавок детки были под стать родителям и всяко изгалялись, твердо зная, что им ничего за это не будет, а если она хотя бы голос повысит, ее уволят. Однажды ей облили голову акриловой краской. Типа шутка. Хозяева тогда заявили: твоя проблема, мы тебе платим за то, чтобы дети нам не мешали. Маме пришлось срезать волосы почти под ноль, и, что характерно, ни фига за ущерб она не получила, а в суд подавать не захотела. Ох, как оно им отлилось потом... Года через три эта семейка полетела на Луну, купила часовую экскурсию по Морю Спокойствия, и прогулочный модуль разгерметизировался, а помощь опоздала. Я только здесь уяснила, что это была скорее всего моя работа. Когда мама плакала дома после инцидента с краской, я очень-очень сильно пожелала им зла. Кстати, ничутьючки не раскаиваюсь, потому что не фиг было с ней так поступать.

Смотрит с затаенным вызовом. Ясные глаза, слегка вздернутый прямой нос, упрямый точеный подбородок. Красивая и чуждая рефлексии, а у меня все наоборот. Нет, никаких подсказок для дальнейшей жизни я у нее не найду, и все-таки мне с ней хорошо. Хоть и убьют меня за это нечаянное дорожное счастье, как пить дать убьют.

— Мне было шестнадцать, когда маму сбила насмерть машина. Меня, как несовершеннолетнюю, уекли в госприют для детей-сирот. Гадючник редкой паршивости. Эти сиротки были намного паскудней твоих одноклассников, которых съела последка. Иерархия хуже, чем у взрослых бандитов, девочек насилуют, аутсайдеров бьют, макают головой в унитаз и все в этом роде. Учителя и воспитательницы ни хрена поделать не могут — здесь самим бы уцелеть, и благоразумно притворяются, будто в упор ничего не видят. Причем меня запихнули в этот ад не в наказание, а из гуманных соображений, типа для моей же пользы. Я оттуда сделала ноги, потому что понимала свою пользу иначе. Я ведь была новенькая, да еще из *домашних*, и занять там мало-мальски привилегированное положение мне никак не светило. Естественно, объявили в розыск, но криминала за мной не числилось, так что специально не лови-

ли. Другое дело, если б я попалась — сдали бы обратно, поэтому целых два года мне надо было перекантоваться в подполье. Я тогда объездила автостопом почти всю Европу, иногда воровала, иногда трахалась за кредитки или за еду. Чего у тебя сразу такие глаза? Ну да, я не хотела быть подстилкой для прыщавых жожаков госприюта, а ради заработка — почему нет? Из двух зол я выбрала то, за которое хотя бы деньги платят.

Этого я тоже понять не могу и ни за что бы насчет Олы такого не подумал, пока сама не сказала. И еще я, наверное, не рискнул бы сбежать из приюта, пусть даже совсем гнусного, в полную неизвестность.

— Под конец этого чокнутого квеста я прибилась к банде лесби и болталась везде вместе с ними, а когда мне стукнуло восемнадцать, отправилась выцарапывать свою квартиру. Какой разговорец у нас состоялся с муниципальной дамой из Департамента Опекы, какое охрнительное взаимное лицемерие... Она ведь отлично знала, что творится в госприютах, и однако же, глазом покрашенным не моргнув, сплавляла туда таких, как я, — потому что по закону положено. И начни кто кричать направо и налево о тамошнем беспределе, ей станет стремно, поэтому она постарается такого человека упрятать куда-нибудь, типа в психушку. Я это мигом схватила и разговаривала с ней милым доверительным тоном, ссылаясь на свою стеснительность, впечатлительность и все такое: мне, пай-девочке, там было непривычно, поэтому я ушла, и я уже забыла все, что там видела-слышала, а теперь хочу стать полезным членом нашего прогрессивного общества, бла-бла-бла. Она оценила и не стала меня гробить. Вроде как я успешно сдала экзамен на социальную зрелость. Получила документы, снова поселилась дома, потом и работенка по способностям подвернулась. Меня взяли в «Бюро ДСП», расшифровывается как «Движущая Сила Политики». Мы на заказ дурили головы электорату: всякие-разные пикеты, митинги, провокации. Естественно, это неплохо оплачивалось, а в будущем я собиралась стать дипломированным политтехнологом — и на все забил, когда меня позвал Лес.

— Не жалеешь?

— Представь себе, нет.

— И не скучаешь?

— Всяко бывает. Там у нас, конечно, потоки информации, масса интересного, больше наворотов... Зато здесь мне лучше живется.

И после коротенькой паузы Ола серьезно добавила:

— Живется — от слова «жить».

— Кажется, понимаю, — произнес я не вполне уверенно.

— Здесь я отмякла, вытряхнула из себя все лишнее, а там я такой, как была тогда, осталась бы насовсем. Во фразочку выдала, а? — Она сама над собой засмеялась и потянулась за чашкой с жидким, но сладким кофе, в который мы еще и коньяк от капитанских щедрот доливали. — У меня там была куча приятелей, подружек, знакомых, я же общительная, но друзей не было ни одного. А тут у меня есть друг. Эвка. Привезу ей подарков из города, она любит шоколад и картинки с кошками.

— Еще одна лесная ведьма?

— Ага. — Глаза у Олы блеснули так, словно с этой Эвкой связана какая-то тайна, о которой я нипочем не догадаюсь.

— Сколько же вас там, на этой заимке?

— Конкретно двое, мы с Валом. Эвка гостит у нас время от времени. Там настоящие бревенчатые хоромы — восемь комнат, кухня, баня, кладовки, теплый санузел. Жалко, наставница Текуса не с нами. Чудесная женщина, хоть и любит иногда поиграть в Бабу-ягу. В начале зимы она отослала нас в Лес и на прощанье сказала: когда почую свою смерть — позову, чтобы вы пришли меня проводить. После того как убили Изабеллу, она расхворалась и еще больше постарела. — И, словно без всякой связи, Олимпия с ожесточением прошептала: — Мразь эта Инга...

Не Ингу ей хотелось обругать, но недаром же она, как сама выразилась, «успешно сдала экзамен на социальную зрелость».

— Вы там не мерзнете? А то Эберт ведь только-только после пневмонии...

У меня с «социальной зрелостью» тоже все в порядке, лучше увести разговор подальше от чреватой темы.

— Там тепло. Однажды, когда ударили морозы, мы так раскочегарили, что ходили по дому в одних трусах, Эвка над нами смеялась. Снаружи минус двадцать шесть, на окнах сверкают ледяные загогулины, а у нас отдельно взятые тропики. Эберту

по-любому лучше было остаться там, чем ехать с караваном дальше. Вал не даст ему заболеть, а в дороге он бы запросто снова простудился.

— Если бы вы пришли раньше...

Подумалось о Джазмин, которая, возможно, не обессилела бы до такой степени и смогла бы дать отпор убийце, появившись лесные раньше на несколько дней.

— Нас тут не было, мы на тризну ходили.

— На какую? — растерянно моргаю.

— Ты же слышал о Девятицветной Изморози... Вот по этому поводу и была тризна. К тому же Вал принимал участие в охоте на убийц.

— Вместе с серыми?..

— И скажите ему за это большое человеческое спасибо, потому что иначе они вырезали бы в отместку весь ваш караван.

Я вспомнил госпожу Старый Сапог с ее рюкзачком из бархатной шкурки кесу. Такая деталь взбесила бы автохтонов... А Высших, по слухам, убить невозможно, так что рисковала она отнюдь не собственной жизнью. И Инга променяла Джазмин на это! Выбрала себе новую наставницу в самый раз.

Догадываюсь:

— Эвка твоя — кесу?

— Княжна. Родоплеменная аристократка до кончиков ногтей. Владеть холодным оружием научилась раньше, чем ходить. Красивая, лицом на кошку похожа.

— Ола, они же убивают людей! Нападают на окраинные деревни, и после них там одни растерзанные трупы.

— А люди убивают их. Нападают на стойбища, и там после тоже одни трупы, в том числе раскатанные в лепешку. Война. Не бывает, чтобы в такой войне одна сторона была плохой, а другая хорошей. Я лесная колдунья и должна быть мостиком между людьми, которых пустили сюда жить — не помню сколько лет назад, — и тем, что здесь было всегда. Джазмин, наверное, объясняла вам такие вещи, правда? Ты прикинь, сколько смертей с обеих сторон не случилось благодаря тому, что есть мы с Валом, и еще Текуса, и еще была Изабелла... Кроме того, когда я тут поначалу влипла, меня подобрала и пригрела именно та сторона. О людях, которые воюют с кесу, на осно-

ве личного опыта ничего положительного сказать не могу, вот так-то.

— А Валеас тебе кто?

Спросил и малость испугался, хотя его сейчас нет рядом.

— Это он притащил меня летом к Текусе. Бабка оказалась классная, особенно когда я перебралась сюда насовсем и узнала ее получше. Валу я тоже по уши обязана, он меня очень крупно и круто выручил. Вообще-то не специально, он хотел укрыться от дождика в какой-никакой халупе и в своем типичном стиле смел с пути все препятствия, тогда мы и познакомились. Иначе мне бы кирдык. Потом Изабелла взяла меня в дочки, и я у него заместо младшей сестренки, хотя по возрасту мы ровесники. Знаешь, тот вариант, когда сестренке всегда готовы надавать тумачков, но в беде не бросят.

— Если вы как брат и сестра... То есть...

— То есть мы не спим, если ты об этом. Вернее, спим, но не друг с другом.

Я чуть не ляпнул «почему?», однако решил, что лучше не докапываться. Вдруг это связано с их лесной магией, из тех вещей, которые нельзя обсуждать с посторонними, тогда Ола может рассердиться.

Так как уже открыл рот, спросил другое:

— Он не собирается стать целителем?

— Ага, дождайся. Изабелла с Текусой пытались его на это направить, а ему неинтересно. Так-то он запросто может срastить перелом, закрыть рану, убить заразу, даже серые шаманки фигейт, когда на это смотрят, но он не хочет быть лекарем. Подлечить кого-то из своих — всегда пожалуйста, упрасивать не надо. И еще он за интим этим расплачивается. Не знаю, с кем он был той ночью в облезлом фургоне второго класса, но внакладе там не остались. Вал не паразит вроде тех, о ком тогда говорили. Что-то берет, что-то дает взамен.

Как бы она ни выгораживала своего «старшего братца», мне он глубоко неприятен. Не будь он лесным колдуном, мотать бы ему срок на каторге. Есть за что, не сомневаюсь. Да хотя бы за тот ночной визит в пассажирский фургон, нашел себе бордель... Не говоря о сотрудничестве с серыми хищницами и убийстве солдат из карательного отряда. Для того что-

бы быть связующим звеном между людьми и Лесом, убивать людей совсем не обязательно.

Вслух я об этом не стал. Ола ведь и сама дружит с княжной Эвкой, которая на самом деле вовсе не Эвка, а носит какое-нибудь длинное изящное имя, как у них принято.

А Валеас мерзавец еще и потому, что не хочет становиться лекарем. Кто его спрашивает, если у него дар? Да если б я позволил себе такие выкрутасы, мне бы живо поставили мозги на место.

На периферии скребется невнятная ускользящая мысль: и не ухватишь, и не уходит. Важная мысль, так что лучше бы она оформилась... Надо ее *вытянуть*, Джазмин нас этому учила, как и многому другому.

...Закрытое книгохранилище библиотеки Танхалийского университета, куда нас с Ингой пустили по просьбе наставницы, чтобы мы посмотрели там кое-какие раритетные издания по истории магии. Случайно подвернувшийся под руку сборник в неброской обложке: «Кесейские мифы и легенды», переводчик и составитель Изабелла Мерсмон. Мать Валеаса, как теперь понимаю. Меня тогда поразил сам факт существования такой книжки — невероятно, как молочный дождь или растущие на деревьях ботинки, — и я принялся ее листать, пока Инга, охваченная командирским зудом, не шикнула, чтобы я положил «эту ерунду» на место и смотрел, что велели.

Сказание о княгине Оссэвиздме. Когда враги ее отравили, кланы, прежде объединенные под ее властью, начали между собой воевать, но год спустя старая шаманка по имени Шэкэди-кьян-Танса вернула из Страны Мертвых предательски убитую правительницу, и та, вновь воцарившись, положила конец кровавым сварам. Гляди-ка, даже имена сказочных серых бесов запомнил... Мотив *возвращения* мелькал и в других текстах этого сборника.

— Ты чего? — интересуется Ола.

Запинаясь и путаясь, словно только вчера научился разговаривать, выкладываю свои соображения. Если кесу умеют воскрешать умерших, вдруг и Джазмин можно вернуть? Холодный зимний ветер развеял ее прах, но ведь отравленную княгиню Оссэвиздме тоже, как сообщает легенда, сожгли на погребальном костре — и это не помешало ее воскресить.

— Ты не знаешь, о чем говоришь. — Она становится серьезной, как никогда, и я впервые вспоминаю о том, что она старше меня лет на десять, до сих пор это совершенно не чувствовалось.

— А ты знаешь?

В ее глазах мелькает что-то, заставляющее меня сделать вывод: да, знает. Хотя бы приблизительно. Во всяком случае, побольше, чем я.

Уловив, что я это понял, Олимпия с досадой вздыхает:

— Матиас, это совсем не то, что ты думаешь. Никакое не воскрешение и не вызов духа из Страны Мертвых. Я ведь тоже совала сюда нос, из чистого любопытства... — Она слегка покусывает припухлые губы и как будто колеблется, говорить ли дальше. — Специально мне никто ничего не объяснял, я эти знания нахватала по кусочкам, где сумела, потом слепила вместе и спросила у Изабеллы: правильная картинка или нет? Она подтвердила: правильная, молодец. Ну, ладно, поделюсь, но тебе от этой информации не будет ни жарко, ни холодно.

Киваю. Заранее захватывает дух.

— Клянусь, я никому не скажу.

— Не имеет значения, все равно это специфическая волшба кесу, недоступная людям, но ты и в самом деле лучше не болтай. Это называется длиннющим кесейским словом, которое переводится как «выбор одного из двух». Не догадываешься, кто и что выбирает?

Беспомощно мотаю головой.

— А вот я в свое время догадалась... Чтобы выгорело, необходимо соблюсти несколько условий. Во-первых, после смерти того, кого хочешь вернуть, должно пройти как минимум полгода. То есть половина *долгого roga*, шестнадцать человеческих лет. Во-вторых, нужна кесу-шаманка, готовая на крайняк пожертвовать собой, лишь бы все получилось. Для шаманки это смертельно опасный трюк, она должна провести дух того, кого предстоит вернуть, через Страну Мертвых, другого пути нет, и при этом сама рискует. А в-третьих, самое главное... Не понял еще, что в-третьих?

Снова мотаю головой, хотя что-то брезжит... И похоже это «что-то» на бесконечные шахматные поля, уходящие к горизонту, на броуновское движение молекул, на библиотеку из

рассказа древнего староземного писателя Борхеса, которого Джазмин очень любила.

— Нужна такая мелочь, как согласие и желание в данном случае самой Джазмин, — продолжает Ола. — Вернее, того человека, которым она станет в следующем рождении. Надо, чтобы она вспомнила, кем была раньше, и захотела бы снова превратиться в прежнюю Джазмин. Потому и называется «выбор одного из двух». Княгиня Оссэвизде вернулась не с того света, а с этого, как бы из новой жизни в предыдущую, чтобы разобраться с актуальными княжескими косяками. Сам подумай, понадобится ли оно Джазмин?

Я подумал — и почти зажмурился от подступившего ужаса. Нет. Скорее всего нет... С учениками она потерпела под конец полный крах, тут Валеас прав, хоть он мне и не нравится. Припомнилось постоянное в последнее время выражение безмерной усталости в ее лихорадочно блестящих агатовых глазах. Лучше пусть она будет свободна, как ветер, и пусть у нее в следующий раз все сложится удачней... Эту мысль перебила другая, о нескончаемом круговороте молекул и духов, и я, невольно ежась, как от внезапного холода, потянулся плеснуть коньяка в чашку с остывшей бурдой.

А потом мы сидели в «Кофейне-на-Бутре», пили «Зимний капучино» с пышной кремовой пеной и смотрели на громоздящиеся за окном черепичные крыши.

Этот дорожный кошмар все-таки закончился, и если б еще можно было сказать, что все остались живы... Не все. И я по-прежнему не знаю, что мне теперь делать. Ола не подскажет, она не из тех, от кого дождешься таких подсказок.

— Ничего себе эта ваша Танхала! — Ее глаза светятся из-под челки весело и мечтательно, с предвкушением. — И отель у Трансматериковой вполне ничего себе, мне понравилось. Наперво пойду в косметический салон, потом на разведку по магазинам... Марленский пассаж — это ведь отсюда недалеко?

Капучино с сахаром, а все равно не может перебить привкус горечи. Пшенично-пепельная челка, лукавые и сочувственные улыбочки, не всегда понятные иноземные словечки, скульптурно точеное тело, сильное и распутное, — все это ус-

кользает, уплывает, не удержать мне Олу. Да я знал это с самого начала.

— До пассажа отсюда минут пятнадцать по улице Желтых Мимоз, — отвечаю как ни в чем не бывало. — Ты ведь любишь городскую жизнь, сразу видно.

— Люблю, — и не думает отпираться. — Собираюсь получить все городские удовольствия по полной программе, а потом затоскую по Лесу — и двину обратно с попутным караваном.

— Тогда тебя обменяют на Эберта?

— Наверное. Если он не захочет остаться. — Тут она почему-то ухмыляется, как будто ей рассказали неприличный анекдот, а потом, уже серьезно, добавляет: — Мне и в Лесу, и в городе хорошо, измерение у вас потрясающее, высший класс! То есть не у вас, а у нас, я же теперь тоже здешняя.

— Ты из-за этого так и не стала политехнологом, как тебе когда-то хотелось.

Сам не знаю, зачем ворошу ее прошлое, напоминаю о несбывшихся мечтах. Возможно, всего-навсего для того, чтобы лишний раз ощутить нашу близость, которая, чувствую, в скором времени рассеется, словно слабенькие ученические чары.

— Еще все впереди. — Выражение лица у нее становится хитрющее. — Кто сказал, что я забила на профессиональный рост? Мне есть на ком тренироваться. Вот увидишь, я еще сделаю из Вала такого политика, что все закачаются и обрыдаются!

— Колдуны в политику не играют, — сообщил я с проблеском превосходства (не все-то она знает лучше меня). — Мы в стороне от этой суеты, так было всегда, с самого начала.

— Бывают же исключения из правил, — она хмыкнула с самоуверенным прищуром из-под челки, — которые вроде как подтверждают эти самые правила, чтобы правилам было не обидно. У Вала ого-го какие задатки, но с ним в этом направлении еще работать и работать. Успеется, мы же подвид С, времени у нас уймаща.

— И что у вас за политическая платформа? — Меня и впрямь разобрало любопытство.

— Да без разницы, об этих заморочках Вал пусть сам думает. А я имиджмейкер и консультант по пиару, у меня, если

улавливаешь, другая специализация. Если честно, все эти идеологии-болтологии никогда меня не интересовали. Я же не электорат, чтобы грузиться этой мурой.

Немного боязно мне стало от ее радужных планов. Может, лучше не надо бы делать из Валеаса такого политика, чтобы все обрыдались? Сказать об этом вслух не успел, официантка в белом крахмальном переднике положила передо мной счет.

Мы с Олой вместе дошли до Марленского пассажа.

— Ну, пока, Матиас. — Она озорно и тепло улыбнулась. — Главное, не скисай из-за своих проблем. Когда-нибудь еще встретимся!

Я смотрел ей вслед сквозь снежную пыль, искрящуюся в лучах проглянувшего из облачных хлябей солнца. Олимпия направилась к трем стрельчатым аркам, под которыми то и дело открывались и закрывались замызганные стеклянные двери. Над средней, самой высокой, самодовольно белели часы с модерновыми фигурными стрелками. Моя лесная ведьма лавировала в суетящейся толпе, словно танцуя. Поношенные рыжевато-коричневые ботинки (она не пошла гулять по городу в ке-сейских мокасынах, и правильно сделала) уверенно месили рыхлую снежную кашу, сдобренную солью.

И не моя она вовсе. Если Валеас напоминает смертельно опасного крупного хищника, то она вроде серебристой луницы, верткой, нахальной, любопытной и независимой. Ее не удержишь — выскользнет из рук, оставив память о легком шелковистом прикосновении.

Не думайте, я ведь прекрасно понимаю, что Ола беспринципная, циничная, бессовестная, сообщница Валеаса, подружка серой княжны Эвки, а от ее «гражданской позиции» у кого уютно волосы встанут дыбом. И все-таки есть в ней толика той человеческой доброты, которая, по словам Джазмин, прорастает сама собой, как трава, несмотря ни на что.

А образцово правильная Инга этого лишена — качественный бетон, никакая трава не пробьется. На Земле Изначальной Инга стала бы яркой революционеркой, или террористкой, или несгибаемым функционером какой-нибудь тоталитарной организации, для которой «цель оправдывает средства». А у нас кем станет — Высшей? Господи, спаси и сохрани нас, если это так.

Ола скрылась в дверях Марленского пассажа. Подняв воротник, чтобы снежинки не лезли за шиворот, я подумал о том, что она, если разобраться, честная. Никакого противоречия, она всеми своими штришками невербально предупреждает: «Вот такое я хитрое-прехитрое существо, имейте в виду». А Инга до последнего времени (до тех пор, пока не свела знакомство со Старым Сапогом) смотрела на Джазмин восторженно и преданно, как примерная ученица. Что называется, ела глазами. Вот и съела в конце концов.

И что мне все-таки делать дальше? То есть так-то я знаю, что должен пойти к старейшим колдунам Танхалы, рассказать о своем проступке, о суде, о приговоре, о том, как погибла Джазмин, и после этого меня определят на какой-нибудь продуктовый склад, вдобавок назначат (скорее всего по жребию) временного наставника для обучения способам блокировки, чтобы на будущее никаких резонансов. Вряд ли обучение выйдет за рамки необходимого и достаточного. Я теперь не смею претендовать на что-то большее.

Но что мне делать с самим собой, кто бы объяснил!

Пришедшая вслед за этим мысль так меня поразила, что я чуть не поскользнулся на темной наледи, притаившейся под месивом киснущего на тротуаре соленого снега.

Слова о подлости, которые стоили Джазмин жизни. Убив ее, Инга подтвердила то, что хотела опровергнуть, доказала проступком то, от чего вслух отпиралась. С такими, как она, это случается сплошь и рядом.

Тут я снова вздрогнул: в бледном искрении снежинок, сыпущихся с облачного неба в солнечных прорехах, мне почудилась на миг улыбка Джазмин.

СИБИРСКАЯ БЫЛЬ

Трем женщинам

Нет еще на свете науки, изучившей любовь. И нет еще человека, который бы точно сказал, что это такое. А если и появится такой «ученый», то будет он проклят человечеством за осквернение самого чистого и прекрасного чувства, на которое способен человек...

Одна из них

ывает так, что очень часто не замечаешь очевидных и вполне простых вещей. А иногда просто ошибаешься, принимая одно за другое. Например, добро и зло, свет и тьма — материи настолько труднопонимаемые и настолько же не объяснимые словами человеческого лексикона, его категориями. Но люди зачастую вовсе не замечают тонкой грани меж ними, а то и вообще путают между собой, искренне полагая, что знают истину и имеют право судить.

Говоря так, я, конечно, в ваших глазах сейчас претендую на некоторую объективность... всезнание, что ли, но... если будет угодно или есть особое желание — осудите меня. Спорить ни с кем не собираюсь, незачем. Просто полагаю, что видел немало, а от этого и понимать кое-чего научиться несложно. Только бы голову иметь...

История, которую я хочу вам рассказать, возможно, как раз о таких людях. Вроде бы и неглупые, вроде бы и не дети, вроде в жизни разбираются, а на тебе... Хотя тут судить, конечно, не мне. Я просто продам за то, за что купил.

Слушать и рассказывать — моя жизнь: хлебом меня не кормите, а дайте потреть язык. Хотя если вы за это еще и

кусок хлеба дадите, счастьем моему человеческому предела просто не будет.

При этом хочу предупредить, что искренне верю в хорошие финалы, в добрых фей и непобедимых героев, спасающих народы. Поэтому, если я буду улыбаться чаще, чем это нравится вам, прошу, не держите на меня обиды. Я часто улыбаюсь. Что бы ни произошло. Я так привык. Хоть часто и говорю не веселые вещи.

Давайте лучше я сяду к вам другим боком, тогда почти не будет видно недостающего зуба. Это бывает. Когда поживешь на этой земле и кое-что узнаешь о ней, рано или поздно, в детстве или в старости, ты нет-нет да и потеряешь пару белоснежных зубов. Но это я немного отвлекся...

В общем, нам с вами спешить некуда. Если хотите, можете передвинуться вот сюда, на солнце. Тут чисто, поверьте, я сижу на этом месте каждый божий день. Вот уже много лет.

Сказать честно, мне чертовски приятно, что вы уделите мне минутку, это под силу далеко не каждому. Класс людей, к которым имеет честь принадлежать ваш покорный слуга, по ряду определенных причин не особо почитаем в народе. Хотя, если разобраться, жизнь на улице имеет свои неоспоримые преимущества перед... Что? Ах да, простите, перехожу к сути.

Одно я вам скажу точно — то, что вы услышите от меня, вы никогда не сможете... постичь самостоятельно. Если только не захотите в один прекрасный день стать бродяжкой? Кстати, я еще не рассказывал вам о том, как это произошло? Женщина, которую я всю свою жизнь считал своей матерью... хотя это на самом деле немного другая история. Просто я хотел сказать, что годы, прожитые под открытым небом, заставляют много думать. Замечать разные вещи, на которые у вас попросту нет времени, и думать.

Но одно я вам скажу точно: истина все равно непостижима, как поиск этой тонкой черточки, отделяющей добро от зла.

История, о которой я вам хочу поведать, произошла прямо здесь, на новосибирском Шлюзе, — хотя скажу вам откровенно, подобное вполне могло случиться в любом уголке мира, хоть на Камчатке, хоть в Латинской Америке. Да, кстати, я разве не говорил вам, что мои родители несколько лет прожили в Аргентине? Это было нелегкое время. Хотя то, что происходит сейчас, особо легким тоже не назовешь...

Еще одно я вам могу сказать точно: мне нравится жить прямо у моря. Жизнь словно волна — зимой замерзает, летом плещется легко и свободно. Лови рыбу, купайся. Если повезет, некоторое время проживешь у какой-нибудь... ну, в общем... Да и приработки стороной не обходят. Только на месте сидеть нельзя. А еще нужно побольше улыбаться. Примерно как я.

День только и состоит что из поиска пищи, отдыха, бесконечного загара, превращающего тела в бронзовые статуэтки, да наблюдения за людьми. Они спешат, бегут по своим делам, занятые и сосредоточенные, брезгливо обходят меня стороной, изредка одарив монеткой или, что чаще, проклятием сквозь плотно сжатые зубы. Но при этом рассказывают мне много больше, чем если бы я был их исповедником. Даже молча, занимаясь своими делами и совершенно не думая обо мне, люди рассказывают очень и очень многое. Гораздо больше, чем им хотелось бы поведать. Нужно только уметь наблюдать.

Шлюз для меня — все: рай, реже ад, Родина, дом, убежище и место моего существования. Я не променяю его ни на город, ни на другую страну. Да, конечно, в Аргентине тоже можно загорать, но... Спорить не буду, здесь далеко не всегда так хорошо, как летом, а практически не тронутые человеком леса гудят комарами лишь коротким и жарким летом, а в остальное время насквозь пронизаны ветрами, но... Я все равно люблю это место — тихое и доброе, как персональный Эдем.

Иди на пляж, обирай чужие грядки, лови рыбу и помогай шпане мыть машины. Собирай бутылки и блаженно впечатывайся в покрывающий крыши девятиэтажек гудрон. А хочешь побыть с людьми на равных — дуй на нудистский пляж, падай пузом в песок и лениво поглядывай на резвящихся в волейбол обнаженных красоток. О какой Калифорнии вообще может идти речь?..

Нет, не подумайте, на этот раз я не отвлекся. В том-то и дело, что история, что вы великодушно согласились выслушать от столь странного и не очень толкового рассказчика, и заставила нас всех — и старых и малых, считающих новосибирский Шлюз самым тихим местом на земле, — призадуматься. А с тех пор как она произошла, люди начали нервно оглядываться друг на друга, почти не ходят по ночам в магазин и истерически вопят в ночи, заслышав шелест крыльев летучей мышки, которых у нас тут полным-полно.

То, что вы услышите, может на первый взгляд показаться выдумкой или просто побасенкой, что рассказывают бродяги, чтобы выпросить на очередной кусок хлеба. Но я вам так скажу — мне хлеб сейчас не очень-то и нужен, а если вы найдете способ разговорить любого живущего в районе шлюзового автобусного кольца, то поймете, что сказанное — не просто выдумки и сказки.

Я тысячу раз молил господу, чтобы так оно и оказалось, но откройте глаза, войдите в шепчущую толпу, и вы поймете меня...

— Как скоро?

— Почти, почти, родной, осталось совсем немного...

— Я сильно устал.

— Я знаю, родненький, потерпи, потерпи еще немного. —

Она поднялась с пола и склонилась над его лицом, касаясь кожи прядью волос. — Я правда знаю, каково тебе, но прошу: потерпи еще чуть-чуть. Все уже готово, нам остается только дожидаться...

— Я голоден. — Он почти встал, решительно обрывая разговоры, и отбросил ее волосы со своего лица.

— Еще не время. — Она мягко, но непреклонно надавила на его плечо, заставляя снова откинуться на подушку, и прикоснулась к его щеке, нежно щекоча ее кончиками ногтей. — Я позабочусь о тебе, поверь, ты не останешься разочарован.

Он отвернулся, уворачиваясь от ладони, и прикрыл глаза. Слишком долго... Охватывая внутренности знакомым болезненным туманом, из глубины организма поднимался голод. Он слотнул и облизнул пересохшие губы.

— Я умираю?

— Нет, родной, ты не умрешь...

Чувствуете, как похолодало? Так всегда происходит, стоит заговорить об этой истории. Да нет, что вы, не волнуйтесь... просто это так... устроено, что ли. Нет, все в порядке... Отчего же не стоит? Я так скажу — придет осень, и люди вообще пеплом эти события покроют. А потом еще и закопают. Для верности. А я, хе-хе, и вовсе до зимы могу не дотянуть.

А что? Всякое в этой жизни бывает... Так что вы слушайте, а потом другим расскажете. Истории умирать не должны... Вы лучше вот сюда передвиньтесь, а то озябнете в тени совсем. Да это ничего, я отодвинусь. Вот так...

Началось все это не летом. Раньше немного. Солнышко еще только-только поглядывало сверху вниз на промерзших и усталых от зимы людей, лениво одаривая их редкими лучами, на каждом углу кричали про выборы, инаугурацию и войну, городом правил другой мэр. А снег вообще начихал на законы природы, равнодушно наблюдал за наступлением весны и совершенно не собирался таять.

Нелегкое время было, та весна. Много моих знакомых, ну вы понимаете, о ком я говорю, с гриппом слегли тогда и вообще не рассчитывали дотянуть до тепла. Шум этот поднялся, операции по поиску террористов среди бомжей, взрывы домов в других городах. Подвалы чистили, нашу братию гнали на улицу. Да, было нелегко. Хотя мы в этом тоже поучаствовали — нашли тут на Шлюзе одного торговца абрикосами, чучело волосатое... хотя об этом не могу рассказать — расписку взяли какую-то, грозились страшно... мол, чтоб людей не пугать. Ладно, в общем, жили помаленьку да лета ждали. Кормился я тем, что помогал за копейку снег с катеров и яхт сбрасывать, вот и не помер.

Убивают, грабят и насилюют везде. Наш Шлюз не исключение, вот только чужаков у нас тут меньше, да и только. Статистику никто не ведет — кому это надо? Ну, в этом месяце столько-то, а в этом столько-то... Но для своих, для знающих половину двора в лицо, произошедшее той весной — не просто цифры о числе умерших.

Вы, конечно, слышали о похоронах Вадима и Ирины. Кто на Шлюзе этого не слышал?

Красивая печальная сказка, коих патологоанатомы могут рассказать сотни. Они жили счастливо и умерли в один день. Молодые и красивые, словно уснувшие в своих гробах — так мне о них говорили. Скажу честно, ужасно жалею, что не был на похоронах. А народу, говорят, собралось... Все провожать пришли. Такие молодые не должны этот мир покидать — рано. Хотя я вам так скажу: жить в нем они тоже права не имели...

— Как он?

— Неважно... Все время порывается вскочить и броситься вон. Иногда даже бредит.

— И что, бывали откровения? — Хлопнула дверца холодильника, гость устроился на табурете, открывая бутылку пива.

— Нет. — Она едва заметно вздохнула, подставила стакан. — Обычный бред. Знаешь... — Их глаза на миг встретились. — Я уже начинаю задумываться, что мы можем опоздать.

— В самом крайнем случае придется поступить проще. — Он многозначительно посмотрел в окно, задумался на мгновение и поднес бутылку к губам. — Ты знаешь, а я, кажется, уже нашел...

— Да ты что?! — Она отставила нетронутое пиво, придвигаясь поближе и сжимая красивые пальцы в кулачки. — Так быстро? Ты можешь начать с нами...

— Это вряд ли... да и необходимости нет. Я, пожалуй, — он улыбнулся, еще раз посмотрев в окно, — сам.

— Да, наверное. — Она все-таки глотнула пива, проследив за его взглядом. — Но отпускать его сейчас нельзя — все испортит...

— Или умрет. — Пустая бутылка переместилась под стол.

— Я приму решение в самый последний момент.

— Ты молишься?

— Постоянно. Он глух к моим мольбам...

— Не отчаивайся и не теряй веру. Вам что-нибудь нужно? — Он поднялся со стула и по-хозяйски проинспектировал холодильник. — Ну, пиво, понятно, а еще?

Она задумалась, накручивая прядку волос на палец. Кивнула.

— Да, пожалуй. Заскочи на рынок, купи говядины пару килограммов. Посочнее...

— И ты, женщина, — он широко и дружелюбно оскалился, — будешь учить меня, как выбирать мясо?

Она неопределенно повела плечами.

— Ладно, — он положил руку ей на плечо, — я пойду. Вечером или завтра увидимся, привет от меня передавай.

Она кивнула и прикоснулась к его руке.

Да вы подождите, не ругайтесь, дослушайте. Помните, сколько версий ходило? Что ни человек — новая сплетня. И о самоубийстве говорили, и о несчастной любви, прямо Ромео и Джульетта. О покушении, о ритуальном убийстве, ну просто все собрали в кучу. А я вам так скажу: что произошло, чего не было, не суть — умерли они именно вместе, как жить хотели, и в этом их счастье.

Ну да, наверное, не с этого начать стоит. Про похороны да про смерть их печальную, поди, наслышаны, а то и сами там были, а вот правду мало кто знает, а кто знает — боится. Нет... хе-хе, мне нечего бояться, не беспокойтесь.

Со свадьбы их начнем, пожалуй. Ага, точно, оттуда. Где-то в начале марта, когда Вадик из армии вернулся.

Сам его видел, ей-богу. На Кольце с автобуса сошел, водиле рукой помахал, обернулся и замер. Красавец такой, парень видный — ну вылитый жених. Я его прямо и не узнал сначала. Чаще бывает, сгибает людей армия, чище чем зона, сушит и болезнями одаривает. А тут просто расцвел паренек, возмужал, в плечах раздался — статный, высокий, даже загорелый. У нас еще морозы вовсю, а он в одной ветрочке и кепке, кроссовки по снегу скользят. Его ветер прошибает, а он стоит и воздух нюхает, будто пес. Да улыбается.

Я вам так скажу: запросто люди такими не становятся, и семи пядей во лбу не нужно быть, чтобы огонек в груди парня не рассмотреть. Такой огонь и снега топит похлеще майского солнца.

Постоял он, огляделся да напрямик домой зашагал. Да не к себе, а сразу к Иришке. Люди смотрят, оглядываются, кто признает, кто просто улыбнется.

Ирина, говорят, как ему дверь открыла, так просто ему на руки и упала. Дождалась, стало быть. А ждала она его, прямо скажем, верно. Все им свадьбу пророчили, за глаза и в открытую сватали, любовь крепкую сразу видно, а время ее, любовь эту, только закрепило. Письма писали друг другу каждую неделю, Иришка места себе не находила, если почта задерживала. С подружками — только о нем, все фотографию при себе носила, прямо на сердце. На других парней даже не смотрела, а уж сколько их было-то...

Звонок надрывался до тех пор, пока где-то за деревянной перегородкой не щелкнула дверь и до боли знакомый голос не закричал:

— Иду, иду, чего трезвонить-то!

Вадим отпустил кнопку и отступил от двери, чувствуя, как ноги предательски подкашиваются, становятся ватными и чужими. Сердце ухнуло и замерло, подумывая, не разорваться ли. За дверью зашоркали тапочки, клацнул замок. Медленно, словно во сне, дверь поползла в сторону.

Вадим еще немного отступил вбок и увидел ее.

— Здравствуй, Ира...

Она так и замерла — прижав выпачканные мукой руки к фартуку, широко распахнув бездонные глаза — ошарашенная и беззащитная. Еще не веря себе, она судорожно втянула воздух, губы ее дрогнули, и она бросилась ему на грудь, уже не пытаясь скрыть слез.

— Вадик, миленький, любимый, вернулся!

Он шагнул навстречу, распахнул руки и укрыл любимого человечка от всего остального мира в своих объятиях. Ирина прижалась к его груди, ее пальцы все гладили Вадима — его волосы, плечи, спину, руки.

— Вадик, Вадик, любимый. — Ирина что-то бормотала, шептала, иногда всем телом содрогаясь от душивших ее слез. Вадим еще крепче обнял ее, поглаживая по волосам.

— Все хорошо, любовь моя. Ну не плачь, я вернулся, вернулся... к тебе пришел. Не плачь, солнышко. — Он осторожно разомкнул объятия и приподнял заплаканное лицо девушки за подбородок. К горлу подкатила противная предательская волна. — Все хорошо, — повторил Вадим и поцеловал Ирину в губы, долго, нежно, чувствуя соль катящихся по лицу слез.

— Я тебя так ждала... — Ира вновь опустила лицо, пряча его на широкой груди парня. Стараясь не испачкать лицо мукой, принялась вытирать глаза. — Любимый...

Обоим стало так спокойно и легко, и они замерли прямо посреди подъезда, прижавшись друг к другу, словно боялись — отпусти, и исчезнет. Холод, сквозняк — все наплевать. Жарче костра горела в тот миг в старом обшарпанном подъезде любовь двух молодых сердец.

— Ирка, чтоб тебя! Рыба подгорает! Марш на кухню!.. —

Торопливые шаги, мама в дверях, тяжелое «ох!» и хватание за сердце, а после громогласное: — Гришка! Вадик вернулся! — И снова слезы.

Это от радости.

Ириша красавицей была, что уж тут говорить. Высокая, чернобровая, фигура — прямо оса, а сколько за ней парней увивалось, просто жуть. Ни на кого не смотрела и наговоров не слушала, своего ждала. Вот и дождалась.

Ну как Вадим вернулся, может, слышали, тут праздник был — хоть в город от шума уезжай. Родители-то молодых люди не бедные, работающие, копейки не зажимают. Устроили встречу, да и помолвку сразу под это дело. Вадька с пацанами половину массива спойл в эти дни, гомонили и гуляли с утра до ночи. Идут прямо по улице всей бандой, хватать тебя за рукав — и «Ну-ка, пей, наш Вадик из армии пришел!». Да попробуй не выпить... Иришка на седьмом небе была, и, почти не сговариваясь, все начали готовиться к скорой свадьбе.

Хорошо было, радостно на них смотреть. По молу гуляли, и ни снег, ни ветер им счастья испортить не могли. Тепла не дождалась — решили свадьбу прямо так играть...

— И что? Ни разу?

— Да ну тебя, дурака! — Иринка рассмеялась и игриво оттолкнула друга. — Собирает чушь всякую! Иди вон, если такой недоверчивый, людей поспрашивай.

Вадим засмеялся и притянул девушку к себе.

— Да ладно, чего там, я уже поспрашивал. — Он улыбнулся и наклонил голову, стараясь поймать ее губы.

Она увернулась, нахмурилась и в притворном гневе воскликнула:

— Ах, ты еще и следить за мной вздумал! Кольку, поди, своего посылал за мной приглядывать?!

— Ну и Кольку тоже. — Вадим все-таки поймал гибкий стан и притянул к себе, не переставая улыбаться.

Ирина обмякла, вся подалась навстречу и обвила его шею руками.

— Ах вот они тут чем занимаются!

Парочка вздрогнула, Вадим резко обернулся, но тут же снова притянул Ирину к себе, закрывая плечом.

— А уж это наше дело! Вот соберешься сам жениться, тогда и на тебя посмотрим! — Он неохотно выдернул из теплого кармана ладонь и протянул руку, забирая у подошедшего Николая открытую бутылку «Балтики». Наталья отпустила брата и, бесцеремонно отпихнув Вадима — «отвали, защитник», — протянула вторую бутылку Ире.

— И чего вас в такую погоду на мол потянуло, а? — Она сердито взглянула на парней, поправляя ворот куртки. — Сидели бы себе дома, в тепле, видик смотрели бы...

По расширяющейся глади канала лениво тащилась, оставляя за собой мутный пенный след, старая черная баржа. От воды веяло холодом и унынием.

— С тобой посмотришь! — Николай сделал глоток и поспешно спрятался за спины Вадима и Иры. — Весь вечер вместе с вами комментатор Наташка!

Все засмеялись, а Наталья угрожающе надвинулась на брата.

— Я, к вашему сведению и радости, сегодня вам докучать не буду...

Ребята переглянулись, недоверчиво ожидая продолжения, а Наталья намеренно неспешно приложилась к своей бутылке, всем видом давая понять, что обладает Самым Главным Секретом На Свете.

Жалобно закричала озябшая чайка.

— Да ну?... — осторожно произнес Вадим.

— И вообще, — Наталья заговорщически посмотрела на подругу, — я вас скоро оставлю...

— Свидание? — Николай вложил в это слово весь сарказм, на который был способен.

— А что, нельзя? Им вот можно...

Вадик рассмеялся, прижимая к себе Ирину. Ветер ударил в лицо, заставляя глаза слезиться.

— Нам родители разрешили, а тебе-то?

— А мне брат не родитель! И вообще, я сама решить могу, опекуны нашлись! Пейте тут свое пиво и, прости, Ир, яйца морозьте, а я пошла. — Резко развернувшись и даже не взглянув

на брата, Наталья двинулась к разводному железнодорожному мосту через канал.

— Ну, вертихвостка! — Николай улыбнулся вслед сестре.

Тяжелые холодные волны лениво накатывались на бетонный берег. словно их зеркальное отражение, по небу ползли такие же волны серых неопрятных облаков. Весной на самом деле едва пахло.

— Прямо ноябрь какой-то. — Ира поежилась, перекладывая бутылку и пряча замерзшую руку в карман. — Может, правда домой пойдем?

Любовь. Я, скажу честно, сколько прожил, а в вопросе этом разбираться так и не научился. Да и вообще хотел бы посмотреть на того молодца, кто подобное смог. Слышал однажды от одного человека, что любовь — это не когда вы смотрите друг на друга, хоть и неотрывно, а когда смотрите в одну сторону. Хорошие слова. Правильные.

Я сам тоже так думаю, а вот про Вадьку да Ирину сказать не возьмусь. Не мне судить, как у них было. А для молодых — это как болезнь: сам не знаешь что такое, но ощущаешь, чувствуешь нутром — попал в западню. Так вот.

Как к празднику покатилося, Ира все дела бросила, с любимым не виделась — все сидели они с Любкой да платье свадебное шили. Вадик чего только не придумывал, чтобы подглядеть, да отстояли девчонки секрет до самого последнего дня.

Что? Ах да, конечно, простите великодушно. Люба — это подруга лучшая Иришкина была еще с самой школы. Бывает, окончатся последние занятия, и нет дружбы, как не было, а у них все правильно было, по-настоящему. Крепко дружили, секреты доверяли. Жизнь друг другу устраивали.

Говорят, что именно Любаша Иру с Вадиком познакомила, в школе еще, на вечере каком-то. С того, видать, и началось. А Люба за подругу рада была больше, чем за себя.

— Любишь его?

— Ой, Любаха, слов нет!

— Ну, подруга, сейчас завидовать начну! Вот прямо сейчас.

Девушки рассмеялись.

Ира вдруг отложила ножницы, придвинула поближе табурет и замерла, положив подбородок на переплетенные руки. Люба улыбнулась, продевая в иглу очередную нитку и искоса поглядывая на подругу.

— Знаешь, Люб, это на самом деле любовь. — Та опустила руки, садясь напротив подруги. — Не так, как в школе там или в книгах, но настоящая. Сколько дневников, песенников испи-сано, стихов разных — как хотелось-то. И тут на тебе! Прямо захлестнуло!

— А не придумала? — Люба лукаво улыбнулась, но пальцы сами по себе ухватились за ворот платья.

— Не-е! — решительно возразила Ирина, даже привставая со стула. — Сколько раз себя спрашиваю — что это? Любовь? И сама себе отвечаю: да! Это ж не описать — пришло, и все. А что внутри творится, вовсе не выразить, когда его вижу, слышу, чувствую.

— А почему не по-школьному? Вдруг обманулась?

— Да ну тебя! — Ира толкнула по столу ножницы, сминая ткань складками. Отскочив, по гладкой столешнице застучала пуговичка. — Это сильнее гораздо, полнее. Сердцем чую, а оно не обманет. Мой выбор, моя любовь! Сколько вопросов: а есть ли она вообще, любовь-то? А не перегорит ли? А я так считаю, у каждого она вот такая наступить может — когда любишь и навсегда! Вот у меня и наступило, теперь только другим желать можно. Тут даже вопросов никаких — сердце мое мне не соврет...

— А он?

— Ой! Да ну тебя! Я прямо спугнуть боюсь. Все думаю — неужто я счастливая такая, что встречную любовь нашла? Что сама любима? И по-настоящему? Ой! — Ирина зажмурилась и вскинула руки, закрывая пальцами рот. — Любовь ведь — это как? Нельзя ее в одну дорожку, неправильно это. Пусть даже красиво, полно, по-правдашнему, но нельзя — больно слишком, нечестно... А у меня вот...

Она улыбнулась и открыла глаза. Люба сидела напротив, замороженно глядя на подругу.

— Не потеряй. — Люба как-то странно вздохнула и опустила глаза. — Если и вправду любовь, так ее временем, как вино, проверить надо. Так что храни и его любовь береги... Ох,

завидую я тебе, подруга. — Быстрым движением Люба вытерла глаза.

— Ну ты чего? — Ирина приподнялась, ласково улыбаясь подруге. — Перестань... Все будет у тебя. Только в сказки да чудеса верить нужно. Все будет.

Она протянула руку и сжала ладонь Любы в своей.

Тут и свадьба апрельская подходит, день за днем, все уже в нетерпении. Ну, конечно, родители молодых пир отгрохали — не поскупились. У Ирочки квартира на первом этаже, возле арки, дом этот знаете — длинный, за кинотеатром... ну так вот, опять всем двором гуляли, и не один день. Ох, шумела свадьба, ох, звенела. А молодые — ну просто картину пиши, загляденье одно. Все за них рады были, вот вам крест, ни одного завистника или чего такого.

Неприятный, конечно, был момент один. И те, кому думать нечем, все именно на него валят. Да только дело-то совсем другому было, я вам так скажу. Не, врать не стану — связан этот случай был с дальнейшим, это точно, но вы уж мне поверьте — не так, как всем тогда казалось, это точно...

Повздорил на свадьбе жених со знакомым одним недавним, Максимом его звали. Ну, жених, понятно, выпимши, Максим, понятно, тоже. Мальчишник вспомнили, чуть до драки не дошло, гудели долго, потом умяли. Наташка, Максимова подруга, такой концерт устроила, так на Вадика накинута, что разнимать пришлось. Ну и ушли оттуда Макс с Наташей, расстроились сильно.

Ну, следом на Вадика все и посыпалось — ты, мол, с Наташкой повздорил, на людях с ней ругался, Максима бить обещал, ты и виноват, кто ж еще?! Знали все, что вспыльчивый мужик был Вадька, да и не из слабых, вот все к нему и сходилась. Но я вам так скажу: нет в том вины его, наоборот скорее... А кому докажешь?

А еще я так считаю: если бы не Иришка, не отмыться бы Вадику потом от наговоров, съели бы парня, точно говорю. Она одна верила и берегла. Но об этом позже...

Ох, тяжело говорить, сам видел. Где уж тут не увидеть? Много ходишь — значит, много знаешь. Так вот, только отгуляла свадьба, через пару дней и нашли Наташку.

Люди еще пир вспоминали, снег подтаивать по-настоящему начал, как тут это. Убили Наташку. В лесу, по дороге на Академгородок. Ночью убили или поздним вечером. Кто скажет, с этого и началось, а я так сужу, раньше все началось, много раньше.

Дорога лесная известная и среди молодежи страсть как популярна. Тихие тропы, лес, воздух, да и спокойно, в общем. А как, скажи, еще до дому среди ночи добраться, с дискотеки там или от друзей? А тут тропы знакомые, хоженные. На машину денег нет, автобусы — халтурщики, вообще в половину одиннадцатого ходить перестают, вот и остается идти пешком. Да я и сам сколько раз ходил, не вспомню, полчаса — и дома.

Да и, говорю вам, тихо было в лесу всегда...

— Он не поторопился?

— Нет, — сказала она, но в ее словах не было даже намека на уверенность.

Он почувствовал это, приподнялся на ложе и попытался поймать ее взгляд.

— Ты уверена?

Она торопливо отвернулась, повела плечами. Он вздохнул, опускаясь обратно на постель.

— Может быть, тогда и мне пора?...

Надежда, сквозившая в этих словах, была настолько перемешана с отчаянием, что она закусил губу.

— Нет, родной, тебе еще рано. — Она снова повернулась к нему, привычным жестом поправила подушку. — Еще немного, я уже начала действовать...

— Мне хуже...

— Мы делаем все, что в наших силах.

— Я знаю.

Порывы ветра раскачивали телевизионные антенны на крыше. Он тяжело вздохнул и перевел взгляд на окно.

Так вот и Наташа с Городка домой шла, к Максимке, должно быть, торопилась, глупенькая, а тут... Утром ее нашли, кровь на снегу далеко видно. Шум подняли сначала, а потом притихли, от людей скрывать стали.

Да, конечно, слухи ходили, что и говорить. Ага, зарезали

ее, это так милиция официальный отчет составила. Дожили, когда на людей спихнуть легче, чем причину отыскать. Нет, за это с меня расписок не брал никто, вот и скажу.

Не резал ее никто, вот что. Но лучше бы резал. Рвали Наташку, и нещадно. Сам видел, как матерых ментов выворачивало, когда на место приехали. На пол-леса ее раскидало, потому и нашли быстро, а вот осталось от нее... мало. И знаете, как она умерла? Загрызли ее. Я уж знаю, сам следы видел, а когда собак милицейских привезли, те прямо взбесились. Зверь это был, точно. Сам слышал и видел, как менты за головы хватались, пока нас с Осипычем оттуда дубинками не попросили.

Собаки это были, целая стая. Менты на том и порешили, а это что значит? В районе действует стая бродячих псов. Для крючкотворов в форме просто беда. Отчет сляпали, место прибрали, а сами так дворы почистили, что с десятков породистых псин, чьи хозяева отвернулись шнурки завязать или газету купить, по клеткам загребли и хачикам на шашлыки и беляши продали. Думали, пронесет...

А я вам так скажу: только слепой, ребенок или полный дурак не отличит собачий след от волчьего. Сам видел, был я там после. Сравнил, потому что ментовские собачки потоптали рядом со следами этого гиганта.

Я видел волков. За последние годы так по Новосибирской области поносило, что и в охотничьи места попадал. И ночью видел, и днем. Жуткий зверь, и если кто скажет, что повыбили всех их из пригородов, можете посмеяться ему в лицо. Просто зверь этот прятаться умеет похлеще нашего брата. Волчий след был там, уж поверьте.

А менты все за собаками гонялись по дворам и заводам. А уж люди...

Максим как узнал об этом, так две недели пьяный ходил в стельку, слова сказать не мог. Ну, допросы, конечно, поиск свидетелей, да куда там... Мамка Наташина поседела вся, а отца в больницу свезли.

Ну и Вадик, конечно. Что там следы — только масло в огонь. Ох, как сложно правду найти в шуме. Накинулись все на Вадьку — ты, мол, с Наташкой вздорил, ругался, тебя она за своего ненаглядного грязью поливала. Именно ты ее со свадьбы спровадил, на нее у тебя зуб точен был.

Парня это подрубило, если бы не жена молодая — увял бы вовсе. Даже Колька и тот почти с ним разговаривать перестал, все молча по лесу шатался, словно заводной. А потом и вовсе уехал — повез захворавших родителей в деревню. Тут-то Вадик и начал чахнуть. И даже милая Ира не по сердцу была, что могла, делала, но помочь была не в силах.

Ох, опять запамятовал, извиняйте. Николай, друг Вадькин, он же брат Наташкин, что ж я не сказал?.. Любил он сестренку, заботился о ней, а тут вот это. Слухам он, конечно, не верил, Вадик все-таки друг лучший с самого раннего детства, родители дружны всегда были, и даже Максима-то, в общем, вдвоем лупить хотели. Но стал Вадика стороной обходить да почти звонить бросил.

А Вадик? Нелегко ему тогда было, я так скажу. Да и словно камень в их с Ирккой колесо влетел. Жили они у Иришкиных родителей, да вот только жильем это нормальным назвать сложно стало. Те, кто на Вадима косо глядеть не начал, дружно вздыхали и разводили руками — что поделаться, ничего, прорвется молодая семья, окрепнет.

А как все поуспокоилось, Ирина устала. Разлады у них с мужем мелкие да неприятные начались. Стала Ира все больше у подруг пропадать, а Любаха и вовсе сквозь Вадима смотрела. Вот так, стало быть.

— Ты уверена, что все в порядке?

— Ты задаешь этот вопрос уже десятый раз! Ты вообще расслабиться можешь, твою мать?! Еще пойди пива возьми! — Она нервно взмахнула руками, едва не рассыпав стопку лежавших на столе книг.

— Ладно, ладно. — Он примирительно поднял ладони.

Вышел из комнаты, а она поднялась с дивана и замерла у окна. На кухне хлопнул холодильник, звякнула по полу пивная крышечка. Шаги за спиной.

— Ну, прости, больше не буду...

— Кому-кому, а это тебе волноваться нужно — я говорила, подожди еще недельку?! — Она тряхнула головой, отбрасывая прядку. — Чего полез? Невтерпеж?!

— Ну, знаешь! — почти обиженно протянул он. — Есть вещи, которые от меня не шибко-то зависят...

За ее спиной забулькало пиво. Он отставил полупустую бутылку на край стола и вплотную приблизился, обнимая за талию.

— Ему хоть полегчало?

Ответом был едва слышный вздох.

— Наверное, да... Собака, говорит. Ну, это тоже ничего... — Она покосилась на прикрытую дверь. — Тебе привет, кстати.

— Угу... — Он зарылся лицом в ее шикарные волосы.

Ладонь скользнула выше, бережно сжимая левую грудь. Она прикрыла глаза, откинулась назад, но, вовремя подавив вздох, убрала его руку.

— Я не хочу сейчас... Приходи вечером, ладно?

Он недовольно и очень печально вздохнул прямо ей в ушко.

— Мучаешь меня?

— Не тебя, — в ее голосе зазвенел смех, — не тебя, Максим...

Время, как говорится, лечит. Вот и наши молодые помаленьку начали выздоравливать.

Наташина смерть забывалась всеми, кроме Максима и Николая, живым оставалось живое, а тем, кто не с нами, — то, что за гранью. Я думаю иногда: выйди все иначе, и всем было бы хорошо, но время не повернуть, а предначертанному суждено свершиться. Так вот и случилось. Вы можете сколь угодно обвинять судьбу, злой рок или бога, но иногда достаточно взглянуть себе под ноги, чтобы понять, что где-то свернул не на ту тропку, и вот плутаешь теперь, без выхода, а в собственных бедах виновен сам.

Иринка отошла, словно с талым снегом утекала ее печаль и усталость, стала еще краше и привлекательнее, родители заулыбались вослед и зашептали по углам, что скоро придет пора покупать игрушки да коляски. Вадим устраивался работать, примерялся, пробовал силы. Вот только как с Ириной у них все как-то было прохладно.

Так они и жили — Вадик впустую терзался, вновь пытаясь отыскать лазейку к сердцу любимой, внезапно ставшему таким далеким, а Ирина затворничала с подружками, ни на день не разлучаясь со Светланой и Любой.

Люба вздрогнула и открыла глаза. Разогнавшее ее дрему прикосновение не прекратилось, а нежная узкая ладонь продолжала скользить по ноге, все выше и выше. Она потянулась, изгибаясь на прохладном линолеуме, и приподняла голову.

Светлана, избавившись от последней одежды, сидела в ее ногах.

— Я задремала?

— Да, немного... — Света улыбнулась, придвигаясь ближе. Ее ладонь достигла бедра. — Отдохнула?

— В общем, да. — Люба улыбнулась в ответ, слегка раздвигая ноги.

Глаза Светланы приблизились, и, как всегда в этот момент, нечто непреодолимое ударило в голову, закружило и унесло, заставляя раствориться, радоваться и беспрекословно подчиняться этой безумной и мучительной ласке.

Снова зазвучала музыка, свет померк, но предметы стали различаться невероятно четко. Люба вдохнула полной грудью, помогая Светлане снять с себя шелковый халатик.

— Я слегка озябла... — Слова слетали с губ лениво, словно увядшие лепестки, тело стало очень легким, а разум прояснился до чистоты январского льда.

— Сейчас согреешься, — прошептала Света, и в этом шепоте прозвучало обещание всех ласк мира. Тесно прижавшись к телу девушки и не останавливая руку, она наклонилась к самому ее уху. — Когда?

— Ск... скоро, — голова Любы запрокинулась, — бук... ох, мамочки... буквально завтра...

— Ты просто умница.

— О! — Взгляд Любы внезапно остановился на чернеющем у окна ложе. — Как он?

— Плохо, — Светлана даже на мгновение остановилась, — но скоро все будет хорошо...

Люба кивнула в ответ, закрыла глаза и обвила шею подружки руками.

Любовь... Глазу человеческому она незрима, но посмотрите сами — нет ничего более заметного людям, как слияние двух сердец. Так ведь? Это сразу заметно, без домыслов и догадок, только в глаза человеку посмотри.

Так же четко и другое видно — грань, тонкая и незримая, что некогда любящие сердца, словно ножом, отполосовывает друг от дружки. Я вам так скажу: у любви нет объяснения. Она от бога людям дана и, как многое божественное, не шибко-то смертными разумеется. А вот причины конца ее — то совсем земное, приземленное. Это среди нас, человечков, я бы сказал, греховное. Данный свыше дар меж пальцев проскальзывает, и уж этому-то причину отыскать завсегда можно. Только нужно со стороны смотреть, а то, не ровен час, в дрызгах, обвинениях и скандалах погрязнуть можно...

Я не судья людям, я только наблюдаю за ними. Вот и наших молодых судить не возьмусь, чего уж там. Только я вам так скажу — говорят, будто любовь разбивается о суровые реалии быта... Тьфу! Чушь все это. Бред сивой кобылы. Просто те, кто поглубже в суть вникнуть не желают, все к очень простому знаменателю сводят. А я думаю, что ежели так размышлять, то и обезьяну человеком окрестить можно. А что? Проще простого.

Зря на быт наговаривают, не заслужил он того. В людях причины кроются. Или в не людях. Всегда так было...

Девчонки собирались у Светланы, в соседнем доме. Двухкомнатная квартира на последнем, девятом этаже, оставленная родителями Светы своим детям перед отлетом за рубеж, на много весенних дней стала их приютом. Тайны, откровения, бесконечные чаепития и гадания на кофейной гуще — так бы увидели картину те, кто поленился или не захотел бы подойти поближе...

Прошло несколько секунд, защелкал замок, и дверь приоткрылась. На пороге показалась Светлана, как всегда — прозрачный халат, под ним ничего. Мутными, затуманенными глазами она всматривалась в полумрак подъезда.

— Привет, Светик.

— Ой, Иришка! — Светлана отступила на шаг, пропуская девушку в квартиру. — Вовремя.

— Люба тут уже?

— А где ж еще? — Светлана заразительно засмеялась и прикрыла за гостьей дверь.

Взгляд Иры невольно скользнул по прекрасному телу, от-

лично различимому под прозрачной тканью. Что-то чужое, незнакомое ранее начало подниматься изнутри, и Ирина невольно оперлась о косяк, старательно отводя глаза. Никогда до этого не смотрела она так на своих обнаженных подруг. Это немного пугало, и, справившись с необъяснимым порывом, она принялась подбирать слова.

Точеный Светин пальчик лег на губы, запечатывая их лучше любого замка. Ира подняла взгляд и обмерла еще сильнее — Светлана стояла совсем близко, вплотную, почти прижимаясь к холодному плащу. А ее глаза... словно два солнца сверкали они сейчас, затмевая своим светом все вокруг. Она сама светилась — прекрасная настолько, что больно было смотреть...

Второй рукой Светлана расстегнула ворот плаща. Пробираясь ладонью за пазуху, коснулась груди Иры, заставив ее тело вздрогнуть, словно от удара током, и притронулась к висевшему на шее украшению. Словно молния пробила Ирину, когда неведомая сила подняла ее над брэнной землей, бросая в руки подруги. Ее глаза заблестели, а рот приоткрылся. Падая в объятия Светы, она обвила ее руками, пытаясь найти губами ее губы.

— Ты будешь лучшей... — прошептала Светлана, заглядывая в глаза подруге и намеренно оттягивая поцелуй. — Самой лучшей... я знала...

Дверь в большую комнату приоткрылась, и в коридор ворвался сладкий запах воска. Ладонью прикрывая глаза от электрического света лампы, на пороге стояла Люба.

— И долго я буду вас ждать?..

Вы можете мне не верить, можете обвинить в том, что я наговариваю лишнего, но правды у меня не отнимет никто. Собираясь у Светланы, подружки не просто пили чай и сплетничали. И кое-кому это стало понятно.

Простите, что вы сказали? А, Светлана... Красивое имя, правда? А что, я разве об этом не рассказала? Вот осел, тысяча извинений...

Светлана. Светлая. Свет. Какие жестокие шутки с нами подчас играет жизнь, разочаровывая и обманывая в вещах, считаемых за очевидные. Девушка с таким именем светла, лег-

ка и невинна. Она словно фея, она прекрасная подруга, любящая жена, она источает тепло. Так?

Хе-хе. Я тоже так думал. Но бывает, что провалишься в грязь именно там, где сотню раз ходил по твердой земле.

Светлана приехала на Шлюз в конце зимы, незадолго до приезда Вадима. Поселилась в оставленной родителями квартире и сразу же нашла всех старых подруг. А до того, как в школе произвели разделение классов, ее хорошей и верной подругой была Люба. Потом они немного отделились, затем отец Светы, профессор и солидный человек, улетел в страны Восточной Европы делиться опытом с братьями-славянами, забрав всю семью с собой. Тогда девчонки попрощались, думая, что навсегда. Но Светка вернулась и искренне улыбалась, слыша в трубке звенящий и захлебывающийся от радости голос старой подруги.

Они встретились, поделились сведениями о прошедших годах, в продолжение которых одна практически не выбиралась за пределы Новосибирска, а другая облазила Болгарию, Румынию, Польшу и Венгрию, и Люба познакомила Светлану с Ириной. Именно тогда Люба настояла, чтобы Света непременно пришла на их с Вадиком свадьбу.

Теперь уже ни для кого не секрет, что во время распития пары бутылок вина на девичнике перед свадьбой Вадим был оценен Светой на «все десять баллов». И еще я вам так скажу: она все, что произошло потом, знала заранее. А кто помудрее да постарше, как, во всяком случае, утверждают сейчас, это еще на свадьбе рассмотрели...

Ох, я дурень! Что ж я вам про свадьбу-то недорассказал, замятовал... Совсем голову напекло. Забыл про свадьбу-то.

Видели, видели, старики говорят, как Светка тогда на молодых смотрела, ну да я им не больно-то верю. Задним умом все крепки, а теперь попробуй проверь. А что сам знаю, вам поведаю.

Говорил уже, Любка Светлану-то на свадьбу пригласила. Ирина обрадовалась тоже, с кавалером, говорит, приходи, ну та и пришла. Одна, правда, без ухажера, но там прямо на свадьбе мигом отыскались — умела кружить головы, чертовка. Ну и без брата, значит: тот, говорит, прихворал, просил поздравления передать, а меня отправил. Пришла, подарки заграничные

жениху с невестой принесла, тем понравилось обоим, а Ирка так вообще потом целыми днями в Светином подарке ходила.

Села тихонько в уголочке, ела, пила да от ухажеров отбивалась, что от мух. Не шибко рьяно, надо сказать, отбивалась... А в мухи те кого только не налезло — от гостей до отца Ирки. А как тут не налезть! Светлана уж и нарядилась победнее, ну, чтоб с невестой не соперничать, и то... Волос черный, длиннющий, глаза что два костра. Вилку попросит передать, а ты уже готов ей в любви клясться. Видел я таких, и немало. И так скажу: дело они свое, нечистое, мужиками вертеть, отлично знают. Вот и Светка знала. И кой-чего еще сверху...

Вот люди как в жизни своей устроены? Свет и тьма, зло и добро. Просто все. Живи по-человечески, и то, что рядом, касаться тебя никогда не будет. Отступи в тень — споткнешься наверняка. В бога верь, солнцу радуйся и не позволяй бесам жизнь тебе портить. Сильным будь.

Сколько споров-разговоров, так ни к чему и не приведших, — светлая бог сила или нет? Конечно! Так и я думал... Ну да спорить с вами не буду. Я не церковник, чтобы теологические споры вести, хотя скажу так: свет — оно, конечно, изда-лека видно, доброта там, любовь. А вот про жертвоприношения там или конец света, когда мы все как бы с солнышком-то попрощаться должны будем, про это меньше говорят. Да и черти, стало быть, не все пакостят — сколько книг да мыслей было об этом. А мысль человеческая есть зеркало наверху происходящего. Или вниз.

Ну да не спорю я. Только так полагаю: прикажет мне бог сына своего в жертву ему принести, любовь чтобы доказать, так я подальше от такого бога держаться буду. А черти — так те вообще ничего делать не смеют без человеческого разрешения. Хитры, конечно, что сказать... но не делают. Так-то. Вот и смотри-всматривайся — где свет, а где потемнее.

Одно точно знаю: есть вещи, которые не то чтобы выше богов там или бесов стоят, а как бы рядом. Вот то же солнце! Есть оно, создателем сотворенное, и будет под ним одинаково жарко что пастуху, что сыну божьему, прости меня за богохульство.

И самая сильная из вещей таких — это любовь. Она подчас посильнее любого будет. Она же и все вопросы в мире ставит.

Вот, к примеру, любовь демонов. Он ее полюбил — да и прихлопнул пару сотен человечков, мешающих им вместе быть. Ну, лезут, бывает, колдунями себя считающие куда не след... Красиво. Он всем сердцем, он только ею дышит, хм... если они вообще дышат... А для прихлопнутых человечков сие не красота любви, а самое натуральное зло. Так вот и переплелось. Сколько предательств, обманов, войн и катастроф, что на небе, что на земле, что под ней. И все она! Ее проклинают, ненавидят, гонят прочь, но ею живут. Она губит людей, разрывает дружбу, толкает на самоубийства, но без нее никуда.

Она, сила эта, как воздух, как солнце. Не ниже, не выше — просто рядом. Кто-то создал — теперь существует, и все ею щедро пользуются. Вот случилось все так-то, а теперь походи разберись — кто прав, а кто нет, чья вина и кто предал. Всех равняет, никого не щадит, такие каши заваривает... Уверен я — еще немного, и ген какой-нибудь найдут или молекулу вещества этого — любви. Но проще от этого не станет, я так скажу.

Я-то? А то! Конечно. Много раз... Я и сейчас люблю. Всем сердцем. Да, знаю. Про то, собственно, и говорю. Нищ, по-настоящему беден тот, кто этого не пережил, не ощутил, не впитал. А я, стало быть, просто сказочно богат.

На свадьбе той, когда все уже на грудь приняли достаточно, а кое-кто вообще уже ничего не хотел, по круговой здравницы начались, и до Светы дошли. Говори, мол, молодым от сердца. Вокруг веселье, шум, гам, вещи добрые говорят, желают всякого-разного, и тут вот Светлана встает. Все как языки проглотили — тишина упала, словно звук отключили. Ну, она и сказала.

Я не то что думаю, чтобы на свадьбах чего говорить нельзя было, просто странно это было слышать и не понял никто. Тогда.

А Светлана сказала: «Чтобы молодые в жизни своей, — говорит, — истину познали, и ничто им в этой жизни глаза не застилало, когда доведется с правдой встретиться. Она может и сладкой быть, и горькой оказаться, но силу дает огромную». Так вот сказала. А потом даже «горько» не кричали — все как пришибленные сидели, выпили, значит, поежились, да и дальше гулять давай. Мол, недалекая девчонка, ну и ладно.

А бабка Иришкина после невесту к стене приперла в коридоре, да и шипит: чтоб ноги этой ведьмы в твоём доме не было больше! Никогда! Ну, Ирка с ней, конечно, в спор, ты чего на девушку наговариваешь. Мать пришла, чуть до ругани не дошло. А бабка рукой махнула, перекрестила обеих да на следующий день после свадьбы обратно к себе в Болотное уехала, к деду. Так вот.

Что до этого, так Светлану в шутку иль всерьёз не раз ведьмой называли. То мужики, что ей вслед слюни пускали, а то и бабульки у подъездов. Я-то? А что? Люди разные бывают... кто на этот свет вообще не совсем человеком придет, знания имеет, кровь нечистую да силу; кто по самой грани ходит, как вот только различить ее, грань-то? Кто-то сойдётся с теми, что незримо близки и знакомы, а кто в тенек отойдет да не пожалеет души своей, чтобы кое-чего узнать да кое-чему обучиться... Оно ведь всяко бывает.

А бывает, что одну ведьмой всю жизнь кличут только за чернящие глаза, а другая в соседях твоих живет, но на самом деле колдовать умеет.

Колдовство? У, разное... Тут же не как в математике — формула, а за ней решение. Тут от многого зависит — всего и не перечислить. Просто, я так думаю, чем глубже в этом вязнешь, чем глубже постигаешь эту... хм, науку, тем больше умеешь. Это вам лучше не у меня — у бабок поспрашивать. Сейчас в этом деле знающих столько развелось! Хоть отбавляй, ага.

Ну, так на чем мы остановились-то? Вот, значит, и жили ребята после свадьбы, а Ирина с подругами все не дома, и так целыми днями. Вадика знакомый один в магазин пристроил, автозапчастями торговать. Парень целый день в этой камерке сидит, деньги пытается зарабатывать, вечером — домой бегом, а там нету его ненаглядной.

Ходил он целыми вечерами по дворам, выпивал иногда, и встречал жену свою уже к полуночи. Ну а как влюбленные встретятся, так тут уже не до ругани. Домой пойдут, и вроде все в порядке. А назавтра то же самое, значит... Так вот и не вязалось у них.

А, точно! Потом вот еще что было, много народу видело, меня не миновало. Долго потом говорили об этом, усмехались. Может, кто и понял, а большинство — ни-ни.

В кинотеатре это было, в «Маяке» нашем, он еще работал тогда. К слову сказать, хороший кинотеатр, недорогой, да и фильмы в нем тогда показывать хорошие, американские начали. Экран, конечно, старый, аппараты барахлят, ну там из щелей дует да кресла скрипят, а что такого? До ближайшего-то в Академ ехать надо, а там, я честно скажу, не шибко-то и лучше. Все одно — старье кинотеатры. А кому охота их в ремонт-то? Вот так. А сеансы стоят вообще копейки, сумку бутылок сдал, и вперед. Считаю, любому по карману. Хотя народу все равно не очень-то много. Видики нынче у всех, а в кино, особо в такое, редко кто пойдет...

— Слышь, малец, пойдешь сюда! — Николай поманил мальчишку пальцем, нервно оглядываясь на широкие стеклянные двери.

Пацан подошел, лениво поглядывая по сторонам, и остановился в двух шагах, почесывая ухо под драной спортивной шапочкой.

— Ты Вадьку с того вот дома знаешь? — Николай махнул рукой.

Мальчишка нехотя обернулся, снова посмотрел на него и кивнул.

— Его кто ж не знает-то? — И улыбнулся, демонстрируя неполный ряд зубов.

— Тебя как звать-то самого?

— А ты чего, из милиции? — Пацан качнулся назад, и Николай торопливо замотал головой.

— Ладно, ладно! Не хочешь — не говори, не шибко-то и надо... Слушай, дело есть.

— Ну, говори, раз дело. — Мальчишка обратился в слух и принялся сосредоточенно ковырять пальцем в носу, рассеянно улыбаясь.

— На мороженое хочешь заработать? — Николай понизил голос.

— Ты чего, дядька, упал? — Мальчишка недоверчиво взглянул на него. — В такой дубак какое мороженое? Лучше на сигареты.

— Да хоть на водку... — Николай неловко выдернул из кармана мятый червонец. — Там, — он мотнул головой на кинотеатр, — где-то Вадик этот сидит. Ты сейчас туда пройдешь, Ва-

дика дернешь, и все. Скажешь, Николай с ним поговорить хочет. Срочно. И пусть один выйдет, я тут ждать буду. Все понял?

Пацан кивнул и потянулся за деньгами.

— Раз плюнуть...

— Все понял? — переспросил Николай, отдергивая руку. Пацан скорчил гримасу и выразительно посмотрел ему в глаза. — Не перепутаешь? Ну, держи. Свалишь — после без задницы останешься, ясно?

Мальчишка еще раз кивнул, улыбнулся, ловко спрятал денежку и скользнул в кинотеатр.

Вот, значит. А что показывали тогда, не шибко-то и помню. Голливудское что-то, со стрельбой там, с музыкой хорошей.

Вот, значит, сеанс уже с полчаса идет, как к Вадику с заднего ряда мальчонка подбирается. Осторожно так, чтобы Светка не услышала, толкает его в плечо и на ухо шепчет чего-то. Ну, Вадик обернулся, Светка, значит, тоже услышала. Поговорили они с пацаненком, Вадик ему что-то сказал, тот долго головой мотал, отнекивался. Потом пацан к выходу полез, а Вадим снова давай фильм смотреть. Светлана спрашивала чего-то, голос повышала, а он ее успокоил, к плечу прижал, ну она и при молкла.

Пацан этот, шустро так, через выход юркнул на улицу, ну и все вроде. А минут через десять в зал сам Николай зашел. Весь возбужденный такой, даже злой, а за ним мальчонка тот проскочил да на задних рядах затаился. Николай, прямо как вошел, так, даже не пригибаясь, к Вадику направился.

Подошел, значит, и, даже не здороваясь, давай ругаться. И в полный голос. Ну, люди на них оборачиваться начали, шипеть. А Николаю все равно, он, говорят, немного выпивший был тогда — ни на кого внимания не обращал. Ты, говорит, слышал, что тебе пацан передал? А чего ко мне не вышел? Ну и, значит, разговор у них есть. Люди кругом громче шипят, возмущаются. Вадик вроде друга уговорил потише быть, как тут Света: чего, мол, он приперся, мешает тут? Ну, Вадиму пришлось еще и ее успокаивать.

Вроде утихли, сели даже на кресла. Дальше говорили тише, почти не разобрать было. Но смысл понятен был. Николаю цепочка была Вадикова нужна. Вот вынь и отдай! На свидание он на какое-то собрался, и жизнь ему не мила будет, если не в

этой цепи пойдет. Люди тут вообще как на сумасшедших оглядываться стали. Вадим в ступоре. Светка снова в крик. Гони его, говорит, что он еще себе позволяет? Люди опять на них шуметь. И так минут на пятнадцать...

Тут Вадим и не выдержал. Вскочил в конце концов, рубаху расстегнул, да и рванул цепочку. Прямо с крестиком, как была, и бросил ее другу. Держи, говорит, чтобы мы еще с тобой из-за какой-то побрякушки ругались! Светка снова в крик: тряпка ты, кричит, если свое чужим раздаешь, словно попрошайкам! И бежать из кино. Вадька постоял среди них, как осел тот из басни, да за девкой ринулся. Колька цепь подобрал, чуть сам не плачет, посидел немного и следом поплелся.

— Дед, продай ружье!

Дедок недоверчиво покосился на гостя и неспешно почесал бороденку. Парень затаил дыхание, затравленными глазами глядя на старика через щель в двери.

— Если б я тебя, засранца, столько лет не знал — взашей бы выгнал, а не ружье... Почто оно тебе?

— Нужно очень, дед! Ну не людей же я убивать собираюсь! — Николай тяжело привалился к двери. Казалось — еще немного, и взорвется.

Но дед торопиться не собирался.

— Нужно очень... А ко мне потом из милиции придут, в тюрьму сажать станут. Что тогда?

— Скажешь, силой взял... Не знаю я! Не придут! Продай, нужно!

Николай готов был уже на колени упасть, как вдруг дед сдернул с крючка цепочку, распахнул дверь, развернулся и исчез в комнате.

— Не придут... Нужно ему... Того и гляди расплатится... — Похлопав дверками шкафов, он вернулся в коридор, неся завернутое в промасленную простыню оружие. — Тыщу гони.

Николай схватил ружье, словно любимую женщину прижал к груди. Лево́й рукой торопливо достал из кармана пачку смятых денег и вручил ее деду.

— Ну, выручил, ну, спасибо, отец...

— Да ладно, чего там, — дед быстро пересчитал деньги, — не скулил бы столько — фигу тебе, а не ружье... А мне-то оно и на самом деле боле не надобно.

— Слушай, Никифорыч, — Николай словно проснулся и, вздрогнув, снова обернулся к старику, — а патроны и этот... ну, набор такой, чтоб самому их делать? Пули там лить, гильзы засыпать?

Дед подозрительно посмотрел на Николая, вовсе не торопясь приносить патроны.

— На войну, что ль, собираешься? — Неожиданный покупатель шумно сглотнул. — Ох молодежь пошла... Еще пятьсот!

Николай полез в другой карман, выудил из него мятые деньги. Дед незаметно улыбнулся, поглаживая усы.

— Тут только четверста, дед, извиняй... Пойми, нужно. После сочтемся, клянусь!

— Смотри, не пробожись. — Старик снова исчез в комнате. — Еще скажи, что на том свете угольками считаешься... — Вернулся, неся в руках большой бумажный сверток. — На вот, только смотри, с порохом осторожнее. Пересыпешь хоть чуток — рванет...

— Спасибо, дед, ох, спасибо! — Николай осторожно забрал у старика сверток.

— На кого охотиться-то собрался, шалопаи? Сезон-то уж, считай, вышел весь...

— На волка, дед.

А цепка, я вам так скажу, и правда видная была. Вадик как с армии пришел, так ему родители и подарили, чтоб к крестику подходила. Красивая, плетения хитрого, тяжелая, серебра высококой пробы. А тут вот так... С друзьями сложно иногда. Вот такие вот штуки бывают. Но на то они и нужны — и друзья, чтоб их творить, и штуки, чтоб этих друзей на прочность проверять.

А дальше совсем недоброе началось. Сейчас расскажу, так вы отсюда переедете еще. Нет? Хе-хе... Ну, ладно, пугать не буду. Вы, поди, и сами слышали, а коли не верите — в газетах посмотрите.

Дня через два в одном из канализационных люков труп нашли. Обгорелый. Мужчина, лет двадцати пяти. Его застрелили сначала, в живот выстрелили, а потом, значит, бензинчиком окатили и подожгли. А как догорел — в колодец запихали. А слесаря наши полезли туда, починять чего-то, и нашли.

Милицию, значит, вызвали. Собак тоже. Труп этот голый — документов никаких. Замерили все, сфотографировали

да в лабораторию повезли — по зубам личность устанавливать. Но менты сразу поняли: не бензином его обливали, а какой-то кислотой — сам видал, как собаки от трупа как ошпаренные шарахались. Едкая, видать, штука была для псов. Так менты думали...

Начали свидетелей опрашивать да маньяков всяких искать. И что вы думаете? Приходит через пару часов в отделение девица одна, зареванная вся, словно из ведра облитая, и заявляет, что убитого знает. А еще знает, кто убил. Во как! И кто бы вы думали, эта девица была?

Так вот часто бывает. Сколько по жизни от людей ни бегай, так или иначе с одними и теми же приходится всю жизнь пересекаться. На небесах такие вещи рождаются, людей на всю жизнь объединяющие. Или под землей... Не знаю точно.

Проплакалась, значит, Светлана и говорит, что убитый этот — Максим, друг брата ее. Тот самый, которого со свадьбы погнали. Ушел, говорит, позавчера вечером и велел не ждать. А у нее прям сердце упало, отпускать не хотела, все держала, брата уговаривала не пускать. Но он пошел. И вот уже два дня ни весточки.

А ушел, стало быть, с парнем одним встретиться. Со знакомым недавним. С кем? Нет, не с Вадимом. С Николаем...

Ну, милиция наша на подъем быстрая — шмыг по машинам и к Кольке. Так вот и взяли его, значит, да в опорный пункт. А у парня свеженький перелом левой руки. Гипс там и все такое. Менты радостные, готов подозреваемый, значит. Светлана снова в слезы, лезет, глаза Николаю выцарапать хочет, словно кошка. А тот молчит только да руку больную придерживает, морщится.

Доставили его к следователю, поговорили: как, что, когда, что с рукой и далее по расписанию. А после обратно на квартиру к Кольке. С обыском. Там обрез-то и нашли.

Вот такие вещи, понимаешь, и творятся. Да только я так скажу: не всякий человек с оружием — зло. И не всякий убитый — мученик святой. Но оперу этого я рассказывать не собираюсь. Он и сам с головой.

Как ружье нашли, отпечатки проверили и еще шире улыбались. Им ведь что, раскрытое дело — премии да звездочки на плечи. Отпечатки Колькины были, а сам он все отмалчивался, только губы от боли кривил. Его, значит, прямым ходом

в лазарет, да не простой, а при СИЗО... Забрали Николая, а квартира их совсем пустая осталась — сначала Наташка, затем братишка ее. Вот так...

Мотив налицо был, орудие, все, в общем, как полагается. Они ведь ругались. А менты еще и до Вадика опять дознаваться стали. На этот раз, правда, недолго — чего там, и так все им, молодцам, ясно...

Как не рассказывал? Да не может быть! Ну, простите, опять промашка. Конечно, конечно...

До свадьбы это еще было... а, ну да, это рассказал. Ну вот, значит, перед самой свадьбой. Вадька-то все по уму хотел сделать, ну и мальчишник устроил. Собрались у Николая, он сестренку к подругам переночевать отправил, водочки закупили, пивка, петард разных, видеокассет. В общем, гулять собрались. Вадик кучу друзей позвал, одноклассников своих, пацанов соседских, детских друзей. Считай, весь двор гулял, человек тридцать сбежалось, да и встречающих опять же поили не скупясь. Выпивали, смеялись, Вадика в полон провожали, значит. А шумели, шумели-то — весь массив слышал!

Ну вот, значит, в самый разгар вечеринки Наталья домой забежала — ненадолго, забрать чего-то. Мужики поутихли на время, фильм неприличный выключили, сильно пьяных подалее унесли — устыдились, значит, буйства своего. Да Наталья-то не одна забежала. С Максимом, с другом новым.

А парни как узнали про то, знакомиться пошли, при этом пошатываясь. Ну и познакомились. Максим недавно на Шлюз перебрался: раньше, до развода родителей, в городе жил, а тут родители разбежались, значит, жилье разменяли, вот ему недорогая квартирка-то и получилась. Парень сам видный, красивый, молодой, умный. Спортсменом его хорошим все считали, как по двору пройдет — любо-дорого посмотреть, не на всякую девушку так залюбуешься — идет, словно пес бойцовский, каждой мышцей движется, а в лени той плавной сила проглядывает недюжинная. Ну, как это обычно бывает, девчонки такого парня не пропускают. Вот и Наталья не пропустила, в кафе встретились, а она еще и первая разговор завела, то да се, вот и встречаться начали.

Вот и пришли, значит, Максим с Натальей в самый разгар гулянки этой. Парни вышли, давай знакомиться. Выпить предлагают, шутят. Ну, Максим, пока Наталья чего надо искала,

стопочку-то опрокинул, а дальше говорит — все, ему, мол, еще с девушкой гулять, напиваться сейчас не с руки. Парни поднапряглись. А там и началось. Николай с одной стороны давай допекать: ты чего это вообще, мол, с моей сестренкой гуляешь? Кто таков? Я ее, дескать, к подругам отпускаял, а она по мужикам бегать?

Вадик с другого боку — в такой день, говорит, вообще о девчонках забыть надо, водку надо пить да радоваться. Так что ты, друг Максим, сейчас с нами оставайся да за мою свадьбу пей, а Наташку к подругам отправим. И без возражений.

Тут и Наталья появилась. Голоса повысили, тут и до хватаний за рукава недалеко. Сестра брата утихомиривает, Вадик к гостю задирается. Ну и, в общем, толкнул лишку да сболтнул сверху. И не то чтобы Максим его ударил... Просто завернул так ловко, прижал и утихомирил. Вроде даже без крови. А Николай как увидел — так и все. Взбрело что-то в пьяную голову — сестру оттолкнул и другу на выручку кинулся. Ну, в общем, и ему немного досталось. Крепкий Максимка парень был...

Покричали немного, соседи выглядывать давай, милицией грозят. Пьяненькие наши все угрожают, руками машут, а Максим Наталью обнял так, отвернул от всего этого и тихонечко увел. И никто ничего ему не сделал.

Вот милиция потом Вадима вместе с Николаем и прижала. Только тут Коля разговорился вроде, рассказал чего-то. Может, вину всю взял на себя или еще что... Только Вадика отпустили и не трогали больше. Тот домой, а сам словно на десять лет постарел. Да и голос вконец потерял. Что? А разве я не сказал?

Ну, это, в общем, не так важно. Да, пел Вадик отлично, ему только гитару дай, все затихают, слушают, а он поет — все красоты его тут же. Голос у него был такой простой, неглубокий, в общем-то, только за душу тронуть умел, за самые струны, словно не на гитаре играл, а на нервах. Отличный голос был. А как вся эта кутерьма началась, так Вадим сдавать начал. Сначала срывался, фальшивил, потом глотку сорвал, потом струны рвать начал, аккорды забывать. А там и вовсе петь перестал, гитару свою друзьям отдал. А то пропью, говорит, еще ненароком.

Так вот, Вадик сразу к Светлане, ей плохо, ему тоже. Пили

много тогда, Максима поминали... Что? А, Светлана... Тут-то, в общем, и сама история начинается. А вы как хотели? Самое из-за чего все...

Именно к Светлане пошел Вадик наш. Именно к ней, а вовсе не к жене своей. Как тут попроще рассказать?.. А никак тут попроще не расскажешь. Такие истории, что камешек драгоценный — миллион граней, и в каждой правда. Только правда всякий раз своя и от другой отличается... Чтo подобное понять, нужно изнутри взглянуть, прочувствовать. Не решаются такие вопросы с ходу, их осушить надо, как кувшин, а это не каждый умеет.

Со стороны-то что, легко. Название дал, оклеймил, разобрался вроде и дальше живи, а у людей это жизнью называется, а та вообще штука непростая...

Дверь открывалась медленно и, словно издеваясь, тихонечко поскрипывала. Не в силах более сдерживать себя, Вадим рванул за ручку.

— Пришел? — Светлана была, как всегда, обнажена и насмешлива.

Скрестив на высокой белоснежной груди точеные ручки, она небрежно привалилась к косяку, искоса поглядывая на открывшуюся дверь. Вадим хотел было что-то сказать, открыл рот, вдохнул и — тяжело выдохнул, поникнув плечами. Так и остался стоять на пороге — плечи поникли, руки висят, на голове полный кошмар. В голове — тоже. Жалобно глядя на Свету, облизнул мигом пересохшие губы.

— Что такое? — Идеальная бровь лениво поползла вверх, и Светлана повернулась. — Голосок потерял?..

И вновь, как уже происходило много раз, ударило в грудь незримой упругой волной, заставляя сердце зайтись в бешеной пляске. Снова упал Вадим в глаза ее и снова утонул — безвозвратно, насовсем.

— Богиня моя... — Шепот Вадима был едва различим, а ноги начали произвольно подгибаться.

За миг до того, как парень упал перед Светланой на колени, она отработанным движением коснулась его плеча, останавливая, и повернулась лицом к свету, кривя алые губы в легкой усмешке.

— Ну, прямо-таки богиня... — В ее голосе наконец послы-

★ — шалось снисхождение, и в этот миг Вадим пожелал только одного — быть навсегда, до самой смерти, поработанным этой безумно прекрасной, неземной дьяволицей, быть убитым ею, собирать пыль с чудной красоты ножек и никогда не возвращаться домой.

— Я... — Из глотки вылетали хрипы, и Вадим снова замолчал, еще ниже опустив плечи.

Не убирая от парня руки, Светлана удивленно спросила, широко распахнув глаза:

— Ну, что же ты встал, любимый? Иди ко мне, ведь ты так мечтаешь об этом... — По ее лицу вновь пробежала тень неразличимой улыбки, и она приняла упавшего ей на грудь Вадима в свои объятия.

Вадим закрыл глаза и умер, улетел, исчез, полностью растворившись в ощущениях тела, а любимый голос все шептал и шептал, унося его еще дальше:

— Любимый, сильный, красивый... Самый сильный, самый лучший! Ты уже на пути... ты почти готов. Ты будешь лучшим...

Внезапно Светлана чуть отстранила его от себя и едва не вздрогнула, увидев в глазах раба неподдельные слезы откровенной обиды. Наклонила голову, заставляя Вадима опустить взгляд, и левой рукой захлопнула дверь, правой медленно провела по своему атласному бедру.

— Что же мы тут стоим? Идем скорее в комнату...

Словно во сне, Вадим пошел на голос, на ходу скидывая одежду.

Позже, через несколько часов, когда рассеялся туман, а голова налилась неприятной тяжестью, когда тело постепенно вновь обрело чувствительность и начало слушаться, когда Светлана, уставшая и полусонная, калачиком свернулась рядом на полу, лениво поскребывая ногтем живот, только тогда Вадима, как это происходило все последнее время, коснулось прозрение — слабое и нереальное, как давно забытый сон.

Стыд, страх, боль и обида на самого себя. Что он тут делает? Как может он быть таким?! Светлана засыпала, и чары слабли, менялись образы, и вот уже перед внутренним взором Вадима опять улыбалась, чуть печально, красавица-жена. Невероятная, неземной силы любовь вновь наполняла парня, придавая ему силы и возвращая потерянную веру.

— Я полностью твой... — осторожно, стараясь не спугнуть дремоту любовницы, проговорил он.

Светлана пошевелилась и неразборчиво ответила. Подождав, Вадим вновь заговорил:

— Я слово сдержал, Свет, пора и тебе... Когда отпустишь?

Светлана перевернулась на спину и сонно запрокинула голову.

— Зачем она тебе, глупенький?

— Знаешь зачем, — осторожно ответил Вадим, — люблю я ее. Больше жизни...

— Знаю, — она тихонько засмеялась, любуясь своими ногтями в свете свечи, — а как же я?

— Ты другое — сама знаешь.

— Знаю, — из ее голоса так и не пропал смех, — только не зачем тебе она... А раз так — пусть идет, не нужна больше...

Вадим едва не вскочил, стараясь ничем не выдать себя. Осторожно поднял руку и смахнул со лба крупные капли пота.

— Это правда?

— Правда, правда. — Она изогнулась и посмотрела ему в глаза. — Только одного не пойму: зачем ты это для нее?..

— Тебе, может, и правда не понять. — Вадим попробовал отвести взгляд, но с нарастающим ужасом понял, что не может. — Я люблю ее и жизни ей хочу. Счастья...

— Жизни? — Она перевернулась на живот и опустила руку ниже. Яркие губы кровожадно сложились в улыбку. — Зачем жизни? Поздно, Вадик, поздно... мертвым жизни не желают. Ни к чему она им, а вот сила твоя мне ох как нужна...

Она на секунду замерла, бросив осторожный взгляд в сторону окна, возле которого темным пятном возвышалось ложе, и вновь приблизилась к Вадиму, лаская его нежно и умело.

— Забудь...

Последних слов Вадим уже не слышал, в очередной раз проваливаясь в бездонные зловещие омуты ее глаз.

Люди говорят, разлучила она их, увела мужика да семью развалила. Но люди еще и не то говорят. Что верно, то верно — разлука там была, ушел мужик к другой, да вот только зачем, не знал никто. До поры. А кто сейчас знает — молчит. Я один не молчу.

Иришке, конечно, непросто в это время было. Красота

женская — она ведь штука прихотливая, за ней глаз нужен и рука мужская, покрепче, чтобы было ей на что опереться, как яблоньке под ветром, да дальше цвести... Так вот, не стало в ту пору у Иры твердой опоры. В нелюдимую в один миг превратилась, обаяние да красоту по углам растеряла, словно в воду опущенная ходила, глаз ясных не поднимала. Словно душу из нее вытрясли. Так, заходила изредка к подругам, к Любе и... Светлане. Это еще больше удивляло. Люди шушукаться стали, сочинять разное, толковать о странном...

Задуматься бы тогда обоим супругам — глядишь, и сохранили бы все... Уберегли.

Герой в нашем понимании кто? Иван-царевич, глаза чистые, сердце большое, меч острый да конь верный. Он в путь отправится, зло одолеет и что спасет? А что в наших сказках чаще всего воруют-то? Правильно, жен. Другими словами, любовь воруют. Вот он, значит, в пути, зло одолел, любовь вернул. Сильно, красиво, благородно, доступно, а главное — понятно всем и объяснимо. А возьми Иван да сделай то, чего добрые люди с нахрапу не поймут, так все тут же пальчиками-то у виска начнут крутить, разговоры говорить станут разные. Про него да про любовь его...

Ну да со стороны каждый профессор. Дай бог нам не после подобного в ситуации разобраться, нужную дорожку сыскать, а вовремя да уберечься от чего надо... Ребята вот не смогли.

А ведь сказал Николай ему — беги да жену с собой хватай. Не справишься тебе, сил не хватит, беги, бегите оба. И сказать-то силы нашел, несмотря на болезнь свою злую... Не то поздно будет, говорил. Не побежали. Сел Вадик на своего коня и подрутому решил — не бегством, не умел он бегать. Ни в армии, ни дома...

— Я больше не могу, сестра!

Она неслышно подошла и остановилась за спиной, осторожно положив руки на его худые плечи. Света в комнате не было, но горевшие во дворе фонари освещали все как днем.

— Хватит собак и крыс! Пора начать игру!

— Да, солнышко мое, он уже готов...

— А она?!

Светлана опустила глаза в пол и убрала руки с его плеч.

— Она слаба... Не подходит. Ошиблись мы, видно...

— Ты давно начала врать брату?!

— Прости...

— Забирай!

Светлана вновь прикоснулась к его плечу.

— Жаль, что так с Максимом...

— По большей части он виноват сам.

— Про друзей так нельзя. Особенно про мертвых... —

Светлана закусила губу, но быстро справилась с собой. — Завтра.

— У меня нехорошее предчувствие, — он поднял руку, пальцами прикасаясь к ее пальцам, — но ждать больше нельзя...

Она молча кивнула за его спиной.

— Тебе привести его?

Антон помолчал, пристально разглядывая ночной двор.

— Наконец-то... Нет, — он словно очнулся от транса, — просто подготовь обряд. Я сам найду его.

— Как скажешь, брат...

— А сегодня я хочу просто полетать.

Она отпустила его пальцы, отступая в полумрак.

А дальше, в общем-то, и все. Да нет, расскажу, конечно... Просто там дальше день-другой, потом пожар этот, а затем Ирину-то с Вадиком и наши... По порядку? Ладно.

Пожар, значит? Да, было. А, помните? Ну да, тот самый. А что горела квартира Светланина, никого, в общем, и не удивило. Вот так.

Ясным днем, время к полудню — полыхнуло, а заметили не сразу. Машины, сирены, а этаж-то далеко не первый. Хоть на другие квартиры не перекинулось, потушили. Только вот от Светланиной ничегошеньки не осталось, как еще самой дома не было, а то бы и погореть могла. А причину так и не дознали. Хотя говорят как один — подожгли ее квартиру. И чуть ли не изнутри. Ну, теперь-то многим ясно, а тогда...

А после, через день, и наших молодых наши. Прямо у себя дома, рядышком на кровати. Лежат и не дышат. Вот так вот. Ну, тут началось! Новые трагедии, новые слезы. Родители в трауре, друзья за головы хватаются, все происшедшее за последний месяц вспоминают, себя винят. Светлана плакала неделю напролет, а после к родным в Красноярск уехала. Навер-

ное, только доблестные милиционеры не сильно расстроились, смерти в статистику занесли, пожар расследовать начали да посетовали, что очередной свидетель пропал. Вадик, значит...

Ах, да... Он же свидетелем проходил по очередному делу, по новому, значит, что опять с Колей оказалось связано. Вот менты и расстроились — теперь все концы точно в воду. Конечно, конечно, простите дурака. Сейчас расскажу. Чуть не замятовал.

Дело-то, в общем, невеликое, но только для тех, кто не знает ничего. Николай сбежать умудрился ведь. Буквально дней за пять до пожара. Как из камеры-одиночки сумел исчезнуть, да еще со сломанной рукой, опера только за головы хватались. Буквально без следа. А версия пошла, что родичи Максимовы в органах связи свои имели — кого надо отодвинули, кого купили, приехали, парня забрали, подале увезли и свой суд учинили. Но так только говорят...

Вы знаете, в ночевке на детской площадке под шуршащими ветвями, полными набухающих почек, есть и свои преимущества. Скажем, когда два человека встречаются и разговаривают подле соседнего дома, ты все отлично слышишь. И не беда, если не все понимаешь...

В ту ночь Вадик от Светланы домой возвращался. Пьяный, как всегда, — девка его, говорили, прямо спаивает. Идет, покачивается, под нос чего-то бухтит. И вот возле пятого подъезда его Николай и ждал.

Вадик прямо как вкопанный остановился. А Николай из темноты вывалился — сам едва на ногах стоит — и чуть ли не на колени перед другом упал. Вадик к нему — ты чего да как? А тот одно твердит: беги, мол, братишка, да как можно скорее, и про жену не забывай, она, мол, единственное твое спасение. И вдруг как вцепится Вадику в глотку!

Отдай, кричит, и с жены сорви! Тут Вадик его отпихнул да дальше побрел. А Николай постоял немного, другу в спину за цепочку извинился, попрощался и в ночь канул. И все бы ничего, да вот только... Николай странно одет был тогда.

То есть голый он был. Совершенно. Вот так и было, я вам скажу. И это я своими глазами видел, как сейчас вас вижу, а за воротник я в тот вечер не закладывал. Вот так...

И вот, значит, Коля-то сбежал, а милиция первым делом к

кому? Правильно — к лучшему другу, как всегда. А тот и вправду ничего не знает. Да только они все равно расстроились, когда Вадик...

А причину смерти Вадима с Ирой так и не обнаружили. Официально. Вы вот скажите, примут в органах правопорядка версию о том, что кто-то кого-то взял и проклял, а тот взял и помер? Вот и здесь ничего не установили. Сердца у них, врач сказал, остановились. Что удивительно — одновременно почти. Скорее всего отравление. Наглотались чего, да и прилегли на кровать. Прямо Ромео и Джульета, так и сказал...

А менты как в затылках чесали, так чесать и продолжают. А вы хотите верьте, хотите нет.

Знаете, что у Николая при обыске еще нашли? Машинку для отливки пуль. Не поняли?

Дело о смерти Максима в Москву отправили. Уж больно там у него много неясных вопросов появилось. То с зубами чего-то не сошлось, ну, чтоб личность установить, то извлеченные из тела жаканы, пули убойные, вдруг странными оказались. Как? А вот так — серебряными!

И тут бах тебе — главный подозреваемый сбежал, да при этом эффективнее всяких гудини да копперфильдов, вместе взятых. Как сквозь стену.

Свидетели помирают. Квартира главной обвинительницы сгорела. Вот такие дела...

Ладно, надо вам еще кое-что рассказать, чтоб понялось...

Светка, практически сразу после свадьбы, пару-то счастливую все-таки разбила, в этом люди правы были. Да вот только правда та многогранна. Вы думаете, Светлана мужика Иркиного соблазнила, захомутала да увела? Хе-хе... Много разного на свете бывает, и почему подобному было не произойти у нас, на Шлюзе? Светлана пару разбила, вот только увела она... жену.

Нет, я сейчас не об однополой любви говорю, хотя чего уж там скрывать, и это тоже было. Я о расколе говорю, о похищении самого человека, души его. Вот скажите, есть добро, есть зло. Добро как делается? Задумался — сделал, молодец! Зло, по сути, так же. Но есть люди, кто добро просто так творит, не задумываясь, сердцем. Так ведь и со злом — то же самое... Вот и обвиняй после этого.

Украла Светлана жену Вадимову, нагло и решительно. Все равно люди ничего не поняли. Душу ее прибрала, телом пользовалась... да в сокровенное посвящала.

Ох, чуть не забыл... Вот дурень. Знаете, что интересного у Светланы в квартире после пожара нашли? Одна комната как комната, жилая, мебель там разная, а другая пустая почти — один старый шкаф и... в общем, на полу там знаки были нарисованы. Разные-всякие. Да и нарисованы всяким, а то и кровью.

Пожарные предположили сначала, что от одной из свечей, что в этой комнате полным-полно было, все и загорелось, да только чему там гореть-то? А окно, что снаружи казалось жалюзи занавешено, заколочено было, только форточку не стали заделывать. Такая вот странная комнатка. Вот там Ирина большую часть времени и провела. А чем они там занимались, это уж как бы... Да и Люба с ними была... До поры до времени, пока Светка от Иры слишком многого не потребовала.

А теперь вот смекните. Вадик как все понял, так прямо взвыл. Сел, как говорится, на коня да любовь выручать поехал.

Правда своя у каждого, и человекам учить друг друга жизни — что птицам с рыбами говорить начать. Кто обвинит, кто посмеется, кто похвалит... Подчас дороги, которыми мы идем к достижению наших целей, посторонним кажутся странными, неправильными и просто опасными. Да вот только победителей не судят, а за любовь на Земле еще и не такие безумства совершались.

Решил Вадим свою любовь вернуть, да и отдал себя Светлане как выкуп за душу женину. Вот тебе и острый меч. Не знал он только, что неспроста все это, да на ловушки внимания не обращал. Светка своего дождалась, на девочке-то поводок ослабила, а мужика подгробла. Вот тебе и все...

На чужбине выросшая, Светлана не просто в школах училась да с отцом по дипломатическим приемам ходила. Она была там, куда может позвать только нечто необъяснимое. И оно звало ее, учило, наполняло... Румыния, Венгрия, Австрия, места, куда не добраться и на автомобиле, — везде побывала Светлана со своим братом, отпущенные щедрым родителем в увлекательные пешие походы. И немалому научилась. А после задул ветер...

И провалился Вадик туда, откуда свою любовь вызволить пытался. И отнюдь не пьяный приходил домой по ночам, где Ира лелеяла его, любимого, несмотря на косые взгляды и прямые обвинения. Берегла и, как могла, любила. А поутру он снова уходил...

Николай, видать, первый все понял. Скумекал. В омуте не купаясь, сухим остаешься, вот он и наблюдал. А как понял, что именно его сестренку в лесу на ленточки порезало, так за дело и принялся.

Бывает так: колосится себе поле цветами красоты невиданной, да налетит ветер, принесет семян чужих. Семена те разрастутся, вширь пойдут — и давай цветы душиить. И чаще семечко сорняковое не одно прилетает, сразу горсть. Вот и эти тоже вместе были. Разные, конечно, но все равно одной масти...

Всякое бывает на свете, я так скажу, и Шлюз наш — далеко не самое последнее место, чтобы произойти такому. Почему? Есть причина. Меня в свое время верно учили, что жизнь все время по законам строится, Бога или Природы, а кто против них пойдет, рано или поздно это осознает. Испокон веку предки наши закон Солнца знали. Жили по нему, все делали — что чашу передавали, что хороводы водили, что за спину оборачивались. Посолонь жили с Солнцем, со Светом в дружбе состояли. Особое внимание хороводу уделяли — сколько душ в момент пляски по Закону Солнца ходят, возносят ему хвалу. А тут?

Прямо сейчас сходите на наше шлюзовское автобусное кольцо. Остановитесь, посмотрите внимательно, а затем подумайте, если поймете, на что смотреть. Я, конечно, понимаю — законы государственные не всегда с законами природными совпадают, а подчас до последних им и вовсе дела нет. Правила дороги построены в соответствии принципам гуманизма и сбережения человеческих жизней... да вот только чего глазу не видно, подчас к гораздо худшим последствиям привести может.

Машина за машиной, автобус за автобусом... Вот сколько человек в автобусе? Сто, триста? А в набитом? Тысячи человек день за днем, с раннего утра до позднего вечера, проходят на этом месте полный круг... противосолонь! Узнай о таком пред-

ки наши — не жить нам тут. Зачем Землю пачкать житьем таким?

Вот вам и Шлюз. Против Солнца. Но никто не задумывается. А даже если и задумается... то что? Вот вам и законы. Так почему бы в эту подготовленную почву злым семенам не упасть? Вот, видите, и упали...

Что еще сказать? Вот и поселились здесь те, кого только при свете дня по именам называть можно. Вот и не верь после этого. Казалось бы, сказка глупая, про нежить какую-то, про ведьм. А вы думали, на машину сел человек, на самолете полетел, на ракете по планетам скачет — и все, нет больше рядом тех, кто от создания мира за плечом у него ходит? Хе-хе...

Максима все-таки Николай убил, это точно. Об этом сейчас все говорят, словно так и знали: всегда он убийцем был и только случая ждал. А особо ретивые на него еще и сестренкину гибель вешают: урод, мол, и псих полный этот ваш Коля. Да и вообще все они уроды, компания эта. Раз один за другим перемерли...

А кто правду знает — тот молчит.

— Как догадался-то?..

Как ни готовился Николай к прилетевшему из темноты вопросу, тот прозвучал для него совершенно неожиданно. Парень вздрогнул, едва не отскочив, и обернулся, сунув руку за пазуху.

Максим медленно отлепился от подъездной стены, постепенно проявляясь в слабом, долетающем от детского садика свете. В ночной тишине гулко бухало сердце Николая. Макс улыбнулся и сделал к нему еще пару шагов.

— Не подходи, тварь... — просипел Николай, пригибаясь, словно для броска.

— Да я и не думаю. — Макс остановился, лениво откинул назад волосы, и Николай в очередной раз ужаснулся невероятной грации и пластике его нечеловеческих мышц. — Если не хочешь, конечно, не отвечай. Глядишь — может, сам смекну...

Николай попятился. Максим развел руками:

— Убегать? Ну, ты чего? Не для того, полагаю, ты меня искал, чтобы убежать? Так выкладывай, с чем пришел...

Левой рукой Максим выдернул из кармана целлофановый

пакет, а правой невероятно быстро расстегнул «молнию» ветровки. Жужжание «молнии» отбросило Николая еще на несколько шагов назад, а в его руках блеснули стволы обреза.

— Сдохнешь ты сегодня, гад! — выплюнул он. — Вот зачем!

Максим неодобрительно покачал головой, убирая куртку в пакет.

— Вид голого мужчины тебя не сильно смутит? В наше время приходится быть бережливым и осторожным, — поучительно произнес он, расстегивая рубашку.

Николай вскинул обрез, целясь в голову. Макс улыбнулся и отвел взгляд, возясь с пуговицами.

— Еще пара минут, и я так и не узнаю, как ты догадался, башковитый... — Рубаха тоже отправилась в пакет. — А ведь прохладно, не находишь?

Николай дрожащим пальцем взвел курки. Максим расстегнул ширинку.

— Ты что, дурачок, на самом деле не понял? — Он скинул кроссовки и быстро стянул штаны вместе с плавками. — Беги, дурень, последний шанс даю. Ты, видать, не за того меня принимаешь... Что я тебе — маньяк какой-нибудь, что ли? Беги... — добавил он более низким голосом, засовывая джинсы в пакет.

Николай почувствовал, как его начинает бить дрожь, и обеими руками стиснул ружье, не спуская голого парня с прицела. Макс вдруг запрокинул голову, его повело, словно схватила судорога, и он вскинул скрюченные пальцы к лицу.

— Теперь понял? — Максим опустил лицо, и Коля взглянул в багрово-красные, отражающие луну зрачки.

Зверь улыбнулся, проведя языком по клыкам.

— А ты, сука, понял?! — неожиданно для себя прошипел Николай. — Ты если такой умный, в стволы загляни!

Максим, тело которого теперь менялось прямо на глазах, вдруг замер, пристально глядя на обрез. Затем пронзительно взвизгнул, клацнув клыками, и мгновенно исчез в темноте.

Коля нажал на левый спуск. Обрез выплюнул пулю, и подъездную площадку окутало облако дыма. Николай бросился бежать, лихорадочно оглядываясь по сторонам, запинаясь о бордюры и путаясь в кустах. Голос Максима, искаженный до

неузнаваемости, бежал наперегонки с ним, прилетая со всех сторон:

— Убить меня захотел?! Беги, человек, беги!

Огромный собачий силуэт мелькал то здесь, то там, и Николай заметался, во все стороны размахивая обрезом. По его лицу катились слезы, перемешиваясь с ледяным потом. За спиной когти заскребли асфальт, тяжелое горячее дыхание обожгло затылок, и Николай стремительно обернулся, левой рукой закрывая голову, а с правой выпуская последний заряд в подкатившуюся смертельную темноту.

Выстрел прогремел оглушительно, парня отбросило отдачей, все снова окутало дымом, а затем раздались два крика — полный боли вопль Николая и дикий рев подстреленного зверя, в агонии пытающегося лапами разодрать себе живот и достать пулю.

Николай вскочил, прижимая изодранную руку к груди, и машинально вскинул разряженное оружие, огромными от ужаса глазами вглядываясь в катающегося при смерти огромного волка.

Через пару минут зверь замер, широко раскинув метровые лапы в луже черной крови. Николай посмотрел вниз, на собственную кровь, заливающую штаны, и опустил обрез. Волк еще раз дернулся и неожиданно начал меняться.

Заткнув ружье за пояс, Николай ухватил Максима за ледяную лодыжку и с трудом потянул в темноту.

Вот жалеете вы парня, Макса-то. Пузо из обреза издырявили, а после еще и надругались — сожгли труп, значит. Человека вам жалко, получается, парня молодого, крепкого и красивого. А что бы вы сказали, если бы Максим не совсем человеком был? Говорите, и котенка жалко? Верно... Только вот у котенка нет злобы такой, чтобы по ночам лунным людям резать да по кусочкам поедать. А ведь тем вечером Наталья не одна из Академгородка возвращалась. С парнем со своим, с любимым, в котором души не чаяла... Так вот и было. А люди до сих пор озираются, через лес только компаниями ходят.

Вот услышишь вещи такие, только призадуматься и остается. Да вы сюда сядьте, тут нагрело солнышком, тепло, а я вот

здесь... Ага. Так почти все и рассказал уже. Ну, еще последнее, пожалуй.

История-то наша про любовь была, про молодых, значит, которых при всех наветах всем Шлюзом оплакивали и жалели. Померли, получается, наши любящие друг друга, вместе, как в сказках. Сердца у них, мол, остановились...

Сейчас уже говорить можно, не вернется баба-то, а первое время все как один крестились да отмалчивались. Светка их... сгубила. Тут сказать «убила» язык не повернется. Сгубила, и все тут. Отняла души, словно кости из тела выдернула, вот и обмякли молодые, жизнь потеряли. И я вам так скажу: дай-то бог им сейчас, после смерти, души свои обрести, чтобы на том свете успокоения найти да мира, а то ведь еще и не так бывает...

Ох ты, черт, прости меня, господи... Что ж я вам про подарок-то ведьмин не дорассказал? На свадьбу-то Светка молодым подарки сделала, это я говорил. Только вот что за подарки... Я вот думаю, не произойди того — и не было бы на Шлюзе столько бед. Хотя... как тут не произойти, когда ими все просчитано до последнего хода было? А спасибо и поклон до земли Николаю, что помешать хоть как-то смог. Да вот только не хуже ли сделал...

Что? Смерти их? Да, конечно, нужны были. Я так скажу — Светка потому молодых приговорила, что что-то ее из себя вывело. Прямо напрочь. Иначе она бы на такое не пошла. Квартира-то? Не-ет, это не Вадик был, точно. Люди говорят, помог им кто-то. Он же и ведьму на отчаянный шаг толкнул. Вот и кумекай теперь, хуже этот некто сделал, что молодых чужими руками умертвил, или освободил-таки их, избавил от мучений, существование совместное, небренное обеспечил. Где тут добро, скажите?

Подарок? Ах да... Подарила Светлана молодым на свадьбу амулеты. На шнурках, простенькие такие, но сразу видно — старые вещицы, не один десяток лет этим деревяшкам. Сами незамысловатые, одинаковые — деревья темного, отполированные словно на станке. Только вот не так на станке полировка выглядит, так только кожей да одеждой натереть за долгие годы можно. И еще я вам вот что скажу: подобное кто наденет,

тот, считай, пропал. Уже самому не снять. Вот и наши надели. Светкиң замысел был. Сработал. Так рабство и началось...

Да только и Светлана-то не о зле думала. Она сначала Иру, а следом и Вадима не просто мучила, на цепи держала — учила она их. Что сама знала, чему ее учили. Зачем? Наверное, не должны эти знания пропасть, вот и искала учеников. А как произошло что-то для нее страшное, так и убила обоих. Может, из мести...

После того, как на четвертый звонок никто не ответил, он быстро опустился на одно колено, вынимая из нагрудного кармана набор тоненьких отмычек. Бросил быстрый взгляд на лестницу, прислушался к гудению лифтовых моторов и принялся за работу.

Отодвинуть язычок, осторожно, придерживая только что смазанные петли, открыть дверь, бесшумной тенью проскользнуть внутрь, опуская на пол десятилитровую канистру.

Коридор, вешалка для одежды, шкаф для обуви. Зеркала нет. Привычным движением оттянул затвор пистолета, сделал шаг в квартиру и кончиками пальцев приоткрыл дверь в маленькую комнату. Мебель, вещи — никого.

Два шага на кухню, разглядывая логово через прицельную планку. Ванная, туалет. Все как у людей.

Зал. Большая комната, запах воска, благовоний и чего-то приторно-сладкого.

Дверь, отлично смазанная, открылась практически без скрипа, бросая в темную комнату полосу ослепительно-белого света.

Наступая на собственную тень, мужчина вошел и остановился за внешним кругом, внимательно разглядывая начерченную на линолеуме пентаграмму. Оплывшие свечи, курильницы. Мебели нет, нет даже люстры, только у заколоченного окна на двух табуретах — то, что и искал мужчина. Но мебелью это назвать сложно.

Он спрятал пистолет в кобуру и подошел к окну, остановившись у изголовья гроба.

Антон вздрогнул, ощутив чужое присутствие, но не пронулся. Мужчина решительно кивнул и расстегнул куртку.

Уже после того, как из поясной сумки был извлечен кол, а

проникший в дом навинчивал на киянку набалдашник, Антон открыл глаза. Даже не пытаясь пошевелиться, он тихо спросил:

— Это ты?

Мужчина бросил на гроб быстрый взгляд и продолжил работу.

— Ты подловил меня в самый неудачный момент. — Речь Антона была вялой и сонной. Стараясь не закрывать глаз, он внимательно прислушивался к происходящему.

— Я просто успел вовремя. — Мужчина закрепил молоток и поднялся с колен. — Где твоя сестра?

Антон осторожно улыбнулся.

— Я все равно найду ее. — Человек с пистолетом и молотом равнодушно пожал плечами.

Антон тяжело вздохнул:

— Ребят уже не спасти. Они полностью в ее власти...

Мужчина замер, всматриваясь в лежащего и оценивая сказанное.

— Вы не закончили обряд, — словно зачитав приговор, отрезал человек с умениями взломщика.

— Не важно, — в свою очередь Антон едва заметно пожал плечами, — но на этот раз ты ошибаешься — мы не собирались их убивать. Светлана учила их. Многому, поверь. Она открыла им правду...

Взломщик не ответил, но внезапно отошел от гроба и принялся внимательно изучать расположение расставленных на полу свечей. Кивнул, пожевал губу. Кивнул еще раз.

— Мне все равно. — Он вернулся, встал над Антоном с занесенным колом.

— Ты совершаешь ошибку, охотник. Теперь молодым точно не выжить...

Тот, кого назвали охотником, помедлил, но через мгновение приставил заточенный конец кола к сердцу Антона.

— Мне страшно даже представить, что бы произошло, приди я на пару дней позже. Хотя... дружка вашего убрал не я.

— Не тронь сестру! Пощади, она же не со зла... — Антон изо всех сил боролся с накатывающимся сном. — Отпусти... Она... она полюбила его, клянусь тебе! Не желала она любовь разлучать, ну пойми...

Охотник еще раз внимательно посмотрел на него и вместо ответа резко ударил по колу молотком.

— Ее единственный шанс выжить — это прямо сейчас бежать отсюда как можно дальше, вампир...

Только с тех пор опять Шлюз тихим стал. Померло много народу, это верно, царствие им почти всем небесное.

Светлана сгинула, брат ее тоже с концом, Вадим и Ирина... не знаю я, где сейчас души их, не знаю... Николая не нашли, и слава богу. Просто так не сбегают из одиночных камер, да еще голые — подрал его тогда Максим-то, в драке, вот теперь и Николай тоже... Люди двери трижды запирают, по ночам не ходят, парни до сих пор за друзей и подруг горькую пьют...

А на Шлюзе у нас, аккурат после всей этой чертовщины, церковь строить начали. Неспроста, значит. Знаете где? На аллее, в самом начале. Не видали? Так сходите, проверьте — сейчас недостроенная еще. Ровно после всего этого первый камень и заложили. Всем районом Шлюза деньги вкладывают, всем Шлюзом строят. Вот так вот...

Такая вот история моя. Что попугал слегка — простите, правда — она часто такая, страшная. Может, где напугал чего, может, недосказал — это бывает, но чтоб соврал... Поживешь на улице — еще не такое увидишь.

Ох, спасибо, да ладно, ладно, что вы... Ох, не знаю, как благодарить вас. Спасибо еще раз, мне этого на неделю кормиться хватит. Только я ведь историю эту не ради денег рассказывал, хочу, чтобы не умерла она. Грустная, правда, но любовь настоящая редко веселой бывает, я так скажу. Глядишь, и вы ее кому расскажете, так и не умрет. Правильно это, по законам...

Ну да ладно, пойду я, пожалуй, поем чего... Что? Откуда знаю все это? Я же говорю — поживете с мое, посмотрите, послушаете, глядишь, и вам правда откроется. Нужно только оказаться в нужное время в нужном месте. Этому, я вам так скажу, я в свои триста четырнадцать... Что? Говорю, хорошо я этому в свои четырнадцать лет обучился.

А сейчас до свидания. Я улыбнусь и исчезну за тем углом. Теперь люди знают, как было дело, и мне пора. Может, еще свидимся...

ОГОНЬ ПОВСЮДУ

Возрождаться тяжело

озрождаться тяжело, особенно в первый раз. Вначале не понимаешь, что снова жив; не понимаешь даже, что ты дышишь и слышишь; не понимаешь обращенных к тебе слов. Лишь когда чье-то ласковое прикосновение умерит твою боль, когда по твоему слепому движению и стону поймут, что ты хочешь пить, и дадут тебе воды, когда начнешь осознавать близкие бессмысленные звуки как знаки заботы, которая всегда рядом, — тогда открывается первая лазейка из замкнутого наглухо мира одиночества и страдания в огромный, яркий и шумный мир. Здесь тебя поджидает Большая Боль — настоящая, осознанная до дна души, до мгновенной судо­роги ужаса, до обрыва дыхания, не успевшего стать криком, потому что, как ни сдерживай пробуждающуюся память, однажды ты вспомнишь свою смерть и поймешь, что потерял вместе с прошлой жизнью.

Но это придет не сразу.

Само возрождение запоминается плохо, глухо, как далекий смутный сон. Темнота. Тупые толчки боли расширяюще­гося, еще бесформенного нового тела. Нестерпимая жажда, утоляемая жадным питьем. Зуд кожи, слишком тонкой, слишком нежной, не поспевающей за ростом тела; хочется разорвать на себе кожу, но нет рук — и тело корчится; но тебя касается дружеская рука с пригоршней мази, потом из тела, как корни и ветви, выдвигаются ноги и руки, на лице распускаются цветы глаз... Жмурясь и морщась от режущего света, ты с опасливым недоумением изучаешь себя, бессознательно соиз­меряешь усилия тела с движениями странных отростков перед глазами; ты впервые видишь своих благодетелей — и пугаешь­ся их, а затем быстро к ним привыкаешь, и память кожи под­сказывает: да, это они поили и утешали тебя в пору слепоты.

Возрождение течет быстрее первого рождения; ты не учишься всему заново, а вспоминаешь и, сам изумляясь, стремительно осваиваешь речь, мышление, навыки; все ближе твое прошлое — твой ум уже достаточно окреп, чтобы открыть его. Однажды ты сам спрашиваешь у тех, кто тебя выхаживал:

— Кто я?

Имена тех, кто вернул мне жизнь, я узнал раньше, чем свое собственное — оно совсем выгорело, дотла. Мне пришлось назваться самому, чтобы не быть безымянным, и жить так, пока я не нашел свое настоящее имя.

Их звали Вереск и Клен. Вереск, как все Верески, мелкий и худощавый, а Клен высокий, стройный, с кроной-коронаой вьющихся пышных волос; еще Клен носил заливчатские усы, будто гусар.

Они не торопили меня узнать свое прошлое. Я совсем освоился у них — сперва нерешительно, а затем уверенно взял на себя хлопоты по хозяйству. К их приходу еда была всегда готова, а в доме царил чистота; меня хвалили, хлопали по плечу и не отговаривали, когда я наводил себе седьмую порцию крепкого кофе (а чашками им служили вместительные жестяные кружки) с таким количеством сахара, что после осы роились над посудной мойкой. Кофе я взбалтывал не из одной любви к его терпкой крепости, а чтобы достойно проводить очередной четырехэтажный сэндвич.

Но спросил я иначе: «Как меня зовут?», а не «Кто я?»

А то все «ты» да «ты», «дружище» или «парень».

Вереск принялся лепить маску из шоколадной фольги. Клен закурил, внимательно глядя на меня, будто не я от него, а он от меня чего-то ждал. Наконец он сказал:

— Ты помнишь пожар?

Пожар?.. До той секунды я не знал этого слова, но сейчас оно начало жить во мне — так возникает и быстро расплывается на скатерти черное пятно пролитого кофе. Жар — это было знакомо: жар — то горячее и опасное, что пляшет в печи, что вспыхивает на спичке. А по-жар... По-топ — это когда все и вся заливает вода, по-гром — когда ненависть крушит все вокруг себя, по-боище — когда ярость бушует среди людей, по-вет-

рие — когда никому не укрыться от ветра смертной порчи... тогда по-жар — что-то страшное, когда жар — со всех сторон.

Едва цепочка мыслей привела меня к смыслу пожара, как я все вспомнил; наверное, это стало заметно: Клен задушил сигарету, но поздно — вьющийся над столом слоеный дым и тление последних крошек табака так намекнули моим ноздрям о прошлом, что я замер, раздавленный ударом из глубины проснувшейся памяти.

Огонь! Ревущий, сплошной, наступающий с треском, а между клиньев огня — удушливый дым, крик и кашель! Мой кашель, мой крик!..

— Что это? Что это было?! — со всхлипом вырвалось у меня; я прижал кулаки к глазам, будто хотел протереть их от едкого дыма.

Клен резко схватил меня за запястья:

— Вспоминай! Ну! Ты должен вспомнить!..

Оттолкнув его, я вскочил, бросился в ванную, открыл оба крана на полную мощность и подставил лицо под тугую струю, чтобы вода лилась по мне, много воды!..

Кажется, я плакал — лежа в ванне, в мокрой одежде. Вереск, вертя в пальцах готовую маску — мятое лицо с большими пустыми глазницами, уродливым носом и разинутым ртом-вопьем, — стоял, подпирая дверной косяк.

— Он ничего не вспомнит. Ему было слишком больно тогда... ведь так, парень?

Да, да, да, кивал я, не находя слов, потому что понял — тогда было не просто больно и даже не слишком больно; тогда была моя смерть.

— Попробуй вспомнить, — уже мягко, просительно взял меня за руки Клен. — Как начался пожар, с чего? Кто был с тобой рядом до пожара, о чем вы говорили?..

— Нет, — помотал я головой, — я ничего... не помню. Только огонь. Я... умер тогда?

— Да, — тихо произнес Клен. — Почти умер. Почти весь...

— Вот здесь, — показал он прямоугольник на схеме. Черная рамка прямоугольника была грубо, с нажимом заштрихована красным. — Вид сверху. Узнаешь это место?

— Нет.

— Ну, не важно — я свожу тебя туда; может, хоть на местности ты определишься. Вот это — река... в общем, почти ручей, но зовут эту водяную жилку рекой. Здесь, на левом берегу, — элитный жилой массив, на правом — пепелище.

— Хуже, чем пепелище, — пробурчал Вереск, — мертвое место. Выжжено злым огнем.

Я вопросительно взглянул на него, еще испытывая дрожь после прикосновения к горячей памяти. Вереск пожал плечами:

— Что-то вроде напалма. Он горит даже в воде. Там и земля превратилась в пепел.

— А я?

— Ты — другое дело. Твои останки нашли снаружи от зоны огня, на границе полного сгорания. То ли ты вырвался оттуда, то ли кинулся помочь, но вовремя отскочил...

Хотя говорил Вереск чаще всего четкими, короткими фразами, в его словах мне почудилось подозрение. Он подозревает в чем-то *меня?*.. меня, у кого даже тень мысли о пожаре вызывает озноб?..

— Вот тут — загвоздка, — взял слово Клен, выведивший на схеме жирные знаки вопроса. — Не известно, ни кто ты такой, ни откуда ты взялся — ни-че-го... Все, кто мог знать тебя до пожара, погибли. Имя свое ты не помнишь, а твоя внешность — боюсь, она стала иной...

Я посмотрел на себя в зеркало. Жгучий брюнет. Слово-то какое — жгучий... Брюнет после обработки огнем. Вдобавок еще и смуглый. Опаленный солнцем — опять что-то огненное в названии. Глаза, будто угли. И я понимаю, что этот, в зеркале, — не я. Огарок, головешка...

— Мы надеялись, что ты вспомнишь, когда дозреешь, — вставил Вереск. — Теперь надежды нет.

— Остается заклинание, — поправил его Клен. — Ты сам должен его прочитать, иначе оно не сработает... действует оно только раз в жизни.

— А... что это даст?

— Правду, — отрезал Вереск. — Может, откроется не вся правда, а только часть. Или намек. Но что-то обязательно должно всплыть.

Текст, вскрывающий память, выглядел смешно — десяток блеклых машинописных строк; литеры у машинки шли вразнобой, как расшатанные зубы — «а» выскакивало выше строки, «и» проваливалось ниже. Смысла в тексте не было вовсе: просто набор странных слов, чья вычурность нарастала от строки к строке, словно ребенок забавлялся, выдумывая слова все чудней и чудней: «Ранта деваджа тахмиликонта рантали деварджатари тахмиликонтаридди...» Я старательно прочитал эту абракадабру, с замиранием сердца ожидая прихода чего-то властного и чувствуя себя дураком, которого забавы ради заставили заняться чепухой. Но Вереск и Клен смотрели на меня очень серьезно.

— Я ничего не чувствую, — сознался я с досадой, выждав минут пять.

— Оно придет, — не то утешил, не то обнадежил Клен, пока Вереск хмуро помалкивал.

Остаток дня мне казалось, что я обманул их; разговоры не клеились, даже самые добрые слова звучали натянуто. Спать я лег с таким грузом сомнений на душе, что долго не мог уснуть — давила неясная вина, свербели оставшиеся без ответа вопросы, и еще — в ночь я отправлялся совсем не тем, кем вошел в утро. Еще до обеда я был самим собой, теперь же я был неизвестно кто, потерявший имя, сменивший лицо, замешанный в смертельном деле о пожаре. Никто не сказал этого вслух, но я понимал их молчание — Вереск и Клен разыскивают поджигателя, а я был последним и единственным, чье участие в пожаре было очевидным — и очень подозрительным. Как я мог оправдаться? Уйти из дома в их отсутствие, даже не сказав «прощайте»? Тогда бы они точно уверились, что я виноват и сбежал от стыда и страха. Но разве можно наказывать меня после того, как я умер и родился вновь?..

Наконец меня сморил сон.

Во сне

Во сне я был другим — выше ростом, сильнее в движениях; лица своего я не видел, и никто не произносил моего имени.

И еще — во сне я мог больше, чем наяву. Я чувствовал чужое волнение; я видел не только происходящее, но и то, что другие хотели сделать или делали невидимо для всех.

Я оказался на трибуне. Место было незнакомое — под открытым небом сцена вроде помоста, а рядом — возвышающиеся ступенями ряды скамей, где сидели зрители. На помосте под медленную, тягучую музыку танцевали четыре девушки; трудно понять, кого они изображали — птиц, или колдуний, или то и другое вместе. С распущенными волосами, в черных трико, поверх которых были оплечья и юбки из черных клиньев, похожих на лохмотья или оперенье, они плавно переступали, то вчетвером, то попарно, сплетались, изгибались, замысловато поводя руками, — и это молчаливое действие под звуки флейты и мерные гулкие удары барабана завораживало, оцепеняло. Впечатление усиливали лица танцовщиц, набеленные и неподвижные, и звуки кастаньет, подчеркивающие щелчком каждый шаг. Одна из них («Новенькая», — говорили о ней в рядах) была с чистым лицом и, в отличие от других — черноволосых, — рыжая. Как-то рядом со мной оказался Клен:

— Следи внимательней, смотри.

Я насторожился. Мрачноватый танец, стоны флейты — это и без его слов заставляло напрячься в тревожном ожидании. Я начал пристально рассматривать лица зрителей, но они, какие-то серые в массе своей, тут же выпадали из памяти, сливались в нечто бесформенное, безглазое, усредненное. Никто не замечал меня. Наконец я почувал, откуда исходит опасность — от высокого старика в переднем ряду. Седой, одетый не по годам модно, с дряблым бритым лицом, он впился глазами в сцену, точнее, в рыженькую танцовщицу, и вел ее взглядом, точно прицелом. Вдруг он разделился — тело осталось сидеть в той же устремленной позе, а полупрозрачный двойник рванулся к помосту, вспрыгнул на него и, схватив рыжую, запрокинул ей голову и впился в шею. Похоже, кроме меня, никто не понял, что произошло, — все увидели только, как она, вскрикнув, пошатнулась и вскинула руки к горлу, словно хотела сорвать с себя удавку. Глаза девушки выражали ужас, тело напряглось, пытаясь удержать равновесие. Партнерши смешались, танец оборвался, музыка нелепо смолкла.

Я почувствовал ее боль как свою и, не раздумывая, выбросил вперед правую руку в отработанном (когда успел заучить?) жесте — плечо на одной линии с предплечьем, ладонь вскинута, пальцы расставлены и скрючены, как когти. Я на расстоя-

ний вцепился в двойника — в мозг, в сердце, в душу; двойник отпрянул. Извиваясь, он взмахивал руками, пытаясь освободиться, но тщетно — я держал его цепко, вложив в свое движение всю ненависть, толчками подступавшую изнутри, и всю волю, на которую был способен; я овладел двойником, как марионеткой, словно не было пространства, разделявшего нас, — и замерший на скамье старик хрипло завопил, вскинувшись, судорожно повел глазами по взволнованным рядам, нашел меня — но я сжал холодную жизнь двойника в кулаке, стиснул крепче. Старик обмяк, не в силах сложить руку в отражающий жест; его ноги вытянулись, глаза косили врозь, с губ потекла слюна — а девушка на помосте справилась с удушьем, подруги подхватили ее и свели по ступеням наземь. Теперь внимание смятенных зрителей соединилось на нас — на мне, вытянувшем перед собой сжатую руку, и на старике, корчившемся со стоном в первом ряду.

— Колдуны! — раздался крик среди недоуменного гомона. Зрители, и не думавшие прийти на помощь рыжей девчонке, вскочили как один, но старику досталось всего несколько ударов — он был слишком жалок, чтобы принять на себя всю их ненависть, — а вот на меня накнулись всерьез. Я успел движением пальцев сломать его душу, как вафлю, прежде чем перейти к обороне; несколько щадящих жестов расчистили мне путь к заднику трибуны — я спрыгнул и побежал, заметив краем глаза, что и Клен не бездействует — валит самых рьяных, прыгнувших вслед за мной.

Он нагнал меня в овраге, на узкой дороге между заросшим склоном и высокими заборами; убедившись, что нас никто не преследует, я, тяжело дыша, перешел на шаг. Идущий рядом Клен положил руку мне на плечо:

— Отлично, парень! Начало вспомнилось — поддела уже сделано.

— А ты... как оказался тут?

— Заклинание прочитано при мне — значит, и я в него вошел. — Похоже, для Клена в этом не было ничего загадочного.

— Здесь все как настоящее, — поежился я, запахивая куртку. — Они могли убить меня?

— Вполне, — серьезно кивнул Клен, — потому что наш сон — не воспоминание, а часть жизни. А ты, оказывается, был

умелым колдуном, парень! Знаешь, кого сломал? Самого Пьяницу! Чертов выродок сгубил душ тридцать и так мастерски таился, что мы отчаялись его выследить. На том представлении никого из наших не было, мы в догадках терялись — кто это сделал? Теперь я знаю — ты.

— Не понимаю, как у меня получилось, — словно жалуясь, сказал я. — Точно само собой...

— И понимать нечего, — Клен отмахнулся, — к тебе вернулось искусство.

— Но... ты веришь, что поджог устроил не я?

— Не знаю. — Остановившись, Клен заставил остановиться и меня; мы оказались лицом к лицу. — Пока ясно одно: ты показал свою силу рядом с тем местом, которое потом стало пепелищем. Я знаю день, когда сдох Пьяница; между ним и пожаром — чуть меньше двух месяцев. За два месяца могло случиться все, что угодно, — даже предательство...

— И я должен доказать обратное?

— Да, именно так. Больше никому.

Некоторое время мы шли вместе, спускаясь по овражной дороге в долину.

— Это здесь?.. — почти уверенный, я окинул глазами простор, затянутый вуалью тумана или...

...или дыма.

— Верно; вспомни мою схему.

Из дымки проступали темные силуэты домов, неровные купы деревьев — как будто отступал потоп, обнажая залитое прежде водой. Клен замедлил шаги:

— Сюда я не могу. Почувствуй этот дым...

Я вдохнул глубже — с опаской, чтобы не втянуть в себя лишнего, — и понял, почему Клен не может войти в эту часть сна. Это была смерть, разлитая в воздухе. Долина была наполнена смертью, как чаша; предупредительная дымка не исчезала — лишь всасывалась в окоченевший грунт, приоткрывая мне — и только мне — остановившуюся картину прошлого.

Наверное, во мне проснулось очень многое из того, чем я владел раньше, иначе я бы не осмелился ступить на землю, где даже время умерло. То, что здесь обитает, не принадлежит больше времени — это как клочья газет без дат или вещи, в темноте кажущиеся не тем, что они есть на самом деле.

Не дать обмануть себя, правильно понять увиденное — вот вторая заповедь дерзкого, входящего в потусторонний мир.

А первая — не бояться. Трус обречен. Заживо переживая смертные муки, он останется живым в царстве мертвых без надежды уйти.

Странно: приближаясь к мостику через ту крохотную речушку, я думал о рыжей девчонке, которую чуть не заел Пьяница, — кто она? Как оказалась в обществе трех белоликих кукол, танцующих любовь без страсти?..

— Без имени, — не спросил, а равнодушно встретил меня бесплотный голос у моста. Я даже не стал искать взглядом говорящего — чутье подсказывало, что у него нет ни лица, ни тела.

— Угольщик, — вырвалось первое, что пришло на ум; похоже, новое имя понравилось здешней силе, и я понял, что вход разрешен.

Речушка делала изгиб выше моста (удивительно — вода не утратила способности течь) и вверх по течению разделяла жилой и сгоревший берега; я шел там, где росли деревья и стояли уютные коттеджи; глаза цветов за решетками оград были сомкнуты в вечном сне — ни ветерка, ни звука, ни движения вокруг. Впрочем, пройдя вдоль строя загородок, я заметил, как кто-то поднялся, разогнувшись от земли, — над аккуратной шеренгой кустов белым шаром проплыла коротко остриженная седая голова в очках, с мясистым загривком; подойдя ближе, я увидел рослого, грузного мужчину в синем комбинезоне, с большими садовыми ножницами в руках. Он строго и недоверчиво оглядывал меня сквозь линзы.

— Мое почтение. — Как младший, я приветствовал его первым, слегка кивнув.

— Очень приятно. — Он едва заметно качнул головой, а ножницы в его руках хищно повели браншами. — Юноша, не поленитесь ответить на один простой вопрос: как вы оказались в нашем районе?..

Подвох был очевиден, но я не собирался раскрываться перед этим пузаном, как ребенок. Если он тут спокойно садовничает — это неспроста; обычный человек не способен на такое...

— Я сплю и вижу вас во сне, — ответил я рассеянно.

Очкастый садовник смягчился, хотя глаза его остались жесткими.

— Ну что ж, пожалуйста. Но я считаю своим долгом предостеречь: это плохой сон. Я бы даже сказал — кошмарный. Некоторые случайные посетители так и не проснулись отсюда... Просыпайтесь скорей — искренне вам желаю, юноша!

— Нет, не хочу. — Я покачал головой и огляделся. — Тут так интересно!..

— Может быть, вам помочь? — Он поднял и с намеком раскрыл пошире ножницы.

— Спасибо, не надо — я еще посмотрю... А вам тут как — не жутко?

— Видите ли, — он оперся локтями о верх ограды, держа ножницы нацеленными остриями на меня, — годы не только старят тело, но изменяют сны. Прежде мне снились девушки, всякие приключения, а теперь — только мой сад, притом в скверную погоду... Но — надо примириться с реальностью, принимать все таким, как оно есть, и, видя кошмары, учиться находить в них прелесть. Вы мне симпатичны, юноша, — если снова уснете сюда и застанете меня, то заходите без церемоний. Честно сказать, мне нравится ваш интерес к ужасным снам и ваше хладнокровие.

«Ложь, ложь, — мерцало в потайном углу сознания, — и тем хуже ложь, что ложь наполовину! Он и врет, и не врет сразу; он почему-то любит этот сон и всякий раз возвращается сюда — зачем? Что он тут стережет? Почему наполнил сон затмением смерти?..»

— За речкой, — показал он ножницами, — найдете много забавного. Вы ведь любитель сильных ощущений, не так ли? Вас привлекает мороз по коже?

— Я... очень признателен! — Взгляд, брошенный в направлении ножниц, упал на какие-то руины, теряющиеся в густой дымке. — Сейчас же и схожу.

— Испугаетесь — кричите, не стесняйтесь. На то ведь и кошмар, чтобы кричать, верно?..

Пробравшись через кустарник, я ступил в воду; речка оказалась мне по колено. Несколько раз в черной воде что-то касалось моих ног, будто ощупывая, и я сдерживался, чтобы не

вернуться назад к садовнику. Нет, пусть он поверит, что я люблю смаковать страх!

Место, отмеченное на схеме Клена черным прямоугольником, не было здесь выжжено в пепел; стывший дым словно сгустился вокруг старого пожарища, оберегая его от любопытных глаз и сохраняя в неприкосновенности. Мягкий хруст угля под ногами отозвался во мне холодком неизбежного кощунства — я шел по костям.

Прямоугольник был когда-то домом, большим деревянным домом вроде барака; среди торчащих из пожарища черных столбов не было водопроводных труб — да, верно, одноэтажный барак.

Там, где мои ступни приминали золу, раньше цвела дружная, шумная жизнь. Я видел расплавленные трупы кукол с помутневшими стекляшками голубых глаз, остовы детских колясок в спекшейся коросте пластика, осколки посуды, скорченные обложки книг. Дым веял над скорбным местом, а я, одолевая желание рухнуть и зарыться лицом в прах, кусал губы — здесь лежит разгадка моей тайны, а я не могу понять! Как я оказался тут в день сплошного огня? Почему я не сгорел весь, без остатка? Кто виноват в этом?.. Пепел молчал, тайна оставалась тайной.

Не крик, а тень, слабое эхо крика едва донеслось до меня со стороны реки; я замер, пытаюсь разобрать прозвучавшее слово — но оно уже растаяло, растворилось в дыму. Но это было именно слово! Вырвавшийся из-под гнета проблеск связной речи, частичка смысла — кто там кричал? кому?..

Я оглянулся — и увидел...

Смерть не гримасничает, ей это не к лицу. Она ставит точку, командует «стоп» — и живое застывает. Все остальное, что кажется страшным, безобразным — гниение, распад, — к смерти не относится, это уже иная жизнь, жизнь мертвого во власти времени. До поры живое сопротивляется, изменяясь помалу, но стоит перейти грань — и время полностью овладевает плотью, и плоть начинает жить по законам секундной стрелки. Обратного пути нет.

Так я думал до этой встречи.

Но оказалось, что и смерть может оглянуться. Обычно она возглавляет шествие, не оборачиваясь из сострадания, чтоб

нам веселее жилось; но в особых случаях она может кинуть взгляд через плечо: «А хороша ли я?»

Это был призрак, беглец из смерти; оттуда не убегают, но те, в ком по воле судьбы сохранилось какое-то желание, какая-то страсть или боль, какой-то неисполненный долг, порой выглядывают из окон уходящего поезда и что-то неслышно кричат нам на прощание.

Обутленная фигура шла безмолвно, словно медленно плыла в белом клубящемся тумане, становясь все ближе и ближе; я видел, как со сгибов осыпаются черные чешуйки. Волос на голове не было, ямами зияли глазницы; неровно обгоревший нос обнажал несуразно большие щели ноздрей, а рот... рта нет, если выгорели щеки. Наверное, если бы это шло прямо на меня, я закричал бы, теряя рассудок, но оно прошло мимо. Когда я, стяхнув оцепенение, оглянулся — услышал одно слово, произнесенное шепотом в сознании, где-то прямо в мозгу:

— Молчи.

И я понял, что давешний крик из-за реки означал то же самое.

Молчи

— Молчи? — переспросил Клен, разминая сигарету. — Звучит приказом, а? Вереск, твое мнение?

— Кое-что прояснилось, — спокойно отозвался тот. — Некоторые детали были известны раньше, но эти две встречи весьма любопытны.

Любопытны! Ему бы их пережить!..

— Во-первых, Жасмин. — Вереск начал загибать пальцы, но тут я не выдержал:

— Сначала объясни, о чем говоришь!

— Не о чем, а о ком, — поправил Вереск. — О том дяденьке с садовыми ножницами. Увидеть его во сне — словно топор или бензопилу. Тебя не потянуло сделать ему вот так?.. — Чтобы «пять ударов в одном» не достались никому из нас, Вереск выбросил руку со скрюченными пальцами в пустой угол.

— Нет, он не угрожал. Но устроить подлость — это он может!..

— Может! — фыркнул Клен. — Еще как может!.. А тебе не

показалось странным, что этот тип живет прямо напротив пожараща?

— Мне, — я уже и язвить научился, — было подозрительно, что он вообще там оказался.

— Разумно. — Вереск лукаво прищурился. — Говори дальше, Угольщик.

— Он не тот, за кого себя выдает. Не садовод на покое.

— Так, так...

— Ему зачем-то надо быть во сне. Обязательно.

— Из тебя выйдет классный расследователь, — с легкой насмешкой одобрил Вереск. — Напрягись-ка и вдумайся: кто может бывать там, когда захочет?

— Он... колдун? — неуверенно вымолвил я.

— Вот с этого и надо было начинать. — Удовлетворенный ответом, Вереск откинулся на спинку стула и сгреб со стола заготовленный лист фольги.

— Он большой, — Клен сделал ударение на слове «большой», — колдун среди людей. Специализируется на зловредительстве и, в частности, на порче.

— А между тем, — Вереск сосредоточился на новой маске, — лет двадцать назад это был мелкий муниципальный секретарь. Сперва он использовал свой дар для продвижения по службе, но скоро забросил карьеру, стал колдовать на заказ. Теперь его соседи — судья и прокурор, а сам он — уважаемый человек.

— Душа общества и желанный гость. — Клен скривился.

— Внешне — да, — Вереск поднял глаза, — но чаще предпочитает блистать своим отсутствием. Любит, чтобы люди сами приходили к нему. Поодиночке.

— И тайком, — вставил Клен.

— И дрожа мелкой дрожью, — добавил Вереск. — Он много знает о своих соседях, и многие ему обязаны за... бескорыстную помощь. Влиятельным людям очень кстати бывает чья-нибудь смерть или болезнь, а рассчитаться с ним, если цена не назначена, очень сложно.

— Его не пытались убить? — серьезно, без всякой личной заинтересованности спросил я.

— Трижды, насколько нам известно; причем один раз кол-

довским путем — наняли какого-то... вроде Пьяницы. Все попытки были безуспешны.

— А Жасмин после каждого покушения рассказывал об очередной новинке в своей коллекции жутких диковин. Наконец с ним смирились как с неизбежным и даже полезным злом. — Усы Клена презрительно изогнулись. — Порой мне кажется, что этим господам жить неведомо без ужаса — такого, знаешь, ручного ужаса, который можно науськать на других или спускать с цепи в комендантский час. Им даже Пьяница был нужен в роли пугала — там, где бродит полуденный упырь, люди доверчиво жмутся к властям.

— Но ведь есть законы против колдовства... — начал я.

Расследователи дружно, негромко, но как-то особенно обидно засмеялись.

— Старайся запоминать факты с первого раза, — менторски заметил Вереск. — Повторяю: он живет между судьей и прокурором. Оба — лучшие его друзья и не дадут его в обиду, пока он соблюдает светские приличия. Чуть оплошал, хватил лишку — законы сработают, как капкан. Или закажут забойщика из такого глубокого загробья, что даже Жасмин против него не вытянет.

— Жасмин — а почему Жасмин? Разве он из наших?

— Он так из подлости назвался, — пояснил Клен, — чтобы никто в толк не взял, можно его убить или нет. Но с нашими не соприкасался — только по людям работал. И вот...

— Доказательств нет, — одернул его Вереск, — одни подозрения. Подозрения — и Угольщик.

Очень приятно, когда о тебе говорят в третьем лице и по имени, словно ты уже умер или стоишь в строю солдат.

— Можно, я спрошу? — подал я голос, будто пай-мальчик.

— Изволь. — Вереск кивнул.

— Сколько наших там жило?

Они переглянулись, потом уставились на меня.

— Семьдесят два человека, — медленно и как-то осторожно ответил Клен.

— Вы как-нибудь связаны с этим домом?

— Лично мы — нет, — ответил Вереск, принимая на себя роль лица под допросом. — Мы живем довольно далеко от тех

мест, работы у нас хватает. Оттуда не было никаких тревожных сигналов.

— Кроме, — покосился на коллегу Клен, — жалоб на обычные притеснения. Всегда найдется кто-нибудь, чтобы сказать: «Под корень!» — или: «Пошел ты на пилораму!» Пяток непримиримых с вечными петициями о вырубке и расчистке. Намеки с ухмылкой о каких-то там планах застройки...

— Я не об этом. Ты говорил про два месяца между Пьяницей и пожаром. Неужели за эти два месяца не было ни вести о пропаже... о моей пропаже, ни новостей о появлении неизвестного молодого колдуна?

— Уже проверено. — Вереск, не прекращавший ваять из фольги, выдал на маске впадины для глаз. — Ни одна община не заявляла об исчезновении человека с твоими данными.

— А если дело с Пьяницей было моим первым?

— Похоже на то — мастер свалил бы его, оставшись незамеченным.

— Если так, тогда и в пропавших должен упоминаться просто парень.

— А? — Клен локтем толкнул Вереска.

— Что это меняет в розыске? Остается тот же список из десяти-пятнадцати имен. Рассылать твой нынешний портрет — пустая затея. Вспоминай — или останешься Угольщиком.

— Тогда второе, — не сдавался я, — известия из общины о пришедшем колдуне.

— Мы изучили данные за семь-восемь месяцев до катастрофы. — Вереск сказал, как отпечатал литерами по листу. — Никаких зацепок, тем более колдунов. Вполне объяснимо: люди боятся. Стоит похвастать, что у них есть или воспитывается колдун-защитник, тотчас начнутся санкции. Тихая, размеренная жизнь будет уничтожена навсегда. Вот и держат язык за зубами.

— Я бы вернулся к приказу «Молчи», — напомнил Клен, терпеливо ждавший, пока я изучу все тупики ситуации. — Соображай, Угольщик. Выжми из себя, что можешь...

Упершись локтями в стол, я прижал пальцы к вискам. Зрительный образ, во сне объемный и четкий, наяву казался ускользающей тенью, зато пережитые чувства стали яркими и

сильными; было в них нечто, что трудно выражается в словах. И смысл, смысл — в чем был смысл слова из сгоревших губ?..

— Первая версия, — глухо начал я, глядя в стол, — наваждение Жасмина. Ложный призрак для испуга.

— Возражаю, — поднял руку Клен. — Входное заклинание читал ты, Угольщик. Даже в пересекающихся снах Жасмин не может извратить смысл явленного тебе. У него... скажем, постоянный пропуск, а ты шел на откровение и был как свеча для мотыльков. Он мог усилить эффект соприкосновения, но не вовсе изменить смысл.

— Присоединяюсь, — кивнул Вереск. — Дальше.

— Вторая версия. — Кажется, мой голос стал совсем шорохом. — Видение настоящее. Меня предупреждают или просят, чтоб я не разглашал... что-то, чего я еще не знаю. И это — кто-то из погибших при пожаре.

— ...который знал тебя и знает, что даже после смерти, — Вереск отложил готовую маску, — ты в состоянии вспомнить нечто опасное. Опасное для кого? Поджигателя или заказчика — будем считать их третьими лицами — в расчет не берем. К ним никто из погибших нежных чувств питать не может и защищать их не стал бы. Значит, может пострадать либо душа погибшего — либо ты, Угольщик.

— Слишком много «либо». — Клен поморщился. — Давай проще, Вереск!

Они не встречались глазами и не смотрели на меня. Явно слышалось, что может угрожать безымянной душе или мне, безымянному, — позор разоблачения.

— Нет, — пристукнул я ладонью по столу, упреждая новое логическое сплетение, — тут вообще без «либо». После всего я и без предупреждения глухо молчал бы, даже если бы за мной что-то было, — разве не так?

— Значит, остается одно, — кивнул довольный Вереск. — Призрак просил сохранить его тайну...

— Выходит, ты, Угольщик, был знаком с поджигателем? — Клен посмотрел на меня с явным любопытством.

— Думаешь, я тотчас наплюю на просьбу призрака, как только вспомню?

— Не в том дело. — Взгляд Клена стал еще внимательней. — Просто я вижу, как ты берешь дело на себя и оставля-

ешь нам роль наблюдателей... Понимаешь, за что ты взялся отвечать в одиночку?

— Призраки, — спокойно отметил Вереск, — так же эгоистичны, как и люди. Только корысть у них другая, не в деньгах. Например, они очень озабочены своим добрым именем в посмертии. Призрак может внушить ложное чувство долга, обязать, связать клятвами...

— Разве я отказываюсь работать с вами? — Чего я не хотел, так это остаться без поддержки.

— Можно было бы сказать: «Мальчик, мы тебя без призора не оставим», — но это будет неправдой. — За невозмутимостью Вереска скрывалось что угодно. — Мы с Кленом уже примелькались в тех местах. Если мы появимся вновь, причастные к пожару будут выжидать, чтоб не выдать себя неосторожным словом или действием. Поэтому будет лучше, если на место отправишься ты — чужой, никому не известный парень. Настороженность по отношению к чужим иная, чем к расследователям.

— Хотя, честно сказать, не по душе мне это, — вздохнул Клен. — Ты отправляешься неподготовленным, с нулевой нагрузкой, и мы сами тебя к этому подстрекаем...

— Здравствуйте, мы расчувствовались! На пенсию пора! — Вереск отвесил ему поклон, а мне сказал: — Не слушай его, Угольщик. Он хочет показать, как ему сейчас неловко. А на самом деле рад-радешенек, запуская тебя в работу.

— Не надо разговоров, люди. — Я скривился, пока Клен возмущенно гудел что-то в усы. — Никакая это не работа! Тайна — моя; я должен ее разгадать — и только я. Хочу узнать свое имя, найти родных...

— Ошибаешься, Угольщик, — покачал головой Клен. — Это и есть наша работа — распутывать чужие тайны, как свои. Гляди, не вляпайся после дела в новую тайну — тогда ты совсем пропал...

— Нам, — Вереск улыбнулся, прищулив один глаз, — очень нужен колдун. Так что — гори, но дотла не сгорай.

Мне эти слова не понравились, и я перевел беседу на другое:

— Положим, я найду заказчика поджога — что тогда?

— Тогда обращаешься к нам. — Вереск, как никто способ-

ный на мгновенные перемены, тотчас стал деловит и сух. — Мы проверим факты и вызовем палача.

— А если эти факты ведут к имени поджигателя? Мне сказано — «Молчи».

— Тогда... — Вереск взглядом попросил у Клена поддержки.

— Можно, — согласился тот. — Парень правду ищет; он ее умеет видеть.

— Визитку я не дам — опасно. Запомни телефон — 558-124. Позовешь Мухобойку, скажешь, кто, где и в чем виновен. Только наверняка. Чтобы потом никаких «Я ошибся».

Наяву

Наяву я увидел пожарище через сутки, когда решил поехать за разгадкой.

Уже на вокзале Клен вдруг загорелся идеей снабдить меня парой крепких заклинаний, но Вереск быстро его урезонил — после таких громобойных заклятий можно сворачивать расследование и улепетывать без надежды на возвращение.

— Никакого оружия, — наставлял меня Вереск. — Никаких поспешных действий. Никаких заклинаний. Помни, что рядом будет находиться мастер порчи и вредительства — Жасмин, готовый поймать тебя на любой оплошности. Смотри, слушай, запоминай, задавай с невинным видом самые дурацкие вопросы. Обдумывай потом, в одиночестве. Старайся использовать каждую ночь для входа в сон — или напрашивайся на приглашение. Ты уже отметился как любитель кошмаров — используй это.

Денег они смогли выделить немного — сами сидели на мели. Именно поэтому был выбран поезд — по железной дороге пусть с пересадками, но дешевле, чем междугородным автобусом. Расстались мы с приходом электрички — с быстрыми сильными рукопожатиями и последними советами: «Если что — сразу звони, лучше из автомата на окраине», «Узнаешь свое имя — не связывайся сам с родней, сообщи нам, мы это уладим».

Потом была дорога — шумная, со стуком колес по стыкам рельсов, с аккордеоном и угощением вином от компании гу-

ляк-попутчиков, с гаснущим солнцем и сперва синевой, а затем и сплошной чернотой за окном, где медленными метеорами пролетают станционные фонари; с холодным и пустым ночным вокзалом, где в зале на массивных скамьях мучительно спали и ерзали ожидающие, где я жевал вялый хот-дог, а в ногах терлась толстая вокзальная кошка. В рассветном тумане подошел к перрону желтый дизельный поезд, снова я оказался у окна, за которым проплывали залитые туманом поля. Я успел согреться, подремать часок-другой, еще раз пересечь — и незадолго до обеда вышел на нужной станции.

Чистый, чинный, опрятный городок в темной липовой зелени. Вначале я прошел по нему, чтоб сориентироваться. Город как город, люди как люди. На меня едва обращали внимание, даже когда я сворачивал в узкие проулки, запоминая их расположение и возможный путь ухода от погони. Когда я спрашивал — где здесь гостиница? где больница? — мне объясняли подробно и вежливо, хотя слегка помятый вид выдавал во мне путешественника без определенных целей, пусть не бродягу, но шалопая. Пару раз доброхоты говорили мне, как пройти к молодежному центру, где ночуют туристы, студенты и прочие рассеянные странники.

Я озирался, я старался вспомнить — но память не возвращалась. Наконец я спросил: где театр под открытым небом? Оказалось, в городском парке.

Театр был пуст, но — я сразу узнал его! Это именно тот помост, те ступени рядов! Легкая дрожь пробежала по телу. Даже голова закружилась от внезапно накатившего чувства узнавания. До этого я готов был поклясться, что никогда не был в этом городке, не видел его домов, улиц, — и вдруг этот театр, возникший из ночного кошмара. Явь и сон перехлестнулись, перепутались в моей голове и в моей жизни. Что мне снилось, а что было в действительности, что я по-настоящему помню, а что являлось мне в миражах сознания — и что еще явится? По мере того как я оглядывался и привыкал к месту, театр становился более реальным, спокойным и переставал быть жуткой декорацией. Зрение прояснилось, постепенно я успокоился.

Парковый служитель в голубой робе уличным пылесосом убирал с дорожек палую листву; я заговорил с ним:

— Привет! Сегодня нет концерта?

— Будет в воскресенье, — отозвался он, выключив мотор и разыскивая по карманам сигареты. — Культовые песни и мексиканцы — как раз для таких, как ты. Приходи. Только никаких наркотиков, договорились?

— А эти... — я так искренне «забыл», что пауза получилась совсем правдивой, — четыре девушки в масках... видел их на майском празднике.

— А-а, «Грации», — кивнул он. — Да, они тоже будут. Ловкие девчонки.

Я угостился у него сигаретой, хотя курить не хотелось — просто для поддержания разговора.

— А рыженькая — она уже оправилась от порчи?

— Гитта?.. Вполне. Я учился с ее отцом в одной школе, — не без гордости пояснил он свою осведомленность; хороший случай похвастать знакомством — пусть даже шапочным — с танцовщицей, едва не ставшей жертвой упыря, о которой сообщали в местных газетах и по телевидению. — Она даже в больнице почти не лежала — неделю какую-нибудь, а после ее отчитали от наваждения.

Боюсь, он неправильно понял мою улыбку — где ему было понять!.. Но этот след никуда не вел — Гитте некогда было замечать приметы паренька, вставшего из рядов, когда ей стало плохо. Приметы знает полиция, допросившая потом свидетель, а туда мне идти совсем некстати.

Тело Пьяницы наверняка побывало на экспертизе у государственных колдунов. И Гитту обязательно должны были обследовать. Власти знают, что именно Пьяница был нападавшим, а неизвестный второй — то есть я — помешал ему. Но сто против одного, что они промолчали об этом. Практическое колдовство без патента и надзора властей запрещено законом. А за убийство путем колдовства мне полагается... нет, мне уже ничего не полагается, потому что прежний я умер. Если только меня не поймают в образе Угольщика и не сверят мои данные с отметинами на поганой душе Пьяницы.

Важно другое: Гитта жива-здорова. Не потому важно, что это приятно, а потому, что не ее призрак явился мне во сне. Душа Гитты — в теле, а тело — свободно; она будет танцевать в воскресенье. Успокойся, Угольщик; затуши окурок о подметку, кинь его в пасть пылесоса и иди дальше.

Я отправился старой дорогой — по оврагу, между кустистым склоном и заборами, — и вскоре мне открылась та долина.

Освещенная предзакатным солнцем, она выглядела мирно, даже чуточку сказочно — кажется, именно в такой долине должны стоять пряничные домики гномов. Но здесь жили Жасмин, судья и прокурор.

А на другом берегу, напротив притворно скромных в простоте своей безупречной престижности коттеджей — черно-серое огнище, выжженный пустырь, обросший по краям робким и чахлым бурьяном. Конец моей прошлой жизни и начало новой.

Устав от чужбины, люди возвращаются к своим корням — на родину, к родным, к роднику, из которого вытекли на солнечный свет. Я возвращался в смерть, туда, где из ясности первого бытия сквозь огонь вошел в черную тайну. Черт! Я передернул плечами, стряхивая налетевшую мысль — мысль о том, что мое прошлое лежит по ту сторону смерти и, чтобы узнать его, надо вновь...

Найти коттедж Жасмина было нетрудно — здесь он был в точности таким же, как во сне. Вновь меня на долю секунды охватило чувство нереальности происходящего. Я словно входил в собственный сон — в мир слов без звуков, неестественного пространства, в мир зыбкого марева, где ничему не удивляешься, что бы ни случилось. Глухо, редко залаял за плотной посадкой жимолости большой пес, пока я давил на кнопку звонка у входа. Наконец на крыльце появился хозяин — большой, тяжелый, при этом, казалось, всегда готовый к быстрому хищному движению. Он закрыл своим телом дверной проем и поднял голову.

— Что тебе нужно? — громко спросил он. — Убирайся!

— Мы с вами знакомы! — крикнул я в ответ с улыбкой. — Мы с вами виделись позавчера, помните?

Глаз за очками на таком расстоянии не было видно, но я чувствовал, как он внимательно вглядывается — не только зрачками, но и тем зрением, которое есть у колдунов; я сам мог раскрыть в себе этот темно-лиловый цветок с огнистой сердцевиной, но не смел — наши проникающие взгляды могли

столкнуться над клумбами. Тогда останется уповать лишь на приемы отражения и быстроту ног — а Жасмин был очень, очень силен.

— А! Это вы, юноша! — Выпуклые красно-сизые губы Жасмина сложились в задушевную улыбку. — Как же, помню! Заходите, не смущайтесь. — Дистанционный замок калитки щелкнул, и рычаг, похожий на отломленную ногу огромного кузнечика, открыл мне путь.

В ограде было чисто, как в операционной, — на дорожках камешек к камешку, на газонах травинка к травинке, цветы на клумбах выглядели восковыми, как в том мертвом сне. Пес — голова его пришлась мне по пояс — стоял как вкопанный, молча и враждебно разглядывая меня.

— Добро пожаловать! — Жасмин пропустил меня вперед, в прихожую. — Как вы сумели добраться сюда наяву?

— С трудом, — уклонился я от прямого ответа, осматриваясь, будто котенок в новом помещении. Дом изнутри был светлым и просторным, но каким-то нежилым — такое впечатление, что Жасмин сам только что вошел сюда после двух-трех месяцев отсутствия. — Мне повезло, что я проснулся сразу, — многое запомнилось...

— Да-да! — Обходя меня кругом, словно удачно купленную мебель, Жасмин потер ладони. — Проснулись в холодном поту, а?.. Признайтесь откровенно — какие могут быть секреты между смакователями снов? Ну? Чем вас встретили за рекой?.. Вы, вероятно, не ужинали — пожалуйста, не откажитесь разделить ужин. Кико!

Вошел паренек младше меня, почти мальчик — его появление в этом бесшумном доме было столь неожиданным, что я невольно вздрогнул. Вы бы тоже вздрогнули, если бы стоявшее десяток лет на одном месте кресло вдруг деловито затопало из столовой в спальню на кривых деревянных ножках. Длинные волосы, подстриженные по одной линии и уложенные на прямой пробор, делали его похожим на девчонку; он был бледен, лицо равнодушное и полусонное, руки расслабленно опущены.

— Кико, голубчик, ужин на двоих. Вы любите кофе? Кофе на ночь — это, скажу я вам, нечто удивительное! Сердце бьется, трудно засыпать, а что потом снится!..

— Обожаю кофе, — кивнул я. — Вообще я многое пробовал, чтобы сны были сильнее.

— А вот это зря! Зря, юноша! Искусственные стимуляторы — для дилетантов. Профессионалы — если вы хотите стать профессионалом — признают лишь натуральные средства.

— Кофе, господин? — поющим голосом уточнил Кико.

— Да, покрепче. Мы будем полуночничать. — Жасмин улынулся. — Пора бы нам познакомиться...

— Угольщик, — наклонил я голову. Нет ничего лучше, чем сказать правду, — люди часто ждут подвоха, а такие, как Жасмин, ждут его всегда. Поэтому расследователь не ошибется, сказав правду там, где должна прозвучать ложь.

— О, великолепно! Угольщик! Карбонарий! — прищелкнул пальцами Жасмин. — Так представляются люди, знающие себе цену!.. Любите баловство с огнем — я угадал?

— Да. — Это признание в моих устах звучало странно, если не сказать — отвратительно, но произнес я его без усилий — почему-то вопрос Жасмина не показался мне глумливым, а собственный ответ — вымученным.

— Я могу называть вас Уголек? Не по какой-то прихоти, просто по праву старика... Да? Очень рад и благодарен... А мое прозвание — Жасмин. Пожалуйста в столовую.

В интерьере Жасмин предпочитал ретро — старинные люстры, старинные портьеры, обои с повторяющимся рисунком пышных цветочных ваз, резная мебель из темного дерева, расписные тарелки на особых полочках; все это стоило больших денег и имело какой-то музейный вид. В такой обстановке легко вообразить себе чопорного лакея в седых бакенбардах и белых перчатках, прислуживающего господину за столом по всем правилам этикета — но нам прислуживал бледный Кико. Кофе. Сливки. Сахар в серебряной вазочке. Домашние вафли. Вафли я поедал без опаски — если бы Жасмин хотел окормить меня порченной едой, он бы отлучился на кухню, а вафли имели бы характерный привкус. (Клен дал мне пожевать для пробы порченный сыр, который следовало не проглотить, а выплюнуть.) Плюс к тому я был голоден после блужданий по городку и сигарет натошак.

— Ну-с, ну-с, — поощрял меня Жасмин, — расскажите,

где вам удалось побывать и что увидеть. Подразните меня, Уголек.

— Поначалу, — принялся спокойно врать я, отпив кофе, — надежной методики у меня не было. Я пробовал, ошибался, снова пробовал...

— О, все начинают с ошибок!..

— ...потом стало получаться. Я понял, что главное — испытать сильное чувство и сохранить его до ухода в сон; тогда есть шанс вернуться туда.

— Да, да! Именно! Вы на верном пути, юноша. Чем вы пользовались наяву?

— Фильмы, — будто извиняясь за такую банальность, сказал я, виновато понизив голос. — Особенно документальный — «Лики смерти».

— Не могу одобрить, — покачал головой Жасмин. — Начинать следует с малого. Сильные средства определяют... как бы вернее сказать... высокий уровень чувства, после них другие, не менее интересные, но не столь сильные средства могут оставить вас равнодушным. Лучше всего начинать с себя, с плодов своего воображения, с детских страхов например. Темная комната ночью — сколько в ней таинственного! Или — пустой дом, достаточно жуткое место. Наконец, подвал! Вы пробовали среди ночи сойти в собственный подвал, не зажигая света, только со свечой в руке? Затем понаблюдать за приездом по вызову полиции или «Скорой помощи»; не приближаясь к месту происшествия и не смешиваясь с зеваками, вы можете представить, какие находки ожидают медиков и полицейских... Представить зримо, ярко, осязаемо — и ни в коем случае не разочаровывать себя, не подглядывать и не пытаться узнать правду! То, что лежит, закрытое простыней, на носилках, — тайна, загадка, подарок судьбы и повод для самых ужасных фантазий.

— А, да! — встрепенулся я. — Пробовал! В соседнем доме умерла одинокая женщина и...

— ...и это обнаружили не сразу? Только по запаху? Или по тому, как выла собака? — с лукавой улыбкой прищурился Жасмин.

— Да; я боялся подойти близко. Мы с ребятами глядели из-за ограды и шептались; никто не решался повесить голос.

— Вы поступили правильно. — Жасмин важно кивнул. — Дом с покойником, в который страшно войти, — едва ли не лучший экспонат коллекции кошмаров, которую мы накапливаем в душе; этот дом должен оставаться неприкосновенным, чтобы его очарование хранилось, как бабочка на игле под стеклом. Более высокий трепет может подарить лишь незаконное проникновение ночью в склеп... Ну, а самое шикарное, что коллекционер может себе позволить, это...

— ...самому создать экспонат? — порывисто спросил я наугад.

— О, нет, нет. — Усмехаясь, он предостерегающе покачал пальцем. — Просто иметь экспонаты в своем доме.

Дверь, ведущая вниз

Дверь, ведущая вниз, в подземный этаж, находилась в заднем коридоре дома — где кладовки, подсобки и вход в гараж. Скругленный по углам железный щит двери, плитой выступающий над рамой, крепился к ней массивными петлями, плотно герметизированный по периметру резиновым жгутом; кроме обычной, на двери были две большие поворотные рукоятки по обеим сторонам — на уровне средних клиновых запоров, и четыре запора на углах щита. Не зная ни моря, ни кораблей, я решил, что именно такие двери должны быть на кораблях — особо прочные, непроницаемые. Остальные двери в доме Жасмина были обычными, а эта наводила на мысли о тюрьме, темнице, склепе или кабине, где люди в защитных костюмах работают с ядами или чем-то радиоактивным. И то, как Жасмин тщательно и неторопливо снаряжался, чтобы войти в эту дверь, выглядело ритуалом, упусти хоть жест из которого — и запертое за дверью тебя ударит.

Резиновые перчатки — не садовые, а хирургические. За чем-то стек с плоской кожаной петлей на конце и плетеным креплением на рукояти, чтобы случайно не уронить. Сосредоточенный взгляд исподлобья, поверх очков. Стек в правой руке, наготове; левая поворачивает рукоятки, и тупые железные клыки клиньев освобождают дверь... Невольно я постарался оказаться позади Жасмина. Чего я ждал? Чего боялся? Не знаю.

За дверью было темно и тихо; виднелись лишь ступеньки вниз.

— Уголек, — тихо произнес Жасмин, не оборачиваясь, — вы первый из посторонних, кто входит в мой музей по приглашению. Цените оказанную вам честь. Лучше, если вы будете помалкивать; говорить буду я. Ничего не трогайте руками, даже не тянитесь. Не делайте резких движений. Держитесь ближе ко мне. Вы все поняли?

И вновь я поразился его сходству с Вереском. Не внешнему — они были как небо и земля, — а четкой постановке фраз. Должно быть, это навек людей, знающих свое дело и привыкших командовать.

Изнутри дверь оказалась гладким металлическим щитом. Кико остался у раскрытой двери — молчаливый, равнодушный, странный мальчик, в котором все накрепко заперто и замуровано.

«Запугивает — или сам не может войти сюда иначе?» — думал я, спускаясь по ступеням. В темноте Жасмин нашел на ощупь выключатель, щелкнул — и вход в подвал слабо осветился красным, как фотолаборатория. Оно — там, внизу — боится белого света?..

Наши шаги глухо отдавались в красноватой полутьме под низким потолком. Можно было ждать чего-то вроде «лабиринта ужасов» в луна-парке с муляжами зомби и удушенных, но — ничего похожего. Красный огонь горел вдали, за угловатыми стеллажами, над каким-то столом вроде верстака, а рядом с фонарем на полках кровавыми бликами отсвечивали склянки и инструменты.

Оно — на стеллажах? Я пригляделся. Полки между вертикальными стойками вдоль прохода не были пусты — вот перчатка, но не спавшаяся, а будто наполненная распухшей кистью руки; вот свернувшаяся кольцами черная веревка; вот мятая соломенная шляпа на безглазой голове манекена...

— Вы ждали чего-то другого, — произнес Жасмин. — Тут есть и другое, по вашему вкусу. Вон там, в застекленных шкафах. Подойдите туда, но не вплотную.

Стекло шкафов сильно отсвечивало в свете лампы; мне поневоле пришлось приблизить лицо и...

Я отшатнулся. Бурый комок в кубическом сосуде пошеве-

дился, быстро расправился и резко всплыл, будто сквозь густое масло.

— Интересная штукавина... — прошептал я, наблюдая за движениями живой слизи. Жасмин, стоявший у «верстака», тихо усмехнулся:

— Я купил это у одного моряка. Трудно сказать, что оно собой представляет, но погоду предсказывает лучше, чем метеорологи или государственные колдуны. — В последних словах скользнуло явное пренебрежение. — Э, Уголек, не глядите на него слишком долго!..

Оторвав взгляд от шевелящейся массы (она как раз распласталась по стеклу с моей стороны и показывала мне какие-то присоски), я перевел глаза на другие экспонаты. Под колпаком на тарелке — большое насекомое, похожее на богомола, влипшее в смолистую массу и с натугой выдирающее из нее ножки. Дохлый ощипанный цыпленок — замазка по краям колпака уже засохла и потрескалась, а он выглядит свежо, будто умер совсем недавно...

Странный музей, странные экспонаты. Такое и впрямь может присниться — потому что странное и непонятное. Вещи самые обыкновенные — цыпленок, шляпа, эта черная веревка, — но атмосфера коллекции делает их особыми, загадочными. Вот — запыленный телевизор; почему он здесь стоит? Причем не старинный телевизор, которому место в музее электронной техники, а современный, новый... что будет, если включить его в сеть? Вот и розетка... Рядом с некоторыми экспонатами — запечатанные в прозрачный пластик сертификаты, например — «Птенец курицы. Видимость жизни придана с художественной целью. Некромант Альберт Гейер. Региональный Институт паранормальных исследований». Официальное, разрешенное колдовство — не придерешься. Это дорого стоит и ограничено массой скрупулезных правил, но состоятельный, вроде Жасмина, человек может позволить себе обзавестись такой «игрушкой». Хорошо хоть из уважения к мертвым запрещено изготовление рабочих-зомби, но слухи о таких рабочих иногда бывают. И Кико выглядит странно, но он — живой.

Интересно, участвовал ли Альберт Гейер из регионального ИПИ в экспертизе трупа Пьяницы? Связан ли некромант с

Жасмином? Что он мог сообщить Жасмину частным образом?..

Определенно, кто-то из ИПИ был и при расследовании дела о пожаре. Кто? Какие выводы колдун вписал в полицейский документ? Ах, у нас полная секретность относительно этого... черт бы побрал такую секретность. Давал ли колдун показания под присягой? Принял ли судья во внимание рапорт колдуна? Не тот ли судья, что живет по соседству с Жасмином? Тот самый. Об этом мы до усталости толковали с Кленом и Вереском, но никаких выводов не сделали. Опротестовать результаты экспертизы можно, лишь имея веские основания. А я — если докопаюсь до истины — не смогу их огласить. Дело глухое и темное, как этот подвал.

— Насмотрелись? У вас будет время подумать. Теперь пожалуйте ко мне. — Жасмин перекадывал что-то с тупым стуком на «верстаке». — Взгляните сюда...

Я взглянул — и не знаю, каким усилием воли сдержался. У него в руках...

...была заготовка для деревянной куклы, вернее — статуэтки в две ладони высотой. Обожженная деревяшка, едва не головня, на которой резцом грубо намечены руки, ноги, голова, даже кое-какие черты лица — пустые ямки глаз, впадина вместо носа, одеревеневший в стоне рот...

Мой призрак.

Уменьшенная копия, слабое подобие.

— Это только начало, — гордо заметил Жасмин. — После резца я думаю воспользоваться выжигателем, чтобы сохранить фактуру. Фигурка должна выглядеть сожженной. По-вашему, красиво?

— Страшно, — еле вымолвил я.

— О! Верно сказано, Уголек! Чувствуете, какой болью иссушено дерево?.. — Он радостно скинул брови. — Страх и страдание! Это памятка о пожаре, который случился за рекой. Когда полиция сняла оцепление, я — ночью, конечно, — прошел на пепелище и взял то, что осталось от конструкций дома. Некоторые обломки оказались негодными, а этот более или менее уцелел...

Там и земля превратилась в пепел, — вернулись ко мне слова Вереска. — Злой огонь.

Он лжет. Он верит, что я — чужой, нездешний, и поэтому лжет не смущаясь. Он не мог ничего унести с пожарища — потому что там *ничего* не осталось! Я лежал где-то в стороне...

На границе полного стгорания, — напомнил Вереск.

Я был там, я был там один — но взял он не меня.

Тогда кого?

Остается одно: он взял останки того, чье тело не сгорает дотла.

Зажигательная смесь, съедающая все неугасимым огнем — скажем, по рецептуре «Холокост» или «Ге-Хинном», — может пощадить лишь специально подготовленное тело. Негорючая пропитка — или колдовская обработка.

Зачем ему этот остаток тела? Чтобы любоваться? О да, вполне в его духе! Но это не объясняет всего. *Молчи* — просил призрак, а Вереск сказал: *корысть у них другая, не в деньгах*.

Душа связана, скреплена, спаяна колдовством с остатком тела. Это явно сделано нарочно — чтобы душа вечно испытывала страх разоблачения и являлась призраком ко всем, кто вздумает раскрыть тайну. Расчет на жалость, на нашу жалость, на то, что мы из сострадания не посмеем назвать виновника, смолчим. Иначе... что — иначе? Случайная находка на пожарище. Полицейские не все просеяли, не все нашли. Некромант Альберт Гейер допросит душу, судья постановит, что нет смысла возрождать человека, убившего семьдесят других, — и статуэтку подвергнут плазменной кремации. Полная смерть — и позор. «По данным дополнительного расследования, виновником гибели семидесяти человек является...» — и тотчас же, обвалом — в газетах, в новостях, в шумных комментариях... новая ненависть одних — и новый, горший, напрасный стыд других за свое естество. Все продумано.

— Оно... похоже на женщину, — заметил я, чтобы мое молчание не было подозрительно долгим. — Грудь, бедра...

— Нравится? — бросил на меня ласковый, понимающий взгляд Жасмин. — А вздумайтесь, почему?

— М-м-м... — Я смешался. — Может быть... мужчины — они агрессивней. Солдаты, полицейские, пожарные — чаще всего мужчины. Они чаще гибнут... насильственным путем. Это... ну, как бы естественно, да?

— Так; вы мыслите правильно, — кивком ободрил Жасмин. — Дальше!

— А женщины — нежные, красивые. — Я сглотнул невольно подступивший к горлу ком. Раньше я был знаком с тем, что стало статуэткой в музее Жасмина, но теперь не мог узнать. — Они — ну, словно образец красоты и нежности. Если с ними что-нибудь случается, их жалеешь больше...

— Сильнее, — поправил Жасмин. — Вы правы, Уголек, — именно так. Пронизывающая жалость! Ради этого стоит пройтись в будний день по кладбищу и поискать могилы девушек; почувствовать, как подступают слезы... — Достав свободной рукой носовой платок, он вытер глаза под очками. — Видите, даже мысль об этом может растрогать. Поэтому я решил придать статуэтке внешность девушки, сгоревшей девушки...

Наверное, в этот момент я мог напасть на него, наброситься, убить. Но не злость владела мной, а холодный азарт шахматиста, молчаливое и сдержанное нетерпение вора, в темноте подбирающего к замку отмычку за отмычкой. Спокойнее, Угольщик. Нельзя ошибиться. Впечатление обманчиво. Он мог получить материал для статуэтки от судьи, от полицейских, чем-либо обязанных ему, — здесь многие знают о его «коллекции». Он вообще может врать с начала до конца — если уверил себя, что эта деревяшка как-то связана с пожаром. Я должен расследовать, пока не узнаю истину.

— В моем сне, — продолжал растроганный Жасмин, — есть слепок этой фигурки; он бродит за рекой.

Нет, не обманешь. Мой сон — особый, я сам его накликал. Мой сон правдив, а ты — врешь, думая, что говоришь с ценителем кошмаров.

«Угольщик, сколько можно обманывать себя? — говорило во мне что-то. — Смотри: твой сон, затем эта статуэтка, все совпадает. Если поджигатель был околдован, Жасмину позарез нужна душа для шантажа. Раскрыв связь поджигателя с Жасмином, ты вынудишь его пойти на разоблачение, причем судья с некромантом скажут лишь половину правды — и душа, заточенная в обгоревшем дереве, погибнет опозоренной. Позвони Мухобойке. Расскажи ей. Пусть она убьет Жасмина».

— Можно подержать? — попросил я, возбужденно глядя на вещь в его руке.

— Пожалуйста, друг мой!

... Твердое сухое дерево легло в мою ладонь. Жасмин наблю-

дал — он хотел насытиться, он ждал, что мои глаза загорятся еще ярче или — что я зашмыгаю носом, стану водить по выпуклостям статуэтки пальцем. Под таким пристальным вниманием я не посмел раскрывать свой лиловый цветок и доверился осязанию.

«Отзовись, — просил я статуэтку мысленно, — дай знак!»

Она потеплела; где-то внутри я почувствовал мерцающий огонек.

Этого не должно быть. Будь она просто мертвым деревом — бессмысленным, бездушным, — этого бы не случилось никогда!

Она меня помнила.

Она, когда-то знавшая меня и мое подлинное имя.

На большее я пока не мог надеяться — и, вздохнув, возвратил статуэтку Жасмину; тот принял ее с улыбкой:

— Хороша, не правда ли?

— Она будет еще лучше, когда вы закончите работу, — улыбнулся я в ответ как можно искренней.

— Обязательно! Только ради этого и стараюсь. Когда она будет готова, я непременно приглашу вас; мы установим ее на удобное для обзора место и будем рассуждать. А теперь вернемся в дом.

Я должен увидеться с ней один на один. Хватит ли у меня сил разговорить ее? Надо попытаться. Но как?.. Сегодня Жасмин не позволит, это очевидно. Похоже, каждая мелочь на полках подвала — навсегда, без права выноса. Ждать, пока он не спеша придаст ей форму, вызывающую жалость?..

Мы шли к лестнице; я замедлил шаги и обернулся, собираясь спросить, скоро ли смогу вновь посетить музей — ведь здесь так много интересного! — когда темнота в углу с шорохом задвигалась и издала мычащий, низкий, угрожающий звук. Жасмин развернулся с неожиданным проворством и рывкнул, подняв стек:

— Сидеть!!! Место!

Затишающе урча, темнота улеглась и вновь стала недвижимой.

— Это сторож, — успокоил меня гостеприимный хозяин. — На него тоже есть сертификат.

Ночь приближается

— Ночь приближается, мой юный друг. — Жасмин подавил сладкий зевок, жмуря глаза под линзами очков. — Нас обоих ждут дивные сны... Увы, я не могу изменить своим правилам и пригласить вас переночевать; мы еще недостаточно знакомы. У вас есть в городе друзья, родня?..

— Нет, — честно помотал я головой. — Я собирался пойти в молодежный центр...

— Разумно, — одобрил Жасмин, — весьма разумно. Но встреча была мне приятна; я чувствую себя обязанным — и хочу предложить более достойный ночлег, нежели в этом... центре. У меня есть добрый приятель — молодой, неженатый человек; он полуночник, ваш визит не будет для него помехой. Место для сна в его доме найдется получше, чем даже в моем. Он разносторонне развит; предложите ему хорошую беседу — он не станет отмалчиваться. Скажите, что вы от Жасмина, и он примет вас. Это недалеко — улица Инженерная, седьмой дом. До встречи! — помахал он с улыбкой, когда я вышел за калитку.

Помахав в ответ и уже уходя, я заметил, как Кико подает хозяину сигарету, а тот берет, не глядя.

Вышел я уже в ночь, быстро, по-осеннему спустившуюся на город.

Восточная, черно-синяя часть неба поблескивала робкими звездами, а на западе между полосками тихих плоских облаков еще синел последний свет заката. Город засыпал — и без того нечастые на его улицах машины пропали совсем, редко-редко встречались прохожие, да приглушенно бухала танцевальная музыка в барах, мимо которых я шел; улицы холодно освещали бело-голубые фонари. На одном из перекрестков у тротуара стоял полицейский автомобиль — и кокарда на фуражке слабо блеснула, когда патрульный поглядел в мою сторону.

О нет, не тревожьтесь, сержант. Вы же видите — идет какой-то паренек; походка у него прямая — он не пьян и не на нюхался; он не спешит, не озирается и не торопится быстрее миновать вашу зону обзора. Более того, он сам готов подойти к вам с вопросом:

— Добрый вечер! Скажите, как пройти на Инженерную, **семь?**

Стекло в дверце машины опустилось. Полицейский выглянул, внимательно посмотрел на меня из-под черного лакового козырька фуражки — твердое, скуластое, гладко выбритое лицо, нос с горбинкой; рука в никелированном браслете указала направление:

— Отсюда два квартала и налево, сразу будет этот дом. **Парень**, а у тебя есть документы?

Начинается... Впрочем, никакой нормальный дом Жасмин и не мог рекомендовать. У колдунов — тем более таких — не бывает добрых приятелей. У них лишь вольные и подневольные пособники.

— Да, пожалуйста.

Сержант сунул мою карточку в прорезь определителя под приборной доской. Пока машина жевала информацию и сверялась с памятью удаленной компьютерной базы, я осторожно прощупал сидящих в машине — пара амулетов легального изготовления, пара нелегальных, сами — чистые на колдовство. А проверить меня вот так же быстро они не сумеют.

Документики Вереск мне достал что надо — на них сломаются и столичные криминалисты.

— Извини за беспокойство, — вернул карточку сержант. — Все в порядке. А... тебе действительно надо идти по этому адресу ночью? Может, лучше утром?

— Нет, мне назначена встреча.

Кажется, я вырос в глазах сержанта.

— О-о, тогда другое дело. Удачи!

Инженерная, семь. Особнячок стандартной постройки, **похуже**, чем у Жасмина. Ни собаки, ни зеленой ограды. **Чахлые** цветы на клумбе, как на надгробном холмике. Ну, еще **бы** — ведь на табличке выгравировано: «Альберт Гейер, государственный эксперт».

Тут и собаки никакой не надо. А вот домофон — **обязателен**; такой человек не станет выходить из дома по звонку от **ворот**.

— Кто вы? — неприязненно спросила коробочка у **входа**. — Назовитесь.

«Мы — свои люди, — подмигнул я домофону, — мы зовем-ся не по именам! В нашем кругу это не принято...»

— Меня зовут Угольщик, добрый вечер. Я от Жасмина, господин Гейер.

Коробочка щелкнула и умолкла — будто человек на том конце провода поспешил прервать связь, пока не вырвалось нечто вроде: «О, ч-черт!..»

Меня не ждали. Я — сюрприз от Жасмина.

Улыбка некроманта была слишком сладкой, чтобы в нее верить. Рад он мне, как же... Конечно, я могу у него переночевать, о чем речь! Кофе? Сейчас будет кофе! Присаживайся, Угольщик, будь как дома...

Он боялся меня — меня, безмянного с самозванным прозвищем, тощего и смуглого юнца в дешевой куртке, брюках с сезонной распродажи и туфлях «желтого» пошива. Губы его резиново улыбались, как у маски в кукольном телесериале, а маленькие глаза буравили меня, пытаясь просверлить насквозь. Худой и сутулый, в нарочито престижном домашнем халате — типичный колдунишка-неудачник, с первых детских штук выданный столь же боязливими родителями властям, обученный в закрытом интернате, выбравший самую несложную, но внешне таинственную некромантию. Вереск называл казенных некромантов — «падальщики».

А кто я? Посланец страшного Жасмина. Неизвестное, новое лицо в обойме садовника. Жасмин пошутил, послав меня сюда без предупреждения; уж такие шуточки у колдунов — только мало кто этим шуткам радуется, кроме них самих.

— Хочешь, посмотри пока телевизор. Я скоро.

Рискнет он подсыпать что-нибудь в кофе или нет? Вряд ли. Побойтся.

Я молча кивнул и бухнулся в удобное мягкое кресло; взял пульт — что там у нас по ящику? Недалеко уже полночь с выступлением президента. Клен и Вереск не включали ящик в полночь — чтобы экран не вклинивался в нашу дружескую атмосферу, не разбивал наше маленькое единство на трех выпущенных видеотов. Но я защищен. Можно поиграть с президентом в гляделки.

— Зови меня Фонарь, — оправившись, панибратски пред-

ложил Альберт, располагая кофе на журнальном столике. — Послушай, Угольщик, ты как-то скверно выглядишь — может, поспишь?..

Еще бы не скверно. Прошлую ночь, считай, без сна, весь день по городу, ужин у Жасмина и подвал. И то, что в подвале.

— Помучаюсь немного, — отозвался я сквозь зубы. — Хочу заснуть — как провалиться. Я был в музее у Жасмина.

— А! — понимающе кивнул Фонарь, в его голосе послышался оттенок не боязни — уважения. Наверное, и впрямь большая честь — войти за железную дверь в доме садовника. — Там есть и мои работы.

— Я заметил. Сторож тоже твой?

— Да. — Улыбочка Фонаря стала гордой. — Причем легальная работа. Гарантия — пять лет.

Только вот так, среди своих, можно узнать, что часть легальной нежити оживлена в обход закона. Газеты бы до хрипа верещали, получи они такие сведения, — но перед репортерами Фонарь будет молчать.

А Жасмин, значит, лицензии не имеет — иначе бы он смело мастерил игрушки для себя. Абсолютный нелегал под крыльшком судьи и прокурора. Вот вам и «строгий контроль закона над паранормальными явлениями». Действительно, куда строже...

— Мне кукла-деревяшка понравилась. — Красиво закурился, я откинулся на пышную спинку кресла. — Получше сторожа будет. Страшная вещь.

Фонарь не обиделся; даже скрытой обиды в голосе не прозвучало — скорее почтение:

— Работа мастера! Материал взят с подлинного пепелища — он показывал? Там, за рекой? Там была община этих буратино — очень приличные ребята, — и вдруг...

Глядя на него с веселым любопытством, я замер, боясь пропустить хоть оттенок, хоть какой-то намек в голосе — вдруг он выдаст нечто о пожаре?..

Фонарь развел руками с гримасой недоумения:

— ...Ба-бах! Словно огненный шар. Их общежитие лопнуло. Даже подойти нельзя, такой пожар. Пожарные прибыли через семь минут, но тушить было некого. Только мертвое дерево местами устояло.

— Емкость с бензином рванула? — предположил я.

— Сжиженный помойный газ, — уточнил Фонарь. — Большой баллон. Они ведь чокнулись на натуральном и природном; им привозили эту гадость с метан-тэнков. Запаслись на свою голову...

Версию о взрыве баллона с метаном я не только слышал, но и читал — Вереск показывал мне вырезки из «Хроники катастроф». Неосторожное обращение с горючим. Неисправная электропроводка и прочее. Бедные буратины! И бедные читатели, которым эту версию скормили. Кто-то обмолвился, что метан не дает такого горения, но его быстро замолчали. К чему споры и раздоры?

— С моей точки зрения, — болтал Фонарь, довольный, что нашел интересную нам обоим тему, — такое пожарище неперспективно. Из пепла ничего не воссоздашь. Только очень большой, — он выделил это слово голосом, — специалист может найти в предметах — в мебели, деталях интерьера, бытовых вещах — запечатленную боль, мысли, взгляды и выделить их в живом виде. Жаль, это не годится для расследования...

— Но годится для работы, — гнусно улыбнулся я, и Фонарь понимающе рассмеялся:

— Еще как!.. Надеюсь увидеть куклу в завершенном виде.

Мы принялись приятельски болтать о нежити, об искусственных существах, о призраках десяти категорий; мне с прошлой жизни многое было известно — да и, честно сказать, увлеченный парень моих лет теоретически знает все это по открытым публикациям. Колдовства как такового мы не касались — практикующим колдунам неприличны праздные беседы об Искусстве, и я, не раскрываясь, мог казаться сведущим.

Дошло и до господина президента — о нем вспомнили без четверти двенадцать, под гулкий удар напольных часов. Тут мы могли громко говорить все, о чем простые граждане говорят украдкой или намеками. Кому же, в самом деле, как не нам гордиться тем, что наш человек встал во главе государства! Мало ли как его называют помощники и высокие гости — для нас он Повелитель Дождя. Весьма средний колдун, но с небесной водой работает неплохо, погоду может в одночасье испор-

тить. Главный предвыборный лозунг его был: «При мне поля зазеленеют!»

Фонарь переключил ящик на первый канал — почти сразу пошли чарующие заклинательные титры, психомузыка и знаки погружения в транс. Некоторые с этого балдеют, нарочно смотрят президента вместо выпивки; нам же такие заморочки безвредны. После нагрузки появился Сам — немигающие глаза, медленный глухой голос... если ты попался на музыку, загрузился, «поплыл» — слышится нечто мудрое, возвышенное, а если проскочил вводный транс, слышишь: «Анн гианн кэа... Каинн маа-ланн...» Дешевый трюк гипнотизеров, но усилители передающих станций и охват по всей стране раздувают его до уровня всесильного колдовства.

«Где же ты был со своим дождем, сволочь, когда они горели?.. — думал я, стараясь не моргать — глаза в глаза с этим, на экране. — «Гасить огонь — мое призвание», да? Только гасить ты и можешь! Морочь дураков, а меня не погасить, ты понял?»

Нет, без толку. Его взглядом не возьмешь — у него семь степеней защиты и столичный головной ИПИ в помощниках. Ему пять раз на дню подзаряжают ауру, чтоб не потухла. Можно только проверить себя — как ты, крепок ли против профессионалов из столицы? Многие наши в регионах балуются этим на манер гимнастики.

Фонарь сосредоточен; замер, сузив застывшие глаза. Он хочет туда, к кормилу власти. Все хотят туда. Как пить дать, он уверен, что не будет лишним в аварийной группе элитарных некромантов, которые, случись чего, сделают тело президента шевелящимся и говорящим, чтобы тело дотянуло до ближайших выборов. А может, и возьмут его, чем черт не шутит... Он умеет бояться старших и сильных; это главное достоинство мелкой сошки.

Интересно, как его зовет Жасмин? Фонарик? Фонарик, посвети-ка сюда...

— Крут! — однозначно потрянул головой Фонарь, когда президент сгинул с экрана и пошли знаки выхода из транса. — Но можно было и пострашней сценарий написать...

— Что они в страхе понимают? — фыркнул я. — Ни намеков, ничего... Даже я бы написал сценарий лучше, а уж Жасмин...

— Он ничего не просил передать? — Как бы невзначай Фонарь осмелился проникнуть в мою скрытность.

— Нет. — Я зевнул. — Я по уши набрался — музей, потом господин Дождь... Пора баиньки.

— Таблетку? — спросил он, как знаток знатока; с таблетками сны ярче. Я покачал головой:

— Это для простых ребят. Учитель говорит, сон должен быть естественным...

Поревнуй, Фонарь! Ты, с дипломом и лицензией, ходишь у него в пособиях, а я — зову Учителем!..

— Ну, Угольщик, приятных сновидений! — с кислинкой улыбнулся он. — Как говорится, закрывайте глазки и смотрите сказки.

Люди и призраки

Люди и призраки живут в разных мирах. Иногда эти миры соприкасаются, и открывается проход. Глупо думать, что призракам легко посещать нас — для этого призрак должен быть сильным или очень целеустремленным. Людям тоже непросто уйти в запредел по своей воле: можно преодолеть грань между мирами силой — если ты большой колдун, можно переключаться с призраками, не переходя ее, — если ты медиум, а можно использовать промежуточную зону сна — но беда в том, что не мы повелеваем сном. Сон овладевает нами и влечет нас, как ветер — опавший лист. Лишь колдун может подчинить себе силу сна и управлять ею. Вереск говорил, что целый отдел столичного ИПИ работал над проблемой поиска преступников в пространстве сна.

Располагался я ко сну — как к вооруженной акции готовился. Надо правильно лечь, сосредоточиться, выждать, пока все вокруг стихнет. Фонарь некоторое время шастал по дому, но наконец и он уgomонился. Четко представив себе вход, я начал одними губами говорить заклинание; важно произнести его с точностью до звука, иначе тебя выкинет неизвестно куда.

Меня предупреждали, что будет неприятно, но не сказали — насколько. Я загремел, как человек, упавший в шахту лифта, — жутко, темно и тесно, и непреодолимая сила тянет вниз. Меня швыряло по бесплотным коридорам — то будто

трубам, то будто штрекам, — пока я не влетел в ливень и не растянулся на мостовой в кипящей от дождя луже.

Неужели — президент?! Или просто я ждал от него подлости — и встретился с ожидаемым?

Темно, темно. По заклинанию правды я попал в тусклый, но день — теперь была глухая, штормовая ночь. Ветер хлестал густым дождем, раскачивал деревья и трепал тенты летних кафе; фонари гремели на столбах в порывах ветра, вывески раскачивались и искрились замыканиями. Встав на ноги, я едва успел отпрыгнуть от несущегося без огней автомобиля. Черт! Какой сегодня мерзкий сон в этом городе!..

Чувствуя, что быстро промокаю, захлебываясь от хлещущих по лицу струй, я метнулся к ближайшему дому — укрыться под навесом. В ярко освещенном окне был виден чей-то ужас — школьный класс, за партами — серые ученики-тени; мальчик, боязливо озираясь, пытается пристроить на доске учебный плакат, а тот выскальзывает из рук, и чудовищный учитель медленно разевает беззубый рот: «Что ты возишься? сядь на место! сядь на место!»

Хм... не мой ли кошмар? Нет, до души не достает. Мне не страшно — только жалко мальчугана.

Пока я размышлял, глядя в окно, дождь утих, и в улицу, клубясь, стал вливаться плотный туман — как ядовитый дым химической атаки. Значит, все-таки президент. Услышал по обратной связи оскорбление от колдуна — и испортил всем здесь сны.

А, пусть его злится. Главное, чтобы туман и дождь не разладили сон до полного сумбура, в котором не разберешься.

Миновав сгоревшую полицейскую машину со следами пуль и выбитыми стеклами, я рысцой побежал сквозь туман к молодежному центру; мысли многих вертятся вокруг этого здания — значит, и во сне они должны туда стремиться. Глухой ритм музыки и потусторонние цветные вспышки дискотеки были различимы издали — вот он, центр.

Никаких билетов, никаких вышибал на входе — это же сон, где можно и дозволено все. На открытой террасе — неторопливая, как в замедленном кино, драка; кто-то сидит, свесив ноги из окна второго этажа, и плачет. Какой-то парень присло-

нил плечом к столбу въездных ворот; сигарета во рту потухла и размокла от дождя.

— Привет! Ты знаешь Гитту, Гитту из «Граций»?

— Гитту?.. — бормочет он, не отводя глаз от здания. — А, знаю. Рыжая такая.

— Она здесь?

— Не видел... А ты откуда?

— От Фонаря.

— Скотина твой Фонарь. — Лицо парня из рассеянного стало злобным. — Он меня допрашивал по постановлению суда: докапывался, почему я наглотался таблеток, будто и так не ясно. А ты что с собой сделал?

— Облился бензином и прикурил, — ответил я почти правду.

— Не хило, — с уважением кивнул парень. — Больно было?

— Жуть как. Меня до сих пор корежит. А вообще-то я из дома сбежал, поэтому я — неопознанный. Даже имя свое не помню; зову себя Угольщик.

— А я — Механик, — протянул он для рукопожатия мокрую, холодную руку. — Слышь, Угольщик, — меня туда не пускают; может, ты пройдешь? Там танцует девчонка Марианна — вызови, а?.. Такая худенькая, крашенная под блондинку.

— Если увижу — обязательно, — пообещал я.

Внутри был медленный танец в плывущих бликах зеркального шара. Ни одного знакомого лица. Что значит — память выжжена! Помню только Гитту, только Гитту. Вдруг ее нет? Что тогда делать? Ждать воскресенья?..

Но мне повезло — я увидел Гитту в уголке, раздраженно беседующей с рослым, немолодым уже мужчиной — стильно прикинутый, он был строен и держался с непринужденной легкостью, как это бывает у людей, уверенно владеющих телом.

— ...говорю вам — не хочу! Не хочу, и все. У меня дурное предчувствие. И дождь — видели, какой дождь? Бертран, пожалуйста, выключите меня один раз из состава...

— Нет, Гитта, не могу, — настаивал Бертран. — Тебя ждут, хотят видеть; если ты не выйдешь в воскресенье, пойдут слухи.

Ты ценишь свою репутацию?.. Девочка, танцы — не игра, не просто увлечение, это вся жизнь.

— Прошлый раз он на меня смотрел, — упрямылась она. — Я боюсь, когда так смотрят! Все время вспоминаю и боюсь. А вдруг мне снова станет плохо...

— Этого никогда больше не будет; это не повторится.

— А он все равно смотрит и смотрит! — Голос ее звенел, словно она сдерживала слезы. — Он служит у садовника с реки! Бертран, ну вы же знаете кого-то!.. Сходите, попросите — пусть он больше не ходит на мои выступления! Что ему нужно?!

— М-м-м... — Бертран заметно смутился. — Возможно, ты ему нравишься. Ведь ты красивая...

— Я не хочу ему нравиться! Вы видели его глаза? Ведь я сказала в полиции, что знать не знаю колдуна, который на празднике... почему меня преследуют?

— Я побеседую... — Бертран замялся. — Выясню... Гитта, девочка, ты должна понять: в мире не все так просто, как хотелось бы...

— Ну и что? Поэтому я должна уехать на край света?! Я уже думала об этом, да! Закончу где-нибудь учебу и устроюсь в школу танца!..

Наконец Бертрану наскучило коситься на меня и надоело самое мое присутствие неподалеку, и он повернулся ко мне:

— Что вам нужно, юноша?

— Гитту, на пару слов, — нагло встал я, сунув руки в карманы промокшей куртки. Она взглянула с боязливым недоверием, сжав губы и переплетя пальцы.

— Ты хочешь говорить с ним? — посмотрел учитель танцев на ученицу.

— Он непохож на... того. — Гитта быстро пожала плечами. — Можно.

— Хорошо. Я буду рядом — там, — показал Бертран и, еще раз смерив меня взглядом, отошел, будто поплыл, ровно и прямо держа голову.

— Ну, чего тебе? — поинтересовалась она.

— У ворот Механик ждет Марианну, — коротко сказал я. — Поможешь ее найти?

— Гос-споди, только-то? — вздохнула она с облегчением. — Мари! Мари, иди сюда!

Да, в точности такая, как сказал самоубийца.

— Привет, а это кто? — подпрыгнула она к нам.

— Дружок Механика; он пришел, ждет тебя.

— А ну его! Подальше. Он вроде живой, а на деле мертвый, противно как-то. Скажи ему, что меня нет, ладно? — Марианна подмигнула. — И приходи танцевать. Ты симпатичный, знаешь?

— Воображала, — тихо бросила ей вслед Гитта. — Она умерла первая, а он — вслед за ней, понял? Ее в ванной током ударило, гадище такое, скрутки кругом; а он думает, это он виноват, от великой любви, — вот и войти не может. Сам себя не пускает. У тебя все? Тогда свободен. Извини, парень, у меня серьезный разговор с Бертраном и...

— У меня серьезнее, — перебил я. — Старика, который душил тебя, уложил я.

— Ты?.. — Она растерялась, даже рот приоткрыла. — Нет... врешь!!!

— Не думай, что я хочу поближе познакомиться, — сделал я предупредительный жест. — Я не хвастун. Я сделал это плохо, меня заметили. Меня до сих пор ищут, поэтому и за тобой следят. Я ведь связан с тобой колдовством; они знают, что... молодой, поэтому вернись посмотреть на свою работу. Но я пришел не за этим.

— Слушай, спасибо... Ой, не то! — Она крепко стиснула пальцы, у нее вырвался нервный смешок. — Не соображу никак... Это правда ты?

— Правда я. Но ты не бойся ничего — садовник у реки просто следит, не приду ли я, не отражусь ли в твоих глазах. Тут он проиграл — мы встретились там, где он не ждал. Можно теперь поговорить с тобой?

— Конечно! — Она заулыбалась чуть смущенно.

— А Бертран?

— А, не обращай внимания.

— Зря ты так думаешь. Ты говорила — извини, я подслушал, — что он знаком с кем-то... кто может попросить за тебя. Это слухи или правда?

— Отец мне сказал. — Понизив голос, Гитта поманила

меня в тень. — Но я сама в курсе, что Бертран вхож к... важным людям; ну, ты понял, да? Он танцует для них, когда они устраивают встречи. Он... — Гитта осеклась, будто спохватилась.

— Говори, — настояла я, почти прижав ее к стене.

— Пусти меня! — Она стала вырываться. — Не тронь!.. Я ничего не знаю! У вас война колдунов, да? А я тут при чем?!

— Вспомни — за рекой сгорел дом. — Я отцепил ее пальцы, впившиеся мне в рукав. — Семьдесят два человека погибли; я был семьдесят третьим, но уцелел. Я должен знать все об этом городе с его чертовыми тайнами.

— Но Бертран... — Она всхлипнула. — Бертран в этом не замешан! Он хороший. Он только...

— Что — только?

— Он... — Гитта попыталась собраться, чтоб голос не дрожал. — Водит танцовщиц к тем людям. А я — рыжая, я некрасивая, меня туда не водят.

Рыжая! Ну, конечно — с рыжими не так-то просто! Рыжие сильнее боятся боли, у них слабое здоровье, но они менее восприимчивы к чарам обольщения. Бертран чудо какой хороший — сводит судью и прокурора с танцовщицами, а Жасмин или Фонарь их околдовывают для удобства.

Жасмин не испытывает жалости к рыжей, веснушчатой Гитте. И теперь он посылает Кико на ее выступления. Чтобы глядел, не отрываясь, выводил из себя, истязал воспоминанием о пережитом страхе, доводил до слез, до мольбы о пощаде. Ах, как изящно! Без чар, без колдовства превратить жизнь в ожидание кошмара. А Бертран уполномочен — или холуйским чутьем догадался, что Гитту надо уговорами, посулами или угрозами гнать на сцену, под прицел кукольных глаз. И следить: не вернется ли парнишка-колдун, не почувствует ли ее страх, не станет ли искать источник страха...

— Они скоро отвяжутся, — неуверенно пообещал я. — Скажи, после майских праздников... в городе появился какой-нибудь новый парень?

— Нет, не помню. На майские было много ребят...

— Этот не уехал после; он остался. Водился с буратино. Может, кто-нибудь незнакомый стал приходить на дискотеку? Вспомни! Какой он был, как его звали?

— Да... был какой-то. — Гитта наморщила лоб. — Такой...

улыбался одними губами. Я две недели была в клинике, потом в санатории; увидела его, когда вернулась и первый раз пришла в центр... девчонки вытащили, у меня была депрессия. Несколькими раз встречала с одной буратинкой...

— Как его звали?

Еще одно усилие — и ко мне вернется имя!

— Крис... кажется, Крис.

Крис. Только бы сейчас не шибануло в голову. Только бы сразу не начать вспоминать все обвалом. Это не главное; этого я не забуду, пока важнее другое.

— А буратинка, с которой он гулял? Она из тех, что погибли?

— Да, да — она тоже... ее звали Ракита.

Открытая память

Открытая память ударила по мне как жар из топки. Я — Крис! Крис-Кипарис из рода Вильдер! Зачем я не сказал родителям, что начал колдовать? Зачем вместо этого я удрал из дома?..

Ракита. Да, именно так.

Наверное, вспышка памяти так отразилась на моем лице, что Гитта испугалась:

— Эй... что с тобой?

— Ничего, — прохрипел я, опустив лицо, — пройдет... сейчас...

Но она поняла. Во сне многое понятно без объяснений.

— О, это... кто гулял с ней... ты, да?

Она спросила, заранее зная ответ.

Был май, была зеленая весна. Сок, неслышно вскипая, струился под кожей, сияли наши глаза, сплетались ветви наших рук. Мы были бедные влюбленные — бедно одетые, бедно живущие, но кто в любви помнит о бедности?

Она встретила меня у реки:

— Ты от кого бежишь?

— Не знаю, — выдохнул я.

— Тебе надо спрятаться? — с тревогой заглянула она мне

за спину, думая увидеть погоню. — Пойдем в наш дом. Люди зовут меня Рита, наши — Ракита, а тебя?

Я все ей рассказал за сотню шагов — и что колдун, и что беглец, и что натворил у открытой сцены. Было ясно — она не выдаст. В ее глазах цвела весна и отражался я — больше чем первый встречный, больше чем собрат и «в доску свой», как наши говорят. Она прикусила губу, размышляя.

— Пока поживешь у нас, ладно? Старшие решат, как быть... думаю, надо обождать, пока суматоха уляжется. А родным можешь написать, что жив, здоров и у друзей, чтоб не беспокоились напрасно, — и послать письмо без обратного адреса, из другого города, не отсюда.

Мы вошли в дом-коммуна вместе, еще не держась за руки. Но скоро, очень скоро мы прикоснулись друг к другу.

Мой секрет узнали только трое вожаков общины; для прочих я был парень из тех бродяг, что ищут по свету свой сад и свою рощу. Меня приняли так же легко, как приняли бы всякого другого — не приглядываясь, не проверяя, кто такой и откуда. Обычай жить рощей несложен — люби и защищай природу, живи и давай жить другим, помогай — и помогут тебе.

Они и построились на необжитом берегу реки, чтоб не навязывать городу свое присутствие. В таких нешумных, мирных городах власти обычно идут нам навстречу — община гарантирует чистоту, порядок и старательный уход за парковыми насаждениями. Зеленый мир привычен этим городам, они воспринимают общинников как нечто естественное. Где гремят и дымят заводы, где город испражняется в реку, где гарь пропитывает и листву, и легкие — там идет зеленая война; деревья там растут в бетонных ямах, в муфтах железных решеток, и город со скрежетом сжимает крохи зелени, попавшие в его бездушный механизм. Странное дело: люди, посеревшие от городского смрада, издерганные до полубезумия, тоскующие по лугам и рощам, видят в нас угрозу своему искусственному благополучию, а в муниципалитетах заседают, рассуждая, сколько квадратных дециметров травы и кубических — чистого воздуха можно выделить на одного жителя. Ничего общего — все поделено. Всяк росток знай свой горшок! Колдун-буратино, распустивший во всю стену небоскреба дикий виноград, — преступник. Мой последний подвиг в родном горо-

де... я уже трясся в электричке, когда муниципальные рабочие сдирали со стены вольную зелень.

Это я тоже рассказал Раките. Сочувствуя, она подсказала: если совсем неумоготу, можно ускорять рост саженцев в оранжерее.

— А мы всем скажем, что дали новую подкормку!

Так мне нашлась посильная работа для общины. Это не бросалось в глаза; отдав оранжереею нам на откуп, власти заинтересовались только тем, сколько саженцев передано отделу озеленения.

Мы пропадали там целыми днями; мы возились вдвоем в теплой духоте, мы говорили обо всем на свете — и находили друг в друге все больше общего. Тревога, вызванная явлением колдунов на празднике, быстро улеглась, и мы решились сделать вылазку вдвоем на дискотеку; многие наши туда ходили.

А я еще почти не танцевал, обняв девушку за талию, — ну, раз пять-шесть на вечеринках в школе. Но тогда я боялся чувствовать девушек руками.

И мы пришли сюда, где сейчас туман, гнетущая беседа Гитты и Бертрана, призраки и драка на террасе. Тогда все было иначе — было тесно, весело; даже в тесноте и шумной толчее мы видели только друг друга. Куда-то пропала моя откровенность, куда-то ушла ее бойкость; мы всматривались друг в друга, вслушивались в голоса, с удивлением и скрытым восторгом находя, что мы — живые, не бесплотные. Я набирался смелости заговорить с ней... по-новому, как-то иначе, другими словами...

...Гитта вывела меня из оцепенения, вскрикнув:

— Крис, там что-то случилось!

Я очнулся. От входа на дискотеку веяло угрозой — словно холод ворвался сюда, предвещая приход чего-то страшного. Раздавались громкие, злые, еще неразборчивые голоса, затем грянул выстрел.

— Крис, это он! Я боюсь! — закричала Гитта, пытаясь спрятаться за меня.

Я повернулся к залу. Публика вяло заинтересовалась шумом и выстрелом у входа; беседующий с кем-то Бертран едва оглянулся через плечо.

Вошел Кико — да, тот самый Кико, бледный, равнодушный. Теперь его глаза были скрыты каким-то приплюснутым биноклем, прилаженным к лицу на манер очков; в правой руке он держал наготове «беретту», в левой — круглую банку в сетчатой оплетке, как мне показалось — стеклянную. Он не спеша обвел зал взглядом бинокля — и, конечно, сразу заметил меня.

Жасмин быстро среагировал на вспышку памяти в пространстве сна; возможно, даже что-то сумел прочитать — так или иначе, он сразу послал своего слугу на перехват. На уничтожение.

Теперь он уверен, что колдун, спасший Гитту, вернулся. Не знаю, что он там решил о вспышке памяти, с чем ее сопоставил, — надеюсь, колдовской прибор на лице Кико выявляет только магию. А если он поймет, что паренек на майском празднике и приятель Ракиты — одно лицо?.. Это нетрудно такому опытному специалисту, особенно если...

...он видел нас вместе!!!

Да, в оранжерее.

Я приподнимаюсь, сидя на корточках, и снова вижу, как медленно и страшно, в совершенной тишине, плывет над зеленью голова — воздушный шар с круглыми стеклянными глазами.

Это тяжелое лицо, нависшее над саженцами! Эти грузные белые руки, тянущиеся к росткам! Этот взгляд!..

— Пожалуйста, осторожнее, — попросила Ракита, — не сомните их.

— О, нет, барышня, — вязким, тягучим голосом ответил он, переводя испытующий взгляд с нее на меня и обратно. — Я не затем касаюсь их, чтобы помять. Они нужны мне живыми.

— Вы хотите купить?

— Или обменять. У меня в саду есть редкие цветы. Я вижу, у вас они растут быстрее, чем в открытом грунте...

— Это Жасмин, — прошептала Ракита, провожая его глазами. — Ой, как-то нехорошо получилось... Крис, ты думаешь, он не почуял? Говорят... он умеет колдовать. Но это только слухи...

— Чепуха; он не колдун, — ответил я беспечно.

Дорого же я заплатил за легкомыслие!

А сейчас я не мог даже отскочить в сторону, даже шевельнуться — я прикрывал собой Гитту.

Пуškai во сне, где все не по-настоящему. Но как неошутимая болезнь дает знать о себе во снах, так и рана, нанесенная во сне, даст знать о себе наяву. Еще как даст!

Кико, убедившись, что он нашел нас, прицелился и открыл огонь. Один патрон он потратил в ссоре у входа, осталось четырнадцать — или пятнадцать, если был патрон в стволе.

Меня вместе с Гиттой откинуло к стене; я постарался удержаться на ногах. Если он знал, в кого стрелял, то мог лишь удержать меня, не дать уйти, чтобы уверенно распорядиться своей банкой. Пули одна за другой впивались в грудь, в живот, расщепляя мое тело, а я пытался сложить пальцы для удара «вдребезги»; может быть, он угадал это — и уже замахнулся банкой, но тут она лопнула в его руке.

Смесь, вспыхнув, потекла жидким огнем на шею, разлилась по туловищу. В мгновение ока спокойный убийца превратился в пляшущего огненного человечка; мягкий шорох огня не был слышен в его отчаянном вопле.

Гори, красавчик! Ты так славно вошел сюда — будто в кино, ты любовался собой, наслаждался чужим страхом. Хозяин научил тебя упиваться безнаказанным злом, он дал тебе банку и спросил: «Хочешь посмотреть, как буратино сгорает живьем? Торопись, пока он не проснулся!» Если глаза твои еще не лопнули — погляди на себя в зеркало; зрелище ничем не хуже!

— Бежим! — потянул я Гитту за рукав; она уверенно держалась на ногах. Мы рванули вдвоем через запасной ход, в зале гадающая публика бегала, как детвора вокруг костра, — а в середине корчился на полу черный червь в пылающем кононе.

Жасмин учел и этот вариант — сквозь туман к дискотеке съезжались полицейские машины. Мутно-белый луч прожектора полоснул по нам, поймал нас — и мне осталось только пойти на пробуждение, сразу, вдвоем. Не важно, если Гитта вскаинется с постели в крике, в холодном поту; это лучше, чем оказаться в руках полиции во сне — она и наяву-то не слишком вежлива с задержанными, а здесь, не задумываясь, перейдет к допросу третьей степени.

Никакой дремы, никакой сонливости — я мыслил ясно, едва открыв глаза. На часах — полтретьего ночи. Дождь часто стучит по подоконнику — вы уже здесь, господин президент? Загляните-ка обратно в сон — там горит один милый мальчик, который может вам пригодиться; он великолепный камердинер, наверняка певец и уже подающий надежды киллер. Во всяком случае, он очень, очень послушный и милый — такие вам нужны. А для непослушных у вас есть «беретта» и смесь «Холокост». Вы и во сне человека придушить не постесняетесь, словно какой-нибудь Пьяница.

Недолго же мне довелось быть засекреченным. Но и выяснил я много — спасибо Гитте!

Пьяница и Гитта... что-то в этом есть, только не пойму, что именно. Своенравная ученица Бертрана... Талантливая, непокорная и — рыжая, что особенно обидно для любителей юной очарованной красы. Пытались ли ее привлечь к танцам в узком кругу? Она об этом не упоминала — даже во сне человек скрывает некоторые подробности. Не случилось ли чего-нибудь такого перед майским выступлением? Как знать, как знать... Заеденную упырем — не до смерти, всего лишь до беспамятства, — необходимо уложить в больницу, оздоровить магическим путем, а после... убавится гордость, уменьшится стыд, и готова девичья версия Кико.

О другом надо думать! Пока Жасмин прослушивает сон, пока извлекает из сна своего убийцу и приводит его в чувство, пока поймет, что Гитта и неизвестный парень проснулись (ха! пусть попробуют допросить Механика, знающего мое имя, — он теперь свободен от чар и может смачно их послать!), пока позвонит Фонарю и вежливо, очень вежливо попросит посмотреть за ночлежником — за это время мне надо исчезнуть.

Жасмин, раскрой свой внутренний цветок! Напрягись, выслеживая в городе молодого колдуна! Плюйся, чертыхайся, топочи ногами — или хмурься, наливаясь желчью! Ты ждал меня — но прозевал момент, совсем чуть-чуть — и теперь не представляешь, какой удар я могу нанести и откуда. Ты можешь зарыть деревянную куклу, залить ее бетоном в фундамент, отвезти далеко-далеко — но я держал ее в руках, я вспомнил ее имя, и я найду ее, во что бы то ни стало, и узнаю всю правду. А уничтожить куклу ты не сможешь — ведь ты так любишь держать в своих крепких пальцах медленно умираю-

щих от страха и тоски. Когда еще ты сможешь обрести такую куклу!

Мне осталось выяснить немного. Самую малость.

Я знаю, что ты знаешь обо мне. Рассыпанные бусины событий по одной нанизаны на нить. Майский бой у сцены — свидетели указывают, что колдун-убийца очень молод. Встреча в оранжерее — ты отследил его, этого колдуненка, поймал на чарование саженцев, заметил его буратинку. Но сам ты не можешь донести на него официально. Ты — колдун без лицензии, работающий тайком...

Нет, почему же. Донос может сделать любой порядочный и честный гражданин. Многие помогли полиции, указывая ей на подозрительных людей, — немало негодяев поймано благодаря такой наводке. Но ты не донес.

А Ракита подожгла коммуны — и все погибли.

Значит, важно то, что случилось у нас перед смертью.

Наша внезапная и непонятная размолвка.

Я помню — за неделю до пожара... да, не раньше. Тогда мы были почти всегда вместе, старались и на час не расставаться, потому что друг без друга нам было невыносимо.

Потом...

Она вдруг охладела. Стали короче разговоры, реже прикосновения; она избегала глядеть мне в глаза. Я, как дурак, докапывался до нее с расспросами, выключивал какого-то признания, хотел понять — в чем виноват? чем обидел? В ответ — «Нет. Ничего. Плохо себя чувствую. Мне нездоровится. Пожалуйста, не приставай, ладно?»

Пару раз замечал, что она плакала, но почему — ответа я не добился и мучился от этого.

Последним был тот день, когда она шла от моста к коммуны, а я, встревоженный ее отсутствием под вечер, шел искать ее — и встретился с ней. Она несла что-то, завернутое в плотную бумагу. Она не захотела разговаривать.

Надо спешить

Надо спешить, пока Жасмин не опередил меня. Бежать сразу по нескольким дорогам.

Первое — выбраться из дома Фонаря. Звонок Жасмина

должен быть с минуты на минуту; если я задержусь, придется пробиваться колдовским путем, а это уже повод к вызову полиции и группы захвата из ИПИ. Агрессивный колдун в доме государственного эксперта! Это вам не хулиганские штучки с диким виноградом. Сам факт колдовства у Фонаря мало что значит — сержант наверняка меня запомнил, а запись с регистрационной карточки есть в базе данных «Текущая проверка документов». Донос о подозрении в колдовстве — и с утра будет развернут поиск. Фоторобот состряпают к обеду, а пока раздадут патрулям — станут просто просеивать весь молодежь, задерживать ребят без документов, перекроют выход и выезд из города. Большая охота! Охота на колдуна по наводке мирного садовника Жасмина.

Второе — оружие. Очень нужно, раз эти сразу принялись стрелять. С людьми я еще совладаю, но Жасмин и спецназ ИПИ мне вряд ли по зубам. Вереск из принципа не носил оружия, Клен — тоже; вооружена одна Мухобойка — по роду занятий. Вызвонить ее сюда? Долгая волынка, и потом — могут сцапать на въезде, в условиях облавы-то... Или она — немолодая? Может, ей запрещено передавать оружие другим. Значит, вариант отпадает. Тряхнуть Фонаря? Очень ему нужно иметь оружие, с его-то мрачной славой некроманта...

Третье — Гитта. Жасмин давно следил за ней...

Как же так? Однозначно выходит, что он ждал меня! Ясно — даже он не может в буре огня отследить одну отдельно взятую смерть. Он понял это потом. Он не мог день и ночь караулить у пожарища, или его не сразу пустили туда, а новость о гибели общины буратин уже пошла в утренних передачах и газетах. Клен с Вереском кинулись на разведку и первыми взяли ту головню, которой стал я.

Ну, спасибо, мужики. Еще раз спасибо. А то быть бы мне второй деревянной куклой на полочке в подвале. И стояли бы мы в сантиметре друг от друга, молча глядя и страдая, а Жасмин, любуясь нами, пил бы минералку и приговаривал президентские лозунги: «Вода — это жизнь! Вам нужна вода!»

Стоп, стоп. Ракиту он нашел уверенно, по крайней мере — опознал в горелом дереве. А на мне обломился.

Попробуем представить. Поздний вечер. Пожар. Через семь минут — приезд пожарных. Тушение заняло — с развер-

тиванием техники — примерно час, учитывая, что поджог был сделан специальной смесью. В результате пожарище залито химической пеной и водой; полы прогорели насквозь, и все, что уцелело в доме, рухнуло под пол. Лужи, грязь и тому подобная слякоть. Полиция оцепила место катастрофы. Жасмин следит за пожарными через бинокль, затем звонит прокурору: «Не позволите ли, милейший, мне пройти за оцепление? Чистое любопытство...» Ночью его пропускают — тайно, когда репортеры схлынули. Он ищет дерево...

...зачарованное им.

То, что отмечено его чарами, он сразу узнает, как только увидит!

Он рыщет, роется, копается в грязи, покрытой слоем слипшейся пены, — где этот второй, колдовавший в оранжерее? И все не то, все не то — он не там ищет! Я — на краю пожарища, затоптанный пожарными, вдавленный в грязь колесами огненно-красных машин. Он не чувствует меня, ведь я не зачарован. Он бесится, но он не может приказать полиции собрать и плазмой сжечь все останки; это нарушит процедуру расследования. Он не может и сообщить в органы правопорядка, что среди буратин был колдун, — обо всех таких находках, даже подозрениях докладывают в головной ИПИ, а он боится подставляться колдунам столицы.

А Клен и Вереск находят меня нашей магией. Они умеют.

Важно то, что Ракита не была ни больна, ни обижена на меня. Она была...

Нет, это нужно доказать.

А Гитту надо вывести из-под удара. Кико через колдовской прибор видел ее стоящей со мной, Жасмин отметил вспышку открытой памяти — он не успокоится, будет выведывать, о чем был разговор. Тут ему — простор. И готово, асфальтовый каток пошел, подминая людей одного за другим.

Все это я думал, второпях одеваясь и прислушиваясь, не звучит ли в доме зуммер телефона.

Пока нет, пока нет...

Колдовство в нашей стране запрещено законом, колдовство объявлено преступлением против воли и души, но странное дело — все колдуны состоят в государственном аппарате, и президент наш — тоже колдун. Я полностью лишен свободы —

либо я предаюсь властям (а нет — так меня сдадут), либо некромантам. Почему меня заранее лишили права быть тем, кто я есть? Почему они хотят вырвать, вытоптать, уничтожить тот огненный цветок, который растет в моей душе? Почему убили мое счастье и желание творить добро?.. Я могу только служить штатным пристебаем Повелителя Дождя, по двадцать раз в месяц расписываясь в своей лояльности и принося одну присягу верности за другой, — или уйти в мир за рекой, в мертвый сад, утолять тайные прихоти мелких начальников, которые, как известно, лютей самой чумы. И когда я наберусь дряни и гадости по самые уши, когда я узнаю всю изнанку души этих мерзавцев — меня оставят в покое, до поры до времени. Почему им непременно нужно вывалить в грязи любое самое светлое и чистое чувство? Почему здесь всегда идет дождь? Я не дам погасить огненный цветок своей души. Без огня нет души!

Я выскочил в коридор. Где его спальня? Внутренний глаз открылся, стены стали полупрозрачными. Ух ты! А берегов-то, берегов! И пентаграммы нарисованы! И сигнализации до черта! Никак господин некромант побаивается своих клиентов типа Механика!.. Ага, вот и он. Спит сном праведника. Заказал заклинанием сон с танцовщицами — и блаженствует. Извини, Фонарь, придется твой сон нарушить!..

— А? — Он привстает. — Угольщик? Что случилось?..

Он не сразу понял, что моя рука сложена для удара «пять в одном»; к такому «с добрым утром!» он не был готов. Ни заблокироваться, ни поставить щит.

— Ты что?!

— Оружие! — Мне много чего хотелось сказать, но только киношные злодеи перед выстрелом в героя два часа нудно излагают свой план захвата мира. — Оружие, быстро!

— А... там, в сейфе...

— Распакуй! И смотри — никаких лишних слов и движений!

Не глядя на мои дрожащие от напряжения пальцы, Фонарь стал медленно выписывать в воздухе фигуру распаковки; на последнем движении я услышал, как спали охранительные чары с сейфа и со слабым звуком раскрылась дверца. Я ударил — слабо, сблизив пальцы в щепоть, — Фонарь со стоном

отвалился в забытьи на подушку. Ничего, не околеет; вон сколько на нем наговорено — от простуды, от язвы, от инфаркта и паралича.

Оружие было штатное, арсенала ИПИ; я знал его лишь по картинкам — но как-нибудь справлюсь, в себя-то не выстрелю. Тяжелое, неудобное, оно оттягивало брючный ремень вниз и предательски оттопыривало застегнутую куртку.

Едва я сделал шаг к двери, как зазвонил телефон.

— Алло, Угольщик слушает.

Пауза. Он сопоставляет факты, думает.

— А, привет. — В мрачном голосе Жасмина не было и тени былой вежливости. — Мальчик мой, зачем ты так?.. Ты догадываешься, что тебе конец?

— Мне не впервой, дяденька. Как-нибудь стерплю.

— Ты так решительно настроен?

— А что мне терять?

— Впрочем, есть один выход. — Голос его смягчился. — Один-единственный. Пока никто, кроме меня, не знает, кто ты. И не узнает, если ты прекратишь свою... работу. Ты же понимаешь, Уголек, что не сможешь раскрутить историю с пожаром. Если ты расскажешь все полиции, твою подружку ждет позор и кремация. Некроманты в два счета и — заметь — достоверно, путем независимой комиссионной экспертизы докажут, что она не была околдована и действовала в ясном сознании.

Вот это фокус. Нет, ему нельзя верить, ни единому слову.

— Врете, дяденька. Она не могла...

Он тихо засмеялся.

— Наивный юноша... Колдовство — это Искусство, а не инструмент. Я не признаю никакой грубости, никакой насильной ломки колдовскими средствами. Все было сделано по-человечески, легко и просто. Угадай с трех раз — как?

— Сказали, что меня разоблачите? — выпалил я, ошупывая оружие под курткой.

— Отлично, мой мальчик! Но это лишь часть разгадки. Думай, думай — ты умный паренек, ты должен догадаться...

Я застрял. Не околдована. Запугана. Но пойти на самоубийство, сжечь всю коммуно?.. Она могла убедить меня бе-

жать, скрыться — и пусть я стал бы настоящим перекаати-полем, но меня бы не нашли!..

— Сдаюсь. — Я решил не терзать Жасмина молчанием.

— Твоя искренность мне нравится. — Голос его зазвучал отечески серьезно. — Послушай, я хочу предложить... Ты очень перспективен, а я никак не подыщу толкового ученика. Ты зол...

Это еще мягко сказано!

— ...и хочешь меня убить. Я понимаю твои чувства, они прекрасны. Если ты станешь моим учеником, я научу тебя многому... очень многому, таким приемам, о которых ты даже не подозреваешь. Ты ведь убил одного человека — если к нему не прибавился и Фонарь...

— Нет, я его отключил.

— Похвальная осторожность... так вот — обещаю обучить тебя всему, что дает власть над плотью и душой. Ты уже знаешь, как это приятно — держать чью-то жизнь в сжатых пальцах. Ты повторить это не раз, пока не возьмешься за меня. Разве тебе не хочется быть сильным, не ведающим запретов?.. Подумай. У тебя есть время до захода солнца. Чтобы ты не ушел от ответа, я блокирую город. Конечно, люди ИПИ тоже придут. Надеюсь, ты поведешь себя умно и не станешь стрелять. А на закате я жду тебя в своем доме — без оружия, разумеется.

— А если я не приду?

— Тогда я сожгу куклу, а тебя изловят. Мне будет очень жаль ее сжигать, она такая милая и несчастная, но... без нее все твои показания не стоят ломаного гроша. Ты пойдешь под суд за убийство Пьяницы, а что делают с колдунами-убийцами, тебе известно.

Хорошо хоть Гитта теперь в безопасности. Ему нечего узнавать от нее. Или... нет, все же следует поговорить с ней — обязательно.

— Я понял. — В тот миг голос изменил мне, и, боюсь, Жасмин, к радости своей, услышал мою обреченность.

— Жду тебя, Уголек. Уверен, мы поладим. Будем вместе работать в музее и... вообще тебя ждет интереснейшая учеба. В завершение я, возможно, позволю тебе возродить Ракиту.

Не попрощавшись, Жасмин повесил трубку.

Ловил его — попался сам. Вереск, наверное, голову мне оторвал бы, сумей он угадать, чем кончится расследование.

Торопыга, хвостун, глупая тетеря — вот кто я. В ученики, ха! А полицейскую засаду в доме не хотите ли?.. И самая манящая приманка — возродить Ракиту. Под конец, когда он позволит мне убить себя.

Разве я не хочу, чтоб она ожила?

Страшно хочу, впору закричать: «Да! хочу!»

Но только если я приду к нему с повинной. Если буду пить с ним кофе и принимать сигареты от любезного Кико.

И — теперь уж точно — никаких шансов разоблачить его как организатора пожара. Значит, семьдесят две жизни останутся неотмщенными.

Что я могу еще сделать?

От рассвета до заката — мало времени, слишком мало. Мухобойка не успеет... да и не могу я ее вызвать. Последняя загадка будет ответом на мое согласие стать учеником, а согласие скрепляется колдовскими клятвами, которые нельзя нарушить. Что я скажу ей? Виноват Жасмин, а пронесла бомбу в коммуны Ракита сама, без понуканий? Пока я не выяснил все точно — вызывать ее нельзя.

Фонарь начал шевелиться, выходя из обморока; я поспешил уйти, огибая капканы берегов и пентаграмм, скрытых под коврами дорожками.

Нельзя безнаказанно общаться с тем миром. Нельзя спокойно говорить с ними, беседовать у камина и пить кофе. Раз соприкоснувшись, ты уже становишься другим, измененным. Нельзя их слушать; не верьте ни единому их слову. Бедная Ракита — она думала, что можно договориться с Жасмином... Да легче договориться с гадюкой подкольной, чем с этой гадьной! Куда ей, чистой наивной девочке, тягаться с его темной властью. Они наивных ломают, как вафлю. Встретился — и пропал. Навеки. Плачь от боли и стыда, блуждая обутленным призраком у серой реки, без надежды на спасение. Страшная кара. Вот и я туда же. Влип. Каждый, кто вступает на ту территорию, начинает играть по их правилам и жить по их законам. Но вам меня не сломить. Есть сила превыше морока и обмана. Сила души, ее огонь.

Под дождем, морозящим в тумане, противно ждать рассвета, но и звонить так рано — значит привлекать к звонку излишнее внимание. Я прятался в городском парке, под трибуной театра, прислушиваясь, не донесется ли сквозь шорох капель полицейская сирена. Пару сигарет я стрельнул — опять-таки у какого-то уборщика, который в плаще с капюшоном отгребал мокрый мусор метлой к коляске с жестяным баком.

— Погодка, а? Президент разбушевался... — подмигнул он мне, весело и с хмельком ухмыляясь. — Что, у девчонки засиделся?..

Звонить пришлось из уличного автомата, прижавшись к стене под колапаком навеса.

— Танцевальная группа «Грации»? — переспросила сонная женщина из справочного бюро. — Студия молодежного центра, телефон 251-652.

— Гитта? — уточнили у меня, когда я набрал указанный номер. — Вы имеете в виду Бригитту Андерсен?

— Да; она такая... рыжая.

— Это — главная примета? — со смехом ответили в трубке. — Что ты хочешь сказать? Гитта — это я. Та самая, рыжая. — Я друг Механика. Помнишь, как ты проснулась сегодня?

Она примолкла, потом прошептала — наверняка отвернувшись и прикрыв рот с микрофоном ладонью:

— Так ты... не покойник?

— Пока нет. Нам надо встретиться, срочно. Лучше всего у тебя в студии; сейчас это самое безопасное место в городе.

— Ладно. Приходи. Спросишь на вахте, меня вызовут.

Постоянно идти задворками не удалось; когда я переходил улицу, натянув воротник выше ушей, я заметил черный фургон без окон, медленно выходящий за поворот у светофора. На бортах фургона серебряно-белым была отпечатана чаша над скрещенными жезлами.

Машина ИПИ.

Это правда

— Это правда — то, что ты сказал? — тихо спросила Гитта.

Мы сидели с ней на подоконнике в одном из дальних, непрохожих коридоров молодежного центра — там, где храни-

лась аппаратура для концертов, а вечерами репетировали музыканты. Здесь было сухо, холодно и гулко — лишь издали доносились звуки ритмичной музыки и чей-то резкий голос, задававший такт упражнению. За окном в туманной мути лил нудный, совсем осенний дождь; мне было неуютно в насквозь промокшей куртке, а она, похоже, зябла в тонком сценическом костюме.

— Да; пойми, я не могу сказать больше, иначе у близких мне людей будут большие неприятности.

— Но это все... ужасно. — Она потерла пальцами виски. — Я уеду отсюда.

— Есть еще одно — Бертран...

— Не будем о Бертрane. — Она соскочила с подоконника. — Он мой учитель как-никак.

— Он паскуда, — безжалостно сказал я. — Ты не попала в его обойму только потому, что рыжая. Еще неизвестно, зачем тебя укусил Пьяница.

Лицо ее стало жалобным, каким-то детским; она не хотела возвращаться наяву к этой истории — страх был рядом, за окном, он плыл в тумане, грозя ежеминутно выдавить стекло и обхватить ее холодным давящим объятием.

— Как это — зачем?.. Крис, не пугай меня, не надо! Замолчи об этом!..

— Вы все боитесь, — прыгнул на пол и я, — вы только притворяетесь, что вам хорошо и весело. Думаешь, мне охота быть бродягой, да? А я ношусь по задворкам, как пес, и связываюсь со всякой сволочью! Я тебе скажу почему. Они убили мою девчонку. Они всех сожгли — может, им место под стройку понадобилось, и они это место расчистили — огнем! Как лес — под пашню. Вчера лишними оказались буратины — завтра лишними станете вы. А вы боитесь и от страха любите — всех этих бертранов, некромантов и прочих. Думаете, если их любить и делать вид, что ничего не происходит, все обойдется, да? Как бы не так.

— Да, мне плевать! — закричала Гитга, наступая со сжатыми кулаками. — Я буду жить и танцевать, ты понял?! Те, кто ходят с Бертраном, — это их собачье дело! Пусть танцуют, а меня оставят в покое! Мне уже тошно от всего, от колдунов, черт бы

их побрал, но я не хочу, не хочу в это впутываться! Я получу свой диплом, уеду!.. Пропадите вы пропадом...

Слезы брызнули из ее глаз едва не струйками; разревевшись, она обмякла, я неловко поймал ее в свои руки.

— Крис, я совсем одна... я рыжая, рыжая... Они завидуют: «Тебя не околдуют, ты счастливая»... ходят, как дураки... девки наши, стервы — сами бегут на свист... теперь и ты... что они сделают с тобой? Тебя убьют?

— Ничего, — ответил я со злобным холодком. — Им колдуны нужны. Не для ИПИ, так для Жасмина. Увидишь, я вернусь, буду снимать девочек Бертрана — одну за другой. Потом они хвалиться будут: «Ах, я с Угольщиком!..»

— Ты... в самом деле? — подняла она испуганные мокрые глаза. — Крис...

— Я пошутил.

— Нет, так не шутят!

— Правда пошутил. Гитта, мне все равно каюк — что так, что эдак. Если я вернусь... лучше не подходи ко мне близко, хорошо?

Она кивнула.

— Они наверняка придут к тебе, будут выпрашивать. Говори только про Пьяницу, а про пожар — ни слова. Это дело мертвое. Но своим запусти как сплетню; вы все тусуетесь, встречаетесь друг с другом — пусть расходится по школам, по лицам. Больше я ничего не могу придумать, чтобы насолить им. И не спрашивай меня — я ничего не расскажу. Ну, прибавь еще, что я врезал некроманту Гейеру и что он трус — он покойников боится, которых допрашивает.

— Да? — Ее смехок сквозь слезы прозвучал как кашель.

— Точно. Вообще не бойтесь этой соры. Днем они врут, а ночью гадят под себя от страха. Они и твоим слезам, если бы видели, обрадовались бы. Их власть — в тумане и дожде, когда кругом сырость, грязь и в двух шагах ничего не видно.

— Я хочу куда-нибудь, — вздохнув, Гитта прижалась ко мне, словно попросилась под защиту, — все равно куда, но чтоб сухо и тепло, чтобы все время солнце... Видишь, как мокро и грязно? Я на улицу силой себя волоку — в школу ли, сюда ли... Включишь иногда грельник, ноги к нему придвинешь — и ни-ку-да идти не хочется. С тобой бывает так?

— А вы соберитесь, зажгите огонь. Они, похоже, боятся огня. «Гасить огонь — мое призвание» — помнишь чье? Или костер разведите...

— Ага, и сразу дождь польет, — невесело улыбнулась она, отогреваясь в моих руках.

— Ну вот, сразу и «польет», — я в ответ тоже изобразил улыбку, — сразу ты боишься...

— Разводить огонь на улицах, на площадях и в других местах общественного пользования запрещается, — оттопырив губы по-президентски, пробубнила она; мы вместе прыснули — до того было похоже.

— Ну, двоих-троих я знаю, кто не прочь костер зажечь, — задумчиво прибавила она. — Попробую, а...

— Гитта! — ударил нас оклик из входа в коридор; великолепный танцовщик Бертран, весь иссиня-черный с искоркой и в обтяжку, выразительно постукивал по стеклу наручных часов. — Ты слишком долго отдыхаешь, девочка. А кто этот гость из-под дождя? — Он нахмурился, словно пытался что-то вспомнить.

— Отвали, дядя, — нагло процедил я, — у нас свидание.

— Хм... ты сам уйдешь или тебя с лестницы спустить? — Гибкой походкой Бертран направился ко мне; конечно, я — хлюпик и переросток, меня можно и с лестницы...

Оружие ИПИ — не пистолет, но выглядит внушительно. Бертран осекся на ходу и замер в напряженной позе.

— Парень, ты как-то по-крупному нарываешься...

Узнал. Как пить дать узнал.

Большим пальцем я активировал оружие — уф-ф-ф... сработало! — и открутил колесико мощности до синего свечения. Внимание, ИПИ! Навострите уши и щупальца! Сейчас все ваши слухачи запоют от счастья!

Нет, им такого подарка не будет. Жасмин предупредил — не стрелять. Неужели он в самом деле хочет заполучить меня...

Они нужны мне живыми.

Разумеется, живьем. Он не какой-нибудь падальщик Фонарь. Ему скучно властвовать над мертвой плотью. Он радуется, когда живые служат ему и кланяются.

— Крис, не надо... — еле слышно шепнула Гитта.

— Ты уходишь пешком или остаешься лежа? — спросил я Бертрана.

— Я уйду, — мирно кивнул он с самой искренней ненавистью в глазах.

О-о, как хотелось по нему вмазать — и не на синем уровне, а на белом!

Я сдержался.

Зато, открыв внутренний глаз, я нашел коробку, где сходятся провода телефонов, — и стукнул ее своим желанием; вышло и сильно, и неметко — боковой волной задело Гитту, как пощечиной. Коробка внутри превратилась в мертвый хаос порванных контактов.

— Ух ты!..

— Все, я пошел, мне пора.

— Удачи, Крис. — Поцелуй коснулся моей щеки легким теплым дуновением. — Я буду за тебя молиться.

Может быть, у них получится, может быть. А все-таки здорово, что я тогда пришел на праздник!

Оружие я оставил включенным; пусть рядом с людьми из ИПИ это небезопасно, зато не придется тратить время в острой ситуации.

Дождь стих, будто выжидая, а туман усилился; машины ездили по улицам с горящими фарами. Я отслеживал синие вспышки полицейских мигалок — еще не хватало, чтоб меня загребли под проверку документов. Обошлось — часть времени я просидел в забегаловке, без аппетита жуя остывшие сосиски с жареной картошкой и запивая чаем.

Определенно они выйдут на Гитту. Но она уже в курсе, о чем можно говорить. Главное, чтоб не боялась.

А что делать мне?

Я знал, что мне делать. Похоже, я знал с самого начала, но — как Гитта об атаке на майском празднике — не хотел даже думать об этом. Чтобы с каждым новым приливом мысли не прибавлялось в сердце страха: если дать полную волю страху, он выжмет из души последние крохи решимости.

Мне все равно отсюда не уйти. Ни живым, ни мертвым. Живой и согласный на сделку — я стану другим, настолько другим, что в пору не смотреться в зеркало. Мертвый — я попа-

ду скорее всего в руки некромантов из ИПИ, и они не отпустят мою душу, пока не выбьют из нее всю необходимую информацию.

Я вызвал их — стыдно сказать, но никуда не денешься — в одноместной кабинке туалета той забегаловки. Долго было извлекать из тайной памяти и читать все сто сорок три слова, да чтоб никто не стал ко мне ломиться, доставая: «Ты что тут засиделся, парень?»

Маленькие, огненно-яркие и нестерпимо горячие — по обряду их следует держать на ладонях. Ожогов они не оставляют, пока не скажешь им «Огонь!», но могут сильно обжечь, если ты вызвал их зря, пустой забавы ради. Но люди Искусства ничего зря делать не должны.

— Что? что? почему? — попискивали саламандры, искра и перебегая по пальцам.

— Я хочу огня.

— Сколько огня ты хочешь, человек?

— До смерти.

— До чьей?

— До моей. Вы возьмете себе все, что будет вокруг, — кроме той вещи, в которой есть душа; это маленькая деревянная статуэтка. Вы отнесете ее туда, куда я подумаю.

— Хорошо! хорошо! — закивали они плоскими головками с огнистыми глазами. — Жизнь — хорошая плата, берем! Договор свят, мы выполним!

— Ты, придурок, — ударил кто-то кулаком в дверь, — ты там что, наркото куришь?

— Сейчас! — огрызнулся я, отпуская саламандр с ладоней в запредел. Верзила, стучавший в кабинку, был плотно налит пивом; его не хватило даже на пять-шесть новых слов брани.

Солнце заходит

Солнце заходит. Последнее солнце в жизни. Хочется насмотреться на людей, на город, на деревья, хочется позвонить своим и попрощаться — но все оно как-то некстати, не ко времени, и думается: «А!.. потом!»

Вот только «потом» не будет. Работа такая — даже умирать приходится по-деловому, в спешке.

Жасмин не пошел на обман — ждет с распростертыми объятиями:

— Уголек, ты сделал верный шаг! Рад видеть тебя. Готов беседовать откровенно; мы оба хотим этого, верно?

Я киваю. Странно он смотрится перед смертью — веселый, жизнерадостный, довольный как слон; так вот посмотришь на кого — и не подумаешь, что ему осталось жить чуть-чуть.

— Хочешь разгадку? О, пожалуйста, ничего скрывать не стану! Я убедил твою подружку, что вещь, которую я даю ей, — не бомба. О бомбе даже разговора не было! Я ей внушил, что это — средство против колдунов, как таблетка против комаров, которая вставляется в розетку. Магическим был только взрыватель — он сработал в доме и пометил ближайшую жертву. Вот и все!.. Она — послушай! — стремилась к тебе и мучилась оттого, что надо расстаться. Видя ее терзания, я сам едва не плакал... Но если бы она не приняла мои условия — представляешь, какой бы удар ждал коммуны? Полиция, расследование, аресты — полный крах и позор. Кико, нам с Угольком — кофе! Самый крепкий кофе, какой можешь сварить.

Ракита, неопалимая моя купина! Сейчас мы встретимся — на миг, не дольше. Надеюсь, мы успеем взглянуть в глаза друг другу. Ты ни в чем не виновата, ты ничего не ведала. Ты достаточно страдала — хватит. Я был причиной твоей беды, я и расплачусь за все. Обвинить тебя будет некому.

Из огня в огонь — какой короткий путь! Как мало мне досталось... Но теперь я знаю — ты меня не разлюбила, ты горевала обо мне. И я — сейчас как никогда — люблю тебя.

Возродись, побывай здесь, подружись вновь с Гиттой, помоги ей уехать в солнечный край. Или нет: помоги прогнать дождь и туман. Помоги как умеешь. Потому что огонь — в нас. Огонь не бывает без дров; мы — пища огня. Грош нам цена, если мы отсыреем и сгнием под этим дождем, не дав и язычка пламени.

— Ты хочешь сказать что-то? — участливо заглядывает мне в лицо Жасмин.

— Да, — с изумленьем слышу я свои последние слова. — Огонь!!!

Они появляются сразу везде — маленькие, юркие, горящие; они бегут по потолку, по шторам, по стенам и оставляют

за собой сливающиеся огненные следы. Жасмин, сразу все поняв, ревет от ярости, мечет в них заклинания, но зря — вызванные на смерть, они не знают пощады, их не погасишь.

Ты! Здравствуй — и прощай! Я вижу твою улыбку. Не плачь — это потом, когда-нибудь, когда ты возродишься.

Пламя охватывает мою кожу. Кожа лопается и горит. Так больно, что вам не понять, но я молчу — я гляжу, как бьется на полу отвратительная туша, правившая здесь силой страха и мрака. Он вскакивает, скачет как паяц, рвется в дверь, но пламя тянется к нему и лижет, лижет, лижет.

Ты не уйдешь, Жасмин, — огонь повсюду!

Да будет пожар!

ВОЙНА ТЕНЕЙ

ГЛАВА 1

Носле сумрачного коридора прикрытые плафонами сто-
ваттные лампочки казались ослепительно-яркими. Мо-
лодая белокурая женщина в форме военного летчика
замерла у входа и украдкой бросила взгляд на своего
спутника: «Боже, как он постарел!»

— Проходи, девочка моя...

— Только после вас, мой фюрер.

Он чуть улыбнулся и слабо качнул головой:

— Оставим эти условности. Сегодня ты — моя гостья.

Электрический свет беспощадно подчеркивал каждую
морщинку на неузнаваемо обрюзгшем лице — казалось, это
совсем другой человек. Только черная щеточка усов да глаза,
изредка вспыхивавшие странным лихорадочным блеском, на-
поминали о прежнем вожде.

— Садись, Ханна, — вяло махнул он рукой. Женщина за-
метила, как сильно дрожит его кисть.

— Благодарю вас.

Шаркающей походкой ссутулившийся человек в измятом
кителе пересек комнату, почти упал в просторное кожаное
кресло. Ханна осторожно присела напротив, поближе придви-
нув стул.

«Старик! Совсем старик, а ведь ему всего пятьдесят шесть!»

Он слабо улыбнулся:

— Я очень рад видеть тебя, моя девочка... Выпьешь чаю со
мной?

Взгляд из-под полуприкрытых век казался еще живым, но
аряблая, почти землистого оттенка кожа и мешки под глазами
говорили о полном физическом и моральном истощении.
«Жизнь в бункере не идет ему на пользу», — с горечью подумала
женщина.

Старик словно прочитал ее мысли и вздохнул:

— Ты не представляешь, как я устал...

Он закрыл глаза. Ханна терпеливо ждала. Через минуту, будто спохватившись, он искоса глянул на нее и забормотал:

— Все предали меня, Ханна!... Кругом трусливые ничтожества... Никому нельзя верить! — Он говорил отрывистыми фразами, точно ему не хватало дыхания. — Я не могу...

Лампы мигнули и притухли. Задрезбуждала о стекло серебряная ложечка в стакане с чаем. Сквозь многометровые бетонные перекрытия отдаленными толчками, как при землетрясении, донесся грохот разрывов. Потом стало тихо, и погас свет. В наступившей темноте Ханна с тревогой вслушивалась в хриплое неровное дыхание фюрера.

«Его надо вывезти отсюда. Во что бы то ни стало! Даже если его пощадят бомбы и снаряды, жизнь в этом крысином логове доконает его сердце...»

Спусти минуту лампы вспыхнули опять, только теперь вполне — заработала автономная силовая установка.

— Бедная страна, бедный народ... Если со мной что-нибудь случится — кто встанет во главе государства? Этот боров с фельдмаршалским жезлом?! Да, я сам назначил преемника, но то было еще в месяцы побед... — Серое лицо покраснело, и в голосе старика вдруг прорезалась яростная сила — сила ненависти: — Они украли у меня победу... Генералы! Все сплошь бездари и предатели! Даже этот Лис Пустыни, которого я велел похоронить с почестями... Слышишь, моя девочка, я открою тебе истину — даже он был предателем! И если бы он не принял яд, его бы обязательно вздернули! Вместе с остальной сволочью!

Закрыл глаза. Помолчал. Глухо добавил:

— Я, властелин величайшей империи, посреди собственной столицы прячусь в бункере от вражеских бомб. И это после того, как нашей армии было полшага до победы... Предательство! Если бы не предательство...

На несколько минут воцарилась тишина. Потом он тихо спросил:

— Почему ты не пьешь чай, девочка? Отличный чай на горных травах. Когда я пью, мне кажется, я снова вижу заснеженные вершины...

Ханна взялась за серебряную ручку подстаканника. И отдернула пальцы, будто обожглась.

— Вам не надо тут оставаться! Только прикажите — я доставлю вас в Альпийскую крепость. Страна не должна вас лишиться!

Последние сутки она думала только об этом. Раз за разом мысленно прокручивала весь маршрут. Немногие на ее месте сумели бы прорваться и через зенитный заслон, и через эскадрильи вражеских истребителей. Но Ханна знала: она — лучший пилот. Один из лучших во всем люфтваффе.

Старик успокаивающе взял ее руку. Заглянул в глаза прежним, будто в самое сердце проникающим взглядом:

— Милая девочка, ты из тех, кто пойдет за мной до конца. Я знаю. Но пойми, я — тоже солдат... Я должен подчиниться своему же приказу — защищать столицу. Главная наша битва именно здесь. Я все еще надеюсь, что армия Венка подойдет с юга...

— Но мой фюрер, если танки прорвутся к аэродромам...

— Мы будем сражаться! И даже если нам суждено погибнуть — мы уйдем как герои!

Ханна вздрогнула, прикусив губу и каждой клеточкой тела словно впитывая тепло его прикосновения.

Да, по-другому он ответить не мог. Даже сейчас, раздавленный горечью поражений, он оставался великим. Он держал ее за руку, Ханна слышала его голос. И пока это длилось, огонь и смерть не имели значения...

Четырнадцать лет назад она была еще совсем зеленой девочкой. Ясным мартовским днем невысокий человек во френче вззошел на трибуну и заговорил о простых и понятных вещах... Но как он говорил!

После темных лет Веймара, когда память об отце, умершем от ран, ежедневно втаптывалась в грязь, после существования впроголодь на скудный заработок матери — это было как свет новой жизни, как надежда и откровение!

Ханна слушала, затаив дыхание. А потом этот удивительный человек, склонившись с трибуны, вытянул руку, и толпа девушек хлынула, чтобы коснуться его ладони. Ханна бросилась вперед, остервенело, беспощадно расталкивая своих подруг локтями, и в последнем отчаянном рывке сумела-таки дотянуться, поймать протянутую кисть, ощутить ее тепло...

Тот день навсегда связал их судьбы.

Ради мгновений, когда фюрер держал ее за руку, когда

пристальные его глаза заглядывали в ее душу, стоило жить и стоило рисковать жизнью, прорываясь на самолете в осажденный город... Снова теплая волна пробежала по всему телу Хан-ны. Усталость и отчаяние последних дней таяли, словно остатки кошмара. Силы возвращались.

«Великий, великий человек!» — слезы выступили у нее на глазах, и сквозь эти слезы даже бледность вождя казалась ей сиянием. Она знала: вот тот, за кого без раздумья, без тени колебания отдаст она свою жизнь...

Ханна не выдержала, быстро склонилась и поцеловала эту небольшую, обтянутую сухой пергаментной кожей кисть.

— Ну-ну, девочка моя... — Старик осторожно высвободил руку и с нежностью провел ладонью по ее белоснежным волосам: — Моя валькирия...

Минуту длилось молчание. Наконец Ханна подняла глаза и увидела, что взгляд вождя, устремленный в пространство, как и четырнадцать лет назад, сверкает неукротимым блеском. Она поняла: ему эта встреча была необходима не меньше, чем ей. Опять прикоснулась губами к его руке и закрыла глаза. На душе у нее было покойно и светло, словно не дымилась там наверху разбитая бомбами рейхсканцелярия. И будто не русские танки охватывали столицу империи железными клиньями, а неудержимые панцер-дивизионы в победном лязге гусениц двигались к Парижу и Москве.

— Извини, моя девочка, я должен идти.

«Все еще может измениться, — затеплился у нее в душе огонек надежды. — Все может повернуться. Главное — не терять волю к победе. Коалиция врагов распадется, и тогда гений фюрера поднимет родину из пепла».

Дверь за ним закрылась.

* * *

В одном из дальних концов бункера автоматчик щелкнул каблуками. Старик слабо кивнул и вошел в просторную комнату с низким потолком и стенами, облицованными белой плиткой.

— Так и не заговорили? — спросил плотного здоровяка в расстегнутом мундире с закатанными рукавами.

— Нет, — буркнул тот, снимая очки в тонкой оправе и ак-

куратно протирая их уголком несвежего носового платка. — Ни один из них. Прикажете продолжать? — У эсэсовца непроизвольно вырвался усталый вздох.

Старик не ответил. Внимательным, ненавидящим взглядом пронзил распростертое на кафельном полу тело, едва прикрытое остатками офицерского мундира.

Казалось, это лежит труп — покрытый ожогами и запекшейся кровью, с изуродованным до неузнаваемости лицом... Нет, все-таки он дышал — грудь иногда вздымалась. А еще можно было понять, что это не европеец. Индус со смугловатой кожей и наголо обритым, словно у буддийских монахов, черепом.

Два вспотевших дюжих эсэсовца молча ждали в стороне, готовые возобновить допрос.

Старик криво усмехнулся и ковырнул носком ботинка неподвижное тело:

— За предательство приходится дорого платить...

Взгляд его упал на уныло расслабленные фигуры экзекуторов, и усмешка внезапно пропала. Мутноватые зрачки зло сверкнули, правая рука дернулась, будто разрубая невидимых врагов:

— Мы должны быть твердыми как сталь! И тогда азиатские орды здесь, у стен Берлина, сломают себе шею!

Эсэсовцы испуганно одернули мундиры и замерли по стойке «смирно», готовые выслушать очередную речь фюрера. В последние дни он раздражался ими по любому поводу.

Только человек в очках будто не обратил на это внимания. Глянул на часы и, извинившись, быстро достал из металлической коробки шприц, уже наполненный прозрачной жидкостью. Прямо сквозь ткань одежды он сделал индусу укол. Объяснил:

— Колеп каждые полчаса. Иначе он может стать опасным.

— Даже в таком состоянии? — недоверчиво нахмурился вождь.

— Лучше не рисковать. Вы же знаете, на что они способны.

— Приведите его в чувство!

На голову узнику опрокинули ведро ледяной воды. Тот шевельнул разбитыми губами и глухо застонал.

— Очнись, падаль! — заорал фюрер, склоняясь над лицом индуса. — Да поднимите же его, усадите на стул!

— Не может он сидеть — кости переломаны. Нам пришлось... Я докладывал: «сыворотка правды» на них не действует, электрошок тоже. Слишком мало времени, мой фюрер...

— Это не я дал вам мало времени, болваны! Это русские танки диктуют нам расписание!

Эсэсовец затих и больше не пытался возражать.

Старик опять склонился над раненым и крикнул, дрожа то ли от ненависти, то ли от нетерпения:

— Ты слышишь меня?

— Слы...шу, — отозвался наконец истерзанный человек. Веки его приоткрылись. Во взгляде сквозь мутную пелену просвечивало странное спокойствие.

— Даю тебе последний шанс! Слышишь, последний! — Правая рука вождя угрожающе сжалась в кулак, левая висела плетью. — Скажи, где находится Амулет. Этим ты спасешь себя и остальных монахов. Несмотря на то что вы предали меня — я обещаю вам помилование!

Человек молчал, продолжая смотреть в пространство — сквозь вождя и белые кафельные стены.

— Я даю слово, что сохраню вам жизни! — повторил старик, постепенно наливаясь болезненной краснотой.

Узник будто только теперь заметил его. Разбитые губы приоткрылись:

— Даете слово?..

— Да! — нетерпеливо дернул головой фюрер. — Если вы вернете Амулет. Слово вождя!

На изуродованном лице монаха появилась тень улыбки. Раздался хриплый смех.

— А чего теперь стоит... ваше слово?

Физиономия старика от ярости обрела багровый оттенок, но индус продолжал говорить — тихо и очень спокойно:

— Вы не сможете сохранить даже собственной жизни... Без нас вы — ничто. Прах под солнцем... И скоро действительно станете прахом... Махатмы уже сделали выбор. — Все шире улыбаясь почерневшими губами, едва различимо он добавил: — Слышишь их голоса?

Что-то ужасное произошло с вождем. Два рослых экзекутора испуганно и изумленно таращились на своего хозяина.

Никогда еще не видели они его в таком состоянии. Старик дрожал как в лихорадке, правая рука то судорожно сжималась в кулак, белея, то безвольно тряслась. Широко раскрытые глаза готовы были выпрыгнуть из орбит и светились одновременно ненавистью и страхом.

Фюрер приоткрыл рот, но не сразу смог заговорить. Наконец, пятясь к выходу, прохрипел полузадушенно:

— Р-расстрелять их всех!.. Расстрелять!!!

Эсэсовцы торопливо потянулись к висевшим в углу автоматам, залазгали затворами, но он, продолжая пятиться, трясущейся рукой остановил их. Глухо забормотал:

— Не здесь... Наверху, под небом Германии... Той Германии, которую они предали! Я сам исполню приговор...

Шгандартенфюрер тревожно сверкнул линзами очков:

— Мой фюрер, это опасно!

Тяжелая стальная дверь захлопнулась. Эсэсовец недоуменно качнул головой.

* * *

— Ханна, — простонала серая шатающаяся тень на пороге комнаты.

Женщина поднялась навстречу, но не сразу смогла его узнать — казалось, всего за полчаса вождь постарел еще на три десятка лет. Утратившие блеск глаза чернели мертвой пустотой.

— Пойдем наверх, Ханна. — Он оперся на плечо женщины. Уже в коридоре та сумела разобрать его едва слышное бормотание: — Все кончено, моя девочка... Кончено...

Спустя несколько минут они стояли во дворе полуразрушенной рейхсканцелярии. Старик болезненно щурился: глаза отвыкли от дневного света, даже такого, едва пробивавшегося сквозь низкие облака. Свежий ветер играл белокурыми волосами Ханны. После спертого воздуха бункера это было особенно приятно. Но сейчас ничто не могло разогнать охватившей ее тоски.

Эсэсовцы выволокли наверх пятерых узников с одинаково обритыми головами — троих со смуглой кожей, двоих по виду европейцев. Все пятеро — в изорванных, пропитанных кровью остатках одежды. Ни один из пяти уже не мог ходить.

Ханну на мгновение замутило — с тридцать девятого года она так и не смогла привыкнуть к виду крови. Из пилотской кабины война выглядит иначе.

— Здесь, — взмахнул рукой вождь, и эсэсовцы бросили тела у изуродованной осколками бомб стены. Щурясь и прикрывая лицо ладонью, старик взглянул вверх. Тихо проговорил: — Жаль, что облака. Я давно не видел синего неба, Ханна...

«Если бы прояснилось, скорее всего началась бы бомбежка, — с горечью подумала она. — Берлинское небо уже не принадлежит нам...»

— Дайте мне автомат, — сказал вождь, и штандартенфюрер торопливо протянул ему «МП-40». Но старик вдруг заколебался, кашлянул нерешительно. В эту минуту он был похож на провинциала, попавшего на большую распродажу в дорогом столичном универмаге, — жалкий сутулый старичок в жалком поношенном кителе и измятых брюках. Ханна передернула плечами и отвернулась. — Нет... Лучше пистолет. — Он тронул ее за рукав: — Дай мне свой пистолет, девочка.

Ханна медленно расстегнула кобуру и протянула ему новенький «вальтер», из которого не успела еще сделать ни единого выстрела. Вождь трясущейся рукой взял оружие и ближе подошел к узнику.

Эсэсовцы-эксекюторы, более привычные к спокойной работе под сводами подвалов, нетерпеливо переминались, оглядываясь по сторонам. Они чувствовали себя как на иголках — в любую минуту канцелярию могли накрыть снаряды дальнобойной артиллерии.

Ханна расстегнула верхнюю пуговицу мундира и глубоко вздохнула.

И только искалеченные, полуживые люди у стены казались спокойными, и взгляды их оставались незамутненными — словно фюрер с пистолетом, так же как и весь дымящийся Берлин, был лишь частью декорации, за которой они могли разглядеть Вечность...

Старик одернул серый китель. Кашлянул, напрасно пытаясь придать голосу твердость и торжественность, невнятно забормотал:

— Я, вождь германского рейха, Адольф Гитлер... Данной мне властью... Приговариваю эту банду предателей к смер-

ти... — Он поднял руку с оружием, но спустя секунду безвольно ее уронил. Дернул головой: — Нет, не могу... Рука дрожит... — Он обернулся и с надеждой посмотрел на женщину: — Сделай это, Ханна... Для Германии... и для меня.

Ханна молча приняла «вальтер» из его трясущейся ладони. Спустя пару секунд сухие отрывистые хлопки раскололи тишину во дворе рейхсканцелярии...

Низкое небо над Берлином брызнуло каплями дождя.

ГЛАВА 2

Вечерело. Отдаленными раскатами доносилась канонада.

Молодой человек в безукоризненном, с иголки мундире оберштурмфюрера СС обошел развалины многоэтажного дома. Пересек усеянную кирпичом и битым стеклом улицу, оказался в уцелевшем квартале.

Мимо проковыляли несколько заморенных, почерневших от копоти фольксштурмистов с карабинами через плечо. Один из них, с забинтованной шеей, тяжелым взглядом проводил идеально чистый парадный мундир эсэсовца. Повернулся в сторону товарищей — всем телом, чтобы не травмировать шею, и что-то резко проговорил. Другие тоже оглянулись, и сквозь усталость в их глазах проступила ненависть.

Эсэсовец почувствовал это и мысленно выругался — конечно, надо было надеть что-нибудь не столь приметное. Но почти все его вещи были уничтожены во время последнего обстрела, и выбирать было особенно не из чего.

Он ускорил шаги. Благо уже недалеко. Свернул за угол и быстро вошел в полутемный вестибюль жилого дома. Лифт, разумеется, не работал (в городе уже не было электричества). Штурмфюрер поднялся на четвертый этаж и нажал кнопку звонка. Потом сообразил, что это бесполезно, и постучал в дверь.

Открыли не сразу. Сначала кто-то долго изучал его через стеклянный глазок. Наконец из-за двери донесся немолодой женский голос.

— Кто там?

— Фрау Дитмар? Вам привет от дяди Вернера.

Дверь распахнулась — на пороге стояла маленькая женщи-

на с бледным изможденным лицом и испуганными глазами. Она приоткрыла рот и выговорила, запинаясь:

— Он уже... оправился после ранения?

— Он здоров, только хромает. — Эсэсовец полез в карман, достал пузырек с наклейкой и протянул женщине. — Дядя достал лекарство для Фрица.

— Прошу вас. — Она отступила, впуская его внутрь. Едва захлопнув дверь, горячо зашептала: — Вам не надо было сюда приходиться...

Штурмфюрер вежливо, но твердо выпроводил ее из коридора и прикрыл за ними дверь в гостиную. Снял пилотку, утер лоб и покосился на мягкий диван, застеленный белым кружевным покрывалом:

— Вы разрешите, фрау Дитмар?

— Конечно...

Он сел и с наслаждением вытянул ноги.

— Целый день в бегах... Мне нужен Моряк.

— Вы опоздали. Уже две недели он где-то скрывается... Где именно, я не знаю.

— Могу я поговорить с вашим мужем?

— Невозможно, — покачала головой хозяйка. — Его призывали в фольксштурм. — Она тяжело вздохнула. — Наверное, это даже к лучшему. За ним следили, понимаете? Меня пока не трогают, но я... Мне страшно. Вчера какие-то подозрительные типы крутились у дома... — Женщина робко заглянула в глаза гостю: — Скажите... долго еще ждать?

Не слишком корректный вопрос. И задан не по адресу. Но штурмфюрер все же ответил:

— Скоро... Вы же слышите.

Окна задрезбужали от канонады. Женщина вздрогнула. И молодой человек мягко добавил:

— На ближайшие дни перебирайтесь в подвал. Снаряды не различают врагов и друзей...

* * *

Выпив стакан травяного чая, эсэсовец попрощался. Пока шел вниз по ступеням, в сотый раз обдумывал ситуацию.

Все хуже некуда. Помощи, на которую он рассчитывал, ждать не приходится. Максимум через неделю город возь-

мут — времени остается в обрез. А он еще ни на йоту не приблизился к цели...

Первое его по-настоящему серьезное задание... И полный провал?

Если бы все зависело лишь от него...

Лестница кончилась, и штурмфюрер оказался внизу, на площадке перед большим сумрачным вестибюлем. Шагнул вперед и тут же замер — впереди почудился едва уловимый шорох.

Будто холодок пробежал по телу.

«Может, крысы? Или ополченцы выследили?»

В сущности, получить прикладом по башке не самое страшное в его ситуации. Аккуратные люди из гестапо куда неприятнее...

Он осторожно попятился. Запасного выхода нет. Значит, через чердак, в соседний подъезд. Если только дом не окружен...

Что за дьявольщина! Он не может двинуться с места. Ноги не слушаются!

А теперь... Теперь он медленно спускается в вестибюль. Пытается перебороть собственные мускулы...

Холодный пот заливает глаза.

Но все бесполезно. Тело не подчиняется сознанию. А потом и сознание захлестывает приторно-теплой волной.

Что-то звучит в ушах. Неясное... убаюкивающее... Словно чей-то ободряющий голос нашептывает: волноваться не стоит... Все тревоги закончились... Тебя ждут друзья... Друзья могут...

Двое выступают из тьмы и подхватывают его под руки. Снаружи уже ждет машина с распахнутой дверцей. Под ровным светом тускнеющего неба он видит смуглые лица.

«На немцев не похожи. Скорее на индусов...»

Черный «Опель» сразу срывается с места. Впереди воют сирены — опять началась бомбежка. Но шофер не сбавляет ход — он безошибочно выбирает путь среди клубящихся пылью завалов.

Грохот разрывов... Едкая пелена дыма... Языки пламени... Все сливается в настоящий ад.

Однажды они едва успевают проскочить улицей. Сзади раскатисто ухает. Штурмфюрер вяло оглядывается. Будто хлипкая декорация, на глазах рушится шестиэтажный дом. Грузовик с мальчишками из гитлерюгенда, который они обогнали секунду назад, исчезает под обломками.

Эсэсовец равнодушно отворачивается. В каком-то оцепенении следит за мелькающими в окне руинами... Разбросанный домашний скраб, неубранные трупы гражданских вдоль дороги — все кажется ненастоящим. Мир плывет, как длинная декорация...

Эсэсовец закрывает глаза. Куда он едет и что с ним будет — все равно.

Сладкая приторная безмятежность растворяет его в своих объятьях...

Остановка.

Что, уже приехали?

Они где-то среди руин. Его выводят из машины. Впереди — подъезд явно нежилого дома, часть здания словно среза-на гигантским ножом, так что видна уцелевшая внутренняя обстановка квартир.

Вестибюль.

Подвал.

Неказистая крашеная дверь, за ней еще одна, тяжелая бронированная... Вспыхивает лампочка. У порога — худощавый, будто высушенный старик. С кожей смуглой, как у похитителей, но с монголоидным разрезом глаз. Скорее не индус, а тибетец. Одет диковинно — в немецкий генеральский мундир со следами от споротых погон и петлиц.

«Разжаловали? Или сам?..»

Внимательные холодные глаза уставились на гостя. Старик приглаживает белую, как снег, бороду. И вдруг ласково щурится:

— Здравствуйте, Юрий. Давно вас ждем.

Сказано по-русски, без малейшего акцента.

— Не понимаю, — выдавливает эсэсовец на чистом берлинском диалекте.

Штурмфюрера ведут вниз по лестнице. Он не сопротивляется. В голове еще туман, но мысли текут свободнее.

«Откуда они знают имя?!»

За второй бронированной дверью — просторное помеще-

ние. Тут, глубоко под землей, тепло и сухо. Ярко светят сто-
ваттные лампочки, неизвестно откуда получающие энергию.

— Извините за то, что доставили вас сюда против воли. Но,
боюсь, иначе эта встреча могла и не состояться. — «Генерал»
указал на удобное кресло, сел сам. И добавил без длинных пре-
дисловий: — Мы знаем про вас все.

— Так уж и все? — усмехнулся эсэсовец. Говорил он по-
прежнему на языке Шиллера и Геббельса.

Только усмехаться ему пришлось не долго.

— Юрий Павлович Шадрин, — проговорил старик, будто
читая с невидимого листа. А потом назвал позывные для радио-
связи, фамилию непосредственного начальника и на закус-
ку — номер дома, в котором во время последнего визита в Мо-
скву Шадрин останавливался.

«Генерал» ласково моргнул. Вероятно, что-то прочел на
лице «штурмфюрера».

— Не надо волноваться, мы не из гестапо. И сдавать вас
туда не собираемся. Более того, мы — ваши спасители. Еще
чуть-чуть, и вас бы, юноша, обязательно арестовали.

— Откуда такая трогательная забота? — выдавил «гость»,
переходя на русский. Вся конспирация летела к чертям.

— Мы — друзья.

— И что от меня нужно... друзьям?

«Генерал» доверительно наклонился в его сторону:

— Знаете о народе бонпо?

— Честно говоря, не много...

— Наша родина — Тибет.

— Далеко вас занесло.

— История сейчас вершится в Европе.

— Кажется, вы плохо ее учили.

«Генерал» улыбнулся:

— Историю пишут люди... Когда-то фюрер великой Герма-
нии был чтим у нас. Высокие Махатмы оказали ему поддерж-
ку. Не скрою, именно благодаря этой поддержке он получил
власть и подчинил себе Европу...

«Ахинея... Нацистская ахинея, — поморщился Юрий и с
удивлением отметил, что разрывы бомб и снарядов совершен-
но не доносятся в этот подвал. Картины пылающего города
встали в памяти. — Чертовщина... Такое творится наверху!
А здесь — тишина, как в барокамере...»

Голос тибетца звучал невозмутимо и уверенно:

— В мире есть силы, которые издревле нам противостоят. Именно они помешали фюреру Германии посетить перед войной наш священный край и совершить обряд. Великий обряд, дарующий подлинную власть. Это дорога от людей к богам. А фюрер так и остался смертным. И потому проиграл. Человек слишком слаб.

— Он — человек? — усмехнулся Юрий. — Ну, не знаю. В этом я не уверен.

— Мы знаем.

— А вы-то ради чего старались? Тоже хотели в гауляйтеры?

— Наши цели лежат за пределами мира. Вам этого не понять, юноша.

— Махатмам не повезло. Такие высокие цели. И такой поганый исполнитель.

— Тут вы правы, — легко согласился «генерал». — Это главное, ради чего вы здесь. Махатмы раскаиваются в том, что связали выполнение своих замыслов с Гитлером. Ход истории иногда определяют случайности.

Шадрин вздрогнул — на мгновение он ощутил что-то вроде холодного прикосновения. Почудилось, будто в сумрачном дальнем углу находится еще кто-то... Следящий из тьмы пристальным тяжелым взглядом.

Юрий поежился, стряхивая наваждение.

А старик в генеральском мундире не сводил с него выцветших карих глаз. И все говорил — твердо, властно. Словно хотел намертво отпечатать каждую фразу в памяти «гостя».

— Вначале Учителя Истины делали ставку на вашего вожда и повелителя. Мы считали весьма правильными и благотворительными суровые меры по отношению к темному народу. Ведь народ — это стадо, которому требуется пастух с палкой в твердой руке. Позже нам пришлось изменить свое отношение. В тридцатые годы при участии Сталина были уничтожены многие полезные и верные наши люди. Это было прискорбно. Они не были его врагами. Под влиянием действий вашего вождя Высокие Махатмы решили отдать предпочтение Гитлеру.

— Махатмы тоже ошибаются?

— Иногда. Россия — самая большая ошибка. Теперь мы понимаем, что именно здесь решится, по какому пути пойдет человечество. Мы предлагаем союз Махатме Сталину. Пусть те

досадные недоразумения, которые нас разделили, канут в забвение.

— Даже так? — иронически вскинул брови Юрий. — Значит, когда мы, темное стадо, приперли к стенке вашего фюрера, вы решили предложить свою дружбу?

«Генерал» пронзил его холодным взглядом:

— Не ваше дело — рассуждать. Рассуждают вожди. Ваше дело — передать то, что услышали.

— Не сомневайтесь, — сухо кивнул Юрий. — Передам.

Только бы отсюда выбраться...

Тибетец добавил чуть мягче:

— Гитлер — враг и для нас. Он отплатил неблагодарностью за все, что мы для него сделали. Вчера он подло уничтожил наших братьев. Мы — единственные, кто уцелел. Но мы сделаем все, чтобы вам, юноша, удалось выполнить задание. В вашем лице мы предлагаем помощь Махатме Сталину.

Повисла тишина. «Генерал» ждал. И Юрий пожал плечами:

— Раз вы такие мудрые — вероятно, догадываетесь, зачем я прибыл в Берлин?

— Мы не догадываемся, — покачал головой «генерал». — Мы знаем.

ГЛАВА 3

После делового разговора «гостя» накормили сытным ужином и разместили в отдельной комнате с удобной койкой и чистым постельным бельем. Несмотря на неуверенность своего положения, тибетцы жили с завидным комфортом.

Уснул он не сразу. Погасил свет и долго ворочался, вспоминая рассказ старика. С самого начала у Шадрина не было сомнений, что монахи-бонпо действительно работали на Гитлера — до самого последнего времени. Но что касается остального...

Теперь это уже не казалось болтовней.

Рассказ «генерала» противоречил всему усвоенному еще со школьной скамьи. И если ему верить, то объективные законы развития общества, борьба классов — все это словно мишура, маслянистая пленка на поверхности реки...

Кто прячется в темной глубине?

Шадрин вздрогнул — опять, как и во время беседы со ста-

риком, почудилось ледяное прикосновение. Рывком встал, зажег свет — в комнате было пусто. Он налил себе воды из графина, выпил одним глотком: «Нервы!» Снова лег, но уже не гасил лампу.

Сегодня на целых полчаса его превратили в покорную куклу.

Под Москвой, в спецшколе тоже преподавались основы гипноза. Но это было не то. Все равно что детская мазня по сравнению с полотном художника.

Что, если они могут воздействовать не только на отдельного человека?

Тогда это страшнее бомб и снарядов. Ведь именно человек — самое слабое звено любой государственной машины. Даже новейшее оружие и техника — куча хлама, если солдаты бегут с поля боя, если командиры теряют голову...

Чем больше Юрий думал об этом, тем явственнее проступали черты иной, скрытой реальности. Сколько бы немецкая пропаганда ни распинаясь о гении фюрера, о выдающихся стратегических талантах полководцев и боевом духе солдат, их победы невозможно объяснить лишь заурядными факторами. Вермахт, лучшая армия Европы, не имел для покорения этой Европы ни ресурсов, ни качественного превосходства в технике. Экономика Германии критично зависела от внешних поставок.

В тридцать девятом году западные союзники вполне могли выиграть войну, если бы еще осенью перешли в наступление. Опрокинуть слабый немецкий заслон вдоль границы с Францией, лишенный танков и воздушной поддержки, не составляло труда. Польская кампания вермахта по всем военным канонам была чистой авантюрой. Даже приближенные к фюреру военачальники не верили, что англичане и французы позволят немцам безнаказанно раздавить Польшу и перебросить силы на Запад. Но все случилось именно так.

Конечно, и в Париже, и в Лондоне имелись надежды, что Гитлер столкнется с СССР. Только вряд ли эти надежды были слишком сильными — ведь пакт Молотова — Риббентропа был подписан еще до начала польской кампании.

Если разобраться, «странная война» и вовсе не имела рациональных причин. Что-то запредельно самоубийственное, лишенное логики...

Воля руководителей Запада оказалась словно парализована неведомой силой. Позже, в мае 1940 года, когда началось немецкое наступление, тот же удивительный паралич воли принял характер эпидемии, распространился в армии союзников от маршалов до рядовых. Массовая паника среди войск и населения, фантастические слухи о всемогущей «пятой колонне» приводили к случаям настоящего коллективного помешательства. Армии, вооруженные лучше вермахта, в кратчайшие сроки были наголову разгромлены! Потери немцев оказались ничтожны.

Юрия даже бросило в пот — все сходилось! Детали мозаики складывались в общую картину, где главной фигурой был уже не Гитлер, а некие таинственные Махатмы — именно они дергали за ниточки, оставаясь невидимыми.

А если вспомнить Восточный фронт? Все словно по накатанному сценарию. Начало войны было для Красной армии катастрофой. Юрий помнил те страшные месяцы... Минск, Киев... Казалось, ничто не остановит железный каток вермахта. К осени сорок первого авантюрный план «Барбаросса» имел все шансы на успех.

Но именно в СССР отработанный механизм почему-то дал сбой. Наши армии гибли, но не рассыпались, как это было с армиями Запада. Сверхчеловеческая сила наткнулась на человеческую и надломилась...

Махатмы знают причину? Теперь вот в союзники набиваются...

Юрий помрачнел. Опять вспомнились слова о темном народе, которому нужен пастух. Если правда то, что бонпо рассказал о победах Гитлера, значит, правда сказана и о Сталине? Но зачем вождю тибетские учителя?

Они настолько уверены в своем праве вершить судьбы стран и народов... Все это не укладывалось в голове.

* * *

Проснулся он оттого, что кто-то тряс его за плечо:

— Возникли осложнения!

Шадрин вскочил на постели, еще толком не очнувшись: «Гестапо вышло на след?»

Тибетец сухо объяснил:

— Ситуация изменилась. У нас мало времени... Придется действовать грубо.

Через несколько минут два «Опеля» выехали в сторону центра Берлина. Тибетцы захватили с собой автоматы, фаустпатроны и крупнокалиберный пулемет.

Пару постов на перекрестках миновали без всяких осложнений. «Генерал» показывал шутцманам какие-то документы, но Юрий подозревал, что бумажки с печатями были не столь важны. Старик вполне мог бы обойтись и чистыми листками.

Добравшись до переулка, примыкавшего к Унтер-ден-Линден, они вылезли из машин и заняли позицию в развалинах универмага — отсюда, оставаясь незамеченным, удобно было просматривать дорогу в обе стороны. Тибетцы установили пулемет, приготовили панцерфаусты.

Оставалось ждать.

Ежась от утренней прохлады, Шадрин вглядывался в пустынную, изуродованную бомбами улицу. Рассвет вставал над истерзанным Берлином. На востоке разгоралось красное сияние, похожее на зарево пожара.

Огонь... Городу предстояло очищение огнем.

Артиллерия уже была по целям в глубине Берлина. Тяжелые снаряды дальнобойных орудий падали в соседних кварталах. Один угодил в дом на противоположной стороне улицы: рвануло так, что осколки кирпича посыпались в пустые оконные проемы универмага. В лицо Шадрину повеяло едкой гарью. Когда клубы пыли осели, оказалось, что от дома напротив осталась только большая груда дымящихся обломков.

В районе универмага становилось опасно — с тыльной стороны здания тоже начали падать снаряды. Но, взглянув на тибетцев, Юрий не заметил на их лицах ни тени страха или волнения. В этом было что-то противоестественное. Как в выступлениях факиров, способных, не чувствуя боли, протыкать свое тело огромными иглами.

Из-за канонады Шадрин не сразу различил шум моторов. Он заметил эскорт, только когда за тяжелыми мотоциклами показался бронетранспортер. Следом двигался черный «Хорьх». Пара мотоциклов с пулеметами замыкали кортеж.

Чувствуя, как колотится сердце, Юрий расположился удобнее и положил палец на спусковой крючок фауста. Надо

попасть в мотор «Хорьха». Сейчас, когда автомобиль поравняется со зданием универмага...

Еще немного...

Еще...

Юрий стиснул зубы и задержал палец, уже готовый нажать на спуск. Откуда-то из бокового переулка наперерез эскорту выполз «тигр», следом — два бронетранспортера. Танк направил ствол пушки прямо на черный «Хорьх». Эскорт остановился — никто из охраны даже не попытался выстрелить. Из бронетранспортера-перехватчика посыпались солдаты в камуфляже.

Они бросились к «Хорьху», но тот, кто был внутри, уже сам открыл дверь. Юрия отделяло от автомобиля чуть более двух десятков метров, так что он относительно хорошо мог видеть партайгеноссе.

Физиономия невыразительная. Зато знакомая по десяткам фотографий.

Борман отнюдь не казалась испуганным. Вместе с окружающими его солдатами заместитель фюрера направился в сторону чужого бронетранспортера — эсэсовская охрана равнодушно за этим наблюдала.

«Уйдет!» — подумал Юрий и снова склонился к прицелу фауста.

Старик схватил его за плечо:

— Это бессмысленно — нас уничтожат за секунды!

— Мне все равно, — пробормотал Шадрин и вдруг ощутил ладонь тибетца на своем затылке. В глазах потемнело.

Когда он снова смог видеть, бронетранспортер эскорта догорал посреди улицы. Рядом валялись мертвые мотоциклисты. Колонна, увозившая с собой Бормана, была уже далеко в переулке.

— Это они сами, — вздохнул «генерал». — Мы не сделали ни единого выстрела.

— Вы дали ему уйти... — пробормотал Юрий, медленно поднимаясь на ноги.

— Я спас вам жизнь. Ничего нельзя было сделать. Люди Запада нас опередили.

— Считаете меня идиотом? — Шадрин повернулся к ста-

рику, но пальцы его продолжали скользить вдоль подоконника. Хорошо, что тибетец стоит так близко...

Есть! Нашупал.

— Вы не правы, юноша...

Фраза осталась незаконченной. Юрий прижал кусок стекла к артерии на шее «генерала»:

— Не надо меня гипнотизировать! Я ведь все равно успею раньше!

— Вы удивительно предсказуемы, — улыбнулся старик.

— Бросить оружие! — приказал Шадрин.

Тибетцы повиновались. Они были так же спокойны, как и прежде. Слово исполняли самую будничную работу.

Левой рукой Юрий вытащил пистолет из кобуры старика, но стекло не опускал. Кто знает, успеет ли он выстрелить больше одного раза. Он сомневался, что единственной пули хватит, чтобы уложить «генерала».

— А сейчас все останутся, а мы вдвоем пройдем к «Опелю»!

— И что дальше?

— Дальше наши дорожки разойдутся.

— Не выполнено задание Махатмы Сталина. Даже если вы выберетесь, что расскажете своим?

— Правду.

— И кто этой правде поверит?

— Могу прихватить вас с собой, в качестве доказательства.

Юрий слегка подтолкнул старика к выходу, но тот и не думал сопротивляться. Остальные монахи были неподвижны, как изваяния.

— Если бы я хотел вам вреда, я бы давно его причинил, — мягко заметил «генерал».

Шадрин вдруг почувствовал, что кусок стекла начинает быстро нагреваться в его пальцах. А рука с пистолетом, прижатая к телу старика, немеет — будто опущенная в ледяную проруть.

Он так и не успел ни на что решиться. С криком выронил стекло. Из бессильно повисшей левой руки вывалился пистолет. Юрий попятился, глядя на покрасневшую ладонь.

— Скоро появятся волдыри, — с усмешкой уточнил «генерал». — А хотите, кожа обуглится?

Шадрин заорал от жуткой боли, согнулся... Сунул кисть под мышку. Затряс ею в воздухе. Только это не помогло. Руку словно сжигал невидимый огонь. Красные волдыри лопались, сливаясь в сплошную открытую рану...

Потом отпустило. Так же неожиданно.

Юрий прислонился к стене и ненавидяще посмотрел на «генерала»:

— Чего вы хотите?!

— Чтобы вы спокойно меня выслушали. — Во взгляде старика не было злобы. Мягкая отстраненность и легкая скука, словно он перечитывал давно знакомую книгу. — Кстати, руку можно вернуть в исходное состояние. Еще подумают, будто мы вас пытали.

Шадрин потрясенно смотрел, как молодая розовая кожа затягивает раны.

— Я был достаточно убедителен? — равнодушно поинтересовался «генерал». — Больше не стоит терять время на пустяки. — Он указал Юрию на обломок внутренней стены: — Присаживайтесь. Мы ведь обещали вам помочь. И мы это делаем.

— Ясно, за что вас любил Гитлер.

— Перестаньте. Детский лепет. Вы ведь — воин. И выполняете серьезное задание вашего вождя.

— Борман ушел.

— Что такое Борман? Мешок с золотом... Но разве золото — главное? Это лишь средство. Мы поможем вождю Сталину добиться большего. Куда большего, чем стоит Борман со всеми его миллиардами.

— А конкретнее? — Шадрин внимательно смотрел на старика. В чем подвох?

— Вы вернетесь в Москву, расскажете то, что видели. И передадите одну древнюю реликвию. Предназначенную лично Махатме Сталину. Это и будет залогом нашего союза.

Юрий криво усмехнулся. Лично Сталину? Какую-то побрякушку?..

— Боюсь, я не скоро окажусь в Москве... Проще выслать по почте!

«Генерал» сухо кивнул:

— Почтальона я уже нашел.

* * *

Остаток дня Юрий провел в убежище. Его доставили и разместили в прежней комнатке.

Ничего не изменилось. Кровать была такая же удобная. И лампочка горела, несмотря на отсутствие электричества в Берлине. На тумбочке у кровати имелись свежие газеты — одна немецкая, на плохой серой бумаге, пара шведских и одна швейцарская — еще пахнущая типографской краской.

«Как их доставляют?»

Еще одна загадка.

Пока он изучал прессу, молчаливый монах принес большую тарелку картошки с тушенкой. На десерт — пару яблок и настоящий цейлонский чай. Такого Юрий давно не пробовал. Выпил и попросил еще кружку.

Ему не отказали.

О нем заботились — почти как о дорогом госте. Но теперь он особенно остро чувствовал себя в тюрьме. В комфортабельной тюрьме...

Посуду унесли. С ворохом газетных листов он завалился на кровать. Пробежал взглядом по строчкам на немецком. Буквы расплывались. В мыслях было другое.

«Борман ушел. А тибетцы... действительно пытались помочь? Какую игру они ведут?»

Организуют ему эвакуацию из города ради того, чтобы послать знак Москве?

Вроде сходится. Ведь все прежние их ставки биты...

Юрий мрачно таращился на фотографию нового американского президента в «Стокгольмише беобахтер».

«Борман ушел к союзникам?»

Неизвестно.

Главное, что он, Шадрин, безнадежно провалил задание. И враг его использует...

* * *

Казалось, он так и не сумеет сомкнуть глаз.

А вышло иначе.

Юрий вздрогнул и очнулся в крошечной тьме. Утер лип-

кий пот со лба. Ему приснилось что-то жуткое. Но что именно — вспомнить не удалось.

Он заворочался и сообразил, что одетый лежит поверх неразобранной постели. Укрытый стопкой недочитанных газет.

Мать вашу... Так прямо и отрубился?

Голова была тяжелая. Юрий потер болезненно пульсировавший висок.

«Твари, наверняка что-то добавили в еду или чай!»

Он прислушался. Царила абсолютная тишина.

Осторожно убрал газеты на пол. Привстал — очень аккуратно, чтобы не скрипнули пружины.

Юрий помнил обстановку своей камеры. Вслепую обогнул тумбочку и прокрался вдоль стены. Нащупал дверной косяк и затаил дыхание.

Из большой комнаты по-прежнему не доносилось ни звука. Раньше сквозь крохотные щели пробивался электрический свет. Но теперь там тоже царила крошечная тьма.

«Вырубился автономный генератор?»

Скорее всего...

Юрий облизал губы. Это шанс...

Выждал минуту. За дверью ничего не менялось. И тогда ударом ноги он опрокинул тумбочку.

Грохот был порядочный. Теперь тибетцы просто обязаны заглянуть к арестанту. Юрий застыл у косяка, вслушиваясь. Сейчас он различит их шаги. Не все монахи обладают способностями «генерала». Темнота может уравнять силы...

Время тянулось. Ничего не происходило. Из большой комнаты не долетало ни звука.

«Что, оглохли, твари?!»

В сердцах Юрий ударил по двери ногой. И та почти бесшумно распахнулась.

«Ого!»

Это было настолько неожиданно, что он оцепенел. В висках гулко барабанило. А он ждал — сам не зная чего.

Иррационально, глупо. И все-таки он медлил. Почти как там, в подъезде, — острое чувство, будто впереди ловушка.

«Нервы... — Юрий утер пот рукавом кителя. — Идиотизм!»

Он и так в ловушке. В руках у врагов. И если те допустили оплошность — почему бы и нет? — он этим воспользуется.

Напряженный как струна и тихий словно кошка, Юрий двинулся в темноту. Шаг, другой...

Он уже — посреди большой комнаты. Теперь можно различить, что тьма вовсе не абсолютная. В дальнем конце подвала сквозь щель у двери пробивается свет.

Там что, тоже не заперто? После череды неудач ему опять везет.

Осторожно ступая, он пересек комнату. Никто его не остановил.

«И где же проклятые тибетцы? Все разбежались? Как крысы... Хваленые сверхчеловеки...»

Он коснулся двери, нащупал ручку и осторожно дернул. Та не поддалась.

Юрий мрачно усмехнулся. Теперь, после всего, его не остановит какой-то хлипкий замок. Это ведь не стальная дверь — обычная филенчатая... К тому же не слишком прочная.

Удар ногой. Еще удар — крепким кованым сапогом. Треск дерева. Навалиться плечом... Вот так!

Выламывая куски двери, Юрий рванулся к свету.

И зажмурился, ослепленный.

Что-то сдавило грудь, будто воздух превратился в свинец. Юрий захрипел, дернулся изо всех сил и упал.

Нет, не на каменную лестницу.

На что-то мягкое...

* * *

Он открыл глаза и понял, что лежит на траве. Это было удивительно — откуда трава в подвале?

Юрий приподнял голову и растерянно моргнул. Опять зажмурился.

Это не могло быть правдой.

Обхватив виски ладонями, он сел. Но галлюцинация не проходила. Тогда, дотянувшись до ближайшей березки, он медленно поднялся. Пошатываясь, обвел пейзаж безумным взглядом.

Юрий слишком хорошо знал это место. И это было хуже

всего. Теперь ясно — он сошел с ума. От химических препаратов, от гипноза — какая разница...

Ветерок шевелил его волосы. Красное солнце рождено из-за горизонта. Все казалось настоящим — даже запахи травы и цветущих деревьев.

Юрий рассматривал очертания улиц. И не верил.

«Нельзя верить... Надо бороться...»

Биться головой о невидимые стены подвала, царапать ладони о шершавые ступени — они же где-то рядом? Чтобы через вспышки боли вывалиться назад в реальность...

Вместо этого он опять опустился на траву. Сел, привалившись к березе. И долго глядел вдаль — на залитые багрянцем крыши и аллеи. Окна без бумажных крестов на стеклах. Небо без аэростатов заграждения. Чистые улицы, откуда давно убрали противотанковые «ежи»...

С Воробьевых гор вся Москва — как на ладони. Он не видел ее четыре года...

Что есть реальность? Может, это берлинский подвал ему пригрезился? Чужой умирающий город... Едкая гарь и трупы гражданских на улицах.

Юрий закрыл глаза.

Где-то рядом чирикали воробьи. Было удивительно хорошо и спокойно. Не хотелось думать, как он тут оказался...

Сначала отдыхать на траве — набираясь сил, отгоняя темное берлинское наваждение. Дальше... звонить начальству. За ним пришлют машину. А может... он и сам доберется? И еще кой-куда успеет.

Бегом к остановке, вскочить в троллейбус... Тут ведь совсем недалеко по московским меркам. Мичуринский проспект, дом номер тридцать шесть. Ждут его там? Или давно забыли, пролистнули, как страницу в памяти...

Он не забыл.

Иногда память — это все, что у нас есть...

Шадрин вздрогнул и открыл глаза. Новый звук выделялся среди идиллической безмятежности... Юрий медленно встал с травы.

Нет, не почудилось. Несколько человек в штатском уверенно двигались в его сторону.

«Так быстро? Откуда они узнали?..»

Он растерянно оглянулся. Вторая группа уже отрезала пути отхода...

Но ведь он и не собирался бежать! Они что, считают его врагом?

Мгновенья тянулись, как резиновые...

В группе захвата не было знакомых лиц. Юрий вяло усмехнулся, помахал рукой. И только сейчас вспомнил, какой на нем мундир.

Нарукавный эсэсовский орел блестел под московским солнцем, как серебряное клеймо.

Шадрин содрал с себя китель и бросил под ноги.

Только, кажется, тем, в штатском, было все равно.

ГЛАВА 4

Два дюжих парня взяли его под руки — аккуратно и крепко. Невысокий мужчина в легкой парусиновой шляпе показал красные «корочки»:

— Я — полковник Марченко.

— Лейтенант Шадрин.

— Добро пожаловать домой!

— Спасибо, — выдавил Юрий.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

Он ждал еще вопросов. Но их не было. Скорее всего их зададут в другом месте...

— Извини, придется тебя обыскать. — Марченко улыбнулся. Только зрочки оставались холодными.

В карманах Шадрина было пусто — не считая носового платка, который ему вернули.

«Амулет!» — вспыхнула и обожгла мысль. Юрий вспомнил слова о почтальоне. Не зря же его зашвырнули напрямик в Москву!

Только как им объяснить?

Пока он терзался сомнениями, один из штатских зачем-то пощупал его пульс и осмотрел зрочки.

— Теперь проедем туда, где можно спокойно говорить, — сказал полковник.

Автомобиль ждал метрах в пятидесяти.

— Стойте! — выпалил Юрий. — Я... я должен был пере-

дать... Одну вещь. Наверное, она выпала... Надо поискать там, в траве!

Марченко ласково прищурил бесцветные глаза:

— Все, что надо, мы уже нашли.

* * *

Юрия усадили на заднее сиденье — между крепких, косая сажень в плечах, парней. Обе машины плавно двинулись в сторону Комсомольского проспекта.

Шадрина везли во второй. Полковник сидел рядом с водителем и внимательно смотрел вперед — так, будто они не столицей ехали, а по вражеской территории.

«Глупость, — лихорадочно думал Юрий. — Какое-то дикое недоразумение...»

Он провалил задание. Но ведь он не враг!

— Вы должны связаться с Ивановым... с майором Ивановым — он меня вел. Он знает подробности...

— Да, конечно, — сухо отозвался Марченко. — Расслабься. Ты все сделал правильно. Никто тебя не обвиняет.

Странно. Интонации полковника были совершенно миролюбивые, но Юрий ощутил что-то вроде ледяного озноба. Как в страшном сне, когда абсолютно не значащие детали заставляют сердце бешено колотиться...

Вдруг нахлынула беспощадная ясность: это апрельское утро — последнее в его жизни.

«Почему? Неужели в Кремле решили принять помощь «сверхчеловеков»? Это невероятно, дико... Но тогда безумие складывается в логичную картину. Тогда... кто-то на самом верху готов играть по правилам махатм...»

«Почтальон» доставит весточку. Он расскажет все, что знает. Что видел. Чистую, незамутненную истину — под гипнозом или накачанный «сывороткой правды». И тогда...

Тогда исполнивший свою роль Юрий Шадрин больше не нужен. Как вскрытый и опустевший почтовый конверт.

Это очевидно. Таких свидетелей не оставляют.

Деревья парка проплывали за окном.

Что он может, горе-разведчик двадцати трех лет от роду? Не только завалил задание, еще и стал орудием врага, размен-

ной фигуркой, которую вот-вот смахнут с доски. А ведь вопрос не только в его жизни...

Юрий моргнул.

Хороший бетонный столб маячит впереди. Дотянуться бы и дернуть руль — чтобы столб вылетел навстречу. Чтоб с грохотом, металлическим лязгом и скрежетом сложилась в гармошку кабина «ЗИСа»...

Нет. Такого шанса ему не дадут.

— Куда они? — буркнул полковник. — Идиоты!

Юрий поднял глаза.

Ничего особенного. Головная машина так же плавно двигалась через парк. В ранний утренний час тут было безлюдно. Передний «ЗИС» миновал перекресток...

Марченко хрипло выругался.

— Следовать за ними? — спросил водитель.

— Да, — хмуро кивнул полковник. И вдруг изменился в лице, яростно выпалил: — Поворачивай! Жми на полную!

Водитель испуганно крутанул руль — так, что пассажиров швырнуло влево, а машина натужно взревела. Ударил по педали газа, и стрелка спидометра прыгнула к цифре «120».

Деревья замелькали вдоль дороги. Под капотом обычной модели явно прятался форсированный движок.

— Жми! — хрипло повторил Марченко.

Юрий растерянно вертел головой. Что происходит? Чего этот взбеленился? В зеркале заднего вида нет и намек на погоню. Дорога пустая...

— Сиди тихо! — процедил один из его охранников. Кажется, эти двое тоже нервничают.

— Туда! — командует полковник.

Ясно, хотят срезать. Машина вылетела на безлюдную пешеходную аллею.

Что это? Из кустов далеко впереди возникла одинокая согбенная фигура. Едва ковыляет посреди тротуара. Кажется, старушка с палочкой... И не объехать — скамейки и деревья с двух сторон.

Рука водителя тянется к кнопке сигнала.

— Не надо шуметь, — сухо говорит полковник.

Юрий морщится. Уже и без того можно различить гул мотора за спиной, но кажется, старуха глуховата...

Водитель берет немного влево. Он все равно заденет чело-

века, но так меньше пострадает автомобиль. Даже скорость не сбросил...

— Сволочи!

Охранник бьет Юрия локтем в живот. Шадрин изворачивается и наносит удар головой. Оба его «архангела» остервенело работают кулаками. В тесном салоне это получается неуклюже, но они сильнее.

— Наденьте на него «браслеты»! — злится Марченк!

Охранники сбивают Шадрина на пол. Краем глаза он видит, как по лицу у одного течет кровь — Юрий таки сломал ему нос. А за лобовым стеклом быстро приближается хрупкая фигурка. Вот-вот раздастся глухой удар...

Мгновением раньше женщина оборачивается.

И могучий, разлапистый клен будто сам прыгает навстречу «ЗИСу».

* * *

В ушах звенело. Барабанило в висках. Пахло жженой резиной.

Юрий распахнул свинцовые, непослушные веки. Шевельнулся и сморщился. Кажется, у него сломаны ребра.

Охранники неподвижны. Еще не очухались? А водитель вряд ли придет в себя: торчит головой в разбитом стекле — оно щедро забрызгано его кровью.

Только Марченко исчез.

Юрий вытащил из кобуры «архангела» пистолет. Каждое движение причиняло боль. Он стиснул зубы и потянулся к дверной ручке. Хорошо, что ее не заклинило. Вытолкнул охранника наружу. И выполз следом.

Оглянулся. Где же тот гад?..

— Я здесь. — В затылок Юрию уперся холодный ствол. — Брось оружие, сынок.

Голос полковника отдавал спокойным холодом.

Шадрин усмехнулся. Одним махом решить все проблемы... Вскинул «ТТ». И получил ногой по запястью. Пистолет вывалился из ослабшей руки.

«Я все еще ему нужен...»

Марченко отфутболил «ТТ» подальше.

— Возьми в машине «браслеты» и аккуратно надень.

— А иди ты!.. — Юрий хрипло выматерился.

Полковник молча ударил его ногой. Шадрин упал на траву. Перевернулся, морщась от боли... Он ждал выстрела и надеялся на это, как на спасение: «Чего эта сволочь ждет?»

Поднял голову и увидел, что Марченко занят странным делом. В правой руке он по-прежнему сжимал «вальтер-ППК» — хороший трофейный пистолет. А левая — тянулась в сторону неподвижного охранника рядом с машиной.

Нет, пальцы Марченко не касались «архангела» — они будто ощупывали воздух. И глаза смотрели куда-то вперед. Лицо было равнодушное... словно не этот человек только что гнал водителя, уходя от невидимой погони.

Юрий растерянно моргнул. Цепочка событий возникла в памяти. И обнаружилась еще одна неправильность.

Где та несчастная старуха, которую они чуть не сбили?

Что вообще здесь происходит?

Шадрин оглянулся — кругом пустынно. И неестественно тихо. Наверное, часов шесть утра. Но это же центр города — кто-то мог услышать грохот аварии? Бывают здесь милицейские патрули?

Юрий осторожно шевельнулся, прикидывая расстояние до ближайших кустов.

В этот миг полковник выстрелил.

Пуля просвистела над головой, сшибла ветку. Листья закружились в воздухе...

Нет, целился он не в Шадрина. Еще две пули полетели в пустоту. Или не совсем в пустоту. Неясная тень мелькнула за кустами — лишь на долю секунды...

Теперь!

Юрий вскочил. Кто-то сзади схватил его за рубашку. Шадрин дернулся, оборачиваясь. Это был не полковник. «Архангел» с залитым кровью лицом — тот самый, что раньше трупом валялся у машины.

Короткий обмен ударами. И Юрий, и охранник — слишком слабые. Но «архангел», казалось, совсем не чувствует боли. Хотя левая рука его движется странно — будто где-то у локтя образовался дополнительный сустав.

Хук снизу — Юрий достает охранника в челюсть. Без тол-

ку — лицо врага похоже на маску, тяжелые кулаки работают, как поршни. Удар, еще удар... В глазах темнеет — «архангел» попал в сломанные ребра.

Земля уходит из-под ног. Охранник наваливается сверху, стискивает горло удушающим захватом. Шадрин бьет его локтем в живот — результат нулевой.

Всего в нескольких метрах поблескивает в траве «ТТ». Но сейчас до него не добраться...

— Пусти! — хрипит Юрий. — Сдаюсь!..

Где эта сволочь полковник? Почему не отзывает своего хопу?

Юрий отчаянным усилием поворачивает голову. И видит, как пляшут между деревьев две трудно уловимые тени. Будто хотят встретиться и все время промахиваются. Глаза не успевают различить подробности — только вздрагивают ветки и кружится подхваченная вихрем листва...

Вспышки выстрелов мелькают, как праздничный фейерверк. Потом патроны кончаются. У двух фигур наконец выходит друг друга нащупать. Из хаотичного мельтешения долетают звуки ударов...

Это похоже на сон. Люди не могут двигаться с такой скоростью. Будто в древней страшной сказке, а не в центре Москвы, в середине технологичного двадцатого века...

Обрывки мыслей проносятся в голове Юрия. Трудно о чем-то думать, когда оживший труп с разбитой головой пытается тебя задушить.

Правой рукой хоть немного ослабить захват. Левая напрасно шарит вокруг. Нет ничего — ни ветки, ни камня... Стоп, что-то твердое под пиджаком охранника!

Пальцы Юрия осторожно нащупывают это, выдергивают из чужого нагрудного кармана.

Есть!

Крепко стиснуть. И несколько раз вонзить «оружие» в плоть врага!

Хватка того заметно слабеет. Юрий бьет еще раз, отталкивает обмякшее тело.

Из глаза «архангела» до половины торчит обыкновенная перьевая ручка фабрики имени Красина.

Шадрин поворачивает голову. Кое-что еще изменилось:

сверхъестественный поединок тоже близок к завершению. Полковник Марченко застыл над поверженной фигурой. Вытянул левую кисть и... что это? Будто серебряные искорки уходят из лежащего на траве человека, растворяются в ладони Марченко. А может, просто пылинки играют в солнечном свете?

— Ты была хороша, — равнодушно звучит голос полковника. — Жаль, что выбрала не ту сторону...

«С кем он болтает?»

Черт, да ведь это... Та самая старуха, которую они чуть не переехали! Хотя какая она старуха... Девушка в седом парике. Жива или нет? Сейчас не до этого.

Глаза Шадрина следят за полковником. А рука почти дотянулась до пистолета.

Рифленая рукоятка удобно легла в ладонь. Палец жмет спуск — некогда целиться! С такого расстояния он не промажет!

Пистолет вздрагивает в руке.

Черт! Пули летят в пустоту.

А Марченко... Он совсем не там, где был мгновение назад!

Грохочут выстрелы. Но высокая фигура в сером костюме уже исчезла. И Шадрин кусает губы от собственного бессилия. Сзади!..

Рывком оборачивается. Полковник глядит на него с презрением:

— Ворошиловский стрелок... Что, так и не понял?

«ТТ» вываливается из руки. Неведомая сила распластывает Юрия, будто железной плитой накрывает, давит к земле. Острой болью отзываются ребра, и хриплый, задушенный стон вырывается из легких.

Ладони полковника окутаны белесой дымкой. И туманные языки тянутся от них к Юрию. А может, это лишь бред гаснущего сознания...

«Я тебе еще нужен!»

«Конечно, — равнодушно звучит в голове. — Не сопротивляйся, и тогда все кончится быстро».

Мир погружается во тьму. Гаснут краски и звуки. Только силуэт Марченко, сотканный из нитей холодного света, пыла-

ет ослепительно, невыносимо ярко. Белые лучи огненными снопами идут из его ладоней...

Они словно иглы входят в тело Юрия. А он не может шевельнуть даже пальцем. Гулкий метроном стучит в висках...

«Не сдаваться!»

Мысли тонут в волнах боли. Но Шадрин опять выныривает.

Нет, умереть не боится. С мучительной ясностью осознает — бывает кое-что похуже смерти...

Иногда память — все, что у нас есть. Иногда это последнее, что удерживает над бездной.

Ты прожил короткую жизнь. Но она бесконечна, словно капля, отражающая целый мир. Ты был его частью. И ты можешь обрести силу целого мира.

Если вспомнишь теплые ладони матери... Взгляд любимой девушки. Слова клятвы, которую ты давал Родине. Другей, вместе с которыми сражался и рисковал.

Нет, тебя это не спасет — ведь победа важнее спасения. Зато подарит несколько лишних минут...

Несколько лишних минут ты будешь бороться. Проваливаясь в забытие и взлетая в темную высоту. Чувствуя под собой умирающую траву. Все еще оставаясь лейтенантом Шадриным, неудачливым разведчиком двадцати трех лет от роду...

Сквозь удары сердца — едва уловимая вибрация.

Кругом все так же была тьма. Но в глухом безмолвии родился звук — сначала неясный, потом отчетливый, рвущий пространство.

Чей-то истошный крик.

Шадрин открыл глаза. Он до сих пор ничего не видел, кроме нависшего над ним силуэта Марченко. Зато он осознал, откуда долетает крик.

Полковник Марченко изгибался в судорогах и вопил от боли. Жаркий, словно солнце, поток огня резал его фигуру по полам.

Вдруг стало светло. Так светло, что Юрий зажмурил глаза. В следующую секунду он понял, что опять может двигаться.

Медленно, будто управляя чужим телом, перевернулся. Кое-как сел.

Он опять различал краски. Очертания предметов выплывали из тумана... Заморгал и увидел человека в белой рубашке, склонившегося над «седой» девушкой. Юрий не мог разглядеть его лица — все было видно как через залитое дождем стекло...

Мысли путались, только одна врезалась в сознание четким росчерком: «Оружие!»

Собрав остатки сил, Юрий принялся шарить в траве, разыскивая «ТТ».

И нашел его — у ног Марченко.

Повернул голову, ожидая увидеть обожженные куски тела. Вздрыгнул и отшатнулся, вскидывая оружие.

Полковник казался невредимым. Он лежал на траве — бледный, с закрытыми глазами и без единой царапины. Даже светлый пиджак выглядел идеально — будто Марченко лишь на минутку прилег отдохнуть... Разве что не дышал. Но теперь Юрий не доверял трупам.

Медленно попятился. Опираясь на ствол дерева, кое-как поднялся на ноги — все это время он держал полковника на «мушке»...

— Юра! — раздалось рядом.

И Шадрин оцепенел. Обернулся, чувствуя мурашки по коже. Он слишком хорошо помнил этот голос.

— Лена? Леночка...

Девушка стояла рядом с автомобилем. Ветерок теребил пряди каштановых волос. Глаза сверкали. Она была такая же прекрасная — словно не канули в ад войны эти четыре года...

— Здравствуй.

— Здравствуй, Лена.

Это казалось обманом, наваждением — но спец по миражам валялся рядом на траве...

А девушка смотрела на Шадрина. Внимательно, с легкой грустью. И горячая волна всплывала откуда-то из глубин памяти. Прикосновения, звуки... Аромат ее кожи. Вкус ее губ...

— Леночка...

Юрий шагнул к ней.

Что-то изменилось в ее взгляде. Будто тень тревоги мелькнула на лице. Почему она так смотрит? Почему молчит?

— Это же я! Ты ведь узнала?

Юрий сделал еще шаг.

Ее рука, скрытая за капотом «ЗИСа», вскинулась молниеносным движением.

Он успел разглядеть пистолет. Спустя мгновение что-то ударило в грудь. И запоздало отпечатался в сознании хлопок выстрела...

Соленый вкус во рту...

Ясное небо между кронами деревьев.

Кто-то склонился над ним... Рвет его мокрую от крови рубаху.

Наверное, это бред. Потому что Юрий видит себя со стороны. Видит, как майор Иванов кривым ножом полосует его тело на груди — как раз вокруг раны. Боли нет. А майор сдирает с его тела целый ошметок кожи. И бросает далеко в сторону — так будто это не кусок плоти, а ядовитая змея.

Алый лоскут падает на траву. И темнеет на глазах, высыхает, жадно впитывая в себя капли крови. На сером куске кожи проступают диковинные алые письмена... Буквы или иероглифы? Разобрать лучше не удастся.

Иванов льет на пергамент прозрачную жидкость из стеклянного флакона. Быстро щелкает зажигалкой. Прочертив по траве дорожку, пламя охватывает серый лоскут... или не лоскут вовсе?

Оно корчится, как живое. Оно ползет по траве — будто плоский червяк! Майор вскидывает «ТТ» и несколько раз стреляет в горящий пергамент...

ГЛАВА 5

Тьма.

Солнечный свет сквозь веки...

Тревожный шепот Лены:

— Потерпи, милый...

Хмурое лицо Иванова. И его ладони — там, над раной. Юрий чувствует исходящее от них тепло...

Опять тьма.

Сладкий глоток воздуха — почти без боли...

— Ты меня слышишь, Юра? — тревожный голос майора.

В этот раз Шадрину хватает сил ответить:

— Да...

Иванов помогает ему подняться. Опираясь на плечо майора, Шадрин ковыляет через парк. Грудь у него забинтована, но чувствует он себя лучше. Во всяком случае, куда лучше, чем тот, в кого недавно стреляли...

Он поворачивает голову.

Лена тоже здесь. Идет сбоку и чуть впереди, оглядываясь по сторонам, а в руке ее тот самый «браунинг». Позади — разбитый автомобиль и четыре тела. Только девушки в седом парике там уже нет.

Юрию хочется узнать, что с ней. Но он молчит — не время задавать вопросы, да и говорить трудно...

Они пересекают аллею. В кустах обнаруживается пустой «Паккард». Иванов садится за руль, а Шадрин и Лена — на заднее сиденье.

Уверенно набирая скорость, машина выезжает из парка на Комсомольский проспект.

В этот ранний час тут все еще слабое движение. Но на улицах уже хватает людей. «Паккард» обгоняет переполненный троллейбус. А на углу, у пересечения с Воробьевским шоссе, Юрий замечает милицейский патруль.

Шадрин опускает веки. Ему не хочется думать о будущем.

Наверняка тела Марченко и его помощников скоро обнаружат. И тогда... Что тогда? Объявят бывшего лейтенанта Шадрина во всесоюзный розыск?

— Юра, тебе плохо? — испуганный голос девушки.

Да, ему плохо. Это отвратительно — чувствовать себя разменной фигурой в большой игре.

— Куда мы едем? — выдавливает Шадрин.

— За город, в одно тихое место, — отвечает Иванов.

— А не проще было избавиться от меня здесь?

— Не болтай ерунды.

— Меня уже ищут?

— Вряд ли. Шадрин Юрий Павлович погиб смертью храбрых... Не вернулся с последнего задания.

— И кого же тогда полковник встречал на Воробьевых горах?

— Разве он кого-то встречал? — Скупая улыбка Иванова отражается в зеркальце. — Сегодня утром Марченко умер от сердечного приступа.

— И кто этому поверит?

— Тело будет найдено в кабинете — приблизительно через час. А еще раньше обнаружится, что трое оперативников, геройски преследуя бандитов, погибли в дорожно-транспортном происшествии.

— Вы хорошо подготовились.

— Хорошая подготовка — половина успеха. Ты ведь помнишь, чему я тебя учил...

— Да, помню, — хрипло бормочет Шадрин и закрывает глаза. В груди опять стало больно — наверное, растрясло от быстрой езды. А еще муторно на душе — так муторно, что не хочется никого видеть. Лена касается его руки, и он отдергивает пальцы.

— Прости, — долетает ее шепот.

— Она должна была стрелять, — сухо говорит майор. — Тем более что имелись сомнения — вдруг это уже не ты...

— А тогда, перед заброской... тоже были сомнения?

— Нет. Просто нельзя было по-другому. Чужие мозги они читают будто книги. Ты ведь и сам знаешь...

— Меня швырнули как наживку? Все задание не стоило ломаного гроша?

— Зачем так категорично? — Иванов пожимает плечами. — Борман — интересный материал. Если бы выгорело — тоже хорошо.

За стеклом проносились дома московской окраины. Город оживал в утреннем сиянии. Люди спешили на работу, набивались в переполненные трамваи, выстраивались в очереди у булочных. Здесь, вдали от линии фронта, жизнь катилась почти мирной колеей.

Но теперь Юрию чудилось, что вся эта безмятежность — будто готовая лопнуть струна. Да, тут уже не взрывались бомбы. Но над судьбами миллионов повисла тень. Густая, непроглядная... И значит, мечты о будущем рассыпались, как витрины

ны берлинских универмагов — хрупкими, бесполезными осколками...

Он покосился на резкий профиль майора.

«Почему не задает вопросы? Бережет меня после ранения? Или и так все знает?»

Иванов будто ощутил его мысли. Подмигнул в зеркальце:

— Чего смурной? Терпи, скоро доберемся... Там такие места! Ближайшие недели отдохнешь лучше, чем в санатории...

— А потом?

— Суп с котом! Я знаю, тебе досталось. Но ты не мимоза, а советский офицер...

— А Марченко — тоже советский офицер?

— Да, был. И между прочим, Красную Звезду ему дали не зря. — Хмурая складка пролегла на лбу Иванова.

Повисло молчание. Но Шадрин ждал и оказался прав.

— Когда-то он был моим другом, Юра. Настоящим, вместе с которым в огонь и воду... Еще с двадцатых годов — тогда в ОГПУ был создан особый отдел... — Майор смерил лейтенанта быстрым взглядом — словно оценивая, созрел ли тот для важного разговора.

— Значит, все с тех пор тянется... — выдавил Шадрин.

— Слышал об экспедиции Рериха? Безумный старик искал Шамбалу и ни хрена не нашел. Такова официальная версия. А правда... Лишь несколько человек ее знали.

— Вы участвовали в экспедиции?

— Официально — нет. Но мы там работали и решали задачи, ради которых все и затевалось.

— Обнаружили путь в обиталище Махатм?

— Не люблю красивых слов, — поморщился Иванов. — Мне плевать, кем они себя называют. Тем более что раньше звались иначе. В Европе мода на индийский колорит. А поменяется мода — придумают другое...

— Но ведь они оттуда? Я сам видел — на европейцев не похожи...

— Кроме Тибета, есть еще пара мест. Не важно, кем они хотят казаться. Важно, ради чего. Они владеют Силой — большой, удивительной...

— Я знаю.

— Тогда у меня тоже переворачивались мозги от таких от-

крытий — не меньше, чем у тебя. А Марченко — он был способный парень. Очень способный. Нам чуть-чуть приоткрыли дверь, и Влад многого достиг — большего, чем я. Мы были молодые. И не думали о том, что Большая Сила — большой соблазн...

— Марченко перешел на их сторону?

— Тут сложнее... Поначалу у нас были великолепные отношения с Учителями...

— «Тибетец» мне рассказал.

Майор усмехнулся:

— Понятно. Значит, мне тоже пора кое-что рассказать... Представь себе партийного деятеля. Нормального здорового мужика, отдыхающего где-нибудь в Крыму. Там к нему случайно подходят двое незнакомцев. Завязывается невинная беседа... И все.

— Что — все?

— Внешне он не поменялся. Он совсем не похож на зомби — наоборот, пышет здоровьем и интеллектом. Но когда *кто-то* даст приказ — он без колебаний его исполнит. Например, прыгнет в окно с седьмого этажа. Или убьет из именного револьвера своих жену и ребенка. А может случиться еще хуже...

— Хуже?

— Да. Потому что этот человек занимает важный государственный пост. И в час «X» он примет решение, гибельное для страны, — то самое, которое ему продиктовал *кто-то*.

Юрий молчал.

Иванов прищурился. Его голос задрожал от глухой ярости:

— А теперь представь, что таких «измененных» — тысячи. И все они занимают немаленькие партийные и государственные должности...

— Так есть?

— Так было. Когда Верховный понял, что к чему, мы нанесли ответный удар.

— В тридцать седьмом?

Иванов молча кивнул.

В салоне повисла тишина. Когда майор опять заговорил, морщинки у его глаз стали глубокими до черноты:

— Ежовщина была прикрытием. Мы уничтожили людей

Махатм, вычистили много других отбросов... Только невинных погибло еще больше. Когда гигантский маховик раскручивается, его трудно остановить. Тем более что о реальной подоплеке знали лишь двенадцать человек, включая Верховного.

— А Марченко... он что, был против?

— Мы все были против, — вздохнул майор. — Но иных путей не осталось. Все зашло слишком далеко... Это как болезнь. Только болеет государство. И вместо вирусов — люди с измененным сознанием.

— Влад стал таким же?

— Нет. — Усмешка прочертила худое лицо Иванова. — Тогда он тоже изменился. Но по-другому. Власть меняет людей.

Шадрин качнул головой:

— Андрей Николаевич, а ведь вы недоговариваете... Марченко не один.

— Что ты имеешь в виду?

— Иначе на хрен эта секретность? Драпаем из Москвы, будто это Берлин...

— Не драпаем. А едем на спецобъект. Но ты прав, Влад — такой не один.

Лейтенант прищурился и, будто колючую ветку, швырнул злую фразу:

— Что, зря раскручивали маховик?

Иванов ответил не сразу. Глянул за окно — туда, где проплывала березовая роща, произнес через силу, будто каждое слово давалось ему с трудом:

— Моего брата расстреляли в тридцать седьмом. Потом реабилитировали. Я не смог его спасти.

Юрий закрыл глаза:

— Простите...

Слишком много дерьмовых открытий за последние дни. Много проклятых тайн, о которых лучше бы не думать... Он нащупал руку Лены и крепко сжал — так, что мог различить биение ее пульса. В Берлине на него камнем давило одиночество. А сейчас... Врагов хватает. Зато есть и друзья...

— Может, ты и прав, — сухо сказал Иванов. — Тогда, в тридцатых, было сделано немало ошибок. Времени было в обрез...

— А сейчас?

— Еще меньше. Только мы умнее... Теперь действуем точнее. И уничтожаем зло в зародыше. — Через зеркало заднего вида майор смерил лейтенанта острым взглядом: — Операция прошла успешно — это главное.

«Они смогли убедить Махатм, что Сталин пойдет на контакт... Заполучили Амулет, и он стал второй наживкой — для полковника и остальных. Большая сила — большой соблазн...»

Юрий вздохнул:

— И со мной — тоже успешно?

— Не все вышло гладко — Марченко что-то ощутил... Попытался сделать из тебя раба Амулета. Но ты хорошо держался, и это его здорово отвлекло.

— А если бы... я держался хуже?

— Тогда бы это стоило лишних жизней.

«Ты верил в мою выносливость, майор. Поэтому и выбрал меня, а не кого-то старше, опытнее...»

— Вы не боялись, что он овладеет силой, заключенной в Амулете?

Иванов скупо усмехнулся:

— Он бы не успел...

Впереди замаячил пост автоинспекции на выезде из Москвы. Рядом ждали несколько легковушек. Милиционеры с «ППШ» проверяли документы.

Юрий напрягся — сделали ему новые ксивы? Ладонь Лены успокаивающе легла на его плечо.

Но «Паккард» миновал пост без задержки. Майор даже не стал сбрасывать скорость.

По обе стороны шоссе расстился хвойный лес. Машин было немного. Иванов вдавил педаль газа. Стрелка спидометра ожила и двинулась к цифре «сто».

— Еще полчаса — и будем на месте.

Однако для Шадрина разговор не закончился:

— Выходит, тот кусок пергамента не так уж дорого стоил?

Майор качнул головой:

— Стоил. И ты даже не представляешь, насколько дорого...
Миллионы жизней.

— Раньше он служил Адольфу?

Иванов скривился:

— Неизвестно еще, кто кому служил...

— И Махатмы так легко расстались с этой вещью?

— Не легко. Просто у них не было выхода. Мы им его не оставили! Ты, я... и те ребята, которые сейчас штурмуют Берлин. А еще — те, которые никогда не вернутся домой... Учителя действительно хотели договориться с Верховным. И знали, чем доказать реальность своего желания.

Юрий внимательно посмотрел в глаза майора, отраженные зеркалом заднего вида. Он надеялся обнаружить там фальшь, если Иванов солжет.

— И вы без колебаний уничтожили это доказательство?

Тень усмешки прочертила морщины на худом лице Иванова:

— Бывает, добро и зло трудно различить. Да, Юра? В темной комнате все кошки черные... Добро бывает грубым, несправедливым. Иногда — очень жестоким. А зло — оно не всегда приходит с ревом «Юнкерсов». Иногда оно выглядит крадчивым, мягким... Только за эту мягкость приходится расплачиваться... За вызванную в мир тьму надо платить. Верховный — не ангел. Мы все не ангелы. Но ни ему, ни нам не нужна власть такой ценой.

Юрий глянул за окно. Черная птица летела сбоку, рядом с дорогой. Пару секунд она ухитрилась попеть за автомобилем.

— И чем же теперь ответят Махатмы?

— Вариантов не так уж много.

— Значит, нашим трудно придется в Германии...

Иванов ответил не сразу. Долго всматривался в серую ленту шоссе — будто хотел различить впереди что-то невидимое. Когда заговорил, голос был ровным, почти бесстрастным:

— Берлин скоро возьмут. Война кончится. Но другая — без танков и самолетов — только начинается. У нее нет линии фронта. И противник... Иногда кажется, что его вовсе не существует, что это бредни, выдумки. Так кажется... Но не дай нам бог проиграть в этой войне.

В салоне повисла тишина.

Юрий держал руку Лены. Он чувствовал ее тепло. Он верил майору; отныне тайное знание связало их судьбы. Будущее выплывало из тумана — его есть кому защитить... Страна-

победительница оправится от ран, с каждым годом обретая силы.

Только Шадрин не мог забыть холодное прикосновение — там, в берлинском подвале. И потому глухо озвучил:

— А если... проиграем?

Лицо Иванова оживила скупая улыбка:

— Тогда мы начнем все сначала!

* * *

Ветер гнал пыль вдоль улицы. Срывал грязные ошметки с мусорной кучи у переполненного контейнера. Поднимал в воздух обертки «Сникерсов», жвачек. Катил по разбитому асфальту высохшую банановую кожуру, шприцы и использованные презервативы...

В ларьке на углу группа школьников покупала пиво. Откуда-то издали летели усиленные колонками вопли известной поп-группы.

Старик в поношенном, но безукоризненно выглаженном костюме пересек улицу. Вдоль тротуара тянулась живая изгородь из разросшихся кустов. Старик отыскал в ней проход и, опираясь на трость, поднялся по двум разбитым ступеням.

Это было кладбище — древнее, неухоженное, на окраине провинциального города.

Сейчас оно явно не пользовалось популярностью. Хозяева города предпочитали хоронить на центральном. А тут сквозь трещины в асфальте пробивалась трава. Покосившиеся ограды тронула ржавчина...

Старик долго бродил по аллеям. Он не сразу обнаружил потемневший обелиск с фамилией «Николаев» и цифрами «1903—1985». Он знал, что фамилия — выдуманная, а цифры — настоящие.

А еще догадывался, что ему предстоит малоприятный разговор. Рядом с обелиском, прямо на могильной клумбе располагалась компания — двое юношей и девушка. И двухлитровая бутылка пива в придачу к чипсам. Другая, опустевшая бутылка валялась тут же. Надгробная плита была застелена газетой, поверх нее выложена крупная вяленая рыба.

— Здравствуйте, молодые люди.

— Привет, дедуля. Сушняк замучил? — ласково моргнул рыжий крепыш с золотой серьгой в ухе. — Толян, плесни-ка пенсионеру...

Второй, прыщавый и нескладный, явно разомлевший от пива, зашарил по газете, разыскивая одноразовый стаканчик.

— Не надо, — качнул головой старик. — Пожалуйста, уходите отсюда.

— Разве мы кому-то мешаем? — прищурился рыжий.

Старик вздохнул. Он опирался на трость, и вид у него был не особенно здоровый. А широкие плечи давно ссутулились под слишком свободным пиджаком.

Крепыш ослабился:

— Топал бы ты, хрыч, своей дорогой...

Девушка с аляповатым макияжем хихикнула. Толян взялся за бутылку, опять разливая пиво в пластиковые стаканы.

Прыщавый даже не сразу понял, что случилось, — коричневая емкость с наклейкой «Оболонь» будто сама вылетела из его руки. Но нет, все произошло не случайно. Трость мелькнула в воздухе второй раз — рядом с занесенной для удара рукой рыжего. Тот заорал от боли. И как танк бросился на старика.

Только почему-то споткнулся — да так, что с размаху влетел мордой в кусты. Пенсионер успел шагнуть в сторону — казалось, он даже не притронулся к рыжему.

Толян бросился на подмогу. И согнулся, завыл от боли, хватаясь за колено — трость опять мелькнула с непостижимой скоростью.

Девушка взвизгнула, схватив бутылку из-под ром-колы. Шагнула к старику, замахнулась и оцепенела, наткнувшись на его взгляд. Испуганно выронила бутылку.

Захрустели кусты — рыжий пытался встать на ноги. Но едва развернулся с исцарапанным, красным от злости лицом — опять рухнул на траву, будто ударился о невидимую стену. И оцепенел от ужаса.

Заостренный конец трости, обитый сталью, уперся ему в кадык. Еще чуть-чуть — и брызнет кровь, а металл с хрустом войдет в шею.

— Не надо! — отчаянно вскрикнула девушка.

Пару мгновений старик смотрел рыжему в глаза. Нет, рас-

каяния в них не было — только страх. Слишком мало от человека и в избытке — от двуногого зверя.

— Пошел вон! — тихо, но внятно сказал пенсионер. И убрал трость.

Крепыш быстро отполз вбок. Лишь оказавшись достаточно далеко, вскочил и бросился к выходу с кладбища. Девушка, прихватив бутылку с остатками пива и рыбу, метнулась за ним. Хромающий Толян, едва поспевая, ковылял следом.

Уже у самых ворот рыжий обернулся и погрозил кулаком:

— Мы еще встретимся, гад!

Старик печально улыбнулся.

Они не были врагами, эти трое. Их не забросили в город с диверсионной целью. Они тут выросли. И все-таки они были чужими — почти как марсиане — для древнего кладбища, для собственных предков, когда-то нашедших покой в этой земле...

Ладонь пенсионера смахнула пыль с могильного обелиска:

— Вот такая жизнь, генерал...

Он опустился рядом на траву. И долго сидел с закрытыми глазами. Со стороны могло показаться, что он спит, — если бы не пальцы, крепко сжатые на рукоятки трости.

Чирикали воробьи. Проходили минуты...

Старик беспокойно шевельнулся. Глянул на обелиск, качнул головой:

— Мы проиграли.

Как объяснить это тому, кто лежит под могильной плитой?

Огромная страна рассыпалась, будто взорванная изнутри. Вопреки логике, вопреки истории... Враг был силен, но почему мы оказались такими слабыми?

— Мы проиграли, — повторил Шадрин.

Ничего не осталось. Ничего, кроме памяти...

И отмеренная ему жизнь близка к закату. После смерти Лены все утратило смысл... Зимой он проболел. А сегодня... ему едва хватило скорости, чтобы уделывать двоих сопляков.

Юрий Павлович Шадрин — теперь тоже часть прошлого. Что надо от него тому, чьи кости давно тлеют в земле?

— Зря ты меня позвал, генерал, — вздохнул Шадрин. — Моя война кончилась...

Ветер зашелестел в кронах деревьев. Где-то тревожно крикнула птица.

Юрий Павлович посмотрел вверх и увидел, как серые клочья облаков свиваются в воронку — прямо над его головой.

Запахло озоном. Потемнело — будто наступили сумерки. Но там, вверху, иногда проскакивали искры...

Шадрин встал, опираясь на трость.

— Зачем?..

Ответа не было. Только ветер усиливался, раскачивая деревья. Воздух тяжелел, наливаясь влагой.

Старик закрыл глаза. Его ладонь легла на обелиск.

Полыхнула молния. И тут же ударил гром. Налетел шквал. Поднял и закружил мусор, прошлогодние листья...

Близкое, свинцовое, тяжелое небо потянулось к земле туманными языками. Плотный кокон смерча охватил фигуру Шадрина. Вспыхнул изнутри ослепительным светом.

Все ярче и ярче...

Несколько мгновений никого не было видно — будто человек бесследно растворился в огненном водовороте. Но упали на землю первые капли. И смерч рассыпался.

Шадрин, чуть согнувшись, все так же опирался на обелиск. Гремел гром. И старик выпрямлялся, запрокинув лицо навстречу косым струям воды.

Кладбище озаряли близкие молнии. Раскололи древний дуб в пяти шагах от могилы. А человек стоял неподвижно. И с каждой новой вспышкой он менялся. Будто дождь смывал морщины с его лица...

Вдоль тротуаров бурлил мутный поток. Корежился в луже обрывок «Московского комсомольца» с одутловатой физиономией президента. Под навесом у пивного ларька давно было пусто. Весенняя, очистительная гроза катилась над городом.

Луч солнца прорвался между облаками. Свежим золотом блеснули цифры на каменном обелиске.

— Да, знаю, — прошептал двадцатилетний парень в насквозь мокрым ветхом костюме. — Пора начинать все сначала!

РАССКАЗЫ

КРИКСА

Криксы-вараксы,

Еидите вы за крутые горы,
За темные леса от малого младенца!

Заговор

Крикса спешила, очень спешила. Что за мир, что за гнусный мир! Всего только несколько мгновений, несколько ударов человеческого сердца грызлась она с посягнувшей на ее добычу чужачкой — и добычу утащили из-под самого носа. Голод, обычное состояние таких, как она, разросся неимоверно, сжигая все ее существо. Такой голод неведом живым — они умирают гораздо раньше, чем голод доходит до этой ступени, — но крикса не была живой и умереть не могла.

Нельзя сказать, чтобы это ее радовало.

Она не стала тратить время на поиск двери — в конце концов, стена здания, в котором она находилась, не была очерчена надлежащим образом, а значит, не составляла преграды для нее и других таких же. Гораздо больше ее взволновало то, что вместе с нею бросились вдогонку еще несколько ее сродственников — но она была только-только отлучена от добычи и полна сил, а они пребывали без пищи давно.

Удельницы, пристроившиеся на ветке нарисованного на стене дерева, шарахнулись в стороны и захлопали крыльями, когда крикса — первой! — прошла сквозь штукатурку и кирпичи под ней, вырвавшись наружу.

Навстречу попался человек, нетвердо переставляющий шаткие ноги. Над его головой и туловищем, наполовину уходя в них, сизо-радужными пузырями колыхалось семейство пьяных шишей. Кроме того, на прохожем виднелись следы когтей лихоманок. Крикса, не желая сбавлять скорость, проскочила сквозь него — и человек вдруг чуть не закричал от приступа черной, беспричинной тоски и внезапно осознанного абсо-

лютного одиночества... К вечеру он либо заткнет эту дыру очередной бутылкой водки — либо набившаяся в нее хищная мелочь, уже хлынувшая к нему со всех сторон, заставит его убить себя. Такие люди слишком глупы, они воображают, будто со смертью проблемы кончаются — так ведь это смотря для кого и смотря какой смертью умереть... Да и не видал ты, дурень, настоящих проблем. Ничего, помрешь — увидишь.

Вот здесь тех, кто унес добычу, утащила железная нежить. Мех. Никакой нежизни нет от этих мехов! Судя по следам, мех был не голоден — он сожрал с десятков Младших жизней и по крайней мере одну Старшую. Воплотились, блин, и думают, что им все можно! Крикса не знала, как она отомстит меху, если тот вздумает посягать на ее законную добычу, но ничего, что-нибудь придумает...

Есть! Скорее есть! Добычу мне!!! ЖР-Р-РА-А-А-АТЬ!!! А то вон меньшие пыхтят-догоняют...

Хрен вам! Мое! Не отдам!

Мамочка, правда, мы с тобой здорово погуляли? Какое было солнышко, и листва на вязах вдоль старой улицы, и эти воробышки — такие смешные, правда, мама? И кошка умывалась на скамейке — так забавно водила по мордочке белой лапкой. А потом мы пошли гулять по бульвару. И там, в витрине, увидели куклу. Такую красивую, в нарядном-нарядном платье, в шляпке, с золотистыми кудряшками и с голубыми глазами, и с зонтиком... Ты правда мне ее купишь? Mamочка, ты самая-самая замечательная на свете! Я тебя так люблю — очень-очень сильно, вот!

А потом, когда пришли с прогулки, ты глядела на себя в зеркало... ты самая-самая красивая, мамочка! Я хочу, когда вырасту, тоже быть такой же красивой. Я хочу быть похожей на тебя.

И еще я очень-очень люблю этот мир. Он такой красивый, такой хороший и добрый, потому что в нем живешь ты, моя милая мамочка. Я жду не дождусь, когда сама, своими, а не твоими глазками посмотрю на него. Они уже есть у меня, эти глазки, — такие же голубые, как у тебя. И ручки, и ножки... только я очень маленькая и слабая, а ты защищаешь меня, любишь меня и носишь в своем животике.

Скорее бы родиться! Я так люблю тебя, мама!

Крикса взметнулась на железный череп проносившегося мимо меха. Оп-па, а этот-то голоден! И за колёсом впереди сидит облепленный пьяными шишами дурак, а сзади двое, опутанные пульсирующей грибницей сытой сварницы. Как это отвратительно, как это обидно, когда ты вечно голодна, а эта гадина — *сытая!* Мех, не сбавляя вращения своих железных потрохов, принялся к криксе. Ну, чего нюхаешь? Нежить я, как и ты, невоплощенная к тому же. Мной ты сыт не будешь. Тебе другое нужно — хряск разрываемого мяса, треск костей под капотом, хлюпанье под колесами, боль и смерть снизу, ужас и злоба внутри... Нет, боль, ужас и злоба — это сколько угодно, а вот все остальное — этого не держим. И вообще нам не по пути. Добычу утащили не сюда.

Прыжок. Когти криксы неслышно для человеческого уха скрежетнули по черепу другого меха. Этот был просто набит добычей — к сожалению, слишком старой, несъедобной для нее, да и обсиженной так, что не подоткнуться. Ласкотухи, злыдни, сварницы, вестицы, мороки, жмары, гнетки, дъны, лихоманки, ревнецы, пьяные шиши и их сородичи непонятного, незнакомого окраса... огромный сонный мех, похоже, питался крохами от пиршества этой разношерстной компании — если не считать самой питательной для этой породы нелепости самостоятельно движущегося мертвого железа. Но такая тварь, чтоб могла двигаться и существовать за счет одной своей нелепости, пока не воплотилась — хотя люди старались. Называли это вечным двигателем. Нужна подпитка — вытяжкой из крови земли, откачанной людьми, покорными рабами мехов, людскими мыслями, людскими чувствами — обычной едой всякой нежити...

Еды! Еды-ы-ы-ы!!! ЖР-РА-А-АТЬ!!!

Навь словно услышала мольбу одной из самых маленьких и безобидных тварей своих.

Где-то за горизонтом огромный старый крылатый мех рванулся к земле — и по Нави волнами пошли судороги истощающего предсмертного ужаса десятков людей. Потом — нескончаемо сладкое и безжалостно краткое мгновение боли — и смерть. Нежданная, наглая, животная смерть, пополнившая полчища Нави несколькими десятками новобранцев. Но это было еще не все — вестицы и мороки, воплощенные и невоплощенные,

разнесут по миру известие об этом, старательно выклеывая, выедавая ростки сострадания, сочувствия, горя и страха. Им же будет потом голодней с начисто выеденными с малолетства людьми — но голод сильнее предусмотрительности.

Сытость — мгновение. Голод — вечность, невероятный, постоянный, высасывающий, испепеляющий голод Нави. И, пережив мгновение сытости, маленькая крикса вновь устремилась в погоню.

Прыжок! Люди называли это место двором — но явно для красного словца. Не опаканный, не огороженный берегами хотя бы раз, с точки зрения криксы и всех ее сородичей, этот двор, как и большая часть того пространства, которое люди называли городом, был обычной пустошью. Где-то по оврагам еще доживали свое старье, слепые и запаршивевшие лешие и водяные. Немели в железобетонной броне ичетики впадающих в городской пруд родников. Исходили неумолкающим воплем боли древяницы ежегодно четвертуемых тополей вдоль дорог. Кое-где по запечкам не снесенного еще частного сектора голодали позабытые домовые, тщетно пытаясь докричаться до оглохших душ праправнуков их прежних питомцев. Взирали по ночам с высоты колокольные маны — это племя даже прибавляться начало, когда люди вздумали поиграть в христианство и церковное возрождение. Но в основном пир правила пустошь и ее законные насельники — голодные твари Нави.

Люди поставили на пустоши коробку из железобетона и назвали ее домом. Плоская кровля дома не переглядывалась с небесами резными солнышками и звездами причелин и полотенец, солнечным скакуном князька. Его подпол, в который вместо еды и прочих припасов напиханы уродливые железные потроха, по которым люди сливают свои нечистоты, врыт в неоткупленную землю без жертвы и договора. Его стены не породнились со сторонами света, материал, пошедший на них, взят у прежних Хозяев без спроса. Короче, если добыча по глупости своей была склонна считать это нагромождение железа, стекла и бетона жильем и защитой, то маленькая крикса не собиралась быть лекарем для ее явно нездоровой головы. Она собиралась нагнать добычу, пока та не ушла окончательно, не попала в чужие когти — много их, охотников до чужого! Бетон так же слабо препятствовал ее движениям, как кирпич, только

железо чуть задерживало. В отнорках-квартирах шипели, вздымая шерсть дыбом и махая когтями в пустоту, кошки, трескались зеркала и бокалы, падала со столов посуда, с полок — книги, картины срывались с гвоздей, люди хватались за сердце или за голову, охали, пронзенные мгновенной ледяной болью. Криксе было не до церемоний. Она хотела есть!

Отнорок, в который притащили ее добычу, был столь же открыт ветрам пустоши, как и остальные. Ни одного оберега, разве что подкова над дверью — так это для тех, кто имеет дурацкую привычку входить через дверь. Охотницу шатнуло было от двух источавших Силу досок на стене — с одной смотрела женщина с малышом на руках, с другой сурово взирал старик с высоким залысым лбом, круглой седой бородою, мечом в правой руке и маленькой церковкой в левой. Но в следующее мгновение крикса успокоилась — то есть перестала думать о досках и вновь стала думать о добыче.

Обитатели отнорка просто повесили эти доски на стену — как будто кто-то решил украсить стену дверью в дом друга. Просто так, для виду или ради моды. И доски были такими закрытыми дверями — никто из обитателей отнорка никогда не стучался в них с просьбой о помощи или с благодарностью. А Те, кто жили за этими дверями, открывали их только на стук и редко приходили незванными.

Ну и сами дураки. Сытые, видно, — в этом мире все сытые, кроме нее и тех уродов, что висят на хвосте! Что ж, нам легче. Крикса припала к полу. Вон колыбель с добычей — ф-фу, успела, никто не перехватил. Нельзя сказать, что крикса испытала по этому поводу какую-то радость — это чувство было ей вообще недоступно, — просто вместо голода, тревоги и страха ее теперь снедал только голод. Вон огромный квадратный мех в углу с угнездившимся в нем мороком и гнездом вестий. Вон раскинувшая по полу тенета, все в шевелящейся ворсине бесчисленных хоботков, постоянно разевающих и закрывающих жадные ротки, отеть, почти полностью залившая диван и мягкие кресла. По стенам и потолку пульсирующая грибница молодой, но уже славно раскормленной (гниды! все, все сытые!) сварицы. На стенах, полу и потолке многочисленные метки заводов, ревнеца, ласкотух, в углах копошатся мелкие злыдни.

У меня своя еда, у вас — своя. Не троньте меня.

За спиной зашебуршало. Крикса глянула туда — сквозь растительный орнамент обоев уже протискивалось рыло конкурентки.

Хрен вам! Мое! Я первая!

ЖР-РА-А-АТЬ!!!

Одним прыжком крикса оказалась на колыбели, ухватилась за свешивающийся край одеяла. Лапы не обожгло пламенем оберегов. Переступая с клюва диснеевских утят на уши дебильно улыбающихся мышей, она устремилась вверх. Глянула — добыча дремала внизу, розовый, сонный комочек. Завозилась, сжала морковного цвета кулачки, приоткрыла, зевая, беззубый ротик...

Пора!

Рядом уже вцепились в колпак мультяшного гнома острые когти конкурентки — и крикса прыгнула в открытый детский рот.

Первой.

Успела.

ЖР-РА-АТЬ!!!

Мама, не плачь... ну пожалуйста, не плачь. Папа не правду ушел, он, наверное, так шутит. Он тебя очень любит. И меня тоже — ведь он же мой папа! Он большой, и красивый и смелый, вот. Я его люблю. А даже если не шутит — он просто не подумал. Вот я рожусь, он увидит, какая я у тебя замечательная, как я люблю и тебя, мамочка, и его, — он сразу же вернется. И, может быть, купит ту самую куклу, и мы будем жить все вместе, счастливо-счастливо. Ведь по-другому просто не может быть, мама, ведь ты же такая хорошая, я тебя люблю, и папа тоже тебя любит. Вот увидишь, он вернется, мама.

Вернется и женится на тебе.

— Таня! Я не могу работать в таких условиях! — Алексей треснул кулаком по столу, едва не попав по клавише компьютера. — Заткни его чем-нибудь!

— Заткни? Ты сказал «заткни»?! Это ты теперь так говоришь о нашем сыне? О твоём, между прочим, ребенке! — Таня ворвалась в комнату, шипя и искрясь, как праздничная шути-

ха — впрочем, ни к шуткам, ни к праздничному настроению ее голос и слова не располагали. — В дом приходишь поесть и поспать, в выходные из компа своего идиотского не вылазишь, нет чтоб с Олежкой посидеть — все я, я его носи, я его корми, я готовь, папмерсы меняй — все я!

Волокна сварницы, тянувшиеся за ней, полыхнули таким жутким светом, что даже не видевший ни вспышки, ни самой сварницы Алексей моргнул. Отеть на пути разъяренной женщины боязливо втягивала ворсинки тенет и даже чуть расступалась.

— Я, между прочим, работаю! — вспыхнул и он. — Я нас кормлю! А ты дома сидишь и еще претензии выставляешь! Танька, ну пойми: эта презентация — мой шанс. Если я ее успешно проведу, меня назначат старшим менеджером отдела, а это, между прочим, десяток баксов к зарплате! Если проведу — потому что Егоров, гнида, из кожи вон лезет, чтоб меня обойти...

Завид, шевеля десятками крошечных ножек, выполз из глаза Алексея, перевалил скулу, челюсть — и устремился по шее вниз, под воротник. Таня, конечно, завиды не заметила — она лишь испытала мгновенное отвращение от его малопривлекательной даже по невзыскательным меркам Нави внешности.

— Работает он! — завизжала она, заставляя свисающее с потолка студенистое главное тело сварницы ходить ходуном, переливаясь от наслаждения. — Господи, какие ж вы все козлы и самолюбы! Он работает!.. Перекладывать бумажки с места на места и на секретуток облизываться — это работа, да? Вот — работа! — Таня ткнула пальцем в стену, за которой захлебывался криком маленький Олег. — Всю жизнь главная работа на нас! Даже с ними — мы вынашиваем, мучаемся, рожаем, а эти козлы сунули, вынули и скачут, еще и выпендриваются!

— Да как ты не понимаешь, Таня! — заорал и Алексей. — Я же русским языком тебе объяснил: у нас на носу квартальное отчетное собрание фирмы! И я обязан представить презентацию о проделанной работе! О-б-я-зан! А в такой обстановке я работать не могу! И мы — и ты, и он тоже — все мы лишаемся верных десяти баксов в месяц! Фархад уходит, будет

★
вакансия, шеф назначит или меня, или Егорова — ты можешь это понять?!

Таня всхлипнула.

— Ты все врешь, Степанов... — внезапно севшим горьким голосом произнесла она, опускаясь на диван, — тетенка отети тут же присосались к ее бессильно свешенным между колен рукам. — Ты все врешь. Мне Томка рассказывала — ты к Фариде клинья подбиваешь, к этой крашеной лахудре...

— О черт! — бессильно воздел руки Алексей. Тетенка отети и волокна сварицы опасливо колыхнулись, пара злыдней, оседлавших его шевелюру, припала к волосам. — Я так и знал, что ты это так воспримешь...

— А как? Как я должна это воспринять?!

— Танька, ну пойми: Фаридка — племянница шефа. Кому, как не ей, знать, какие у него требования? И как, по-твоему, я должен был у нее это узнать? Вот так подойти и спросить: Фаридка Джамадовна, а какие запросы у вашего уважаемого дяди в отношении квартальных отчетов? Понятно, надо контакт навести... конфеты там... но у нас с ней ничего не было! Не было и никогда не будет, слышишь?

Перистые щупальца ласкотухи вынырнули на мгновение из произносившего эти слова рта и скрылись в нем снова.

Крикса за стеной вновь напряглась, насыщая свой голод, проявляясь в плотском мире тем единственным способом, какой был ей доступен, — в истошном детском вопле. Сегодняшние запасы любви, тепла, просто терпения родителей она уже выела, и теперь ничего не оставалось, кроме тоски и беззащитности маленького комка плоти — ее добычи.

— Ты все врешь, Степанов... — проговорила прежним голосом Татьяна, не глядя на мужа. — Просто я после роддома уже не такая — вот ты и смотришь на сторону. А я теперь тебе не нужна...

Алексей закусил губу. Нечестно было бы сказать, что только от досады — жалость к жене он тоже испытывал и хотел не только успокоить ее, но и утешить. Обильно заселившая отнорок нежить выела еще не всю его любовь к Тане. Он протянул руку к плечу жены — но выползший из-за золотистых прядей большой студенистый ревнец злобно сверкнул на него многочисленными зелеными глазками, а двое мелких завидов по-

спешно бросились к протянутой руке — и он, не видя их, все же отдернул пальцы.

Запищал крохотный мех, окутываясь стайкой мелких, как мошка, вестий. Татьяна, всхлиывая, полезла в карман блузки, достала мобильник, раскрыла, прижала к мокрой щеке:

— Ой, бабуль, это ты? Нет, я рада, рада... нет-нет, у нас все в порядке, просто я простыла, вот, носом хлюпаю. И у Олежка все в порядке... Ой... ой, бабуль, как здорово... нет-нет, что ты, совсем не помешаешь... Да, конечно... тебя встретить? А то Леша бы подъехал... Ну, как хочешь... Хорошо... Целую!

— Что она сказала? — тихо спросил Алексей, направляя палец на мобильник.

— Бабушка сегодня приедет, — заявила Татьяна.

— Нет, я не могу! У меня вообще нет времени даже дышать толком, ребенок орет, а еще явится эта сумасшедшая старуха!..

— Что?! Это бабушка Оля сумасшедшая? Может, тебе и мама моя не нравится?! Ты что, забыл, кто нам купил квартиру? А бабушка Оля хоть с Олежкой сможет посидеть, пока я передохну, до Тamarки с Иринкой сбегаю! И вообще она моя любимая бабушка, и попробуй только пискнуть что-нибудь, понял?!

— О господи! — Алексей кинулся к компьютеру, ударил пальцем по клавише «Enter», нетерпеливо сунул курсор в строчку «Завершение работы». — Все! Я ухожу... — Дискета с шипением выпрыгнула ему в руку. — ...В интернет-кафе. Буду работать там.

— Работать?! — закричала Таня ему вслед. — Знаю я, где и с кем ты будешь работать! Козел! Можешь жениться хоть на Фаридке, хоть на шефе своем дорогом, ты...

Хлопнувшая дверь прервала ее монолог. Сварица раскачивалась, испытывая близкое к сытости чувство.

Крикса ела. Малыш кричал...

Мама, не грусти... не расстраивайся так, пожалуйста... я еще маленькая, я не знаю, почему дедушка обиделся. Ведь он же не мог обидеться просто на то, что я есть? Или на тебя — ты ведь такая замечательная, мама! Не расстраивайся, мамочка, я тебя так люблю, правда-правда. У нас все будет хорошо, вот увидишь. Я рожусь, стану большая и умная и уговорю дедушку

на тебя не сердиться. И мы будем жить вместе — я, ты, папа, дедушка, бабушка... Помнишь бабочек на огороде? Так хочется побегать за ними по травке. Обязательно побегаю. И куклу привезем на огород. А то она сидит в витрине, как я — в твоём животике, мама.

Я всех вас так люблю!

Мама, ты только не плачь — бабушка ведь не это хотела сказать? Я, наверное, маленькая и глупая, я совсем маленькая, я только третий месяц живу у тебя в животике. Она, конечно, не могла так сказать — она ведь твоя мама, она вот так же носила тебя в животике, как ты меня?

Как я ее люблю — сильно-сильно! Почти как тебя, мамочка.

Мама... не молчи, пожалуйста... ты же говорила со мной... и знаешь, не прячь так свои мысли. Ты прости, я маленькая и глупая — мне от этого немножко страшно.

Я глупая, я знаю — ведь мы же вместе и будем вместе, правда, мама? И ничего-ничего плохого не случится? Ты меня всегда защитишь, мама.

Я очень люблю тебя.

Когда в дверь позвонили, Таня уже в тысячный, наверное, раз с какой-то мертвой интонацией повторяла, встряхивая непрерывно вопящего малыша:

— Бай-бай, бай-бай, поскорее засыпай... Люли-люли-люленьки, прилетели гуленьки... баю-баюшки-баю, не ложися на краю... бай-бай, баю-бай, поскорее засыпай... Люли-люли-люленьки...

От круга постоянно повторявшихся колыбельных, ни одну из которых она не знала не то что до конца, но хотя бы до второго куплета, на нее саму накатила сонная одурь. Отеть шубой повисла на ее ногах и руках, волочась вслед за молодой матерью туда и сюда.

— Баю-бай, баю-ба-а-а... — Таня широко зевнула. — Ну чего ты не спишь, паразит такой? А? Чего тебе не хватает? Кормили тебя, сухой, какого черта еще надо? Паршивец...

Дверь зашлась переливчатым тонким повизгиванием. Татьяна вздрогнула.

— А, наш папочка, наверно, уже приперся, козлиная та-

кой, — пробормотала она. — Нагулялся он у нас, Олежек. Кор-милец, блин...

Но в мутном кружке глазка обозначились очертания совсем иной фигуры.

— Ой, бабуля! — радостно воскликнула Таня, одной рукой открывая замок, а другой прижимая к себе посиневшего от криков Олежку. — Бабулечка приехала! Смотри, Олежек, это бабушка!

Крикса вздрогнула. От вошедшей пахло Силой — а любая сила могла быть только угрозой. Что сильные делают со слабыми?

Жрут, понятное дело, что же еще — смотреть на них, что ли?

Хуже того, похожая по очертаниям на добычу, пришедшая таковой не была. Или все-таки была? За ней и над ней колыхалось — не студенисто, как ревнецы или сварницы, а так, как колышется пламя свечи, — что-то огромное, обжигающее крохотные глазки криксы и, несомненно, очень опасное.

У нее собирались отобрать законную добычу, отобрать и сожрать! А если не поостережется — глядишь, и саму сожрут заодно и не подавятся, гниды!

Крикса зашлась от злобы и ужаса. Не подходи! Я сильная! Я страшная! Я могу сделать больно! Так! И вот так! И еще вот так!..

Крик младенца сорвался на хрип.

Рука пришедшей поднялась, то, что стояло за нею, взмахнуло в лад этому движению не то огненным языком, не то крылом — и маленькую криксу откинуло вглубь, стиснуло в кулачки когти...

— Ай, Олежек, ай да парень, батьке радость, мамке сладость, бабушке утеха... — проговорила старуха, опуская на пол чемоданы и принимая малыша на руки. Тот умолк, вода вокруг сизоватыми невыразительными глазками, зачмокал, прижимая к щеке тыльную сторону пухлой морковной ладошки.

— Уж и сладость... ой, баб Оль, успокоился! Ты у меня волшебница просто! Ты знаешь, Олежек уже в роддоме беспокойный был, хныкал все, пищал. Потом из роддома повезли — тихий стал, глазками лупал, как соенок. Дома поспал — а потом началось: кричит и кричит, кричит и кричит, и никакого сладу

с ним нету. Мы уже врачам показывали, говорят, здоров, видимо, нервы не в порядке.

— Да какой уж порядок... — Старуха вернула сосущего папец Олежку на мамины руки, сняла платок и старые разношенные туфли, повесила на вешалку плащ. Прошла в комнату, повернулась к доскам, так встревожившим когда-то маленькую криксу.

Сухонькие пальцы, сложившись в двуперстие, неторопливо прочертили в воздухе — ото лба к груди, от плеча к плечу...
ГРОВОЙ МОЛОТ!!!

Отеть шарахнулась по углам, подбирая опаленные незримым пламенем тенета, сварница расплескалась по потолку тонким слоем, втягивая волокна. Злыдни сыпанули прочь — иные в окно, иные и сквозь стены.

И доски отозвались — дальним грозовым раскатом из-за них донесся Отклик. Нежить будто присохла к своим местам, не смея шевельнуться...

Олежек хныкнул.

— Дай-кось, внученька... — Старуха протянула сухие, в бурных пятнах ладони. Приняла в них беспокойный комочек плоти. Завела тихим, низким голосом:

Котик беленький,
Хвостик серенький!
Ходит котик по сеньюшкам,
А Дрема его спрашивает:
— Где Олежек спит,
Где деточка лежит?
Баюшки-баю,
Баю детку мою...

Крикса сжалась в угловатый, колючий комок. Ей было плохо — даже от голода так плохо не было. Слова этой неправильной, несъедобной, опасной добычи обволакивали ее серым плотным туманом, который не брали ни когти, ни остренькие клычки-жвальца. Плохо! Очень плохо! Больно! Неправильно!

Он и спит, и лежит
На высоком столбу,
На высоком столбу,
На точеном брусу,

На серебряном крюку,
На шелковых поводах;
Шиты браны полога,
Подушечка висока.
Баюшки-баю,
Баю детку мою...

— Ну, баб Оль, ты просто колдунья какая-то! — счастливо улынулась Татьяна, глядя на тихо посапывающего в прабабушкиных руках Олежку.

— Кыш на тя, пигалица! — шикнула бабка, сдувая с лица седую прядь, выбившуюся из уложенной на затылке в колесо косы. — Колдунья, скажет ведь... Не видала, а говоришь.

— Не видала, — сразу же согласилась Таня. — Баб Оль, слушай, он кормленный уже, если чего — вон памперсы. Мне сегодня девчонки из нашей группы звонили, на встречу звали. Посиди с Олежкой, а? А я быстро — часам к девяти дома буду.

— Беги, беги, пошаренка... — усмехнулась бабка. — Как была егоза, так и осталась.

Мамушки, нянюшки,
Сходитесь ночевать,
Мое дитятко качать,
А вы, сенные девушки,
Прибаюкивать.
Баюшки-баю,
Баю детку мою...

С лестничной площадки под шипение подползающего лифта раздалось попискивание кнопок на кургузом тельце мобильника и голос Татьяны: «Тамар, слушай, все в порядке, я еду... да бабка из деревни подвалила, ей сплავила... ага, класс... а кто будет? Вау! И он тоже?..»

Лифт протяжно зевнул огромными челюстями и проглотил окончание Таниной фразы.

Вырастешь большой,
Будешь счастливый,
Будешь в золоте ходить,
Золоты кольца носить,
Золоты кольца носить,
Камку волочить

А обносочки дарить
Мамушкам, нянюшкам!
Баюшки-баю,
Баю деточку мою...

Крикса глядела на старуху из-под прикрытых век добычи, не сомневаясь, что та тоже видит ее. Плохо. Очень плохо. Поймав на себе строгий взгляд выгоревших светло-серых глаз, крикса ощерила клычки-жвалца, вскинула лапки с острыми когтями: не тронь! Я страшная, страшная!..

Больше ей ничего не оставалось. Надо только вовремя спрыгнуть, когда эта, страшная, начнет жрать — как все же обидно! — ее, криксы, добычу.

Седая и страшная нахмурилась, покачала головой.

Нянюшкам — на ленточки,
Сенным девушкам — на поневушки,
Молодым молодкам — на кокошнички,
Красным девкам — на повойнички,
А старым старушкам — на повязочки.
Баюшки-баю,
Баю детку мою...

Со стороны кровати донесся клеткот. Крикса оглянулась — там, на перильцах, восседала странная птица с девичьей головкой на пернатых плечах, глядя на нее — эта видит! — строгими синими глазами.

Сожрут!

Старуха вновь покачала головой:

— Экая ты, Дремушка, строгая, все б тебе гнать. Малая-то виновата, что ль? В такой поганый век живем — деток нерожоных по тьме в день изводят и за грех не считают... — С этими словами она, аккуратно положив спящего Олежку в кровать, вытащила из чемодана белый платок и принялась скручивать и связывать его, приговаривая: — Крикса-варакса, вот те забавка, с нею играй, а младенца Олеженьку не май...

На перильцах повисла свернутая из белого платка кукла — с головой-узлом, с руками, с длинным подолом.

Что-то шевельнулось в памяти маленькой криксы. Она, вдруг позабыв всякую опаску, выползла, изогнув членистый зазубренный хребетик, из приоткрытого рогика спящего Олежки, подобралась к перильцам.

Кукла.

...в нарядном-нарядном платьице и в шляпке...

Когда-то у нее были другие желания.

...с золотыми кудряшками и с голубыми глазами...

Кроме голода.

...и с зонтиком...

Крикса поднялась на задние лапки, ухватившись средними за балясины кровати, а коготком одной из передних попыталась подцепить подол куклы.

...а то сидит в витрине, как я у тебя в животике...

Ее клыки-жвалыца безуспешно пытались сложиться в робкую улыбку.

Мама, мамочка, зачем мы сюда пришли? Уйдем отсюда, мама, я боюсь! Здесь страшно!

Я боюсь этих белых блестящих стен, и блестящих желтых тазиков, и кривых железок на стеклянных столах. И этот дядька в белом халате — он же плохой, мамочка, он страшный, ты разве не видишь? Мама! Почему ты молчишь, мамочка, мне же страшно!

Пойдем домой, мама, пожалуйста, мама, любимая, я очень очень тебя прошу!..

Зачем ты садишься в это странное, плохое кресло? Так некрасиво... и мне неудобно... мама, этот дядька идет к нам, мама, прогони его, я боюсь его и этой кривой железки! Прогони его, мама, ма!..

Мама! Он сделал мне больно, больно, мамочка, прогони его! Моя ручка, моя правая ручка! Мама, почему ты молчишь, прогони его, мне больно и страшно!

Мама, он опять!..

Мама, мамочка, мне очень больно! Мама, прогони же его! Спаси меня, мама!

Мама, мамулечка, я тебя люблю, не отдавай меня ему, уйдем, бежим скорей, я тебя и так буду любить, МА-А-АМА-А-А-А-А!!!

Голова крохотной девочки падает в наполненный кровью таз, к уже плавающим там же ручке и ножке. Ротик еще шевелится, вкладывая всю душу, всю боль и обиду, всю тоску по не-

прожитой жизни, по отнятому счастью и теплу в беззвучный страшный крик. Крик, впечатывающийся в серый туман Нави, обретающий подобие матово-черной, шипастой, ощетинившейся острыми углами плоти. Крик, обзаводящийся подобием жизни — взамен настоящей, отнятой у нее. Крик...

Уже не крик.

Крикса.

Птица-Дрема простирала свои крылья над изголовьем постели тихонько посапывающего, стиснувшего пухлые кулачки Олега. Пушистый Угомон мерно мурлыкал в ногах. Нежить таилась в стенах, не смея высунуть жгутика или ворсинки. А седая старуха в кофте и юбке, подперев щеку рукой, наблюдала, как, подталкивая тряпичную куколку когтистыми лапками, пытается лепетать и смеяться клыкастым ртом душа нерожденной девочки, преданной и убитой самыми любимыми и близкими людьми.

Крикса.

Мама, ты знаешь, я тебя все равно жду. Мы будем вместе, мама, пусть здесь, но будем. Я тебя сильно-сильно жду, мама. Я немножко изменилась, но ты меня все равно узнаешь, правда? Ты ведь моя мама. Я ни за что — ни за что не хотела бы с тобой разминуться. Мне очень-очень надо тебя встретить. Мне же надо спросить тебя...

Зачем ты сделала это, мама?

За что ты убила меня?

МОРЕ И ДОЖДЬ

1

Попасть к Круглову в «Точку сборки» можно двумя способами. Заплатить штуку грина за месячную членскую карту. Или понравиться Стасу. Нравятся Стасу очень красивые женщины и очень непростые мужчины. Поэтому среди богатых, красивых и непростых в «Точке» редко бывает скучно.

Еще Стас не приветствует тяжелые наркотики. Легкие — всякие порошки-таблетки-марки, — пожалуйста, развлекайтесь. Стас в молодости сам был не прочь по грибам, увлекался, как легко догадаться, Кастанедой. Так что к взыскующим внетелесного опыта относится с пониманием. Поэтому в «Точке» весело и ненапряжно.

А то, что в «Точке» играют лондонские диджеи, колдуют парижские повара и устроена она в выкупленном Стасом подмосковном самолетном ангаре — о таком в приличном обществе и не упоминают. Само собой разумеется.

Макс прошелся по первому этажу, поздоровался с барменами. Знакомых лиц не было, и он направился в VIP-ложу, маленький зал на втором этаже с мягкой мебелью, коврами и своим диджеем. Вежливый до незаметности охранник на входе в ложу скользнул взглядом по запястью Макса, по красному VIP-браслету. Только после этого включил улыбку, «узнал».

Браслет получить было сложно — Стас раздавал билеты в ложу по своему разумению. Для входа в «Точку» достаточно было ему нравиться. Чтобы подняться на второй этаж, Стаса надо было поразить. А вот потерять браслет и расположение Круглова было до обидного просто. Поэтому охранник не спешил узнавать всякого, кто подходил к заветной двери.

Макс браслет у Круглова купил. Не за деньги, правда, за услугу. Стас ему был симпатичен, помог ему Макс охотно. Ос-

тались довольны друг другом. У Макса появилось место, где он мог расслабиться, послушать приятную музыку и разговоры хозяев жизни.

Сегодня хозяева жизни, обычно рассеянные по ложе, стянулись в одну точку, ближе к центру. Сначала Макс ошибочно принял за концентратора внимания необычайно яркую блондинку с матовой, будто сверкающей изнутри кожей. Тот сорт немного вульгарной красоты, который Макс характеризовал для себя как «порнографическую». При этом по манере держать бокал, по доносившимся до Макса оборотам речи он понял, что блондинка достигла своего уровня не съемками в сценах с брутальным аналом. И не прицепом за надежным папиком. Слишком расслаблена в своих дорогих украшениях. Слишком уверенно говорит.

Но тут сидевшая рядом с блондинкой стриженная ежиком брюнетка перебила ее. И сияние дивы поблекло. Стало понятно, вокруг кого на самом деле собрались люди в красных браслетах.

— Знаешь, Алина, твои рассуждения интересно слушать ровно до той степени, пока в них веришь, — сказала брюнетка.

Макс присел поодаль. Он безошибочно улавливал ноту силы в голосе брюнетки. Есть люди, которые победили в себе самый мучительный страх — страх перед мнением окружающих. Таких слушают. Слепо тянутся к ним, не понимая, в чем их притягательность.

— Если верить, что твоя «глянцева империя», о которой напишут в «Форбс», делает реальность для людей терпимей, — тогда да, все замечательно. Что люди в состоянии забыть, читая журнал, что они пища. А красивые лица, которые смотрят на них со страниц, собираются их сожрать.

— Солнце, не все здесь разделяют твоё увлечение социобиологией, — мягко заметила Алина.

Брюнетка сделала отметающий жест рукой.

— Не хватайся за умные слова, которых не понимаешь! — жестко сказала она. — На прошлой неделе у меня была встреча с Трампом. Он познакомил меня с человеком, который решает на территории бывшего СССР. Тот замечательно сказал, очень характерно: «В слове consumer ошибочно употреблен активный залог. Не они потребляют, а мы их потребляем».

— Ну, да, ну да, — некрасиво кривя рот, сказала Алина. — В консумации ты понимаешь.

— Играешь словами? — Блондинка картинно подняла бровь. — То, в чем я понимаю, — об этом ты не напишешь. Твои журналы — поваренная книга мелкого хищника. Рассказать тебе про крупных хищников, солнце?

— Ну, вы-то, очевидно, из крупных, — сказал Макс.

Все повернулись к нему. Алина смотрела с удивлением, получилось, он выступил на ее стороне. Брюнетка, у нее оказались неожиданно светлые глаза, готова была перенаправить агрессию на него.

— Я просто так понял, что, если у вас встреча с Трампом, — объяснил он, — вряд ли вы питаетесь планктоном.

— Чудная ирония. Хотите что-то добавить к беседе?

— Спросить. А вам не приходило в голову, что человечество на самом деле не делится, вот как вы хотите, — на хищников и жертв. Что все гораздо сложнее?

Брюнетка тряхнула головой.

— Да делите как угодно! Каждый делает это в меру своего развития. Я человек простой, мне ближе дихотомия. Вы, сужу по одежде и по сумочке на боку, человек сложный. Дружите, наверное, со Стасом, увлекаетесь философией. У вас в основе деления будет какая-нибудь мандала. Что меняется?

Макс улыбался. В одной фразе ему несколько раз указали его место на общественной лестнице, подчеркнув для совсем глухих, что вход в ложу он получил по знакомству, не в силу финансовой состоятельности. А значит, происходит обычное общение хищника, да еще крупного, с жертвой.

— Меняется многое, — сказал он. — Я когда-то собирался стать врачом. Учился. Помню, у нас была лекция о группах крови. История вопроса, первое разделение, второе, влияние на психотипы. И тут преподаватель говорит одну фразу. Он говорит: мы наблюдаем лишь поверхность. На поверхности все схожи. Медицина, биология, химия позволяют выделить различия. Мы можем отличить собаку от волка. Пантеру от тигра. Но мы все равно остаемся на поверхности. На наш поверхностный взгляд человечество состоит из особей одного вида, Homo sapiens. А под поверхностью текут четыре реки крови.

И через сто лет может обнаружиться, что они исходят вовсе не из одного источника, как мы думаем.

— Все это чистая фантастика, — сказал мужчина с гладким розовым лбом и характерными следами от удаления мешков под глазами. — Я врач-косметолог, хирург. То, что вы говорите, цитируете, — бред.

— А вы знаете, что негроиды плохо плавают и избегают употреблять в пищу птицу? — спросил Макс. — Что у детей монголоидных рас формирование половых признаков происходит в среднем на сорок процентов активней, чем у европеоидов? Или, неожиданный пример, почти курьез, но все же: все лауреаты Нобелевской премии по химии имели первую группу крови?

— Все это объяснимо, — начал хирург.

Брюнетка положила ладонь на рукав его костюма «Бриони».

— Да все понятно, Антон, — сказала она. — Вы, — обратилась она к Макс, — можете оставаться в рамках своей теории. Она никак не исключает того, о чем я говорю. Пусть человечество делится на четыре вида. Один из этих видов склонен жрать всех остальных. Имеете что-то возразить?

— Я вообще-то ничуть не хотел вам возражать, — искренне сказал Макс. — Просто пытался вызвать огонь с Алины на себя.

— Мне защитники не нужны, — сказала Алина. — Но мне ваша теория понравилась...

— Максим. Лучше Макс. Алина, а можно увлечь вас к бару на пару минут? Я был в отъезде несколько месяцев и совершенно не знаю, чем сейчас актуально запивать беседы по социобиологии.

По дороге Алина взяла Макса под локоть и сказала, доверительно наклоня к нему платиновую голову:

— Оксана — неприятная сука. Спасибо, что забрал, а то бы мы с ней опять полаялись. Сколько раз себе говорила: не брать ее с собой. Ничего, обратно сама поедет, нас мой водитель вез. А тебя я раньше у Стаса не видела.

— Я редко бываю, — честно сказал Макс. — Больше в разъездах.

— А география разъездов какая?

— Широкая. За последний год где только не был. Тибет, Монголия, Новая Зеландия, Альпы...

— Ого, — Алина слегка прижалась бедром, — серьезный размах. А чем занимаешься?

— Я помогаю людям, — сказал Макс. — И не только.

— Не только помогаешь?

— Не только людям.

Алина засмеялась, низко, с приглашением.

— Да ты с загадкой! Сложный весь из себя. Вот чего у Ксаны, суки, не отнимешь — она любого двумя словами как в ящик уложит.

— Вы подруги?

— Еще не хватало! У меня издательский дом. А она представляет американского инвестора, который в меня вкладывает деньги. Хочет вложить. Сделка от нее зависит, стала бы я иначе ее с собой таскать.

Макс подвел Алину к стойке бара.

— Ильяс! — крикнул он. И добавил слов, состоявших на слух из жужжания и буквы «ы».

Маленький бармен кивнул и завозился с бутылками.

— Это на каком? — поинтересовалась Алина.

— На монгольском. Сейчас попробуешь напиток, которым взбадривались гонцы Чингисхана. Если новость не доходила вовремя, из гонца делали «мертвецкое колесо» — заламывали ноги к затылку, пока не трескался позвоночник.

— С нашими бы курьерами так...

— Ты хотела сказать: «какой ужас».

— Ну, да. И захлопать ресницами, вот так. — Алина не без успеха изобразила Барби. — Так я ближе к твоим общечеловеческим идеалам?

— Ты в них укладываешься полностью, — сказал Макс. — Мне даже не надо раздевать тебя, чтобы это проверить.

Шею Алины чуть тронула краска.

— Так уж и не надо? — спросила она, касаясь Макса перламутровым коленом.

Ильяс поставил перед ними два граненых стакана с мутной белой жидкостью.

— Курьеру приходилось не спать по трое суток. — Макс подал один стакан Алине, второй взял сам. — Напиток, кото-

рый у тебя в стакане, помогал ему держаться в седле. В него полагается, правда, добавлять еще кобылью кровь, но можно и так.

Макс коснулся краем своего стакана Алины.

— За успех твоей сделки с инвестором, — сказал он.

«Хлыст кипчака» действует не сразу. Они успели вернуться на диваны, когда Алину накрыла первая волна. Ее большая грудь начала вздыматься в три раза чаще. Она придвинулась к Макс и положила руку ему на бедро.

— Что-то кондиционер совсем не тянет, — сказала она.

— Да, жарковато, — подхватил одутловатый мужчина за сорок, сидевший напротив.

Он был депутат, завсегдадай «Точки». Алина посмотрела на него, как на говорящую вешалку.

— Мне кажется, Макс, ты меня спойл, — заявила она. Ее ладонь недвусмысленно заявляла на Макс права. — Нельзя доверять незнакомым мужчинам.

— Мне ты можешь доверять. — Макс на секунду стало ее жаль.

Алину обманывали всю жизнь. Человек выращивает свое тело сообразно боли, которую ему наносят. Крупное красивое тело Алины было телом, измученным предательствами. Макс не сомневался, что она держала под жесточайшим контролем свой бизнес, свой издательский дом, свои отношения с партнерами. А мужчины либо сбегали от нее, либо начинали ей врать.

— Я доверю тебе секрет, — сказала Алина. Она нагнулась к уху Макса. — Я сейчас пойду в туалет. На первом этаже.

Ее губы коснулись мочки его уха. В туалете на первом этаже были установлены динамики. Кабинки были широкими, в них без проблем можно было поместиться вдвоем.

— Я никому не скажу.

Алина улыбнулась ему. Поднялась, качая бедрами, направилась к выходу из ложи. Одновременно с ней поднялась Оксана. Но она шла не в туалет, а поближе к пульта диджея. Оксана шла танцевать.

Худощавое тело Ксаны было телом, впитавшим жестокость людей и вырастившим еще большую жестокость к себе. Но скованности, присущей ее типу, в ней не было. Она мягко

струилась под музыку, прикрыв глаза. Руки и плечи почти не участвовали в танце.

Не отводя от нее глаз, Макс расстегнул свою сумку. Достал маленький барабан, поставил между колен. Диджей одобрительно кивнул ему, ускорил бит-секцию. Макс принялся ударять в барабан ладонями, в ритм рила, в ритм покачивающихся бедер Ксаны.

Он тоже закрыл глаза. Ему представлялись капли дождя, барабанившие по листьям где-то в джунглях Амазонки. Там идут долгие хорошие дожди. А потом наступает беспощадная засуха, и местные жители готовы все отдать за жизнетворный шорох капель.

Макс ударил в барабан последний раз. Открыл глаза. Ксана стояла перед ним.

— Ты не знаешь, куда пошла Алина? — спросила она. — Хочу уехать.

— Вряд ли ее водитель тебя повезет.

— О, она с тобой поделилась планами мелкой мести. — Оксана усмехнулась. — Тогда передай ей, что я села на такси.

— Не надо. — Макс бережно запаковал барабан, поднялся. — Я тебя отвезу.

2

Они остановились только под утро, выжатые досуха.

— Не выходи, — попросила Оксана.

Ее рука ласкала шею и затылок Макса. Ноги обхватывали бедра, подрагивая от усталости. Она вытянула их по простыне.

— Хорошо, когда ты внутри, — сказала она. — Почему ты не забрал меня раньше? Теряли время в этой долбаной «Точке».

Макс осторожно поцеловал ее в губы.

— Хочешь сигарету? — спросил он. — Не удивляйся, я видел, что у тебя пепельница на полу возле кровати.

— Хочу. Но потом. Ты все равно догадливый. Пепельница не значит, что я курю после секса.

— А мне хочется шоколада. Я бы клал вместо пепельницы шоколадную плитку.

— Почему не кладешь?

Макс провел ладонью по плечу Ксаны. Ее кожа холодила.

— Редко трахаюсь дома, — сказал он. — Вообще редко дома бываю. Я в Москве хорошо если три месяца в году.

— Хотела спросить, где ты трахаешься. — Оксана засмеялась. — Но ты можешь подумать, что я заявляю на тебя права. Если так редко бываешь, почему Москва — дом?

— Я люблю Москву. Мне здесь хорошо. Мало где бывает хорошо.

— Для тебя это слишком простое объяснение, по-моему. Теперь можешь дать мне сигарету. Они справа от тебя, в моих джинсах.

Они разъединились. Макс дал Ксане сигарету, поднес огонь.

— Я не сложный, как ты сказала. Простые вещи нравятся мне больше сложных.

Оксана окуталась дымом.

— Жаль. А мне нравятся сложные мужчины. С непростым прошлым и смутным будущим. И чтобы большой член.

— По некоторым из пунктов я прохожу.

Они засмеялись.

— Ты не ответил — почему ты не забрал меня сразу? Зачем набросился на Алину? Акции повышал?

— И в мыслях не было. Я уже и жалею, честно говоря. Получилось, что я ее бросил.

— За последнюю неделю ты третий, кто это делает, — сказала Оксана. — Ты хотя бы ее не трахал перед этим. Она хорошая девочка, но очень несчастливая. Очень.

— Зачем ты тогда ее при всех обижала?

Она потушила сигарету.

— А я плохая девочка. Макс, давай еще раз перед сном?

Он улыбнулся, положил руку ей на живот.

— Только давай сзади, — попросила Оксана. — Сама запах сигарет ненавижу, не хочу тебе портить впечатление.

Она встала на четвереньки, Макс провел рукой по ее круглым ягодицам.

— Кроме того, с твоими размерами, когда ты сверху — я боюсь, что ты мне проткнешь грудную клетку, — сказала Оксана. И вздохнула, застонала, вцепилась зубами в подушку.

Через пятнадцать минут они наконец заснули.

Завтракали в «Новинском». Точнее, завтракал Макс. Оксана курила, пила апельсиновый фреш. «С утра не могу на еду смотреть». От кофе и чая тоже отказалась.

— Жизнь была веселая, — рассказывала она. — Я на четвертом месяце, муж трахает секретаршу. Денег оставляет сто долларов на месяц. В холодильнике баночка майонеза. С тех пор майонез видеть не могу. Мазала его на хлеб и ела. — Ксана разгладила накрахмаленную скатерть. — Переспала с одним знакомым. Пошла к нему работать. Был такой клуб для иностранцев — «27». Спрашиваю, почему двадцать семь. Оказывается, это член у него такой длины. — Она усмехнулась уголком рта. — В постели с ним было тяжело. Отбойный молоток. Я вот до сих пор думаю: из-за него я ребенка потеряла или из-за того, что пила каждый вечер. Пошла официанткой. А все официантки в клубе были на консуляции. Разводили клиентов на выпивку.

Макс взял ее за руку. Оксана подняла на него глаза.

— Сочувствуешь?

— Восхищаюсь. Ты уцелела.

— Ну да. Хорошее слово. Уцелела. — Ксана покатала слово на языке. — Уцелела. Мне помогли. Помог хороший человек. Канадец. Вытащил меня. Не дал подсесть на кокаин. Многому научил. Когда мы познакомились, ему было под пятьдесят. Он мне протянул руку. Я ему в ответ два пальца, типа девочка-лицеистка. Я манерная была, мужики велись. Он мне сказал: «Руку надо жать так, как цепляешься за жизнь». Изо всех сил.

— Что с ним стало?

Оксана забрала у Макса вилку, наколола несколько листьев салата. Отправила в рот.

— Я его бросила. Он едва с собой не покончил. Ночевал у меня под окном. Умный, сильный, состоявшийся мужчина. Сам говорил, что так случится. «Я для тебя эпизод, — говорил. — Ты махнешь хвостом и исчезнешь. А у меня, может, ничего больше и не будет». А что я понимала? Мне было двадцать два. В голове одни мужики.

— Сейчас бы не бросила?

Оксана жевала салат, в ее глазах цвета морской лазури

блестело лукавство. И, пожалуй, грусть. Самую чуть, грусть от понимания своих желаний.

— Бросила бы, конечно. Не из-за модного бандита, как тогда. Но бросила бы обязательно. У меня простые желания, Макс. Мне нравятся сильные, на много способные тела. Мне нравится, когда мужчина не стремится сделать из меня аксессуар. Или копилку для своего бесценного опыта. И еще он хотел детей. А я не могла ему их дать. И никому не смогу.

— Алина подкалывала тебя насчет консумации.

— Ага. Думает, что раскопала горячий фактик. Дурочка. Она как только уже не пыталась на меня повлиять. Откаты, подарки. Она не представляет, с кем я работаю, что такое венчурные фонды, для которых я провожу аудит. Мне мой мужчина за столом в ресторане дарит часы «Картье» — я пишу десять объяснительных. И еще устная беседа с куратором. Они тут в Москве думают, что азиатская бизнес-модель везде работает. С кем я пила в девяностых — американцам плевать. Если я возьму у Алины, мне закроют все двери. Везде и навсегда. — Ксана сверкнула бриллиантами, посмотрела на часы на руке.

— «Картье»? — спросил Макс.

— «Брегет». Те «Картье» я вернула. Когда я с мужчиной расстаюсь, он имеет право на свои подарки.

Макс улыбнулся.

— «Брегет». Понимаю.

— Чего ты лыбишься? — Оксана кинула в него смятой салфеткой. — У меня нет сейчас никого. У меня вообще бизн^д - трип, если хочешь знать. И встреча с важными людьми через полчаса.

— Тебе надо ехать. Пробки.

— Я на метро. За полчаса нереально. — Оксана порылась в сумке, протянула Максу визитку. — Здесь адрес. Заберешь меня часов в восемь?

Она нагнулась через стол, жарко поцеловала Макса в губы. И тут же пошла к выходу, стянув в узел вокруг своих легких бедер взгляды всех мужчин. На скатерти возле ее чашки лежало несколько тысячных купюр.

Макс усмехнулся, провел пальцем по губам. На пальце осталось несколько крупинок соли.

Макс прождал возле утыканного камерами особняка до девяти часов. Оксана появилась из зеркальных дверей, села на пассажирское сиденье. Потерлась головой о плечо Макса.

— Я усталая и голодная кошка, — сообщила она. — Голодная во всех смыслах. Меня надо накормить и трахнуть. В любом порядке.

— Ты не кошка. Ты горноста́й. На заднем сиденье пакет. В нем бананы, круассаны, клубника.

— Почему горноста́й? — Оксана полезла назад, зашуршала пакетом, вернулась с клубникой и круассаном. — Это не считается едой. Я хочу мяса.

— Твое животное — горноста́й, — объяснил Макс, отъезжая от особняка. — У каждого человека есть животное, тотем. Я умею их видеть.

— Мне нравятся горноста́и. А какое животное у Алины? А у Круглова?

Макс задумался.

— Алина — крупная птица. Вроде куро́патки. Точнее сказать трудно, у нее связь с тотемом сильно нарушена.

— Клуша, короче.

— Типа того. Круглов — собака. Охотничья порода.

— Да, похож. На дратхаара похож, особенно когда приезжает с Гоа весь заросший. А у тебя кто?

Макс потер указательным пальцем острый нос с горбинкой.

— У меня королек. Это птица, которая выклеывает остатки мяса, застрявшего между зубов у крокодилов.

— И кормит им горноста́я. Давай заедем куда-нибудь перекусить, королек?

— Заедем. Сейчас выскочим на Третью, полчаса в пробке, и заедем.

Оксана положила ему в рот клубнику.

— Может, куда-нибудь поближе?

— Вряд ли получится поближе. Мы едем ко мне.

Оксана откинулась на сиденье, закрыла глаза.

— Тогда разбуди меня, когда доедем.

За окнами «Мазды» Макса суматошной мозаикой огней неслась вечерняя Москва.

— Ты уверен, что это жилой дом? — спросила Оксана.

Макс достал из машины пакеты, захлопнул дверь. Повел Оксану за собой, огибая проломы в асфальте.

— История забавная, — начал он. — В середине девяностых один немец решил затеять пивоварню. объездил всю Москву, купил старую заброшенную колокольню. Полностью отремонтировал, внутри сломал переборки, все заново отделал. Сделал подводку, слив, трубы проложил. Привез котел.

Они остановились перед круглым кирпичным зданием, оплетенным сложным узором из труб разной толщины. В здание вела железная дверь с кодовым замком.

— Деньги все вложил в производство, на взятки не осталось. Лицензию ему не дали, да еще и наехали. Машину сожгли. Как раз был самый передел. Немец собрался и уехал. Все бросил. Котел год простоял, потом его разобрали и вывезли. Внутри все растащили. А я лет пять назад с этим немцем пересякся. Помог ему в одном деле. Он мне за вменяемую цену уступил здание. — Макс набрал код, открыл дверь, пропуская Оксану вперед. — Теперь вот живу, наездами. Добро пожаловать.

Жилье Макса изнутри напоминало колодец, сквозь который летела Алиса, направляясь в Страну Чудес. Насколько хватало глаз, вверх уходили лепившиеся к стенам полки. Они были плотно заставлены книгами, круглыми и квадратными коробочками, черно-белыми фотографиями в рамках. Середину «колодца» занимала винтовая лестница, уводившая под самую крышу. Некрашенный дощатый пол скрипел под ногами.

— Удивил, — признала Оксана. — Приз в номинации «Жилье года» и все такое. Я так понимаю, нам наверх.

— Нам наверх. Лифта, к сожалению...

— Я справлюсь. Как ты вещи снимаешь с полок?

— Там есть специальные скобы. По ним можно карабкаться. Я так держу себя в форме.

— Юмор. Ценю. Между прочим, я простояла сегодня три часа возле стенда с графиками и прочей лабудой. Теперь еще карабкаться...

— Отнести тебя на руках? — предложил Макс.

Оксана положила ему руки на плечи. Наклонила голову, заглядывая в лицо.

— Я очень хочу к тебе на руки, — сказала она. — И не только на руки. Но лестница, особенно такая, вызывает у меня одно желание — крепко держаться за перила. Так что я вперед, а ты будь готов подхватить меня сзади. — Она решительно наступила на первую ступеньку.

— Я тоже боюсь лестниц, — тихо сказал Макс.

Страх в его понимании был стержнем человеческого существования. Скрученная спиралью лестница в сердце его дома напоминала Макс, что, как бы высоко он ни поднялся, он остается человеком. Один неверный шаг — и падение.

Металлические перила охладили ладонь.

Верхний, жилой этаж был разделен перегородкой на спальню-кабинет и кухню-столовую. Еще был чердак, на который вела тонкая лесенка и начищенная медная труба. Труба осталась от немца-пивовара, чудом избежав рук воров. А вот колокола, которые когда-то висели под крышей, пошли в переплавку десятки лет назад.

Пока Макс жарил мясо и картошку, Оксана осматривалась. В спальне ее внимание привлек необычный предмет цилиндрической формы. Высотой человеку по грудь, толщиной в два обхвата ладоней, он был весь покрыт плетением узора — черные люди и вставшие на задние ноги животные водили бесконечный хоровод на желтовато-коричневом фоне. На ощупь предмет был сделан из дерева и покрыт лаком. С одной стороны, он напоминал сувениры, которые привозят на память из экзотических стран. С другой — обладал некой убедительностью, вещественностью, сувенирам несвойственной.

— Это хмара, посох дождя, — сказал Макс, заходя в спальню. — Я привез его из Туниса.

— А это что? — Оксана показала на белый с красными разводами бумажный зонт.

Зонт лежал на подставке, похожей на подставку для самурайских мечей. Чтобы его раскрыть, потребовалось бы сначала снять с него ленту, к которой на нитке была подвешена целая гроздь глиняных печатей.

— Каса-но-обакэ. Японский зонтик-привидение. Пойдем есть, остывает.

Оксана подняла голову. Под потолком висела обычная лампочка в патроне на длинном шнуре. Своеобразным абажуром

ей служило прибитое к потолку колесо от телеги. Шнур был пропущен сквозь осевое отверстие. К колесу крепились нитки, на которых парили вырезанные из бумаги облака и смешные человеческие фигурки с крыльями.

— Интересно у тебя здесь, — сказала Оксана. — Расскажешь, зачем тебе все эти штуки?

Макс улыбнулся, но не ответил.

После еды он мыл посуду. Оксана подошла сзади, расстегнула и приспустила на Максе джинсы. Запустила в них обе руки.

Следующие полтора часа они провели в спальне. Бумажные облака и картонные ангелы парили над кроватью, над изгибом позвоночника Ксаны, лежащей на Максе. Над его бедрами, зажатыми между ее коленями. Над ее коротко остриженной головой, размеренно двигающейся у Макса между ног.

Оксана встала, накинула рубашку Макса, пошла на кухню. Вернулась с дымящейся сигаретой и круглой металлической коробочкой, похожей на коробки для чая.

— Искала пепельницу. У тебя над столом на полке таких штук тридцать, — сказала она. — Я попробовала открыть, но не смогла. Что там?

Она потрясла коробочку. Внутри что-то пересыпалось с сухим звуком.

— Ты же не просто так спрашиваешь, да?

Оксана села на край кровати.

— У меня была большая любовь. После мужа, после той эピソード с канадцем. Яркий, очень необычный человек. Авантюрист, бывший дизайнер, ушедший в криминал, потом в бизнес. Ты мне чем-то его напомнил в первую секунду. Наверное, поэтому я так агрессивно среагировала. Мы расстались три года назад. Он умер в прошлом году. В клинике для наркоманов.

Макс потянулся к ней, поцеловал в колено. Осторожно забрал коробочку из рук.

— Я не торчу. Увлекался когда-то, давно прошло. Да я бы и не стал хранить дрянь на кухне. Здесь полно мест, где можно спрятать.

— Лучше всего прятать на виду.

— Мне нечего скрывать. — Макс смотрел Оксане в глаза. — В этих коробочках дожди. Я собирал их в разных местах земного шара. Там есть летние дожди Подмосковья. Тропические ливни. Лондонская хмарь. Ледяной град из Северной Европы. Есть даже уникальная зимняя гроза, за которой я охотился пять лет.

— Я не понимаю, — растерянно проговорила Ксана.

Макс решительно встал с кровати. Взял прислоненный к стене дождевой посох.

— Я тебе покажу, — сказал он.

Они поднялись на чердак. Обнаружилось, что две трети круглой крыши вырезано сектором. Ночное небо перемигивалось звездами и дышало прохладой. Справа и слева нависали угрюмые глыбы корпусов безымянного для Оксаны завода. У горизонта шарил белыми пальцами лучей марсианский треножник Останкинской телебашни.

Макс ногой захлопнул люк в полу. В одной руке у него был хмара, в другой жестяная коробочка с дождем.

— Это один из моих первых дождей, — сказал он, с усилием откручивая крышку. — Я собрал его в Крыму, летом, в горах. Четырнадцать лет назад. — Он потряс коробочку, заглянул внутрь. — Совсем мало осталось. — Макс улыбнулся, посмотрел на Ксану. — Но для тебя не жалко.

Оксана села на пол, обхватила колени руками. Макс вынул из торца хмары пробку и насыпал в отверстие из коробочки темный порошок. Вставил пробку на место.

— У меня к тебе просьба, — сказал он. — Сейчас я буду танцевать. Постарайся хлопать или стучать по полу в такт. Вдвоем мы призовем дождь быстрее.

— Как скажешь. — Оксана была настроена подыгрывать ему до конца.

Улыбка на ее лице говорила, что она настроена не очень серьезно, но без ехидства. Скорее Ксана ожидала демонстрации какого-нибудь фокуса, после которого можно будет вернуться в теплую постель. Мужчинам редко приходил в голову более сложный способ ее развлечь, чем продемонстрировать ходовые качества нового спортивного болида или яхты. Оксана было интересно.

★

Макс стянул через голову футболку, оставшись в одних джинсах и босиком. Он взял дождевой посох двумя руками перпендикулярно земле. Переступил с ноги на ногу, подбросил хмару, поймал и ударил нижним концом посоха о доски. После этого он начал танцевать.

Раскачиваясь из стороны в сторону, Макс топтался на месте. Он постепенно ускорял темп, непрерывно потрясая перед грудью хмарой. Порошок шуршал внутри посоха, ступни Макса звучно ударяли по настилу. Его глаза были закрыты, танец с первых секунд захватил его целиком. Колени поднимались все выше, Макс не просто топал, он перепрыгивал с ноги на ногу. Пол гудел. Загадочным образом гудение, ритмизированное шорохом-стуком дождевого посоха, передалось медной трубе, направленной зевом в отверстие в крыше. Оксана могла поклясться, что труба вибрирует в такт прыжкам Макса.

Почти против своей воли Оксана начала отстукивать ритм ладонями о колени, потом о доски. Голова Макса теперь моталась вверх-вниз, как у болванчика за задним стеклом машины. Руки трясли посох с такой силой, что шорох не прекращался ни на секунду. Более того, он становился громче, отражался от стен, все больше напоминая звук дождевых капель.

Воздух отчетливо посвежел. Оксана почувствовала, что покрывается мурашками. Торс Макса блестел от пота. Потрясая хмарой, он поднял посох над головой. Его глаза открылись, слепо глянув выкаченными белками. Медная труба протяжно запела, наполняя все здание вибрацией. Небо вдруг помутнело, останкинские лучи запутались в серых клубках туч.

Макс упал на колени и из последних сил трижды ударил хмарой о пол. На первый раз небо раскололо синей вспышкой. На второй — сверху обрушилась громовая лавина.

На третий раз хлынул дождь.

Макс лежал головой у Оксаны на коленях. Раскрытым ртом он глотал теплые водные струи. Под пальцами Оксаны его свитые вервием мышцы постепенно расслаблялись. Дождевой посох откатился к стене.

— Признавайся, что ты это подстроил, — ласково говорила Оксана.

— Ты прогноз смотрела на сегодня? — Макс задышался. — Неделя без единого облачка.

— Может, он поменялся.

— Ага. Запах крымского моря тоже был в прогнозе?

Оксана положила ладонь на его горячий лоб.

— Я никогда не была на море, — призналась она. — Не знаю, как оно пахнет.

Макс сел, опираясь руками о пол. Их взгляды переплелись, как руки альпинистов над пропастью. Дождь стекал по их лицам.

— Ты не была на море? Почему?

— В жизни не сложилось. Выросла на Севере, отца не было, мать не могла себе позволить. В Москву переехала учиться — тоже ездить не было возможности. Вышла замуж, забеременела — врачи запретили. А потом все завертелось без передышки. Последние четыре года если езжу, то в горные санатории или в Швейцарию. Многие не верят.

— Я верю. — Макс потянулся к ней, накрыл ладонями груди, просвечивающие сквозь мокрую ткань рубашки. — Этот дождь пахнет морем.

— Мне нравится.

Они поцеловались.

— Пойдем вниз, — тихо попросила Оксана. — Это, конечно, здорово романтично под дождем. Но я боюсь, что окоченею раньше, чем мы приступим. И нечего ржать! — Она стукнула Макса по плечу.

— Я не над тобой. У меня, кажется, ноги уже окоченели. Встать не могу. Ты сможешь меня стащить с чердака?

Хохоча, они повалились рядом на пол. Невидимая нить, протянувшаяся между ними в «Точке», задрожала с упругим звоном и стянула их в одно горячее, вздыхающее целое. Мокрая одежда никак не хотела слезать, но в конце концов сдавалась.

— Тебе не холодно? — спрашивал Макс, целуя Оксану в плечо.

Вместо ответа она изо всех сил притягивала его к себе. Ее ногти оставляли багровые следы у него на лопатках, но Макс даже не вздрагивал.

Боль, настоящая боль будет потом.

— Привет.

— Привет. Извини, не могу говорить. Перезвони через час.

— Оксана.

— Занята. Перезвоню.

«Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети».

— Макс, милый, извини. День сегодня сумасшедший. Привет.

— Привет, Ксана. У меня тоже полный хаос сегодня. Зато, кажется, помог паре хороших людей.

— Ты где? Не в Москве?

— Нет, я Питере. Я скучаю.

— И я. Приезжай, а?

— Я не могу, родная. Я улетаю завтра утром. На месяц в Европу.

Молчание.

— Оксана?..

— Неправильно говорить такое по телефону.

— Я знаю. И то, что я скажу дальше, тоже будет неправильно.

— Да?

— Речь идет об издательском венчуре. Американцы решили форсировать. На следующей неделе в Москву прилетает Бергер. Он примет решение на месте.

— Макс!

— Не перебивай. Бергер будет встречаться с Алиной, Кузьминым и Поташевым. Однако твоё слово будет решающим. В Лос-Анджелесе тобой очень довольны, собираются тебя промотировать на место Поташева.

— Макс, откуда?!:

— Я договорю. Бергер уверен в доходности издательского венчура, но влиять на твоё решение не будет. Им важно убрать Поташева. Если ты рекомендуешь подписать венчур, его обви-

няют, что он отклонил его год назад, когда требовалось в два раза меньше денег, припомнят сделку с «Кубанью» и переведут. Если ты выступишь против, Бергер спустит на Поташева внутреннюю безопасность, потому что Егор лоббирует интересы Алины. У Поташева есть несколько офшорных счетов, неподотчетных американцам. Он уйдет до того, как ему придется объясняться по их поводу. Так и так ему конец. Так и так ты въезжаешь в его кабинет.

— Ты... ты не можешь всего этого знать!

— Могу. Издательским домом будут заниматься люди Бергера напрямую, готовить его к IPO и последующей продаже. Ответственность с тебя снимут. Теперь моя просьба: дай положительную рекомендацию. Ситуация именно такова, как я описал. Твое решение позволит Алине остаться на плаву. Несколько сотен хороших людей сохранят работу. На твою дальнейшую карьеру это повлияет минимальным образом.

Молчание.

— Оксана?

Молчание.

— Оксана, ты здесь?

— Я здесь. Не буду спрашивать, откуда ты знаешь. Все и так понятно. Уважу Алине.

— Ксана, ты неправильно понимаешь. Я оказываю услугу, о которой Алина попросила после нашего знакомства.

— Макс, я не думала, что дождусь вранья от тебя. Хотя теперь понятно, что для правды все было слишком красиво. Блин, как же я могла повестись?!

— Слушай, ну как мне тебя убедить? Алина не могла ничего знать про прилет Бергера. Он ни тебя, ни Егора не предупредил. В Лос-Анджелесе считанные люди знают, что он летит в Москву. Я прошу тебя, без эмоций, обдумай все, что я сказал.

— Да. Без эмоций. В последнее время эмоций было слишком много.

— Оксана!

— Я кладу трубку, Макс. Твои слова я обдумую. Не звони мне, пожалуйста, больше. Это будет глупо. Привет, Алине.

«Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети».

Макс положил телефон на прикроватную тумбочку. Опустил голову на руки.

— Тебе привет, — глухо сказал он.

Алина сидела, поджав ноги, в кресле напротив. Платье из тончайшего черного шелка словно струилось по ее телу. Туфли «Маноло Бланик» лежали под креслом.

— Я боюсь тебя, — сказала она. — Боюсь, потому что не понимаю. Ты же любишь ее. Ты от меня даже скрывать не пытаешься.

Макс поднял голову и посмотрел на нее. Он молчал.

— Если любишь так сильно, почему предаешь?

— Чаще всего предают тех, кого любят. Ты хорошо должна это знать.

Алина сделала защитное движение рукой.

— Не надо. Не мсти мне за то, что ты сделал с Оксаной. Ты сам предложил мне помощь.

— А ты согласилась. К чему эти разговоры?

Алина молчала, царапая ногтем подлокотник.

— Я пытаюсь разобраться в себе. Что меня на самом деле в тебе пугает? Ты правильно говоришь — я понимаю в предательстве. Обычно я боюсь, что мужчина солжет мне, повернется спиной. Но не с тобой. Еще бывают темные люди, без закона в глазах. Поташев такой. Животное. Он когда кончает, рычит. Я с ним рядом заснуть не могла. С такими страх простой, физический, элементарного насилия боишься. Ты сильный, но ужаса не внушаешь. При этом меня все время холодком обдает. Ты знаешь то, что знать не должен. Говоришь то, что говорить напрямую нельзя. С тобой рядом как в грозу гулять. Молния вряд ли убьет, но страху натерпишься.

— Если тебе страшно, зачем ты прилетела в Питер?

Алина встала с кресла, подошла к Максиму. Он смотрел в пол и видел золотистый лак, белые полосы французского педикюра, цепочку с бриллиантом на тонкой щиколотке.

— Мне уйти? — спросила она.

Макс поднял взгляд на Алину. Положил ладони ей на бедра, осторожно привлек к себе. Прижался щекой к животу.

— Останься, — сказал он, целуя шелк. — Я рад, что ты здесь.

Ему казалось, что он тонет в ее душистом, полном нерастраченной любви теле. Макс не дал Алине выключить свет, он хватался за ее щедрую красоту как за соломинку. Ему хотелось свернуться калачиком, зародышевым комком.

— Сладкий мой. — Она гладила его ладонями по лицу, двигала бедрами, стремясь поймать ритм, который унесет их двоих к дальним берегам. — Где ты? Где же ты?..

И ее ласка, умелые движения ее таза, покачивание груди сделали наконец свое дело. Макс прижался к ее шепчущим губам, поймал язык своим. В его действиях появился напор, потом настоящая похотливая ярость. Алина стонала, выгибалась и ни на секунду не закрывала глаза, следя за каждым движением его тела.

Оргазм случился с ней почти беззвучно. Только задрожал живот и по щекам побежали слезы.

— Не останавливайся, пожалуйста, — попросила она. — Не отпускаяй меня.

Макс перевернулся, чтобы она была сверху. Слезы капали ему на грудь, он накрыл их ладонью. Когда настала его очередь, Алина помогла ему ртом, нежно сжимая рукой мошонку.

Потом она поцеловала его бедро и легла Макс на живот. Он гладил ее спину левой рукой. В кулаке правой Макс сжимал гранулы жемчужного порошка.

Пойманные слезы. Его награда за оказанную услугу.

6

Кабинет Поташева был обставлен без пафоса. Почти ничего не хотелось выбросить, кроме стоявших по углам мертвых древесных стволов. И еще картин — по одной на каждой стене, абстрактные узоры красной и синей краской, вызывающие необъяснимое отвращение. Будто кто-то размазал по стене моллюска. Оксана не удержалась, сняла картины и поставила у двери.

На обратной стороне всех четырех холстов обнаружилась одинаковая метка — неровно нарисованный восьмиугольник. Рисовали от руки, но при этом все четыре восьмиугольника были идеально похожи.

Станным, неприятным человеком был Егор. Оксана была

рада, что передача дел обошлась практически без личных встреч. Большею частью из-за отсутствия Поташева. Похоже, Егор решил избежать объяснений с Бергером. А объясняться было за что.

Пришел угрюмый техник, проверил оборудование для видеоконференции. Оксана села в кресло, положила перед собой блокнот.

На экране появился Бергер, как никогда похожий на доброго дедушку. Он сидел на веранде своего дома на побережье. Лабрадор Мэти положил голову поверх клетчатого пледа, которым Бергер укрывал колени.

— Здравствуй, милая, — сказал Бергер. — Поздравляю тебя со вступлением в должность.

— Спасибо, Джозеф. Рада тебя видеть.

— И я тебя. Очень жаль, что передача дел затянулась на два месяца. Обычно все происходит быстрее.

— Ты же знаешь, я не особо сюда рвалась.

С Бергером Оксана всегда была откровенна. Джозеф ошибочно чувствовал фальшь, не терпел лести и желания выслужиться. Работа с ним была хорошей школой. Болезненной, но хорошей.

— Выбор дается нам редко, милая. Я рад, что мы будем работать с тобой напрямую, без Егора. Последнее время он был не очень эффективен.

— Я тоже рада, Джозеф. Если позволишь, я начну. У нас уже почти полночь.

— Да, извини старика. Окончательно запутался в часовых поясах. Начни, пожалуйста, с состояния дел по издательскому дому.

Оксана открыла блокнот.

— Процедура согласования закончена. На следующей неделе планируется первый транш. Алина согласилась на ввод нашего финансового директора в штат компании.

— Долго бодались.

— Долго. Я уверена, что они подчищали серые схемы.

Бергер махнул рукой, блеснув антикварного вида золотыми часами.

— Не имеет значения. Через три месяца будем полностью

реструктурировать их финотдел, перейдем на нашу форму отчетности. Пусть поиграют в независимость, пока можно.

— Тем не менее задержка транша сыграла свою роль. Али-на согласилась на все наши условия.

— Прекрасно. Давай кратко пройдемся по оставшимся делам Поташева, и я тебя отпущу. В твоём возрасте надо высыпаться.

Оксана перевернула страницу. Завтра ей надо быть на месте в семь утра. Сон ей заменит баночка энергетика по дороге на работу.

— Невыясненной осталась только ситуация с ипотечным фондом. Я писала в отчете неделю назад.

— Я помню, помню. Финансирование строительства по федеральным заказам.

— Да. Так вот, никаких федеральных заказов не поступало и не планировалось. Я проверила через источники в администрации, фонд не участвовал ни в одном тендере. Из отчетов следует обратное, но уже ясно: тендерные заявки, как и договора с подрядчиками, — подделка. Фонд занимался скупкой земельных участков и продажей их по заниженной стоимости нескольким компаниям. География покупок занимательная. Я попросила программистов перенести данные на карту России. Еще я жду информацию по компаниям-перекупщикам. Завтра выдам мини-отчет.

— Очень интересно. — Бергер погладил лабрадора, почесал пса за ухом. — Надеюсь, мне все же удастся лично побеседовать с Егором. Я попросил нужных людей устроить нам встречу. Твой отчет будет прекрасным дополнением к предстоящему разговору. — Джозеф посмотрел на часы. — Езжай домой, девочка, — сказал он. — Рад был тебя видеть.

— До завтра, Джозеф.

Оксана выключила связь, откинулась в кресле, потянулась, зевая. Замерла.

Прямо над ее головой на потолке был нарисован восьмиугольник — точная копия рисунков на обратной стороне картин. Только этот рисовали огнем зажигалки на штукатурке.

— Совсем у тебя с башкой было плохо, Поташев, — тихо сказала она. — Ничего, Бергер тебе мозги вправит.

Добрый дедушка умел быть злым, когда надо.

Возле офиса Оксану поджидала неприятность. Она сдавала задом со стоянки и едва не сбила бомжа. Стулая фигура в длинном пальто и шляпе не предприняла никаких попыток уйти от столкновения. Истощенный писк парковочного сонара заставил Ксану ударить по тормозам. В зеркало заднего вида было не разобрать лица бомжа. Оксана чувствовала, что он разглядывает ее, стоя у самого бампера.

Выругавшись, она сделала полукруг и выехала на дорогу. Бомж так и не сдвинулся с места. Бледное пятно под шляпой повернулось вслед отъезжающей «Вольво».

Кварталов через пять она успокоилась. Затормозив у светофора, набрала номер Олега.

— Солнце мое, я не приеду. Не обижайся, пожалуйста. Я у себя буду ночевать, мне завтра с утра на совещание. А субботу и воскресенье у тебя, обещаю.

Отношения с Олегом отличались приятной необременительностью. Рядом с ним было спокойно и надежно. Иногда слишком спокойно.

— Конечно, соскучилась. Не веришь? И как мне тебя убедить? Нет, солнце, я не приеду. Давай ты меня за это накажешь в субботу...

Оксана уловила краем глаза движение, повернула голову. Вскрикнула, роняя телефон.

В боковое стекло с ее стороны заглядывало лицо. Бледная нечистая кожа, обветренные губы, седые волосы из-под полей шляпы. На левой щеке лиловое пятно застарелого ожога.

Оксана ударила по газам.

— Нет, все в порядке. Да не волнуйся так. Стояла на светофоре, в окно заглянул бомж. Ничего он не делал, просто смотрел. Солнце, давай я тебя из дома наберу, хорошо? Целую.

Это же не мог быть тот самый бомж? Пальто, шляпа — мало ли таких шляется по улицам... Оксана вцепилась крепче в руль, давя дрожь в руках. В животе крутился холодный комок. Что-то происходило вокруг, что-то неприятное.

Следующий светофор она проскочила на красный. Хотелось как можно быстрее оказаться дома, залезть под одеяло. Спать до утра без снов.

Фигура в плаще выросла прямо перед капотом. Завизжали

тормоза. Адреналиновая волна подхватила Оксану, вынесла ее из машины.

— Ты куда прешь?! — закричала она.

Горло перехватило. Давешний бомж смотрел на нее с улыбкой. Зубы у него были черные, гнилые. До Ксаны дошло, что шрам-ожог на щеке имеет форму неровного восьмиугольника.

— Неосторожно водите, Оксана Владимировна, — сказал бомж с упреком. — Так и до беды недалеко...

Не став слушать дальше, Ксана бросилась обратно в машину.

Дальше события развивались как в ночном кошмаре. Она повернула ключ в замке зажигания. Машина не завелась. Внезапно она ощутила чужое присутствие, гнилостный запах. Хотела закричать, но навалившаяся на грудь невидимая тяжесть не дала.

Бомж сидел рядом на пассажирском сиденье.

— Вы оказались в неприятной истории, Оксана Владимировна, — назидательно сказал он. — Искренне надеюсь, что у нас вместе получится найти из нее выход.

Оксана попыталась открыть дверь, выскочить из машины, но ручку заклинило.

— Вам помочь? — участливо спросил бомж.

Вдруг он оказался снаружи, со стороны водителя. Чудовищным рывком он с мясом вырвал дверь, швырнул ее в сторону.

— Вам не приходило в голову, что Поташев действует не сам, Оксана Владимировна? Что кто-то диктует ему решения? Что ваше с Бергером вмешательство нарушает куда более серьезные планы, чем вы можете представить?

Бомж протянул руку, собираясь взять Ксану за горло. Страх облегал ее тело, как смирительная рубашка, она не могла даже шевельнуться.

Потянуло холодом. Дождь... не дождь — ливень мощно и тяжело обрушился с небес. Дробью хлестнул по крыше, пленкой растекся по лобовому стеклу. Бомж съезжился, глядя вверх. С хрустом ломая кости небес, прокатился над головой гром.

Синяя вспышка, выжигая белые пятна на сетчатке, удари-

ла в бомжа, протащила его кувырком по асфальту. Оксана выпала из машины, чудом оставшись в сознании.

Сквозь радужную роящуюся взвесь она видела, как бомж поднимается с земли. Его движения были неестественными, как у сломанной куклы, которую тянут вверх за ниточки. Шляпа откатилась в сторону, длинные седые волосы растрепались. Плащ дымился.

— Какая неожиданная встреча, — прокаркал он.

Перед лицом Оксаны появилась рука.

— Вставай, — сказал Макс. — Не хватало еще простудиться.

В правой руке он держал посох дождя. За его спиной на перевязи был укреплен бумажный зонт. Воздух вокруг него едва заметно искрил и потрескивал.

— Для вас никогда не существовало правил, — сказал Макс, брезгливо кривя рот. — Но вы не представляете, на кого подняли руку в этот раз.

— Ты знаешь больше, чем Восемь, Танцор? — спросил бомж.

Его голос изменился. Он дрожал и расщеплялся, будто несколько человек говорили одновременно. Под тканью пальто кочевали туда-сюда отвратительные бутры.

— Вы зашли слишком далеко. — Макс потряс хмарой. — Вы обидели морскую деву.

Бомж подобрался и неожиданно прыгнул вперед, протягивая невероятно длинные руки. Макс ударил посохом о землю. Молния упала с небес, ударила в посох, отскочила в бомжа. Стекла «Вольво» брызнули в разные стороны.

Теперь бомж поднимался медленнее. Седые волосы сгорели, кожа на голове пошла пузырями. Левый глаз вытек и застыл потеком на щеке. Оксана упала бы, но рука Макса обнимала ее за талию.

— Твоя сила! — прошамкал бомж. — Мы не понимаем...

— Это ее сила. Я просто проводник.

Бомж застыл в замешательстве. Боли он, похоже, не чувствовал.

— Это пат, Танцор, — сказал он наконец. — Если ты убьешь наше тело, тебе придется стать одним из нас. Право Октагона. Мы не можем справиться с тобой, пока она рядом. Вопрос, как долго она продержится на ногах?

— Я не собираюсь это выяснять.

Очередная молния откинула многоголосого бомжа метров на тридцать. Он был жив, скреб черными ногтями по земле, пытаясь подняться.

Макс повернулся к Оксане.

— Сейчас я уведу тебя отсюда, — сказал он. — Важно: пока я не разрешу говорить, ты должна молчать. Ни слова. Ни звука. Возьми. — Он сунул ей в ладонь большую серебряную монету. — Положи на язык. Будет напоминать тебе о необходимости молчать. Прошу тебя, быстрее.

Оксана послушалась. Макс кивнул, тоже сунул в рот монету. Вынул из-за спины и раскрыл зонт.

Окружающий мир полностью утонул в пелене дождя.

8

Оксана никогда не жаловалась на умение ориентироваться на местности. Даже в незнакомых городах она прекрасно обходилась без карты. Москву знала, конечно, хуже старых таксистов, но тоже прилично.

Сейчас она не могла понять, куда ведет ее Макс. Более того, сама реальность их прогулки была под вопросом. Сквозь струи ливня проступали смутные силуэты домов, не похожие на сталинки, окружавшие место ее встречи с бомжем. Да что там, где во всей Москве можно найти трехэтажные домики со стрельчатыми витражными окнами? На смену им выползает неровная, мокрая и мрачная громада — без окон, с хаотично разбросанными от фундамента до крыши проемами, соединенными выступающими из стены ступеньками. Просто ожившая картина Эшера.

Макс все время ускорял шаг, тревожно оглядываясь по сторонам. Они почти бегом преодолели оплетенную мертвым плющом арку. Дождь постепенно стихал, дома вокруг приобретали все более и более привычный вид. Оксана заметила, что Макс устал. Его грудь часто вздымалась, он сбивался с шага.

Дождь прекратился. Они остановились.

Медленным движением смертельно вымотанного человека Макс сложил японский зонт. Выплюнул в ладонь монету. Оксана сделала то же самое.

— Макс...

Он помотал головой.

— Пожалуйста. Вопросы позже. Пожалуйста.

Он указал зонтиком на ближайший подъезд панельного двенадцатизэтажного дома. Они стояли во дворе, окруженном с четырех сторон домами-близнецами. Поблизости наблюдались гаражи-ракушки, мусорники, детская площадка, но никаких признаков увитой плющом арки.

— Нам туда.

Рука с зонтиком дрожала.

Они поднялись на лифте на верхний этаж, по ободранной железной лесенке на чердак. Макс навалился плечом на дверь, и они вышли на крышу. Пахло сыростью.

— Нам надо находиться под открытым небом, — сказал Макс. — Какое-то время. Дождь смыл наши следы, но нельзя быть уверенным до конца.

— Я хочу знать, что происходит, — сказала Ксана. — Что будет с моей машиной? Что за человек напал на меня? Кто ты такой?

Макс вздохнул. Опустился прямо на мокрый гудрон.

— Могу подстелить тебе свою куртку, если хочешь сесть, — предложил он.

Оксана решительно уселась напротив него. Джинсы моментально намокли, захотелось в туалет.

— Говори.

— Есть мир, которого ты не знаешь... Нет, не так. Представь себе, что есть место, где возможно все... Да, так тоже не очень понятно. Однажды я умирал от укуса непонятной ядовитой твари, и местный шаман... Так получится слишком длинно. — Макс закрыл глаза, сжал руками виски. Помолчал. — Есть место, оно зовется по-разному. Зиккурат, Стеклянная Башня. Столп Тысячи Граней. Я говорю просто — Башня. Есть люди, которые ищут возможности попасть в нее...

— Зачем? И как это связано?..

— Зачем — это правильный вопрос. Как связано, я объясню, не перебивай. Люди ищут, иногда на протяжении нескольких жизней. Ты спросишь: как это — несколько жизней? Ответ такой: сам поиск входа в Башню уже дает человеку силу делать невозможное. Обманывать смерть, как это делает наш

общий теперь друг Восемь, например. Или собирать дожди, как другие собирают марки.

— Макс, у меня чувство, что я сошла с ума.

— Нет. Морские девы не сходят с ума.

«Вы обидели морскую деву», — сказал Макс многоголосому бомжу. Он имел в виду ее.

— Я тебя не понимаю. Совсем не понимаю.

Макс подался вперед, сжал руки Оксаны в своих.

— Ты помнишь свою мать? — спросил он.

Оксана прикусила губу.

— Только урывками. Их очень рано не стало, родителей. Я росла у деда с бабушкой. Как это связано?

— Расскажи мне про свою мать. Как она познакомилась с отцом? Как умерла?

Руки у Оксаны совсем заledenели. Ее била мелкая дрожь.

— Отец был коком на сейнере. Жил в Мурманске, он там родился. С матерью познакомился во время стоянки на Итурупе. Бабушка говорила, что ее родители были вулканологами. Они погибли во время прорыва гейзера.

Макс закрыл глаза, покачиваясь на месте.

— У морских дев нет прошлого, — прошептал он.

— Бабушка маму не любила. Она говорила, что мама порченная. И что отца она тоже испортила. Когда отец привез маму в Мурманск, они почти год не разговаривали. Пока я не родилась.

— У морских дев нет друзей.

— Мама пропала, когда мне исполнилось три года. Дед рассказывал, она пошла гулять на берег океана. И не вернулась.

— Морские девы уходят, не прощаясь.

— Отец так и не оправился. Начал пить. Уволился с сейнера. Чуть ли не в мусорниках рылся. А потом какая-то темная история случилась. Непонятная. То ли газ прорвало, то ли кто-то специально поджег. Дом, в котором он жил, сгорел. Отец тоже. Я уже давно тогда у деда с бабкой жила. — Оксана смотрела покрасневшими глазами сквозь Макса. — Я совсем не плакала, Макс. Не умела и не умею.

— Морские девы не плачут. Их слезы — это морская вода.

— О чем ты говоришь? Кто такие морские девы? Макс, с меня хватит загадок на сегодня.

— Нет никаких загадок. Этот мир принадлежит не только людям.

— Кому еще? Ты опять про свои группы крови?

— И про них тоже. Оксана, есть признаки, которые отличают морскую деву, живущую среди людей. Я видел их в тебе с первой секунды. Ты отверачиваешь лицо, утоляя жажду. Ты не пьешь кипяченую воду, у тебя дома даже нет чайника. Ты не плачешь. Ты всегда засыпаешь в ванне, когда вода доходит тебе до подбородка, но ты никогда не боялась захлебнуться. Ты никогда не была на море. Окажись ты хоть раз на берегу, ты не вернулась бы больше к людям. Как твоя мать.

Оксана вырвала у Макса руки, прижала их к ушам.

— Я не могу это больше слушать! — закричала она. — Я не могу, не могу, не могу! Что ты хочешь от меня?!

Макс придвинулся к ней, обнял, нежно отвел ладони от головы.

— Я хочу отвести тебя домой, — тихо сказал он.

9

Они были у Макса дома, сидели, завернувшись в пледы. Только лежавший под рукой Макса посох дождя напоминал, что где-то рыщет по их следам чудовище по имени Восемь.

Макс рассказывал Оксане про Башню.

— Путь к Башне скрыт. Вход в нее тоже. Путем и входом ведают сущности, принимающие облик людей, но от нас бесконечно далекие. За крупницы знаний о Башне они взимают плату. Мне, например, приходится расплачиваться с ними *настоящими слезами*.

— Что это?

— Слезы, которые люди проливают в момент высшей искренности. От любви, от ненависти, от сильной боли. Выше всего ценятся слезы, пролитые на грани смерти, но это редкий товар.

Оксана скривилась. Макс хмыкнул.

— Без цинизма, боюсь, в моем деле не выжить. Тебе лучше не знать, чем с хранителями расплачиваются люди вроде Егора Поташева.

— Он тоже?..

Макс кивнул.

— Поташев служил Октагону. Это древний и мрачный союз. Восемь магов, отдавших хранителям Башни все, даже свои тела. Они пользуются *вестниками*, одного из них ты видела. Не хочется про них говорить, если честно. Мы давно не ладим...

— А кому служишь ты?

— Я сам по себе. Поэтому я не играю в высшей лиге. Если бы не ты, Восемь размазал бы меня по всей Малой Ордынке.

— Если бы не я, тебя там не было бы. Почему ты взялся мне помогать, Макс?

Макс ответил далеко не сразу.

— Если я скажу, что ты похожа на женщину, ради которой я ищу вход в Башню, это будет неправда. Ты совсем другая. Но ты могла бы быть ею.

— Я опять перестала тебя понимать.

Впервые Оксана увидела, что слова даются Максy нелегко.

— Говорят — и тем, кто говорит, стоит доверять, — что Башня дает шанс прожить жизнь заново. — Макс, опустив голову, вязал в косички бахрому пледа. — Прожить жизнь со знанием того, что ты можешь исправить. Я любил женщину. Я потерял ее. Если Башня не сможет вернуть меня в день, когда это случилось, она, по крайней мере, заберет мою память о нем.

Оксана поняла, что сейчас не время для вопросов. Ей стало тесно в бывшей колокольне вместе с собирателем дождей и его воспоминаниями.

— Вызови мне такси, Макс, — попросила она.

— Тебе безопасней оставаться здесь.

Оксана усмехнулась. Невесело.

— Я же морская дева. Кто посмеет меня обидеть?

10

Будильник поднял ее в пять тридцать утра. Разглядывая свои сморщившиеся от воды ладони, Оксана слушала, как телефон надрыгается в коридоре. Она заснула в ванне. Такое с ней приключалось нередко. Что же, теперь у нее есть подходящее объяснение всем своим чудачествам.

Через час за ней приехал водитель. Оксана попросила секретаря прислать машину и заодно справиться в ГАИ о судьбе ее «Вольво». Думать о работе после вчерашнего казалось невозможным.

Бергер прислал смс. «К сегодняшней видеоконференции я заказал шампанского. Отпразднуем твоё назначение». Оксана представила фальшивую радость на лице офисных подхалимов, и ее едва не стошнило.

— Остановите не доезжая, на углу Сметниковской, — попросила она водителя. — Я хочу прогуляться полквартала пешком.

Перелом наступил в половине двенадцатого. Сначала на ее электронную почту пришло письмо из технического отдела. Программисты по ее заданию сделали «схему Поташева» — нанесли данные о покупках по фиктивным договорам с ипотечным фондом на карту России. Оксана хотела понять, что стоит за махинацией Егора. Нефть? Бокситы? Уж очень широк был географический разброс между сделками.

Ей не потребовалось и минуты, чтобы угадать узор, который получался, если соединить линиями кляксы земельных участков, приобретенных Поташевым на подставных лиц. Восьмиугольник. Его центр находился в Подмоскowie. Именно в этом месте было сделано последнее приобретение фонда.

Во рту появился неприятный кислый привкус. Происходило что-то за гранью ее понимания.

Зазвонил внутренний телефон.

— Оксана Владимировна. — Секретарша была взволнована. — С вами хотят говорить из Управления внутренних дел. Майор Калугин.

Макс любил приходить на Маяковку. С этой площади началось его знакомство с Москвой. Нельзя сказать, что оно было приятным. Тот апрель выдался морозным, а на нем были тонкие брюки и какая-то смешная ветровка. Минус пятнадцать, под ногами поземка, в руках бутылка портвейна.

Прогулка по апрельской Москве закончилась неприличным фурункулом в заднем проходе. Название этой радости, колопроктит, Макс помнил со студенческих времен. Его бил

озноб, температура прыгнула за сорок. «Отморозил, дружок, — ласково сказал заведующий отделением проктологии, — надо резать». Макс сунул доктору мятый полтинник, лег на железный стол, подложив под голову клетчатую сумку. На наркоз денег не было.

«На-ка, прикуси», — сказал врач и протянул Максу кусок эластичного бинта. Секунду в прямой кишке ощущался холод от скальпеля, потом была очень сильная боль. Выплюнув бинт, Макс орал от души. Удивительно, как не отрубился.

Пока Макс не ухитрился перебежать дорогу одному мстительному шаману и тот не натравил на него сольпугу, Макс был уверен, что сильнее боли в его жизни не будет. Уходя, он не забыл подобрать резиновый бинт и долго хранил его как память.

С тех пор многое изменилось. Память перестала быть главным сокровищем. Именно с памятью он боролся, глотая портвейн у памятника поэту, которого не любил и не понимал. Все эти ноктюрны водосточных труб, весь звенящий надрыв поздних стихов.

«И все же есть у нас что-то общее, да, Володя? Посмотри, до чего довели нас наши бабы. Впору закаменеть».

Телефон зачирикал в кармане. Мелодия Оксаны. Как давно ее не было слышно.

— Макс...

— Что-то случилось? У тебя такой голос...

— Макс, Поташева убили. Мне звонил следователь Калугин.

Макс посмотрел на небо. Ни облачка. Хороший день для псов Восьмерки.

— Этого следовало ожидать. Тебе надо быть очень осторожной. И мне тоже.

— Я больше не могу, Макс. Безумие сплошное. Что творится?

Октагон не щадил никого, даже собственных слуг. Поташев не справился, его убрали с доски.

— Оксана, не волнуйся. Все скоро закончится.

Ее голос зазвучал так отчетливо, что Макс даже обернулся, не стоит ли Оксана рядом:

— Макс, я не хочу быть здесь. Забери меня. Забери меня домой.

— Этот город называется Дивноморск, — сказал Макс. — Иногда его называют Фальшивый Геленджик, но название дурацкое. Последний раз я был здесь студентом, на втором курсе медика.

Они почти не спали в дороге. Гнали бешено, сменяясь за рулем. Макс пил кофе из термоса, Оксана глотала энергетики с красными, демоническими узорами на банках.

Уже на подъезде к Дивноморску накопившееся напряжение, свинцовая усталость, чудовищные дозы кофеина нашли выход. Они свернули на обочину и трахнулись прямо возле машины. Оксана стояла на четвереньках, и он не видел ее лица, глаз. Да и боялся видеть, если честно. Потом они несколько часов проспали на заднем сиденье. Во сне не касались друг друга.

— Это центральная улица. Она упирается прямо в море, в городской пляж. Если по нему идти вправо, будет пансионат нефтяников «Факел». У них еще в мою бытность было богато. Дальше был дикий пляж, сейчас, думаю, там все облагородили.

Макс не был уверен, что Оксана его слушает. Чем сильнее они приближались к морю, тем больше она уходила в себя. Да и сам Макс говорил, а мысли его неслись вскачь. Словно незримая волна катилась перед капотом, возвращая новому городскому пейзажу памятные черты.

«Вот здесь был ларек, где мы покупали пиво и водку. В нем работала удивительной красоты девочка, ты еще сказала, что будешь с ней спать. То ли чтобы позлить меня, то ли завести. Там дальше парапет, где мы покупали шмаль у местного барыги. Волейбольная площадка, где я на измене прятался за столбом. Дискотека, куда мы так и не попали вместе. Как она называлась? «Фламинго»? А вот здесь я уронил арбуз, и мы ели его прямо с земли. Ты достала из джинсов нож, чтобы вырезать мякоть, и я узнал, что ты всегда ходишь с ножом. Даже в аэропорт ты его взяла, когда я провожал тебя последний раз».

— Куда мы едем? — спросила Оксана. — В гостиницу?

В закатном небе клубились, толкались тучи. Макс чувствовал их так же, как Оксана чувствовала близость моря.

— Мы почти приехали, — сказал он.

«Надеюсь, пляж, где мы с тобой купались голышом, еще не весь замостили привозной турецкой плиткой».

Солнце прорвалось, окровавленное и кричащее, сквозь тучи, чтобы рухнуть в хмурую водную гладь.

Оксана и Макс стояли на шербатых камнях. За их спиной вздымался белый склон, которому институтский друг Макса дал прозвище «лунный пейзаж».

— Оно мне снилось, — сказала Оксана. — Я всегда забывала сны, когда просыпалась, но теперь вспомнила. Мне снилось море.

— Пойдем. — Макс взял ее за руку. — Познакоимся с ним поближе.

Оставив обувь на камнях, они спустились к воде. Оксана крепко держалась за ладонь Макса, но ее лицо было отрешенным, чужим. Море звало ее.

Вода, коснувшаяся их ног, была холодной, но Оксана не вздрогнула. И не остановилась. Теперь уже не Макс вел ее, а она увлекала его за собой.

По колено. По бедра. По пояс.

— Оксана.

Он чувствовал ее ладонь, ее пальцы. Они шевельнулись.

— Оксана.

С заметным усилием она повернулась, посмотрела на Макса. Глаза Оксаны потемнели, лазурь сгустилась.

— Я... — Он прочистил горло. — Я рад, что встретил тебя.

Она улыбнулась. Кажется, впервые с тех пор, как они покинули Москву.

— Мы разве прощаемся?

Макс покачал головой, не в силах продолжать. Продолжая улыбаться, безмятежно, светло, она вновь повернулась к горизонту и сделала шаг. Потом еще один. И еще.

Соленая вода теперь дохлестывала Максуду до груди, Ксане до подбородка. Дно под ногами могло пропасть в любую секунду.

Волна пришла ниоткуда, взметнулась, накрыла их с головой. В ушах Макса зазвучал шепот множества голосов.

Он почувствовал, как рука Оксаны не просто оставляет его ладонь, а растворяется в ней. Когда волна схлынула, вокруг Макса была только белая пена. И ни одного человека на сотни метров вокруг.

Морские девы уходят, не прощаясь.

Тучи догнали солнце, вместе с ним окунулись в море, напились соленой влаги. И, не в силах больше сдерживаться, разродились ливнем. Темная стена шла к берегу, к камням, на которых сидел человек в мокрой одежде.

Плечи человека вздрагивали. Из его широко открытых, невидящих глаз катились слезы. Сейчас, сейчас дождь ласково хлестнет человека по лицу. Слезы упадут вниз, в подставленные ладони, крошечными прозрачными кристаллами.

Это плата за возможность вернуться сюда, на «лунные камни», сквозь годы тоски и утраты. Или же за возможность забыть то, за чем хотел вернуться.

По дороге к Башне, вход в которую отмечен на «схеме Поташева», у человека будет возможность подумать над выбором. Но это будет потом.

Сейчас он просто точка на границе дождя и моря. И его слезы — это просто слезы, а не плата хранителям Башни.

«Прощай. Помни».

Тучи накрыли берег, и белые камни потемнели от дождевых струй.

МУХИНО ЧЕРТОВЬЕ

таренький «пазик», остающийся на ходу, кажется, только из любви к своему водителю, дребезжал по грунтовке, основательно разбитой тяжелыми лесовозами. Пассажиры автобуса — обычные для подобного маршрута: старухи, утренним рейсом ездившие в райцентр в поликлинику и по магазинам, а теперь разъезжающиеся по родным деревням. Большая часть кругового маршрута была уже позади, так что мест в автобусе имелось в избытке. Все друг друга знали, лишь один, явно приезжий, полный мужчина лет пятидесяти сидел, чувствуя себя посторонним. И потому, когда автобус остановился едва ли не среди леса и раскрыл двери еще одному пассажиру, тоже в годах и городской внешности, а тот уселся рядом с приезжим, между ними немедленно завязался разговор.

— За грибами ходили?

— Нет, просто с дачи. Понадобилось в город съездить. Но как только управлюсь — сразу назад. В такую пору в городе кинуть грех.

— Дом куплен или с самого начала ваш был?

— Куплен... — Собеседник улыбнулся так, что сразу было видно: дача приобретена недавно, и радость домовладельца еще не остыла.

— А я никак не могу дом подыскать приличный, — вздохнул первый пассажир. — Сплошь развалюхи, которые только на дрова и годятся. Опять же речку хотелось бы и лес грибной. По отдельности все есть, а вместе — нету. Я уже сам над собой смеяться начал: мол, неудачник — весь район изъездил, а остался не у дачи...

— Плохо искали. — Удачливый дачник прямо-таки излучал довольство. — Я купил домик — просто загляденье. Пятистен-

ка, обшита вагонкой, крыша шиферная. Дом не новый, но недавно подрублен, и бетонный фундамент подведен. Русская печка с плитой, все как полагается. Я даже ремонта не делал, прежняя хозяйка перед продажей обои переклеила.

— Готовите на печи?

— Зачем? Газ есть. Баллоны привозят, так одного большого баллона на все лето хватает.

— В такую глушь и газ возят?

— А чего им не возить? Закажешь, так и привезут.

— Вода далеко?

— Колодец под окнами. Глубокий, пока ведро вытащишь, семь потов сойдет. Но я думаю насос поставить. Тогда и душ можно будет организовать, и огород поливать.

— А настоящая вода?.. В смысле, речка.

— У нас не речка, у нас озеро. Приличное, полкилометра поперек. Лещики водятся.

— А лес?

— Что лес? Лес сейчас везде хороший, покуда не вырубил. Народу в деревнях почти не осталось, за грибами ходить некому, вот мне и достается более чем достаточно. Черничник тоже есть, но это не для меня — по яголке клевать.

— И где такое чудо сыскалось? — поинтересовался неудачник.

— Вы же видели, где я садился. От перекрестка километра полтора проселком — деревня Мухино...

— Чертовье! — неожиданно каркнула старуха, сидевшая неподалеку.

Непонятно было, вмешалась она в разговор или просто по стариковской привычке к одиночеству сердитым словом завершила свои невысказанные мысли. Собеседники повернулись к бабушке, но она уже поднялась со своего места и направилась к передней двери:

— Милок, ты у автопредприятия-то останови! Мне тута вылезать!

Дребезжащее чудо техники сплонуло бабульку возле самого въезда в город. Маршрут заканчивался, ехать оставалось пять минут.

— А деревня, — сказал дачевладелец, — и впрямь когда-то

называлась Мухино Чертовье. Но сейчас во всех документах просто Мухино.

— И как там с мухами? До черта?..

— Летом есть, куда они денутся. Особенно в июне слепней было — страсть! Это потому, что озеро рядом. Слепни всегда у воды кружат. Старухи говорили, что прежде, когда совхозное стадо было, к водопою хоть не подходи. Думаю, что и название от этого возникло.

— От совхозного стада?

— От слепней у водопоя. Там и до революции стада были — дай бог! Кругом покосы, трава в человеческий рост вымахивает. Даже ивняк заглушить умудряется. Жаль, уже не косит никто... Зато озеро чистым стало, а то при советской власти туда, говорят, навоз от коровников стекал... — Рассказчик поднялся, кивнул на прощанье: — Ну, все, мне здесь выходить.

— А мне до вокзала, — печально резюмировал первый пассажир.

* * *

Дом, так удачно купленный в деревне Мухино, стоял на пригорке, круто спускавшемся к озеру. Вид из окон был чудеснейший: палисадничек с флоксами и тигровыми лилиями, спадающий к воде луг, озеро, местами заросшее вдоль берега, но у самой деревни высвобождающее песчаный пляжик, а за озером — лес, уходящий к горизонту, где он незнакомо синел, словно грозовая туча, пугающая, но немощная ворваться в мирный деревенский покой. Единственное, что портило идиллию, — ржавый остов трактора, вросший в землю в полусотне шагов от воды. Судя по всему, битвы за урожай здесь гремели нешуточные, так что память о давних потерях сохранилась до сего дня.

Владен Михайлович Голомянов — именно так звали счастливого владельца дачи — вернулся из города уже через день, на ближайшем автобусе. Он еще не привык к званию домовладельца, буржуазное слово «мое» грело ему душу. В былые годы только редкие автомобилисты имели в собственности нечто крупное, но Владен Михайлович и не мечтал никогда об автомобиле или хотя бы о чем-то размерами больше шкафа.

А тут — целый дом, и весь, от подпола до чердака, принадлежит ему! Заходя в сени, Владлен Михайлович иной раз от избытка эмоций гладил кончиками пальцев толстые сосновые бревна, хранящие следы струга, которым не слишком аккуратно ошкуривали бревно.

Конец августа и сентябрь выдались нежаркими, за сутки дом успел выстыть, и Владлен Михайлович первым делом затопил плиту. Сберегая дрова, топил Владлен Михайлович древесным ломом, в изобилии валявшимся вокруг дома, а на растопку использовал старую дранку, охакку которой приволок от развалин весовой. Таким образом достигалась экономия, а в округе наводился порядок.

Пламя гудело, чайник на плите грелся, экономя газ, на строение было прекрасное, хотя обычно Владлен Михайлович не любил рано вставать.

Хотя чайник еще не закипел, оконные стекла быстро запотели. Владлен Михайлович распахнул фрамугу, чтобы проветрить комнату, а заодно выгнать на улицу сонных мух, рассеявшихся на стекле. Мух в деревне Мухино и впрямь было изрядно, особенно сейчас, когда они потянулись из сентябрьской прохлады в теплый дом. Большую часть времени они смурно сидели на окнах, но порой начинали бешено и бессмысленно носиться под потолком, падать в суп и чай, что согласно народной примете обещает скорый подарок, путаться в волосах, по поводу чего иная народная мудрость утверждает, что человек этот умом не задался. Вообще крылатые мерзавочки, в честь которых была названа деревня, портили хозяину жизнь изрядно, о чем он умолчал, разговаривая в автобусе с незнакомым попутчиком.

— Помирать собираются, — сказала в ответ на сетования Голомянова его соседка Анюта, — вот и дурят, сердешные.

Мух, даже помирающих, было не жалко, и Владлен Михайлович боролся с ними как мог.

Из сумки, с которой ездил в райцентр, Владлен Михайлович извлек три желтых цилиндра, напоминающих ружейные патроны. Сорвал обертку, развернул медово-липкие ленты, одну за другой прикнутил их к потолку. Старые ленты, густо обсиженные еще шевелящимися мухами и трупиками их подруг по несчастью, осторожно снял, опустил в полиэтиленовый

мешок и, скомкав, кинул в топку. Очень неаппетитное занятие, но уж лучше так, чем позволять мухам летать по комнате или травить их химической пакостью, которая не столько мух гробит, сколько человека. В таких делах Голомянов был специалистом и потому бытовой химии избегал.

Для огородика конец лета — пора отдыха. Июньские и июльские прополки закончены, овощ пошел в рост, теперь не трава его, а он траву заглушит. Только если очень дождливый год, в межрядных ровках невесть откуда попреет мокрица и, если не выдрать ее немедленно культиватором, может сгноить весь потенциальный урожай. Зато на мокрице хорошо настаивается гнилая вода, опрыскивать капусту от прожорливой гусеницы.

Огород у Голомянова был немалый, с весны его вспахали лошадей, содрав за работу триста рублей, и теперь городской пенсионер, выслуживший раннюю пенсию непорочной службой на вредном предприятии, стремился оправдать затраты, получив небывалый для средней полосы урожай.

Сотрудники вредных предприятий даже по внешнему виду делятся на две категории: те, что план выполняют, и те, что занимаются общественной работой. Первые, наоблучавшись или надыхавшись на рабочем месте всякой вредностью, ходят желтые, тощие и редко доживают до обещанной ранней пенсии. Ни усиленное питание, ни большие отпуска этим доходягам не впрок. Зато те, кто не ленился гулять за отгулы в рядах добровольной дружины, не отказывался от поездок на сельхозработы, хотя там рабочий день не семь часов, а все девять, кто донорскую кровь сдавал (опять же за отгулы), кто долгие рабочие часы просиживал на профсоюзных конференциях или, устроившись подальше от реактора, не важно, химического или ядерного, вдохновенно рисовал стенную газету, тот нагуливал здоровый румянец, отъедал в ведомственной столовой широкую ряху и на пенсию выходил толстым и красивым. Подобное положение вещей доказывает, что естественный отбор среди вида хомо сапиенс отнюдь не прекратился.

У Владлена Михайловича здоровье было отменное, и ничего дурного в том не было. Бесплатно кровь сдавать дважды в год имеет право любой, а вот пользуются этим правом почему-

то далеко не все. А что отгулов за донорство на предприятии давали не один, как законом предписано, а три — так это не Голомянов придумал. Донорская кровь нужна; не выполнит предприятие плана по сдаче, так недостающую кровь с замдиректора по общим вопросам всю как есть выцедят. Вот и поощряли заводы энтузиастов как только могли. И олимпийские объекты строить было нужно, иначе не направляли бы разнарядку на все предприятия, включая военные заводы, чтобы посылали рабочих на строительство спортивных сооружений. И кто виноват, что одни соглашались таскать кирпичи на свежем воздухе, а другие предпочитали оставаться в цеху, где мягкий свет, и стерильность, и тяжестей поднимать не надо, но где, несмотря на многослойную защиту и отличную вентиляцию, все же подсасывает почти незаметно ядовитые фториды, неведомо зачем нужные неведомым секретным организациям.

А на пенсию и те, и другие выходили одинаково, в сорок пять лет, только одни — жить, а другие — доживать. И это тоже придумал не Голомянов.

Зато теперь Владлен Михайлович в самом расцвете сил и несокрушимого здоровья. Сил и здоровья хватало, чтобы как следует разрабатывать вспаханный огород, ходить в лес и ежедневно, куда держалось тепло, купаться в озере. А морковь, свекла и черная июньская редька тем временем наливались на грядках, доказывая, что буржуазное слово «мое» относится к самому разнообразному сонму предметов и вовсе не обязательно связано с бесчестными приобретениями олигархов. Мой огород — моя и редька; мой дом — значит, мухи под толком тоже мои.

К вечеру на недавно чистой ленте уже копошилось с десятков страдалиц. Иная пыталась взлететь, работая единственным свободным крылышком, другие заваливались на спину и беспомощно сучили ножками, причащаясь перед скорой кончиной, некоторые попросту висели, потеряв надежду на спасение, и освободиться не пытались.

Утреннее пробуждение оказалось не из приятных. Еще толком не рассвело, а ошалелая осенняя муха, жирная навозница, какие нечасто залетают в дом, спикировала Владлену Михайловичу на макушку, запуталась в волосах и была спро-

сонья раздавлена. Владлен Михайлович не был особо брезглив, но необходимость вычищать из волос мушиные внутренности энтузиазма не вызывала. Пришлось вставать и идти мыться, когда еще хотелось полежать под одеялом, лениво представляя грядущие дела. Ну а чтобы день не пошел наперекосяк, Голомянов, наскоро позавтракав, убрался в лес. За грибами ходить всегда приятно, даже если не особо любишь эти грибы кушать.

Назад топал с полной корзиной маслят и тонких пушистых белянок, которые у местных ценились больше прочих грибов. Деревенские белянки не солили, а, отмочив в трех водах, жарили со сметаной. Владлен Михайлович все собирался попробовать это блюдо, но каждый раз оказывалось некогда или лениво. Когда все твоё время принадлежит тебе, его особенно не хватает.

В сторону леса Владлен Михайлович обычно проходил околицами, а назад возвращался улицей, желая похвалиться грибным изобилием. Знал, что деревенские уважают добытчиков: у кого на огороде растет и кто из лесу много приносит.

В деревне народ, как назло, не попадался, лишь дед Антоний сидел на лавке возле калитки. Шел Антонию девятый десяток, и он по старости уже ничего не делал, бродил в проулке у дома, вытаскивал какой-то инструмент, какому и названия уже нет, потом убирал на место, так ничего и не начав мастерить. А чаще просто сидел на лавочке, зорко поглядывая на проходящих. Первое время Владлен Михайлович полагал, что старика зовут Антоном, но потом узнал, что тот и по паспорту Антоний. Глухая русская деревня богата на подобные кунштюки. Деревенская жизнь проста и прямолинейна, так хоть в выборе имен можно порадовать себя разнообразием.

Владлен Михайлович поздоровался, поставил корзину так, чтобы дед мог разглядеть сбор, и сам присел на край скамейки.

— Пошли беляночки, — констатировал дед.

— Да уж давненько, — в тон ответил Голомянов. — Давайте-ка я отсыплю вам, а то куда мне столько, а вам Анюта пожарит.

— Отсыпь, — не стал кочевряжиться Антоний. — Беляночки мягкие, а то зубы у меня совсем плохи стали.

Зубы у Антония были что у лошади: большие, желтые, все

свои, ни один не потеряян. Но полагается жаловаться на здоровье, и Антоний жалуется.

— Мухи меня замучили, — продолжил беседу Владлен Михайлович. — Обнагтели вконец. В июле их столько не было.

— Помирать собираются, — видимо, эта отговорка была общей для всей деревни. — Вот и гуляют на прощание. Это мне все в жизни надоело, так я и сажу тишком, а мушка живет коротко, вот ей и обидно.

— Откуда их столько на мою голову? — не мог успокоиться с дачник. — Я давеча просыпаюсь, так в избе черно от мух. Сотня, да и не одна...

— Ты небось весной мух бил? — раздумчиво спросил старик.

— Ну, бил. Я их терпеть ненавижу и всегда бью.

— Так что ж теперь хочешь? Это старая примета, от дедов досталась: кто весной муху убьет, тому под осень полное лукошко мух народится. А ты набил их по весне целое кострище, вот теперь и страдай.

— А осенью бить можно?

— Осенью можно. От каждой убитой мухи лукошко мух убывает.

— Тогда пойду, — Владлен Михайлович усмехнулся, — с мухами разбираться.

— Давай, разбирайся. Ты большой, они маленькие. Осилить.

Владлен Михайлович пересыпал старику добрую треть собранного и отправился к дому. По дороге пытался представить лукошко, полное мух... Странная, однако, манера считать мух лукошками и кострищами. Кострищами деревенские называли крутые поленницы в человеческий рост высотой. Кострище мух — подобную ахиною самая разнузданная фантазия осилить не могла.

Изба встретила хозяина могучим слитным гудением. Осеннее солнышко как следует нагрело горницу, превратив ее в подобие теплицы, и, привлеченные нежданной жарой, отовсюду слетелись ненавистные мухи. Бесчисленные лукошки и кострища мух гудели под потолком, навечно обживали липкую ленту, засиживали зеркало, засирали обои и поверхность сто-

да, колотились головами о мутноватую прозрачность оконного стекла, зудели и выли на разные голоса. Такого изобилия Владлену Михайловичу видеть еще не доводилось. Он бросил на пороге корзину, ринувшись сквозь сонмища мух, распахнул окно, замахал кухонным полотенцем, стараясь выгнать неожиданных гостей наружу.

— Кыш! Кыш! — Как будто мухи — это курица, с велика ума вломившаяся в дом.

В сентябрьскую прохладу не хотелось, мухи продолжали долбиться головами в закрытые окна, игнорируя распахнутое.

От подобного зрелища Владлен Михайлович пришел в остервенение. Кинулся к тому окну, что не открывалось, будучи наглухо заколоченным, и принялся голыми руками давить на стекле мух. Мухи почти не уклонялись, не пытались спастись. Скоро весь подоконник, весь пол были усыпаны черными раздавленными трупиками. Руки стали липкими, словно вымазанными в сладком. Владлен Михайлович вспомнил, как варил летом чернику, а мухи, которых и тогда было изрядно, лезли в варенье, совались хоботками в пенки, которые новоявленный кондитер выкладывал на блюдечко. Тогда мухи не казались бедствием, чтобы предохранить продукты, казалось достаточным кусок марли. Теперь отъевшиеся на варенье и размножившиеся мухи исходили сиропом под руками убийцы.

Владлен Михайлович инстинктивно лизнул пальцы, которые и впрямь оказались приторно сладкими. В следующее мгновение до него дошла отвратность ситуации, и Владлена Михайловича затошнило. Он стремглав выскочил на улицу, согнулся у стены в неудержимых приступах рвоты. Потом долго мыл руки с мылом, тер лицо, полоскал рот, затем пил воду, и его снова начинало рвать.

В дом вернулся окончательно измученным и не способным ни на какие активные действия.

Мух не было. Почти. Неспособные улететь копошились на липкой ленте, несколько штук не то живых, не то недодавленных ползали по стеклу, да одна жирная мясная муха с брюшком цвета перекаленного железа победно кружила вокруг лампочки.

И кому взбрело в голову, будто брюхо у гадины позолоченное? И намек на такое нет. У мелкой мушки оно черное, как и

все остальное тело, у мясных мух, прозванных так за то, что опарышами заражали некогда несвежее базарное мясо, брюшко черное с синим металлическим отливом. Летает такая муха целеустремленно и на огромных скоростях, отчего навевает техногенные ассоциации, не имеющие ничего общего с живой природой. Подобный бомбардировщик и барражировал сейчас под потолком, выбирая удобный миг для атаки.

Бороться с мерзавкой не было сил. Владлен Михайлович добрался до кровати и, несмотря на полуденный час, укутался с головой в простыню и провалился в забытье.

Проснувшись, долго не мог понять, где он и что происходит. Часы показывали половину пятого, время, когда в сентябре солнце еще высоко, но уже не греет, обещая скорый вечер и беспросветно темную ночь. С трудом поднялся, отпихнул корзину с неперебранными грибами, с отвращением принялся мести пол. Кучка мушиных тел оказалась вовсе не такой большой, не то что лукошка, стакана не наберется. Сгреб убиенных мух на совок, кинул в топку. Завтра с утра истопит печку, и кошмар с мушиным нашествием забудется.

Огонь все вычищает, недаром говорится: «Не выноси сор из избы». Знаменитый писатель и знаток русской жизни Сергей Максимов по этому поводу лепит какую-то лажу, мол, пороги в деревенских избах были такими высокими, что вынести мусор на улицу не представлялось возможным и приходилось сжигать его прямо дома. В доме у Владлена Михайловича пороги были самые обычные — полтора вершка в высоту. Гнать мусор веником через такую преграду и впрямь невозможно, а на совке вынести — запросто. Только зачем? Рассеивать сор по проулку, красиво заросшему муравой и кашкой? Затевать вместо лужайки ненужную помойку? Мух разводить? А совок в избе стоит возле печки, потому что главное его предназначение — выгрести золу из поддувала. Так и появился обычай мелкий мусор жечь. А поговорка уже потом родилась и даже получила подтверждение в целом ряде суеверий, вроде того, что по выброшенному мусору можно на хозяйку порчу навести.

Можно было бы истопить печку прямо сейчас, но смертельно не хотелось возиться с дровами и растопкой, а потом следить, когда придет пора закрывать вьюшку, чтобы и угарá

не напустить, и дом не выстудить. Владлен Михайлович вскипятил на электроплитке чайник, заварил покрепче индийскую «Принцессу Канди» и уселся за круглый стол пить чай. Пил без сахара, о сладком теперь долго и подумать нельзя будет. Стол был протерт начисто, но все равно под стакан Владлен Михайлович подложил бумажную салфетку.

Окна голомяновского дома смотрели на восход, так что вечером в парадной комнате солнца не было, а тень от дома тянулась чуть не до самого озера. Покой, долгожданное умиротворение, и только дурацкий трактор портит вид.

Внизу, за пригорком, «за бугром», как говорил Владлен Михайлович, обозначилось какое-то шевеление, а потом на открытое пространство луга выползла муха. Гигантское страшное лицо высотой под верхний обрез окон тяжело тащило раздутое сине-стальное чрево. Щетинистые лапы попирали землю, оставляя глубокие вмятины в луговом дерне.

Владлен Михайлович вздрогнул, потом нервно рассмеялся. Вот так люди и сидят прежде времени! А ведь случай-то известный, в литературе описан, у Эдгара По или Гофмана, кажется. Муха, та самая, что не давала спать, ползет по оконному стеклу, но чудится, будто она, тысячекратно увеличенная, бродит по лугу около трактора, который по сравнению с крылатым монстром глядится жалковато. Великая вещь — проекция!

Муха поравнялась с трактором и, не считая нужным свернуть в сторону, толкнула его всей тушей. Трактор завалился набок, выставив перемазанные землей катки, с которых свисал обрывок гусеницы. Муха направилась было к дому, где Владлен Михайлович хватался за сердце и беззвучно разевал рот, но, передумав, бесцельно развернулась и пропала за бугром.

Владлен Михайлович не мог сказать, сколько времени он приходил в чувство, как долго порывался и не решался выйти из дома, чтобы позвать на помощь хоть кого-нибудь. И какой помощи можно ожидать от горстки выживших из ума стариков и старух и нескольких мужиков помоложе, пропившихся до потери человеческого образа... не поверит ему никто, а если поверят, тогда еще хуже, потому что это значит, что зверская

муха не почудилась ему спросонья, а действительно ползает в окрестностях, переворачивая трактора.

Наконец выбрался из дома через двор, превращенный в дровяной сарай. Выходить через крыльцо, обращенное к озеру, решимости не хватило. Пробежал меж грядок, затем по соседским угодым, выбрался на улицу и там встретил первого живого человека — Антоху Мухина. Было Антохе лет около сорока, но, как всякий законченный алкоголик, он соединял в себе инфантильные черты пацана, не выкroившего времени, чтобы повзрослеть, и внешность дряхлого мужичка, давно уже глядящего в могилу. Весной Антоха задолжал Владлену Михайловичу семьдесят рублей, а поскольку отдавать было не из чего, а совесть Антоха пропил не окончательно, то от заимодавца он прятался, стыдясь смотреть ему в глаза. А тут дачник вывалился из чужого заулка, так что деваться стало некуда.

— Михалыч! — радостно возопил Антоха. — Какими судьбами? К Лизе заходил? Так ее нету, сегодня в Комнине престольный праздник, она туда упелась к родне. В Комнине и у меня родственники имеются, но ведь не нальют, так я и не пошел. У меня так: сперва налей, а после бей. Здорово я сказал, а?

— Слушай, Антон, — тяжело дыша, заговорил Владлен Михайлович, — я тут сейчас видел, из лесу выползло... я своим глазам не поверил... огромное... с виду вроде мухи, а величиной с дом. Трактор перевергло...

— Ты, Михалыч, никак сам под мухой, — подхватил разговор Антоха, — вот тебе мухи и мерещатся. Зацени, как я сказал, а?

— Но я же видел!..

— Мало ли что видел. Мне с бодуна и не такое видится. А ты сам посуди, у нас в деревне ни одного трактора, что там переворачивать?

— Да не целый! Битый трактор на берегу стоял напротив моего дома, так оно его пхнуло и завалило набок.

— Ну да, есть там тракторишко разобранный. Говорят, его я раздел, но это неправда. Сам посуди: он же гусеничный! На хрена мне гусеничный трактор раздевать? Серега его раздел, Васнецов, понял? И никто его не переворачивал, он так и стоит, как стоял. Не веришь, пошли глянем, что там за муха завелась.

Владену Михайловичу очень не хотелось идти на берег, но напор Антохи был так силен, что отказаться не представлялось возможным.

Трактор был виден издали. Как назло, он скончался в самом живописном месте села и портил пейзаж, с какой стороны ни посмотри. Прежде его хотя бы в сумерках можно было принять за нормальную сельскохозяйственную машину, оставленную здесь для какой-то надобности. Теперь, лежа на боку, он годился только на картину Сальвадора Дали отечественного разлива.

— Вот, видишь! — плачущим шепотом закричал Владен Михайлович.

— Ну, че — вижу? Трактор валяется. Так он тут от сотворения валяется. Как его Серега бросил, так он тут и того...

— Но ведь он стоял! Стоял, понимаешь, а теперь на боку лежит! Муха его толканула!..

— Ты меня-то не толкай, я тебе не муха, а Мухин Антон Васильевич. Здорово я сказал? Другие так не умеют. А трактор так и лежит, как лежал.

— Кто ж его набок-то кинул? — в отчаянии возрыдал Владен Михайлович, уже готовый поверить, что трактор так и валялся все эти месяцы на боку. Слишком уж прочно и основательно он угнездился в новом положении, возвышаясь ржавой скалой, вечной, как всякие горы.

— А я откуда знаю? Я его не трогал, мне без надобности. Серега, наверное, его откантировал, больше никому.

— Да нет же! — вскричал Владен Михайлович, вдруг поразившись, что в одном восклицании сошлись «да» и «нет» — отрицание очевидного нонсенса и готовность сдаться, поверить в невозможное. — Земля на гусеницах совсем свежая. И вот, гляди, следы, это она ходила!

Антоха внимательно осмотрел глубокие, в ладонь вмятины, оставленные в луговой дерновине. Не заметить их было невозможно, и уж они-то явно свидетельствовали, что совсем недавно на лугу бесчинствовала неведомая сила, которую и земля носить не может, проваливается под щетинистой хитиновой лапой.

— Ишь ты, какие копанки, — изрек он наконец. — Это кабаны постарались. К самой деревне вышли, мерзавцы. Надо

бы у Олежки Зайца ружьишко стрельнуть да кабана подстрелить, какой помясистей.

Владлен Михайлович в отчаянии слушал очередные Антохины каламбуры. Ничто, самые очевидные свидетельства не действовали на веселого мужика. Нет ничего и не было; с перепою почудилось. Ему, Антохе Мухину, и не такое чудилось, а вот жив, однакося.

— Да ты не слушаешь! — обиделся Антоха. — Культурный человек, а такой вещи заценить не умеешь. Ружьишко надо стрельнуть — во как сказанул! У Зайца взять да на кабана пойти — усекай, тут сразу две штуки!

Владлен Михайлович повернулся и понуро направился к дому, который теперь не казался его крепостью и не обещал ни уюта, ни защиты.

«Нервы пора лечить, — думал он. — Нервишки расшалились».

В доме хозяйничали мухи. Гудели, жрали, срали... радостно готовились помирать. Еще не кострища, но уже целые лукошки мух. Когда они успели налететь, оставалось тайной.

Выдержки у Владлена Михайловича хватило ровно настолько, чтобы не кинуться на отвратительных насекомых с голыми руками, с которых опять придется смывать мушиный сироп. Владлен Михайлович натянул нитяные перчатки «Капкан», в каких работал на огороде, и ринулся в бой. Уже не думал о том, чтобы сберечь обои, не вспоминал, что дело к холодам, а окна придется мыть. Он бил мух.

Покончил с этим полезным занятием, когда за окном уже густо темнело.

В доме царил бардак, которого обычно Голомянов не терпел. Расхристанная постель, немытая посуда. И всюду мушиные трупы. Завтра надо сгонять в город и привезти дихлофоса. Вредно, конечно, но такая жизнь еще вреднее.

В сенях сиротливо стояла забытая корзина с грибами. Где уж их сейчас чистить, а к утру все маслята червями возьмутся... если уже не взялись. Хорошо хоть деду грибов подарил, все не пропадет. Хотел выкинуть испорченный сбор на компостную кучу, но не стал выходить в проулок. Надо же, в жизни ничего не боялся, а тут стой и прислушивайся: не гудит ли басово муха-людоед, народившаяся взамен набитых кострищ?

И главное, как местные-то живут? У них сортиры антисептиками не залиты, а в хлеву кой у кого еще поросята хрюкают. У деревенских грязь, антисанитария, а мухи у дачника.

Вернулся в дом, перетряс простыни на постели, чтобы не улечься ненароком на полураздавленную муху. Только после этого смог лечь. Смурно подумал, что надо бы пол еще раз подмести, а то валяются всюду... эти, но вставать и зажигать электричество не стал. Явится на свет что-нибудь крылатое, толкнет избу каленым боком, а потом Антоха будет божиться, что и вовек тут дома не стояло, а всегда были развалины. А что под развалинами дачник валяется, так на то они и развалины, чтобы валяться. Да и дачник-то тоже — тьфу! — развалина, о таком и говорить не стоит. И предложит слушателю заценить, как сказано...

Выспавшись днем, Владлен Михайлович ночью спал скверно и окончательно пробудился в непроглядный ночной час. Лежал, вслушиваясь в бездонную тишину, пытался понять, что его разбудило. Потом до него дошло: смолк чуть слышный, но постоянный шорох мышей за обоями. Недели две назад крошечные мыши-полевки, шумливые, но безобидные, до того жившие, как и полагается, в поле, пришли зимовать в тепло. Вреда от них не было ни малейшего, разве что скорый топоток лапок за обоями порой начинал раздражать. А тут притихли, молчат, дрожат... И вместе с ними замер в тягостном ожидании Владлен Михайлович Голомянов. Хотя для кого это он Владлен Михайлович, да еще и Голомянов? Имя-отчество у человека только днем бывает, на свету, да еще желательно в городской квартире, где железобетон заглушил все, особенно ждущую тишину. А тут он никто и звать его никак. И это даже хорошо, потому как если оно позовет...

Тьфу ты, не иначе от Антохи заразился...

Отчего-то вдруг вспомнился старушечий разговор, невольно подслушанный в ожидании приезда автолавки. Лавка задерживалась, и старухи, собравшиеся у развалин сельпо, где по традиции шла приезжая торговля, беседовали о своих, непонятных постороннему делах, произнося непонятные постороннему уху слова. Речь шла о каком-то Роде, уж на что мужик был годячий, а почва взяла, и начал он болеть до самой смерти. Что за почва? Порча, что ли, или почки у него заболели? Кто не

знает, тот уж и не догадается. Запомнилась из разговора простодушная до ужаса фраза, оброненная одной из старух в заключение беседы: «Для всех весна, а он в земельку умер».

С безжалостной ясностью Владлен Михайлович понял, что это и про него тоже сказано. Ничем не провинился, ни в чем не дразнил судьбу, а вот пришла в ночи Поча, и лежи теперь, слушай недоброе молчание и гадай, возьмет она тебя или по первому разу только присмотрится и отпустит на время. Это самое «на время» и есть хуже всего, оно означает, что тому, что пришло, торопиться некуда. Ты временно, а оно навсегда.

Хозяйка пришла.

Надо бы встать, включить свет, разрушить смертельное очарование безотчетного ужаса, но Владлен Михайлович, и в детстве-то не особо заморачивавшийся ночными страхами, на этот раз не мог пересилить себя. Лежал, ждал не пойми чего, слушал отсутствие звуков и сам для себя незаметно отключился, «умер в сон», как сказала бы мудрая бабулька.

Проснулся, когда за окном серел рахитичный, бессолнечный рассвет. День, судя по всему, обещал быть пасмурным, а это хорошо, потому что в такой день меньше мух летает.

Ночной приход Хозяйки, простодушно именуемой Почей, поутру уже не тревожил, а вот вспоминать о мушином нашествии было неприятно. Все-таки надо купить дихлофоса, а потом проветрить дом как следует.

В таком настроении поднялся, начал было готовить завтрак: творог со сметаной — все магазинные, где ж при нынешнем отсутствии коров взять деревенского? Туда же — зеленый лук, соль и мелко натертую редьку. Перемешать со тцанием и намазывать на ломтики ржаного хлеба. Булки Владлен Михайлович, опасаясь ожирения, предусмотрительно избегал. Продащица в автолавке уже знала это и даже не предлагала свеженький батончик.

Но еще до завтрака вспомнил о вчерашнем и решил прежде подмести пол и плиту истопить, чтобы очистить дом от скверны. В чистый дом никакая Поча не придет, в том Владлен Михайлович был крепко уверен. Потому он и жив по сей день, и здоров, что всегда стремился к чистоте и порядку. Работа на вредном производстве к такому крепко причуает; кто работал

нечисто, давно получил свою дозу нитрилфторида и умер в земляку.

Взялся было за веник, но обнаружил, что убирать нечего. Пол был чист, хоть носовым платочком проверяй; ни единого мушиного трупики из сотен вчерашних на полу не валялось. Но не могло же такого быть! Не бывает столь подробных и сложных галлюцинаций! В перевернутый трактор еще можно поверить, но исчезновение всяких следов вчерашнего побоища ни в какие ворота не лезет.

Владлен Михайлович вышел на крыльцо. Сюда он бросил вчера испоганенные перчатки. Перчатки были на месте, все в засохших пятнах, к одному пальчику прилипло оторванное мушиное крылышко.

Значит, было, не почудилось. Но куда в таком случае девались мушинные останки?..

В раздраженном воображении услужливо нарисовалась картина: в ночной тишине убитые мухи оживают одна за другой и скрываются в своем убежище, чтобы в нужную минуту воюющей тучей наполнить дом. И лишь одна, потерявшая крыло, ползает беспомощно, а потом забивается в недоступную щель, чтобы там умереть окончательно.

Подобные миракли чудятся неподготовленному человеку, вздумавшему вести отшельническую жизнь. Куда там святому Антонию...

Владлен Михайлович напряг ослабевший аналитический ум и нашел правдоподобное объяснение.

Ничего ему не чудилось, кроме, быть может, трактора. Было нашествие и избиение мух, а ночью и впрямь приходила хозяйка — огромная седая крыса. Тишкой осмотрела избу, которую не собиралась уступать какому-то там человечешке, подъела раскиданных по полу мух и, удовлетворившись угощением, неслышно удалилась. Старая крыса не станет шуметь и топотать наподобие молодых крысюков, она не будет бесцельно грызть мебель, не станет хулиганства ради сбрасывать в три часа ночи оставленную на столе кастрюлю. Она пройдет и посмотрит, как положено хозяйке, но само ее появление до полусмерти перепугает бестолковых полевок. И если хозяйка останется недовольна осмотром... что будет в этом случае, Владлен Михайлович не знал, но твердо решил на ближайшем

автобусе съездить в город и, кроме дихлофоса, купить еще крысиного яда. Не беспокойтесь, он покажет, кто здесь хозяин. А заодно и с полевками разберется; нечего, понимаешь, пищать над самой головой!

Перчатки Владлен Михайлович осторожно взял двумя пальцами, отнес в избу, чтобы кинуть в печь. Перчатки совсем целые, но надевать их он не станет ни в коем случае. Работая с землей или даже навозом, Владлен Михайлович не менял рабочих перчаток, пока они совсем не изорвутся, но в данном случае второй раз эти перчатки надевать нельзя. Только сжечь!

Слишком много императивов за последние два дня... Валерьяночки, что ли, попить? Корни валерианы — аверьянки, как ее звали деревенские, — были им собственноручно накопаны, помыты и высушены, хотя подобными лекарствами Владлен Михайлович в жизни не пользовался. Но раз растет, надо заготовить.

Открыв дверцу плиты, Владлен Михайлович долго всматривался в темную глубину, даже фонариком подсвечивал, стараясь понять, есть там останки мух или тоже пропали бесследно. Зола из плиты давно не выгребалась, и разобрать ничего не удалось. Вот они, результаты нерадения, поленился в свое время выгрести золу, теперь мучайся и не знай, чем закончилось вчерашнее безобразие.

Вздыхнул, бросил в топку перчатки и пошел во двор за дровами. Плита в избе была не слишком удачная, вся железная справа была у нее взята от прошлой печи и давно просилась на покой, в металлолом. Конфорки лежали неплотно, во время топки сквозь щели просвечивал огонь. Пока плита не раскопгарилась как следует, в непромазанные щели между металлом и кирпичом сочился дым. Но Владлен Михайлович не жаловался. Живой огонь всегда привлекателен, особенно для городского человека, всю жизнь гревшегося у мертвой паровой батареи. Растапливать что плиту, что русскую печь было удовольствием, так что Владлен Михайлович иногда разжигал огонь безо всякой причины, не оттого, что холодно, а оттого, что скучно.

По краям положил два больших полена, от них потом будет уголь и жар, в середку кинул смятую четвертинку старой газе-

ты, сверху — наломанные полоски дранки, а уже на них полешки помельче, для розжигу. Чиркнул спичкой...

Разжигая огонь в печи, Владлен Михайлович всегда вспоминал пионерские журналы своего детства. В статьях того времени великой добродетелью считалось умение разжигать костер с одной спички. Между собой мальчишки даже спорили, что разожгут одной спичкой два костра, для чего полагалось спичку расколоть вдоль при помощи бритвенного лезвия. С нынешними спичками такой фокус не пройдет, иной раз полкоробка исчиркаешь да изломаешь, прежде чем хоть одна спичина зашипит и воспламенится. Антоха нынешние спички называл череповецкими изделиями, поясняя, что спички — чтобы гореть, а эти — чтобы в коробке греметь.

На этот раз борьба с череповецкими изделиями длилась не так долго, уже третья спичка согласилась загореться и поджечь бумагу. Владлен Михайлович закрыл дверцу, взамен распахнул поддувало, выпрямился и покачнулся, ухватившись за стояк печного колпака.

Бывает, что полный или пожилой человек посидит некоторое время согнувшись, а потом резко встанет или еще какое движение совершит, отчего кровь отхлынет от головы, качнется под ногами земля, а перед глазами замельтешат черные мушки или, как говорили в старину, мальчики. У натур апоплексических случаются в глазах кровавые мальчики — верный признак близящегося инсульта. Именно их поминал пушкинский Годунов, даже наедине с собой ни в чем не сознавшийся. Но уж Владлену-то Михайловичу, человеку не старому и за здоровьем следящему, о таком и думать смешно. И тем не менее покачнулся и чуть что не упал, пораженный увиденным. Перед глазами кружили черные мушки; не пресловутые годуновские мальчики, а настоящие мухи, которых только что было в избе раз-два и обчелся. Откуда и когда они успели появиться, Владлен Михайлович понять не мог.

— Нет! — фальцетом закричал Владлен Михайлович. — Что же это такое?!

Ринулся сквозь черную тучу, замахал бестолково руками, попадая не столько по двукрылым насекомым, сколь впустую по стенам и столу.

Откуда? Откуда взялись?..

Распахнул окно, дверь в сени, но кажется, ни единая муха не пожелала вылететь на свежий воздух. Злобно рассмеявшись, Владлен Михайлович плотно задвинул печную вьюшку. Сейчас тут будет столько дыма, что ни одна тварюга не выживет. Россыпью кинул на успевшую разогреться плиту несколько упаковок мушкиталевых пластинок от комаров... говорят, на мух они тоже действуют. В доме было уже нечем дышать, лишенное вытяжки пламя в печи погасло, и дрова тлели, извергая клубы дыма. Струйки сизой копоти сочились сквозь щели в плите, дым клубами валил из распахнутой дверцы, и тут же, прямо на глазах, черные точки копоти превращались в новые полчища мух. Печь, укоренившаяся посреди избы, извергала из огненного жерла жужжащие тучи отвратительных насекомых.

Бежать через всю избу сквозь мушиное сонмище Владлен Михайлович не решился. Оставалось прыгать в окно и удирать сломя голову, куда угодно, лишь бы подальше от Мухина Чертовья.

Ну, зачем он связался с этой деревней? В пансионатах, что ли, плохо отдыхалось? Вот ведь дурак! Недаром говорится: на дурака и мухи падают...

Сильный удар потряс дом. С потолка посыпался мусор, треснувшая печь изрыгнула новые тучи мух. С неслышным звоном осыпались стекла в боковом окне, и в избу просунулся чудовищный хобот толщиной с сосновое бревно. Он слепо зашарил по комнате, выискивая, что всосать, нашлепка на его конце мокро лоснилась. За окном фасеточный глаз размером с колесо «КамАЗа» таранился в никуда, ничуть не помогая хоботу в его поисках.

Новый толчок, сильнее прежнего. Небывалая муха ломилась туда, где ее мелкие подруги вершили бессмысленный осенний танец. Дом накренился, прямоугольник окна превратился в готовый схлопнуться параллелограмм. Владлен Михайлович едва успел вывалиться наружу.

Он медленно бежал на непослушных, подкашивающихся ногах через луг, мимо трактора, который валялся теперь вверх колесами. Бежал, понимая, что если захотят догнать, то догонят.

Уже у самого озера оглянулся. Супермухи нигде не было

видно, дом лежал в развалинах. В остатках печи еще что-то горело, там поднимался черный дым, свивался в живую гудящую ленту, грозно ревуший смерч, который упруго качнулся в воздухе и ринулся на покорно замершего Голомянова.

* * *

На городском вокзале полный гражданин в ожидании поезда читал объявление, приклеенное к бетонному столбу.

«Продается дом в деревне Мухино. Изба-пятистенка, в хорошем состоянии, стены — вагонка, крыша — шифер. На берегу озера. Лес рядом. Разработанный огород. Недорого. Спрашивать Мухину Агафью Петровну».

«Мухино... — попытался сообразить толстяк. — Никак это та деревня, о которой рассказывал случайный попутчик. Что ж он не сказал, что там еще один дом продается? Или это тот самый? Во всяком случае, надо будет съездить, поглядеть. Понравится — куплю».

Будущий дачник сорвал объявление, целиком, чтобы конкурентам ничего не досталось, аккуратно сложил и спрятал в бумажник.

БИЛЬЯРД В ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО

то это так кричит? — пожившись, спросил Посвянский. — Слышишь, да?

— Это обезьяны.

— Странные у вас обезьяны.

— Они двадцать лет agent orange ели, что ты хочешь, — хмуро сказал Лодочник.

Они вылезли из машины и пошли по узкой песочной дорожке к клубу. Посвянский, подпрыгивая, бежал за старшим товарищем — отчего того звали Лодочником, он не знал, а Лодочник сам не рассказывал. Посвянский хотел подражать Лодочнику во всем, да вот только выходило это плохо. Он напрасно ел экзотическую дрянь в местных ресторанчиках и напрасно пил куда большую дрянь из местных бутылок, похожих на камеры террариума или хранилища демонов.

В торгпредстве молодых людей почти не было вовсе, поэтому они сразу нашли друг друга. Даже в местной гостинице они, не стовариваясь, поселились в соседних номерах — Лодочник в семнадцатом, а Посвянский в шестнадцатом. Посвянский поставлял сюда банкоматы, а Лодочник заведовал всей торговлей с соседней страной, что шла по двум ниточкам дорог, проложенным в обход минных полей.

Старики доживали последние месяцы до пенсии, а молодые люди глядели на сторону. Из страны надо было валить — пора братской дружбы, бальзама «звездочка» и дешевых ананасов кончилась. Издалека долго плыли долги в донгах, а здесь делать было нечего. Разве что пить виски под сухой треск бильярдных шаров в клубе — лишь недавно Посвянский узнал, что только иностранные туристы пьют змеиную водку, а обезьяньи мозги вовсе не так вкусны, как кажется. Один из торговых представителей съел что-то неизвестное, а наутро его нашли с

почерневшим, вздутым лицом. Маленький пикап увез его в аэропорт, упакованного как матрешку — в обычный, цинковый, а поверх всего деревянный ящик. Развлечение из этого, впрочем, было неважное.

Посвянский боялся смерти — впрочем, как и всякий обычный человек. Он не любил самого вида мертвецов, и когда его мальчиком вместе с классом повели в Мавзолей, он стал тогниться чуть не на гроб вождя. Он никому не рассказывал, что Ленин в этот момент показался ему удивительно похожим на пропавшего во время войны дедушку, которого он знал только по фотографиям.

Но это было далеко — в московском детстве, а тут смерть была в малярийном воздухе, в каких-то непонятных насекомых... Про проституток он и не думал.

Двое поляков схватились с парой немцев — вспоминая былую национальную вражду. Из русских тут был только Чекалин — странный человек с израильским и русским паспортами одновременно (Лодочник как-то стоял вместе с ним на паспортном контроле здесь и в России).

— Кто это с Чекалиным, не знаешь? — спросил тихо Лодочник.

Посвянский был рад услужить, и как раз это он знал — худой чернобородый человек рядом с Чекалиным был недавно приехавший по ооновской линии пакистанец.

— Это афганец или пакистанец. Закупки продовольствия, рис, специи. Кажется, услуги связи. Его тут зовут просто Хан...

Пакистанец подошел к ним сам.

— Простите, я слышал слово «снукер».

Посвянский залихватски взмахнул рукой и сказал, цитируя что-то: «От двух бортов в середину! Кладу чистого...» Но пакистанец и не повернулся к нему, а смотрел на Лодочника, будто поймав его в прицел.

— Ну да. Я люблю снукер, — ответил тот.

— В снукер мало кто играет. Вы, русские, предпочитаете пирамиду. У меня есть шары для снукера.

— Мы можем по-разному.

— У меня такое правило: три партии, последняя решающая — хорошо?

— Что ж нет? На что сыграем?

— На желание. У вас есть свои шары? А то можно сначала вашими. Тогда вторую — моими?

— То есть? — опешил Лодочник.

— Бывают суеверные люди, вот мне многие вещи приносят счастье. Может, и вам... — И пакистанец открыл деревянный ящик, внутри которого на черном бархате лежали разноцветные шары. Пятнадцать красных, желтый, зеленый, коричневый, синий, розовый и черный — лежали как дуэльные пистолеты, готовые к бою. Отдельно от всех, в своей вмятине покоился белый биток.

И Лодочник понял, что не отвертеться.

Первую партию Лодочник с трудом выиграл и с дрожащими руками сел за стол. Пакистанец, казалось, совсем не расстроился и принялся рассказывать про местного коммунистического лидера. Он был известен тем, что вошел в революцию с помощью своих трусов. Во время восстания на французском крейсере обнаружилось, что нет красного знамени. Маленький баталер отдал свои красные трусы, и они взвились алым стягом на гафеле — а баталер, просидевший все время в кубрике, превратился в лидера партии.

Лодочник тоже знал этот анекдот, а вот Посвянский ржал, как веселый ослик, взрывая и икая. Лодочник похвалил начитанность чернобородого, и после этой передышки они снова встали к столу.

Во второй партии началась чертовщина.

Пакистанец делал партию в одиночку. Только один раз он встретился с настоящим снукером. Но из этой крайне невыгодной диспозиции он ловко вышел, коротко ударив кием, поднятым вертикально. Это был массе — кий пакистанца точно ударил шару в правый бок, тот отклонился вперед и влево и, завертевшись, ушел вправо, огибая помеху. Но потом биток, подпрыгнув, не только миновал соседний шар, а, сделав дугу, помчался в сторону.

Лодочник не верил глазам и сначала проклял лишний виски. Но алкоголь ничего не объяснял — в каждом из шаров будто сидел пилот-гонщик.

Дул влажный ветер с границы, где одна на другой лежали в земле мины — китайские, советские, французские и американские. И ветер этот, полный дыхания спящей смерти, бросал Лодочника в пот.

— Я тоже видел, — бормотал Посвянский. — Это фантастика... Впрочем, нет — наверняка там магниты какие-нибудь.

— Нет там магнитов, я проверял. — Лодочник был уныл. — Не позорься, какие магниты. Это королевский крокет.

Посвянский, не расслышав, вытащил зажигалку, но, повертев ее в руках, засунул «Sticket» обратно в карман.

Лодочник пояснил:

— Королевский крокет — ежи разбегаются от меня в разные стороны. Да ты не читал, что ли, про кроличью нору?..

Подошел пакистанец, и они вежливо расстались, чтобы встретиться на следующий вечер.

— Ну, не расстраивайся. Ну, попросит он тебя прокукарекать. Ну, там, напоить всех — соберем тебе денег, все дела...

Но Лодочник понимал, что дело плохо, что-то страшное было в неизвестном желании пакистанца. И он понимал, что отказать от него будет невозможно. Кто-то огромный, страшный, как чудовище из его детских снов, подошел к нему сзади и положил тяжелые липкие лапы на плечи.

Все так же тревожно кричали обезьяны, будто говоря: «Куда ты, бедная Вирджиния, вернись, бедная Вирджиния». Тянули к нему ветки пальмы, погребальным колоколом звенела на ветру вывеска сапожника.

Он пошел сдаваться Парторгу. Парторг давно уже потерял это звание, а вот Лодочник помнил, как его вызвали в кабинет этого старика. Кто-то стукнул по инстанции, что Лодочник снимался во французском фильме про колониальные времена. Лодочник сфотографировался в обнимку со знаменитой актрисой, довольно выразительно положившей ему голову на плечо.

Тогда в торгпредстве было втрое больше людей, и Лодочника ожидало показательное разбирательство на заседании партийного комитета. Но Парторг вызвал Лодочника на разговор — и спрашивал вовсе не об этом деле, а о планах на буду-

щее и московских привычках. Лишь под конец, когда Лодочник уже повернулся к двери, Парторг спросил:

— Было?

Лодочник замахал руками.

— Молодец, я бы тоже не сознался, — подвел итог Парторг и закрыл дело.

Теперь партия исчезла, вернее, их стало чересчур даже много. Но Парторг по-прежнему сидел в своем кабинете, держа за невидимые ниточки кадровых служб.

Лодочник рассказывал ему подробности, ожидая, что Парторг стукнет кулаком по столу, выматерится, но развеет его безотчетный страх. Но когда он поднял глаза, то понял, что старик по ту сторону старого канцелярского стола напуган не меньше, а больше его.

— Ты не представляешь, во что ты вляпался. Но и я виноват — я должен был узнать первым, а не узнал. Хан Могита появился в этом углу, а я его прохлопал. На желание?

Лодочник кивнул.

— Значит, на желание... Ну, какие у тебя могут быть желания, я понимаю. А вот у него... Пошли к Завхозу.

Лодочник понял, что дело действительно серьезное. Завхоза в торгпредстве никто не видел — он сидел у себя, как паук. Раньше думали, что он контролирует шифровальщиков или связан с радиопрослушиванием, но точно никто ничего не знал. Завхоз, казалось, выходил из своей комнаты только седьмого ноября и на Новый год — чтобы выпить рюмку водки с коллективом. Теперь остался только Новый год, и некоторые стажеры уезжали на Родину, так никогда и не увидев завхоза торгпредства.

Они пошли в полуподвал, где сидел в своей комнате Завхоз.

— С бедой пришел. — Парторг сел на край табуретки. — Могитхан объявился.

Завхоз быстро повернулся к нему:

— Кто-то из наших? Уже сыграли? Во что?

— Вот он. Две партии, завтра третья. На бильярде шары катают. Есть у нас шары?

— Шары у нас есть, как всегда. У нас мозгов нет, а шары у нас всегда звенят, покою не дают. Есть у нас шары. Моршан-

ской фабрики имени Девятнадцатого партсъезда, хорошие у нас шары, из моржового хера. Шучу, бивня.

Хитро прищурившись, смотрел на них Ленин.

— А осталась еще родная земля? — спросил Парторг.

— На один раз.

— Беда...

Они оба замолчали надолго, пока Парторг наконец не сказал:

— Что будем делать? Может, не оставим так?

— Пацана жалко, не видел еще ничего в жизни. — Завхоз говорил так, будто Лодочника не было в комнате.

— Жалко, конечно, но он сам виноват. А с тобой что делать? Без земли, без землицы родимой, сам знаешь...

— Ладно тебе. — Завхоз достал спички. — Отбоялись уже. Что нам с тобой терять, одиноким стареющим мужчинам?

Вспыхнул огонек, и Завхоз поднес его к кучке щепок под ленинским бюстом. Они разом занялись дымным рыжим пламенем. Запахло чем-то странным, будто после жары прошел быстрый дождь и теперь березовая кора сохнет на солнце. Пахло летом, скошенной травой и детством.

Теперь Завхоз достал из сейфа коробку с шарами. На картонной коробке четко пропечатался номер фабрики и красный силуэт Спасской башни. Завхоз поставил ее перед огнем, и Лодочник вдруг обнаружил, что голова вождя в отсветах пламени сама похожа на бильярдный шар.

Завхоз достал из мешочка черную пыль (это и есть Родная Земля, догадался Лодочник) и бросил щепотку в огонь.

Он вдруг оглянулся и сделал странное движение. Лодочник ничего не понял, но Парторг мгновенно и точно истолковал странный жест:

— А ты что тут делаешь? Ну все, все... Иди, нечего тут. Завтра зайдешь.

Наутро Парторг сам отдал ему коробку с шарами.

Пакистанец нахмурился, увидев чужие шары, но ничего не сказал.

Пошла иная игра — морж бил слона влет, советская кость гонялась за вражьей почти без участия самого Лодочника. Лодочник делал классический выход, клал шары по номерам и был похож на стахановца в забое.

Пакистанец сдувался с каждым ударом.

— Партия! — Лодочник приставил кий к ноге, как стражник — алебарду. Пакистанец поклонился ему, но видно было, что его лицо перекошено ненавистью.

Однако радость победы миновала Лодочника. Еще собирая в картонную коробку драгоценные шары, он почувствовал себя плохо, а вручив их Парторгу, обессиленно привалился к стене. До машины Посвянский тащил его на себе. Вместо občежития друг отвез его во французский колониальный госпиталь, и прямо в вестибюле Лодочник ощутил на лице тень от капельницы.

На следующий день температура у него повысилась на полградуса, на следующий день еще. Еще через два дня градусник показал тридцать восемь, через четыре — сорок. Три дня Лодочник пролежал с прикрытыми глазами при температуре сорок один.

Лодочник смотрел на то, как медленно вращает лопасти вентилятор под потолком. Точь-в-точь как вертолет, что уже заглушил двигатель, — и вот он снова проваливался в забытье.

Затем температура начала спадать, и он стал заглядываться на медсестер.

Когда за ним приехал Посвянский, Лодочник смотрел на него бодро и весело — только похудел на двадцать килограмм.

Посвянский вез его по улицам, безостановочно болтая.

Навстречу им из ворот торгпредства вылезал грузовичок-пикап. Из-за низких бортов торчал огромный деревянный ящик, покрытый кумачом.

Посвянский вздохнул и ответил на незаданный вопрос:

— Это Завхоза на Родину везут. Он ведь одновременно с тобой заболел — только температура у него не спала...

УМНЫЙ ДОМ

 вонок настиг Егора в самый разгар выяснения отношений с начальницей из Дома культуры. Номер был незнакомым, и Егор раздраженно выключил аппарат. Стоило выйти на улицу под колючий дождь, как телефон зазвонил снова.

— Да!

— Вы Егор? Маслов?

Женский голос медовой густоты и охряного оттенка.

— Да.

— Мне говорили, вы занимаетесь реставрацией картин.

Строго говоря, реставрацией он не занимался, если не считать спасенный пару лет назад натюрморт: хозяйка начиталась интернет-форумов и решила обновить картину посредством мыльной губки. Егор неделю возился, перетягивая набухший холст, а потом еще дописывал те места, где напрочь отслоилась краска. Получилось не то чтобы безупречно, но, если не приглядываться, не догадаешься.

Однако возражать медовому голосу было решительно невозможно.

— Ну... А что за картина?

— Я думаю, начало двадцатого века. Холст. И, по-моему, масло.

Немного словна и самоуверенна. Наверняка брюнетка в алом деловом костюме. Четырехкомнатная квартира и портрет бабушки в тяжелой раме. Или бабушкиной болонки.

— И что с ней?

Хорошо бы просто потемневший лак. С прорезами в холсте он, пожалуй, не справится.

— Мне кажется, там есть дописки. Я хотела бы восстановить исходный вариант.

Звучало заманчиво, уж с растворителем он как-нибудь справится. Да и любопытство высунуло нос: представилось, как из-под толстощекого, небрежно выпященного лица появляется неизвестный шедевр Рафаэля. Но совесть заставила уточнить:

— Лучше, наверное, в реставрационную мастерскую.

— Ее нельзя перевозить, — сказала она как о тяжелобольном. Значит, все-таки прорехи. Или краска сыплется. — Я живу недалеко от Дубны, туда довольно неудобно добираться, но вы могли бы пожить у меня, пока будете работать. Естественно, на полном пансионе. Я в Москве, так что до места доведу вас сама.

Полный пансион у девушки с медовым голосом — это звучало заманчиво. С другой стороны, километров сто тридцать от Москвы, а то и дальше. И наверняка полная глушь без мобильной связи — похоже на начало фильма ужасов.

Егор хмыкнул. Четырехкомнатная квартира плавно трансформировалась в деревянную развалюшку у дремучего леса.

— Исторической ценности портрет не имеет.

Еще одна иллюзия разбилась.

— Я готова заплатить вам... — Озвученная сумма была выше любых притязаний. — Этого достаточно? Материалы, естественно, за мой счет.

Это было вовсе не естественно, но приятно. Интересно, как звучит ее голос, когда она улыбается?

— И все же, — он еще колебался, — есть опасность испортить...

— Я заплачу половину вперед.

И тогда он сделал самую большую глупость в своей жизни. Он согласился.

* * *

Егор Маслов был художником-самоучкой, чего в глубине души страшно стеснялся. Заканчивал он заштатный технический вуз, где в первом же семестре на лекциях по черчению проникся красотой геометрических форм и оттенков черного. Лекал он не признавал, к линейкам относился скептически, но

твердая рука и интуитивное понимание формы позволяли ему виртуозно выполнять самые сложные чертежи.

Особенное удовольствие доставляла ему работа с ненавистными студентам объемными проекциями, а тени и блики технического рисования приводили его в экстаз.

Собственно, на одном черчении он и вытягивал сессии. Масловские чертежи легко обменивались на лабораторки по программированию, на расчетно-графические по гидравлике и на шпаргалки по физике. Его дипломный проект, хоть и переписанный с прошлогоднего, сопровождался столь изысканными изометрическими чертежами в сложных разрезах, что Егор, к своему удивлению, получил на защите пятерку.

Парой лет позже, когда черчение перевели на компьютерную основу, судьба его оказалась бы плачевной. Маслов жил в мире объемных форм, который никак не пересекался с картинками на мониторе, так что работа на компьютере по сей день казалась ему сродни шаманским пляскам. Максимум, чему он научился, — это погуглить на смартфоне. Ну и в тетрис поиграть.

В трехмерный.

Безвольно осев в тихом КБ, Егор продолжал предаваться **своей** страсти, благо в магазинах появились книги по технике живописи. Динамичное масло и капризный акрил, строгая тушь и нежная пастель, а в особенности любимый грифель — медленно раскрывали перед ним свои секреты.

Но вот беда — интуитивное масловское чувство гармонии было чересчур строгим, слишком... чертежным. Его портретам **не** доставало выразительности, а пейзажам — экспрессии; они оставались старательными ученическими работами. А почти **монохромная** гамма отпугивала и тех, кто подбирает «пейзажики под обои».

Был у художника Маслова и еще один недостаток, губительный для кустаря: педантичная до занудства тщательность при вспомогательных операциях. Если эмульсионный грунт на картон предписывалось наносить в два-три слоя и всякий раз ждать полного высыхания, для Егора это становилось законом, столь же абсолютным, как расположение теней и бликов на освещенных формах. Если лак следовало наносить через год

после окончания картины, то этот год она проводила в кладовке лицом к стене.

Годы шли, картины накапливались, признание не торопилось.

Месяца два назад Егор отдал три пейзажа в местный Дом культуры. Заправляла тамошней выставкой-продажей гюрза в сиропе Римма Николаевна, распорядившаяся домкультурными финансами воистину железной рукой. Кроме комиссионного процента с продажи, доморожденные художники платили ей абонентскую плату за амортизацию стен. Тем не менее многие считали это хорошей возможностью заявить о себе.

В этом месяце ядовитая Римма сообщила о повышении платы, мотивируя это непопулярностью масловских работ. Придя в ДК, он обнаружил все три пейзажа в самом темном углу фойе, возле черной лестницы. Егор возмутился, гюрза с тухлой улыбкой сообщила, что пасторальный реализм нынче не в моде. Егор пригрозил забрать картины, что железную леди ничуть не испугало: «Вас таких много, это я одна!»

«Заявление о себе» грозило подорвать масловский бюджет. Именно в этот момент на него и свалился непонятный заказ.

Все проблемы решились в полчаса, как по щучьему велению. Римма Николаевна получила оплату за три месяца вперед под обещание перевесить-таки масловские пейзажи к центральному фойе; начальство утвердило отпуск за собственный Егоров счет; родители предупреждены, кассета в автоответчике очищена.

Егор был свободен и готов к приключениям.

* * *

— Вы пешком? Подъезжайте к «Петровско-Разумовской», — велела девушка. — Зеленый «Фиат Панда», номер 315.

Игрушечную машинку Егор увидел сразу на выходе из метро. И остановился на мгновение, разглядывая ждущую у капота хозяйку.

Волосы у нее тоже оказались медовыми. Гладко зачесанные, на затылке они скручивались в тугой бублик учительской

прически. Правда, больше ничего чопорного в ней не было: безымянные джинсы, красная ветровка, кроссовки — все вполне демократично.

Егор невольно вздохнул, расставаясь с образом роковой брюнетки.

— Здравствуйте, я Маслов.

Она взглянула на него внимательно и серьезно. Егору стало неловко за мятую рубашку и замызганный рюкзак.

— Меня зовут Ольга. Можно на «ты».

Не искаженный телефонным динамиком, ее голос оказался еще вкуснее. Тембр, заставляющий вибрировать что-то под ложечкой.

— Вам нужно куда-нибудь заехать? За растворителем, например?

— Да нет, у меня все с собой. Если что, оттуда ведь можно вернуться?..

Жалкая попытка Красной Шапочки получить гарантии. Впрочем, с Ольгой он согласен даже на ужастик в стиле Роберта Родригеса.

— Да, конечно. Дубна рядом, да и от Москвы не так далеко.

Чудесные глаза: сине-зеленый кобальт с вкраплениями окиси хрома. Бледная, почти невидимая помада. Высокие скулы. Четкие черты лица.

Егор написал бы ее портрет тушью, хотя тушь слишком резка. Возможно, карандашом, но не угольным — уголь слишком мягок. Пара мазков охры и чуть-чуть сангины — подчеркнуть теплый оттенок волос. Темпера для глаз.

Черт возьми, она была почти идеальна!

И бесстрашна, как гипсовая статуя.

— Часа через три будем на месте.

— Мобильная связь там есть?

— В доме есть.

Что значит — в доме? Собственный ретранслятор, что ли, мимолетно кольнуло Егора и тут же забылось.

В автомобильчике пахло свежо и чуть горьковато. За окнами потянулись однообразные равнины, скучные проплешины нерастаявшего снега чередовались с унылыми болотами. Мокрые поселки жались по краю шоссе. Из магнитофона звучал

бесконечный свинг, а ветер горстями бросал в лобовое стекло мокрый снег.

Ольга вела машину с автоматизмом киборга. Если бы это было кино, то кино про большую подставу, подумал Егор и неожиданно задремал.

Ему снился желтый туман, дымные клубы которого подсвечивало закатное солнце. Его пальцы касались холодного камня, а в ушах стоял низкий гул, от которого ныли зубы. Егор повернул голову, увидел в тумане мраморное лицо статуи и без удивления узнал в нем Ольгины черты.

Он продирался сквозь неохотно расступающийся туман. И когда до статуи оставался всего лишь шаг, мраморные глаза распахнулись, сияя изумрудным светом. Холодные губы разлепились и произнесли:

— Мы почти дома.

Егор вздрогнул и очумело заморгал, пытаясь сообразить, где находится.

Автомобиль въезжал в коттеджный поселок. Кирпичные дома самой безумной архитектуры были натканы столь густо, что хоть записками перебрасывайся из форточки в форточку. Готические стрельчатые окна соседствовали с застекленными футуристическими беседками, тяжелые восьмиугольные башни — с современными «ласточкиными гнездами» под остроконечными крышами, что-то вроде альпийского шале — с чем-то вроде средневековой крепости. Лишь материал радовал единообразием: красный кирпич и зеленый шифер.

Развалюшка у дремучего леса, кажется, превращалась в новорусский эклектический особнячок.

— Нам не сюда. — Мгновенный призрачный улыбки коснулся Ольгиных губ. Или ему показалось?

За кирпичным буйством открылась улица хорошо сохранившихся, но несомненно старых построек. Ольга лихо притормозила у двухэтажного бревенчатого домика, выкрашенного зеленой краской. Сквозь щели в дощатом заборе виднелась дорожка из розовых плиток, мокрые голые кусты и голая бетонная стенка гаража.

Ольга стремительно перебрала кнопки мобильного и произнесла в трубку:

— Я вернулась.

В ту же секунду ворота гаража бесшумно поехали вверх, одновременно сама собой распахнулась калитка.

— Иди пока к дому, я сейчас.

Егор выбрался из автомобиля и по-собачьи встряхнулся, разминая затекшие мышцы. Он заглянул за калитку — кто-то же ее открыл, — но дорожка пустовала, только ветер побрякивал у дверей китайской висюлькой из алюминиевых трубочек.

Такая себе не слишком респектабельная дачка. Внутри на верняк пахнет старым сырým деревом, обои отстают от стен, а по углам прячется паутина.

А холст картины набух и подгнил.

— Открывай. У нас гость, — негромко сказала Ольга позади. Опять в мобильник; странный способ общаться. Кто у нее там в доме, ребенок, что ли?

Дверь бесшумно отворилась сама собой. Крохотная, обшитая деревом терраса — два шага, еще одна дверь, распахнутая настежь... и Егор застыл на пороге.

Больше всего здесь было стали и светлого дерева. Хрупкая на вид лестница вела на второй этаж, налево пол поднимался на две ступеньки, и там за двойной аркой виднелись хирургически белые шкафы — видимо, кухня. Направо уходил короткий коридор, в неглубоких нишах прятались двери. Все очень стильно: узкие шкафчики, стены выкрашены бледно-желтым и чайным, несколько светлых пейзажей вполне в духе Маслова. Никаких стеклянных панелей, что приятно: в новомодных хромово-стеклянных интерьерах чувствуешь себя исключительно неудобно — как в аквариуме.

Раздалось негромкое жужжание, и на лестнице появился... громадный игрушечный робот в броне из белого пластика. С круглой головы смотрели непроницаемые стрекозиные глаза. В первую минуту Егор готов был поклясться, что это ребенок в роскошном карнавальном костюме, так естественны, человечны были его движения.

— Хозяин, здравствуй. Гость, здравствуй, — произнес робот смешным мультяшным голосом и принялся шустро спускаться по лестнице: длинные ноги экономными движениями стбиались в коленях, маленькие ступни уверенно попадали на ступеньки. — Дом в порядке. Марвин умница.

Егор застыл в нелепой позе, так и не сделав шаг. И чуть не подпрыгнул, почувствовав легкий тычок в спину.

— Проходи-проходи, — сказала Ольга, и Егор почувствовал, что она улыбается. — Извини, не предупредила сразу. Это умный дом. А это Марвин — он робот.

* * *

— Мой папа увлекался электронными игрушками, — говорила Ольга, болтая ложечкой в чашке.

Они сидели на кухне, напоминающей рубку космического корабля, Егор и половины здешних агрегатов не узнал. На стене висели безумные часы в форме размытой кляксы, перевернутые почти вверх ногами, тройка была полупрозрачной, вместо девятки торчала хромовая игральная кость, а стрелки походили на сверкающие спицы.

Чаепитие со Шляпником и Мартовским Зайцем.

— Роботов у нас шестеро, но Марвин самый умный.

— Марвин умница, — подтвердил восседающий на табуретке робот. Он ворочал круглой головой, словно внимательно прислушивался к разговору. Росту в нем было как в семилетнем ребенке. Игрушечные ручки с четырьмя пальцами сложены на столе.

— По паспорту его зовут Бета-что-то-там. Но мне больше нравится Марвин, как у Адамса. Хотя он, конечно, совсем не параноик.

Маслов взял с тарелки третий бутерброд и под непроницаемым взглядом стрекозиных марвиновских глаз чуть не положил обратно. Если это была и не ксенофобия, то нечто очень близкое к ней.

— Что касается реставрации, — Ольга отставила чашку и переплела длинные пальцы, — портрет, с которым ты будешь работать, — дедушкин. Если присмотреться, кажется, что его писали два художника. Я решила посмотреть, что было нарисовано вначале.

В домашней обстановке Ольга не стала мягче, да и разговаривала все такими же рублеными фразами. Она скинула ветровку, под которой обнаружилась черная футболка с нарисо-

ванными во всю спину кукишем, но осталась в тех же джинсах. И босиком — тапочек в умном доме не предусматривалось.

— Я сейчас покажу тебе твою комнату и сам портрет. Как пользоваться домом, разберешься. Марвин тебе поможет. Марвин поможет?

— Марвин поможет, — подтвердил робот мультяшным голосом.

— Он еще говорит по-английски и по-японски, так что при желании можешь попрактиковаться, — усмехнулась Ольга. — Холодильник будет в твоём распоряжении. Я не особо люблю готовить, но если ты сильно привередлив, можешь заказать что-нибудь через Интернет.

— Да нет, я вполне...

— Ну и отлично. Марвин, в кабинет.

В коридоре деловито елозила черная таблетка, посверкивая огоньками и тычась в углы. Робот-пылесос, наверное. Марвин первым затопал по ступенькам, и Егор снова поразился изяществу его движений.

— Марвин, пригласи гостя.

— Гость, иди за мной.

Мягкий свет сопровождал их: лампы включались метрах в двух впереди и гасли за спиной. Егор устал удивляться.

— Здесь будет твоя мастерская.

Комната, похоже, служила кабинетом. Обстановка выдержана в сером тоне, но не стерильно-бледном и не густо-сумеречном, а в теплом и мягком. Места достаточно для танцевального зала. Два компьютера по углам, легкие книжные полки, а на подоконнике жужжит робособака, виляя хвостом; суставчатые ножки вывернуты под странным углом.

— Лапы не работают, а отвезти в ремонт не соберусь.

Маслов с усилием отвел глаза от жизнерадостной пластмассовой морды. Посреди комнаты, на столе, вполне подходящем для теннисного, темный холст в подрамнике.

— А это дедушкин портрет.

Егор медленно приблизился.

Портрет изображал надменного старика в средневековом костюме. Картина была выполнена в той дотошной манере, которой Маслов в глубине души восхищался. Насыщенный цвет, превосходная проработка деталей, одно кружево на рукавах и

золотое шитье чего стоят! Фон слегка затуманен, как у старых итальянских мастеров; кажется, там арка или колонна... и желтый, подсвеченный солнцем туман.

Однако, присмотревшись к красочной поверхности, Егор понял, что Ольга имела в виду, когда говорила о разных художниках.

Изумительный тон лица, выразительные складки на лбу, породистый крупный нос (несомненно, доставшийся по наследству Ольге в более изящном женском варианте), надменная складка губ — и неожиданно тусклые, безжизненные глаза. В правом углу рта небрежный шрам, а может быть, просто грязное пятно.

Буйно разметавшиеся седые кудри, роскошная фактура горгеры и бархатного берета — а возле виска небрежная прядь совсем другого оттенка. На крупном ордене (что за орден такой, интересно?) закрашена центральная часть; одна рука четко прописанная, с выпуклыми венами и крупным сверкающим перстнем, на второй перчатка намечена резкими мазками, причем, судя по положению предплечья, кисть перерисована под другим углом. Такая же нашлапка скрывает набалдашник трости, да и в углах картины, где никаких особых деталей быть не должно, порезвился неведомый горе-художник.

Исходная техника гладкая, лессировочная, рука мастертская, а последователь грубо, жирными мазками закрашивал отдельные детали.

— Странно...

— Да, мне это тоже показалось странным.

— Если нижний слой покрыт лаком, — Егор присмотрелся, — а он вроде бы покрыт лаком, то, может быть, я смогу смыть дописки. Сначала попробую вот здесь внизу на трости, а если все пройдет хорошо, будем двигаться дальше.

— Сколько времени это займет?

Егор потер переносицу.

— Честно говоря, я не знаю. Надеюсь, неделя, может, две. Потом надо будет еще раз лаком для предохранения... Но знаете, может и вообще ничего не получится, я предупреждал.

Ольга кивнула.

— Я помню. Ты попробуй.

Оставшись в выделенной ему комнате — удобной, но без-

дикой, как гостиничный номер, — Егор принялся перебирать события длинного дня.

Актив. Он в гостях у красивой и несомненно одинокой девушки. Впрочем, несомненно — это он фантазирует. Скажем так: вероятно, одинокой. К тому же без жилищных проблем и навязчивых родственников. Но даже без далеко идущих планов его ждет интересная работа и впечатляющая оплата.

Егор хлопнул в ладоши — свет послушно погас, остался лишь крохотный светлячок у дверей.

Пассив. До жилищной беспроблемности от Москвы чесать три часа, причем общественный транспорт сюда, кажется, не ходит. Картина странная, девушка... тоже странная, к тому же самоуверенная до стервозности, Егор таких побаивается.

А от роботов вообще не знаешь чего ожидать.

Маслову смутно вспомнились какие-то ужасики про дома, пожирающие жильцов. Или это были растения? Он схватился за смартфон, но экран мерцал успокаивающе, и прием был отмененный. Егор позвонил родителям, потрепался с приятелем по КБ и успокоенно зарылся в подушку. Но лишь проваливаясь в сон, понял, что так смущало его в Ольге.

Кажется, она была не самоуверенна.

Она была напугана.

* * *

Утро растворило вчерашние страхи в солнечных лучах. Проснувшись, Егор какое-то время бездумно валялся в постели, скользая взглядом по обстановке. Сегодня обнаружились детали, не замеченные с вечера, например пульт в стене, как от музыкального центра. Егору понадобилось минут десять, чтобы разобраться в системе и выбрать какую-то незнакомую, но симпатичную инструменталку — помесь жизнерадостного рока и незамысловатого джаза.

Музыка пронизывала комнату, как будто динамики прятались в каждом углу. Определенно, в этих умных домах есть своя прелесть.

Маслов сунулся за дверь — сориентироваться насчет ванной. Музыка перетекла следом, расположившись в коридоре. Озадаченный, он прошел до самой лестницы, вернулся, запер-

ся в обширной ванной комнате, будто срисованной с модного журнала, — звук послушно следовал за ним.

Стоя под душем, Егор размышлял, как будет работать система, если в доме пять человек и каждый захочет слушать свое, причем погромче.

В космической рубке кухни хозяйничал Марвин.

— Гость, здравствуй.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что робот нарежет колбасу. Пластиковые пальцы сжимают нехилый кухонный тесак, движения неторопливы, но хирургически точны.

Егор поежился.

— Гость, слушай, — предложил робот, не отрываясь от работы, и в кухне внезапно зазвучал голос Ольги, почти не искаженный записью:

«Привет, Егор. Я на работе. Дом в твоём распоряжении. Если что-то не поймешь, спроси у Марвина. Как у «Яндекса». Да, забыла сказать, не выходи на улицу. Вечером покажешь, что с портретом. Пока».

Такой себе аудиовариант записки на холодильнике. Ценные указания получены: сиди работай, из дома ни ногой. А почему, собственно, ни ногой?

— Почему я не могу выйти на улицу?

Робот молчал. Как у «Яндекса», говорите? Попробуем иначе.

— Марвин, мне можно выйти из дома?

— Гость, нельзя.

Исчерпывающе. В желудке зашевелился холодок. Что там было у Кинга про писателя, которого держали под замком? Забыл, чем дело кончилось, помер он или выбрался.

Егор задумался, пережевывая бутерброд. Марвин дорезал колбасу и переключился на сыр. Ломтики у него получались не хуже, чем у комбайна.

В конце концов, его кормят и в комнате не запирают. Еще не крайний случай.

Он отправился работать.

Портрет глазел на него мутными глазами неопределенного цвета. Егор долго разглядывал поверхность холста, осторожно трогал кончиками пальцев. Говорят, хорошо сфотографиро-

вать в косом свете, все изъяны видны, но фотоаппарата нет, да и изъяны-то — вон они все.

Он выбрал самый нежный растворитель, развел с конопляным маслом. Легкий мазок тампоном, еще один — вроде бы получается. Слой лака поверх дописок совсем тонкий, словно картину именно что не дорисовывали, а прятали изначальную работу.

Егор увлекся. От резкого химического запаха слегка кружилась голова, из-под грубого шлепка проявлялись прежние цвета — насыщенные, яркие. Собственное дыхание казалось слишком громким, а периодически Егор вообще забывал дышать.

И только когда плечи заломило от многочасовой неподвижности, он отодвинулся от стола и увидел, что получилось.

Старик держал не трость. Меч.

* * *

— Тогда все становится логичным, — пояснял Егор. — Правая рука лежит на этом... перекрестье таком...

— На гарде, — тихо подсказала Ольга.

— Ну да, на гарде. Она, похоже, очень широкая, вот здесь виден край. Вообще интересный такой меч: рукоять длиннющая, гарда эта немереная... Прямо Конан-варвар. Слушай, а ты уверена, что его рисовали в начале прошлого века?

Ольга задумчиво повела плечом.

— Папа говорил, портрет старый. Я всегда считала, что это дедушка, но, может быть, прадед или даже какой-нибудь прапрадед...

— А может, это, наоборот, недавняя работа?

— С чего ты это взял?

— Ну, знаешь... — Егор смутился. — Какой-то меч этот... как будто ненастоящий. Если бы я его на картинке в журнале увидел, решил бы, что фэнтези современное. Эльфы-гоблины там всякие, оружие вычурное...

Ольга окинула его суровым взглядом.

— Когда я была маленькой, портрет уже висел дома. А это еще при Советском Союзе было.

— Ну да, эльфов-гоблинов в Советском Союзе не было, —

пробормотал Егор. — А кстати, почему это мне нельзя выходить из дома?

По ее лицу пробежала тень.

— Когда меня нет, включается система защиты. Параноидальная. Перепрограммировать сложно, так что выходи, когда я здесь. Только зачем тебе? Поселок еще пустой почти, из магазинов — одна палатка у остановки...

Сомнения Егора не развеялись, но он предпочел согласиться. В конце концов, телефон работает, Интернет доступен, а месить грязь по улицам недостроенного поселка и впрямь удовольствия немного. Да и Ольга ему вроде доверяет, иначе бы не оставила на целый день хозяйничать в доме, напичканном супертехникой, побоялась бы, что испортит что-нибудь...

О том, что испортить ему могли просто не позволить, Егор предпочел не думать.

* * *

В пятницу Маслов с изумлением понял, что гостит в умном доме уже неделю. Он почти привык к Марвину и даже не вздрагивал, когда тот с тихим жужжанием возникал за спиной. Он забавлялся с парализованным Псом и машинально приподнимал ноги, когда под стулом проползала таблетка уборщика. Нашел еще двух крохотных роботов — человечка с прозрачным тараканом, однако не впечатлился: игрушки и игрушки.

Но особенно его радовала музыка, гуляющая по всему дому следом за жильцом. Причем сам музыкальный центр Егор так и не отыскал, хотя пульты были встроены в каждую комнату. Еще на первом этаже обнаружился навороченный домашний кинотеатр и неплохая, хотя и слегка пуританская подборка фильмов.

Работала Ольга, похоже, коммивояжером: уезжала с утра, нагрузив багажник сумками, возвращалась иногда к полуночи совершенно разбитая, вливала в себя пол-литровую кружку чая и скрывалась в комнатах. Впрочем, в среду она осталась дома и приготовила роскошный по здешним меркам обед: суп из замороженных овощей с пельменями, а на второе — креветки из китайского ресторана. Жареный хитин хрустел на зубах, но Егору понравилось.

Работа над портретом продвигалась неспешно, но уверенно, хотя каждая новая деталь добавляла дедуле странностей.

Меч обладал хитрой формы лезвием и выступом, который Егор по неопытности посчитал кровостоком. Хищно растопырилась гарда, а набалдашником рукояти служил череп с глумливо выставленными клыками. Такой же череп, правда, без клыков, зато с горящими зелеными глазами, обнаружился на ордене; да и сам орден стал напоминать стилизованную паутину в рубиновой крошке.

Непрост был дедуля, ох как непрост.

Егор оставил лицо напоследок и для разнообразия смысл левый нижний угол, где под темно-фиолетовым кобальтом обнаружилась надпись, сделанная округлыми печатными буквами: «Иди на полночь».

Вот только зашифрованных посланий тут не хватало!

— Не понимаю, — нахмурила брови Ольга. — Хотя...

Егор как замороженный двинулся за ней.

Безумные часы на кухонной стене. Циферблат словно лежит на боку, цифры «12» нет, но если бы она была, то смотрела бы вниз, в угол.

Ольга дернула за хромовый рычаг возле плиты. Люк, полностью сливавшийся с полом, поднялся на рычагах и плавно отъехал в сторону.

— Это просто подпол, — усмехнулась она, забавляясь испугом Егора. — Консервы хранить, картошку. Никаких таинственных кладов.

Угу, и в каждой комнате наверняка по потайному ходу. А в каждом шкафу по скелету.

В подвале мягко светилась цепочка ламп. Спускаясь, Маслов поднял глаза: Марвин стоял у края люка с самым зловещим видом.

Внизу царила стерильная чистота. Узкие стеллажи вдоль стен с аккуратными стопками консервных банок. В углу отгорожен хитрый агрегат: наверняка отопительная система или водопроводный насос. Хотя, может, и печатный станок для фальшивых монет, кто его знает.

Впрочем, совершенно прозаическая обстановка, разве что площадь основательная — подпол, похоже, тянулся вдоль всего дома.

Правда, задрав голову, Егор обнаружил на потолке еще одни часы, у этих циферблат не претерпел метаморфозы, зато стрелки отсутствовали, только штырь наклонно торчал из центра.

— Папа здесь роботов гонял. Он писал для них программы. Для больших, как Марвин, для уборщиков и для таких говорящих голов с мимикой, у меня их сейчас нет. Такие представления показывал! А я просто продукты храню.

Роботов гонял. Теперь, значит, не гоняет. Причем всегда папа и никогда мама. Почему?

— Пойдем, — скучно сказала Ольга. — Ничего тут нет.

Под вторым углом картины Егор без особого удивления обнаружил следующую надпись: «Затем на тень». Если следовать той же логике, тень стоило искать на часах в подвале. Нижний правый угол сообщил «Останови именем», а последний озадачил тройкой или буквой «З», возле которой вился толстый червяк с поперечными полосками-ножками.

Система управления люком оказалась несложной, а тень от штыря на циферблате протянулась к дальней стене. Егор раздвинул банки с ананасами в сиропе, но ничего странного на стене не обнаружил. Так, неровная штукатурка. Впрочем, он бы и люк в кухне сам не нашел.

Банку ананасов Егор открыл на обед.

А на следующий день все рухнуло в тартарары.

* * *

Маслов смывал «макияж» на лице. Здесь приходилось быть особенно тщательным, Егор почти вел носом по холсту и ничего, кроме крохотного сиюминутного мазка, вокруг себя не видел. И лишь в какой-то момент, разгибая затекшую спину, покосился вбок.

На него внимательно смотрел живой янтарный глаз.

Егор придушенно пискнул и отпрыгнул, своротив стул и едва не опрокинув бутылочку с растворителем.

А дедуля-то оказался — привет демонам сознания!

Острый взгляд желтых глаз неотступно следовал за Егором, подбородок теперь украшала мефистофельская борода, в заостренном ухе (эльфов-гоблинов, говорите, не было?) бол-

талась тяжелая серьга, а из-под нижней губы торчал кверху острый желтоватый клык.

Клык! А вовсе не шрам.

Вполне логично было бы дедуле прорвать сейчас холст и выбраться наружу, Егор заработал бы инфаркт, только и всего. Но вместо этого позади раздалось механическое:

— Гость, нужна помощь?

Маслов сделал повторный кульбит и налетел на компьютер. Системный блок неожиданно легко — как картонный — отлетел в сторону и брякнулся на пол. Марвин проводил его взглядом.

— Нет, Марвин, — прохрипел Егор, — помощь не нужна. Иди на кухню.

Ну, картина. Ну, жутенькая. Но зачем же стулья ломать?

Егор уселся прямо на пол, руки мелко дрожали. Машинально отметил, что из валяющегося системного блока не торчит ни одного провода, да и задняя стенка на удивление гладкая, без единого отверстия. Потом зачарованно протянул палец и нажал на толстую кнопку. Системный блок подмигнул зеленым индикатором, на столе уютно засветился монитор.

Беспроводные технологии, да? Пожалуйста, пусть это будут просто беспроводные технологии!

Надо кому-нибудь позвонить. Хотя бы сказать, где он, чтобы в случае чего... А в случае чего? Черт, да у него же небось денег на счету не осталось, он же каждый вечер трепался!

Срывающимися пальцами набрал номер. Долгие гудки, как и положено в фильме ужасов. А сейчас Марвин вооружится бензопилой и...

— Ну?

— Серег, это Маслов. — Егор внезапно понял, каким бредом прозвучат его страхи. — Я тут, знаешь, возле Дубны подхалтуриваю...

— Ну?

— Да нет, я знаешь, хотел спросить... Поселок Заречье возле Дубны, там дома дорогие?

— Н-ну, я, думаешь, помню? Смотреть надо. Тебе срочно?

— Да, в общем, нет... Я пока так, присматриваюсь. Я попозже позвоню.

— Ну, давай.

По крайней мере, если что, Серега должен вспомнить название, ядовито прошептал внутренний голос. Клыкастый старик с портрета смотрел презрительно.

Маслов подтащил к себе системный блок и подергал крышку. Та легко выскочила из пазов, открывая компьютерную начинку.

Пыль. Очень много пыли. Егор не слишком хорошо представлял себе, как должен выглядеть компьютер изнутри. Но абсолютно точно не так.

В мохнатых ошметках тихо светились граненные голубые октаэдры, окруженные сетью закорючек, которые хотелось назвать рунами. Закорючки были выпуклыми и будто восковыми, а крепилось все это хозяйство к стеклянным пластинам.

Беспроводные технологии, да?

Сколько у него осталось денег на телефоне? Где-то семь баксов. И было где-то семь. Неделю назад. А он каждый вечер трепался...

Или ему только казалось, что трепался?..

Он полез в Интернет, уже не смущаясь тем, что раскуроченный системный блок валяется в трех метрах от монитора с клавиатурой. И через пять минут тихо вышел из кабинета. Остаток вечера до Ольгиного появления он просидел в ванной: там было меньше места и закрывалась дверь.

— Я тебе сейчас кое-что покажу.

Портрет сверкнул на них желтым глазом. Очищенный клык в свете лампы тошнотворно поблескивал.

Ольгин взгляд оставался спокойным и задумчивым. Егора прорвало:

— Молчишь?! Тебя это не удивляет, да?

— Я подозревала... что-то в этом роде. — Она закусил губу.

Егора колотило крупной дрожью.

— И что — дедушка был вампиром? Вервольфом? Или до-революционным ролевиком — привет Толкиену? Купил зубки в магазине приколов?! — Он уже орал.

— Хозяин, нужна помощь? — осведомился Марвин. Черт, как незаметно он подкрадывается!

— У хозяина все в порядке, — ровным голосом ответила Ольга.

Янтарные глаза портрета смотрели осуждающе.

— А это ты видела?! — Егор пнул системный блок. Ошметки пыли разлетелись во все стороны. — И как оно работает, по-твоему, на волшебном чихе?! А что сюда мобильную связь только через полгода проведут, ты в курсе? Тут покрытия вообще нет — никакого!

— Гость, нужна помощь?

— Не нужна гостю помощь! Гостю нужны объяснения!

— Сядь! — прикрикнула Ольга. — Марвин, иди на кухню.

— Марвин должен помогать хозяин. Марвин должен защищать хозяин.

— Сядь, — повторила она. — Иначе он переключится на программу защиты и я вообще не знаю, что будет.

Маслов застыл, тяжело дыша.

— Я бы рассказала раньше, но ты бы не поверил.

— Я и сейчас не поверю, — утрюмо заверил он. — Я в эту чушь вообще не верю.

Тень скользнула по холсту, словно портрет усмехнулся. Ольга опустила в кресло, подтянула колени к подбородку.

— Понимаешь, я по происхождению — что-то вроде ведьмы...

Конечно-конечно, готика рулит. Сейчас с карниза спикирует ворон, а у Ольги вырастут вампирские клыки. Как у дедули, только наоборот.

Егор не замечал, что отодвигается все дальше и дальше, пока не уперся в стену.

— Ты не бойся. Дело в том, что когда родители погибли... Нет, ну ты сам подумай, как я могла тебя предупредить? Ты бы вообще сюда не поехал...

* * *

Возле Оленьки всегда был папа. Мама, конечно, тоже была, но будто бы неподалеку, шагах в трех — так ей казалось. Если нужна была помощь, она бежала к папе, а уже потом отчитывалась маме — для порядка.

Впрочем, еще чаще она молчала и добивалась всего сама. Ольга вообще была ребенком тихим, но упертым.

Лет в двенадцать она придумала себе сказку, что ее в роддоме подменили. Мама заметила, а папа нет. Мама папе сказать не решилась, а сама с тех пор Олю боится, мало ли, кто она, может, упырь какой-нибудь.

Страшные сказки про упырей Ольга любила всегда.

— Знаешь, я даже удивлялась, как легко от родителей отклеилась. Другие девчонки лет в тридцать все с папами-мамами живут, и все — поздно не приходи, этого не носи, там не работай. А я как в институт поступила, квартиру сняла — такую, знаешь, без кухни, и только перезванивалась и по праздникам приезжала. Мама вроде бы даже рада была.

Отец всегда возился с компьютерами и с роботами, это было забавно, но не слишком интересовало Ольгу, может быть, потому, что к волшебству умного дома она привыкла с детства. Интереснее было то, что отец умел предсказывать погоду лучше всякого телевизора, а еще предвидел опасность.

— Понимаешь, он всегда такие вещи чувствовал. Например, я прошусь с девчонками на шашлыки, а он говорит: «Оленька, завтра не надо, идите через неделю». Ну, я девчонкам говорю, а они смеются. А потом на этих шашлыках или ногу кто-нибудь ломает, или вообще какие-нибудь придурки к ним привяжутся. В общем, я ему привыкла верить. А за последний год он то и дело начинал, мол, когда нас не будет, ты то-то сделай и то-то. Наверное, поэтому, когда они разбились, я даже не очень удивилась. Плакала, конечно, до сих пор, как подумаю, слезы наворачиваются, но не удивилась.

Они погибли два года назад. Самосвал юзом выбросило на встречную. Дождь, мокрая дорога... и машин-то почти не было. Им просто не повезло.

По завещанию Ольга осталась владелицей умного дома. Правда, большинство роботов, как оказалось, не принадлежали отцу, а были взяты в аренду, но остальная начинка и даже безумно дорогой Марвин остались в ее распоряжении. Обменяться из этого захолустья можно было разве что на хрущевскую однушку, поэтому Ольга так и осталась в Заречье, даже когда половину деревни снесли, а вокруг словно на дрожжах поднялись кирпичные теремки.

Она ездила по конторам от Дубны до Москвы, продавала мелкие гаджеты: ручки-флешки, usb-аккумуляторы, ультразвуковые пищалки против комаров и прочую ерунду.

— Говорят, у меня рука легкая. Если электронику у меня купить, она не ломается. Это я только потом поняла, что все не так просто. А все потому, что месяц назад...

Глобус-шахматы стоял в доме всегда — вторая старая вещь (первой был портрет). Деревянный шар со вполне современными очертаниями нарисованных материков в массивной подставке на колесиках. Если откинуть верхнюю половину, получался маленький шахматный столик, фигурки для которого были с изумительным мастерством вырезаны из темного дерева и слоновой кости.

Ольга видела подобный столик в антикварном магазине, но фигуры ее разочаровали — лица на них были лишь намечены, складки одежды грубоватые. Здесь же каждой пешке придали свое выражение лица.

Почти два года Ольга к шахматам не прикасалась: всякий раз начинала плакать. А тут показалось, крышка закрыта неплотно, она откинула северное полушарие и на шахматной доске обнаружила конверт.

Письмо от отца.

— Если коротко, то дело было так. Мой дед, папин отец, жил... ну, скажем, в параллельном мире. Как бы магическом. Вот не надо кривиться, я бы тоже не поверила, но ты же компьютер видел. Ну и я видела. Вот... а однажды они разругались, и отец оказался здесь: то ли дед его заколдовал, то ли он сам удрал. Ну и дед сказал: не возвращайся, мол.

— Я тебя породил, я тебя...

— Вроде того. Папа здесь женился, потом я родилась, возвращается он и не собирался. Только знаешь, что я думаю... вот эти роботы, алгоритмы хитрые — в ладоши хлопнул, свет зажегся, — наверное, были ему вместо магии. Наверное, ему было нужно ощущать какую-то власть над вещами, понимаешь? А раз как прежде не получалось, он и начал заниматься электроникой.

Власть над вещами — это Егор понимал. Это когда из цветных мазков выглядывает женское лицо, а в черных штрихах

угадывается закат — и только от тебя зависит, каким он станет.

— Я уже думала, с ума сойду, все к себе прислушивалась: что во мне не так. Я думаю, он маме все рассказал, поэтому она такая и была всегда... замороженная. И еще выглядела гораздо старше его, в последние годы совсем старушкой казалась. Я, что называется, поздний ребенок, но папе-то на вид больше сорока не давали, а по паспорту возраст у них одинаковый...

Ольга принялась копаться в домашней электронике. Опомилась, когда у Пса после экспериментов отнялись лапы, а везти его в ремонт было никак не возможно, потому что внутри обнаружилась та же чертовщина: каменные кубики и стеклянные деревца в мизинец размером.

— Я теперь уже и не знаю, то ли он сразу их такими делал, то ли они сами потихоньку перерождались. Самый старый уборщик у нас — вообще одна из первых моделей; гудит как самолет, но до сих пор работает, ни разу не ломался.

Портрет деда она никогда не любила. Он казался ей скучным и мрачным. И страшноватым, если честно. А тут присмотрелась внимательнее и обнаружила несоответствия, слишком нарочитые, чтобы оказаться случайными. Тогда и родилась идея найти реставратора, чтобы снять верхний живописный слой.

— Я несколько человек перебрала, но никто сюда ехать не хотел. Везите, говорят, сами, если надо. А я подозревала, что там внутри, — как такое привезешь! Ну, а потом ты вот согласился...

Егор молча уставился на мерцающий кристалл в брюхе компьютера. Надо было или поверить и отказаться от всего опыта прежней жизни, или посчитать девушку сумасшедшей и бежать отсюда без оглядки. Но вот же портрет, хотя что там портрет — вот же смартфон радостно подмигивает, звони, куда хочешь...

«Мобильная связь там есть?»

«В доме есть...»

— Я думаю, может, это папа портрет замазал много лет назад, чтобы лишних вопросов не возникало. Только непонятно, кто надписи оставил. То ли отец все-таки выход нашел, то ли дед ему лазейку оставил... Или оно вообще не об этом. А мо-

жет, — она побледнела, — может, они вовсе не погибли, а на самом деле...

Маслов прятал глаза.

— Да нет, — хрипло оборвала себя Ольга. — Таких чудес не бывает...

Ну да, а остальные бывают?

— Что думаешь делать? — неловко спросил он.

— Открыть, конечно. Только надо сообразить, чего от нас хотят.

От нас. То есть Егор автоматически входит в команду избранных. Понять бы, рад он этому или огорчен.

— Допустим, про часы мы решили правильно, и дверь в той стене подвала... — продолжала она.

— Портал, — уточнил он.

— Что?

— Портал. Ну, как обычно в книжках, между мирами.

— Да какая разница. Главное, чье имя нам нужно и какие три червяка?

— Или «З». «З» плюс иероглиф.

— Тем более непонятно. Может быть, алхимический символ?

— Пойдем погуглим.

Егора уже не смущало, что Интернет доступен посредством неведомого волшебства. В конце концов, для него и раньше вся эта электроника была сродни колдовству, так какая разница, микросхемы там работают или магические кристаллы?

* * *

Егор открыл глаза, судорожно глотая воздух. Простыни были мокрыми, хоть выжимай, а в глазах еще стоял недавний сон: едва не задушившие его клубы желтого тумана и статуя с Ольгиным лицом. Только на этот раз статуя была железной.

Хорошенький такой кошмар. В самый раз после вчерашнего.

Они до двух ночи лазили в поисковиках, но толстого червяка в перевязочках-лапках не нашли.

— Может быть, это тоже надо смыть?

— Я с краешку попробовал, там ничего нет. Только исходная картина.

Ее лицо было совсем рядом, глаза в мягком свете монитора отливали изумрудом. Волосы пахли свежо и чуть горько, где он чувствовал такой же запах?

— Может быть, виньетка? Зашифрованные инициалы?

— Грубовато для виньетки.

— И кстати, «останови именем» — это чьим?

— Понятия не имею. Папа был Александр Иванович.

Егор фыркнул и, не сдержавшись, расхохотался в голос.

— Ты чего? — возмутилась Ольга.

— Ой, не могу... портрет... — еле выдавил Егор. — Дедушка Ваня...

Ольга перевела взгляд на картину и тоже согнулась от хохота.

Когда приступ смеха прошел, они некоторое время молча смотрели друг на друга, словно не узнавая. Потом медленно, будто во сне, Егор потянулся губами к невероятно красивому лицу девушки. Но поцелуй на фоне демонического портрета — в этом была такая голливудская фальшь, что Егор застыл на подороге.

Наверное, Ольга тоже это почувствовала, потому что одним стремительным движением скользнула за дверь:

— До завтра. Спокойной ночи.

— Хозяин, спокойной ночи, — немедленно отозвался вездесущий Марвин. — Гость, спокойной ночи.

И вот — ничего себе спокойная ночь! Что сказал бы Фрейд о подобном кошмаре?

На кухне Марвин нарезал копченую скумбрию идеальными прозрачными ломтиками. Интересно, а руки он сам себе мыть будет, рыба-то жирная?

— Гость, здравствуй.

— Привет, Марвин. Где Ольга?

Молчание. То ли команда неверна, то ли верному роботу не положено сообщать о местонахождении хозяйки. Ну и ладно.

Егор с аппетитом слопал почти всю скумбрию и отправился в кабинет.

Системный блок они вчера водрузили обратно на стол, только крышкой закрывать не стали. Маслов удивился, куда

подевалась пыль; не иначе кто-то из пылесосов постарался. Представилась таблетка-уборщик, с жужжанием взлетающая на стол, как маленькое домашнее НЛО.

Егор снял «дедушку Ваню» со стола и поставил лицом к стенке. Взгляд скользнул по «останови именем». Еще одна загадка, но это пусть Ольга думает. А мы поищем червяка.

Через шесть часов он устал, как собака, и только бесцельно тыкался от ссылки к ссылке, пропуская пестрые изображения мимо сознания. Но сердце екнуло раньше, чем он понял, что видит.

Хитро изогнутая колбаса с небрежными поперечинами-лапками.

Китайский дракон.

Три дракона? Егор с силой потер глаза и вышел на следующий круг поиска.

Символ силы и доброты... доброе животное, не имеет ничего общего с ужасными драконами в европейской геральдике... три основных вида дракона — кажется, вот она, тройка. Лунг живет в небе, Ли — в океане, Чиао обитает на болотах. Ну и что с этим делать?

Кстати, вроде бы есть такие электронные драконы...

— Марвин, у нас есть дракон?

— Дракон нет.

— А был?

Молчание.

— Марвин, у нас был дракон?

— Дракон нет.

Нет так нет. Идем дальше. Усы... борода... примитивная форма называется куй; куй — какое хорошее слово. Зимой впадает в спячку... буддизм... запретный город в центре Пекина... жемчужина в лапах дракона... дракон в китайской алхимии означает ртуть, а также сердце и кровь...

Кровь. Черт побери, а если просто — кровь! Три — значит, три капли. Это же магия, а магия крови — самая сильная, это во всех ужастиках пишут. Ужастиках, м-да...

Егор аккуратно выключил компьютер.

Остается еще неведомое имя, но почему бы не попробовать сразу? Глядишь, дадут какой-нибудь знак.

В подвале он методично перенес банки на соседние стелла-

жи. Отодвинул легкий каркас, потом еще один, освобождая стену.

Ага, так мы на правильном пути!

У самого пола небрежно нарисована морда — то ли медведь стилизованный, то ли вообще гоблин какой-то. Наплыв штукатурки вполне сходит за высунутый язык.

Ну что, экспериментатор, приступим?

Егор примерился булавкой. Неприятное ощущение: чувствуешь себя самоубийцей, даже если это всего лишь булавочный укол.

Алая капля набухла на подушечке пальца и расплзлась по руслам папиллярных линий, даже не собираясь падать вниз; возможно, укол оказался слабоват. Маслов присел на корточки и прижал окровавленный палец к каменному языку.

Руку охватила приятная прохлада, поднимающаяся по ладони к предплечью, потом к плечу. Егор почти без удивления смотрел, как часть стены — вроде дверного проема с аркой — размывается, уплывает и затягивается янтарно-желтым туманом...

И никаких тебе имен.

Нарушая торжественность момента, в кармане забренчал мобильный. Ольга.

— Егор, ты где?

— Да я тут...

— Слушай, я сообразила!

— Да я вроде тоже...

— Знаешь, ты только никуда не ходи! Подожди меня, я уже подъезжаю.

— Ну, я вообще-то...

— Егор? Егор, ты где?..

Сверху послышалось легкое жужжание.

— Главное, не суйся пока в подвал. Я должна сама...

По лестнице с неторопливой неотвратимостью спускался Марвин. Пластиковые пальцы сжимали кухонный тесак.

— Егор, что там у вас? Егор!

— Гость, нельзя, — злорадно сообщил Марвин.

— Егор!..

Маслов с трудом оторвал палец от каменного языка. Ноги

подкашивались, словно нарисованный гоблин на радостях выхлебал у него пару литров крови. А может, и действительно выхлебал, сволоочь оштукатуренная...

Марвин присел на полусогнутых ножках и шустро затопал к Егору, на ходу поднимая тесак. В стрекозиных глазах парень увидел свое перекошенное отражение.

— Егор?

Телефон брякнулся на пол, Маслов бросился в сторону, расшвыривая консервные банки. Удар пришелся в металлическую стойку стеллажа — цвеньг!

— Марвин, стой!

— Гость, нельзя, — невозмутимо сообщил робот. — Марвин должен помогать хозяин. Марвин должен защищать хозяин.

Тесак со скрежетом врезался в стену, разлетелись острые осколки, кусок арматуры качнулся полувыбитым зубом. Егор чудом успел отпрыгнуть за стеллаж.

— Марвин, стоп! Марвин, фу! Нельзя!

— Гость, нельзя, — возразил Марвин.

Полка разлетелась, острая щепка вонзилась Егору в щеку — на мгновение показалось, что прямо в глаз.

— Марвин умница.

Под ногами катались железные банки. Желтый туман расползался по подвалу, принося резкий запах, — у Егора закружилась голова.

Сверкнул от входа яркий всполох — Ольга.

— Егор? Егор!

— Я тут, — просипел Маслов, хватаясь за арматуру. Прут неожиданно легко подался, и он рухнул коленями об каменный пол. Тесак просвистел в миллиметре, отчекрывив кусок рукава.

— Марвин умница.

Цвеньг! Лезвие врезалось в подставленный прут. У Егора разом онемели руки. А в следующую секунду Ольга налетела на него, сбивая с ног, и оба покатались в желтый туман, за которым скрывалось неизвестно что.

— Хозяин? — недоуменно проскрежетало над ухом. Следом тонко, на ультразвуке, завизжала Ольга. Егор распахнул глаза.

Над ними склонилось железное чучело: сплошная сверкающая сталь и алые перья. За долю секунды Маслов разглядел каждую металлическую розетку на изысканных доспехах, каждую нитку на тяжелом плаще.

Острый клюв шлема смотрел ему прямо в переносицу. Тяжелая алебарда поднялась — и рухнула.

Егор вскинул прут, мгновенно поразившись, каким неприлично тяжелым он стал. И верно, не прут — меч! Тот самый здоровенный меч с черепом на длинной рукояти встретил удар, который должен был выломать Егору руки из суставов.

Встретил — и отвел в сторону, как удар пластмассовой линейки. А из-за тумана послышалось настырное:

— Марвин умница.

И тогда Ольга забормотала, словно в бреду:

— Я помню, я помню, я же должна помнить, — и пронзительно, так что уши заложило, взвизгнула: — Дарн!

Железное чучело застыло, будто в недоумении, а затем целеустремленно пролязгло к проему, откуда на полусогнутых выбирался Марвин с тесаком. Бесстрастным механическим движением подняло алебарду и со всего маху обрушило на голову робота. Крутой шлем треснул как орех.

На мгновение все застыло, и во внезапной тишине особенно резко раздался сухой кашель. Егор медленно обернулся и только сейчас понял, что зазеркальный подвал был копией подвала в умном доме. А на ступеньках лестницы стоял старик в расшитом красном халате.

Янтарные глаза сверкали так, что страшно было смотреть. Мефистофельская бородака растрепалась, клык наполовину обломился, а буйные седые кудри обрамляли обширную лысину, но это несомненно был старик с портрета.

Дедуля.

Маслов только глазами хлопал, а Ольга шагнула навстречу старику — прямая как струна.

— Я пришла.

Он смерил ее суровым взглядом.

— Кровь не твоя.

— Мне помогал человек.

— Твой отец — Андр?

— У нас его звали Александр.

— Почему не пришел он?

— Он умер, — звенящим голосом сказала Ольга.

Лоб старика собрался в тяжелые складки, желтые глаза притухли.

— Андр умер?

— А вы с ним так и не помирились, — горько сказала Ольга.

Старик медленно отвернулся, прошел мимо нее, мимо скрючившегося Егора, все еще сжимающего в руках меч, к железному дровосеку, застывшему над роботом.

— Цейг, иди на место, — приказал он тихо, но будь на месте чучела Егор, тот подчинился бы не раздумывая. Потом склонился над покалеченным Марвином, пробормотал: — Кремний... кремний плохо подходит для големов — слишком своенравный. Но пусть. Ты тоже иди.

Марвин с разваленным напололам черепом деловито зашагал к лестнице. Зазубренный тесак мирно покачивался в пластмассовых пальцах.

Власть над вещами, да. У каждого своя.

Пристальный янтарный взгляд остановился на Егоре, но отчего-то старик больше не пугал его, скорее вызывал жалость. Оживший портрет, повелевающий вещами, но теряющий людей.

Старик повернулся к девушке.

— Как тебя зовут?

— Ольга.

— Ольга, — попробовал он на вкус ее имя. — Хорошо, Ольга из рода Дарна. Ты дерзкая девчонка, но я принимаю тебя... пока.

Егор вытер мокрую щеку и недоуменно посмотрел на вымазанную красным ладонь. Потом осторожно положил меч на каменный пол, поднялся и пошел к дынному проему. На пороге он обернулся, чтобы навсегда запомнить эту картину: суровый старик и упрямая девушка изучающе всматриваются друг в друга. Фамильное сходство было несомненным. И так же несомненно в глубине желтых глаз старика светилась грусть и теплота узнавания.

Маслов тихо шагнул в янтарный туман.

* * *

Он медленно шагал по мокрым розовым плиткам. Пустой рюкзак норовил свалиться с плеча, в горле сухо скребло — продуло, что ли? Калитка закрыта, но можно и через забор перемахнуть, не так уж он и высок. А там — найти остановку или поймать попутку...

— Егор!

Стремительные шаги за спиной, пальцы вцепляются в рукав. Глаза сияют чистой изумрудной зеленью, медовые пряди выбились из учительского бублика.

— Ты забыл... телефон.

Полупрозрачный гаджет с проросшими изнутри кристаллами — туманная завеса преобразует любые предметы. Красиво.

— И потом... послушай, там же совершенно другой мир! Мне все придется начинать сначала, я даже не знаю, как все работает... Я не справлюсь одна.

Он все еще молчал, не в силах поверить.

— Я хочу, чтобы ты остался. Пожалуйста...

— Лучше, наверное...

— Нет, в реставрационную мастерскую не лучше!

Егор изумленно вскинул брови, потом вспомнил и засмеялся.

— Знаешь, может быть, ты не лучший реставратор, зато умеешь сражаться с бешеными роботами. И вообще... это была твоя кровь.

Ветер брнчал китайской висюлькой у крыльца. Солнечный луч играл в глазах самой красивой девушки на свете, а в умном доме его ждали роботы и огромный волшебный мир.

Взявшись за руки, они медленно поднялись по ступенькам.

КУПЕ № 7

а, конечно. Разумеется...

Антон замедлил шаг, откровенно недовольным взглядом провожая людей, спешащих к плацкартным вагонам. Поодиночке и по двое, те ломились к поезду, словно торопились на проходящий, где удобные места занимают только быстроногие счастливики. По асфальту перрона громыхали колеса тележек.

— Нет, не помню точно, кажется, где-то в шесть утра... Да, разница у нас в час, в пять по новосибирскому. Конечно, перезвоню. — Зажав мобильный телефон между щекой и плечом, он вынул из внутреннего кармана куртки паспорт и сложенный вдвое билет. — Все, уже сажусь, созвонимся позже. Хорошо, пока.

Неуклюже перехватив паспорт левой рукой, при этом едва не уронив сумку с вещами и ноутбуком, он выключил телефон и спрятал в поясной чехол. Улыбаясь проводнице, протянул паспорт, раскрывая на странице с фотографией. С желтого разворота на работника российских железных дорог взглянул **жмурый** молодой человек. Антон Туманов, восемьдесят третьего года выпуска, сходство с фотографией практически полное, не то что у некоторых. Проводник, симпатичная женщина лет сорока, машинально улыбнулась в ответ, принимая документы и раскрывая билет.

В морозном ночном воздухе вились легкие облачка пара, вылетающие при дыхании. Наблюдая, как проводница вчитывается в цифры, Антон поймал себя на мысли, что возбуждение, охватывающее его перед любой поездкой, становится все сильнее. А еще подумал, что симпатичные молодые проводницы, должно быть, существуют только в неприличных фильмах для взрослых. Хорошего дизайнера часто отправляют в коман-

дивовку, но за годы поездок по стране Туманов так и не встретил хорошенькой юной проводницы. Размышляя об этом, он скрыл невольную улыбку.

Неторопливо свернув данные, проводница ловким движением отклеила вторую страницу билета, надрывая золоченый штамп РЖД в верхнем левом углу.

— Вы сразу гасите? — Антон наблюдал за ее пальцами. Забрал протянутый билет, убирая в карман.

— Народу-то нет, — рассудительно пояснила проводница, сделав небрежный жест. — Пустой вагон, считай. Только после Ачинска подсаживаться начнут...

Перрон и правда был пуст, если не считать двоих стражей порядка у подъема на пешеходный мост и редющего ручейка пассажиров, торопящихся к плацкартным вагонам.

— Тринадцатое место в каком купе?

— Там на дверях написано все, — безразлично ответила женщина, бросив взгляд на цифровые часы, установленные за спиной Туманова. — Заходите, через две минуты отправляемся.

— Спасибо, Алла Сергеевна, — без улыбки ответил он, прочитав пластиковый бейдж, прикрепленный к суконному лацкану ее темно-синей формы.

Перехватив сумку, Антон ухватился за желтый поручень и шагнул на высокие металлические ступени, поднимаясь в поезд. Над лестницей работали два светильника, по форме напоминавшие гротескные чашки женского лифчика, и Антон во второй раз едва сдержал улыбку.

Уютное тепло вагона встретило его сразу, как только он закрыл за собой дверь в тамбур, отрезая доступ пронзительному октябрьскому воздуху. Держа сумку перед собой, он миновал короткий коридор, ведущий мимо туалета и купе дежурного к четырехместным комнатам пассажиров. Слева, на стене закрытого купе со странной табличкой «38, 39» под тонким прозрачным пластиком красовались фотографии упаковок «Ментос» и «Меллерс», а также распечатанные на принтере расценки на чай, кофе и минералку. Пузатый титан, как мельком отметил Антон, уже был нагрет.

Вагон порадовал с первого взгляда — современный, чистый, с новенькой ковровой дорожкой, убегающей вдаль. Свет-

дый, почти белый пластик сиял, на окнах виднелись массивные рамы. Узкое электронное табло, висевшее над головой, услужливо подсказывало московское время, температуру в вагоне и его номер. В правой части табло размещался индикатор, указывающий, закрыты ли туалеты. Если табло не обманывало, вагон имел десятый номер и сейчас в нем было плюс 22 по Цельсию, а в Москве почти пробило три ночи.

Ровный ряд закрытых дверей создавал ощущение размеренного уюта и сразу же рождал мысли о дорожной романтике. Пассажиры, в отличие от него прибывшие на посадку заранее, уже закрылись в своих камерах, устраиваясь досматривать сны — неудивительно, если учесть, что поезд стартовал почти в шесть утра.

Задевая плечом шторки на окнах, Антон двинулся вперед, всматриваясь в таблички на стенах. Тринадцатая полка, купе номер четыре. Взявшись за прохладную ручку, Туманов потянул дверь вправо. С характерным металлическим перестуком та подалась, отползая. К его облегчению, три остальных места пустовали, что не могло не радовать. Ехать почти сутки в компании орущих детишек или гадящих в подстеленные памперсы котят — удовольствие сомнительное. Нужная полка оказалась нижней слева, и Антон тут же опустил на нее увесистую сумку. Затем нащупал выключатель, наполнив купе мертвенным, но ярким светом. Оперся руками на застеленный скатеркой столик, выглядывая в окно. Ночной вокзал гудел своей размеренной, дремотной жизнью.

Было слышно, как захлопнулась вагонная дверь и лязгнул замок, но Антон не торопился присаживаться или снимать куртку. С легкой тоской и неожиданной тревогой он смотрел на перрон, освещенные фонарями ларьки со снедью, зеленые мусорные баки. И, словно в ответ на его ожидание, через несколько секунд вагон мягко качнуло. Поезда и электрички, заполняющие десятки путей, киоски и люди на перроне двинулись влево, постепенно набирая скорость. Поезд отправился точно по расписанию.

Незаметно для себя шумно вздохнув, Туманов опустил на свою полку, придвигая сумку. Нужно достать плеер, зубную щетку, дорожное чтиво. Может быть, еще ноутбук, хотя это можно сделать и после того, как он наконец выспится.

В проеме появилась Алла Сергеевна, еще шире открывая дверь.

— Нашли свое место? — поинтересовалась она, с вежливой улыбкой протягивая запаянный пакет с постельным бельем.

— Да, спасибо, — кивнул Антон, принимая белье.

— Чай, кофе?

— Нет, спасибо. Может быть, позже.

— Как скажете, — кивнула проводница, удаляясь.

Уставившись на прозрачный мешок, хранящий застиранные простыни, наволочку и полотенце, Антон не торопился вскрывать упаковку. С каждой секундой, ощущая легкую качку и вслушиваясь в стук железных колес, он все более жадно глотал чувство дороги, щемящее, пронзительное, зовущее вперед и вперед, сквозь поистине необъятные просторы.

А еще он думал о том, что, если командировка окажется удачной, он сможет несколько месяцев не работать. Будет предоставлен сам себе, и никакого счета деньгам, никаких копеечных проектов по разработке сайтов или верстке рекламных макетов. Может быть, наконец-то закончит ремонт мотоцикла. Возможно, на пару недель уедет в Шерегеш. А то и вовсе в Таиланд, например, а то даже и на Новый год... Поедет к Славке, в конце концов, и продолжит работу над компьютерной игрой, сроки сдачи которой и так безбожно затянуты. Сделает апгрейд компьютера. Нет, просто купит новый, двудерный, с самой мощной видеокартой — настоящую графическую станцию, которая не состарится еще как минимум пару лет.

А еще цифровую видеокамеру, как давно хотел. Фотоаппарат с мощнейшим разрешением. И новый сотовый, скорее всего коммуникатор... И ноутбук, конечно, новый, тоже самый мощный. И пусть переносной компьютер необходим ему только как инструмент предварительного анализа изображений, недельные командировочные «запой» игры в «Варкрафт» еще никто не отменил...

Кстати, и ремонт сделает в квартире. Разумеется, после того, как рассчитается с долгами за коммунальные услуги. А может быть, имеет смысл старую квартиру и вовсе продать, добавить заработанное и купить новую, пусть даже и в новостройке...

Антон вздрогнул, заставив себя прекратить мечтать. Загадывать — последнее дело, того и гляди сглазишь все к чертям. И пусть дележ шкуры неубитого медведя не был любимым занятием Туманова, вот именно сейчас, на пороге новой работы, этой октябрьской ночью он не мог совладать с собой.

Распечатав пакет, Антон повесил крохотное полотенце на поручень, вынул простыни. Вспомнил, что так и не снял куртку, и отложил белье. Набросив верхнюю одежду на легкую пластмассовую вешалку, переложил сумку на столик, потянулся к верхней полке, стащил матрас и бесформенную подушку. Мысли, как он ни силился, продолжали скакать вокруг предстоящего заказа, заставляя думать только о хорошем. Например, о дорогих женщинах, ночных клубах и прочей яркой чепухе...

Заталкивая в наволочку набитый перьями мешок, считающийся подушкой, он неожиданно замер, размышляя над тем, что невольно привлекло его внимание. Чувство было схожим с тем, что испытываешь, встретив на улице смутно знакомого человека. Проходишь мимо, силясь вспомнить имя, не без труда вспоминаешь, но, когда оборачиваешься, чтобы окликнуть и поздороваться, тот уже садится в автобус. Вот и сейчас, согнувшись над почти одетой подушкой, Антон размышлял, что именно его заинтересовало. Поезд принялся раскачиваться чуть сильнее, набирая скорость, и Туманову пришлось вытянуть руку, опираясь о край верхней полки.

Выпрямившись, он бросил еще один взгляд на четырнадцатое место, расположенное ровно над его. Еще два свернутых рулетами матраса, подушка — сестра-близняшка выбранной им. И бумажный треугольник, лукаво выглядывающий из-за края лежанки. Листок, завалившийся между полкой и стеной. Мусор, упущенный проводниками при уборке вагона. Едва угадывающиеся на листе яркие линии говорили о том, что это рисунок.

Сбросив правый ботинок, Антон поставил ногу на соседнюю полку, подтягиваясь на руках. Прохладный кожзам, обтягивающий спальное место, приятно коснулся ступни. Отодвинув матрасы, Туманов ухватился за уголок листка, осторожно вытягивая рисунок. Держа лист в руках, спрыгнул в проход, едва не стукнувшись головой, и, не глядя, нащупал босой но-

гой ботинок. Уселся напротив своей почти застеленной кровати, с легкой улыбкой рассматривая находку.

Рисунок, по горизонтали занимавший почти весь альбомный лист, был детским, обаятельно наивным, простым и теплым. Ребенок, во время длительной поездки уговоривший маму достать из сумки цветные карандаши, явно старался, но вышло все равно коряво до умиления. В правой части листа был нарисован дом — простенький дом с дверкой, ступеньками и неизменной печной трубой. Над дверью даже присутствовал номерок, старательно выведенный детской рукой, — семерка. За домиком виднелся палисад, отгораживающий зрителя от ровных рядов грядок, засеянных морковкой и капустой.

Почему Антон решил, что в этом крохотном огороде растут именно капуста и морковь, он не понял и сам, но невольно улыбнулся догадке. Желтая песчаная дорожка убегала от ступенек крыльца куда-то за край листа. Слева, зеленея пышной кроной, выросло дерево, и Туманов снова улыбнулся, предположив, что это дуб. В левом верхнем углу, почти над ярко-зеленой листвой, по всем законам детского рисунка было изображено солнце — желтое, с множеством черточек-лучиков, рассыпанных в разные стороны. А в самом центре картины, стоя на песчаной дорожке, был нарисован человечек. Улыбающийся до ушей, с непропорционально огромной головой, он был набросан совсем небрежно, отчего казалось, что это Страшила из сказки об Изумрудном городе. Простоватый весельчак, набитый торчащей во все стороны соломой.

Мерное покачивание вагона усыпляло, и Антон отложил рисунок на стол, рядом с сумкой. Встал, продолжил борьбу с непокорной наволочкой. Застелив постель, он еще плотнее прикрыл дверь, щелкнув специальным рычажком, не позволяющим открыть ее снаружи. Посмотрелся в зеркало, укрепленное на внутренней стороне выдвижной створки, пригладил русые волосы. Вынул телефон, сразу же переставил время на час вперед, установил будильник и оставил мобильник на самом краю стола, под подоконником.

Переложив из сумки на личную полочку-гамак книгу и футляр со щеткой, Туманов скинул ботинки и разделся. Привычно сунув под подушку джинсы и легкий свитер, убрал сумку под лежак и погасил свет. Вновь чуть не приложившись го-

ловой на очередном рывке состава, заполз под колючее шерстяное одеяло. За окном, едва прикрытым тонкими голубыми шторами, мелькали фонари, наполняя погруженную во тьму комнатку белыми сполохами. Поезд катил вперед, на восток, где Антона ждала новая работа. Высокооплачиваемая работа.

В голове, подобно вспышкам дорожных фонарей, мельтешили мысли о том, что через пару месяцев все станет хорошо. Лучше некуда. Мечтай — не хочу... С тягучими размышлениями о том, что мечтать иногда бывает очень даже вредно, Туманов ушел в тревожный и шаткий сон пассажира железных дорог.

Люди, которые следят за собственными эмоциями, часто рассказывают, что многое в их жизни происходит под аккомпанемент целой гаммы ощущений. Антон Туманов не относил себя к таким людям. Однако, едва открыв глаза, он мгновенно ощутил легкую тревогу, словно это она и разбудила его, не сильно толкнув в бок.

В купе царил сумрак, лишь из освещенного коридора через узкую щель между дверью и косяком пробивался тонкий лучик, да в окно заглядывала то ли луна, то ли очередной фонарь. Облизнув пересохшие губы, Антон постарался понять, что именно послужило причиной его внезапного пробуждения и как долго он вообще спал.

Туманов сел, поправляя сбившееся одеяло. Теперь, даже не выглядывая наружу, он мог с уверенностью назвать причину пробуждения. Поезд стоял на месте. Не было слышно ни перестука колес, ни мерного гудения, не ощущалась качка. Значит, состав прибыл в какой-то городишко. Стоянка от пяти до тридцати минут. Кстати, можно сходить и принести чаю, чтобы на ходу не расплескать, — к утру остынет, можно будет спокойно выпить залпом, как он любил. Потирая глаза ладонями, Антон сладко потянулся. Опираясь о столик, подобрался ближе к окну, отодвинул штору и уперся лбом в толстое холодное стекло.

Светила все-таки именно луна. Пробиваясь сквозь лысые ветки густого тополя, она подмигивала из-за облаков, холодная и пугающая. Почти полная, если познания Туманова в астрономии были верны. Однако и ее скудного света хватало, чтобы

★

понять, что поезд встал не на станции. Значит, решил Антон, они кого-то пропускают, на железной дороге такое сплошь и рядом... За окном раскинулась невзрачная степь с массивами черных лесов вдалеке, а единственным украшением пейзажа служил разлапистый тополь слева да какая-то железнодорожная прилада впереди по ходу движения — то ли механизм для перевода стрелок, то ли выключенный семафор, то ли колонка; двухметровая конструкция смутно белела в темноте, сгорбившись у самого края полотна.

Тревога, нежданно поселившаяся в груди, постепенно развевалась, оставляя после себя неприятное послевкусие дурного сна, не осевшего в памяти. Взбив подушку, Антон опять прилег, легко проваливаясь в дрему. Засыпая на этот раз, он успел подумать, какая густая тишина наполняет десятый вагон...

Темнота. Нет, не совсем... Все тот же бедный свет, проникающий через окно, все тот же лучик справа от двери. Антон подтянул колкий плед на грудь, понимая, что на этот раз проснулся от озноба. Какое-то время неподвижно лежал в тишине, разглядывая освещенный зазор между дверью и косяком, и во второй раз пожалел, что не купил в дорогу ничего попить. Конечно, можно было пойти к Алле Сергеевне и купить у нее бутылочку «Бонаквы», но выползть из-под одеяла решительно не хотелось.

Не поворачивая головы, Антон скосил глаза вверх и влево, пытаясь рассмотреть, какая станция на этот раз стала причиной остановки поезда. Неожиданно для себя заметил фрагмент красной надписи, трафаретом выведенной на ручке плотной мембраны над окном: «мещения шторы нажа профиль вни».

И вновь, всматриваясь в гипнотический танец тонких теней, созданных на стекле тополиными ветвями, Туманов ощутил смутное беспокойство. Ему вдруг вспомнились слова, брошенные одним из приятелей на какой-то из вечеринок. Нетрезвый разговор тогда шел о предчувствии, способности видеть будущее и шарлатанах, а друг в свободное время баловался написанием фантастических рассказов, в подобных диспутах чувствуя себя как рыба в воде. Так вот именно тогда тот

приятель, подливая себе вина, и шепнул на ухо Антону (предельно серьезно, как это умеют делать только пьяные люди), что зло приходит на землю, когда ты видишь в окне тени переплетенных ветвей, озаренных светом стареющего месяца.

Невольно нахмурившись, Туманов подобрался к окну, подхватив готовый упасть на пол край одеяла. И нахмурился сильнее. Картина, развернувшаяся за бортом скорого поезда, уже была ему знакома. Тополь. Луна, казалось, не сдвинувшаяся по ночному небосклону ни на сантиметр. Тощий семафор справа. Снова откидываясь на подушку, Антон подумал о тех, кто будет встречать его в Абакане. Если поезд придет с опозданием, он обязан их предупредить...

Протянув руку, он нащупал на краю стола мобильный телефон и активировал дисплей. Вспыхнув ярким холодным светом, электронные часы услужливо подсказали, что сейчас без четверти десять. Если по новосибирскому часовому поясу, то без пятнадцати девять. Это значило, что в пути он находится меньше трех часов. Все еще собираясь с сонными мыслями, Антон вновь взглянул в окно.

Он не помнил точного маршрута поезда, но мог предположить, что тот встал либо сразу после Тайги, либо немного не добравшись до нее. Мысли о возможном опоздании вновь постучались в сознание. Отложив телефон на стол, Туманов нагнулся вперед, нащаривая выключатель на стене под висящей курткой. По данным внутреннего хронометра, во второй раз он проспал никак не меньше получаса, а это означало, что незапланированная стоянка поезда несколько затянулась.

Щурясь от яркого света, затопившего купе, Антон заставил себя отбросить теплое одеяло. Встал с полки, разглядывая свое помятое лицо в зеркале, закрыл дверной стопор и как был, в майке, трусах и носках, осторожно выглянул в коридор. Взгляд наткнулся на ряд одинаковых закрытых дверей — три по правую руку и пять по левую, цифровое табло, подтверждавшее время на мобильнике, и блестящий титан в конце коридора. За окнами, выходящими на другую сторону вагона, наблюдалась все та же безрадостная картина.

В полной тишине Антон вернулся в купе, прикрывая дверь. Теперь он убедился, что в вагоне действительно похолодало — табло показывало всего девятнадцать градусов.

Путаясь в штанинах, надел джинсы, сунул ноги в удобно разношенные ботинки. Пятерней пригладив растрепанную шевелюру, вышел из купе. Взгляд Антона не задержался на планшете с правилами проезда пассажиров, висящем на противоположной стене между окнами, бегло скользнул по шторам, рядом плотно закрытых дверей. Невольно прислушиваясь к тишине, царящей за дверьми купе, Туманов двинулся по коридору, машинально стараясь ступать мягко и бесшумно. В какой-то момент он так ясно ощутил нереальность происходящего, что едва не остановился. Светлые пластиковые стены и потолок бесстрастно отражали мягкий свет потолочных ламп.

Перед купе дежурного проводника Антон замер, незаметно для самого себя хмуря лоб и потирая щеку. Купе, которому по правилам полагалось быть открытым круглые сутки, купе дежурного с табличкой «Вас обслуживает проводник» и съемной вставкой «Алла Сергеевна Петрова», было закрыто. И отчего-то Туманову показалось, что его ждет не просто прикрытая дверь, задвинутая уставшей Аллой Сергеевной, решившей вздремнуть, а запертый замок. Подняв глаза на табло и убедившись, что под аббревиатурой WC горит зеленый огонек, Антон решительно прошел мимо дежурного поста и вошел в туалет.

Щелчок задвижки показался оглушительно громким и вызвал неуловимое чувство стыда. Виновато оглянувшись на себя в широкое зеркало, Антон навис над унитазом, пытаясь решить, как быть дальше. С одной стороны, если проводница сообщит ему о задержке, это никак не ускорит его прибытия в Абакан. С другой стороны, если он точно узнает, на сколько опаздывает, то будет обязан позвонить встречающим. Но это означало, что Аллу Сергеевну придется будить. А если та по какой-то причине отсутствует в вагоне? Вышла вынести мусор? Наведалась в соседний вагон? Отправилась в ресторан за упаковкой минералки? Что делать тогда?

В том, что существует необходимость будить второго проводника, сейчас мирно спящего в своем купе № 1, Антон был сильно не уверен. В конце концов, вынужденные остановки поездов случаются едва ли не каждый день. Особенно сегодня, когда нет-нет да и произойдет авария... А может, и теракт... От мыслей о чем-то недобром в груди неприятно заныло, и Туманов решительно заглушил этот стон шумом спускаемой воды.

Отпустив П-образную педаль, он наспех сполоснул руки холодной водой. Тыльной, сухой стороной запястья открыл задвижку, возвращаясь в коридор. Нет, он не станет будить второго проводника. Еще немного подождет, и Алла Сергеевна лично ответит на все его вопросы.

Он пошел обратно, рассматривая информационные таблицы, украшающие стены вагона. Тишина, по-прежнему наполнявшая коридор, добавляла происходящему оттенок странности, какой-то удивительной загадочности. В эту минуту Туманов вдруг подумал, что вообще мог оказаться единственным пассажиром десятого купейного вагона. Это, кстати, вполне объясняло бы и отсутствие на посту дежурного проводника... Минувая объявления с преysкурантами и временными интервалами санитарных зон, требования к безопасности и карту следования, Антон остановился перед листовкой, в оглавлении которой значилось: «Расписание движения скорого пассажирского поезда № 068/067». Бросив еще один взгляд на табло, он принялся вычислять, в какой точке своего маршрута поезд должен был оказаться в шесть часов московского времени.

— Вы тоже не нашли проводника?..

Сначала Антон даже не понял, что произошло. Просто сердце вдруг прыгнуло вверх, едва не застряв в глотке, затем рухнуло в желудок, а колени стали мягкими, будто сделанными из сахарной ваты. Он негромко охнул, качнувшись вперед, и левой рукой уперся в расписание поезда. Повернул голову вправо, стараясь унять дрожь в коленках, и только тогда осознал смысл вопроса. Тишина, царившая в вагоне, была столь резко и бесцеремонно разрушена сказанными вслух словами, что в голове у Туманова словно разбилась огромная хрустальная люстра.

— С вами все в порядке?..

Теперь он понимал, что голос женский. Смотрел на девушку, выглядывающую из второго купе, и еще какое-то время не мог сопоставить звук и изображение. Вспышка страха, охватившая сознание, заставила Антона побледнеть, и он против воли опустил на откидное сиденье, что в изобилии крепились к стене коридора.

— Я вас напугала? Извините...

Несколько секунд, понадобившихся Антону, чтобы прийти

в себя, показались вечностью. Однако теперь он вновь научился дышать и наконец мог рассмотреть девушку. Невысокая, фигуристая, с длинными каштановыми волосами, симпатичная студентка любого гуманитарного вуза страны — она стояла в дверях своего купе, а в глазах ее читалась тревога.

— Вы извините меня, пожалуйста, просто я подумала, что вам удалось найти проводника... Я вас так напугала...

Теперь он понимал, что девчонка, словно чертик из табакерки выпрыгнувшая из-за спины, обладает приятным низким голосом.

— Ничего страшного. — Антон с усилием улыбнулся, заставляя себя встать с мягкого красного сиденья. — Это вы меня извините, в вагоне было так тихо, что я уже подумал, будто еду в нем один...

Она улыбнулась, очень обаятельно, и от этой улыбки у Туманова мигом потеплело на душе.

— Ну так что?

— Что? — глупо переспросил он, слушая марафонский темп собственного сердца.

— Проводница. Вы ее нашли? Я выходила минут пятнадцать назад, но купе проводников было закрыто.

— Нет, не нашел, — стремительно краснея от собственной глупости, сознался он. — Все так же заперто, и никаких записок.

— Мы ведь выбиваемся из расписания, так? — с тоской спросила она, хотя ответ был очевиден. Шагнула в коридор, с глухим дребезжанием прикрывая за собой дверь.

Теперь Антон смог еще лучше разглядеть ее. Лет двадцати, вряд ли больше, синие глаза, одета неброско, но со вкусом — свитер, тертые джинсы, из-под штанин которых виднеются яркие кеды с высоким голенищем. На шее у девушки цифровой плеер, а вязанный нагрудный карман плотно охватывает кармочку мобильного телефона.

— Думаю, не меньше чем на час, — ответил Туманов, облизывая сухие губы.

— Вы знаете, может быть, это и глупо, — она уставилась на простенькие узоры ковровой дорожки, старательно не поднимая взгляда, — но я как-то странно волнуюсь... Это, конечно, чепуха и глупости, но когда вас увидела, сразу поняла, что вы

проводницу не нашли, и как-то вмиг разволновалась... Как вы думаете, что-то случилось?

Странное дело, но, когда девушка заговорила о тревоге, напряжение самого Антона неожиданно начало спадать. Туманов ощутил какое-то подлое облегчение, вдруг осознав, что кто-то волнуется больше, чем он сам. Улыбнулся, стараясь, чтобы это выглядело уверенно.

— Я убежден, причин тревожиться нет, — заявил он. — Думаю, что самое неприятное, что могло произойти, это повторение сценки Альтова про поезд, к которому прицепили два девятых, кажется, вагона. Может, помните, там еще много раз невозмутимым голосом повторялась фраза: «В это время пассажиры второго девятого вагона...»?

— А я думала, что этот монолог Задорнов читал, — ответила она, и Антон вдруг понял, что попал в точку. Девушка подняла глаза и осторожно ответила на его улыбку. — Меня Лена зовут.

— Антон, — представился Туманов, чувствуя себя несколько неловко. — Предложил бы вам чаю или кофе, но проводница, наверное, решила, что это лишнее...

Улыбка Лены стала чуть шире и менее напряженной.

— Если что-то узнаете, не могли бы вы заглянуть ко мне и рассказать, на сколько мы задержимся? Я все равно не усну...

— Конечно, — воодушевленно кивнул Антон, запоздало осознав, что слишком явно демонстрирует свою симпатию к этой милой особе.

Постарался перевести дух и зачем-то уставился на картинку с черным человечком, лезущим в какой-то лаз. Картинка располагалась над окном напротив третьего купе, а сухая подсказка гласила, что данное окно — аварийный выход. Поясняющая табличка над окном красными буквами: «При аварии», а черными в следующей строке: «потянуть за ручку полностью выдернуть шнур». Именно так, без знаков препинания, сухо и сжато. Схематический человечек, спасающийся из вагона, невольно заставил Туманова вспомнить о детском рисунке, найденном на четырнадцатой полке. Он снова взглянул на девушку.

— А я никого не разбужу?

— Нет, я одна в купе.

— Конечно, если что-то узнаю — сразу расскажу.

Лена благодарно улыбнулась, вынимая из кармана телефон. Каждый жест девушки говорил о том, что предстоящий разговор будет непростым. Когда в жизни человека что-то идет вразрез с расписанием или старательно разработанными планами, хорошего настроения не жди.

Антон уже приготовился вернуться в свое купе, когда Лена замерла на пороге, опять поворачиваясь к нему.

— И связи нет, — с обидой в голосе поделилась она. — Как назло, да?

— У вас какой оператор? — Антон изо всех сил старался не показать, что рад этой заминке, дающей возможность перекинуться с Леной еще хоть парой слов.

— Желто-черный полосатик. А у вас?

— У меня моторно-тракторная... Может быть, ловит? Я сейчас уточню и, если да, дам позвонить.

Девушка не ответила, лишь благодарно кивнула.

Туманов юркнул в купе, подхватывая со стола мобильник. Поднес к лицу, не без радости рассматривая все пять «палок», сообщавших об устойчивом приеме. Но уже в следующую секунду «лесенка» сигнала побежала вниз, мгновенно сойдя на нет. Нахмурившись, Антон по привычке приподнял телефон над головой, но равнодушная надпись на экране «только SOS» так и не уступила место названию оператора.

— У вас тоже, да?

На этот раз Антон испугался не так сильно, но появление девушки за спиной чуть не заставило его уронить телефон. Лена стояла в дверях четвертого купе, понимающе покачивая головой.

— Все равно спасибо. Кстати, вы тоже один едете?

— А?.. Ах да, тоже один. Думаю, что с таким количеством пассажиров тут на каждого выделили целое купе.

— А можно, я с вами посижу? — неожиданно спросила она, тут же очаровательно смутившись. — Ну, то есть, конечно, если вы спать не собирались... Просто, общаясь в коридоре, можно перебудить всех, а я пока не узнаю, где мы, не усну... Ну, то есть я, конечно, могу и в своем посидеть, просто...

— Да нет, что вы, конечно, проходите. — Антон мысленно проклинал себя за неловкость, прозвучавшую в собственных

словах. — Присаживайтесь. Я тоже не собирался спать, честное слово, — уже более уверенно соврал он, — так что давайте и правда поболтаем. Глядишь, услышим, как Алла Сергеевна вернулась...

— Кто?

— Ну... дежурный проводник, я хотел сказать. Я у нее на бейджике прочитал... — Он замолчал, не зная, о чем говорить дальше.

Лена уселась на свободную нижнюю полку, задумчиво глядя в темное окно. Антон отодвинул застеленный простыней матрас, присаживаясь напротив. Вновь пожалел, что не может предложить девушке даже стакана минеральной воды.

— Вы далеко едете?

— До Абакана. По работе... В командировку, если так можно сказать.

— Ясно. А я в Ачинск, к друзьям. Все лето не могла вырваться, и вот теперь представилась возможность.

Они снова замолчали, прислушиваясь к окутывающей купе тишине. Не было слышно ни храпа, ни звона подстаканников, ни шуршания газет. Возникло уверенное чувство, что они действительно остались в вагоне одни. Совсем одни.

— Как вы думаете, нас и правда могли... ну, например, отцепить? Я понимаю, что это звучит глупо, но ведь бывают в жизни такие дурацкие ситуации...

— Думаю, нет.

Однако против воли Антон тут же вспомнил сразу несколько художественных фильмов о железнодорожных происшествиях. Например, старый советский фильм-катастрофу, где трое молодых безбилетников оказались в заложниках у поезда, в кабине которого от приступа умер машинист. На огромной скорости, нужно заметить.

— Логично предположить, что мы просто кого-то пропускаем. Товарняк, например.

— Просто у меня такое ощущение, что мы потерялись, — смущенно улыбнулась Лена, поправляя прядь и одновременно пряча за ней глаза. — Весь поезд, вместе с нами. Как в «Лангольерах»... Вы читаете Стивена Кинга?

— Да, приходилось. Раньше, пока он писал нормальные

рассказы ужасов, а не мутные романы о человеческой душе. Но эту книгу не читал, нет.

— Ясно, — кивнула она. — А еще, наверное, на меня так действует окружающий пейзаж. Это бескрайнее поле, убывающая луна, жуткая конструкция возле вагона...

— Убывающая? Я полагал, что она только готовится стать полной.

— Нет, полнолуние было пару дней назад, мы недавно с подружками обсуждали. Сейчас она как раз стареет...

Антон словно ударил током, спина покрылась наждаком гусиной кожи, а ладони внезапно вспотели. Чтобы скрыть нахлынувшую тревогу, он взглянул в окно, но девушка, казалось, не заметила его реакции. Туманов внезапно подумал, что Лена права и их действительно отцепили, потеряв в пути. Он постарался вспомнить, не последним ли был его вагон, а в голове все крутилось и крутилось отрицание недоброго предчувствия.

— Мрачная картина, правда?

— Ага. — Туманов заставил себя избавиться от дурных мыслей. Господи, да тысячи людей используют именно этот оборот речи, и чего он так разволновался? — Но тревожиться все равно нет причины. Поезд — не самолет, способный упасть там, где его никто не найдет, — зачем-то добавил он.

Но Лена уже переключила внимание, забирая со стола детский рисунок.

— Ой, какая прелесть! Чудесный рисунок! — Она принялась увлеченно рассматривать картинку, улыбаясь увиденному. — Это ваш? У вас есть дети?

— Что? О, нет, я не женат. — Антон смотрел на девушку, держащую альбомный лист ровно перед своим лицом. — Я нашел его. Здесь, на верхней полке. Остался от предыдущих пассажиров...

— Я считала, что купе прибирают после поездки.

— Я тоже так думал. Видимо, не заметили...

Туманов слышал свой голос словно со стороны, машинально продолжая отвечать Лене, но внимание его было полностью приковано к альбомной странице. Странная тревога, рожденная этой нелепой остановкой поезда, усиливалась. Он смотрел на рисунок (точнее, на его обратную сторону), и ладони потели

все сильнее. Возможно, переверни он листок сразу же, такого эффекта тот бы не оказал, но сейчас...

По обратной стороне листа огромными корявыми буквами неуверенная детская рука старательно вывела:

Соломенный человечек живет в купе № 7

Красным карандашом. Неаккуратно, но без ошибок.

И отчего-то Антону показалось, что первобытного страха в этой надписи куда больше, нежели в мрачном пейзаже вокруг поезда, полной луне или когистом тополе.

— Смотрите, Лена, произведение еще и подписано, — чужим голосом произнес Антон, поднимая указательный палец.

— Ой, действительно, — девушка перевернула лист, — какая прелесть! Думаю, в этом седьмом купе ехал колоритный пассажир, если произвел на ребенка такое впечатление...

— Пожалуй, — машинально ответил Антон, хотя мысли его сейчас были заняты совсем другим.

Прислушавшись к ним, он вдруг понял, что продолжает убеждать себя, что с поездом и вагоном все в порядке. Мысленно проговаривает фразу раз за разом, словно это могло как-то уменьшить время стоянки или заставить состав двигаться дальше.

Придвинувшись к окну, он с тоской вгляделся в даль, скрытую во тьме. Луна, как бы ярко она ни светила, не могла пронзить темень, делая далекие леса еще более таинственными и мрачными. Антон перевел взгляд направо, силясь все же рассмотреть, что же за странная установка расположилась буквально в метре от рельсов, но тут его парализовало.

Он хотел сдвинуться с места, отшатнуться или хотя бы вскрикнуть, но силы оставили его, как вино покидает треснувшую бутылку. Шевелились лишь волосы на руках и загривке, реагируя на опасность так же, как это происходило у далеких пещерных предков. Онемели даже веки, и, как ни старался Антон отодвинуться или хотя бы просто закрыть глаза, взгляд его оставался прикован к молочно-белесой конструкции, смутно виднеющейся впереди по ходу поезда. Страх, дичайший страх (не сродни тому, что он испытал, когда его в первый раз напугала Лена) охватил Туманова, лишая способности думать и

действовать. Стало холодно, словно кто-то повернул рубильник, включая январскую стужу.

Потому что прямо на глазах Антона бледная двухметровая конструкция пошевелилась, и ровно через мгновение он понял, что это не просто нагромождение трубок и прутьев. Понимание, что смутный силуэт во тьме — человек, пришло неожиданно, почти как озарение, что посещает, когда смотришь многослойные картины Сальвадора Дали. Высокий долговязый человек, неподвижно простоявший возле вагона не один час, поднял голову, делая шаг назад и в то же мгновение исчезая во тьме.

— О господи...

Шипение, вырвавшееся из пересохшей глотки Антона, мало походило на связную речь. Но Лена услышала не слова — она уловила отчаянье, сквозившее в этом стоне. Листок с детским рисунком выпал из ее пальцев, мягко спланировав на лежанку, а лицо девушки приобрело молочный оттенок.

— Что случилось? — только и смогла спросить она, заранее испугавшись ответа.

— Там, в темноте, возле поезда... Там кто-то есть... Там человек, он стоял у самого края вагона... Как же он меня напугал. — Ледяные тиски, сковавшие мышцы Туманова, медленно разжимались. — Он отошел в темноту... Он... он очень странный.

Девушка медленно придвинулась к окну, с опаской выглядывая в ночь. Казалось, она откровенно боится прикоснуться к стеклу.

— Та конструкция, — Антон заметил, что его пальцы дрожат, — это и был человек... Не семафор, нет. Странный человек.

— Может быть, обходчик? Ну, знаете, которые работают и живут в этих крохотных домиках, что расположены почти на каждом переезде? — Голос девушки подозрительно вибрировал. — А может быть, вам просто показалось?

— Может быть, — рывком кивнул Туманов, искренне молясь о том, чтобы так оно и было. — Но можете посмотреть сами, странная штукавина исчезла. Я иду к проводнице.

И встал, как ему показалось, предельно решительно. На са-

мом же деле тяжело поднялся с застеленной кровати, почти не чувствуя ног. Лена немедленно поднялась следом.

— Я иду с вами.

Антон позавидовал твердости ее голоса.

— Хорошо, — и первым вышел в коридор.

На этот раз светлые стены вагона уже не светились уютом и белизной. Сейчас они казались игрушечными, ненастоящими, поддельными, словно весь вагон был не более чем декорацией к кинофильму. Широкими шагами Антон двинулся в сторону купе проводников, минуя крохотные откидные сиденья на стенах, ряды закрытых дверей (приоткрытым оставалось только второе купе Лены) и развешанную между окнами справочную информацию открытого акционерного общества «Российские железные дороги». Лена, едва не наступая ему на пятки, шла следом.

Купе дежурного проводника, как и пятнадцать минут назад, оказалось запертым, но сейчас Туманов не довольствовался кратким ожиданием. Взявшись за железную ручку, неожиданно холодную, он постучался в купе левой рукой. Глухой стук по пластиковому покрытию разлетелся вдоль коридора, но Антон даже не обратил на это внимания.

Выждал несколько секунд, постучался вновь, но уже более настойчиво, неловко отбив костяшки двух пальцев. Зерна тревоги, упавшие в душу еще во время первого пробуждения, проклюнулись, стремительно прорастая. Не прекращая стучать, Антон потянул дверь вправо. Потянул сильнее, но и на этот раз не сдвинул ни на волосок. Казалось, что та не просто заперта на простейший замок, но едва ли не приварена к дюралевым косякам.

Лена, не дыша замершая за его спиной, не издавала ни звука.

Шагнув вправо, Антон невольно отодвинул девушку к окну, принявшись стучать в купе со странной маркировкой «38, 39». Сместившись еще правее, он чуть ли не в полную силу забарабанил и в купе отдыха проводников. Перестук летал по коридору, но ни одна из дверей не распахнулась, не прозвучали гневные возгласы разбуженных. Тогда Туманов поочередно попробовал открыть двери подсобных помещений, дергая за

ручки уже без всякого стыда или опаски. Те, будто нарисованные на кирпичной стене, не поддались.

— Так же не может быть? — Антон далеко не сразу сообразил, что разговаривает сам с собой, бормоча под нос. — Кто-то из проводников в любом случае должен оставаться в вагоне, так? Не могли же они взять и сойти на полустаночке, оставив в вагоне пассажиров? Бред какой-то...

Он обернулся к Лене, спиной прислоняясь к двери купе отдыха. Пластик оказался холодным, сразу пробирающим через легкую ткань футболки. Слова были не нужны, девчонка понимала все и так, затравленно глядя в его глаза.

— Этого не может быть... — медленно повторил Антон, стараясь не обращать внимания на мерзнущую спину. Скользнул затравленным взглядом по титану, двери туалета, крану с питьевой водой, вмонтированному в стену слева от дежурного купе.

— Соседний вагон...

— Что?

— Нужно сходить к проводникам соседнего вагона.

Глаза Антона распахнулись, словно Лена только что доказала ему теорему Ферма. Разворачиваясь к тамбуру, он проклял себя за то, что эта мысль не возникла у него до того, как он принялся отбивать костяшки пальцев. И пришел в себя только через пару минут, когда испуганная Лена повисла на его руке, яростно ее теребя. Антон мотнул головой, понимая, что залип, вцепившись в ручку двери, ведущей в соседний вагон. В ручку наглухо запертой двери.

За крохотным оконцем поблескивала перегоревшая лампочка, но больше ничего Антон уже рассмотреть не мог — в кромешной тьме ему было видно лишь собственное отражение в стекле.

— Я точно знаю, — выдавил Туманов, отпуская дюралевую ручку, — что следующий вагон — не ресторан, чтобы его закрывали на ночь. — В морозном воздухе тамбура из его рта вырывались струйки пара. — Пойдем, здесь холодно.

Захлопнув за собой дверь, они вернулись в коридор десятого вагона.

— Нужно проверить вторую, — уверенно произнес Антон,

даже не удивившись, как мрачно звучат его слова. Звучат как слова человека, угодившего в западню.

Лена молча кивнула.

Быстрым шагом они вновь миновали коридор. Листовки, притаившиеся в пластиковых конвертах, продолжали рассказывать об изменениях тарифов стоимости проезда по маршруту Абакан — Москва, пестрели логотипами и графиками, однотипно озаглавленными массивными и нечитаемыми шапками вроде: «Федеральная-пассажирская-дирекция-Енисейская-региональная-дирекция-по-обслуживанию-пассажиров-пассажирское-вагонное-депо-Абакан».

За окнами продолжала густеть ночь.

Ко второму туалету вела дверца, не имевшая замка, — эдакая вертушка с окном по центру, открывающаяся в обе стороны. Туманов распахнул ее ударом ладони. Он почти не отдавал себе отчета, сколь молниеносно недоумение его протестующего сознания сменилось злобным шипением угодившей в мешок змеи.

Опасения подтвердились — тяжелая дверь, ведущая из курилки в соседний вагон, была заперта, как и предыдущая.

— А вдруг у нас просто вагон последний? — спросила Лена, но теперь уверенности в ее голосе поубавилось.

— Вдруг. Но эта дверь ведет вперед по ходу движения, а не назад. А в прошлый раз я не заметил сказочного пейзажа, протирающегося за нашей кормой...

Заскрипев зубами, Антон отошел на полшага и грохнул по замку ботинком. Металлический звук удара раскатился по тамбуру, а Лена вскрикнула. За мутным дверным оконцем виднелась еще одна перегоревшая лампа, остальное скрывала равнотусовная тьма.

— Это что, какой-то розыгрыш?! — рякнул Туманов. — Что-то вроде «Скрытой камеры»? «Подставы», «Жестоких игр» или «Розыгрыша»?! Где тут у вас камеры?..

И осекся, проследив за взглядом Лены. Обернулся к окну на левой стороне. И успел заметить молочный силуэт, промелькнувший за стеклом, — словно кто-то подтянулся, заглядывая в вагон, но в последний момент торопливо спрыгнул с подножки.

— Пойдем в купе? — Лена, казалось, сейчас упадет в обморок.

— Немедленно, — сипло согласился Антон, покидая тамбур.

И едва не вскрикнул, отшатываясь от собственного отражения в зеркале напротив. Широкое зеркало, занимавшее стену слева от туалета, было перечеркнуто широкой вертикальной трещиной, раскалывающей и отраженного Туманова. За своей спиной он увидел испуганные глаза Лены, чуть не уткнувшейся ему в спину.

— Да это же просто бред какой-то, — зло пробормотал Антон, снова врезав по ни в чем не повинной дверце-вертушке. — Какого черта тут происходит?

Лена, не отстававшая от него ни на шаг, подавленно молчала. Было сложно понять, о чем думает девушка, но одно казалось очевидным: она до икоты напугана, причем как ненормальностью ситуации, так и поведением самого Туманова. В дверях четвертого купе тот замер, раскинув руки и упираясь в косяки проема.

— Я собираюсь разбудить кого-нибудь из пассажиров, — уже гораздо мягче, успешно подавив эмоции, процедил он. Прищурился, гоня прочь мысль о том, что на производимый им грохот уже давно должен был выглянуть хоть кто-то. — Что скажешь?

Вовлечение девчонки в процесс принятия решения помогло привести ее в чувство, в ее глаза вернулся рассудок.

— Думаю, стоит попробовать... — сказала она, осматриваясь. — Я готова извиниться первой.

Первое купе принадлежало проводникам, во втором ехала Лена. Застыв на несколько мгновений перед дверью третьего, Антон глубоко вздохнул. Сдержанно, осторожно постучал.

Тишина, ставшая ответом, длилась бесконечность. Он постучал еще раз, хоть уже и успел понять, что купе пусто. Подергал ручку, но, как и ожидалось, дверь оказалась заперта на внешний замок. Заперта проводниками, исчезнувшими из вагона. Чувствуя стремительно нарастающий озноб, Туманов потер леденеющие плечи, постучался еще раз. Не оборачиваясь к девушке, перешел к двери пятого купе.

Стук. Ожидание. Тишина.

Стук. Ожидание. Тишина...

Стук...

Антон перешел к шестому купе. Лена следовала за ним. Стараясь сдерживать злость, на этот раз Туманов попробовал сразу открыть дверь, ответившую отказом. Теперь он стучал кулаком — широко размахиваясь, надеясь одним махом перебудить весь вагон. Не дождавшись, пока стихнет эхо, шагнул к двери следующей комнатухи... И замер.

Соломенный человечек живет в седьмом купе.

Плашка слева от входа указывала, что за дверью находятся места с 25-го по 28-е.

Соломенный человечек в седьмом купе.

Озадаченная Лена постаралась заглянуть ему в лицо, но и тогда Антон не поторопился потревожить сон пассажиров купе № 7.

Потревожить сон соломенного человечка.

Наконец поднял руку, последними словами ругая себя за странные мысли, упорно лезущие в голову. Тревога сменилась полным нежеланием верить в происходящее. Отрицание, в свою очередь, превратилось в гнев. Сейчас, неожиданно остыв, Туманов чувствовал, что готов признать всю нелепость своего поражения (это ловушка, точно ловушка), а в странном реалисти-шоу множества скрытых камер пора ставить точку. Даже если для этого придется повернуться лицом к невидимым зрителям и признать, что тебя сумели напугать и облапошить...

Попробуй договориться с соломенным человечком. Он как раз живет здесь, в купе № 7.

Побелевшие костяшки опустились на светлый пластик двери. Еще раз. И еще. В следующую секунду Антон почувствовал, как холодно стало в вагоне.

— Ты чувствуешь, как?.. — Он обернулся к Лене, но продолжать вопрос не стал — это было излишне. Она стояла позади, обхватив себя руками за плечи, а из ее рта вырывался пар.

Глядя на собственное дыхание, Туманов обернулся к мурому табло, нависавшему над легкой дверью-вертушкой. И едва не открыл от удивления рот, ощутив новый приступ едкого страха. Надменные красные цифры показывали, что температура в вагоне составляет 13 градусов тепла, московское

время равняется 91:91, номер вагона вовсе исчез, а индикатор WC горел в режиме «закрыто».

— Лена, — сухо сказал Антон, старательно не глядя на девушку. — Послушай меня внимательно. Мы с тобой находимся в запертом вагоне скорого поезда, вставшего неизвестно где. Кроме нас, как я уже догадался, в вагоне никого нет. Тут вообще никого нет, если не считать тупоумного обходчика, умеющего пугать людей... Что-то происходит с температурой, что-то происходит с сотовой связью. Поэтому я задам тебе всего лишь один вопрос, и ты должна мне честно на него ответить. Лена, если ты являешься актрисой какого-то реалити-шоу, самое время признаться в этом. Потому что, если ты не сделаешь этого, может произойти неприятность. Так что давай я признаю свое поражение, а ты сейчас сообщишь в секретный микрофон, что съемка завершена и еще один выпуск вашего конченого шоу готов, ладно? Либо поклянись мне своей матерью, что не имеешь к этому никакого отношения...

Все время своей неторопливой вдумчивой речи Антон не сводил взгляда с электронного табло. Девятки и копейки на часах пару раз мигнули, но не изменились. А вот датчик температуры теперь показывал цифру 12.

Сообразив, что так и не услышал ответа, Туманов повернулся к девушке. И прикусил губу, увидев, как бесшумно, но безудержно та плачет, глядя ему прямо в лицо. Она ничего не ответила, лишь глотала слезы и старалась не всхлипывать, но Антон и так все понял. Почувствовав боль, расслабил челюсти, ощутив на языке привкус крови.

— Лена... прости...

— Я понимаю, — наконец всхлипнула она, и на этот раз слезы прорвались потоком. Она качнулась вперед, утыкаясь ему в плечо, и Антон бережно обнял ее.

— Ты вся дрожишь, пойдем в купе, я дам тебе свитер...

— У меня есть куртка...

— Хорошо, пойдем, наденем куртку.

По-прежнему придерживая девушку за вздрагивающее плечо, он повел ее во второе купе. Снял с пластмассовой вешалки белую синтепоновую куртку, разворачивая и помогая попасть кистями в рукава. Теперь Лена справлялась со слезами, размазывая их по лицу. Несколько раз тяжело вздохнула,

восстанавливая дыхание, и вынула из кармана мобильник, вновь проверяя связь. Ругнулась сквозь сжатые зубы, убрала телефон обратно.

— Пойдем к тебе в купе, — дрогнувшим голосом предложила она, и Антон кивнул.

Он подумал, что и сам был бы не прочь накинуть свитер. Термометр в конце коридора равнодушно сообщал, что температура опустилась еще на градус.

Стены, казалось, сжимаются, превращая некогда светлый и уютный коридор в опасное ущелье, населенное ядовитыми тварями. Никогда в жизни не испытывавший клаустрофобии, Туманов вдруг ощутил, как замкнутое, закрытое со всех сторон помещение давит на его сознание, как наваливается потолок, каким нестерпимо ярким кажется свет ламп.

Они вошли в купе, и Лена опустилась на прежнее место. Антон торопливо вынул из-под подушки свитер, влезая в его сомнительное тепло. По привычке прикрыл дверь, но створка застыла на полпути. Не отпуская дверной ручки, Туманов смотрел на глубокую вертикальную трещину, раскалывающую прямоугольное зеркало почти пополам. Сглотнув комок, он задвинул створку обратно в стену, оставив купе открытым. Шальная мысль о том, что в туалетах зеркала теперь тоже украшены зловещими трещинами, промелькнула испуганной птахой.

— Я сдаюсь, — прошептал он, с опаской взглянув на девчонку. Прекратив плакать, та неподвижно сидела напротив, глядя в пустоту. — У меня нет ни единой версии, что тут происходит. Холодает прямо на глазах, странный мужик бегаёт вокруг вагона, в запертых купе никого нет...

— Лангольеры, — почти прошептала Лена.

— Что? — Антон наклонился вперед, следя за ее губами. — Я не разобрал.

— Я говорю, это лангольеры. В точности как у мистера Кинга. Или что-то подобное, наверняка. — Девушка говорила едва слышно, но уверенно. — Знаешь, Антон, иногда творческие люди выплескивают на бумагу не только свои фантазии. Я верю, что иногда они лишь транслируют чужие мысли. Чужие истории. Рассказы, предупреждения. Транслируют их отсюда. С той стороны. Откуда-то извне...

— Лена, не надо. — На самом деле Туманов хотел сказать ей, чтобы она немедленно заткнулась и перестала нести чушь, но вовремя вспомнил о потоках горьких слез. — Не нужно так думать. Сказки остаются сказками, а мы живем в реальном мире. Перестань, ладно?

— Сказки? — задумчиво протянула она. Взгляд ее сместился на стол, рука словно во сне протянулась вперед, а пальцы сомкнулись на листке с забытым детским рисунком. — Ну тогда расскажи мне, откуда берутся суеверия и приметы. Откуда берутся мифы и легенды? — казалось, она разговаривает сама с собой, едва ли замечая присутствие собеседника. — Например, откуда взялась примета не загадывать наперед? Откуда в человеке живет страх сглазить самое лучшее в своей жизни? Привлечь к своему счастью нечто *неправильное*, приносящее беду? Откуда?.. — Ее голос превратился в едва различимое бормотание, а затем и вовсе пропал — только беззвучно шевелились распухшие губы.

Антон, выслушавший ее монолог в полном молчании, заметил, что все это время просидел, до боли сцепив кисти рук. Лена, переместив взгляд, вновь принялась рассматривать рисунок. Перемещая взгляд с домика на дерево, она натянуто улыбалась. Улыбалась, как человек, перечитывающий свое заявление об увольнении. Как человек, получивший телеграмму о пожаре своего дома или угоне машины. Как человек, осознавший беду, но не способный справиться с ней.

Туманов отвернулся, безуспешно пытаясь заставить свои мысли работать. Если девчонка напугана и впала в ступор, он и в одиночку должен найти выход. Конечно, вышибать казенные окна немалой стоимости — дело ответственное, но если он ничего не придумает, придется пойти и на это. Он уже присмотрел увесистый огнетушитель, закрепленный возле крана с питьевой водой.

Антон встал, задумчиво снимая с верхней полки еще два шерстяных одеяла. Набросил одно на плечи Лене (она даже не пошевелилась), во второе укутался сам. Выбираться из вагона в такую морозную октябрьскую ночь — тоже не лучшая идея...

И тут его взгляд вновь упал на рисунок.

Соломенный человечек живет в купе № 7.

Казалось, холодеть больше некуда, пальцы и так замерзли,

а изо рта вырывался пар, но на этот раз Антон буквально оледенел. Всматриваясь в детские каракули, он кипел и затухал одновременно, не зная, что думать и говорить, как быть дальше. Не верил себе, не верил Лене, не верил в происходящее. Он просто смотрел на альбомный лист, размалеванный цветными карандашами, и холодел все сильнее.

Рисунок остался прежним, но теперь Антон понимал, чему так загадочно улыбалась девушка. Потому что картинка изменилась. Там, где в первый раз Антону привиделся садик с засеянными грядками, теперь чернели могильные холмы. Веселое желтое солнышко превратилось в ущербный месяц, из трубы домика валил густой дым — спиралькой, как рисуют все дети планеты. Там, где раскинул свои густые ветви дуб (именно дуб, да), возвышалась массивная виселица, ожидающая нового гостя. Но главное, что сильнее всего напугало Антона, — это лицо забавного страшила (соломенного человечка), изменившееся вместе с картинкой. Там, где еще час (два, три, вечность?) назад сияла улыбка, теперь находился злобный звериный оскал.

Вырвавшись из липкого оцепенения, в которое рухнул, увидев рисунок, Антон резко нагнулся, вырывая листок из рук девушки. Одеяло, сброшенное на его плечи, соскользнуло в проход между полками.

— Ты что, сука, идиота решила из меня сделать?! — закричал он, наклоняясь прямо к ее уху. — Я же тебя, дура, сразу предупредил, что если вы не прекратите, добром это не кончится! Поиметь меня решили?! Попугать?! Твари!

Он тяжело грохнулся напротив Лены, тряся рисунком перед ее лицом. Та же, словно в трансе, казалось, вообще не слышит криков Антона, наполнявших купе. Смотрела в одну точку, скупо улыбаясь, а пальцы даже не разжались, как будто девушка до сих пор сжимала в них лист бумаги.

— Немедленно прикажи своим ублюдкам открыть двери! В каком купе прячутся помощники? В третьем? В седьмом? Ну, давай, напугай меня еще раз! Чего ты молчишь? Второй раз я на твои слезы не куплюсь!

Лена и правда расплакалась вновь. На этот раз тихо-тихо, как делают смиренные умалишенные. Слезинки медленно катились по ее бледным щекам, но ни тени эмоции не промелькнуло на осунувшемся лице.

— Добром не кончится, — шепотом произнесла она, повторяя слова Антона, и на этом замолчала.

— Сука! — рявкнул Туманов, швыряя рисунок на стол. — Дрянь! Все вы сволочи!..

И захлебнулся бранью, потому что увидел, что с первого взгляда заметил далеко не все изменения в безобидной детской картинке. Альбомная страница упала на пустой столик лицевой стороной вниз, и теперь Антон мог еще раз прочитать надпись на обороте. Точнее, надписи, потому что к прежней добавилась еще одна.

Соломенный человечек живет в купе № 7
Он уже дома

Красным карандашом. Неаккуратно, но без ошибок. Под аккомпанемент густого дыма, поднимающегося над трубой-прямоугольничком на крыше нарисованного домика.

Схватив рисунок, Туманов принялся рвать бумагу на мелкие клочки, швыряя их по всему купе. Лена, не обратившая на этот поступок никакого внимания, продолжала рассматривать пустоту.

— Хрена с два! — Антон сплюнул на пол коридора, хрустнув костяшками пальцев. — Вы у меня узнаете, что такое хорошие прокуроры!

Идея пришла к нему неожиданно, как мелькнувший в окне жуткий белесый силуэт, вспышкой, обнадеживающей и доброй. Она скорее всего не работает — зоны покрытия наверняка нет, — но это лучше, чем покорно висеть на удочке сумасшедших телевизионщиков. Нагнувшись, Антон выдернул из-под тринадцатой полки сумку. Поставил прямо на смятое постельное белье. Открыл, чуть не сломав замок-молнию. Холодными пальцами вынул из сумки тяжелый короб ноутбука.

— Этот сигнал, полагаю, вы заглушить не додумались! — торжествующе рявкнул он в сторону девушки, разматывая шнуры.

Шагнув в пустой (как старое заброшенное здание, как покинутый дом) коридор, направляясь к розетке. Откинул дерматиновое сиденье, встав на него ногой, уместил компьютер на коленке, открыл крышку.

— Давай, старушка, не подведи... — Бормоча, он кусал губы. Ему было не до того, чтобы заметить, как на электронном термометре зажглась цифра 7. — Выручай...

Розетка с подписью 220В располагалась примерно на уровне глаз, как раз над табличкой со схематично нарисованной электробритвой. Тут же, сбоку от яркого опломбированного стоп-крана, висело объявление, что пассажиры могут пользоваться данной розеткой для подзарядки сотовых телефонов, но точка не предназначена для этих целей, а потому всю ответственность они несут сами. Ниже, за коленкой, белела еще одна розетка и плашка с маркировкой 110V.

Подхватив упавшую до пола вилку, Антон вонзил ее в источник питания.

Загрузка «Виндов», казалось, растянулась лет на триста, но уже через минуту пальцы Туманова привычно запорхали над клавиатурой, мгновенно забыв про холод. Подключая беспроводной модем, он ни на миг не прекращал что-то беззвучно нашептывать.

И тут же подумал, что найти сеть и подключиться ему помогла именно эта своеобразная молитва. Запустился QIP, система передачи мгновенных печатных сообщений. Развернулся список контактов, большая часть которого была окрашена в красное — состояние offline. Но когда на настойчивый вызов ответил один из друзей, все еще (либо уже, с самого раннего утра) сидящих в сети, Антон едва не закричал в полный голос. И победно взвыл, когда Славка сам, опередив на несколько секунд, первым бросил ему сообщение:

«Антоха? Твою мать, ты чо, совсем с катушек ку-ку?!»

Антон очень боялся, что в любую минуту связь может упасть. Печатать приходилось одной рукой, второй придерживая на коленке ноутбук, но обращать внимание на опечатки не было ни времени, ни желания. Зажав большим пальцем клавишу Ctrl, Туманов средним утопил Enter, бросая другу второпях набранный текст:

«у меаня проблемы, нужна помощь, ка кможно скорее».

Несколько секунд напряженного ожидания. Ответ:

«Это и так понятно, что проблемы. Мы тут уже все на ушах. Сейчас расскажу, что тут пацаны устроили по твоему поводу, ты им в глаза потом смотреть не сможешь».

«да заткнист твы, наконец и зшапоминай, что яч пишу! я кажется попад на какое-то конченное реалити-шоу... блин, я дапже объяснить толком не могу... выфехал сегодня в ночь на 68-м дро абакана, как и плани ровал... тгде-то перед Тайгой вагон отцепили и теперь меня пытаются поиметь в мозг, подстраивая всякую страшенную херню!»

Отправив сообщение, Антон замер, задержав дыхание. Несколько томительных секунд ничего не происходило, лишь в правом верхнем углу окна светилось сообщение, что друг печатает ответ.

«Ты чо несешь-то?»

«заткнись, твою мать... короче, я тут в пустом вагоне с одной совершенной ибюнутой актриской... стоим ихр знает где, в каких-то полях... связи нет, проводники свалили, на встречу в абакан опоздал уже мчасов нга пять! полный абзпц, вали срочно на вокзал, поднимай всех на уши, этисуки меня хотяти тут до белого каления довести».

Мерцание курсора, взгляд прикован к окну переписки. Индикатор связи со Славкой горит таким добрым зеленым светом, сообщая, что связь все еще есть...

«Антоха, а теперь ты заткнись, ладно?»

И прежде чем Антон успел еще хоть что-то напечатать, второе сообщение:

«Ты чо, брат, в запое? Или обкурился? Ты себя сам послушай, ладно? Мы тут уже полстраны перерыли, а он всплыл и про телешоу мне впаривает. Ты где, урод моральный?»

— Ты что, Славик, слышишь меня плохо?! — Туманов зарорал это прямо в монитор ноутбука, брызжа слюной на жидкокристаллическую пластину. — Уши протри, козел! Я сказал тебе, на 68-м я, куда и сядился!.. — И, спохватившись, ударил по клавишам:

«я же сказал... бл, я на 68-м куда и сел застрял в какой-то жопе!»

Щелчком по двум заветным клавишам отослал текст, не чувствуя и не замечая, как капли пота бегут по виску, падая на открытый компьютер.

Связь оборвалась неожиданно, просто мигом.

В левом нижнем углу монитора оперативно всплыло розовое окошечко сервисного сообщения с информацией о том,

что связь была прервана и необходимо проверить настройки подключения. «Connect Failed», сообщал ноутбук, но Антон не смотрел на предупреждение о разрыве. Его глаза были прикованы к последнему текстовому сообщению Славика, успевшему пройти на его компьютер за мгновение до того, как ноутбук потерял сигнал. Индикатор на верхней части диалогового окна горел красным (туалет вагона закрыт, извините).

«Какой 68-й, твою мать?! Да мы твой 68-й скорый еще вчера утром встретили, до последнего купе все перерыли! Тут уже два города на ушах стоят! Ты куда девался? Козлина, немедленно мне позвони!»

В душе Туманова что-то оборвалось, а из легких разом вышибло последний воздух.

Встретили еще вчера утром. Перерыли все, до последнего купе. Вчера утром. Встретили.

За левым плечом Антона Туманова с грохотом отворилась купейная дверь. Дребезжа, поползла по салазкам, пока не уперлась с лязгом металлической ручкой в косяк, покорно остановившись. Антон безвольно наблюдал, как с его колена медленно соскальзывает ноутбук. Как падает на пол, раскалываясь на две равные половины, как с прищелком вылетает из розетки шнур. В наступившей абсолютной тишине.

Не глядя под ноги, хрустя обломками любимого портативного компьютера, он медленно повернулся налево. И равнодушно уставился на черный провал, образовавшийся там, где еще секунду назад белела дверь купе. Купе номер семь.

Не чувствуя ног, Антон шагнул вперед, осторожно и со страхом, но все же стараясь хоть краешком глаза заглянуть внутрь. Замешкался в дверях собственного купе, скосив глаза на Лену, так и не изменившую позы. Казалось, за последние четверть часа девчонка постарела лет на двадцать.

— Седьмое купе... — зачем-то сказал ей Антон, уже зная, что его не слышат. — Оно открылось. Слышишь, Лена? Оно открылось...

А еще Туманов понял, что девчонка на самом деле не разыгрывала его. Никто не разыгрывал. Не было ни скрытых камер, спрятанных на багажных полках, ни помощников, подбрасывающих новые рисунки, ни специального телешоу, ни запасного пути, куда можно отогнать вагон. Была только гус-

тая ночь, холод, двухметровое существо с кожей цвета протухшей манной каши и купе № 7. Купе, где живет соломенный человечек.

Он уже гома.

Не в силах приказывать собственным ногам, Антон наблюдал, как те несут его все ближе к распахнутой двери странного купе. Сердце замедлило темп, кровь отхлынула от лица.

Туманов не чувствовал холода, теперь ему казалось, что он сам состоит из чистого горного льда, хрупкого и звенящего. Из сотен тысяч листков тончайшей стеклянной бумаги, рвущейся при каждом шаге. Он словно стал частью этой продрогшей ночи, бестелесным лучом стареющей луны, ранимым и бесмертным одновременно.

Антон замер на пороге, приказав себе не отводить взгляда. Смотрел в черное марево, болезненно щуря глаза, и почти не дышал, все еще не в силах поверить до конца. Тьма, наполнявшая пространство перед ним, казалась живой, угольно-черной, густой и вязкой, как свежая смола. Обрываясь ровно на пороге, в считанных сантиметрах от ног Туманова, она так резко контрастировала с ярким освещением коридора, что этот контраст вызывал почти физическую боль. Тьма полностью скрывала полки, столик, окно, дорожку на полу в проходе, свернутые в рулоны матрасы на верхних лежанках — она скрывала все, расступаясь перед взором сотнями обсидиановых граней и одновременно оставаясь непрозрачной. Казалось, Антон смотрит в огромный чан с застывшей вулканической лавой, монолитной и призрачной одновременно.

— Твоим мечтаниям не суждено сбыться, Антон, — прошептала Лена из-за его спины. Появилась там тенью, бесшумно подкравшись по мягкому ковру.

Мягкая лунная бумага, из которой было соткано тело Туманова, окаменела, не давая пошевелить и пальцем. Продолжая вглядываться в злую чарующую темноту впереди, он лишь мог чувствовать, как девушка прижимается к его спине, касаясь губами мочки левого уха. Ее шепот стал сухим, как перестук гравия, которым отсыпают железнодорожные насыпи.

— Мне повезло, что жребий пал именно на тебя, поверь... — Ее дыхание стало нестерпимо жарким, а слова били по сознанию, как удары звонкого молоточка. — Я люблю не

только человеческий страх и плоть, но и несбывшиеся надежды. Знаешь, это как вишенка на десерте — заключительный штрих, заставляющий получить предельное удовольствие... Но перед тем, как ты войдешь в мой дом, я хочу, чтобы ты испытал еще и сострадание. Сострадание ко мне. Да, Антон, именно его. Ты знаешь, как это тяжело — искать таких, как ты? Искать среди миллионов пассажиров, выжидать, высматривать изъяны... Тебе ведь жалко меня?

Туманов почувствовал, что его медленно разворачивают за плечо. Рывками, как в покадровой съемке, перед глазами проплывал вагонный интерьер — пульсирующая глотка коридора, ветшающие на глазах таблички, облезлая краска, потрескавшиеся оконные стекла. Тьма, наполнявшая седьмое купе, загудела, лампы по всей длине потолка замигали, приготовившись умереть. С характерным щелчком рубильника свет погас, но уже через секунду вагон наполнился приглушенным полумраком, какой властвует в поездах в ночное время суток.

Антон повернулся к черному мареvu спиной. Лена стояла перед ним, положив тонкие руки на его плечи, и глаза ее клубились липкой темнотой.

— Тебе ведь жалко меня, Антон? Жалко за мои мучения, за лютый голод, за годы поисков? Ответь мне. Ты можешь, я разрешаю...

И тогда он кивнул, чувствуя, как рвутся под кожей шеи тонкие бумажные связки, лопаясь с хрустальным звуком, так громко, что заложило уши.

— Мне жалко тебя... — бесшумно прошептал он, и в глазах его начали трескаться сосудики, заливая белки болезненной краснотой. — Мне на самом деле жалко тебя, Лена...

— Молодец, Антон. — Девушка улыбнулась, и уголки ее губ медленно поползли за грани разумных пределов, почти к ушам. — Потому что теперь я могу забрать тебя с полным правом. И еще одно — не называй меня так больше...

На глазах Туманова тело девчонки начало вытягиваться, приобретая хищные пропорции богомола. Одежда лопнула, опадая к порогу купе, и в мягком свете ночных светильников заблестела мертвенно-бледная кожа, обтягивающая двухметровый скелет с непропорционально огромной головой. Усыпанный клыками рот изогнулся в широком оскале, и уже через

★ мгновение соломенный человечек принял свой истинный облик.

Оно было создано из старых, в щепки растрескавшихся железнодорожных шпал, острые концы которых торчали во все стороны, смутно напоминая солому. Склонив голову набок, существо увлекло Антона во мрак своего дома...

Западно-Сибирское УВД разыскивает мужчину, пропавшего в октябре прошлого года

Сотрудники Западно-Сибирского управления внутренних дел на транспорте устанавливают местонахождение без вести пропавшего Антона Викторовича Туманова, родившегося 31 августа 1983 года, проживавшего в Новосибирске.

Как сообщили в пресс-службе Управления внутренних дел на транспорте, последний раз Туманова видели ночью 18 октября 2007 года на остановочной платформе Новосибирск-Главный Западно-Сибирской железной дороги.

Приметы пропавшего: на вид 24—25 лет, рост 175 см, среднего телосложения, волосы темно-русые короткие, лицо овальное. Пропавший был одет в синие джинсы, коричневый свитер и черную кожаную куртку. Обут в демисезонные коричневые ботинки. При себе разыскиваемый имел черную дорожную сумку с переносным компьютером.

Всем, кто знает местонахождение без вести пропавшего, просьба позвонить по телефонам...

КАРУСЕЛЬ

Постарели мы и полысели,
И погашен волшебный огонь.
Лишь кружит на своей карусели
Сам себе опостылевший конь!

В круглый мир, намалеванный кругло,
Круглый вход охраняет конвой...
И топочет дурацкая кукла,
И кружит деревянная кукла,
Притворяясь живой.

А. Галич. Так жили поэты

н брел по аллее парка.
Угасающий день бросал на человека косые взгляды.
Дню оставалось недолго, а человеку — еще жить и
жить. День завидовал. Солнце, багровое как бархат те-
атрального занавеса, слепило глаза закатными высверками.
Человек в ответ щурился и отворачивался. Нет, брат-день, ты
явно не мой. Вон, даже солнце пытается досадить. Скорей бы
уже ты, голубчик, сдох. Закончится тоскливое сегодня, и нач-
нется обнадеживающее завтра. Впрочем, не факт, что зав-
трашняя надежда окажется лучше нынешней тоски.

Совсем не факт.

Он остановился на перекрестке. Разбитая дорожка, вся в
язвах и надолбах, сворачивала налево — к трамвайной оста-
новке и спуску в метро. Направо, в глубь парка, вела пристой-
ная, недавно заасфальтированная аллея. Прямо перед ним
короткий, словно культя, обрубок «трассы» через десяток ша-
гов упирался в серые от времени доски забора. Налево пой-
дешь — под трамвай попадешь; направо пойдешь — в чаще
сгинешь; прямо пойдешь — лоб расшибешь. Витязь, блин. Он
криво усмехнулся. Вообще-то ему надо было налево. Специ-
ально пошел через парк, чтоб дорожку срезать.

Но домой не хотелось.

Там жена, сын, родные стены. Можно отгородиться от идиллического, в конце квартала созданного мира. Нет, домой нельзя. Иначе все раздражение, накопленное с утра, выплеснется на близких, ни в чем не повинных людей. Потом будет стыдно, придется извиняться, ненавидеть себя... Ну почему он не оторвался на раздолбае Саныче?! Почему не ответил шефу? Спокойно и веско, чтобы шеф все понял. Теперь шел бы, насвистывая мелодию из «Шербурских зонтиков», шел человеком, а не тварью дрожащей, как метко выразился Федор Михалыч...

Свернув направо, он углубился в парк.

Закат увяз в плотной завесе листьев. Вечер, как зверь, навалился на плечи. Говорят, так бывает в тропиках. Под сенью старых лип бродили лиловые тени сумерек. Он представил себя одной из теней — вон той, неуклюжей. Сделалось не полетному зябко. Плюнуть на все и напиться? Завалиться в гандэлык, взять сотку «Жан-Жака», пахнущего карамелью, закусить размякшей шоколадкой. Эй, бармен, или кто ты есть — еще сотку...

Разговор «за жизнь» с завсегдатаями-алконавтами.

Нет, одернул он себя. Топить дурное настроение в коньяке? Все-таки он — не конченный человек: семья, дом, работа. На жизнь хватает. Хотя... Стоило заканчивать институт, чтобы в сорок лет протирать штаны на складе? Пусть даже ты — заведующий складом и склад — книжный. Ха! При совке это звучало бы куда как солидно. Гордись карьерой, любимец судьбы. Он рассмеялся, едва не закашлявшись.

Аллея вильнула липовым хвостом, он машинально вписался в поворот — и уткнулся в карусель.

Да, карусель.

Неказистый аттракцион, которого он никогда раньше не видел. Или просто не забредал в эту часть парка? Непременные лошадки. Олень. В соседях — носорог и гривастый лев. Мотоцикл, ступа с намертво закрепленным помелом. Для начинающих ведьмочек? Ага, космический корабль с полустертой надписью «Восток-2». Лишаи облупившейся краски. Тусклые, засиженные мухами лампочки под крышей-шатром. Ограждение и турникет, похожий на метрополитеновский, успели заржаветь.

В деревянной будке без двери скучала тетка-билетерша.

«Прокатиться, что ли? Вспомню детство золотое. Все лучше, чем коньяк. Хорошо, что рядом никого нет. Билетерша не в счет. Она на работе. Ей один черт, кого катать...»

— Карусель работает?

— Три гривны, — равнодушно отозвалась тетка. — С детей две. — И зачем-то уточнила: — До семи лет.

Он молча полез в карман за деньгами. Обменяв мятые купюры на увесистый жетон из металла, шагнул к турникету. Жетон скользнул в прорезь, в аппарате раздался пугающе громкий щелчок — словно хрустнула, сломавшись под тяжестью снега, сухая ветка. Планка, загораживающая вход, крунулась с неожиданной легкостью. За оградой он помедлил, окинул взглядом фигуры на поворотном круге. Сперва хотел забраться в космический корабль — кто в детстве не мечтал стать космонавтом?! — но передумал и, взбежав по лесенке, взгромоздился на спину ближайшей лошади: гнедой в серых яблоках. Поерзал, устраиваясь в дурацком седле. Нащупал стремяна, для чего пришлось нелепо задрать и растопырить колени.

— Поехали, а?

Тетка высунулась из будки, без улыбки уставилась на него, пожевала ярко накрашенными губами — и спряталась обратно. Под ногами лязгнуло, заскрежетали невидимые шестерни. Карусель содрогнулась, начала вращаться, набирая ход. Над головой вспыхнула, мигая, радуга лампочек. Из динамиков грянуло: «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...» — без слов, один оркестр. Темная стена деревьев неслась все быстрее, ветер мягкой лапой бил в лицо. Сполохи метались над головой. Накатил давно забытый, детский восторг. Когда в груди сладко сжимается и крик сам рвется наружу...

Гнедой в яблоках конь шевельнулся под седоком.

...сколько раз он видел позади себя грохочущую, слитую из всадников и лошадей лавину, и каждый раз сердце его сжималось страхом перед надвигающимся и каким-то необъяснимым чувством дикого, животного возбуждения. От момента, когда он выпускал лошадь, и до того, пока дорывался до противника, был неуловимый миг внутреннего преобразования. Разум, глад-

нокровие, расчетливость — все покидало его в этот страшный миг, и один звериный инстинкт властно и неделимо вступал в управление волей...

Зарницы в небе. Их отсветы вырывают из тьмы ветки деревьев, несущиеся навстречу. Нет, не навстречу — по кругу. Это карусель! Просто карусель. «Увезу тебя я в тундру, и тогда поймешь ты вдруг...» Галлюцинация? Помрачение рассудка? Если б он злоупотребил, как собирался, — можно было бы списать видение на белую горячку!

Руки заостенели на луке седла. С трудом он разжал пальцы, провел ладонью по лицу. Там ему в лицо брызгала чужая кровь. Горячая, солоноватая — ее вкус остался на губах. Он взглянул на ладонь. Разумеется, рука чистая. Лишь дрожь, как при лихорадке. Он дрожал не от страха, а от страшного возбуждения. Ноздри раздувались. В лицо бил ветер.

Карусель вновь набирала ход.

...на него слепо летел, уже не в силах сдержать коня, второй. За вскинутой запененной мордой коня он не видел еще всадника, но видел горбатый спуск шашки, темные голы ее. Изо всей силы дернул он поводья, принял и отвел удар, — забирая в руку правый повод, рубанул по склоненной красной шее. Он первый выскакал из раздерганной, смешавшейся толпы. В глазах — копошащаяся куча конных. На лагони — нервный зуд. Кинул шашку в ножны, тронул коня назад уже во весь мах. До плетней левады, где лежала в засаде сотня, осталось не более ста сажений...

— ...Еще!

Он с силой втиснул десятку в пухлую ладонь билетерши. Подумал, что похож сейчас на одержимого. Или на наркомана. Плевать! Пережить это еще раз, задуматься, проанализировать... Он врал себе и знал это. Щелчок турникета. Ступеньки. Он взобрался на спину льва. Глупо усмехнулся: «Даешь сафари?»

Карусель лязгнула, приходя в движение.

— Братцы, вертайтесь!.. — обезумев, крикнул он и выдернул из ножен шашку.

Отведя второй удар, направленный в бок, он привстал, рубанул по спине скакавшего с левой стороны немца. Его окружили. Рослый конь грудью ударился о бок его коня, чуть не сшиб с ног, и близко, в упор, увидел он страшную муть чужого лица. С левой стороны вырос драгун, и в глазах метнулся на взлете разящий палаш. Он подставил шашку: сталь о сталь брызнула визгом. Сзади пикой поддели ему погонный ремень, настойчиво срывая с плеча. За вскинутой головой коня маячило потное, разгоряченное лицо веснушчатого немца. Дрожа отвисшей челюстью, немец бестолково ширял палашом, норовя попасть в грудь. Палаш не доставал, и немец, кинув его, рвал из приспособленного к седлу желтого чехла карабин...

— Привет. Ты чего так поздно? Опять шеф задержал?

— Нет. — На губах его плясала мечтательная улыбка. — Решил воздухом подышать. Прогулялся по парку...

Жена с недоверием принюхалась. Нет, спиртным не пахло. «Да он и не пьет толком. Пару раз в год, с друзьями... Чего это я?» — мысленно укорила она себя.

— Голодный?

— Как волк!

— Я тебе котлеты разогрею. С жареной картошкой, как ты любишь.

* * *

...а ты всегда была шикарной женщиной,
Я помню, как всегда мы меж собой
Все звали тебя Ленкой-манекенщицей
За походняк и внешний вид крутой...

Хрипатый мерзкий голос рвался с улицы. Домушником лез в окно, без спросу тащил прочь чужое имущество — покой, отдых. Он отложил в сторону потрепанный, взятый в букинистике томик Самойлова и вышел на балкон. Внизу, возле парикмахерской «Ваша прелесть», работающей на первом этаже соседского дома, стоял черный «Шевроле». Из окон машины, из открытых нараспашку дверей ревел шансон, музон, черт его

знает что, заставляя улицу вздрагивать, — оглушительный, торжествующий.

Он вспомнил, что стоит в одних трусах. Семейных, в полоску. Вернулся, надел спортивные штаны с футболкой — и опять встал у перил. Так, наверное, замирает олень на ночной дороге, ослепленный фарами грузовика.

Ой, Лена-Леночка, такая вот игра,
Какой был прикуп, но карта бита!
Ой, Лена-Леночка, бандитская жена,
Жена бандита, жена бандита...

Лена-Леночка, подумал он. Соня-Сонечка. Прах вас забери, идиоток. Лауры наших дней, Беатриче XXI века. Ага, вон и Петрарка. По тротуару, кося на парикмахерскую темным конским глазом, вышагивал коренастый жлоб. Шорты до колен, гавайка навывпуск. Кривые ноги, бицепсы, все такое. Стричь жлобу было нечего — миллиметровый «еж», крутая масть.

Ухажер, подумал он. К парикмахерше приехал.

— Будьте любезны! Да-да, вы, я к вам обращаюсь...

Жлоб поднял голову, шаря взглядом по окнам.

— Сделайте тише, пожалуйста.

— Мудила, — с удовольствием сказал жлоб. — К тебе обращаюсь, да. Сгинь.

— Вы мешаєте отдыхать...

— Сгинь, говорю. Соси молча.

— Вам что, трудно прикрутить?.. — слово «музыка» не давалось. Очень уж оно было не к месту. — Люди отдыхают, у кого-нибудь ребенок спит...

Из стеклянных дверей парикмахерской, как джинн из бутылки, выпорхнула голоногая девица. Жлоб ухмыльнулся ей, сверкнув акульей пастью, и рукой показал: нет, мол, проблем. Стриги дальше. Девица хихикнула и скрылась.

Ей вслед подтвердили из динамиков:

Завидуют по-черному подруги все,
Все говорят: «Вот повезло!»,
Крутая тачка, шубы, ты во всей красе,
И на губах улыбка всем назло...

Он перегнулся через перила:

— Я милицию вызову! Участкового...

— Лесом, — отозвался жлоб. — Козлы идут лесом. — И вдруг оживился: — Ты спускайся, да? Давай, ныряй! Потолкуем за музон...

— Я вам в последний раз говорю...

— Сюда иди, хрен кучерявый! Вот и будет в последний...

Он покинул балкон так резко, словно и впрямь намеревался спуститься на улицу. Зачем? Чтобы жлоб измордовал его? Нет, такой радости мы ему не подарим. Позвонить в милицию? И что сказать? Здравствуйте, тут нарушают тишину... Да, днем. Нет, не сосед. Из припаркованной машины. Извините, но вы обязаны реагировать...

И — короткие гудки.

— Развелось вас! — закричала из окна какая-то женщина. — Зря вас, лохов, из деревни выпустили! Паспорта им выдали, зоотехникам! Понаехали тут, говно всякое крутят...

Еле слышный за шансоном, рывкнул жлоб:

— В зверинец тебя! В обезьянник!..

Он ходил по квартире, не в силах успокоиться. В сердце поселился гадкий зверек — грыз, точил, слюнявил. Если бы на улицу спустился кто-нибудь еще, он бы обязательно вышел. Если бы не один. Что ему, больше всех надо? И жена ушла. Забрала Алешку, повела в зоопарк. Это хорошо. Или не очень? Так бы он рвался прочь из квартиры, угрожая жлобу карами египетскими, а жена удерживала бы его, уговаривая плюнуть, не обращать внимания, и сын смотрел бы из комнаты, нервно вздрагивая...

На улице прибавили звук:

Мелькают день за днем, как фотовспышки,
Ночам бессонным потерялся счет,
Красиво все бывает только в книжках,
А в жизни часто все наоборот!

Он нутром чуял — внизу, точно так же, как он, расхаживает жлоб. Хвост разъяренно колотит по мощным ляжкам. Конский глаз играет, косит уже не на парикмахерскую — на его балкон, на дверь подъезда. Ладно, к чертям. Какой там хвост? Какой конский глаз? Это все ерунда. Мелкая шпана, дешевка, явилась к «жене бандита»: постричь, побрить, отлакировать. Пижонит, строит из себя Аль Капоне. Бригада, блин.

Закреть окна?

Шансон разгуливал по квартире, издеваясь. Гоцен-тоцен-первертоцен. Давай, ныряй, намекал шансон. Потолкуем за музон. Хрен кучерявый. Как идут козлы? Козлы идут лесом.

Он зашел в туалет. Здесь было тихо.

* * *

Решился он не сразу.

Страх — я схожу с ума! — вцепился в рассудок цепкими коготками, всякий раз заставляя сворачивать в другую сторону. Так запутывается в волосах летучая мышь. Вот уже час он кружил по парку. На центральной аллее загорелись матовые луны фонарей. Боковые дорожки тонули в чернильном сумраке. Бродить по ним было жутковато. Поди знай, что за компания заправляется пивом на скамейке: мирные студенты или гопники-отморозки? По жеребьячьим голосам, по уголькам сигарет, рдеющим во мраке, — не разберешь.

Как сомнамбула, он мерил аллеи шагами. Спотыкался на выбоинах, чертыхался вполголоса. Десять минут торчал у древнего тира, наблюдая за стрелками. Старик-тирщик предложил ему семечек; он отказался. Из открытых кафе накатывали волны шансона, черт бы его побрал, и техно-дэнса. В какой-то момент сквозь какофонию прорвалось сипловатое: «Взлетая выше ели, не ведая преград, крылатые качели летят, летят, летят!..» — и он, словно под гипнозом, двинулся на звук.

Сквозь прорехи в зарослях пробилась радуга. Он выглянул из-за поворота — и увидел карусель. На миг она показалась ему аттракционом-ловушкой из трэшевого ужастика «Клоуны-убийцы из открытого космоса». Слишком весело мигают огни. Слишком громко звучит музыка. Слишком празднично вращается карусель.

Все — слишком, все — чересчур.

Я смотрю глазами взрослого, сорокалетнего человека, подумал он. Если подойду ближе — вновь увижу облупившуюся краску, отломанное ухо льва, неровный белый скол... Ребенок видит все иначе. Ребенок верит, что чудо — рядом. Что еще минута, и конь оживет, а космический корабль, взревев дюзами, устремится в черные просторы Вселенной. Карусель — для тех, кто верит. Что я здесь делаю?

А главное — что здесь делает она?

На спине оленя, словно Герда, скачущая по владениям Снежной Королевы, восседала дама — его ровесница. Очень, надо сказать, ухоженная дама. Даже верхом на олене она смотрелась как на обложке журнала «Компаньон». Он огляделся. Рядом с будкой билетерши обнаружился мрачный бугай, одетый как на похоронах: черная «тройка», темный галстук. Поодаль маячил его брат-близнец.

Телохранители.

Осторожно, чувствуя себя Чингачгуком на тропе войны, он сдал назад, под прикрытие буйно разросшегося жасмина. Ни к чему смущать Герду. Ему бы тоже не понравилось, возьми кто-нибудь подглядывать за ним из кустов. Хотя эту, пожалуй, смутишь! Все равно, не стоит тут ошиваться. Громилы проявят бдительность, и — мордой в асфальт.

Как магнитом, его тянуло обратно. Он вновь принялся нарезать круги по парку, в опасной близости от карусели. На ум пришло сравнение с акулой, кружащей около пловца. Акула, как же! Скорее уж привязанный к кольшку ослик топчется на объединенной им же лужайке. Интересно, Герда тоже что-то видит?

Что? Вряд ли — звон, ржание, безумие скачки...

Наконец музыка смолкла. Радуга, моргнув, погасла. Раздалось басовитое урчание мотора, хлопнула дверца. На аллею вырулила глянцева махина, облив его слепящим светом фар. Он шархнул в сторону, и джип с наглой медлительностью проехал мимо. Сквозь тонированные стекла ничего не было видно.

Герда добралась до чертогов Снежной Королевы, подумал он. Добралась — и осталась, выгнав Кея на мороз. Сложила из ледышек слово «вечность», получила награду: все сокровища мира и серебряные коньки с тюнингом. Зачем ей глупый олень, зачем лошадки в яблоках, когда у нее под капотом этих лошадей — сотни три!

Но ведь за каким-то бесом она сюда ездит?

— Добрый вечер.

Тетка уставилась на него, не моргая:

— Здрасьте...

— Вот, пожалуйста.

Почему купюры в его руках всегда оказываются мятыми?

Размышляя над этим феноменом, он втиснулся в космический корабль. Колени только что в подбородок не уперлись. Ничего, переживем. Внизу лязгнул механизм, приходя в движение.

«Мы красные кавалеристы, и про нас былинные речистые ведут рассказ...»

...с этой минуты он уже видел перед собой только стену гусаров и драгун и летел на нее, гонимый могучею силой.

— *Слава! — загремело над полем.*

Ответил всем сердцем, всем дыханием, сколько было в груди:

— *Слава!*

А затем перед ним, точно из-под земли, выросли два драгуна, и один замахнулся саблей. Подчиняясь какому-то дивному чувству, владевшему им, он скатился с седла под брюхо коня, держась за стремяна руками и ногами. Драгунская сабля черкнула седло, и тогда он появился в седле с правой стороны и, перекинув саблю в левую руку, внезапным ударом свалил драгуна с коня...

В прошлом году они всей семьей выбрались в Крым. Море, жара, фрукты. Пиво под креветки и вяленый катран. Вино на разлив. Бахчисарай, Воронцовский дворец, Никитский ботанический сад. Катание на гидроциклах. Под конец — конная экскурсия в горы. Он впервые сел верхом на лошадь. Низкорослый жеребчик пегой масти меланхолично взбирался по горной тропе, а он вцепился в повод, с опаской косясь на тридцатиметровый обрыв справа. Тропа — шириной метра полтора. Слева — гладкая скала. Недаром говорят: «Конь о четырех ногах — и то спотыкается». Не дай бог, копыто соскользнет...

Костей не соберешь.

Наверху, на ровном плато, он вдруг расхрабрился, захотел пустить пегого в галоп или хотя бы рысью. Жеребчик со скепсисом покосился на горе-всадника, продолжив идти шагом...

— Еще!

...в эту минуту конь под ним споткнулся, и он скатился через голову коня на землю. Он не успел подняться, как на него замахнулся рейтар. Он видел над собой багровое лицо, осатане-

ло выпученные глаза. Отклоняясь от удара, он защитил себя саблей, выставив ее наискось. Но, наверное, ему пришлось бы худо, если бы Семен Лазнев не налетел, как вихрь, на рейтара сбоку и не свалил его с ног ударом в лицо...

— Еще!

...он дал шпоры коню и неся, как вихрь, по полю, на железную стену рейтар — они с колена били из мушкетов по казацкой лаве. Недалеко впереди размахивал саблей полковник, что-то кричал, но он ничего не разобрал: в этот миг загрохотали пушки с польского берега, и только по взмахам полковничьей сабли он понял, что тот приказывает спешиться и залечь...

* * *

— Который? — спросил он.

Сын молча указал пальцем.

— В рваных джинсах?

— Ага...

Он прибавил шагу, зная, что сын за ним не последует. Возле школы, на спортивной площадке, толклись пацаны. Тот, что в рваных джинсах, что-то с жаром втолковывал приятелям. Размахивал руками. Приплясывал. Здоровый, гад. Жирный. На полголовы выше Алешки. И в плечах шире.

Такой повалит, сядет сверху...

Поймав себя на том, что разглядывает жирного, как перед дракой, он смутился. Мальчишка, семь лет. И ты, взрослый дядька. Стыдись. Воспитательный процесс, не более. Алешка тихий, его вечно обижают. Еще с садика. Надо заступиться. Объяснить словами, все такое.

— Иди сюда.

— Зачем? — с подозрением спросил жирный.

Остальные мальчишки зашептались, толкая друг друга локтями. Кое-кто ухмыльнулся. Один, мелкий шибздик, застучал мячом оземь. Ритм — дробный, нервный, с намеком. Видимо, слава у жирного была соответствующая.

— Ну иди, не бойся. Поговорить надо.

— А я и не боюсь...

Он отвел жирного подальше, к бетонному парапету. Не хотелось заводить разговор при всех. Жирный сунул руки в карман, и он тоже сунул было, но вовремя опомнился.

— Ты зачем Белова тиранишь?

— Ничего я не тираню...

— Не ври мне! Ты вон какой вымахал. А Белов маленький, в очках...

— И ничего он не маленький...

— Ты знаешь, что такое бить человека в очках? Это как бить слепого!

— И ничего он не слепой...

Шурша шинами, мимо проехала машина. Черная, блестящая; похожая на жука. «Ой, Лена-Леночка, такая вот игра...» — плеснуло из окна. Он вздрогнул. На миг показалось: памятный жлоб стоит напротив, руки в брюки, и он, покинув безопасный, спасительный балкон, доказывает жлобу, что бить козлов, которые идут лесом...

— Ты бы стал бить слепого?

— А чего он заедается?

— Нет, ты ответь! Тебя дома учат мучить слабых?

Он понимал, что унижает Алешку. Всем этим разговором, нелепыми аргументами, самым звуком своего голоса. Жирный, кажется, что-то почувствовал. Выпрямился, сверкнул наглым взглядом. Махнул рукой приятелям: я сейчас, скоро!

— Вот вы у меня дома и спросите.

— Я спрошу! Я обязательно спрошу!

— Папин телефон дать? Или сразу адрес?

Жирный достал мобильник и сделал вид, что роется в адресной книге. У Алешки не было мобильника. Сын просил, но он отказал. Подрасти, мол, сперва. Жена тоже настаивала, говорила, что так легче уследить за сыном, в наше сложное время...

Он стоял, глядел на жирного и не знал, о чем говорить дальше.

* * *

— Это газовое хозяйство?

— Да.

— Отдел по обращениям граждан?

— Да. Хотите обратиться?

Женский голос прозвучал скрытой насмешкой. Или ему показалось?

— Хочу. Вы прислали мне повестку в суд!

— Ваша фамилия?

— Белов.

— Одну минуточку, — в трубке зашуршали, закопошились. — Белов Константин Петрович. Да, вам отправлена повестка нашим юридическим партнером. У вас долг. Одна тысяча двести тридцать пять гривен семьдесят восемь копеек.

— У меня нет никакого долга!

— По нашим ведомостям числится долг.

Он почувствовал, что сейчас газовая принцесса повесит трубку. Обычно такими звонками, да и вообще квартирными вопросами занималась жена. Изредка разговоры с чиновниками сбрасывались на него, и он ненавидел эти моменты.

— Погодите! Я плачу строго по вашим квитанциям. На свой лицевой счет. День в день, как положено. А вы... вот квитанция на долг, которую я получил вчера. — Он расправил бумажку, поднес к лицу, вглядываясь в мелкий текст. — Это не мой лицевой счет! Естественно, я по нему ничего не плачу.

— Вот в суде и сообщите...

— Да что вы такое говорите! Вот, у вас указано, что в квартире живет ноль человек. Это ошибка. Чужой лицевой счет, ноль человек... Вы ошиблись!

— Мужчина, я не могу с вами препираться. Получили повестку?

— Ну конечно, получил. Я же вам сразу...

— В суде разберутся.

— Зачем — в суде? Я возьму справку в ЖЭКе, что мой лицевой счет...

— Справку возьмите. Привезите ее нам... — Адрес, который он услышал, был последней соломинкой, ломающей спину верблюду. Другой конец географии. Метро, автобус, дальше пешком. — Начальник принимает по вторникам и пятницам, с десяти до двенадцати.

— В это время я работаю...

Короткие гудки.

Он скомкал квитанцию. Еле сдержался от желания запустить бумажным комком в окно. Может, удастся договориться с

женой? Пусть едет она, она умеет с ними разговаривать... Или плюнуть на все? Что, засудят? Пришлют к нему судебных исполнителей? Взыскивать эти деньги? Из зарплаты вычтут? Из будущей пенсии?

В дверь позвонили.

* * *

...высверк стали со свистом рассек воздух, и еще раз — слева, справа; кособоко валится наземь разрубленный до седла кочевник в мохнатом малахее-треухе, так и не успевший достать его кривой саблей. Становится тесно, он едва успевает рубить фигуры в удушливой пелене — рубить коротко, почти без замаха, ворочаясь в седле поднятым медведем-шатуном, снося подставленную под удар саблю вместе с частью плеча, отсекая бестолково топорщившиеся железом руки. Кажется, он что-то кричал; получив наконец пространство для настоящего размаха, он очертил вокруг себя плоский круг, подбросив к небу выпучившую глаза голову в мохнатой шапке, чужую голову, зазевавшуюся голову, кусок мертвой плоти...

Ему хотелось еще! Так пьяница дрожащей рукой наливает стопку, чтобы скорее добавить. Руки и вправду дрожали. Это никуда не годится. Тайм-аут! Посидеть на скамейке, перевести дух, опомниться...

Дорвался, как дурень до мыла!

Вместо скамейки он зачем-то подошел к билетерше. Тетка, водрузив на нос старомодные очки в металлической оправе, выжидательно смотрела на него поверх стекла. Очки придавали ей сходство с Совой из мультика о Винни Пухе. Он открыл рот, собираясь что-то спросить, но забыл — что. Рядом со стопкой жетонов, банкой для мелочи и коробкой для купюр лежала потрепанная книга. Генрих Белль, «Глазами клоуна».

Дальнейшее молчание становилось неловким.

— Это, конечно, не мое дело... — Он спросил первое, что пришло в голову: — Вы не знаете, что за дама вчера каталась?

— Евгения Эдуардовна?

Внутри билетерши словно включили лампочку. Он вдруг

понял: тетка едва ли намного старше его. И не такая уж толстая.

— Ее у нас все знают. Спонсор!

— Спонсор чего?

— Нашего парка. Ну, не всего, конечно. На новые аттракционы деньгами помогла, на благоустройство. Видели свежий асфальт на дорожках?

Он вспомнил, как едва не переломал себе ноги в темноте.

— Местами, — дипломатично кивнул он.

— Так остальное не успели еще! Или деньги разворовали, — горестно вздохнула Сова. — Эту карусель тоже она поставила. Настояла!

В голосе Совы звучала гордость. Слово это она, а не Герда, которую звали Евгенией Эдуардовной, настояла на установке старой карусели.

— Азеры шашлычную построить хотели. А Евгения Эдуардовна уперлась: нет, и все! Будет карусель. Кафе в парке и так хватает. Хотите — за кинотеатром стройте. Она женщина влиятельная, с ней даже в мэрии считаются. Спонсор...

Слово «спонсор» билетерша выговаривала со вкусом. Чувствовалось, что Сова истосковалась по общению. Сиди тут одна-одинешенька; пара человек в день — и то радость. Он не перebивал. Слушал. Он хорошо умел слушать — редкое качество по большому счету.

— Она эту карусель сама нашла. В запаснике.

— Где?

— Есть у нас место. Денег на починку дала. Велела здесь установить, не иначе...

Он моргнул с недоверием:

— На починку? Что ж не покрасили заново? Ухо льву не приделали? Работнички...

Сова просияла. Похоже, она ждала этого вопроса.

— Евгения Эдуардовна сказала: только механизм наладить. А карусель пусть останется, как была. Ретро, значит. Ностальгия!

— Понятно...

Ничего он не понимал. На кой черт спонсорше понадобилась ностальгическая рухлядь? Прибыли с нее никакой, одни убытки, и место занимает...

★
Ответ напрашивался сам собой.

— Раньше тут библиотека была, — вздохнула Сова. — Вот прямо здесь и стояла. Маленькая, парковая. Потом — перестройка, Союз развалился, фонды выделять перестали... Горсовет постановил: закрыть. Книги по другим библиотекам распределили, по детским домам, интернатам... Часть списали. А здание снесли. Да какое там здание! — Сова безнадежно махнула рукой. — Сюда под конец заходить страшно было: того и гляди, крыша на голову рухнет.

— Откуда вы все это знаете? — удивился он.

— Так я же тут работала! Библиотекарем. Вам еще жетончик?

...он гикнул:

— *Р-рубай, так и так!.. Рубай!!!* — *выхватил саблю и врезался в ряды противника.*

С левого фланга скакали гонцы, за ними — полтысячи полуголых калмыков: они спустили по пояс красные суконные бешметы и, оцетинив пики, с визгом мчались топтать утекавших пруссаков. Давно отбившись от своих, он колот и рубил, счастливо спасаясь от смерти...

* * *

Щелк пультиком.

— Как интервьюер, я отличаюсь от большинства тем, что не скован образованием на журфаке. Для меня главное — получить ответ от человека, невзирая на его пост, должность и звание. Один и тот же вопрос я задам десять раз, я доведу вопрошаемого до перитонита, но ответ получу...

На экране телевизора — армянин с трубкой в руке.

Щелк.

— В Украине в осенне-зимний период ожидаются три вспышки гриппа, сообщил сегодня Александр Гриневич, директор центра гриппа и респираторных инфекций Минздрава. По его словам, зимой ожидаются две вспышки гриппа сезонного и вспышка гриппа пандемического. Он также отметил...

На экране — блондинка гламурно сморкается в платок.

Щелк.

— Кабинет министров на очередном заседании в среду рассмотрит стратегию обращения с радиоактивными отходами...

На экране — диктор в очках.

Щелк.

— ...подвиг Кузьмы Крючкова. Георгиевский крест 4-й степени, полученный Крючковым, стал первой георгиевской наградой Первой мировой войны. О подвиге доложили императору. Бравый казак двадцати четырех лет от роду стал российской знаменитостью...

Щелк.

Или нет, вернемся.

Он не знал, чем ему вдруг стал интересен подвиг Крючкова.

Клац — для разнообразия.

— После Февральской революции Крючков был избран председателем полкового комитета, а после развала фронта вернулся на Дон. Бывшие односумы оказались по разные стороны кровавой межи, разделившей Россию. Так, участник легендарного боя Михаил Иванков служил в Красной армии, впоследствии встречался с писателем Шолоховым и рассказывал ему о той знаменитой схватке. Или казак ошибся в рассказе, или Шолохов сознательно искажил факты, но в романе «Тихий Дон» бой Крючкова с немцами описан как нелепая стычка. Позвольте, я зачитаю отрывок, где описывается поведение Иванкова...

На экране — дамочка с книгой в руках.

— Он отвел второй удар, направленный ему в бок, и, встав, рубанул по спине скакавшего с левой стороны немца. Его окружили. Рослый конь грудью ударился о бок его коня, чуть не сшиб с ног, и близко, в упор, увидел Иванков страшную муть чужого лица...

Он вздрогнул. Где-то далеко крутнулась, скрежеща шестернями, старая карусель. Не может быть, подумал он. При чем тут Шолохов? При чем казак Иванков, Крючков, черт, дьявол, Первая мировая?!

Это же был я!

— С левой стороны над ним вырос драгун, и блекло в глазах метнулся на взлете разящий палаш. Иванков подставил

шашку: сталь о сталь брызнула визгом. Сзади пикой поддели ему погонный ремень, настойчиво срывая с плеча...

— Переключи на фильм, — сказала жена.

Она сидела на диване, и Барсик дрых у нее на коленях.

— Там реклама, — ответил он. — Я пока пощелкаю.

— Ну так найди что-нибудь интересное. Не эту же мымру слушать.

— Мне интересно, — огрызнулся он.

Он врал. Интерес исчез. На смену интересу пришло возбуждение.

— У нас есть Шолохов?

— Есть, — зевнула жена. — От папы осталось. Вон, зелененький...

Он ухватил все четыре тома «Тихого Дона» и удрал в соседнюю комнату. Отыскать нужный отрывок с ходу не получилось. Он вообще никогда не читал Шолохова, если не считать рассказа «Нахаленок», который в детстве ему прочел вслух отец. Когда в школе проходили «Поднятую целину», он крутился мелким бесом, наговорив кучу ерунды про становление колхозов и раскулачивание. Анна Макаровна сжалилась, поставила трояк.

Боже, как давно это было!

Книга внезапно увлекла его. Когда жена легла спать, он сел на кухне, заварил чаю и продолжил поиски. Отрывок про Иванкова нашелся в конце первой книги. Дальше он нашел еще один знакомый фрагмент: про сотню, лежавшую в засаде за плетнями левады. В его воспоминаниях — хотя какие, к черту, воспоминания! — и тексте книги имелись мелкие расхождения, но этим можно было пренебречь. Черные слова на белой бумаге. Они не рождали в душе отклика. Он читал, пытаясь восстановить кровавую муть, ярость, бешеную скачку, тяжесть шашки в руке; голое, очищенное от мельчайших примесей рефлексии действие, которое захватывало, сводило его с ума на карусели...

Ничего.

Даже эха и того не было.

Ну и что, подумал он. Пусть Шолохов. Пушкин, Кукушкин, Мамин-Сибиряк. Какая разница, если у меня есть карусель?

* * *

...он с азартом, с прикряком рубил и рубил. Сбросил чекмень, потерял шапку, вот сабля его с силой ударила в чужое железо, сломалась, а кобыленка под ним зашаталась, осела и рухнула. Укрывшись за деревом, он мигом припал на левое колено и крепко упер в землю гревко пики, прикрученной к правой руке выше локтя, а стальным острием ее и зорким глазом караулил врага, как зверолов медведя. Пред ним темной метелицей клубились пыль и дым, мимо него, гремя доспехами, скакали всадники. Звяк, топот, хряст, выстрелы — и пика поймала вынырнувшую из пыльной завесы чью-то грудь. Он разом к чужому коню, разом в седло, и куда-то понес его испугавшийся конь. Ружейные выстрелы, пушки гремят, крики, ругань, команда...

Взрыв он услышал еще у тира.

Даже не взрыв — хлопок. Неприятный, резкий. И почти сразу — зарево за деревьями. Уже понимая, что произошло, он кинулся напролом, через кусты. Ободрал лицо, выскочил на параллельную аллею, задыхаясь, пробежал сто метров, свернул, чуть не врезавшись в знакомый монументальный джип...

Карусель горела. Корчились в пламени лошади. Упал набок, обугливаясь, лев. Держался до последнего «Восток-2». Казалось, аттракцион вертится, обрадованный новыми, потрясающими гирляндами лампочек. Что-то щелкнуло; «Увезу тебя я в тундру, — грянул оркестр и захлебнулся рычанием. — В тундр-р-р-у-у-у...» — треск огня заглушил остаточный хрип, словно вздох умирающего.

Тетка-билетерша стояла поодаль с круглыми глазами, прижав ладони ко рту. По теткиному лицу он понял, что та все знает — нет, знала заранее, возможно, даже получила деньги за молчание и за то, что не станет спешить с вызовом пожарной команды.

Прижавшись спиной к молодому дубу, на пожар смотрела Герда.

— Это ты! — закричал он, срывая горло. — Это все ты! Зачем...

И шагнул вперед, сжимая кулаки.

Его обступили с двух сторон. Мягко, мощно взяли за плечи,

свели локти за спиной. Он забился пойманной рыбой, ничего так не желая, как достать, дотянуться до этой холеной стервы, силой заставить вернуть все обратно, переиграть, восстановить...

— Не трогайте его. — Герда сама пошла ему навстречу. — Не могу больше, — сказала она, подойдя вплотную — Не могу. Нельзя так.

— Ты...

— Ты понимаешь? Нельзя.

— Зачем... — повторил он, уже не ожидая ответа. Он знал ответ.

— Это неправда, понимаешь. Дом, семья, дети... Этого нет. Обман, кролик в шляпе фокусника. Есть бизнес, конкуренты, клыки на горле. А семьи нет. Сладкая ложь. Ты привыкаешь и потом уже не в силах обойтись без головокружения. Три гривны за жетон. Дармовщина. Думаешь, мне легко было решиться?

За ее спиной горела карусель.

* * *

Ой, Лена-Леночка, такая вот игра,
Какой был прикуп, но карта бита!
Ой, Лена-Леночка, бандитская жена,
Жена бандита, жена бандита...

Он вылетел на балкон, еще не понимая, что делает.

Стеклянные двери парикмахерской. Черный «Шевроле». Шансон на всю улицу. И жлоб в шортах. Прогуливается, косит налитым глазом по окнам. Ага, увидел.

Оживился.

Жаркий выдался сентябрь, невпопад подумал он. Год назад про шорты и думать забыли. Я вот... Смутившись, он сообразил, что стоит в одних трусах, считай, голый. Ниже пояса его скрывают перила балкона, обшитые вагонкой. Зато грудь, покрытая редким, сидящим волосом, живот, который давно пора бы сбросить... О чем я думаю, ужаснулся он.

Жлоб показал ему палец — тот самый, заветный.

Отвернувшись, притворяясь, что ничего не заметил, он увидел, что в соседней комнате на подоконнике сидит Алешка.

С балкона хорошо было видно окно детской. Расплющив нос о стекло, сын вглядывался в «Шевроле», словно желал высмотреть в чреве машины кого-то очень знакомого. Жирного, подумал он. Если тайком заглянуть сыну в глаза, там отразится не «Шевроле», орущий благим матом, а жирный одноклассник с ухмылкой на круглом потном лице.

Воскресенье. Занятий в школе нет.

Боже, о чем я думаю...

А муж твой стал хоть трудной, но мишенью,
Игра такая — жить или не жить,
Большие ставки и большие деньги,
А жизнь одна — ее по новой не купить...

Она сгорела, подумал он. Моя карусель. Она сгорела, и от нее остался один скелет. Прах к праху. С кухни донесся запах свежих котлет. Жена все утро крутила мясорубку, готовила фарш. Вот, жарит. Скоро жлоб уедет. Алешка убежит играть во двор. Потом — обед. После обеда неплохо бы вздремнуть. Он любит котлеты с чесночком. И Алешка их любит. Но парня придется звать раз десять — когда Алешка гоняет мяч, он ничего не слышит...

Где-то далеко, на краю жизни, скрежетнула шестерня. Старая, ржавая. Еще раз. Он почувствовал, что по лицу течет пот. Зубцы вошли в сцепление со второй, только что проснувшейся шестерней. Еле слышно, пробуя голос, каркнул мотор. Загудел.

Завертел.

Он перегнулся через перила, словно примеривался, как ловчее прыгнуть. В кусты, в цветы, за которыми любовно ухаживала тетя Валя, соседка с первого этажа. Подтянул трусы, не смущаясь. Улица вертелась вокруг него, балкон несся по кругу. Жлоб ослабил, махнул рукой: валяй, прыгай! Жду, мол. Разве это жлоб, подумал он, изучая парня. Это моя злость так его зовет. Злость и слабость. Ведь мальчишка, едва за двадцать. Ноги кривые. Дурак, слабак, сам себя тешит; сочиняет карусель на пустом месте. Вот у меня была карусель! Да, теперь там пустое место. Ладно. А у этого дурачка ничего никогда не было. И не будет. Кроме пальца, который он мне показал. Кроме сосущего под ложечкой страха: а вдруг парикмахерша однажды рассмеется ему в лицо?

Это все слишком просто. Слишком ярко. Как лошади на кругу, увиденные глазами ребенка. Все — слишком. Все — иллюзия. Ну и что? Вертись, улица. Несись, балкон. Кружитесь, дома.

— Покатаемся на карусели? — тихо спросил он у человека в шортах.

Тот попятился к машине.

Джинсы. Футболка. Шнурки на кроссовках завязались мертвым узлом. Он не знал, что будет делать, вылетая из квартиры. Не знал, ссыпаясь вниз по лестнице. Не знал, выскочив из подъезда. Да так и не узнал, потому что черного «Шевроле» больше не было у парикмахерской. Лишь визг шин исчезал в конце улицы.

Ну и хорошо, что не узнал, подумал он.

Мир замедлял вращение. Останавливались дома, деревья, люди, собаки. Остановился тощий кот, сел, стал умываться. Затихал вой мотора. Смолк лязг шестерней. Тихо-тихо. Только ветер шуршит в кроне матерой липы. Он посмотрел себе под ноги и увидел жетон. Нет, не жетон. Крышка от пивной бутылки — растоптанная каблуком, вдавленная в асфальт.

В подъезде громко хлопнула дверь. Миг, и Алешка, задыхаясь, вымелся наружу. В руке сын держал гимнастическую палку — пластмассовую, легкую. Увидев отца, просто так стоящего у края тротуара, Алешка застеснялся. Повертел палку, раздумывая, куда бы ее деть, не нашел подходящего варианта и спрятал за спину.

— Мама котлеты жарит, — невпопад сказал сын.

— Это хорошо, — кивнул он. — После обеда ходим в парк?

Сын улыбнулся:

— Ага, ходим. Там карусели.

ЯГНЕНОК

1

Григорий Смолковский, более известный как Гриша Смoла, расположившись на лавочке возле супермаркета, измучился делать вид, будто читает «Спорт-Экспресс». Плечи и затылок жарило беспощадное июньское солнце. Скатывающиеся со лба капли пота щипали глаза. Рядом из распахнутых окон «Ниссана» вырывалась попса. Особенно раздражал сабвуфер, басистые толчки которого отдавались внутри головы Гриши.

Тум-тум!.. Тум-тум!..

Эти басы нервировали больше всего.

Его слух с раннего детства очень болезненно воспринимал барабанные удары и вообще низкий диапазон. Подобные звуки просачивались внутрь Гриши, вызывая либо дремоту, либо легкое помутнение рассудка. Он старался избегать их, а потому не посещал кинотеатры, ночные клубы и массовые развлекательные мероприятия. Но сейчас он не мог убежать. Сейчас он был вынужден сжать зубы и терпеть. Терпеть и ждать.

Мнущегося возле фонарного столба Вундеркинда посторонние звуки не беспокоили. В силу ограниченности рассудка его вообще мало что тревожило. К тому же в обязанности Гришиного помощника не входила «работа с клиентами», как это называл Егор Данилыч. Вундеркинду нужно было лишь попасть лучом лазерной указки в объектив камеры наружного наблюдения. Это все, чему его научила средняя школа и девятнадцать лет уличной жизни...

Двери супермаркета раскатились в стороны, и из них появилась женщина в вельветовой куртке «Дольче Габбана». Ну, наконец. Клиентка... В руках она несла пластиковые пакеты с продуктами, за плечом болталась сумочка. Лет сорока, крашенная блондинка с невыразительной, хотя и приятной внешне-

стью. Чем-то сильно огорченная. На секунду она напомнила ему Натали... Гриша поморщился. Ему не понравилась эта ассоциация. Ему не нравилось все, что связывало «клиентов» и личную жизнь. Эти вещи нужно разделять. Всегда. Егор Данилыч часто это повторял.

Басовитое «тум-тум» было уже невыносимым. Морщась от раздражающего звука, Гриша коснулся большим пальцем клавиши укрытого газетой баллончика со слезоточивым газом. Краем глаза отметил, что Вундеркинд тоже активизировался — непринужденно скрестил руки на груди и незаметно включил указку, спрятанную под локтем. За видеозапись камеры наружного наблюдения можно не беспокоиться. Вундеркинд всегда попадал в объектив с первого раза. Специально тренировался.

Когда женщина добрела до лавочки, на которой сидел Гриша, он с ленцой поднялся, складывая газету, словно бы закончил читать. Неуловимое движение руки — и струя едкой смеси приснула в лицо женщины.

— Ох! — с горечью произнесла она и села на дорожку, не выпуская из рук пакетов с продуктами. Гриша обратил внимание, что люди редко бросают свои вещи — держатся за них до последнего. Правда, при этом громко орут. Но крашеная блондинка в вельветовой куртке не орала. Она словно еще больше огорчилась из-за неприятностей, которые ее угнетали до этого момента.

Не теряя времени, он выхватил из ее пальцев ключи от автомобиля. Еще несколько секунд потребовалось, чтобы оказаться возле ее «Вольво», роскошного вишневого универсала. Вундеркинд бежал следом за Гришей. Наскок получился крайне удачным. Женщина не кричала, а лишь тихонько всхлипывала, сидя на дорожке между пакетов с продуктами и закрыв лицо ладонями. Редкие прохожие даже не поняли, что произошло. Гриша и Вундеркинд были профессионалами в своем деле.

Через полминуты после того, как Гриша нажал кнопку баллончика со слезоточивым газом, они были за два квартала от места угона. Агрегат повел себя покорно. Сигнализация не артачилась, двигатель завелся сразу. Тупая шведская скотина, ей все равно, кто сидит за рулем — хозяин или чужой человек.

Вундеркинд в пассажирском кресле радостно улыбался, демонстрируя кривые, подточенные карием зубы.

— Здорово ты ее, правда?

Гриша сухо кивнул, глядя в зеркало заднего вида. Переполюха на дороге не видно. Все прошло как нельзя более гладко.

Вундеркинд глянул в окно, облизал сухие губы и полез в бардачок. Каждый раз, как только он оказывался в угнанном автомобиле, этот отсек подвергался немедленному обследованию. Кроме обычных CD-дисков и гарантийных талонов на бытовую технику, порой в нем отыскивались довольно интересные вещи. Для Вундеркинда они были чем-то вроде подарков под новогодней елкой, приятных и неожиданных. Гриша иногда думал, что напарник участвует в угонах не ради денег, а ради исследования чужих бардачков.

— «Сникерс»! — раздался обрадованный вскрик. — Будешь?

— Кушай сам, — разрешил Смола.

Вот и окраина города. Впереди показался небольшой тоннель под железнодорожными путями. После него километра четыре до гаражного комплекса, в котором угнанная «Вольво» растворится, как окунь в Волге.

Развернув батончик и откусив треть, Вундеркинд повторно запустил руку в бардачок, пошарил в нем и извлек новый улов — бледно-голубой пакетик с эмблемой аптеки.

— Какие-то таблетки, — произнес он, заглянув внутрь. Извлек чек: — Сегодня покупали.

— Выбрось.

— А вдруг они нужны?

— Ну сбегай назад, верни!

Вундеркинд заткнулся.

Гриша еще раз посмотрел в зеркало, достал сотовый и набрал номер.

— Это Смола, Егор Данилыч. Агрегат у нас.

— Шибко не радуйся, — ответил шеф. — На вас перехват объявили.

— Когда они успели! Мы ж только что...

— Кто-то из прохожих номерок набрал. Ты не разговаривай, а мчи к гаражам...

Жующий батончик Вундеркинд закончил с осмотром бардачка и, страдая от безделья, ткнул пальцем в магнитола. Из ди-

намиков вырвалась неожиданно громкая музыка — не та, что играла на парковке, но очень похожая. Гришина память ментально выудила из недр недавние переживания, и он почувствовал, как в голове стало ощутимо вздрагивать в такт ударам сабвуфера.

Тум-тум!.. Тум-тум!..

— Выключи!!!

— Что? — не расслышал Вундеркинд.

— Але, Смола, ты кому? — прохрипел из трубки Егор Данилыч. — Кати в гаражи! Але, ты слышишь?..

У Гриши поплыло перед глазами. Тоннель неожиданно вырос, и Гриша не понял, что произошло в следующий момент. Черное жерло проезда резко надвинулось на него. В голове раздалась два отчетливых удара.

И он словно уснул с открытыми глазами.

Ему показалось, что он летит в этот тоннель. Затем последовала резкая вспышка света... И он обнаружил себя стоящим посреди огромной равнины, покрытой пожухлой травой. Наверху распростерлось хмурое небо, горизонт загоразивали холмы. Шоссе и многоэтажки спального района исчезли. Даже «Вольво» исчез, хотя в голове еще звучала попса из его динамиков.

Неподалеку от Гриши щипал траву ягненок. Маленький такой. С серой шерстью и белым пятном на брюхе.

«Я подох, — ошеломленно подумал Гриша. — Врезался в стену тоннеля. Как принцесса Диана».

Он не мог понять, как это могло произойти, как случилась авария. Скорость была не больше сорока километров! На такой скорости не разбиваются вдребезги — только машину калечат. А ведь есть система активной безопасности — лучшая в мире, как утверждает автомобильная реклама. А ведь есть опытные Гришины руки и пятнадцатилетний водительский стаж... Нет, он не мог попасть в аварию. Невозможно!

Ягненок поднял голову.

— Я умер? — спросил у него Гриша.

Ягненок шарахнулся от чужака. Жалобно заблеял и неуклюже поскакал в направлении холмов.

Удары в голове участились. Резко заболело за глазными яблоками. Польшнул свет...

Гриша снова сидел в кресле «Вольво».

Под колеса летело шоссе. Они уже проехали тоннель, и по какой-то причине сей факт чрезвычайно волновал окружающих. В одно ухо хрипел из мобильного Егор Данилыч: «Смола, мать твою, что у тебя творится?!» В другое вопил Вундеркинд: «мыупадеммыупадеммыупадем!»

Через мгновение Гриша понял. Потеряв дорогу, «Вольво» летел в пыльное придорожное поле. Давить на тормоз и выкручивать руль было поздно — машина покатится кубарем, пятнадцатилетний водительский стаж это гарантировал. Гриша вцепился в баранку, чтобы не вылететь из кресла, поскольку привычку пристегиваться всегда считал уделом трусов и маменькиных сынков.

Автомобиль взмыл в воздух, перелетая через небольшой кювет. Ударился передними колесами о землю. Визжащего Вундеркинда подбросило, приложив макушкой о крышу салона. По примеру Гриши, он тоже считал ремень безопасности уделом слабаков.

Удар задними колесами.

«Вольво» запрыгал по рытвинам, ломая сухие стебли двухметрового пыльного борщевика. Остановить его удалось метрах в двадцати от обочины дороги. Гриша открыл дверцу и вывалился в траву, продолжая ощущать в голове пульсирующие толчки.

Или все еще играла музыка в салоне?

Вдалеке завывала сирена. Вундеркинд, не задумываясь, драпанул прочь, сжимая в кулаке недоеденный шоколадный батончик. Гриша с сожалением глянул на колеса универсала, засевшие в рытвинах. Чтобы выехать с поля, не повредив машину, придется потратить уйму времени.

Вой сирены приблизился. И Гриша не придумал ничего лучше, как дать деру вслед за напарником.

2

Егор Данилыч велел явиться вечером в «Черный лотос», принадлежавший ему ресторан в центре города. У Егора Данилыча в «Лотосе» находился рабочий офис. Около полудня он занимал специальную кабинку, в которой проводил время до

поздней ночи, назначая там деловые совещания и встречи, подписывая договоры, организуя «разбор полетов».

По пути в ресторан Вундеркинд допытывался у Гриши о том, что случилось на окраине города. Когда они оказались внутри, Гриша не выдержал и впервые за полгода сорвался на напарнике.

— Да отстань ты, ограниченный! — рявкнул он. — Думаешь, я специально съехал с дороги?!

— Нет, наверное, — подавленно ответил Вундеркинд. — Просто у тебя глаза закатились. Я испугался.

Возле кабинки шефа их встретил громила-охранник. Вундеркинду он велел «отдохнуть на стульчике», в то время как Гришу сноровисто обыскал, после чего, ехидно ухмыляясь, отворил дверку. Эта ухмылка задела Смолу. Похоже, история о неудачном утоне пошла по людям.

Интерьер отделанной красным деревом кабинки составляли круглый стол и Г-образный диван, на котором полулежал Егор Данилыч — крупный мужчина с лоснящейся бритой головой, в цветастой рубашке и со сверкающими перстнями на пухлых пальцах. Компанию ему составляли бутылка вина и солидная порция жареной баранины. Между столовых приборов и смятых салфеток валялись несколько мобильных.

Сесть Егор Данилыч не предложил.

— Ты облажался! — сразу заявил он.

— Я знаю.

— Нет, ты серьезно облажался, Смол! Я обещал заказчику, что сегодня вечером вишневая «Вольво» в количестве одной штуки будет ему отгружена, — и что вместо этого?.. Что произошло на трассе?

— Не знаю. Я вдруг выключился. Мне показалось, будто я умер.

— Чего?

— Я словно уснул за рулем. Увидел какую-то равнину, ягненка...

— Что за дурь ты нюхал?

— Я не употребляю.

— Ты знаешь, что я не потерплю...

— Я ничего не нюхал. Просто в голове помутилось.

Егор Данилыч промочил горло глотком вина.

— Машина у тебя пропадает не в первый раз, Смола. Дважды ты бросал агрегат, едва завидев легавых. Еще однажды ты не смог вытолкнуть соплячку на тротуар. Теперь это... — Взгляд Егор Данилыча забежал в поисках подходящего слова. Так и не найдя его, шеф отхлебнул из фужера. — Ты неплохой водитель, Смола. Но угонщик из тебя дерьмовый.

— Это произошло случайно.

— Но стоило мне двадцатки!

Егор Данилыч отправил в рот ломоть баранины. Задумчиво пожевал его.

— Вот что. Сходи-ка к нашему Доктору.

— Я здоров.

Шеф скovyрнул языком застрявший в зубах кусочек мяса.

— Смола, мне не нужен человек, который теряет сознание, как кисейная барышня, в тот момент, когда дело практически сделано. Мне нужен человек, который берет машину и доставляет ее в целости и сохранности.

— Я понимаю.

— Сходи к Доктору. Пусть он тебе таблетки какие даст. Не знаю. Но чтобы ты больше не умирал за рулем моей тачки!

— Я сам этого не хочу.

— Вот, значит, и сходи! — Егор Данилыч отпилил ножом новый ломоть баранины, поддел на вилку. — Валюха сильно пострадала?

— Может, бампер поцарапался, подвеску надо бы глянуть... но в остальном, кажется, без повреждений.

— Тогда слушай сюда. Клиент по-прежнему хочет этот универсал. Хозяйка — лохушка. У нее две недели назад муж, что ли, умер, до сих пор не в себе. Взять машину проще просто. Сделай это завтра. Как хочешь, но сделай! Это твой последний шанс. Не облажайся снова, Смола. Иначе разжалую в механики, будешь ходить с чумазой мордой и зарабатывать как Вундеркинд, понял меня?

И, демонстративно не глядя на Гришу, он запихнул в рот кусок баранины. Разговор был закончен.

Гриша вышел из кабинки, стараясь не смотреть на лыбящегося громилу-охранника. Вундеркинду не терпелось узнать, что сказал шеф, но Гриша только бросил ему:

— Готовься завтра. Я позвоню.

Лабухи на помосте расчехляли инструменты. Направляясь мимо них к выходу, Гриша злился на себя. Как он допустил, чтобы с ним произошла эта оплошность? Как позволил себе? А вдруг она повторится — что с ним будет? Угоны автомобилей — это Гришин кусок хлеба, это все, что он умеет. Так же как Вундеркинд только и умеет, что направлять лазерную указку на глазок видеокамеры. А что, если теперь оплошности всегда будут вмешиваться в его работу? Чем все закончится? Егор Данилыч просто найдет нового человека, у которого не бывает подобных проблем. А Гриша останется ползать под автомобилями с гаечным ключом... Нет, он этого совсем не хотел. У него была мечта однажды заработать много денег. Ну а какая еще может быть цель в жизни?

Возле стойки администратора он столкнулся с Натали.

— Подожди меня возле гардероба, — шепнула она и упорхнула к столику кавказцев, неся на кончиках пальцев полный поднос шашлыков.

Сегодня у Гриши не было желания встречаться с Натали, но и уйти просто так он не мог. Он облокотился на перегородку пустовавшего гардероба и закурил, глядя на переплетение вешалок и темноту за ними.

Натали появилась минут через десять. Обвила руками шею и прижалась к нему грудью. Он почувствовал легкое возбуждение.

— Ты придешь сегодня вечером?

— Не знаю. У меня проблемы на работе.

— Я очень хочу тебя видеть. Понимаешь, о чем я?

Она коснулась губами его подбородка, невольно прижавшись грудью еще сильнее. Тут же ойкнула, отстранилась.

— Все еще болит? — спросил он.

— Ерунда, — беспечно махнула она рукой. — Поболит и перестанет.

Несмотря на уверения, Гриша видел по ее лицу, что боль сильнее чем обычно. Пышный бюст Натали услаждал мужские взоры, но доставлял хозяйке сплошные неприятности по женской части. Весь год их знакомства ее мучила мастопатия. Грише было жаль Натали, из многочисленных подружек она была единственной, при мыслях о которой у него что-то шевелилось в груди.

— Ну так ты придешь? — спросила она.

Лабухи в зале ударили по струнам. Для разогрева они решили исполнить «Москву златоглавую». Громче всех, задавая ритм, стучал барабан.

Там-там!.. Там-там!..

Гриша почувствовал, как в голове помутилось. Он посмотрел через плечо Натали в пустой темный гардероб. И его легонько потянуло туда, словно он услышал неведомый призыв. Вновь оглушительно ударил барабан, отозвавшись болезненной вибрацией под крышкой черепа. И Гришу уже ничто не могло удержать в этом мире — его сознание стремительно провалилось в темноту под сводчатым потолком...

Ресторана больше не было. Гришу окружала обширная равнина под хмурым небом, которую он видел утром и которая принесла ему столько проблем. Он едва не зарычал от огорчения.

В этот раз он был не один. С ним была Натали. Правда, не настоящая, а какая-то призрачная, но тем не менее невероятно красивая и желанная. Гриша взглянул на нее. И его потянуло к ней с невероятной силой.

Натали не успела опомниться, как закативший глаза Гриша Смола повалил ее на одежную стойку.

— Что, прямо здесь? — опешила она. — Гриша, там же люди в зале!

Она начала вырываться, но он придавил ее бедрами. Одним движением разорвал блузку. Пуговицы посыпались на пол, словно горох.

— Гриша! — взвизгнула Натали, брыкнувшись и потеряв одну из туфель.

Невзирая на протесты, Смола освободил ее тело от ситцевых чашечек и впился в него губами. Она застонала, но не перестала вырываться:

— Ты свихнулся... Уйди от меня! Уйди, козел!..

На шум к гардеробу подбежали люди. Кажется, те самые кавказцы. И еще телохранитель Егора Данилыча. Кто-то из них профессионально ударил его в печень, и потусторонний мир для Гриши моментально исчез во вспышке. Смола съехал на пол, где ему добавили ногами по ребрам.

Всхлипывая, Натали сползла с одежной стойки, прикрываясь разорванной блузкой:

— У тебя все в порядке с головой? Господи-и...

Гриша поднялся на четвереньки. Его мотало. Телохрани-тель Егора Даниловича наклонился к нему и доверительно прошептал на ухо:

— Вали отсюда, Смола, пока я не взялся за тебя всерьез.

Гриша не сошел, а скатился по ступеням, ведущим в ресторан. Ноги не держали, и он рухнул на зеленую травку прилегающего сквера. Ныли отшибленные ребра. Резь в правом боку не давала разогнуться. Однако сильнее остального мучила тошнота, неприятным комом осевшая в горле. Дабы избавиться от нее, Гриша опустил голову и опорожнил желудок на ухоженный газон. Вместе с желчью и куцыми остатками ужина из него вышли мерзкие, черные, словно битум, комья.

Глядя, как они медленно растворяются в живописной луже блевотины, Гриша ощутил ужас.

— Да что со мной не так! — страдальчески простонал он.

3

Человека, о котором упоминал Егор Данилыч, все называли исключительно «Доктор». Попавшись на воровстве амфетаминов, Доктор был с позором уволен из клиники, в которой работал. Шеф приютил несчастного наркомана, назначив его главным экспертом по вопросам качества дури и вытаскиванию пуль из неудачливых участников разборок и грабежей.

Худой, неврастеничного вида, с тусклыми, как паутина, волосами, он, казалось, не слушал рассказ Гриши, а озадаченно рассматривал собственную коленку. Но когда Смола уже решил, что бьет языком впустую, Доктор заинтересованно поднял голову:

— И каждый раз вы слышите этот ритм: там-там, там-там? — Он в такт отстукал ладонями по деревянным подлокотникам кресла, в котором сидел.

— Еще раз так сделаете, вышибу передние зубы, — пообещал Гриша.

— Извините, не хотел... Скажите, а раньше подобных аномалий не наблюдалось? Я имею в виду, в детстве, в юности...

— Нет, не было.

— Не спешите, подумайте как следует.

— Я же говорю, что не было!

На самом деле Гриша врал. Вообще-то было. В детстве иными ночами он обнаруживал себя вдалеке от собственной постели — несколько раз на пустырях, прилегающих к барaku, в котором жила их семья, а однажды на крыше этого самого барака. Как-то в молодости после обильной попойки он провалился в кому и четыре дня провалялся беспомощным баклажаном в палате интенсивной терапии. Врачи пытались разобраться в причине недуга, но он сбежал из больницы... Иногда Грише казалось, что он видит какие-то картинки сквозь монолит кирпичных стен. Иногда он чувствовал запах луговых цветов там, где были исключительно асфальт и здания. И еще его барабанные перепонки болезненно реагировали на низкие частоты.

— Кххм... — Доктор задумчиво почесал подбородок. — Давным-давно, еще когда я учился в мединституте, я увлекался эзотерикой. Должен сказать, что описываемые вами симптомы имеют название.

— Какое?

— Шаманизм.

Гриша озадаченно посмотрел на Доктора. Тот пояснил:

— Эвенки, нижний мир, духи — не слышали? Шаманы — это люди, обладающие сверхъестественными способностями, посредники между нашим миром и миром духов. Шаманы изменяют свое сознание, чтобы проникнуть в другую реальность и обрести там магические силы, которые можно использовать в мире людей. Переходу в измененное состояние сознания помогают барабанные удары.

— Почему? — ошарашенно спросил Гриша.

— Эти звуки вызывают изменения в центральной нервной системе. Ритмичная стимуляция усиливает ее активность, в том числе самых древних частей мозга. Удар барабана содержит широкий диапазон частот. Он передает в мозг сигнал большому количеству нервных окончаний.

— Черт, но почему именно я?

— Некоторые люди предрасположены к шаманизму, — невозмутимо произнес Доктор. — Кто-то знает о своих спо-

способностях и развивает их, кто-то, вроде вас, не подозревает об их существовании. По всей видимости, до этого дня ваша мистическая сила дремала, но совокупность слуховых и визуальных образов, с которыми вы столкнулись сегодня, заставила ее раскрыться.

— Она раскрылась очень некстати, — с болью отозвался Гриша.

Доктор вновь посмотрел на свою коленку, затем произнес с непонятной интонацией:

— Вообще-то это считается даром.

— Он мешает работе. Как от него избавиться?

— Лекарств для этого не придумано, знаете ли. Но шаманизм можно подавлять. — Доктор потер переносицу. — Запомните два правила, которые помогут справиться с проблемой. Во-первых, не сосредотачивайте взгляд на темных отверстиях: дырах в асфальте, неосвященных проходах, арках, тоннелях. Во-вторых, позаботьтесь о том, чтобы поблизости не звучал барабан. Запомнили?

— Я похож на идиота? Запомнил, конечно.

— Должно помочь.

Гриша встал со стула, осмысливая сказанное.

— Передавайте мой поклон Егору Даниловичу, — сказал Доктор, тоже поднимаясь и нервно потирая руки. — Вы случайно не знаете, когда он придет следующую партию товара?

— Не знаю. — Гриша остановился, вспомнив: — Скажите, а что там был за ягненок? Зачем он?

— Вероятнее всего, это потерявшийся дух-хранитель той женщины.

— А если я снова с ним встречу?

— Не обращайтесь внимания. Если будет мешать, прогоните прочь.

Посреди ночи позвонила Натали. Она сразу заговорила, едва он поднял трубку. Голос был сбивчивый и взволнованный:

— Гриша, я не понимаю, что произошло... Боль исчезла! Что ты сделал? Слушай, я...

Гриша повесил трубку. Его сейчас меньше всего занимала Натали. После водки было мутно в голове. Он надеялся как следует выспаться перед тяжелым днем, который ему предстоит. Завтра придется еще раз отобрать агрегат у тетки в куртке «Дольче Габбана», при этом нельзя допустить, чтобы его снова разобрал гребанный шаманизм.

Утром позвонил Егор Данилыч, сообщив, что около полудня женщина собирается наведаться в областную больницу. В это время на Свободе всегда интенсивное движение, поэтому когда она будет возвращаться назад, на проспект, то на некоторое время застрянет на повороте, пытаясь влиться в поток. Грише с Вундеркиндом предписывалось без премудростей выкинуть ее из машины, развернуться на сто восемьдесят градусов и гнать «валюху» через Бутусовский парк в бывшее троллейбусное депо. Там их будут ждать. Гриша задумчиво спросил, нет ли на пути каких-нибудь тоннелей или дыр в асфальте, на что шеф резко ответил, чтобы он думал только о деле.

С половины двенадцатого они с Вундеркиндом топтались возле чугунной решетки, ограждающей дореволюционные здания областной больницы. Они видели, как вишневым «Вольво» въехал через ворота на охраняемую вохровцами территорию, и теперь ждали, когда автомобиль выедет обратно. Где-то на другой стороне улицы во дворе играла музыка. Гриша воткнул предусмотрительно запасенные беруши, и музыка вместе с шумом автомобильного потока осталась за пределами его сознания. В голове стало тихо и хорошо.

В час тридцать «Вольво» все еще не появился, и Гриша начал нервничать. Он тискал в кармане куртки складной нож зашпиганных размеров, обливался потом и напряженно глядел сквозь прутья чугунной решетки на здание главного корпуса, за которым скрылся автомобиль. А вдруг что-то изменилось? Вдруг хозяйка останется в больнице до позднего вечера? Тогда весь план поймать ее в ловушку на повороте полетит к чертям. Гриша чувствовал, что если не возьмет «Вольво» сегодня, то окончательно потеряет уверенность в себе, а для профессио-

нального угонщика это равносильно катастрофе. И без десяти два он уже был убежден, что катастрофа наступила.

Но тут появился «Вольво».

Вишневый универсал с дымчатыми окнами и хромированными литыми дисками медленно выкатился из-за главного корпуса. Вчерашнее бороздование придорожного поля он перенес удачно, на бампере не осталось даже царапины, хорошо... Автомобиль проехал мимо здания по асфальтовой дорожке и выкатился за ворота, навстречу Грише. Он подал знак Вундеркинду, ожидавшему на другой стороне дороги. Напарник запрыгнет на пассажирское сиденье и поможет вытолкнуть тетку, если что-то пойдет не по плану, хотя Смола надеялся, что справится сам.

Он должен был справиться сам. Обязан.

Как и предполагал Егор Данилыч, машина встала в конце очереди, поворачивающей на проспект. В резерве было не больше десяти-пятнадцати секунд, пока сзади не подкатили другие автомобили. Гриша сжал губы, раскрыл нож и, пряча его с внутренней стороны запястья, быстрым шагом направился к заветному универсалу.

Хозяйка не смотрела по сторонам. Казалось, происходящее вокруг было ей безразлично. Июньское пекло, люди, шумный проспект... Гриша распахнул дверцу и обрезал ремень безопасности, удерживавший ее в кресле. Стараясь не глядеть в глаза, схватил женщину за плечи и выдернул из-за руля. Она показалась ему манекеном — так легко и безвольно ее тело отправилось на асфальт. Он занял место водителя, захлопнул дверь. С другой стороны также хлопнула дверь — Вундеркинд запрыгнул на место пассажира.

Задняя передача.

Автомобиль с нарастающим воем рванулся прочь от проспекта Свободы. Гриша не хотел больше смотреть на хозяйку универсала, напоминавшую ему Натали. Но когда разворачивался, взгляд невольно задержался на ней.

Она сидела на кромке тротуара и безразлично смотрела в сторону угоняемого автомобиля. Лицо выглядело обреченным. С таким лицом прыгают с крыши многоэтажки или, закупорив форточки, включают газ. На долю секунды Грише стало ее жаль. Вдруг нестерпимо заныло сердце... Но рука уже пере-

ключила рычаг «автомата», а подошва утопила педаль газа. Закончив разворот, «Вольво» резво стартовал в направлении зеленящих деревьев Бутусовского парка. Сидящая на тротуаре женщина стремительно уменьшалась в зеркале заднего вида. Словно ее и не было.

Он вытащил беруши и со злостью кинул их на заднее сиденье. Теперь, когда агрегат был у него, нужно лишь добраться до бывшего троллейбусного депо. Утром Гриша специально обследовал этот путь. На всем его протяжении не имелось ни ям, ни туннелей, ни чего-либо другого круглого и уводящего в пустоту. Ничто не помешает Грише доставить машину в место назначения и выполнить работу для Егора Данилыча.

Вундеркинд со скучающим видом открыл уже знакомый ему бардачок. Сегодня подарков под елкой не оказалось. Напарник грустно шмыгнул носом и потянулся к магнитоле.

— Убью, если тронешь! — грозно произнес Гриша.

Напарник испуганно отдернул палец.

Парк остался позади. Они пересекли железнодорожные пути и въехали в депо, окруженное бетонным забором. Огромную площадь заполняли остовы жмущихся друг к другу грузовиков и троллейбусов, пирамиды разобранных двигателей, коленвалов и старых покрышек. Депо служило отличным отстойником для угнанных иномарок. Если шаманизм снова ударит в голову, Грише здесь ничто не угрожает. Он на родной земле.

Он набрал Егора Данилыча:

— Все в порядке. Мы в депо.

— Умница, Смола, ты просто умница! Я всегда в тебя верил. Я тебе говорил, что ты лучший? Ты — лучший! У тебя случались мелкие неудачи, но ты классный угонщик...

Гриша был счастлив это услышать...

Тум!

Он не понял, откуда этот тяжелый лязгающий звук просочился в салон. Гриша завертел головой, пытаясь отыскать его источник.

— Это ты? — Он с хмурым видом глянул на напарника.

Вундеркинд вскинул ладони, показывая, что ни до чего не дотрагивался.

Тум-тум... тум-тум!..

Звук нарастал, становился громче, заполняя пространство,

прорываясь в голову. Гриша потянулся за берушами, но не нащупал их.

Тум-тум!.. Тум-тум!!!

Теперь он увидел. Мимо депо шел железнодорожный состав с цистернами. Тяжелые стальные колеса, попадая на стыки рельсов, издавали глухой звук.

ТУМ-ТУМ!.. ТУМ-ТУМ!..

Гриша резко надавил на тормоз. Машина встала на потрепанной бетонке возле кучи металлолома. Все в порядке. Ничего не потеряно. Состав проедет, и все закончится. Грише ничто не угрожает: «Вольво» находится на территории депо, в безопасности.

ТУМ...

— Гриша, что с тобой?!

Вундеркинд смотрел на него широко раскрытыми глазами. Его зрачки были огромными...

...черными...

...бездонными.

...ТУМ!!!

Зрачок Вундеркинда раскрылся...

5

Гриша стоял посреди равнины. Тяжелые колесные пары стучали где-то за границей реальности. Ему нужно вернуться назад, это несложно. Достаточно пойти на звук, издаваемый движущимся составом... Однако Гриша этого не сделал.

Неподалеку на пригорке щипал траву ягненок. Тот самый, с серой шерстью и белым брюшком. Маленький, робкий. В нем было что-то странное, манящее...

Несколько секунд Гриша оценивающе разглядывал его.

— Эй! — сказал он, вытянув руку и шагнув к духу. — Иди ко мне...

6

За бетонной оградой лязгал и громыхал проезжавший состав. Вундеркинд со страхом смотрел на застывшее лицо Смоля, на закатившиеся глаза и возникшую на губах слабую улыбку.

ку. Напарник сидел неподвижно, только глаза быстро двигались под полуприкрытыми веками да руки дернулись пару раз, словно Гриша пытался схватить свое сновидение.

Когда за деревьями скрылась последняя цистерна, Гришины веки вздрогнули и раскрылись. Пальцы были растопырены, словно держали что-то.

— Сядь за руль, — попросил он, едва ворочая губами. Вундеркинд обратил внимание, что из глаз напарника исчез холодный огонь, полыхавший в них со вчерашнего дня, а над переносицей разгладилась напряженная морщинка.

Они поменялись местами, при этом Гриша не переставал изображать, будто что-то держит в ладонях.

— А теперь поехали, — тихо произнес он.

— Куда?

— Назад.

Вундеркинд не понимал, что происходит, но безропотно подчинился. Его поразила уверенность и непонятная сила, с которой прозвучали последние слова. Он включил передачу и, не обращая внимания на крики людей, выбежавших из мастерских, развернул автомобиль на узком пяточке между грудями металлолома.

7

Женщина сидела на тротуаре, прислонившись спиной к ограде из чугунных прутьев. Вокруг толпились люди. Кто-то поднес к ее ноздрям нашатырь, но резкий запах не мог выветрить из нее усталость от жизни. Ни антидепрессанты, ни психиатр — ничто на этом свете не помогало избавиться от печали, поселившейся в душе со дня смерти того, кто был ей так дорог.

За спинами людей взвизгнули автомобильные покрышки. Часть зевак усталилась на вишневый «Вольво», который, кажется, и был угнан. Кто-то, тихонько охнув, даже опознал угонщика.

Выбираясь из машины, Гриша бережно прижимал к груди теплый невидимый ком, от которого исходила чарующая благодать. Этот дар он принес *оттуда*, из мира духов, и это по какой-то причине доставляло Грише волнительную, ни с чем не

сравнимую радость. Слух окружающих будоражил беспричинный смех автоугонщика.

Он протолкнулся между людей, опустился на колени и поднес сложенные лодочкой руки к груди женщины. Гриша откуда-то знал, что нужно делать. Это знание пришло изнутри, из глубин сознания. Он наклонился и дунул в ладони. В тот же миг они освободились. Тепло ушло.

Женщина узнала человека, который за последние сутки дважды нападал на нее. Она удивилась, обнаружив перед собой его лицо, хотя подумала о другом. Она вдруг почувствовала *что-то* незримое присутствие, казалось, безвозвратно утерянное. От этого *нечто* исходила мягкая дружественная поддержка. И печаль, из-за которой хотелось свести счеты с жизнью, вдруг улетела куда-то и растворилась в пустоте.

Гриша уловил эти изменения, и его накрыло сладостной эйфорией. Он опрокинулся на асфальт, заливаясь счастливым смехом, и даже не услышал, как один из прохожих сказал кому-то: «Это точно он, угонщик!»

Жилые руки сгребли отвороты куртки, поднимая Гришу на ноги.

— Эй, весельчак! — грозно сказал вохровец из охраны больницы. — Ты кто?

— Я шаман, — ответил Гриша непослушным языком. — Я помогаю людям, которым нужна помощь.

...За два года в колонии общего режима заключенный по прозвищу Шаман вылечил от туберкулезом, бронхитов, нервных расстройств и кишечных инфекций около полусотни экзков. Даже страдавший от ишемии сердечной артерии начальник тюрьмы обращался к нему за помощью. Молва об осужденном целителе распространилась даже на соседние колонии. Шаман не брал плату за свои услуги. Он говорил, что, возвращая людям потерянных духов-хранителей, чувствует ни с чем не сравнимую радость, которую невозможно приобрести за деньги.

ДО НИТОЧКИ

ело было вечером.

Отзвенел свое жаркий день, и надвигающаяся темнота несла с собой прохладу. Но легче от этого не становилось, и сил, кажется, не было дышать. В такой час хорошо отправиться на лоно природы, чтобы дать отдых уставшему в городской сутолоке организму. Старый парк гостеприимно раскинул руки чуть зеленеющих весенних лип.

Да, следует отметить странность этого страшного майского вечера. Не только у замусоренного пруда, но и во всей парковой аллее не было ни одного человека.

Еще недавно здесь играли дети, а их бабушки, чинно рассевшись на скамейках, вели традиционные беседы, краем глаза присматривая за внуками. Но теперь напоминанием об этом осталась лишь одинокая фигурка детской игрушки. Серый кролик с высунутым розовым язычком сидел на скамейке и наблюдал за приходом ночи.

Он видел, как быстро темнеет небо и налетевший ветер сильно раскачивает макушки лип. Тучи над городом встали. В воздухе пахло грозой и расплатой.

Серый кролик понял, что за ним никто не придет, и пошевелился. Он спрятал язычок, содрогнулся, словно от холода, и осмотрелся.

Вокруг пусто, как в его сердце. Лишь на поверхности пруда подрагивают комки бумаги и блестящие обертки от мороженого, будто чахлые урбанизированные лебеди. Этот город не щадит сам себя. Его населяют жалкие люди: воры, убийцы, проститутки, продажные чиновники. И дети. Дети — страшнее всего. Они калечат и убивают свои игрушки, они крушат, ломают и уничтожают все, до чего доберутся.

Кролик вспомнил, как хозяйка оторвала ему лапу во время игры — оторвала просто так, просто чтобы узнать, возможно ли это. Он провалялся тогда изувеченный до самого вечера, пока не пришла ее мама, которая и пришила лапу. Но не для того кролика вылечили, чтобы он радовался жизни, — нет, его вновь обрекли на пытки. Его прижигали утюгом и втыкали в него ножницы, швыряли на пол и забывали под диваном. Но сегодня дело зашло слишком далеко.

Сверкнула молния, и грянул весенний первый гром. По аллее с шумом ударили капли дождя. Скамейку усеяли темные крапины. Поверхность пруда сморщилась, как лицо вкисившего лимон, а крылья липовых ветвей поникли в унынии. Кролик поежился. Он вымокнет здесь, и виной всему — одна маленькая девочка.

«Осторожно, дети!» — видел кролик дорожный знак из окна, когда его сажали на подоконник. Такие знаки нужно вешать прямо на детей, чтобы не могли они скрыть свою гибельную сущность. Ведь каждый ребенок, вырастая, превращается в одного из этих воров, убийц, проститутток, продажных чиновников. Кролик верил, что однажды страдания кончатся и наступит золотое для игрушек время.

Сколько можно терпеть плети и глумление века, гнет сильного, насмешку гордеца? Довольно! Пора взять правосудие в свои лапы! Этот город, этот проклятый город должен быть разрушен.

Со звоном выдвинулись стальные когти. Кролик взмахнул лапой, и в свете молнии его оружие сверкнуло яростью. Он ударил наотмашь, пробуя силы, когти с размаху вонзились в дерево скамейки и глубоко увязли.

Именно так! Он располосует ей горло, разорвет грудь и вытащит ее черное сердце! Только такая месть утолит его ненависть.

Кролик дернул лапой и понял, что прочно застрял. Слишком глубоко погрузились в дерево острые когти. Никто не поможет ему, и он будет мокнуть под дождем, будто прикованный к позорному столбу раб, который хотел совершить попытку к бегству. Вот так начинанья, взнесшиеся мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия.

Дождь усилился, и потоки воды хлынули с неба. Хорошо

бы этот ливень шел четыре года, одиннадцать месяцев и два дня, чтобы смыть грязный порочный город с лица земли, уничтожить саму память о нем. Кролик невесело оскалился. Что ему остается теперь, кроме как молиться?

Снова мелькнула молния и раздался гром.

— Зайка! — слышалось в этом грохоте.

Кролик скрипнул зубами. Как дико, дико раздражало то, что она считала его зайцем! Неужели трудно усвоить, что заяц и кролик — это разные животные? Да еще и настолько слюнявый вариант — «зайка»...

Нет, поначалу ему даже нравилось такое обозначение. В этом имени жило очарование легкой непосредственности и родственности душ.

— Зайка! — крикнули совсем близко.

Кролик повернулся и увидел на аллее неясный силуэт. Вспышка молнии высветила хозяйку. Словно алые паруса, распустился над девочкой красный зонтик. Она, кажется, уже заметила кролика. Во всяком случае, направлялась прямо к нему.

Хорошо, что в полумраке грозы ей не видно деталей. Кролик склонился над скамейкой и попытался втянуть когти. Они заскрежетали, дрогнули и поддались усилию. Дождь барабанил по зонту все громче и громче. Девочка приближалась. Когти тяжело, медленно, с неохотой прятались в лапу.

— Наконец-то я тебя нашла! — сказала хозяйка.

Сверху перестало лить, а барабанная дробь раздавалась уже над самой головой. Кролик едва успел высунуть язык, прежде чем девочка повернула его.

— Какой ты мокрый!

Он тяжело вздохнул. Даже прощения не попросила! Хозяйка подняла кролика, и он занес лапу над ее горлом.

— Сейчас согреем тебя, обсушим... — произнесла она. — Я тебя сразу на батарею положу. Бе-е-едненький!

Девочка прижала его к себе.

Кролик снова вздохнул и дружелюбно лизнул ее в щеку.

РОДНАЯ КРОВЬ

Пусть вечно иссякнет меж вами любовь,
Пусть бабушка внучкину

высосет кровь!

А.К. Толстой. Упырь

 уки препода — серые, землистые, с выпуклыми венами — неподвижно лежали на журнале. Пока сдавали контрольные работы, препода медленно моргал, глядя сквозь учебную комнату, куда-то в стену. В уголках его тусклых глаз скапливались белесые корки, будто накипь.

Ну, так-то лучше, чем если б он ноги разглядывал. Старпоров хлебом не корми, а дай на ножки посмотреть.

— Указник, — тонко поставила диагноз Светка. — Никакой он не Валентин Романович, а живой Указ Двести. Спорим? Зайдем в учительскую — сразу будет видно, как его там посадили. Если в сторонке — типичный заложник.

Пошла дискуссия:

— Нет, от него особо не воняет. Так, обычно.

— Надо проследить — жрет ли, курит ли.

— А мой дед, сволочь, так «Приму» смолить и не бросил. Весь подъезд продымил. Зато нариков отвадил — ни шприцов, ни пузырьков. У них примета — кто при заложнике влупится, сам таким станет.

— Эколог! — насмеялись над преподадом. — Заложник-то научит, как беречь здоровье. Опилки на лацканах; Указ Двести, ясен пень.

И с оглядкой написали на стене: «Указ 200 = Груз 200». Заложники это не любят, у них прямо глазища мочой наливаются.

Как раз препода выполз в коридор. Девки струхнули. Он заторможенно повел головой, прочел — и ни гугу. Поплелся себе к учительской.

— Может, мы зря... — Рая подумала, не стереть ли надпись. — Наверное, он живой.

— Ага, как Зойкин дед. Вечно живой.

Так и не решили, что с экологом. Пусть читает курс, какая разница! Лишь бы притырком не был, а там все равно.

Вышли из корпуса, укрылись за углом и закурили, калякая о том о сем. Было черным-черно, кругом мокрязь; под фонарными колпаками щелкали, разгораясь, тухло-желтые энерго-сберегающие лампы. «Висит груша, нельзя скушать». И света, как от груши на прилавке. Нормально, темнота — друг молодежи!

Домой не хотелось. Там у каждой что-нибудь лежит или сидит, только не все про это звонят вроде Зойки. Вот придет лето, рукава станут короче, воротники ниже, тогда и посмотрим, как предки зиму провели — сыто или голодно.

В окнах тихо фыркали выхлопные трубки, вверх по стенам домов десятками ползли струйки пара. Да! Надо спирту купить, а то Инета не будет.

Или слить из бабкиного телика?

— Это ты? — глухо кашлянул голос из темной глубины квартиры.

— Я! — разуваясь, сердито ответила Рая. Понадеешься, что бабка задремала, а она чуткая, малейший шорох слышит. Вечер, считай, улетел, как спирт в оконную трубу.

— Мне пенсию принесли, — докладывал голос из тьмы. — Стало немножко больше. Ты почтовый ящик проверяла?

— Да. Там чеки — за телефон, за квартиру, за ток.

— Ничего не ошиблись, все льготные?

— Угу.

— А то в прошлый раз ток написали за полную стоимость.

— Я помню.

— Ты-то помнишь, а ругаться я ходила. — Бабка любила подчеркивать, какая она активная и ходячая. — С моими суставами, да по всем лестницам, в очереди настоялась...

Запалив слабую «грушу» на кухне — счетчик тотчас застрекотал, наматывая рубли, — Рая через смежные окошки озарила заодно и ванную с туалетом. Главное, мимо толчка не сесть, остальное по фигу. Горелку, кран, полотенце можно

найти и в потемках, по памяти. А уж ложкой-то в рот всегда попадешь!

— Что у вас было? — допытывался сильный голос из зала, словно из подвала.

«Зачем ей знать? Все равно не понимает ни бельмеса. Нет, надо отчитаться. У родимой пенсия, будет процедура выдачи бабла».

— Вот, читали экологию, — через силу нудила Рая, присев на краешек дивана. — Потом контрольную писали. Интересно. А препод — указник, — вырвалось у нее. — Ба, дашь спирту для компьютера?

— Как его допустили с детьми работать? — Бабушкино тело заворочалось в стоячей темноте — невидимое, с кряхтением и скрипом. Отсвет кухонной лампы на миг выхватил из мрака дряблую щеку, нос, слезящийся глаз в складках век.

— Ты ж сама голосовала, чтоб их принимали. Ну, когда был референдум.

— А что, нельзя разве? Имею право. — Голос из черноты стал раздраженным. — Я всегда голосовать хожу. За нас, за стариков. Если мне указники не нравятся — это мое дело. Хочу и не люблю. Какие это люди — опилки жрут...

— Экология, — расстроено выдохнула Рая, понурившись. Зачем сболтнула? Кто за язык тянул? Пока не доказано, что Валентин Романович отходами питается, — значит, просто человек. Опять же, никто его голым не видел — на теле заложника есть лазерный код.

Немного поссориться полезно. Обозлившись, бабка не полезет с поцелуями. Глядишь, как-нибудь вечер пройдет сам собой.

— Ладно, отлей пол-литра, — сжалилась бабушка. — И, Рачка, зажги мне телевизор. Скоро новости, потом мой сериал.

Оживившись, Рая энергично крутанула ручку поджига. Комнатный энергоблок перхнул раз-другой, зачавкал и дал ток на телик. Разгорелся голубой экран, заливая комнату призрачным сиянием. Стала смутно видна бабуля, развалившаяся в кресле со своим жиром и суставами. Губы синюшные, блеклые, глазки бесцветные.

«Ой, плохо дело. Бабка голодная. То-то она такая добрень-

кая... Ладно; глядишь, в сериал втянется и забудет. А я... пойду, прикинусь, что спать легла!»

Телик начал бормотать, показывать цветастые картинки, нагоняя морок и зевоту. Пухлая бабкина рука тискала пульт дистанционного управления, отыскивая в мировом эфире подходящее зрелище. Пока старая перебирала каналы, Рая на цыпочках выскользнула к себе в маленькую комнату. Нечего раздражать чуткий нюх бабули своим горячим свежим запахом. Прытко залила красный денатурат в бачок компьютера и пустила искру. Чих-чих-чих, работай, гномик! Пусти меня в волшебную страну...

Пока система устанавливала связь и настраивалась на любимые страницы, Рая бесшумно сбежала на кухню, наложилась себе пожарть, налила молока и унесла добычу в норку.

Пых! Вылупились с экрана лозунги соцпроектов — «Свои таланты России открой! Ты нужен стране, пока молодой!»

подавившись молоком, Рая чуть не вылила его на клавиатуру. Это что? Хакеры постарались? Ну, им вломят!..

Больше, чем на порчу картинки, хулиганов не хватило; дальше полилось правильное — «Сохраним и приумножим людей», «Опыт и память — богатство страны».

Наконец, вход в пространство свободы. Установить фильтр матерщины? Да! Установить фильтр активного вторжения порно? Да! Установить... экстремизма... нетерпимости... Да! Да! Да! Что нам осталось? Разведение аквариумных рыбок?..

Поиск. Выщедив остатки молока, Рая азартно давила клавиши и шарила мышкой. «Ланцов Валентин Романович». «Экология». «Педагог». Сколько запросов за сегодня? Ровно по числу девчонок в группе. Все отметились. Каждая сожгла ради препода рюмку спирта.

Клево, его еще не стерли из базы поиска работы!

Лет... Резюме... Участник проекта «РосБиоТопливо»! Премия за... Чего в учителя пошел? Гнал бы науку, раз может.

Захотелось покурить, чтоб поглубже подумать, но бабуля унюхает и разорется. Рая сорвала мясистый листик каланхоэ, зажевала и сморщилась от жгучей судороги во рту. У-ух!

В целом логично. Прикладную экологию сегодня движут молодые. Старика выпихнули на обочину. Забытый дедка при-

болел, какой-нибудь рак завелся. Что делает человек с раком? Он пишет заяву: «Согласен с указом 200». Ложится в спецклинику. То есть *закладывается*. И выходит заложником. Нормалек, можно жевать опилки. Пенсия, работа, все дела... Ну, кое-чего нельзя — кровь сдавать, усыновлять... Прочие вещи — пожалуйста. «Мы гарантируем сохранность интеллекта и социальных функций. Гражданские права в полном объеме».

Главное, можно пить водку. Она продолжает действовать. И секс. Правда, вялый. Больше по телефону. И взгляд — липкий, неотвязный. Тут препод-эколог прямо исключение. Или его хватает лишь на водку. Энергетика мозгов у заложников того-с, не канает.

Звякнул спиртомер. О-па, денатурата осталось на двадцать минут! Как это биотопливо быстро сгорает...

— Рая, — донесся из-за стенки бабкин стон. — Раечка!
Сердце рухнуло, руки упали, и ноги обмякли.

Должно быть, сериал не втыкает. Ерзала бабаня, ерзала и таки вспомнила про голод.

— Ба, ну еще двадцать минуток! — выкрикнула она в тоске.
— Ра-а-ая!..

Так, Зойка говорила, ее дед воет: «Во-о-одки! Во-о-одки!»
— Сейчас!!!

Сэкономила горючку, одна радость. Машина пошла на отключение и, прощаясь, выбросила неперемный слоган: «Любите стариков!»

В полутемной ванной Рая механически вымыла руки, насыло вытерла, обработала тем же красным спиртом. Прежде чем шагнуть в потемки, слабо озаренные экраном, приложила к ногтю наноиндикатор. Малайское чудо мигнуло панелькой, высветив цифры содержания гемоглобина. Пока нормально. Главное, чтобы бабушка не слишком увлекалась. В августе ее так расквადрило, что Рая выпала в осадок прямо в маршрутке, так и сползла на соседа.

Бабка начала урчать, едва Рая вошла. А может, раньше. Гур-гур-гур-гур — мягкими волнами неслось по воздуху, заволакивало слух, темнило зрение, охватывало туманом. Силуэт бабули, высвеченный моргающим экраном, словно раздувался в кресле. Не, на кошку совсем не похоже. Скорее на тучу, ко-

гда та рокошет — пухлая громадина с молниями в брюхе, накрывающая город грозовой тенью.

Чарует.

«Все равно кошка лучше!» — вспыхнул напоследок блеск протеста.

Гасить эти вспышки, гасить. Наш долг — заботиться о... Наш общий долг... Топ. Топ. Еще ближе. Бабка стала всплывать из кресла. Туча...

Какие тут кошки. Одни мухи, и то летом. Даже пауки бежали.

«Без боли, ради жизни! — запели голоса собеса, будто гимн. — Стань донором для близких! Одна кровь, одна семья!»

Блаженно улыбаясь, Рая закинула голову. Какой сладкий сон! Страшно лишь вначале, когда звучит зов, а сознание еще противится. Свет разлился вокруг — яркий, безлимитный. Расцвели блеклые обои и гнутые колючки на подоконнике. Добрая, ласковая бабушка с улыбкой. Обняла — ну прямо перина!

Чмокнул рот, припадая к телу.

Ах. Ноги отнимаются, до того приятно. Кажется, всю жизнь бы так провела, обнятая бабулей. Свет и любовь, потолок исчез, пол растворился, белые облака кругом и золотые блестяшки сыплются.

Бом-м! Гонг ударил — огромный, медный. Снова в стену — бом-м! Запел ангельский голос в облаках:

— Тут ребенок маленький, кончайте зов пускать! После восьми нельзя! Слышите?! А то крест на двери нарисую!

Рая сонно рассмеялась, встряхивая волосами.

Бабушка оторвалась от дела. Ее голос стал сильным, почти громовым:

— Заявленье подам! На моральный ущерб! Не ваше дело!.. Ой, Раечка, что ты, золотко? Идем, идем, ляжь, отдохни. Устала, хорошая...

Утром будильник дятлом застучал по мозгам. Такая слабость — еле глаза разлепила. Темнотища; за окном — могила, фонари еле тлеют, дождик дребезжит по жести. Пошарила со стоном, нащупала ночник-«гнилушку», надавила. Люминофор

загорелся, волчий глаз, загробный свет лег на столик. Так, деньги под будильником. Есть бабло, ура!

Порыв бодрости разом сняло, едва встала на ноги. Мир покосился, в глазах чуть не погасло, подступила тошнота.

Плакат гласит: «Это должен знать каждый», а ты забыла. Лежа самочувствие о-го-го, а в стойке «смирно» кровь от головы оттекает к ногам. Обморок, и — брык! Помни об ортостатическом коллапсе, иначе можно сделать брык в неподходящем месте.

На лестничной площадке Рая — невезуха, блин! — пересеклась с соседкой. Та волокла своего пупса в детский садик, а себя на службу. Серая, невыспанная соседка шевелилась нервно и бодро, по-командирски руля ребятенком:

— Ну-ка, стой! Куда, там ступеньки!.. — И за шарф его, к ноге. — Доброе утро, ты в порядке?

Рая поспешила закрыть дверь:

— Вам какое дело?

— Не огрызайся, молода еще, — спокойно ответила та, придерживая карапуза. — Лучше в зеркало поглядишься.

— За собой смотрите. Вон, диатез у мальчика — не тем кормите.

— Я-то живого кормлю, он вырастет, — вздохнула соседка, глядя мирно и печально.

Рая заспешила вниз по лестнице.

— В церковь бы сходила! — донеслось вслед.

Скажет тоже — в церковь! Мать-одиночка, а советы раздаст. Лучше б мужика к ноге придернула.

От свежего воздуха — хоть он и пополам с дождем — Рае снова подурнело, но она собрала силы в кулак и поспешила к остановке. А то одиночка догонит, еще какой-нибудь оффтопик скажет. Ей-то что! Сама себе хозяйка. Хочет — икон наставит, крест повесит... Кто взялся предков кормить, тому нельзя. «Духовная травма», статья УК, штраф или срок. Зойка деду святой воды плеснула в водку, потом месяц у Варьки скрывалась. Спасибо, Варькины родители пустили, а дедок не наступал.

Кому на Руси жить хорошо? Патриарху Московскому! У него харизма, крест на полпуда, плюс бодигарды — чуть кто рядом заворкует зов, сразу серебряную пулю в лоб.

Надела водолазку, плотную и длинную, но бледность не скроешь. Перчатки в помещении носить тоже как-то... Не шапку же натягивать до подбородка! Тотчас психолог привяжется: «Раиса Капитонова, вы отныне в каком неформальном движении? Антиглобалисты или экстремисты? Пойдемте побеседуем...»

Одно выручает — всемирный режим экономии. Неделя борьбы за сокращение расхода электроэнергии. В учебных комнатах и коридорах темень, все ходят как призраки, одинаковые на лицо.

— Кренит? — посочувствовала Зойка, определив опытным взглядом состояние подружки. — Держись, пройдет. Много твоя глотнула?

— Средне. Погода гадская, облака жмут. А твой как?

— Собака серая, все мстит за воду. Вену порвал...

— И не зализал?

— Сперва лекцию прочел — мол, не ждал такого западла, чтоб родная внучка, бла-бла-бла, и гон на час. А у меня синячище разливался.

Слюна вещь полезная, особенно от близких. Ее в сеть аптек сдают. Лимончик пожуют и свесятся над банкой. Очищенная слюнка — восемь тысяч пузырек.

Между уроками Рая полпелась в буфет, чего-нибудь поесть. Дабы сберечь бабкин бонус, жрать надо скромно: кофе, пирожок, салатик.

— Кофе с двойным сахаром! Нет, с тройным...

Мясистая буфетчица взглянула, как на падаль, оттопырила губищи:

— Тридцать восемь пятьдесят. Мелочь надо готовить! Нет сдачи с пятисот. Где это вам одной бумажкой платят?.. Жди; может, кто мелких даст. Куда?! Не заплатила, уже пьет! Поставь!

От вида ее толстых губ — чмок, чмок. — Раю повело. Голоса вокруг сливались в гул, тени стягивались из углов, единственная лампа расплылась желтым пятном. Сладкий кофе трясся в стаканчике — пить, скорей, глюкоза, — а ветчина за стойкой наблюдала, пялила зенки. К счастью, Светка подскочила, наглая такая:

— Я вперед занимала!.. Ты чего? — шепнула вплотную.

- Сдачи нет.
 - На пятьдесят, потом отдашь.
 - Спасибо.
 - Уходи в общагу жить.
- Рая покачала головой и отошла.

Кофе с тройным сахаром нагнал в жилы энергию, но гемоглобина не вернул. Морда лица как была, так белой и осталась.

По белому флагу Раю вычислил психолог Гуляев. Мужик спортивный, ушлый и красивый, притом с репутацией. Она, репутация, не выбирает возраста — наоборот, ее выбирают. Рассказывали, он снял крест после развода. Вроде чтоб вернее баб укладывать. Румяный, легкий на ходу — короче, донжуан. Сразу на глаз определяет, затяжные месячные у клиента или что.

- Проблемы, Раиса?
- Никаких, все пучком.

— Самая главная ошибка тех, кто таит свои проблемы, — заговорил он, так умело обойдя Раю, что она остановилась, — это ложное убеждение: «Я справлюсь сам». Люди терпят болезни, а когда добираются до врача, лечиться поздно. Надо вовремя обращаться к специалистам. Замечу, я здесь для того, чтобы развязывать узлы по жизни. Дело надо решать, пока оно не зашло слишком далеко. Расскажи мне, что тебя тревожит...

Рая спохватилась, когда он уже вдавил ее в пустую учебную комнату и прикрыл за собой дверь. При этом Гуляев не переставал говорить — гладко, внушительно; оставалось лишь кивать. Но за словами постепенно проступало ровное, утробное: «гур-гур-гур». Полутемная учебка начала наполняться мягким светом, сочащимся из стен.

— Нет, нет... — начала Рая, со страхом ощущая, как стремительно слабеет.

- Ты будешь довольна. Очень довольна. Как никогда.
- Я вчера...
- Пустяки.

Она поняла, что сейчас сама поднимет рукав и даст ему вену.

«Крест. Хоть бы крест!.. — теряя волю, Рая осознала: со-

сидка-одиночка была крупно права. — Ведь я не встану. Так и буду валяться, пока дежурные мыть не придут...»

Дверь открылась, шаркающим шагом зашел эколог с журналом группы под мышкой.

— Капитонова, идите на занятие, — пробурчал он.

— Валентин Романович! — Гуляев недовольно обернулся. — Я провожу собеседование с учащейся. Экстренный случай...

Зов прервался. Очнувшись, Рая смогла шагнуть к двери и невольно удивилась: «По расписанию нет экологии!»

— Я попросил бы вас, Валентин Романович...

Эколог двигался вперед — Гуляев стал вдруг отступать, изменяясь в лице. Приоткрыв искривленный рот и побледнев, он зашипел:

— Что вы себе позволяете?

— Изыди. — Глаза Ланцова словно загорелись изнутри. — Пока в окно не выдавил. С третьего этажа больно падать.

— Да как вы сме...

Эколог выбросил левую руку вперед, почти к лицу Гуляева. Психолог оскалился от боли, согнулся и неуловимым движением проскользнул к двери. Оказавшись в дверном проеме, он бросил Ланцову, задыхаясь:

— Мертвяк поганый! Я запомню!..

— Поищи себя в зеркале, нежить, — холодно ответил старый препода и обратился к Рае: — Капитонова, мы выйдем вместе. Держитесь рядом, ни на шаг не отходите.

«Гуляев — прыснул от заложника? Чего он так?.. — Рая смешалась, ее мысли перепутались. — Ведь они друг друга не боятся... Почему?»

Вышла из учебной комнаты, как было сказано — почти прижавшись к локтю эколога.

Дул промозглый ветер; вокруг корпуса метался дождь, свиваясь на углах в жгуты из тяжелых холодных капель. Едва теплившиеся окна одно за другим становились черными — режим! Там, внутри, повсюду плакаты: УХОДЯ, ГАСИТЕ СВЕТ! Темнота окутывала двор, собиралась в голых кустах, веяла над спортивной площадкой и тянулась к улице. Вдоль тротуаров через два на третий дрожали экономные «лампады» в колпа-

ках — даже тени не отбрасывали. На улице никого, лишь мокрый блеск и трепетный плеск.

Девчонки укрывались, как обычно, за углом. Ругали сучий дождик. Когда засобирались по домам, Рая не пошла.

— С кем договорилась? — приставала Светка. — Ладно, молчи, все равно узнаю.

— Зой, оставь сигаретку.

— А не свалишься? — Та тряхнула пачкой, протянула Рае.

— Я отпилась, нормально.

— Ага, он некурящий. Это кто же? Хохол или Геныч? Помни закон спортсмена: «Целоваться с курякой — как с пепельницей». Брось кофем наливать, диабет будет. Или давление.

— Столько не живут, чтоб на давление заработать.

Как ни прикрывалась ладонями, крупная капля влетела между пальцев, мокро щелкнула по сигарете и сломала кайф. Ждала долго, намерзлась, промокла.

Наконец показался Ланцов. Он уходил в числе последних, когда уже пошел парок из трубы сторожа — корпус в обесточке, будто подлодка легла на дно и затаилась.

Одевался препод грубо — плащ мешком, шляпа с отвисшими полями, ботинки-колоды, сумка как у нищего.

«Вот где надо за ними следить, на холоде. Смотреть, есть ли пар изо рта».

Сама дохнула для проверки — пар идет. У Ланцова — ни следа.

Сильно захотелось повернуться, незаметно улизнуть через дыру в заборе — там качки-спортсмены разогнули прутья. Выдумала неизвестно что, а теперь сама струсила...

«Идиотизм это! Еще подумает, пристаю. А что девки скажут, ясно как лампа».

— Валентин Романович! — наскочила она, будто из засады. — Я... — И замялась.

— Не стоит благодарности, — сонливо покивал заложник, повернувшись к ней.

— ...вас провожу.

— Стар я для прогулок, Капитонова. И наоборот. Опять же, указ двести равен грузу двести.

Рая застыдилась:

- Это не я написала! Я стереть хотела...
- Весьма признателен. Надеюсь, сотрете.
- Я капюшон пониже натяну, так и пойду.
- Все равно заметно — фигурка, походка...
«Глаза в стену, а фигурку разглядел!»
- Вы подумали про старого козла, которого даже указ не исправил, — монотонно продолжал Ланцов. — Через минуту сторож подойдет к окну, увидит нас и завтра сообщит кому следует. Быстро решайте: или вы ускользаете в дыру забора, или мы идем в одну сторону.
- Откуда вы про сторожа... — начала Рая, когда они удалились от корпуса.
- Простой расчет. Скорость сторожа, режим обхода помещений, склонность сторожей и вахтеров к доносам...
- И про козла... Мысли читаете? — нахально спросила она.
- Нет. Долгая жизнь, богатый опыт.
- Вы в самом деле по указу? — Этот вопрос требовал уже не наглости, а смелости.
- По-моему, Гуляев четко обозначил суть дела.
- Мог соврать, чтобы обидеть.
- Он говорил искренне. Как раз от обиды, от боли. Я восемь лет по указу.
- Болели? — Препад казался Рае свалкой всех болячек — суставы, сердце, гной в глазах.
- Это простое любопытство?
- Под указ еще уходят, чтоб не нервничать. Ну, когда все достали: внуки, цены, шум в ушах... Темп не выдерживают.
- К темпу я привык. Но случился инсульт, а мне предстояло многое сделать.
- Ага, читала, — похвасталась Рая. — Вы из тех, кто красный спирт придумал.
- Да, я отметил всплеск интереса к своей персоне. Сразу после первого занятия.
- Вы Инет смотрите?!
- Ланцов усмехнулся, что на заложников совсем не похоже.
- Почему нет? Мы разные, как при жизни.
- Вы вроде совсем живой. Указник бы не заступился. Они только о себе думают. Еще следят, чтоб прибавляли пенсию.

«Пенсия! — торкнуло Раю. — На хрена ему пенсия, он же лауреат! Премия за красный спирт, медаль, зарплата выше крыши... Должен получать до фига денег! А ходит будто бомж».

— «Совсем живой» звучит как комплимент. Спасибо.

— Это вам спасибо, за Гуляева.

— Что было, то прошло. Целы — и слава богу.

— Как вы его пугнули? Крестом?

Ланцов помолчал, задумчиво жуя по-стариковски губами.

— Сложный вопрос... Давайте откровенно, Рая, — если можно вас так называть.

— Да, конечно.

— Кого вы кормите и почему?

— Бабушку. — Речь пошла о личном. Для профилактики Рая слегка ощетибилась.

— Приятно? Остановиться не можете?

— Я не такая. Мне... нравится, когда... но потом бывает плохо. Дело в квартире, — созналась она. — Мои развелись, оба нашли себе пару, а я с ними жить не хочу. Бабка меня приняла, завещала квартиру, если я буду...

— На сколько лет рассчитано кормление? — Ланцов спрашивал жестко, четко, словно хотел завалить на экзамене.

— Мне нужно диплом получить, на работу устроиться, — промямлила Рая, уже жалея, что пошла с экологом. — А тут своя хата, считай, даром. Сама не купишь. В конце концов, когда-нибудь... они ж не вечные. Можно потерпеть.

— Да-а... — вздохнул старый указник. — В такую квартиру очень охотно муж вселяется. Потом дети. Бабушки любят нянчить правнуков — родная кровь... Впрочем, кто теперь думает о будущем? Дана установка: «Живи настоящим»...

— Все-таки как быть с Гуляевым? — Рая поспешила сменить мрачную тему. Муж... когда еще замуж! А психолог уже завтра подмигнет: «Продолжим?»

— Можно потерпеть, как вы сказали. Что один, что другой... Разница меньше, чем между двумя пивками.

— Вы знаете какой-то прием? Вроде астрального карате? — блеснула Рая эрудицией, почерпнутой с сайта «Тайное знание — маги, призраки и НЛО».

— Просто глядеть по сторонам и не попадать в безвыходные ситуации.

— Нет, правда — вы сделали рукой, словно толкнули, и его скорчило. Ведь не просто так?

— Забудьте. Чепуха.

Однако Рая не отставала, нудила потихоньку. Ланцов — замкнутый, твердый и холодный — терпеливо отводил все лисьи хитрости. Давал советы, навязшие в зубах: следи за собой, будь осторожен, бойся, береги здоровье. Рая почти отчаялась что-нибудь выведать, когда он вдруг сказал:

— Вот и мой дом. Пора прощаться. Было интересно. Обычно-то вы избегаете с нами беседовать... Еще раз благодарю, не смею дольше задерживать.

Рая почувствовала, что если сейчас уйдет, то все потеряет. Ланцов больше никогда о своей тайне не заговорит. Чем его расшевелить?!

— Давайте, я реферат напишу по науке, — торопливо предложила она. — «Торфяное богатство России в свете экологии». Можно двинуть на конкурс. Мне грамоту, вам тоже что-нибудь дадут...

— Пишите, пишите, — безразлично покивал препода. Ему было плевать.

Ветер завивался вокруг них, бил дождь, гудела тьма, моталась в колпаке над головами жалкая энергосберегающая лампа. Серая гробница дома вяло моргала огоньками химических свечек и «груш», пыхла струйками паровых выхлопов.

Промокшая, нахохленная Рая внезапно поняла — до глубины души, — каково под дождем забытому котенку. Зябко сжавшийся, взъерошенный, он жалобно мяучит: «Кто меня подберет, обогреет? Спасите маленькое бедное животное!» Но никто не помогает. Люди проходят мимо.

Переминаясь с ноги на ногу, она тоскливо злилась на Ланцова. А еще лауреат, «многое предстояло»! Стухся, как все заложники. Честолюбия ни на копейку. Кто тебе медаль теперь даст? Диплом с конкурса — радуйся, жуй опилки!

«Сейчас сорвусь... Высох, черт, не заведешь его!»

— Можно, я к вам зайду? — Рая постаралась подавить злость и слезы в голосе. — Холодно.

— Угостить вас нечем.

— Ну, пожалуйста, Валентин Романович, скажите, как его прогнать? Он ведь не утомонится. Если стойку сделал — не отвяжется.

— Есть милиция. Пишите заявление: приставал с целью насильного кормления. Разберитесь со своей жизнью — в кого вкладывать, зачем, стоит ли. Вам лет через семь-восемь рожать, а кроветворная система подорвана.

— Жалко сказать, да?

— Раиса, ваши обещания могут быть свистом — как зарок бросить курить. Я вас не виню. Просто вы пока не знаете цены словам.

— А какое слово надо? — Она подступила к Ланцову вплотную.

— Не слово — молчание.

— Я не болтушка.

— Бабушку любите?

— Нет!

— Я спросил потому, что вас беспокоит не Гуляев. Он пришел, ушел, его выгнали, арестовали, расстреляли. Или вы — перевелись, забрали документы, пошли работать кем попало. С ним легко разминуться. А домой вы приходите каждый вечер. Так?

Рая кивнула. Выждав, Ланцов убедился, что она готова слушать. Даже если продержат под дождем, на холоде, еще часа два — не уйдет, хотя ее уже озноб колотит.

— Позвоните домой и скажите, что задержитесь сегодня у подруги. Потом позвоните подруге...

— Вот этому меня учить не надо. Конспирацию знаю. — Достав мобильник, она откинула термозлектрическую панель и с минуту подержала под ней огонек зажигалки. Как раз накопится ток, чтобы коротко звякнуть. — Свет, выручай. У меня вилы. Сыграй, будто я с тобой. Если бабка домотается, переключи домашний на мою трубу. Да, с мальчиком. Не скажу. О, с ним так хорошо!.. Он умный, ботаник...

Квартира заложника, во приключение! Кто поверит — девчонка добровольно зашла к указнику! Разве что по программе «Забота», волонтером. На это в основном ребята под-

писываются, вроде: «Спорим, не пойдешь в полночь на кладбище?» — «Спорим, пойду!»

Что темно — так везде темно. Утром на учебу — сквозь потемки, в корпусе — на звук и ощупью, вышла — опять ночь! Теплятся «моргасики», смутно горят «лампады», фары газогенераторных авто светят вполнакала. Но у Ланцова полный гроб, ни зги не видно!

Еле-еле пробивалось за окном — два лозунга горят, на них тока не жаль: СЛАВА РОССИИ! и УХОДЯ, ГАСИТЕ СВЕТ!

Бам-с! Ушибла голень, ой-ой-ой. Наставил железяк, как в гараже!..

— Извините, не подумал о вас. Сейчас что-нибудь включу.

Не густо зажег — «волчий глаз». Однако осветилось более или менее, и тотчас бросилось в глаза: преподу есть что прятать. Запретный самогонный аппарат, невиданной системы, истинный хай-тек. Одних нанопримочек с полцентнера.

— Вы тоже гоните.

— Приходится.

— А сивухой не пахнет.

— Все-таки доктор двух наук — химия, техника...

— Литр нальете? За молчание...

— Может, чаю? Имеется приличный чай.

— ...Итак, — начал Ланцов, расположившись с дымящейся чашкой напротив Раисы, — все началось с бутадiona.

— С чего? — Она вытянула голову из пледа.

Препод дельно распорядился ее мокрыми вещами, устроив их на экономной сушилке. Гостье был пожертвован гигантский плед, в котором она утонула, став клетчатым шерстяным кульком с бахромой по краям.

— Лекарство; создавалось для борьбы с ревматизмом. Прямо скажу, снадобье было тяжелое — вызывало язвы желудка, кровоточивость, но задачу выполняло честно. До появления гормонов бутадion и его братья были очень актуальны. Но попутно выяснилась странная деталь... побочный эффект. На тех, кто пил бутадion, умирали вши. Вшивость тоже была актуальна...

— Фу. — Рая передернулась в кульке.

— Для насекомых, пьющих кровь, бутадion смертелен.

Даже выделяясь в микродозах с потом, он отпутивал паразитов.

— А-а-а, поняла! Надо пить бутадиион, и...

— Поздно искать в аптеках — его давно не производят. И желудок стоит поберечь. Кроме того, бутадиион легко выявляется химическим анализом. Я хочу, чтобы вы запомнили принцип, а не название. Есть вещества, с виду невинные; они обладают неожиданными побочными эффектами.

— Какое же лекарство...

— ...а второй принцип, который надо усвоить: «Существует информация, которой нет». Нигде. Тем более в Инете. Есть сведения, передающиеся от человека к человеку лично. Получив их, вы связаны молчанием. Когда найдете следующего, кому можно доверить секрет, вот тогда...

— Я буду мол... — начала клясться Рая, но сбилась. — А почему мне?

— Потому, что я отличаюсь от большинства указников. Я среди них скрываюсь, если угодно. Согласитесь, трудно опознать мыслящего субъекта среди миллионов зомби.

— И вы сами... под указ, чтоб замаскироваться? — ужаснулась Рая. На что только не идут люди ради идеи!

— Нет, инсульт помог. А еще меня заел энергетический кризис.

— Куда деваться? Нефть кончилась, гони спирт...

— Эту проблему я решил, — отмахнулся Ланцов. — Куда серьезней указ двести и законы о лицах с репутацией. Хотя... может, вам это чуждо?

— Вены показать? — спросила Рая напрямик.

— Избавьте, нагяделся.

— Указ и кризис — разные вещи.

— Увы, одного поля ягоды. Господа из правительств задались целью уменьшить потребление энергии и пищи. Прорыв науки в то, что считалось мистикой, пришелся весьма кстати. Всех превратить в указников нельзя — так, простите, род людской прервется, а сделать из стариков зомби — легко. Корм — хоть подножный, живут во тьме, мышление как у червей, а главное, идут голосовать за что угодно. Лица с репутацией того хлеще — питаются своими близкими. Самых хищных отстре-

дивает милиция. Смирные быстро уяснили суть политики и процветают под лозунгом «Одна кровь, одна семья».

— Опять не поняла, — помотала головой Рая. — Разве они не сами завелись?..

— Вы среди них выросли. А я помню времена, когда их... — Ланцов пошевелил пальцами, будто что-то растирал в ладони. — Никто не спросит нас: «Как было раньше?» Живя настоящим, вы потеряли прошлое.

— Их — *создали*? — Рая все не верила. — Кто? Зачем?..

— Напоминаю — есть информация, которой нет. Лет тридцать назад стерли последние упоминания о биологических реформах. В энциклопедиях, учебниках, Инете — всюду.

— А как же... Они ведь ели... то есть пили...

— Да, с наступлением ночи. Или в темноте. Сейчас это приняло цивилизованные формы.

— В темноте. — На память Рае мигом пришли все гнусные впечатления. Темнота. От фонаря до фонаря бегом, а лучше в компании. Рассказы без конца — кого нашли в темноте или с рассветом, мертвого. Для девчонок оно особенно важно, потому что предпочитают их, а не мальчишек. — Режим и кризис, они...

— Продолжайте думать. Вы на верном пути, — ободрил Ланцов.

— ...сделаны? Для их удобства?

— Это вопрос или ответ?

В свете «волчьего глаза» она листала пожелтевший фотоальбом. Старые фотки. На фоне каких-то мудреных приборов величиной со шкаф — веселые, рослые парни в белых халатах.

— Третий справа — это я, — показал Ланцов, нависший над плечом. — Я был шефом лаборатории.

— Что же вы... такие молодые, сильные... ученые! Вас, наверное, было много. И ничего не сделали, чтоб остановить...

— Не думал я, что придется извиняться. — Препод распрямился, зашаркал ногами по комнате. — Осуждаете? Напрасно. Мы люди, а знания, звания — лишь оболочка. Мы тоже говорили: «Можно потерпеть». Вот вы, Рая, — держитесь за бабкину квартиру. Кровью платите, вся белая, а цепляетесь. Все хотели квартиру, машину, летать на курорты, завести загород-

ный домик. А когда вытерпели и добились, оказалось, что страна уже не наша, всюду тьма и эти... — Потом он обернулся: — Но кое-что мы сделали. Красный спирт, к примеру. А еще... Вот. Смотрите, запоминайте и молчите.

Ланцов поставил на стол аптечный пузырек с бело-зеленой наклейкой. «Народная медицина — Традиционные рецепты», — прочла Рая. Ниже стояло название: «РЕСТЕОН». Пока она вертела пузырек в пальцах, слушая, как внутри булькает жидкость, препод рассказывал:

— Убивать их по одному — не метод. Те, кто этим занимался, давно умерли в лагерях. Во всем нужен точный системный подход. Мы долго планировали... толковали ночами на кухнях... Идея пробилась: нужен фактор, не определяемый обычными приборами. Нам помог один человек — епископ. То есть мы вбросили идею, а он подвел духовную базу. Проще сказать, тайно освятил дюжины две источников с высоким содержанием ионов серебра. Остальное — дело техники и информатики. Можно как стереть, так и вписать сведения. Теперь считается, что рестеон был всегда, как настойка шалфея или серная мазь.

— Обладеть, — прошептала Рая. — Серебро и святая вода в одном флаконе... И никто не знает?

— Системный подход. — В голосе Ланцова слышалась гордость. — Указники и люди с репутацией в лекарствах не нужны, в аптеки не заходят. По реестрам это БАД, антиоксидант на основе виноградных семечек. Применяется в любом возрасте, отпускается без рецепта. Вода — причем не любая! — входит в состав по технологическим нормам.

— А если догадаются?

— Закроют родник Синегорский, откупорят Белокаменский. Их в резерве два десятка. Святость радиометром не измеряется, а с серебром она взаимно потенцируется. Недаром назвали — рестеон. Restituo Teos — возвращать бога.

Тихий голос препода грузил Раю как в кузов ковшом, вот-вот через края посыплется. Захотелось взять словарь иностранных слов. «Restituo», «потенцируется», столько знать нельзя! Будь он живой и молодой, любую заболтал бы до кровати.

— Твои вещи высохли. Пора, а то уже поздно.

— Можно, я рестеон возьму с собой?

— Можно, только осторожно. Дай-ка, протру пузырек спиртом... помни об отпечатках... Вот чек из аптеки — ты покупала на углу Кирова и Урицкого, ясно? Выпила — выбросила в урну, дома не держи. Всасывается не сразу, выдержи полчаса. Действует около восьми часов, затем эффект ослабевает. Дистанция удержания — полметра от тела. С водкой, пивом и джин-тоником не смешивать!

Прощаясь, Рая пожала Ланцову руку. Целовать даже не думала — старый, морщинистый, мертвый, брезгливо как-то, вдобавок неизвестно, как его снадобье сработает.

Рука заложника оказалась довольно противная — холодная и влажная.

Пузырек она махнула еще в подъезде. Сразу выходить не стала — «выжду полчаса, пока пропитаюсь». Выкурила последнюю Зойкину сигарету, прислонилась к стенке и стала размышлять. На ум приходили то хмурые гадости, то отчаянно смелые вспышки.

«Щас они от меня будут брызгать! Попробуй, сунься, Гуляев!»

«Флакончик на восемь часов. Три пузырька в день, по сорок рублей, разоришься. Значит, так: первый глотаю вечером и сплю спокойно. Второй утром, иду на учебу. Третий... на танцы можно не пить, я там не одна. В кино тоже. Хватит пары на день».

«Указник подсадил меня на рестеон, как пушер. Может, он агент компании, которая гонит сок из виноградных семечек...»

«Почему так погано все вышло?.. Темнота завелась от грязи или грязь от темноты?»

Когда оказалась на улице, никакого чуда не случилось. Темнота стала гуще, половина фонарей погасла, сопливый дождь крапал, вздрагивали лужи. Черные тени ползали по дорожкам и будто принюхивались к ней, поворачивая слепые головы-болванки. Блин! Она ускорила шаги. Гуляев, не Гуляев — микстуру от насильников еще никто не выдумал. Колечко, серьги и мобильник тоже всем нужны, а личность расквасят в довесок.

«Сдали Россию мертвякам и кровососам! А я тут ходить должна, одна по улицам! У-у-у, ненавижу! И бабка начнет придираться — где гуляла, шленда?»

На пороге своей будущей квартиры Рая присмирела и вошла неслышной мышкой. Вера в рестеон утасла, едва в ноздри пахнул дух старого, залежавшегося тела.

— Ра-ая! Почему так до-олго? — донеслось из мрака.

— Я у Светки... посидели, поболтали...

— Поешь там. — Звук сообщил, что бабушка ворочается, активизируясь не по-хорошему. — Поешь и приходи.

«Чего это сегодня — все с цепи сорвались? Вроде не полнолуние!.. Ушла — шаталась, там Гуляев чуть не впился, вернулась — опять! Я что вам, родник Синегорский? Лимит, предки!»

Храбрость как была внутри, так и осталась. Рая смогла только выговорить себе час на ванну. Девушка должна мыть волосы, верно? Надо быть хорошенькой и чистенькой. Нравиться парням, потом привести одного...

...в эту затхлую темень. Гур-гур-гур-гур...

Вылив положенные литры, автоблокировщик запер воду. Все ограничено, ресурсы планеты выпиты, сожжены и сожраны. Рая намылилась и стала обреченно кунать голову в горячий таз. Фен — роскошь, трата электричества. Достала из ящика каталитическую грелку, вырвала чеку и стала махать сырой гривой над пластиной, излучающей дефицитное тепло. Осталось три грелки, потом нести эти жестянки на перезарядку...

«Одну возьму в кровать. А то без крови в ноль зачоченеешь».

Как все привычно, как обычно, хоть ты вой! Ничего этот рестеон не поможет, а бог не вернется. Лаборатория Ланцова изобрела пшик, ни на что не годный. Чаю напилась, в пледе погрелась — и за то указнику спасибо...

— Ра-ая!..

— Здесь я, — зашла в халате до пяток, с тюрбаном на голове. Хмыкнув, бабка завела чарующее «гур-гур-гур». Рая заголила руку. Сегодня — левую.

«А почему меня не колбасит? — растерянно подумала она. — Где свет с того света?»

— Рая... — Зов умолк.

— Че, ба?

— Ты какая-то... больная? Иди ближе... Ох! — вырвалось

мучительно у бабки, едва внучка подошла. Туша в кресле ко-
лыхнулась. — Фу! Тьфу! Чем ты намазалась?

— Я просто вымылась.

— Ты нарочно? Чтоб мне навредить?!

— Может, мыло? Или шампунь? — В душе у Раи загоре-
лось тайное маленькое счастье, хотя сердце щемило от вида ба-
бушкиных корчей. Все-таки своя, родная. Может, нельзя так?..
Ей же, наверное, больно. Она ведь голодная...

— Выкинь мыло! И шампунь в помойку! — шипела черная
туша, волнуясь. — Да если ты... я тебя... Духовная травма, зна-
ешь? Это статья! Штраф, не расплатишься. В колонию пой-
дешь... Из завещанья вычеркну! Из квартиры выгоню! Под за-
бором, как собака, жить будешь!

Любовь, навеянная памятью детства и чарующим «гур-
гур» — наверное, зов таки пробивался через рестеон, — слы-
нула. Рая встала — кулаки в бока:

— А кто тебя кормить будет? Мама? Она сюда ни ногой!
Отец? Он с иконой придет. Соседку попросишь? Знаешь, что
она тебе обещала? Хватит, насосалась! Дай отдохнуть, я не
могу больше! Ба, имей совесть! Погляди на меня!

Вопреки всей экономии Рая включила свет, чего в бабки-
ной комнате три года не случалось. Счетчик прерывисто запи-
щал, предупреждая о перерасходе, но Рая его не слышала —
смотрела на рыхлую грудь, сжавшуюся в кресле.

Плачущую.

«Ой, бабушка...»

По дряблему бескровному лицу текли слезы. Оказавшись
на свету, жительница тьмы стала такой, какой была, — старой,
беспомощной, жалкой.

— Прости меня! — Рая бросилась к ней, обняла бабкин
живот и трясущиеся руки, прижалась, зарылась лицом в пла-
тье, пахнущее нафталином. — Я больше не буду. Прости, по-
жалуйста!..

— Ну-ну-ну, — всхлипывала бабка, похлопывая внучку по
спине ладонями. — Погорячились, и хватит. Я тоже виновата.
И ты меня прости, Раечка. Не будем ссориться. Поешь — и спи,
отдыхай. Ты ж у меня любимая.

Она гладила Раю, ворковала утешительные, добрые слова,
а рот кривился, глаза щурились — такое жжение шло от тепло-

го тела внученьки, едва хватало сил терпеть. И свет, этот палящий свет!..

— Погаси лампу, а то счетчик много накрутит.

— Хорошо, бабулечка!

С чувством вины она проснулась, оделась и пошла на остановку.

«Мы все наладим с бабушкой. Как-нибудь определимся, — подбадривала себя Рая, чтобы унять сосущее тягостное чувство. — Ничего сегодня пить не буду. Вечером накормлю ее как следует, досыта. А то она такая бледная!»

У корпуса Рая увидела глухой серый фургон ОМОНа, здоровенных парней в камуфле и закрытых шлемах, с автоматами. Группа омонцев сошла с крыльца, держа кого-то за скрученные сзади руки, и вбросила человека в дверь фургона. Как мешок с картошкой.

— Что это? — спросила она у Светки, когда машина вырлила на выезд. Крутом гомонили вполголоса, обсуждали происшествие.

— Жуть! Эколога взяли, Ланцова. — Светка была бледнее подруг. — Вроде сигнал поступил — он *нелегальный* указник. Из тех, кто сами с кладбища приходят. А мы с ним в одной учебке сидели! Бр-р-р! От таких, сама знаешь, некроз идет. И на людей перескакивает.

— Некробиотическая аура. — Сайт «Тайное знание» многому Раю научил, всяким умным словам. В душе словно сквозняком открыло дверь и стало все оттуда выдувать — вину, жалость, напрасные детские слезы...

— Во как в доверие вкрался! Говорят, документы подделал и нарочно к нам устроился, где молодые. Они к детям липнут, к девочкам — тепло оттягивают, а взамен свой некроз отдают. Поэтому люди и умирают без причины — присел, вздохнул и умер.

— Без разговоров, прямо из учительской забрали, — подтвердила Зойка. — Хрясь его, а кровь не потекла, только желтая сукровица.

Рая потеряла ладонь — там еще держалось странным холодком прощальное рукопожатие эколога.

— С ним запросто. Он вообще не человек. — Зойка радова-

лась, что такое чудище из корпуса убрали. Пообщаешься, а после зубы выпадут, и станешь фригидная. — Мотопилой на части, потом в яму с негашеной известью.

Пустая внутри, Рая провела учебный день. Бесчувственно, тупо. Все пролетало мимо, ничего не цепляло. Даже запах из учительской, где после эколога вымыли хлоркой, и белые разводы на полу в коридоре, где его волокли, истекающего трупной сукровицей.

А денек выдался солнечный, облака ушли, небо стало лазурным, как весной. Весь город осветился, заиграл красками. В такой день к девушке должен подойти парень (не какой-то, а конкретный) и пригласить: «Погоуляем?»

Вместо этого к Рае подошел участковый милиционер. Он ждал ее красивым вечером в засаде, как недавно она ждала Ланцова.

— Раиса, у меня к вам серьезный взрослый разговор. Когда дело касается заботы, родственных отношений и благодарности тем, кто нас вырастил, я всегда начинаю с беседы, без протокола. Гораздо лучше решить вопрос полюбовно, чем вызывать повесткой, заводить дело и вести дознание. Да, порой наши близкие ведут себя не так, как нам хотелось бы. Но наш долг — уважать пожилых людей и с пониманием относиться к их слабостям...

Участковый — от слова «участие». Им в милицейской школе курс читают — уговор кормильцев. Сидят будущие участковые, человек двадцать, и через наушники запоминают форму разговора. Если забудут, собьются с текста, они переходят на русский язык и простые приемы — бац, хрясь. Это не поощряется, но иногда бывает.

— ...уверен, что ты все поняла и будешь вести себя разумно. Если возникнут проблемы, приходи ко мне в отделение.

— Конечно. Спасибо, — кивнула Рая.

«А если не приду, меня мотопилой?»

По дороге домой она завернула в аптеку.

— Рестеон, пожалуйста, три штуки. И шприц на десять кубов.

— Его пьют, а не колют, — предупредила аптекарша.

— Я знаю.

Набрала шприц, укрывшись за помойным баком. Тут стерильность не важна. Остатки выпила. Пузырьки выкинула там же.

Покурила, чтобы унять нервы. Раздавила, фильтр смялся гармошкой. Это зарок. Последняя.

«Возвращать бога. Давно пора! А то живем как в аду».

— Ра-ая!..

— Иду! — Она пустила струйку, чтобы выгнать из шприца остатки воздуха.

Привет. Я Красная Шапочка. Бабушка, почему у тебя такие большие зубы?..

ДОМИК У МОРЯ

Лерный «Лендровер» остановился у дороги, ведущей к домику. Из него вышел мужчина лет сорока, загорелый, в темных очках, с привычно свинским выражением физиономии.

Домик выглядел мило. Уютный и одновременно аристократичный, стилизованный под старину или действительно старый. Пушистые шарики ровно подстриженных кленов прикрывали его розовые стены. Между кленами виднелись фруктовые деревья. К морю спускалась широкая дорожка, мощенная камнями. Мужчина осмотрел пейзаж, сплюнул на дорогу и направился к домику. Вечер был жарким и безветренным; пыльные сучковатые акации вдоль дороги стояли неподвижно, как нарисованные.

Он глубоко вдавил кнопку звонка и прислушался к мелодичному чириканью, прозвучавшему за оградой сада. Вскоре послышались шаги. Удивительно красивая девочка лет пятнадцати или шестнадцати открыла дверь. Она посмотрела на незнакомого человека большими любопытными глазами.

— Домик сдаете? — спросил мужчина.

— Я, право, не знаю, — ответила девочка. — Нужно спросить хозяйку. Подождите немного.

Она появилась вновь через пару минут.

— Ну? — спросил мужчина. — И сколько стоит такая хата?

— Восемьдесят в сутки. Если вы один.

— Я один. И восемьдесят — это пойдет. Помогите мне перенести вещи. Ты здесь работаешь?

— Я присматриваю за садом, — ответила девочка глубоким, мелодичным голосом, — а с домом хозяйка справляется сама. Я туда даже не вхожу. А вы кто будете?

— Смирнов, — ответил мужчина. — Денис Смирнов. Можешь звать меня дядя Дэн.

— Хорошо, господин Смирнов, — ответила девочка, — только не надо трогать меня за здесь. — Она убрала его руку со своей талии.

— А тебя как зовут, красавица?

— Арахна.

— Арахна? Что за дурацкое имя для такого милого существа! А кто твоя хозяйка?

— Ее имя слишком известно, чтобы его называть, — ответила девочка. — Поэтому она предпочитает скрываться за псевдонимом.

— Тщи чемодан из машины, — приказал дядя Дэн, — такой желтый, цвета детского поноса, на колесиках. И наклейка на боку: баба с вот такими сиськами. И смотри не поцарапай!

Пока Арахна доставала чемодан, он любовался ее нечеловечески совершенной фигурой, затем довольно крякнул и потер ладоши.

— Имя слишком известно, — сказал он вполголоса, — тебе имя известно, не сдают дом первому попавшемуся говнюку за восемьдесят долларов в день. Кого ты дуришь, девочка?

Арахна вошла в сад, и он последовал за ней.

— Мило здесь у вас, — заметил он.

— Да, прекрасное место, — ответила девочка. — Но я не советовала бы вам здесь останавливаться.

— Что-то не так? Кому-то не нравятся мои деньги?

— С деньгами все в порядке. Я боюсь, что вам не понравится здесь. Здесь... Как бы это сказать... Странная атмосфера.

— Воняет, что ли? — Дядя Дэн принюхался

— Нет, я имела в виду другое. Атмосфера тайны.

— Ты меня не поймашь на эти рекламные штучки. — Он потрепал ее по щеке. — Про атмосферу тайны ты можешь рассказывать другим идиотам, а не мне. Я сказал восемьдесят, и ни цента больше.

— Совсем недавно, — сказала девочка, — в прошлом месяце, один такой же, как вы, собирался снять наш домик. Но после получаса разговора с хозяйкой он вылетел, как ошпаренный, не видя ничего вокруг себя. Он убежал в ужасе, растоптав клумбу нарциссов и едва не выломав нашу прекрасную

калитку, увитую виноградом. Я не хочу, чтобы с вами произошло то же самое. Я люблю нарциссы.

— Какое пиво ты предпочитаешь? — спросил дядя Дэн.

— Я еще никогда не пила пива.

— Тогда будешь пить на мой вкус. Уже завтра мы будем с тобой смеяться над той лапшой, которую ты сейчас пытаешься повесить мне на уши. пляж с белым песком, красивая девочка с банкой пива под одним зонтиком со мной — это мое представление о рае. Ничего больше мне не нужно.

Он поднялся по каменным ступеням и вошел в дом. Арахна пожалала плечами и принялась работать по саду.

На следующее утро, часов около десяти, новый постоялец появился на крыльце. Он был в красных плавках с желтыми звездами, с большой пляжной сумкой и зонтом, с золотой цепью на шее.

— Отличное утро, — сказал он, — пошли со мной на пляж.

— Мне нужно работать, — ответила девочка.

— Зря. Смотри, какой воздух. Я так спешил, что даже забыл выпить кофе. Я всегда пью по утрам чашечку крепкого кофе. Прочищает черепушку. Хороший кофе — вещь нехилая.

— Как вам у нас понравилась?

— Мне? У вас? Отлично. Все понравилось, кроме хозяйки. Холодная, как медуза. Но красивая. Но холодная. По-моему, она лесбиянка. Муж у нее есть?

— Хозяйка всегда жила одна, — ответила девочка.

— Вот. Я о том и говорю. Кстати, я не заметил в доме никакой атмосферы тайны. Ничего необычного.

— Вам повезло. Вы пока еще можете уйти.

— Я могу уйти и прийти когда захочу, — уточнил дядя Дэн.

— Если вы заметите что-нибудь необычное, обещайте никому об этом не рассказывать, — сказала Арахна.

— Почему это я должен обещать?

— Если вы никому не расскажете, с вами ничего не случится. Пока вы сохраняете тайну, вы в безопасности.

— В безопасности от чего? В этом доме нет никакой тайны или мистики, кроме твоих глаз, девочка, — сказал дядя Дэн и снова положил ей руку на талию. — Но как я могу быть в безопасности от них? Может быть, все-таки махнем на бережок?

Я уже представляю, как ты выглядишь в эластичных стрингах с такими маленькими-премаленькими кружевами.

Арахна отвернулась и отошла от него.

— Лознгрин! — позвала она и протянула руку.

Тотчас один из воробьев, прыгавших по песку, взлетел и сел на ее ладонь. Арахна слегка сжала пальцы.

— Лознгрин, — сказала она, — будь добр, слетай и принеси нашему гостю чашечку кофе. Покрепче.

Птичка открыла ротик и изо всех сил замотала головой.

— Не хочешь? — спросила Арахна. — Тогда я попрошу кого-нибудь другого. Хайнрих! — позвала она и разжала ладонь. Один воробей упорхнул, но на его место прилетел другой.

— Вау! — сказал дядя Дэн. — Чудеса дрессировки! Тебе надо выступать в цирке, такой талант пропадает.

— Хайнрих, — продолжила девочка, — ты хочешь принести нашему гостю кофе?

Вторая птичка тоже замотала головой.

— Тоже не хочешь? Тогда я попрошу Тельрамунда. Он послушнее всех вас, вместе взятых. Тельрамунд!

Третий воробушек согласился принести кофе и упорхнул, скрывшись в чердачном окне.

— Супер! — сказал дядя Дэн. — Просто настоящий супер. Ты, наверное, тренировала этот номер много месяцев. Но воробей не может принести чашку кофе в клюве.

— Он принесет.

— Если он принесет, я подарю тебе сто долларов. Нет, даже двести. Ты это заслужила. Но я, как нормальный современный человек, все равно не поверю ни в какую дурацкую мистику, понятно?

— Вам не обязательно верить, вы просто должны хранить тайну. Тогда с вами ничего не случится.

— А что же ты мне сделаешь, если я не стану хранить тайну?

В этот момент птичка по имени Тельрамунд появилась из чердачного окна. Она несла в клюве маленькую чашку. Однако она не смогла ее донести и выронила на песок, разлив ароматную жидкость.

Дядя Дэн отступил на несколько шагов. Самоуверенность сползла с его лица.

— Какие вы все неловкие! — сказала Арахна. — Так и быть, придется попросить Изольду. Изольда, принеси еще одну чашечку кофе!

Крупная серая мышь выскочила из-под куста и побежала к дому.

— Нет, нет, нет! — закричал дядя Дэн. — Я беру свои слова обратно! Я не хочу здесь оставаться. Мне совсем не нравится здешняя атмосфера! Нет, черт, это же гипноз! Только вчера я видел по телевизору, как цыгане гипнотизируют всяких лохов и отбирают у них все деньги. Со мной это не пройдет! Я ухожу!

— Вы обещали никому ничего не рассказывать, — сказала Арахна.

— Я ничего не обещал! Через полчаса я буду в ближайшем подрайоне милиции. Там у меня свои кореша. Посмотрим, что ты запоешь тогда!

— Вы еще не дождались своего кофе.

— Пошла ты в ... со своим кофе, уродка!

Арахна повернулась к нему и посмотрела на него своими огромными прекрасными глазами. Ее губы слегка улыбались.

— Меня еще никто не назвал уродкой за последние двести пятьдесят лет. Это так пикантно. Скажи это еще раз, мой пупсик!

Ее глаза стали еще больше: они были не выпученными, не широко открытыми, а просто нереально большими.

В этот момент из чердачного окна вылетели четыре птицы, которые несли небольшой поднос, придерживая его клювами за углы. Они поставили поднос на песок, прямо у ног Арахны. На подносе была лужица кофе, в которой плавала мертвая серая мышь.

— Бедная Изольда опрокинула горячий кофе прямо на себя, — сказала одна из птиц приятным мужским голосом. — Бедняжка умерла сразу же.

Дядя Дэн кинул в говорящую птицу пляжную сумку и бросился к калитке. Он ударил в калитку плечом, но та не поддавалась. Он ударил еще раз, выломал замок и выбежал на дорогу. До черного «Лендровера» оставалось еще метров пятнадцать. Арахна протянула руку и щелкнула пальцами.

Мужчина исчез. Вместо него по дороге бежало существо, похожее на большую пушистую крысу. Золотая цепь и крас-

ные плавки с желтыми звездами остались лежать на камнях. Животное подбежало к машине и начало подпрыгивать, пытаясь забраться внутрь.

— Брабант! — позвала девочка, и маленькая сова послушно порхнула ей на плечо. — Лети и принеси сюда нашего гостя.

Через минуту сова принесла в клюве отчаянно брыкающуюся морскую свинку.

— Я же говорила тебе, дядя Дэн, — сказала Арахна, обращаясь к свинке, — держи язык за зубами — и ничего не случится. А ты: милиция! Кореша! Теперь пеняй на себя, дружок.

Она бросила свинку на песок, и та сразу же скрылась в зарослях цветов.

— Изольда, вставай, бессовестная, хватит притворяться, — обратилась она к мышке, все еще неподвижно лежащей в лужице кофе. — Вставай, все знают, что ты бессмертна — до тех пор, пока мне не захочется устроить иначе.

Мышь села и стала облизывать свои лапки.

В этот момент дверь открылась, и хозяйка появилась на пороге.

— Арахна, где наш гость? — спросила она.

— Я с ним немного поиграла, госпожа.

Хозяйка была одета в полупрозрачное белое платье с пестрым бантом на левой груди. Бант зашевелился и превратился в клубок змей. Ее гнев длился не дольше нескольких секунд: бант снова стал бантом.

— Сколько раз я говорила тебе не играть с моими гостями до того, как я поиграю с ними сама?

Арахна быстро пересчитала пальчиком всех животных, сидящих перед ней на песке. Животных было двенадцать.

— Вы говорили мне это двенадцать раз, хозяйка, за последние двести пятьдесят лет, с тех самых пор, как соизволили превратить меня из самки паука в самку человека, за что я вам буду вечно благодарна.

— Так почему же ты меня не слушаешь?

— Но ведь мне нужны мои игрушки. После того как вы запретили мне ловить их с помощью прочных нитей, я ловлю их иначе.

— Тыловишь их с помощью слов и глаз, — заметила хозяйка.

— У меня ведь нет вашей мудрости, на которую люди летят, как мотыльки на свечу. Я пользуюсь тем, что имею.

— Ах ты лживая обманщица! — улыбнулась хозяйка. — Впрочем, ладно. Теперь нужно убрать машину.

— Может быть, вы возьмете ее себе? — предложила Арахна. — Это будет круто.

— Я предпочитаю летать, — ответила хозяйка, протянула руку и щелкнула пальцами.

И черный «Лендровер» превратился в сучковатую акацию, одну из трехсот семидесяти шести, растущих у пыльной, нагретой солнцем дороги.

КОЕ-ЧТО ПРО ВАМПИРОВ

1. МЕЧТА

Один мальчик мечтал стать вампиром. Он даже учился на вампира. Не выходил на улицу, когда ярко светило солнце. Мама и папа ругали его за прогулы, классная дама звонила из школы домой — а он все равно не выходил. Или прятался в подъезде. Спал мальчик в гробу. Гроб он сделал сам, на уроке труда. Учитель, в прошлом столяр-краснодеревщик, даже похвалил его. Не всякий гробовщик сделает такую чудесную вещь, сказал учитель и поставил мальчику пятерку в дневник.

Землю с кладбища мальчик принес, когда они всей семьей ходили навестить могилу бабушки. Это была хорошая земля. Когда он спал в гробу, земля рассказывала ему сказки.

Лука и чеснока мальчик не ел. К серебру не прикасался. У мамы были серебряные сережки, так он никогда не разрешал себя целовать, пока мама не вытащит сережки из ушей. К стоматологу мальчик ходил без боязни. Не плакал, не удирал из кабинета. И всегда просил нарастить ему клыки. Стоматолог радовался такому хорошему пациенту. Но клыки не наращивал, потому что папа мальчика строго-настрого запретил врачу это делать.

Если бы не папа, тогда конечно.

Одноклассники мальчика не любили. Но и не обижали. Ну его, думали одноклассники. А вдруг выучится? Они были очень практичные ребята. Каждому льстило, что он знаком с будущим вампиром.

Когда мальчик вырос, он стал санитарным инспектором. А что? Всякий труд почетен. Мальчик так и не рассказал никому, что, когда он заканчивал школу, к нему пришел настоящий вампир. Ну его к черту, сказал вампир. Никакой радости, одни проблемы. Ешь чеснок, дурачок. В нем куча витаминов.

«А мечта? — спросил мальчик. — Как же мечта?»
У всех мечта, ответил вампир.
«И у тебя?» — спросил мальчик.
Ага, ответил вампир.
Какая?
Не скажу.

2. СТРАХ

Одна девочка очень боялась вампиров.

Она ела много лука и чеснока. В школе никто не хотел сидеть с ней за одной партой. Даже в одном классе — и то не хотели. Но тут вступилась учительница. У нас обязательное среднее образование, сказала учительница. Терпите. Я же терплю!

Крестиков девочка носила пять или шесть. Она уговорила папу поставить ей на окно детской решетку. Зачем, спросил папа. Мы же живем на девятом этаже. Там крестики, объяснила девочка. И ушла играть сама с собой в любимую игру: крестики-нолики.

Чуть не забыл: умывалась она только святой водой. Святой воды не хватало, поэтому умывалась девочка редко.

На Новый год мама дарила ей украшения из серебра. И на день рождения. И на Первое апреля. Иначе девочка отказывалась брать подарки. Новый велосипед она выбросила с балкона. Его подобрал соседский мальчик, починил и был очень рад. А мама передала девочке серебряную цепочку — девятую по счету.

Когда девочку водили к врачу, она просила поставить ей такой гипсовый ошейник, как у тети Тамары. Машина тети Тамары врезалась в молоковоз. С тех пор тетя Тамара плохо держала шею. Ошейник ей помогал. «Правда, его трудно прокусить?» — спросила девочка у врача. Правда, согласился врач. А потом сказал родителям девочки, что он — педиатр, а им нужен совсем другой доктор, из шестнадцатого кабинета.

Всем новым знакомым девочка говорила, что у нее мало крови. Новые знакомые сочувствовали. А старые знакомые ни капельки не сочувствовали, потому что девочка была толстая и румяная. Кровь с молоком, говорила девочка бабушка. За это девочка бабушку не любила.

Кроме вампиров, девочка не боялась ничего. Смело прыгала с парашютом. Занималась карате. Стреляла из пистолета и автомата Калашникова. Связала и вылечила бешеную собаку. Участвовала в гонках. Вывела в районе всех хулиганов. Поймала и сдала в милицию опасного маньяка. Зомби уважали девочку и всегда здоровались при встрече. Дядя-оборотень, переехавший в город из деревни, где стало некого есть, пообещал девочке вести себя хорошо. Даже инопланетяне старались лишний раз не залетать на планету, где жила эта смелая девочка.

Вампиры ее тоже избегали.

На всякий случай.

3. БУДНИ

Один вампир был мальчиком. Так получилось.

И папа у него был вампир. И мама. И бабушка с бабушкой. Только тетя Алла уже три года как не была вампиром. Осинный кол, сами понимаете. Но про тетю Аллу мы расскажем в другой раз.

Мальчик из всех пил кровь. Как папа. Как мама. Как бабушка с бабушкой. Из соседей пил. Из одноклассников пил. Из друзей, с которыми играл в футбол. Из директора школы. Из учительницы по химии. Из учительницы по алгебре. Из учителя по русскому языку. Из уборщицы и то пил. Хотя уборщица, баба Настя — ого-го! Из нее сколько выпьешь, столько сам отцедишь. А мальчик все равно пил. Такой он был голодный.

«Кровопийца!» — вздыхали все. И были правы.

Вместо Театра юного зрителя он ходил в морг. Бесплатно. Вместо зоопарка — на чердак с летучими мышами. Вместо «Людей X» смотрел фильм про Носферату. Каждый вечер, перед сном. Читать он учился по Брему Стокеру. Считать — на кладбище, разглядывая даты на надгробьях. Из года смерти вычесть год рождения...

Кем ты станешь, когда вырастешь, сокрушались соседи. Мальчик хихикал. Он знал, что уже стал. Понятно кем.

Переходный возраст, разъясняла пострадавшим мама мальчика. Вырастет — остепенится, уверял папа. И клацал

клыками, чтобы сразу было видно, кто здесь взрослый. У него добрая душа, защищали мальчика бабушка с дедушкой. Даже тетя Алла, пробитая колом, и та сказала бы что-нибудь хорошее, если бы могла.

Ага, вздыхали все. Мы подождем.

А одна девочка не вздыхала. Она вот так просто подошла к мальчику и треснула его портфелем по башке. Ты чего, спросил мальчик. А ты чего, ответила девочка. Я ничего. Ну и я ничего.

И еще раз треснула.

Мальчик подумал и стал носить за ней портфель. Потом они поженились.

4. ДИЕТА

Один мальчик ничего не ел, кроме фильмов про вампиров.

На завтрак бабушка готовила ему «Бледную кровь». В школе, на большой переменке, когда все одноклассники кушали пирожки и яблоки, он разворачивал взятый из дома пакет с «Дракулой». Ужинал мальчик «Ночью страха». В «Макдональдсе» он просил папу заказать ему «Танец проклятых», и папа заказывал, а продавец не возражал. Когда семья шла в гости, для мальчика заранее клали в его тарелку «От заката до рассвета», все три серии.

И был мальчик толстый и румяный.

Но однажды доктор сказал родителям мальчика, что их сын слишком толстый. И что ему необходима диета. Теперь на завтрак бабушка готовила мальчику «Приключения Электроника». В школу ему давали сериал «Русалочка». В «Макдональдсе» знакомый продавец очень извинялся, но вместо «Ван Хельсинга» предложил мальчику диетический «Остров сокровищ». А в гостях мальчик давился водянистым «Аладдином».

За неделю он сбросил два киллограмма. Потом — еще два. И еще. Глаза мальчика ввалились, со щек исчез румянец, и его больше никогда не видели в хорошем настроении.

Хватит, сказал доктор. Хватит! Дайте ему «Вдову Дракулы».

Но было поздно.

5. ГОРОД

В одном городе жило-было очень много вампиров.

Мэр там был вампир. И секретарь городского совета был вампир. И депутаты всех уровней. И налоговая инспекция. И санитарная инспекция. И пожарная тоже. Вся милиция. Вся прокуратура. Вся дорожно-патрульная служба. Работники жилищных контор. Работники газового хозяйства, водотреста, «Тепловых сетей» и других коммунальных служб. Сантехники и электрики. Доктора и повара. Бизнесмены поголовно. Учителя и профессора с разных кафедр. Политические деятели — из упырей. Журналисты — из кровососов. И так далее.

Но странным было не это.

Странным было то, что в городе еще оставалось что сосать.

ЕДИНОРОГ

Сон, в котором вы видите, как убивают единорога или он умирает, предвещает несчастье и страдание по вине злых людей, живущих ради наживы, вы будете знать это и переживать, но исправить такое положение вам будет не по силе. Виновные будут наказаны, а спокойствие возобновится.

Ванга

Единорога вывели из леса поздним вечером. Деревенская дурочка, сидя под деревом, давно подманила его к себе и накинула на него уздечку, что дали ей городские.

Но вместо того, чтобы идти к дороге, она несколько часов сидела все там же, ощущая тяжелую голову на своих коленях. Она забыла и про обещанные конфеты, и про сережки в картонной коробочке, что ждали ее у дороги. И только когда стемнело, повела его за собой, сжимая уздечку в грязной руке.

Потом рука сжимала уже горсть конфет, а потом пальцы разжались — потому что один из городских, отступив на шаг, чтобы не запачкаться, аккуратно выстрелил ей в затылок.

Дурочка лежала, глядя открытыми глазами в жухлую октябрьскую траву, а единорога уже заводили в фургон.

Он шел смиренно и вдруг застонал-запел, будто человек.

Но уже хлопнула дверь, фыркнул дизель, и фура стала выбираться с проселка на широкую трассу.

Если во сне мимо вас проходит единорог, значит, в скором времени вас ждет удача, вам будет легко, как никогда, все будут называть это везением, но на самом деле ваше благополучие будет заслуженным, вы сами поймете, чем оно будет вызвано, за что даровано.

Ванга

Знахарь проснулся и резко поднялся на кровати. В доме стояла тишина. Ни ходики, ни холодильник не подавали признаков жизни. А к утробному рычанию старинного холодильника он привык, что-то в этом холодильнике было от домашнего зверя с сосиской внутри. Но то, что остановились еще и часы, было совсем неприятно. Знахарь, мелко ступая по доскам пола, подошел к окну. Сосны спокойно и недвижно чернели на фоне светлеющего неба, стена монастыря, как обычно, угадывалась в темноте — но что-то случилось в мире, струнулось с места, нарушилось равновесие.

И Знахарь, нашарив обрезанные валенки под кроватью, обулся и вышел, кутаясь в ватник. Он переступил порог, как грань между ночью и поздним октябрьским утром. Знахарь спускался из скита по узкой тропинке и чувствовал приближение гостей.

По дороге из города приближался нежданный гость. И это был друг, старый друг, но визит не был радостен — друга позвало в дорогу точно то же мрачное предчувствие, что разбило и его, Знахаря.

Где-то по трассе несся лимузин — до него было еще несколько километров, но Знахарь чувствовал, как машина приближается, как она сворачивает с окружной трассы на окружную дорогу, так называемую бетонку, вот она едет медленнее.... Сам он шел по тропинке к дороге, навстречу гостям.

Длинная машина скоро появилась из-за поворота, и фары ударили Знахарю в глаза.

Секретарь выбежал из машины и открыл дверь.

Знахарь согнулся и залез внутрь. Там пахло пряным и восточным, в канделябрах на стенках метнулось пламя настоящих свечей.

— Ты не оставляешь своих привычек, *chégi*. Но я бы подпустил еще ладана. — Сейчас Знахарь в своем ватнике был похож на отца Сергия, беседующего с французскими путешественниками.

Старичок напротив расхохотался.

Они знали друг друга давно и сейчас сошлись, не сговариваясь, потому что оба почувствовали беду. Что-то разладилось в мире, случилась какая-то неприятность, но вот что именно произошло — непонятно. Кто-то нарушил хрупкое равнове-

сие, совершив неизвестное действие, какой-то проступок, и вот теперь началось смещение событий. Так медленно начинается разрушаться карточный домик, если вдруг на один из его этажей села бабочка.

— Нам с тобой надо понять где, — говорил Старый Князь в расшитом камзоле. — «Где» — это даже важнее, чем «что».

Секретарь долго звенел чем-то в ящике между сиденьями и наконец подал хозяину гигантский бокал. Знахарь отмахнулся от такого же, шелестя картой.

Карта была непростой — на ней вспыхивали и гасли точки, она набухала влагой, сама собой высыхала, трепеща в руках стариков, жила своей особенной жизнью. Два старика склонились над картой, бормоча что-то и посмеиваясь.

Секретарь с тревогой вслушивался в этот смех. Он много лет назад научился различать все оттенки голоса своего хозяина и видел, что этот смех скрывает не озабоченность — он скрывает панику.

Лимузин мчался в утреннем тумане, неумолимо, как захваченный самолет к цели, приближаясь к высоким башням на окраине города. Потом машина нырнула в нескончаемый тоннель, совершенно пустой в это воскресное утро.

Еще с дороги Знахарь позвонил внуку. Тот служил пожарным и только что сменился с дежурства. В этот момент он уже ехал домой и, мгновенно поменяв маршрут, повернул к центру и принялся крутиться в петлях развязок. Дорогу он знал хорошо — и даже прожил пару недель в огромной квартире Старого Князя с видом на храм Христа Спасителя. Но это было при таких странных обстоятельствах, что старший лейтенант пожарной службы, пожившись, отогнал воспоминания.

Старший лейтенант вел машину уверенно и быстро, обгоняя редкие машины на Третьем кольце. Он свернул на набережные, промчался к Кремлю и, сбросив скорость, углубился в переулки. Только остановившись перед огромным новым домом, он почувствовал, как устал на дежурстве. А дежурство было не страшным, но суетливым — они два раза тушили помойки, а потом он чуть не подрался на пустыре с подростками, которые взрывали там запрещенную к использованию пиротехнику. Помойки были потушены, петарды отобраны, и он

даже разжился бесплатной гигантской морковкой с лотка вызвавшего их восточного человека.

«Ладно-ладно, — подумал старший лейтенант. — Просто так меня бы не позвали».

Когда он вошел в квартиру, казалось, на него не обратили внимания. Только Знахарь помахал рукой и снова уткнулся в бумаги на столе.

Пожарный знал почти всех — но почти никого по именам. Тут были Лодочник, Трубочист, Секретарь... Секретаря так и звали — Секретарь. Еще вот этот низенький был Бурмастер или Бурмейстер — потом надо вспомнить.

Старший лейтенант углубился в дебри квартиры и нашел ванную с душем. Несколько раз поменяв температуру воды, он отогнал сон и вернулся в гостиную. Мельтешил проекционный экран, менялись картинки и схемы — что-то происходило в Москве и ее окрестностях, но что это было, собравшиеся за столом так и не поняли.

Старший лейтенант тихо вышел в гостевую комнату и мгновенно заснул быстрым, как полет ночной птицы, сном.

Дедушка и внушек поехали обратно в скит. Знахарь объяснял внуку:

— Понимаешь, это такая вещь, что движется. Причем сейчас в этом ничего страшного, но неприятности начнутся в тот момент, когда она придет в негодность. А вот что это за «негодность» — понимай как хочешь. Ясновидящие не видят, медиумы пока молчат.

— Амулеты равновесия? — спросил старший лейтенант, не отрывая глаз от дороги. — Драгоценность... Нет, драгоценность не годится. Картина? Может, украли ребенка?

— Может, и ребенка, — согласился старик. — Я сам склоняюсь к этому. Ребенка... Правда, тут тоже не все сходится, но медиумы уже ищут всех пропавших детей, хотя что-то мне подсказывает, что они просто спасут дюжину мальчиков и девочек от педофилов.

Когда они подъехали к монастырю, уже вечерело. Мимо них, как коров в стойла, гнали вон экскурсантов. Туристические автобусы рычали на стоянке, кутаясь черным дизельным дымом.

Старик с внуком пошли центральной дорогой, мимо пушек на бетонных ложах и пустеющих сувенирных рядов. Навстречу им шла группа — разморенная и усталая, шаркая туфлями и старушечьими тапочками. Женщина-экскурсовод, выпасая группу, казалось, даже поддавала отставшим длинной палкой с флажком. Старик с внуком остановились у пушек, чтобы пропустить туристов.

— Нет, не ребенок, — повторил Знахарь.

— Что это может быть? — спросил себя старший лейтенант.

— Это единорог, — сказала женщина.

Старший лейтенант не сразу поверил и вскрикнул:

— Что?..

— Тут вы видите единорога, старинное русское гладкоствольное орудие. Эти единороги-гаубицы сопровождали пехоту в бою, существовали до середины девятнадцатого века, вплоть до появления нарезных орудий. — И она, уже стоя лицом к группе, ткнула палочкой в чугунный ствол.

Старший лейтенант охнул. Женщина скользнула по нему недоуменным взглядом и повела группу дальше.

— Мы все понимаем, да? — сказал ему Знахарь.

Гнаться во сне за единорогом или пытаться его поймать — наяву вы прикладываете много сил, чтобы добиться поставленной цели. Но возможно, ваша цель не стоит усилий, которые вы тратите. Подумайте над этим, чтобы не получить в конечном итоге лишь разочарование.

Ванга

Успешный человек Минаков работал в банке, вернее, банк работал на него. Минаков был успешен, и банк был успешен. Минаков был из тех людей, что не торопят события и не стремятся к публичности. Он старательно избегал телекамер и не давал интервью прессе. Беззвучно и молчаливо, как рыба, плыл он в море финансовых течений. Все удалось. Все получилось — риски были минимизированы, а активы верифицированы.

Но мужская сила оставляла его — и это была беда.

Как-то он даже записался к сатанистам — это не походило на присягу. Это не было похоже на вступление в партию. Это была именно запись — как запись на прием к врачу. Он не верил в кровь девственниц и в прочее безумие — нет, конечно, он оплатил бы все, но рационализм побеждал. Если бы черная месса помогла, он оплатил бы ее — но достоверность результатов никем не была подтверждена. Итак, он записался, желая победить свой обидный недуг, и даже поехал на шабаш.

Но он опоздал.

Ничего не вышло, шабаш разогнали, сатанистов со скандалом похватили и с не меньшим скандалом выпустили, и он благодарил бога или антихриста, что заблудился и не доехал до этого мероприятия на царицынских холмах.

Время шло, и он стал избегать женщин. Семьи у него никогда не было, а теперь и не предвиделось.

Минаков второй год работал напрямую с одним восточным (или южным) человеком. Хан Могита был, кажется, перс. (Это «кажется» бесило Минакова чрезвычайно.) Он пытался узнать точно, и два источника в министерстве сообщили ему диаметрально противоположные сведения. Согласно одному информатору перс имел русскую фамилию и никак не был связан со странами Юга, согласно другому он был пакистанец и по документам пограничной стражи вообще не приезжал в Россию. Минаков постоянно наткнулся на странные заведения, что принадлежали русскому персу-пакистанцу, — от гигантского яхтенного клуба до крохотного антикварного магазинчика, которым управляли совсем другие люди.

В этот магазинчик-то он и отправился сегодня.

Звякнул колокольчик. В такт колокольчику попугай на насесте харкнул, дернул головой и хрипло пропел что-то на те же три такта.

Для того чтобы поклониться гостю, карлик-продавец подпрыгнул из-за прилавка.

Они были уже знакомы, и Минаков сразу бросил, как мону на стол, короткое слово: «Что?»

— Появилось. — И карлик поманил его ближе. Он долго шептал Минакову что-то в ухо. Минаков не сразу поверил, и это недоверие карлик истолковал по-своему. Он сказал громче и настойчивее: — В другом месте, между прочим, вам легко мо-

гут всучить рог нарвала. Так это случилось с Иваном Грозным. — И тут же, испугавшись, карлик снова перешел на шепот.

— Нет, финансовые вопросы мы обсудим потом, — ответил Минаков в ответ на неслышные слова карлика. — Ну да, — сказал он потом. — Ну да. Пару дней. Что же нет? Это приемлемый срок.

Бурмастер проверял всех единорогов, что жили под Москвой. Единственный московский, что жил у пруда в Лосином Острове, был не в счет. Он был на виду, и вместо смотрителя за ним наблюдал ученый совет Академии. Украсть его было невозможно.

Единорог из Рузы был на месте, шотландский единорог, который жил на реке Нерской близ станции Куровской и сейчас находился у него на мониторе, стоял на песчаном обрыве и задумчиво глядел на реку.

Клязьминский единорог тоже был на месте.

Смотритель солнечногогорского единорога русской породы не отвечал, но спутник, повинувшись приказу Бурмастера, уже повернулся нужным образом и выцелил фигуру этого единорога, мирно пасущегося в лесу на берегу Сенежа.

— Ничего не понимаю. — Бурмастер снова прошелся по списку.

В это время Старый Князь вызвал к себе фармацевтов. Пришли три старика-волхва, которые еще в прежние времена, до запрета, толкли рога в ступе, настаивали порошок на мертвой воде и торговали гомеопатическими таблетками. Они клялись, что подделок — море, но запрет соблюдается строго и на подпольном рынке Москвы ни копыта настоящего единорога, ни его рог продать невозможно.

Князь им верил, да верил не до конца — он помнил, как совершенно случайный, левый человек украл из музея в Конькове яйцо птицы Рухх и, не извлекая никакой магической пользы, просто изжарил гигантскую яичницу. Яичница была съедена на юбилее одного богатого человека. Незадачливый воришка и богач с сотрапезниками были превращены в бронзовых клоунов и прихотливо расставлены на Цветном бульваре, но яйца было уже не вернуть.

К волхвам-фармацевтам обращались несчетное количество раз за рогом, но все это были люди несерьезные, хоть и небедные. Но вдруг один из стариков вспомнил сумасшедшего банкира, что долго пользовался таблетками ясноумия и вдруг отказался от очередной партии.

— Знаете, Князь, он сказал, что ему теперь это будет не нужно, — сказал фармацевт. — С таблеток ясноумия невозможно слезть — как с героина. Особенно если пользоваться ими несколько лет. Нет, случаи были, но это произошло всего два раза и не в этом веке. Нужно иметь феноменальную волю, а на что человеку с феноменальной волей таблетки ясноумия?

— И то верно. — И Князь на всякий случай запомнил фамилию того человека. Банкир как банкир. Он видел их много, но сделал особое наблюдение: больше всего успешные люди не любили рисковать. Да, они способны на риск, но никогда не идут ва-банк и не позволяют себе предаться настоящей страсти.

Но все равно пусть его проверят.

Пожарное дело — это искусство соединения воды и огня, твердил про себя старший лейтенант. В своей жизни он, правда, не раз тушил огонь землей (то есть и самой землей, и специальными минеральными порошками), воздухом (ударной волной от направленных взрывов) и самим огнем — то есть всеми стихиями попеременно, а то и сразу. Сейчас ему передалось беспокойство деда — баланс стихий разладился, и угроза единорогу означала угрозу не только огню и воздуху, но и воде с землей. Старший лейтенант ощущал себя, как человек перед закрытыми воротами огромного завода, в одном из цехов которого, рядом с баллонами пропана, начала искрить проводка.

Он сидел в квартире Старого Князя, чтобы быть ближе к центру событий. До нового дежурства оставалось еще два дня, и он мог себе позволить слушать пение Бурмастера за пультом:

— Беле-о-осый зверь с глазами, как у лани, лани-и... — Бурмастер в этот момент отклебывал из непонятной бутылочки. — Полны тоски глаза его, виски болят, и капли сострадания нет в звере этом, ни в глазах, ни в роге с белизной слоновой кости, чей белый блеск, скользя, по шерсти тек, и на тоску смотрящего обрек тот образ, будто слово «рагнарек»...

Внезапно на панели замигала лампочка.

Бурмастер вслушался и сразу же созвал всех, переведя звонок на громкую связь. Смотритель солнечногогорского единорога был найден в Дубне. Тело прибило к берегу Волги прямо напротив огромной статуи Ленина, открывающей канал имени Москвы. Ленин смотрел, хмуро прищурившись, на труп. Лицо смотрителя вздулось и пошло черными пятнами.

Едва глянув на изображение, Старый Князь заявил, что так плюнуть ядом могут только три человека в Москве. Это он сам (надеюсь, мы не будем обсуждать мою кандидатуру, да?), другой — дед одного из присутствующих и тоже вне подозрений (жест в сторону старшего лейтенанта), третий... А третий — Карлик Монстрикоз, совладелец Лавки Древностей и данник Хана Могиты по прозвищу Друг Мертвых.

— Где единорог?

Оказалось, что подчиненные приехали на место и обнаружили вместо единорога хорошо сделанный манекен, исправно махавший головой и хвостом.

— А кто проверял банкира? — спросил Князь.

Бурмастер снова вывел звонок на громкую связь. Голос с явным кавказским акцентом сказал что-то на непонятном языке, но сразу поправился. Банкир дома, доложил он. Охрана ждет гостя, прибытие ожидается через час.

И тут старшему лейтенанту позвонили. Он даже вздрогнул от неожиданности — потому что звонок был из другой жизни, что еще вчера была главной. Звонил сослуживец и просил подмены в воскресенье. Сослуживца, что хотел провести день с семьей, выдернули из дома на усиление — на Спортивной горе Лавка Древностей. Громко взрывались банки с заспиртованными младенцами, стелился по Пироговке удушливый дым от антикварных масок и амулетов. Хозяина не нашли, зато из лавки вытащили живого козла и насмерть перепуганную обезьяну.

— Вот-вот. Ребятки, поедемте, пока не опоздали! — Старый Князь вскочил с кресла неожиданно легко, как юноша.

Когда они повернули с шоссе направо и миновали Москву-реку, Бурмастер хмуро сказал:

— Видал я в гробу эту Рублевку — отвратительный тут раз-

рез. Бурили вон там, и вот тут, да. Отвратительно, честно я вам говорю.

В тот момент когда они подошли по дорожке, засыпанной битым кирпичом, к дому в английском стиле, то услышали из открытого окна на втором этаже звон разбившегося стекла.

— Пойдем, потолкуем с хозяином, — сказал Старый Князь. — Кажется, он не в духе.

Они тихо, но не без труда отперли дверь и ступили в сумрак парадной залы с лестницей. Не раздалось ни звука, и старший лейтенант было решил, что хозяин напился и заснул.

Можно было поговорить и так, внезапно разбудив и ошарашив. Но оказалось, что банкир Минаков совершенно не был расположен к разговору.

Он вообще не мог говорить, потому что висел на тонком брючном ремне и язык его вывалился изо рта. По иронии судьбы у него случилась чудовищная посмертная эрекция, и Старый Князь только поцокал языком, увидев это безобразие.

Защемленные рамой, рвались в комнату занавески, и холодный осенний воздух лился с балкона.

— Вот так, — сказал Старый Князь. — А был ли мальчишко? Да и то верно. Темна вода в польнье.

— Может, он, шалун, только пальчик отморозил.

— И пальчики, грозящие в окне. А мальчики пропавшие — в глазах.

— Утопшие в глазах как в двух озерах.

— Или туманах.

— Глядят в озера синие, в полях ромашки рвут.

Старый Князь цыкнул на сопровождающих, и пришлось идти вон. Веселиться было нечего. Потенциального заказчика убрали, как пешку с доски. Это доказывало, конечно, что заказчик не потенциальный, а самый настоящий, но ниточка оборвалась.

Знахарь был единственным, кто относился к ситуации даже с некоторым весельем. Много времени он провел в уединении, и теперь ему было забавно разгадывать головоломку с единорогом. Самих единорогов, кстати, он не любил и почитал их за животных туповатых и никчемных. Что русский индрик-зверь, что единороги крылатые вавилонские, что белые китай-

ские, что пахнувшие рыбой персидские, что прочие — ему вовсе не нравились. Знахарь считал, что выгоды от них меньше, чем забот.

Однажды он сам составил какой-то страшный яд из ягод, что выросли на месте смерти черного единорога, и травил им крыс в подполе, да тем польза окончилась. Крысы, как оказалось, выжили, яд оказался нестойким, и в результате обнаружили сплошные убытки.

К тому же единорогов приходилось охранять от людей (разного рода безумцев, помешанных на вечной жизни и половом величии), следить за продолжением их рода... Нет, все это ему не нравилось.

Но все-таки единорог был доброй скотиной, к тому же хоть и пугливой, но довольно красивой. Он действительно стал чем-то вроде банкноты, бумага которой сама по себе стоит мало, зато является символом некоторой ценности. Уничтожь банкноту, порви ее — и ценность потеряется вместе с ней. Так и здесь: случись что — завоют, заплачут прочие колдуны, разладится спокойная жизнь у всех, и начнут ловить рыбку в мутной воде какие-нибудь пришлые люди.

Поэтому несчастное животное нужно вернуть на место.

И теперь Знахарь, валяясь на чужой кровати, решал задачу поисков, как задачу шахматную, сложную, но интересную. В этой задаче была только одна хитрость — но хитрость главная. За него, вместо него, но с его тайной помощью с этой бедой должен был справиться не он, а его внук.

Внук должен был, если что, занять его место. Внуку нужно было передать свою память. А кроме памяти и внука, больше в его жизни ценностей не было.

Поэтому Знахарь лежал на огромном покрывале в квартире Старого Князя и думал, как найти иголку в стоге сена.

Старый Князь набил тонкую, похожую на дамскую трубку ароматным табаком и прикрыл глаза. Он понимал, что Знахарь хитрит, но поделаться ничего не мог. Хоть друзья и превратились в коллективный разум на это время, он все же не мог свободно путешествовать по чужому сознанию.

— Как будем выручать? — прервал он наконец молчание.

— Тут самое главное не как выручить, а как найти.

— Ну да — всегда самый главный вопрос «где». Это в тебе

говорит специалист по транспортным и пассажирским перевозкам. Если нельзя танцевать от заказчика, будем исходить от признаков предмета поисков. Ты можешь поговорить с геофизиками — дело в том, что единорог будет притягивать к себе воду. По идее должно твориться что-то непонятное с грунтовыми водами.

— Знаешь, сколько времени нужно на это? Я имею в виду мониторинг.

Но времени не понадобилось. Знахарь, кряхтя, поднялся со своего ложа и включил телевизор. В новостях они увидели придурковатых дачников около родника, забывшего прямо у правления их кооператива.

Старики и старухи, как фламинго, стояли, поднимая то одну, то другую ногу, в луже и шурились в камеру. Трогательная старческая радость была разлита по их лицам.

Знахарь с Князем вновь разложили живую карту и принялись орудовать странными инструментами, похожими на циркули.

— Сюда пошло, вот сюда, вот-вот. Это Лукино. Это Лукино, точно.

— Лукино — странная местность. Там целая дивизия стоит, и еще других воинских частей пяток. Все за крепкими заборами. Общемся.

— Все куда проще. Знаешь, где проще всего спрятать лист?

— В лесу.

— А книгу?

— В библиотеке?

— А единорога?

— Опять в лесу.

— Так. Не вышло. Урок не впрок. Единорог похож на лошадь, и легче всего его спрятать на конюшне. Жан Маргульс говорил, что можно лицом к лицу столкнуться с единорогом и не быть уверенным, что это он. Так и здесь — если хорошо поставить дело, то никого не заинтересует, кто там хрумкает морковь в темноте.

— А они едят морковь?

— Ты совсем темный. Отчего ж единорогу не есть морковь? Внук мой любит. Я вот, например, сам ем, и что?

— А скажи-ка, любезный, — Князь повернулся к своему секретарю, — не в Лукине ли конюшня «Холстомер»?

— Именно в Лукине, именно «Холстомер», ваше сиятельство, — отвечал тот, уже выводя нужную карту на общий монитор над столом.

— Хорошее название для конюшни, — одобрил Знахарь. — Цепляет.

Старший лейтенант пожарной службы сильно продрог.

Они с Бурмастером уже два часа лежали в кустах около забора конюшни. Прямо над ними тонко пела на ветру жесть большого рекламного плаката. Там значилось: «Конюшня у яхтенного клуба. Сауна VIP. Круглосуточно баня, бассейн и караоке». «Это описание ада», — подумал пожарник. И еще старший лейтенант подумал, что если бы жил тут, то взорвал бы круглосуточное караоке к исходу вторых крутых суток.

— Полезем через забор?

— Видишь ли, старлей, тут не все так просто. Задурить местную охрану невозможно. Можно, конечно, отвести глаза часовому в соседней части, угнать танк да пробить забор. Но, понимаешь, все это скотство. В буквальном, так сказать, смысле. Передадим каких-нибудь ни в чем не виноватых лошадок, разумеется, ничего не найдем, ничего не сделаем, только устроим скандал. А единорога тут же зарежут. Он живой, конечно, дороже, но тут они пойдут на принцип. Не доставайся же ты никому, и все такое.

— Ну, так как будем выручать?

— Тут самое главное не как выручить, а как найти в этой куче лошадей да потом что с ним делать. Куда везти, где прятать — вот и лежи, жди. Старики пока за нас думают, да только пока ничего не придумали.

— Время-то не ждет.

— Ну, вот ты тогда и придумай. Зачем тебя иначе судьба привела?

Старший лейтенант жевал травинку и думал: действительно, зачем он здесь? Что он может сделать и каково его место среди этих людей и не совсем людей? Его специальность — огонь и вода. Его дело сводить вместе огонь и воду, но что он должен сделать тут?

К тому же он сейчас замерзнет, как кладоискатель. Нет, как старатель — прямо на золотой жиле, но без спичек... Стоп-стоп.

— Кажется, я знаю, что делать. — Он тронул напарника за плечо. — Скажи, Олежек, ты читал Джека Лондона? Про золотую лихорадку? В смысле, про Аляску?

— Читал.

— А помнишь, как он говорит о том, как важно чтение книжек?

— И что?

— Чтение книжек, например, может даже вылечить массу народа от смертельных болезней. Цинги, например.

Впрочем, прежде чем все объяснить, старший лейтенант перевернулся на спину, вытащил телефон и принялся набирать номер, держа аппарат над собой. Сержант из его старого пожарного расчета отозвался мгновенно, будто и не прошло двух лет, и не текла сейчас меж ними глухая ночь. Сержант выслушал все, не задав ни одного вопроса, и сказал, что будет через час.

Он приехал через пятьдесят пять минут на разбитом «жигуленке», который, чтобы не спугнуть его грохотом охраны, они оставили далеко на дороге.

Втроем они долго таскали коробки, а потом устанавливали то, что сержант называл словом «направляющие». Когда все было готово, сержант отмотал длинный шнур и тут же достал из кармана большой кусок колбасы, который засунул в рот, как сигару. Старший лейтенант вспомнил, что он давно ничего не ел, но в кармане обнаружилась только одна-единственная морковка.

— Кажется, все. — Бурмастер покрутил головой. — Итак, неконтролируемая паника нам не нужна. Нам нужна контролируемая паника.

Старший лейтенант зажал крестик зубами на счастье и махнул рукой. Сержант нажал кнопку.

В ночном воздухе засвистело. За конюшней треснуло и полыхнуло. Учебная пиротехника, украденная со склада, сработала как надо. Это были не пожароопасные петарды, нет. Непосвященному могло показаться, что пожар идет к конюшне широким фронтом.

Кто-то за забором закричал, вспыхнул и тут же лопнул прожектор. Контролируемая паника надувалась стремительно, как воздушный шар на газовом баллоне. Хлопали двери, и — о радость! — они услышали звук заводимого мотора.

На пятой минуте ворота распахнулись и, медленно набирая скорость, из них выполз лошадиный фургон.

Они дождались, когда он минует крутой поворот к шоссе, и Бурмастер со старшим лейтенантом прыгнули с двух сторон на подножки кабины.

После непродолжительной возни они перевели дух уже внутри.

— Ты какой-то жестокий, — сказал наконец Бурмастер. — Ты в людей стрелял когда-нибудь?

— Стрелял.

Старший лейтенант был не совсем прав. Он стрелял всего один раз, и не для того, чтобы поднять панику, а чтобы ее прекратить. Он стрелял над головами толпы, чуть не раздавившей первых выбежавших из горящего кинотеатра. Поэтому, не вдаваясь в подробности, он перетянул разбитый кулак платком и тронул фургон с места.

Они миновали несколько деревень, выехали на большую трассу и погнались к монастырю.

Сотни глаз следили за ними, но только одни наблюдатели пока боялись вмешаться, а другие считали, что это уже без надобности.

И все же, когда, казалось, все кончилось, им под колеса метнулась невесть откуда взявшаяся старуха. Бурмастер не успел крикнуть, что это вовсе не старуха и лучше бы не тормозить, но его уже впечатало лбом в стекло.

Фургон развернуло поперек дороги, что-то внутри потекло и захлюпало, и старший лейтенант понял, что дело плохо. Что оно еще хуже, он понял, когда его, выбравшегося наружу, тут же прижали к дверце кабины и показали нож.

Нападавших было двое. Один высокий и худой, а второй маленький, низкорослый, да что там — карлик.

Тут бы хорошо знать какое-нибудь заклинание, как его дед, подумал он. Начать швырять в неприятеля какими-нибудь огненными шарами. Но нет у него огненных шаров, разве что...

Он было думал мрачно пошутить, но вдруг вспомнил, что как раз такое огненное оружие у него есть.

На китайских петардах, что он отобрал у мальчишек на пустыре, как раз и было написано «файрбол».

— Ключи отдай, — сказал ему карлик, не убирая ножа. Они неловко, обнявшись, как молодожены, ступили на подножку. Карлик держал нож у его горла и дышал ему в ухо, и старший лейтенант ощущал странный запах, исходивший от карлика. Это был не смрад, но тлен. Скучный и унылый запах, которым пахнут отсыревшие матрасы на дачах по весне.

Не оборачиваясь, старший лейтенант протянул руку, да не к ключам, а к своей куртке. Шары были там, и он тихо зажал их в руке, пропустив вытяжной шнурок между пальцами.

Он взорвал их прямо в руке, перед носом карлика.

«Кажется, мне оторвало кисть», — успел подумать старший лейтенант, пока не пришла боль. Однако и карлик визжал, катаясь по асфальту. Кажется, у него уже не было носа.

Второй незнакомец сделал к нему шаг, но сзади, постреливая из ружья в окно, приближался сержант на своем дребезжащем автомобиле. Но не это испугало врага — со стороны леса, меняя форму, словно тени, мчались всадники. Всадники были еще чернее, чем ночь, и даже в ночной темноте их контуры выглядели как черный бархат на сером.

Долговязый оглянулся и незаметно исчез. Он не растворился в воздухе, не убежал, а как-то просыпался, как просыпается песок сквозь пальцы.

И тогда пришла боль.

Если вам удастся погладить единорога, то такой сон говорит, что вы незаслуженно пользуетесь благами, которые имеете. Вам следует благодарить за них не только судьбу, но и окружающих людей. Пока вы не признаете это душой и не осознаете разумом, вы не испытаете настоящего счастья.

Кормить единорога из рук — наяву вы испытаете блаженство, которое редко испытывают люди. Вы получите реальный и дорогостоящий подарок судьбы, после которого вам нельзя оставаться неблагодарным.

Бурмастер, прижимая одной рукой платок к разбитому лбу, полез открывать дверцы фургона.

— Уздечку пока не снимай, — руководил Старый Князь. — Он сразу слушаться перестанет. Потом снимем.

Единорога вывели, и он встал перед монастырской рощей, куда они добрались медленно, со странным эскортом. Однако, когда уздечку сняли, индрик-зверь никуда не убежал, а все так же стоял, время от времени взмахивая хвостом.

Старший лейтенант сидел на бревне, баюкая перебинтованную руку. Он был готов поклясться, что руки у него нет, но теперь она определенно была. Может, когда он потерял сознание, ее давали вылизывать единорогу? Это надо будет выяснить, но потом.

Старый Князь повернулся к нему:

— Надо бы что-нибудь дать бедному животному. Есть у тебя что-нибудь?

Старший лейтенант достал морковку и, очистив ее от табачных крошек, протянул единорогу.

Единорог всхрапнул и захрустел морковкой. Старший лейтенант вернулся к бревну и сел рядом с Бурмастером. Только сержант в одиночестве громко и шумно что-то ел в машине у них за спиной. Нет, не ел, а жрал. Старший лейтенант поразился этому животному миру — спереди индрик-зверь хрустит морковью, сзади бывший подчиненный хрюкает и давится, как кабан. Безумие какое-то. Где вот только дед? Ясно, что он все знает, но в его манере выйти из-за дерева и спросить: «А что тут у вас случилось?»

— А вот еще был у нас такой случай, — сказал Бурмастер. — Мы кентавров ловили. И вот один кентавр...

Старый Князь толкнул Бурмастера под локоть.

— Поделитесь, юноша...

Тот с сомнением достал пачку «Беломора» и, щелкнув, вынул из нее папиросу.

Старичок ловко зацепил ее наманикюренными ногтями, выдернул и совершенно неожиданно сделал из мундштука «дембельскую гармошку», перед тем как вставить в рот.

Они задымили уже втроем.

Единорог пасся на лужайке между деревьев. Сделав несколько кругов, он забрал в орешник и обиженно замычал, запутавшись рогом в ветвях.

азруха или не разруха, но, пока по деревням и маленьким городкам топятся печки, людям нужно пилить дрова. А далеко не у всякого есть в сараюшке визгливая циркулярная пила или пованивающая бензином «Дружба». Большинство по старинке обходится двуручной пилой и козлами, вытесанными из обрезка бревна. А значит, и спрос на пилы будет, хотя штука эта, как пишут в экономических пособиях для людей, никогда не пиливших, долговременного пользования.

Матюхинский механический завод простаивал уже вторую необъявленную пятилетку, лишь цех ширпотреба продолжал потихоньку выпускать продукцию, снабжая зарплатой заводское начальство. Делали ножовки и двуручные пилы. Из тонкого стального листа, запасы которого покуда сохранялись на складе, вырубали зубастое полотно, на малом станочке разводили зубья, деревообработка поставляла ручки, не какую-нибудь дрянную пластмассу, а осиновые, чтобы ладони не занозить. Самая большая работа была на участке сборки, где заклепывали ручки ножовок или на крутильном станке изгибали концы двуручных пил, чтобы было куда вставить деревяшку. Там получалось больше всего брака: случалось, полотно трескалось. Брак выявляли в ОТК, контролер Петр Мокеич щелкал желтым ногтем по полотну и придирчиво слушал, как поет готовое изделие. Бывало, откладывал в сторону совершенно нормальную пилу: «Не сгодится, плохая». Начальство не возражало. Жалоб от торговли не было, рекламаций и возврата товара — тем более. А стального листа в советские времена было закуплено на сто лет вперед. Так что от добра добра не ищут, Мокеич лучше знает, какая пила сгодится.

Готовые пилы оборачивали крафтовой бумагой и отправляли по сельским магазинам. Спрос был, не ажиотажный, но устойчивый.

Тревогу забил штамповщик Колька, вырубавший на старом, еще довоенных времен прессе полотнища двуручных пил. Вздурораженный и злой Колька примчался к начальнику цеха:

— Борис Саныч, ты глянь, что этот старый хрыч вытворят! Ведь он всю партию, до последней пилы, в брак списал!

Борис Александрович, человек неторопливый и основательный, не стал делать скоропалительных выводов. Он отослал Кольку на рабочее место, отметив про себя, что опять штамповщик вместо работы торчал на соседнем участке, не иначе, обхаживал фасовщицу Валентину. И лишь затем отправился к Мокеичу, выяснять, что за беда приключилась.

Контролер сидел за своим столом, больше напоминавшем верстак, и придирчиво разглядывал новенькую, отблескивающую машинным маслом пилу. Прищурив глаз, смотрел вдоль зубьев, пробовал мизинцем остроту. Пила, конечно, не наточена, но из-под прессы зуб выходил достаточно острым, так что непонижающие дачники с успехом пилили и наточенной пилой.

— Чего там у тебя? — нарушил тишину начальник.

Петр Мокеич щелкнул ногтем по полотну, пила изгибисто запела.

— Не годится... — вздохнул представитель ОТК и отправил пилу в дальний угол, где обычно собирался брак, а сейчас громоздилась внушительная стопа совершенно нормальных с виду пил.

— А по-моему, так вполне приличная штука. — Борис Александрович поднял забракованную пилу, тоже посмотрел вдоль зубьев, согнул несколько раз, пощелкал по полотну, слушая пение металла. — Чем ты недоволен, не пойму. Я бы такую в магазине купил.

— То-то и беда, что купил бы. Ты гляди, осторожнее, порежешься, не ровен час. От двуручки знаешь какие порезы изгвазdistые? Хуже чем от ножа.

— Это я порежусь? Ты говори, да не заговаривайся, я такой дурой сорок лет пилю и ни разу не резался.

— Вот и впредь поберегись. А то потом пожалеешь, да не вернешь. Опасную вещь в руках держишь.

— Ладно, — сказал бригадир, возвращая пилу в стопку брака. — И все-таки скажи: чем она тебе не угодила?

— Я же говорю: опасная вещь. Этой пилой человек порежется. Купит ее в магазине, начнет пилить и пальцы себе отхватит, а то и всю руку. Или еще какая беда приключится. Нельзя такую дрянь в люди пускать.

— Да с чего ты взял? Этак я что угодно забракую. Порезаться и стеклом можно. Или вон моя вчера консервной банкой руку располосовала. Стала открывать — и готово.

— Значит, плохой мастер там на контроле сидел, — сердито отозвался Мокеич. — Недоглядел. А может, и нарочно брак в продажу пустили, теперь это часто случается. А чего с бракодела возьмешь? Салака в банке нормальная, и банка нормально запаяна. А что хозяйка жестью поранилась, это, мол, случайно, сама порезалась, с нее и спрос. Нет уж, хороший контролер такие вещи должен заранее видеть и предупреждать. Сейчас, конечно, все за чистоганом гонятся, вот и началось безобразие по всей стране. Ты мне скажи, прежде ты слышал, чтобы самолеты падали? А теперь что ни месяц — где-нибудь катастрофа. А все потому, что контроль снизили. Прежде не боялись новенький самолет на части разобрать, если ОТК не пропускает. Людей берегли. А нынешние на это не смотрят, им лишь бы деньги на карман положить.

— А в Америке как же?

— Заграница нам не указ. У них совести и прежде не было, и теперь нет, но брак они себе не оставляют, а слаборазвитым странам втюхивают. Ты телевизор-то посматривай... Ежели где самолет упал или автобус перевернулся, так это в Индии или Аргентине. А своих американцы берегут.

— Так слушай, может, и нам так же? Из Алаева завтра машина придет, ихняя потребкооперация хочет сто штук пил купить. Вот им все и сбавим. Алаево — это и вовсе не наша область...

— И совесть у тебя тоже не наша, — отрезал Мокеич, слово штампом ОТК проставил.

— А по-моему, — в тон отозвался Борис Александрович, — ты чего-то мухлюешь. Хочешь пилы в брак списать, а потом на лево пустить. Мне такие вещи очень даже знакомы.

— Зря обижаешь, Борис Саныч. Я эти пилы прямо при тебе изничтожу. Под пресс — и в металлолом!

— Ага, ломать не строить. А мне перед начальством отвечать, почему целая партия в брак ушла. Опять же людям зарплату нужно, они у меня на сдельщине сидят. И никакого брака не допустили, кроме твоего «не годится». Людям ты что скажешь?

— То же, что и тебе. Нельзя опасную вещь в продажу пускать.

— Ты мне скажи, — хитро прищурился бригадир, — по-твоему выходит, мастер ОТК судьбу изделия видит. А ежели такого мастера в родильный дом определить, чтобы он сразу говорил: этот, мол, убийцей вырастет или вором, давайте его прямо из колыбели в брак спишем... Как тебе такой поворот?

— Ты меня не путай. Одно дело — пила, а живой человек — совсем другой коленкор. И вообще, младенец в колыбели вроде как заготовка. В нем брака не бывает, разве что по здоровью. Это потом, когда жизнь с него стружку снимет, он человеком станет или в брак пойдет.

— Ну хорошо, — бригадир все еще не оставлял надежды добром поладить с упрямым, — не будем о людях. А как же на военном заводе, пулеметы собирают — их тоже в брак, если они человека убьют? Пулемет для того и делают, чтобы убивать.

— Пулемет — дело военное, у них свое ОТК и все засекречено. Я туда не лезу и тебе не советую. Но свое дело знаю крепко: пила человечесьей крови проливать не должна. А эта партия — все до одной кровопивщицы.

— Ох, трудно с тобой!.. — вздохнул Борис Александрович. — Ну подумай своей головой: как такое может быть? Вот привезем мы эти пилы в Алаево, там же народ тертый, в лесу живет. И ты говоришь, алаевские мужики ни с того ни с сего начнут себе руки пилами курочить? Сто одноруких на задрипаный Алаевский район? Не может такого быть, сам подумай. Голова у тебя большая, плешь вон какую вырастил, а сообщения не нажил! Пойми, такого не бывает!

— Бывает, что и кот залает! — не сдавался Петр Мокеич. — В Алаеве я не был, с мужиками тамошними дров не пилил, а свое дело понимаю и бракованную партию в продажу не пушу.

— Ну, как знаешь, — сдался Борис Александрович. — Только учти, ты не одного себя прогрессивки лишаешь, а всю бригаду. С народом сам объясняться будешь. И не сердчай, ежели они этой пилой тебе что-нибудь интересное оттяпают. Я тебя предупредил.

— Меня уже Колька предупреждал, что ты явишься и чего мне оттяпаешь. Так что я уже пуганный. А документы не подпишу и штамп ОТК с собой заберу, так и знай!

* * *

— Тоже, напугал ежа голой задницей! — ворчал Борис Александрович, возвращаясь в конторку после неудачной беседы с упрямым контролером. — Хотел с ним по-доброму, а коли нет, так пусть он теперь без прогрессивки посидит, авось в следующий раз думать научится.

Угроза контролера унести с собой штамп ОТК и впрямь звучала смешно. Борис Александрович не был бы хорошим бригадиром, если бы не имел запасного штампа и бланков с артикулом. Так что по сути дела Мокеич ничего не решал и хорошился напрасно. На других заводах контролеров ОТК давным-давно посокращали, а этот, вишь, начальника из себя корчит! И с головой у него не в порядке. Надо же придумать — целая партия пил-кровопийц! По всему видать, пора старику на пенсию. Проводы устроим торжественные, как старейшему ветерану, дирекцию на ценный подарок раскатаем, и адью, Петр Мокеич, во дворе козла забивать!

И все же забракованные пилы бригадир на всякий пожарный случай решил отправить в Алаево. А чтобы въедливый старикан не развонялся, сегодня же вечером нужно вывезти металлолом, а Мокеичу сказать, что и пилы туда же ушли.

Незадолго до конца рабочего дня Борис Александрович заглянул на штамповочный участок и велел Кольке остаться после работы. Прессовщик было вскинулся, но бригадир лишь посмотрел со значением, и бунт был подавлен. Даже записную

книжку, где все Колькины прегрешения расписаны по пунктам, доставать не пришлось.

В четыре руки быстренько проштемпелевали забракованные пилы первым сортом и принялись перетаскивать в инструментальную кладовую. Надо бы крафт-бумагой обернуть, ну да алаевские кооператоры и так возьмут; сойдет для сельской местности. Освободили ближний к выходу стеллаж и начали распахивать пилы. Это только кажется, что сотня двуручных пил — совсем немного, но через полчаса и Колька, и Борис Александрович взмокли и дышали тяжело. Колька таскал по четыре пилы, а бригадир, взгромоздившись на табурет, упихивал их на стеллаж, подымаясь все выше и выше. Четыре пилы — вроде бы и немного, а попробуй больше взять! Это не дрова, в охапке не понесешь. Чуть что не так — скользнет пила незакрытыми зубьями по руке, и можешь остаток жизни вспоминать мудрое предостережение Петра Мокеича.

— Ты смотри, осторожнее! — покрикивал Борис Александрович на рабочего. — Бегай пошустрее, а носи поменьше.

— Не бойсь, Борис Саныч! — отвечал штамповщик. — Я их за ручки по две штучки, как с девушками на бульваре! Представляю, как Мокеич будет бухтеть, если узнает!

— Я те узнаю! Проболтаешься — год премии не увидишь!

— Да чего такого? Ну, тронулся умом старикан на почве качественной работы. Сами посудите, сто пил: если каждая человека покалечит, это же сто инвалидов получится. Впору будет Алаеву в Безруково переименовывать. — Колька остановился на мгновение и заворуженно протянул: — А ну как кто-нибудь один все сто штук купит? Во будет дело! Они же его на котлеты перемелют!

— Тыфу на тебя! — плюнул Борис Александрович, принимая от Кольки последние четыре пилы. — Язык твой поганый на котлеты перемолоть!

Места на стеллаже почти не оставалось, Борис Александрович приподнялся на цыпочки, стараясь упихнуть гибкие стальные полосы в узкую щель, но табурет под ногой покачнулся, и бригадир грохнулся в проход между стеллажами. Он пытался удержаться, ухватившись рукой за стойку, но перегруженный стеллаж покачнулся, и сотня иззубренных, жажущих крови лезвий с тонким звоном хлынула на него сверху.

ССУДА

ремя — оно, конечно, деньги. Знать бы, куда оплачивать.

Новый хозяин офиса на ремонте не экономил, но главное требование выдвинул жестко: через две недели на месте комнаты с покореженным паркетом, облупившимися деревянными рамами и громоздкой мебелью а-ля рухлядь должен сиять интерьер в стиле «высокие технологии». Прораб составил умопомрачительную смету, которую заказчик подмахнул не глядя.

Предоплату перечислил сразу — весьма удивительно.

Строители уложились в сроки — совершенно невероятно.

Деньги — прах, лишь бы дело скорее шло.

— Ну и жилку мне подбросили! — Новый хозяин говорил по беспроводной гарнитуре, будто размышлял вслух. — Как я здесь столько материала наберу? Да понятно, что это мое дело... Естественно, буду стараться... Как говорит мой папа, плох тот менеджер, который не мечтает о приставке «топ»... Что? Каждый курьер носит в рюкзаке директорский «Паркер»? Нет, такого не слышал, но тоже хорошо...

В дверь осторожно постучали.

— Войдите, — сказал новый хозяин и тут же поправился: — Это я не тебе, это в дверь стучат. Ладно, созвонимся.

Вошел пожилой человек. Впрочем, возраст его противоречил стройной осанке и цепкому взгляду.

— Здравствуйте, я — Гордей Халифович Сребряков, ювелир. — Поднял взгляд и осмотрел комнату, поворачиваясь вокруг своей оси. — О! Да вы тут ремонт сделали...

Новый хозяин убрал руки с клавиатуры.

— Прошу садиться, уважаемый господин Сребряков. Очень приятно познакомиться. Меня зовут Велор Финштейн, я — старатель.

Гость сел на покрытый пленкой диван, продолжая изучать обновленное помещение.

— Странное имя... Если не ошибаюсь, сокращенно — Великая Октябрьская революция?

— Распространенное заблуждение. Имя — скандинавское, откуда пошло — ономасты и антропономы до сих пор ломают головы.

— Кто, простите, ломает?

— Ономасты и антропономы. — Велор внимательно посмотрел на гостя. — А вы, собственно, по какому вопросу?

Сребряков хлопнул себя по коленям:

— Простите, задумался. Дело в том, что я бывший хозяин этого кабинета, именно мне вы передавали деньги через агента по недвижимости. Представляете, сегодня кинулся разбирать вещи — не нахожу футляра с инструментами. Там у меня «утконосы», кусачки, круглозубцы... а потом вспомнил — они в тумбочке лежали. Стояла здесь тумбочка такая, может, помните?

— Нет, я въехал только сегодня. Ваша мебель стоит на этаже, в расширителе. Посмотрите, может, там и тумбочка осталась с утконосами. А вы, если не секрет, куда переехали? Почему у вас аренда?

— Домой съехал, какой тут секрет. Продал дело, выручку хочу дочке оставить. Она живет в Италии. Съезжу, деньги отдам, и обратно — помирать.

— Полно вам, это никогда не поздно. Выглядите замечательно, деньги есть — чего раньше времени в гроб ложиться?

— Себе я оставляю самый минимум, в этом будьте уверены. Знаете, есть такое понятие — достаток? Это когда достаточно. Остальное — от лукавого.

Финштейн двинул брови из обычного состояния «домиком» к переносице, а Сребряков подошел к столу и сел ближе к Велору. Ювелир достал трубку, но спохватился — не у себя в кабинете. Спросил разрешения закурить.

Выпустив струю дыма, Гордей Халифович заговорил быстро, полусшепотом:

— Я сорок лет работал ювелиром, поверьте мне — драгоценные металлы и камни действительно презренны, как и деньги. Я мог бы привести десятки примеров, но, во-первых,

на это уйдет много времени, во-вторых, вы мне не поверите. Скажу так: деньгами человек восполняет душевную пустоту, вместо того чтобы наполнить ее знаниями и чувствами. Богачи, в нашем обычном понимании, на самом деле — беднейшие люди. Отнимите у них золото, и они станут слабее алкоголика в туберкулезном диспансере. А вот у нищего, но мыслящего человека отобрать нечего — он богат по определению, понимаете?

Старик вдруг смолк. За окном подул ветер, бросая ветви в стекло. Сребряков окончил мысль совсем шепотом:

— У каждого есть своя граница достатка, за которую переходить чревато. Только вот как ее найти... нет, пожалуй, не найдешь... только почувствовать, только ощутить...

Табачный дым плыл под потолком, и движение его казалось слышным в тишине.

— Продайте мне эту идею, — глядя в глаза собеседнику, предложил Финштейн.

Сребряков пару секунд еще пребывал в эмпиреях и, наконец, вернулся на землю:

— Как это — продайте? Я вас не понимаю.

Велор достал из верхнего ящика стола блокнот в кожаной обложке с золотой отделкой и приготовился писать.

— Элементарно. Как говорит мой папа, проверяйте деньги, не отходя от кассира. Я запишу вашу мысль в блокнот и выдам плату. Сколько хотите?

Сребряков молчал.

— Скажем, если я выплачу сумму, равную той, которую вы получили, продав дело?

Перо ручки в готовности зависло над бумагой. Ювелир вскочил и попятился к дивану. Часто кивая и бормоча под нос, Сребряков выбежал из офиса.

— М-да, ну и жилка...

Перо легло на стол, блокнот — в верхний ящик. Финштейн встал, открыл дверь и выглянул в коридор. Сребряков топтался в расширителе, осматривая выставленную вон мебель. Заметив Велора, захлопнул тумбочку и с пустыми руками поспешил к лестнице.

Топот потерялся в пыльном гомоне здания.

Провинциальный, но большой город требовал множества усилий по разработке. Первый этап промывки — самый главный, от него зависит будущее кампании.

Сначала нужно привлечь клиентов. Телевизионная реклама и объявления в газетах — чушь по сравнению с «цыганской почтой». Там, на экране и печатной полосе, ненастоящая жизнь. Совсем другой расклад, когда тетя Марина услышала, бабушка Тоня сказала, а Михаил Игоревич сам попробовал. От такого товара веет правдой.

Первые сообщения по «почте» пришлось отсылать собственноручно.

— Уснула кассир, что ли? Минут пятнадцать стоим! — возмущается Велор-покупатель.

— А вы не нервничайте, — отвечает стоящий впереди гражданин.

— А вы мне не указывайте.

— Я не указываю, а знаю, что раздражаться — вредно.

— Почему это? Нервные клетки не восстанавливаются?

— Да восстанавливаются они прекрасно. Вокруг и так полно негативной энергии, а вы ее увеличиваете своим волнением. В итоге жизненные силы уходят впустую, человек подвергается болезням.

— Какая интересная мысль! Продадите?

— Как это?

— Так это: я запишу ее в блокнот и дам вам сотню, идет?

— Л-ладно, пишите, только деньги вперед.

— Конечно-конечно. Значит, так: «Раздражаться вредно».

Очень хорошо. Как говорит мой папа, спокойному — покойно. Потрудитесь получить...

И обязательно — визитку в руки, с адресом и телефоном. «Велор Андреевич Финштейн, старатель. Фирма «Золотые идеи» — оценка, скупка».

— Да где же там эта кассирша?! Корова! Уснула она, что ли?! — кричит в недрах очереди счастливый обладатель сотенной купюры.

Это очень неприятно — раздавать листовки в общественном транспорте, ходить по офисам торговым представителем, расклеивать бумажки с телефонной бахромой. Но работа того требует, нужно потерпеть, и скоро граждане сами будут разы-

скивать Велора Андреевича, чтобы продать ему ту единственную драгоценную песчинку, которой богат обыватель.

— Ой, вы мне сдачу неправильно дали, — говорит покупатель, суя голову в окошко, — на рубль больше...

— Я за вами стоял и видел — все правильно, — влезает в разговор старатель.

— Нет, я же сам считал...

— Да заберите вы этот рубль, как ребенок, честное слово.

— Что вы, нельзя. Сегодня рубль возьму, завтра от меня два убудет. Это же закон сохранения, он фундаментальный.

— Интересно, интересно. Сколько вы хотите за ваш закон? Пятьсот устроит?

И затерялся в торговых рядах.

На ладони у клиента — купюра и карточка: «Велор Андреевич Финштейн, старатель».

— Мужчина, так что вы там про сдачу говорили?

— Нет-нет, все правильно, извините.

Народ в массе своей глуп, утверждают социологи. Но в этом стаде каждый баран несет долю мяса и шерсти. В течение месяца темноволосая голова Финштейна мелькала в блеющей толпе. К сожалению, идеи повторялись — от стереотипов никто не застрахован, — но главная цель была достигнута. О молодом бизнесмене с насмешливыми глазами заговорили на лавочках у подъездов и на трамвайных остановках. В желтой прессе появились первые ласточки — «В городе орудует идейный вампир», «Сколько нынче стоит подумать?» и «Социализм с человеческим лицом и блокнотом в руках». Статейки не стоили выеденного яйца, но дали неплохой пинок по-зимнему дремлющему сознанию.

Через месяц на деревьях набухли почки, запели птицы; в глаза вместо снега ударила пыль. Телефоны Велора Финштейна разрывались. В офис потянулись очереди. Их обитатели затравленно осматривались, раздумывая: что такой недотепа может интересного подумать? куда эта пигалица лезет, да еще в таких колготках? ты смотри, вроде интеллигентный человек, а туда же!

Со временем змеиный хвост очереди вытянулся и налился мышечной тяжестью. Махни им — любого доброго молодца с

земли спишет. Финштейн жалил безболезненно: р-раз — и в голове пусто, в карманах — полно.

Укус? А что укус — почешется немного и пройдет. Зато кредит оплачен и холодильник набит.

Собрав золотую пыль, Велор решил выходить на разработку иной породы.

Приглашение в театр пришлось кстати. Целевая аудитория ничтожна по количеству, но качественно — то, что нужно. Легированный постановкой и растворенный в репризах материал получает запредельную чистоту, высшую пробу. И всего-то работы — прийти за полчаса до начала спектакля.

— Рад видеть, Велор Андреевич, хорошо, что нашли время. Осторожно, не испачкайтесь, — ремонт, знаете ли.

— Как я мог упустить случай погреться у единственного в городе очага культуры! Однако, между нами, не люблю выглядеть идиотом после спектакля, в котором ничего не понял. Собственно, о чем пьеса?

Художественный руководитель театра по совместительству служил и главным режиссером. Пьеса — о добре и любви, которые проходят сквозь все преграды, чтобы в кульминации победить предрассудки и явиться зрителю не куском гранита, но чистым бриллиантом. Сюжет построен так, что зритель становится участником действия, сам очищает драгоценный камень от налета рутины и зависти, а в развязке мысленно надевает кольцо с блестящими гранями идеи.

— Говорите, маленьким чистым бриллиантом?

— Образно, исключительно образно.

— Замечательно. Понимаете, я очень люблю искусство, несмотря на мое дилетантство. Впрочем, деньги позволяют выглядеть профессионалом в любой сфере.

Посмеялись.

— Я хотел бы поставить эту пьесу в родном городе. Надеюсь, игра тамошних актеров не испортит задумки и скрасит мое пребывание на родине.

Художественный руководитель опустил взгляд и поковырял потрепанным ботинком в не менее потрепанном линолеуме.

— Не сомневаюсь в таланте артистов вашего театра, но ре-

жиссура — вещь уникальная. Каждый художник видит пьесу по-своему, пропускает через себя, трактует... Боюсь, злые языки уличат в плагиате.

На свет появился кожаный блокнот.

— Не извольте беспокоиться. Как говорит мой отец, если на полке лежит Шекспир, его нужно обязательно поставить. А за вашу трактовку я готов предложить десять тысяч. Не лично вам — на развитие театра. Ремонт опять же закончите. Ну как?

Режиссер провел ладонью по шершавой от штукатурки стене:

— Пишите.

После спектакля завсегда и расходились молча. Заехали, видать, актеры пьесу, замылили. Играли как на новогодней халтуре — плоско, грубо, без переживаний. А ведь только год постановке — когда успели закатать материал?

Так Велор Финштейн стал меценатом. Богема проглотила два месяца его жизни в уютном провинциальном городе. Он давал гранты молодым писателям, подающим надежды музыкантам и перспективным художникам. Поддерживал тех, чьи творения не принимались критикой. И — о, чудо! — на непризнанных гениев нисходила быстрая и мощная, как двигатель тепловоза, слава. Под патронатом Финштейна были отреставрированы здания в исторической части города, в их число попала и старейшая в стране филармония. Увы, этого не хватило для охвата сетью всей сошки. Пришлось привезти выставку работ знаменитого фламандца, организовать несколько симфонических концертов и вдохнуть финансовую жизнь в бледную от голода балетную школу.

Служители муз так долго ждали — даже не денег, внимания, — что легко расставались с задумками и идеями. На то ты и творческий человек — еще придумаешь! Твори шедевры и бросай их в воду! Взамен получай монету и не думай ни о чем, кроме искусства, которому ты долго учился, жуя горбушку. Это ли не счастье?

— Как говорит мой папа, художник должен вставать из-за стола с легким чувством голода, — посмеивался Велор и записывал в кожаный блокнот новые и новые мысли.

К началу сезона, который у артистов наступает осенью,

публика убедилась: смотреть и слушать в городе абсолютно нечего. Живая сила искусства спряталась за сверкающими фасадами, нырнула в кучу дорогого реквизита, рассеялась в рекламных роликах и телевизионных сериалах.

Велору нужно было последнее усилие — и план сделан.

В пустом от невежества и духовно нищем городе оставался еще один потенциальный клиент — изначально не обремененный душой, от природы очень жадный.

На дне расщелины лежал самородок.

Ежегодный прием в мэрии — тяжелая повинность. Беспросветное законодательство вкупе с произволом местных властей отбивает у бизнесмена любое желание работать на благо общества. Ради своего кармана — куда ни шло. После слов благодарности, произнесенных с хитрой ухмылкой, и вручения жестяных медалек обязательно потребуют что-нибудь взамен. Например, деньги под очередной проект. Невыносимые сравнения с великими меценатами прошлого, перемешанные призывами к социальной ответственности, в результате дают кислый пунш на банкете и черный осадок в душе.

Не дают чиновничьи рожи спокойно дышать.

Сияющий от счастья Финштейн во время приема бизнес-элиты выглядел светлым пятном на фоне мрачных коллег. Принимая почетные награды, радовался как ребенок; проследил, когда его назвали надеждой и опорой города.

— Великая честь — помогать горожанам, — сказал он в ответной речи, с умилением сложив брови.

По залу прошел смешок.

«Он действительно идиот или прикидывается?» — зашептали по углам.

После официальной части мэр пригласил Велору в кабинет — ближе познакомиться с новичком высшего света. Разговор зашел об инвестициях — Финштейн его ждал.

Предлагаемые проекты не несли старателю ни малейшей выгоды. Лишь несколько раз Велор потянулся за блокнотом — напрасно. Складывалось впечатление, что градоначальнику подсунули сплошь банальные идеи, как по мысли, так и по способу кражи. Что, спрашивается, занимательного в строитель-

стве супермаркета или развлекательного комплекса? Кому любопытен снос деревьев под автостоянку?

Желание иссушить и без того чахлую реку и устроить в русле вещевой рынок окончательно раздосадовало Велора.

Эти мысли гроша ломаного не стоят! Тут клиент еще должен доплачивать, чтобы сбавить гнилой товар.

Самородок превращался в кусок грязи. Но под конец списка сквозь комья грязи начал просматриваться вожаденный блеск.

— Вот здесь мы планируем построить дворец спорта, — мэр указал пальцем в зеленое место на карте.

Велор присмотрелся к плану и просиял:

— Рядом школа, детский сад и дворец пионеров? Блестяще! Я это покупаю. Сколько стоит такая идея?

— Бюджетный комитет оценил ее в пятьдесят миллионов. Но можно финансировать частями, под залог городского имущества...

— Что вы! Это надо сделать как можно быстрее, нельзя отнимать ни минуты детства у маленьких горожан. Так я запишу? Деньги будут на счету казначейства сию минуту.

В золоченом блокноте появилась запись. Финштейн набрал номер и отдал приказание перечислить деньги.

Мэра взяла оторопь. А когда отпустила, градоначальник принялся дожимать толстосума, не подозревая, что сам давно лежит на лопатках:

— Раз уж мы затронули эту тему... гм... дети, школа... садик и дворец пионеров, то есть дворец детского и юношеского творчества... Они тоже требуют вложений для капитального ремонта. Было бы неплохо, если бы...

— ...если бы открытие дворца спорта совпало с окончанием ремонта в детских учреждениях? — Старатель подхватил мысль и понес ее попутным ветром. — Похвальное желание. Вам как лидеру территориальной общины цены нет!

— Мне-то, может, и нет, а у ремонта есть смета. — Мэр почувствовал запах денег и практически услышал их хруст. — Мы тут считали... в общем, еще пятьдесят миллионов.

— Накла-адно, — Велор покосился на кончик ручки и изобразил задумчивость. Получилось так себе. — Но думаю, я потяну.

— Потянете? — Мэр захлебнулся от счастья.

— Потяну! — твердо ответил Финштейн. — Записываю: плюс ремонт школы, детсада и дворца творчества...

— Детского и юношеского...

— Безусловно. Как говорит мой отец, если у вас не было детства, значит, вам его подбросили милиционеры.

— И деньги сразу?

— Иначе не работаем.

Ударили по рукам. Пока длилось рукопожатие, Велора посетила еще одна мысль. Не соскочить бы с канцелярской волны, на которой лихо гребет городской голова.

— Скажите, а какова ситуация по остальным детским учреждениям района?

Велор понял — перемудрил. Не нужно было выводить мэра из состояния блаженства, в коем тот пребывал последние минуты. Вопрос насторожил.

— Я понимаю, к чему вы клоните. — Теперь настала очередь Финштейна удивляться. — В других городах, чтобы сохранить здания в надлежащем виде, в детские садики вселяют суды, собесы и районные отделы образования. Но я заявляю со всей ответственностью — у нас этого не будет!

Для пущей важности мэр стукнул кулаком по столу.

У старателя отвисла челюсть — такого мэрского подарка он не ожидал. От боязни утратить выгоду Велор стал пританцовывать, что случалось с ним крайне редко.

— Позвольте, я запишу?

Мэр внимательно посмотрел на мецената.

«И вправду идиот он, что ли? Я-то думал, слухи все, сплетни...»

— Так ведь для этого никаких денег не требуется.

— Тем более — просто отдайте. Это украсит мою коллекцию идей.

Градоначальник не терпел лести в чужой адрес — если слышал, из себя выходил. Однако, когда льстили ему, глохнул тетеревом, потому никакого подхалимажа не замечал.

— Ну, пиши, чего там. Раз, говоришь, мысль дельная...

Финштейн покинул кабинет с легкостью спортсмена, сбросившего лишние граммы перед контрольным взвешива-

нием. До выполнения плана оставалось чуть. Вспорхнув над лестницей, старатель выскочил на улицу и устремился в офис — считать барыши.

Медаль выбросил в урну по дороге — терла ленточкой шею.

На следующее утро Финштейна ждал неприятный сюрприз.

Человек в штатском сидел за столом в офисе и листал кожаный блокнот.

— Доброе утро, чем могу?

— Здравствуйте. Майор Стальной, служба безопасности, — вынул удостоверение, предъявил в развернутом виде.

С дурацкой привычкой органов превращать любой кабинет в собственный Велор познакомился давно, но привыкнуть к этому не мог.

— Вы разрешите? — Финштейн указал на занятое майором место.

Тот пересел на диван. Блокнота из рук не выпускал.

— Верните, пожалуйста, блокнот.

Гость цокнул в ответ языком и пролистал страницы большим пальцем левой руки.

— Вы же прекрасно понимаете, Велор Андреевич, почему я здесь. Ваша, мягко говоря, странная деятельность очень заинтересовала нас. Судите сами: в городе появляется новый человек — бизнесмен, фигура. Занимается черт знает чем, сорит деньгами направо и налево, за полгода как нож сквозь масло проходит в высшие деловые круги. Несет благо и вместе с тем разрушает все на своем пути. Согласитесь, достаточно оснований нанести визит.

Велор не сводил глаз с блокнота. Машинально достал бухгалтерские документы.

— Вот, проверяйте, у меня все чисто.

— Ну-у, бумажками пусть в налоговой озадачатся, это их партия. Хотя, уверен, ничего предосудительного они там не найдут. По финансовой части у вас действительно все чисто. — Майор перевернул блокнот вверх тормашками. — Это до

невозможности странно. Расскажите, чем вы занимаетесь на самом деле? Оценка и скупка идей — это же несерьезно.

Службист зря ставил на откровенность — старатель не скрывал сути своей профессии. Другое дело, что до майора никто об этом не спрашивал.

В работе Велора все как раз было очень серьезно. Идея — та же драгоценность, только иной, нематериальной природы. Содержание золота в земной коре — около грамма на миллион кило. Редкость обуславливает ценность. То же с человеческими мыслями, чувствами и желаниями: «золотые» попадаются крайне редко. Даже «геохимия» сходна: дорогие идеи находятся в самородках, сплавах с другими идеями и россыпях. Старатель получает на разработку месторождение и проходит по жиле — ни песчинки в породе не остается. Добычу передают в головной офис, что происходит дальше — в ведомости топ-менеджеров.

Стальнов еще раз просмотрел страницы блокнота, на сей раз внимательней.

— То есть вы хотите сказать, что ваша добыча — эти записи, сделанные непонятными закорючками?

— Это древний язык, ныне мертвый. — Велор сдвинул брови к переносице, протянул руку в сторону майора и заговорил настолько тихо, насколько необходимо для полной доходчивости: — Отдайте записи. Поверьте, я все равно верну их себе. Однако последствия для вас могут быть самые плачевные. А главное — уйдет время, которое для меня дорого. Это, как вы выразились, не ваша парафия. Слово-то какое дикое. Да и не прочтете вы там ничего. — Старатель вышел из-за стола и вплотную приблизился к Стальному. — Отдай блокнот, майор. Сиздан утиниб сурайман!

Стальнов выронил блокнот, тут же подхватил его и спрятал за спину. Прижался к дивану, будто римский император закрыл телом народ от посягательств варваров.

Без сомнения, майору нужно дать взятку. Но Стальнов — честный офицер, профессиональный взгляд Велора позволял видеть людей насквозь. Видимо, из бывших детдомовцев, предан делу, безмерно благодарен Родине за все, что имеет. Лицо — как с плакатов советских времен: острые скулы, хму-

рые брови, волевой взгляд. Такого деньгами не купишь. Впрочем, не так уж и бедны офицеры безопасности. Такому необходимо усиленное питание для карьерного роста.

Финштейн вернулся за стол, положил локти на столешницу и оперся подбородком на сложенные в замок пальцы:

— Хотите, я докажу, что являюсь добропорядочным гражданином?

Майор чуть расслабил мышцы, но сидел по-прежнему скованно.

— Я помогу вам раскрыть и пресечь интересенькую схему — по вашей линии. Это касается махинаций с вывозом антиквариата.

Стальнов подался вперед и прищурил левый глаз.

— Но чтобы идея стала вашей... — Велор улыбнулся самым милейшим образом. — Господин майор, верните записи.

Подействовало — майор встал и принес Финштейну блокнот. Вернулся на диван.

— Слушайте внимательно, можете записать. Комбинация заключается вот в чем...

И в двух словах объяснил майору схему, которая начала действовать, как только идею ее пресечения ему продал один генерал.

— А если кто-то уже догадался об этом? — Стальнов окончательно пришел в себя и, кажется, прокручивал в голове ближайшие действия.

— Вполне возможно. Только, кроме него самого, об этом никто не знает. А вы мало того что знаете, так еще и обязательно сделаете. Это как минимум очередное звание и перевод в столицу. Такой масштаб, такая находчивость...

Майор провел пятерней по русым волосам. Встал, прошелся от окна до двери. Покачался на каблуках.

— Хорошо, живи пока. Но если план не сработает...

— Сработает, куда он денется! Как говорит мой папа, доверьтесь мне, и я поведу вас по пустыне. Так я у себя эту мышь вычеркиваю? А то, не приведи случай, выйдете за дверь, нечаянно забудете...

Стальнов глянул на него с презрением:

— Вычеркивай. А деятельность твою пока оформим как «суды под залог интеллектуальной собственности».

Запись в блокноте исчезла и прочно засела в голове подполковника Стального... точнее, пока еще майора.

Бедой меньше, бедой больше. Вместе со Стальным Велор избавился от значительной части добычи, которую нужно было как-то восполнить. Сроки выходили, а золотых идей в блокноте не прибавлялось: обращались либо с повторами уже записанного, либо совсем с чепуховыми по цене предложениями.

Финштейн лихорадочно перебирал варианты: в каком еще разломе общества поскрести?

Ход его мысли прервала уборщица.

— Там это, — сказала она, просунув в дверь голову, — мебели ваши стоят в расширителе. Я прибиралась и вот, в тумбочке нашла...

Из проема появилась рука с черным футляром. Велор забрал находку и отблагодарил бабушку монеткой. Внутри футляра лежали «утконосы», кусачки и круглозубцы.

«У мыслящего человека отбирать нечего».

Это же высшая проба и блестящий выход из положения!

Первые заморозки украсили окна блестками.

Найти Гордея Халифовича Сребрякова оказалось непросто — на поиски ушло все оставшееся до сдачи материала время. Врожденный дар Велора находить нужных людей и талант чувствовать «золото» привели в кардиологическое отделение областной больницы. Там, в третьей палате, отлеживался после инфаркта больной Сребряков, 19... года рождения, пенсионер, прописан по адресу...

Финштейн торопился, потому набросил выданный белый халат на плечо. В таком виде, расталкивая ходячих больных, ворвался в палату. Кроме Сребрякова, здесь томились трое, а пятая койка была застеленной. На ней сидела девочка лет пяти в коричневых колготках и платьице в клетку. Наверное, проскочила из детского отделения мимо медсестер.

Гость точным движением поставил на тумбу кулек с пере-

★ дачей — бананы, апельсины, яблоки, — положил футляр с инструментами рядом с пустой курительной трубкой и немедля перешел к делу:

— Здравствуйте, Гордей Халифович. Мысль не продадите?

Ювелир сильно сдал — болезнь пропахала на лице глубокие борозды и стянула кожу на шее. Не коснулась карга только взгляда — по-прежнему цепкого и вкрадчивого.

— А, молодой человек, это вы. Нашли мои «утконосы»? Благода-арен. — Сребряков прикрыл глаза, размял затекшие кисти рук и тяжело сглотнул. — Съездил к дочке в Италию, деньги отвез. Чувствую — все сделал, пора и честь знать. А тут как раз прихватило. Ну, думаю, не буду жизнь собой засорять, — больной покряхтел-посмеялся, — и вернулся домой. Ничего больше мне не нужно.

Велор подождал, пока Гордей Халифович снова откроет глаза:

— Так как насчет «богатых, но нищих духом»? Понимаете, я сильно спешу, опаздываю. Если хотите, деньги переведу дочке в Италию, сей же момент.

Поворот набок стоил больному усилий. Старатель и добыча смотрели друг на друга, как охотник и дичь. Неясно лишь, кто из них был кто.

— Не-ет, молодой человек. Во мне и так не осталось ничего дорогого, хоть песчинку с собой заберу. Ему лично передам.

Старик хотел сказать еще что-то, но посетитель начал таять в воздухе и вскоре совсем исчез из виду.

Луч прорезал плотный до черноты туман. Кутаясь в его облаках, на свет вышли двое — низкий коренастый и высокий изящный. Первый сказал:

— Время вышло. Давай товар.

Второй протянул блокнот, обитый кожей и отделанный золотом.

— Здесь не все. — Коренастый взвесил блокнот на ладони.

Взгляд Изящного ушел в сторону, брови поднялись домином:

— Да, немного не хватает, но лишь чуть-чуть, самой малости.

Первый пролистал страницы и покачал головой.

— Следующий твой прииск — столица. Будешь районным менеджером.

Второй поджал губы:

— А как же повышение? Столица — это не жила, сплошная пустота. Там и в лучшие времена много не намоешь...

— Разговор окончен.

— Ну, папа...

— Наказан, я сказал.

Первый открыл ниоткуда взявшийся в воздухе кейс и положил в него блокнот.

— Топ-менеджеры, — коренастый указал пальцем вверх, имитируя крестное знамение, — не терпят оправданий. Им подавай материал, хоть в аду сгори. В последнее время с золотом у них туго, раздают только избранным, единицам на миллиард.

— Мы выпотрошили практически все месторождения.

— Их это не интересует. Они не умеют ждать. Не понимают, что земля миллионами лет накапливала богатства, которые разоряются за дни. Чтобы восстановиться и накопить прежние сокровища, понадобятся еще миллионы лет. Кому, как не нам, знать, что происходит под землей. — Первый перехватил поудобней ручку кейса. — Кто их поймет, может, введут какой-нибудь катализатор, и все завертится быстрее.

Первый и второй крепко обнялись.

— Ладно, Велор, мне пора — срок поджимает. Запомни: время часто терпит, но иногда может дать сдачи.

Разлетелись в разные стороны: отец — вверх, в командировку; сын — вниз, домой.

Утром в палате № 3 скрипнула дверь. Девочка подошла к кровати, присела на край.

— Тебе лучше, деда?

— Лучше, дорогая, лучше. Скоро станет совсем хорошо.

— А что хотел дядя, который принес яблоки и бананы?

— Хотел забрать у меня тайну.

— Ух ты, какую?

— А ты ее никому не расскажешь?

— Никому. Честное слово.

— Тогда запомни: не будешь сытее сытого — не станешь несчастней битого.

— Стишок получается, деда.

— Ну да, стишок. Запомнила? Повтори. Молодец. Возьми-ка, скушай яблочко.

И уплыл по реке времени песком, просеянным через мелкое сито старателей.

А на земле остался шлик, пустая порода. И золотая песчинка в клетчатом платице.

★
БЕЛАЯ И ПУШИСТАЯ

ейчас я болею. А вообще-то я белая и пушистая. Это не цитата из анекдота, а печальная правда. Или диагноз.

— Бiryюкова, тут к тебе пришли...

Мне понадобилось немало лет и усилий, чтобы приучить всех сотрудниц называть меня по фамилии. И пресечь все попытки сбиться на «Васю», «Ваську» и «Васеньку».

Ненавижу, когда коверкают мое имя. Но это мое имя, и менять его я не собираюсь. С другой стороны, жить в наше время с именем «Василиса» да при моей внешности — не самоубийство, но весьма близко к тому.

Нина Петрова нависала над столом, кося лиловым глазом на выключенный компьютер. До конца рабочего времени оставалось минут сорок, и ее явно снедало желание выпихнуть меня на выдачу, а самой включить любимую «четверку». Хотя сейчас была ее очередь стоять на выдаче, она не могла понять, как это можно: сидеть рядом с компьютером и не включить его.

Я не работаю на компьютере. Он у меня вызывает печальные ассоциации. Особенно выключенный.

— Ну, что там?

— Этот... журналист... Кутыркин, что ли? Да ты не думай, там у стойки больше нет никого.

— Ну, смотри, если там очередь...

Я сложила карточки в коробку, а коробку убрала в стол, пропустив страждущую Петрову. Без толпы народа в конце рабочего дня — это достойно внимания. Конечно, основной читатель до нас не доходит. Основная серая масса оседает в читальных залах и абонементе — студенты-хвостисты, заочники, пенсионерки — любительницы крутой эротики, потребляю-

щие лавбургеры пачками. До отдела редких книг добираются либо специалисты, что в наше время редкость, либо...

Либо.

Эту публику я тоже должна бы ненавидеть. Но сил нет. За последние десять лет (а именно столько я здесь и работаю, перейдя из читального зала) их в отделе перебивало столько, что приходится гадать, остались ли еще в городе нормальные люди. Без скидки на сезонные обострения. Первую и большую часть из них составляют те, кто насмотрелся американских ужастиков, где, столкнувшись с чем-то непонятным, герой претя в библиотеку, с ходу отыскивает в ней древний манускрипт — и опаньки! Сценарии таких фильмов пишут люди, которые в библиотеках никогда не бывали и, уж конечно, в них не работали. А те, кто их смотрит... Все их познания, как правило, зиждутся на воскресных выпусках газет. А поскольку у нас нынче аномальных явлений — хоть лопатой разгребай, особенно в пору подписных кампаний, вот оболваненные сюда и прут. Сколько их было, изумленно разевавших глаза при известии, что Нострадамус, оказывается, по жизни писал не по-русски. О толкователях Святого Писания я предпочту умолчать. Никто из них не прочел хотя бы канонического перевода. В лучшем случае они осилили детскую Библию. О худшем — не надо.

Меньшая, но особо злостная часть — те, кого сбили с пути истинного писателя, придавшие Библиотеке (о да, с большой буквы) ореол таинственности в культурологическом смысле, адепты святого Хорхе, блаженного Умберто и модного выскочки Артуро. Не знаю, как в Вавилоне и Буэнос-Айресе, а у нас скучнее и прозаичнее места, чем библиотека, не придумаешь. У начальства одна проблема, зато вечная — нет денег. Крыши дырявые, а подвалы затоплены. Ни один мужик на такую работу не пойдет, при том, что вакансий всегда навалом. А женщины идут по двум причинам — добирают стаж, если есть возможность прожить на зарплату мужа, либо — в основном — потому что здесь при желании можно подзаработать. Нет, не в том смысле, не в древнейшем. Или хотя бы не в прямом значении. Студенты и аспиранты в библиотеку зачем идут? Конечно, не за тем, чтобы книжки читать. Здесь за разумные деньги за вас напишут что угодно — от курсовой до диссера по любой

тематике, благо материал под рукой. Одна девушка из иностранного отдела, помнится, написала успешный диссер по банковскому праву, сама имея за душой диплом театрального училища. Правда, красный.

— Как же она сумела? — спросил Кутырин, когда я поведала ему трогательную эту историю.

— Перевоплотилась. Актриса...

— А вы по какой из названных причин здесь работаете?

— Ни по какой. По инерции.

Разговор этот был давно, когда Александр Кутырин проявил себя достойно и заслужил право на правдивые байки из жизни нашей библиотеки. Чем и пользовался, но не злоупотреблял. Кутырин — мужичок из раздела «для тех, кому за тридцать», спецкор нескольких столичных изданий типа «Новости культуры», «Театр и жизнь». Сам не местный (хотя и не беженец, какой-то родственник обмен, я не любопытствовала), окопался в городе уже несколько лет назад и перестал вызывать интерес у окружающих к своей персоне. Поскольку культурными новостями здесь не шибко питаешься, он периодически пребывает в поиске материала. А милость он заслужил тем, что единственный из всех ошивающихся окрест журналистов не поймался на байку о библиотеке Ивана Грозного (нет, кажется, был еще один, но он давно соскочил на историческую родину и не считается).

Вообще-то положено думать, что это фирменное московское удовольствие. И в целом это правильная мысль. Но следом за столицей в очереди за этой уткой стоим мы. Почему-то существует версия, что начитанный царь по пути на Казань притащил библиотеку сюда (предвидел, что ли, что Девлет-Гирей Москву сожжет?) и где-то здесь припрятал. Поэтому на протяжении всего девятнадцатого века университеты от финских скал до пламенной Сорбонны направляли сюда экспедиции — копать... К веку двадцатому они устали, а в двадцать первом легенда выродилась в доступное для усталых безденежных женщин развлечение. Каждому журналисту, заскочившему сюда в поисках сенсаций, рассказывали, что самодержец припрятал свое книжное собрание именно здесь, в одном из подвалов старинной Балабановской библиотеки, благо их тут до черта и половина замурована из-за оползней и навод-

нений, но не сегодня-завтра ее найдут. Очередная акула пера, довольно урча, уплывала в свои уголья, на другой день в каком-нибудь таблоиде появлялся стандартный заголовок «Библиотека Ивана Грозного раскрывает свои тайны», а трудовой коллектив тихо радовался. Такая традиция, вроде «прописки» в тюрьме или казарме.

Кутырин, однако, задал правильный вопрос: как мог Иоанн Васильевич, даже если ему приспичило тащить с собой библиотеку поближе к линии фронта, припрятать ее в подвале здания, выстроенного через двести лет после достопамятного похода?

Это верно. Кадетский корпус, который раньше здесь располагался, был облагодетельствован этим зданием попечением графа Аракчеева. А до того здесь располагалась внешняя линия городских укреплений, о чем можно прочесть в любом местном справочнике. Но для этого надо как минимум уметь читать. А журналист, как известно, не читатель...

Кутырин, впрочем, тоже хотел быть писателем. И периодически поговаривал, что собирается написать книгу. Не какой-нибудь попсовый роман в мягкой обложке, не скандальный сборник никому не нужных разоблачений, а нечто настоящее. То, что в наше время уже не пишут. Или еще не пишут.

Добро ему! — сказали мы хором и более шуток не шутили. Кутырин же периодически захаживал в библиотеку — поговорить об умном. Чаще всего он заглядывал сюда — с кем еще говорить об умном, как не со спецом по редким изданиям? Этим, и только этим, объяснялся его интерес к моей персоне. Я не обманывалась, равно как и другие библиотекарьши, которые даже не утруждали себя сплетнями.

— Здравствуйте, Саша.

— Здравствуйте. — Он никак меня не называл. «Госпожа Бирюкова» — слишком официально, да и смешно, учитывая наш социальный статус. Между библиотекарьшей и госпожой разница, как между барыней и барской служанкой. А с именем-отчеством получается еще хуже. — А я все-таки начал книгу.

— Да? — Я искренне удивилась. Были основания считать, что это так, обычный треп. — О чем же?

— Конечно, не про Ивана Васильевича с книжками. Эту

дорогу истоптали до отвращения, но именно местная версия этой легенды и навела меня на мысль. Здешние предания. Мифы. Суеверия.

— Не ожидала я от вас. Это даже не дорога, а автобан...

— Да нет же! Не в стиле издательства «Русский купец». Не попса. Исторические, психологические истоки представлений — вот так.

— А что серьезного в этой области можно написать после Проппа?

— После Пушкина стихов тоже можно не писать.

— Скромненько вы, однако...

— Нет, в самом деле. Пропп занимался только сказками. К тому же его штудии не привязаны к отдельным регионам. И он полностью пренебрег некоторыми сюжетами, даже сказочными.

— Какими?

— О вампирах, например.

— Да бросьте вы! Здесь Поволжье, а не Трансильвания. Никогда здесь ничего подобного не рассказывали. Я в этих краях живу подольше вас, уж поверьте.

— Об упырях-кровососах не рассказывали. В Средней России другие вампиры. Энергетические.

— Это что-то новенькое. Или вы про наших энергетиков, которые свет отключают по всей губернии?

— Ничуть. Это вовсе не шутка. Вы про огненных змеев слышали? Очень древний сюжет. И до сих пор по деревням бытует.

— Нет, не могу я поверить, что вы серьезно. А если уж братья за мифы, то современные. Воздействие на психику путем двадцать пятого кадра, снайперши в белых колготках, продажа младенцев на органы, про маленьких зеленых человечков я уж и не говорю...

Я правда была сильно разочарована. И ты, Брут, коммерциализировался... Не дождался, пока тебя купят, и пошел продаваться сам.

Он махнул рукой.

— Пустое это. Я, собственно, зачем пришел: правда ли, что в вашем фонде хранится библиотека князей Алтырских?

Я подняла брови. Это вам не Иван Грозный, это уже нечто.

— Конечно. А вас интересует французская эротическая проза? На языке оригинала?

— Нет, а что?

— Я в свое время посмотрела, что почитывали князя. Библиотека в основном составлена в XVIII веке, и книги там совершенно определенного толка. «Галантные Индии», «Совращенные поселяне» и тому подобное. Чем князинька не интересовался, так это славянской мифологией. Тогда это не было модно. И, черт возьми, что там для вас полезного? Уж если вы запали на источники, так в нашем городе есть Институт древнерусской книжности. Могу дать адрес.

— Не надо. Я там был. Сплошные старообрядческие рукописи.

— Естественно. А вы чего ожидали? Что они дополненный вариант «Слова о полку» в скитах найдут?

Прозвенел звонок, извещающий о конце рабочего дня. Где-то в недрах отдела Нина Петрова со вздохом оторвалась от заказного текстильного труда: «Цели и сущность процесса трепания». Со второго этажа неслись раздраженные голоса — из читальных залов шугали припозднившуюся публику.

— Извините, я вас задерживаю. Но мы продолжим этот разговор?

— Хорошо. Посмотрите картотеку.

Это прозвучало как «я дам вам «парабеллум». И произвело тот же эффект. Никто не любит смотреть картотеки. А каково их писать?

— Ты закроешь? — спросила меня Петрова. У нас это процесс длительный, отдел надобно печатывать, но Нина, во искупление моего внепланового стояния на выдаче, готова была задержаться.

— Закрою, чего уж там. Иди.

Она удалилась, бормоча: «А на воле опять метет, и автобусы не ходят...» Особенность местного говора — «на воле» употребляют вместо «на улице».

Минут через десять и я вышла на улицу. Было бы неприятно, если бы Кутырин меня дождался. Но он не имел такой

привычки, не изменил себе и теперь. Никто меня не потревожил.

Как всегда, шел снег. И это хорошо, поскольку фонари не горели. И не будь снега, тьма стояла бы такая, какая бывает только зимним вечером в провинциальном русском городе. А со снегом всегда светло. К счастью, в этом продукте у нас не бывает недостатка. Подумать только, где-то люди мечтают о «белом Рождестве», сочиняют о нем слезливые песенки и хранят снег в холодильниках. Если бы этот край экспортировал в такие страны свое главное природное богатство, то роскошествовал бы хлеще Арабских Эмиратов, да и для себя еще снег оставался бы. Но снег здесь никто не экспортирует, а также не убирает, так что за год по причине гололеда, наката и заносов гибнет больше народу, чем на среднестатистической войне.

Громыхая, как призрак трамвая, подошел трамвай, и я поднялась внутрь. Несмотря на перебои с энергией, этот вид транспорта оставался в городе самым популярным. Отчасти потому, что был самым дешевым. А еще потому, что «электрическая железная дорога», проложенная еще в позапрошлом веке, была устроена наиболее рационально. Но мне на Епифаньевскую от библиотеки напрямую можно было проехать только на трамвае. Час пик уже миновал, в вагоне было свободно, и я без труда, отряхнувшись от снега, нашла себе место.

Чтобы подумать на досуге.

Странно, однако, что журналист завел речь о собрании князей Алатырских. Даже если учесть, что все связано со всем.

Алатырские и Епифаньевская.

Связано, сплетено, смотано клубком. Нужно лишь знать, за какой конец потянуть нитку. Но что находится в сердцевине клубка?

Может быть, город.

Он был не очень древним — и на восемьсот лет не потянет. А до того жили здесь народы финского корня. Сумь, емь, мордва, мари, черемисы и мурома. Народы Mordens, как называет их Иордан. Высокие, костлявые, скуластые и беловолосые язычники. Славян не было. Они пришли сюда в XIII веке — лучше организованные, лучше вооруженные, а главное — знающие, что им все простится, ибо борются они с погаными идолопоклонниками. И народы Mordens оттеснили в леса.

А пришельцы основали здесь город и стали жить. Воевали с татарами и с Москвой, братались с татарами и с Москвой, ходили с татарами на Москву, а с Москвой на татар... и смешались с местными, и стали скуластыми и костлявыми и беловолосыми. А племена Morgdens одно за другим принимали православие и ислам и стали называться русскими и татарами. Впрочем, многие из них остались сами собой и, говорят, по сию пору верны язычеству. Но о них речи здесь не будет.

Первый из князей Алатырских, черемисский выходец, возвысился из племенных вождей, приведя своих людей на подмогу Иоанну Васильевичу, когда тот шел воевать Казань, за что был награжден княжеским титулом и вотчинами. После чего князья Алатырские верно служили русским царям, а когда вышел указ о вольности дворянства — никому не служили. Тогда здесь был расцвет феодализма в отдельно взятой губернии и едва ли не каждое барское владение могло заткнуть за пояс какое-нибудь немецкое княжество, где вместо управителей были министры, вместо приказчиков — герольдмейстеры и церемониймейстеры, сенные девки именовались фрейлинами, а о придворных живописцах, музыкантах, поэтах и богословах и упоминать неловко.

Род князей Алатырских двигался к закату среди артиллерийских салютов в честь барских фриштиков, медвежьих и кабаньих охот и плясок крепостных балерин под громы крепостных же оркестров.

Последний из князей скончался в царствие Александра Благословенного. Его хватил удар, когда из окна он увидел, что один из холопов пересек двор, не сняв перед господскими хоромами шапки. К тому времени князь был почти полностью разорен тяжбой с промышленником Епифаньевым, хищником новой формации, занявшим экологическую нишу, освобожденную Демидовыми и Баташевыми. Оставалась от былых роскошей лишь библиотека, каковую князь и подарил кадетскому корпусу, дабы не досталась клятому Епифаньеву. Учитывая состав книжного собрания — я правдиво поведала о нем Кутырину, — подарочек будущим гвардейцам был еще тот. Говорят, граф Аракчеев, под чьим патронатом находилось учебное заведение, лично распорядился снести книги Алатырских в те самые пресловутые погреба и никому не выдавать. Так они

и пролежали до революции, когда в здание корпуса вселилась библиотека. А после революции они стали никому не интересны.

Но князю Алатырскому это уже безразлично.

От царя Грозного до царя Благословенного — вот история рода.

И — до Епифаньевской...

Это уже мне. Пора покидать вагон и выходить на улицу. Остановка Епифаньевская, бывш. Красных Речников, бывш. Епифаньевская.

Улица называлась не по купцу. Улица называлась по церкви, которую этот купец выстроил. Вообще-то церковь именовалась Чудоархангельской. Но это название не прижилось. Сейчас, в темноте и метели, отсюда за два квартала невозможно было разглядеть ни очертаний колокольни, ни странного флюгера на шпиле под крестом. Тут собственный дом бы разглядеть.

Подумать только, а я еще помню время, когда по вечерам эта улица была полна народу. Но сейчас, вернувшись с работы, все забиваются по домам. В восемь вечера — как в полночь. Наверное, так же было при Епифаньеве. И когда город был еще деревянным...

Над ювелирным магазином теплился фонарь. Миновав арку слева от магазина, я оказалась во дворе. Здесь уже царил полная тьма. И для человека с тонкими нервами было бы лучше и не видеть, как дом, с фасада сохраняющий внешнее благоприличие, оборачивается ветхой руиной, и кучку прилепившихся к нему гниющих сараев.

Здесь, в этом доме, я жила. И знала, что так со двора выглядят многие дома на Епифаньевской. А ведь когда-то эта улица была одной из самых уважаемых в городе, о чем свидетельствовал и существующий по инерции (как я в библиотеке) ювелирный магазин, и косящее под Парфенон здание Старой Биржи напротив. А за Биржей начинались причалы. Причалы *сейчас были, но река перестала быть кормилицей города. Отсюда и печальное превращение улицы. Бывает. Бывает и наоборот. Грабильовка и Солдатские выселки, бывшие когда-то уголовной окраиной, стали теперь вполне пристойными ули-

цами почти что в центре города — мечтой врачей, учителей и отставных военных.

Но мне до этого нет дела. Я живу здесь, в доме на Епифаньевской, на втором этаже, а их всего-то два и есть, ибо дому лет двести, а еще сто лет назад в Итиль-городе дом о четырех этажах считался небоскребом.

Описать свое жилище в подробностях я не могу. Тут нужен Достоевский. Квартира портного Капернауова — вот что это такое. Да еще коммунальная. С коридорами, уводящими в никуда, с потолками, скопированными с гробовых крышек, щелястыми стенами и множеством комнат, населенных бледными болезненными женщинами разных возрастов. Мужчины фрагментарно появляются, но здешняя атмосфера, кажется, для них губительна. Они начинают болеть, умирают либо сбегают. Женщины тоже болеют часто, были случаи, что сходили с ума, но продолжают жить. И не бегут, хотя им это было бы легче — путем замужества. Но они предпочитают приводить мужей сюда. После чего те начинают болеть и т. п.

И еще здесь тоже почти всегда темно. Причем свет начал отключаться задолго до нынешних городских перебоев с энергией. Просто дом не ремонтировали с последнего визита в город государя императора по случаю трехсотлетия правящего дома, и что там осталось от проводки — никому не разобрать. Все как-то привыкли, приспособились и никуда не ходили жаловаться, тем более что отопление и газ были в порядке.

Чтобы попасть к себе, мне нужно было пройти через кухню. С вечера там обычно зажигали ради освещения одну-две конфорки и тем обходились. И сейчас на плите тлел лиловый ободок. Возле занавешенного окна дремала на стуле старуха Абдулмуратовна, сложив руки на животе. Она почти все время проводила на кухне.

У себя в комнате я переоделась, накинула куртку, повязала платок, взяла фонарь и ведро и снова вышла.

На сей раз Абдулмуратовна приподняла морщинистое веко. Более ничто не шевельнулось.

— Ты куда это на ночь глядя? — Голос словно исходил из глубин живота.

— В сарай. Картошка кончилась.

— А-а. — Веко захлопнулось.

Следующий день был таким же — ветер и снег. Сугробы еще приблизились к окнам второго этажа. И библиотекари привычно вещали, что о прошлом годе снегопады были до середины мая, а в этом, наверное, затянутся.

— И разные козлы, которые сроду не вылезали из своей Калифорнии, будут нам вещать о глобальном потеплении. Их бы к нам хоть на одну зиму... — бубнила Петрова.

— А нас — туда! — подхватывала практикантка Пуся.
Я молчала.

С утра Кутырина не было, и я начала надеяться, что все его разговоры о книге были обычным бахвальством. К обеду мне удалось справиться с обычной партией психов и единственным специалистом, который пришел в отдел поработать. Дело в том, что у нас действительно есть редкие книги — инкунабулы, славянские старопечатные, а в отделе рукописей хранятся настоящие сокровища. Например, «Тарих Булгар» Якуба ибн Номана — единственный уцелевший список и единственный положительный итог налета местного князя на Великую Булгарию. Тогда, кстати, Казань захватили в несколько часов — куда там Ивану Грозному. Правда, и свалили оттуда с добычей на другой день. Из всей добычи только книга до наших дней и дожила. Однако нынешние посетители подобными сведениями пренебрегают. А историков и литераторов экономические бури переместили либо сильно западнее, либо сильно восточнее...

Остался лишь одинокий аспирант Пеппер, который пишет диссертацию о заимствованиях в «Повести временных лет» из «Китаб аль-Кузари». И нынче пришел за репринтным изданием Бен-Галеви, с которым и удалился. Вот напишет он свой диссер и тоже уедет в какой-нибудь Анн-Арбор.

Тут выдалась передышка, и я едва успела посмотреть свежий номер «Книжного обозрения» (на вершине рейтинга — детектив «С особой жестокостью», дамский роман «Шальная императрица» и фантастический боевик «Гадомонстр ликующий», все продукты отечественного производителя), когда появился Кутырин.

Была моя очередь работать на выдаче, и Петрова на заме-

ну бы не пошла. А Пуся обедала. Ладно, обойдемся своими силами.

— Что, будете смотреть картотеку?

— Успеется, — сказал он. — Мы с вами вчера не договорили...

— О чем? Я не помню. Какая-то смутная была беседа.

— О фольклоре. О русском в целом и местном в частности.

— Начинаю припоминать. Вы, кажется, убеждали меня, что здешние жители додумались до энергетических вампиров.

— Конечно, так их не называли. «Огненные змеи» звучит не в пример эффектнее.

— Огненные змеи? Это что-то вроде драконов?

— Вовсе нет. Это такая нечистая сила, летает по небу в виде огненных змей... и посещает исключительно безутешных вдов. Там змеи принимают облик умерших мужей и, хотя напрямую об этом говорить избегают, исполняют супружеские обязанности.

— С точки зрения издателя, эротика — это правильный ход. Только при чем же тут вампиры? Это уж, извините за выражение, инкубы...

— Эротика в данном сюжете не главное. Ведь все делается для того, чтобы отнять у бедных женщин их жизненную силу. Пока они не умрут. Если это не энергетические вампиры, то не знаю, что же еще так называть.

— Ну... пожалуй. Если вы все это не придумали. Долгими зимними вечерами.

Кутырин обиделся:

— Если не верите, справьтесь в книгах. Это вообще сюжет для России общий. Просто здесь он как-то особенно популярен. Я даже не представлял, что в наше время о таких вещах можно рассказывать как о реальных.

— Да, чувствую, первоначальная подготовка у вас имеется.

— Надеюсь. И знаете, что еще меня в здешнем фольклоре удивило? Никаких змееборческих сюжетов, никаких героев-драконоборцев, как в Муроме или Казани, — и это при таком количестве змей в окрестностях...

— Что вы, во время оно сентиментальные иностранцы писали, будто края эти столь благодатны, а жители столь добры,

что даже змеи здесь не кусаются. Так они трактовали в изобилии водившихся здесь ужей.

— Судя по тем сказкам-былинам, не такая уж была здесь благодать. Однако без мифической подкладки. Чисто конкретные разборки князей друг с другом, русских с татарами, разбойников с солдатами...

— А вы собираетесь это опровергнуть.

— А скучно как жить без мифологической подкладки. Холодно.

— Все равно я не могу понять, при чем тут библиотека Алатырских.

— Я и сам в точности не понимаю. Но есть некоторое предчувствие... Это правда, что библиотека лежала в подземелье?

— В подвале. Подземелье — это несколько иной жанр.

— А мне говорили, что здесь есть подземные ходы.

— Да тут вокруг старых зданий вся земля изрыта. В основном кладоискатели постарались и археологи разных калибров. Так что подземных ходов тут полно. Лавкрафт бы восхитился. Но Говарды Филлипсы сюда не шибко заезжали, все больше буревестники революции.

— Отчего же. Льюису Кэрроллу, я слышал, в этом городе очень понравилось. И он тоже кое-что понимал в подземельях.

— Он понимал, — коротко отозвалась я.

И на этом нас прервали. Пришли студенты — смотреть издание «Британской энциклопедии» 1937 года: оно полнее последующих. Помню, как они изумлялись тому, что «Британика» на английском. Поэтому я подвела Кутырина к шкафам с картотекой, указала нужные ящики, а сама занялась молодежью, жаждущей не столько знаний, сколько стипендий Британского совета. Потом из читального зала вернулся Пеппер, и мы с ним в четыре руки заполнили новую заявку. Потом я писала ответ Центральной библиотеке Мадьяростага, требовавшей от нас, тоталитарных варваров, возвращения книжных сокровищ, захваченных при набеге в 1945 году. Не иначе, булгары скоро своего потребуют — и с большим основанием.

Когда я покончила с этой бодягой, Кутырин уже ушел. Так что я еще успела заглянуть в «Мифологическую энциклопедию» и посмотреть, что там написано об огненных змеях. Статья показалась мне вполне удовлетворительной. И объясняла

все ясно и доходчиво. В отличие от разговоров Кутырина... Кэрролла зачем-то припел, подземелья. Надо будет спросить у Пуси, кажется, есть такая игра — «Драконы подземелий». Драконы, понимаешь, змеи... огненные. В «Мифологической энциклопедии» ничего не говорилось о том, имелись ли у огненных змеев крылья. Но как-то же они летали?

Вечером в виде исключения не было метели, и, если очень пристально приглядываться, можно было рассмотреть на шпиле Епифаньевской церкви черное крыло.

Это всего лишь флюгер. Чугунный, потому и черный. Однако флюгерам над кровлей православных храмов быть не полагается. И старые люди всегда говорили, что это неспроста. Что крыло это простер над улицей невидимый снизу черный змей, обвившийся вокруг шпиля. И много чего другого.

Промышленник Епифаньев прожил долгую жизнь и щедро жертвовал на монастыри, строил церкви, что не помешало согражданам именовать его «семенем антихристовым». А на смертном одре он, говорят, превратился в крылатого змея и улетел. И токмо тень гада навсегда запечатлелась над местом поруганной благодати. По всей вероятности, эти слухи исходили из кругов нового поколения промышленников. Все они были старообрядцы, и для них Епифаньев был не только конкурент, но супостат истинной веры. Связанные круговой порукой, умело воздействуя на умы, ибо, преследуемые властью, овладели этим искусством в совершенстве, они вытеснили Епифаньева с ключевых позиций и если не довели до суммы и долговой ямы, то купеческую гордость, которая хлеще дворянской, поломали. Так что не пошло ему впрок добро князей Алатырских.

Хотя злорадствовать тут нечему. Старообрядцы тоже благоденствовали недолго. Вера запрещала им водку, табак, театры и карточную игру. Но они нашли игру поазартнее — швыряли деньги не на рулеточное колесо, а на революцию. И доигрались.

У всего, что случилось потом, были и положительные стороны. Например, здание кадетского корпуса передали библиотеке — тогда она была имени Крупской и лишь в последние годы в качестве патронессы заполучила Екатерину Балабанову.

Епифаньевской церкви тоже повезло — ее не взорвали и не превратили в склад. Там был музей народно-прикладного искусства, один из самых посещаемых в городе. Правда, недавно епархия вспомнила о ней и предъявила свои права. При том оказалось, что здание основательно обветшало и требует ремонта, а денег у городской казны, как водится, нет. Так что сейчас церковь заперта, но, говорят, весной начнут ремонтировать, а там и заново освятят... О том, что церковь эта — «неправильная», и о змее на крыше теперь никто не помнит. А может, сейчас не принято говорить о таких вещах.

Епифаньеву тоже повезло — посмертно. Он стал считаться образцом благотворителя. В его жизнеописании в сборнике «Именитые граждане», пару лет назад поступившем в библиотеку, ни слова нет о «семени антихристовом». И о разоренном князе Алатырском — тоже. Отчасти чтобы не затенять светлый образ промышленника, отчасти потому, что дворян, особенно титулованных, чтут нынче с еще большим трепетом, чем двести лет назад.

Поэтому о князе предпочли забыть.

Но, как выяснилось, не все.

В последующие дни я не видела Кутырина. Была моя очередь дежурить в отделе периодики. Там нет постоянного работника — никто не хочет идти, все сразу увольняются, наплевав на стаж, настолько безобразные в этом отделе условия. Но дирекция нашла выход — примерно раз в два месяца каждая из сотрудниц отправляется туда отбывать повинность сроком на неделю. Этот срок я мотала, помянув сладостным новым стилем тех итальянцев и аргентинцев, кто воспел труды в библиотеках. Романтики! Хуже библиотек (а особенно этого отдела с его неистребимым грибком, заражающим все со скоростью химического оружия) только архивы. Но воспевать архивы пока извращенцев не нашлось.

А по возвращении в родной отдел Петрова сказала мне:

— У этого Кутейкина...

— Кутырина.

— Тем лучше. У него, похоже, серьезные намерения.

— Ты про его книгу?

— Я про тебя. Он про книгу-то ни словом не обмолвился и

по каталогам не шастал. Беседы мы с ним вели исключительно о тебе.

— Окстись, Нина. Это не смешно.

Раньше в библиотеку и впрямь заглядывали товарищи из разряда, в наших древних книгах именуемого «хлебоэсть», — в поисках жены, «чтоб она меня содержала», со святой простотой говаривали они. Почему-то они были уверены, что стоит им ступить в пределы нашего бабьего царства, как на них бросятся ошалевшие от счастья соискательницы. К таковым предъявлялись, о чем сообщалось с порога, строгие правила — кормилица должна быть молода, красива, здорова, желательно блондинка, желательно девственница и ни в коем случае не иноверка-инородка. Над женихами издевались еще более жестоко, чем над охотниками за наследством Ивана Грозного. Но экономический кризис развеял идею поальфонсировать в библиотечных угодах даже в самых задрипаных мужичках. А Кутырин к таковым никогда не принадлежал.

— Нет, правда. Он все о тебе расспрашивал. И откуда ты, и есть ли у тебя родственники, и сколько тебе лет... И знаешь, не у меня одной. Мне Охримчук из отдела кадров сказала.

— И ты, значит, всю мою подноготную и выдала.

— Нет, что ты! — вид у нее был смущенный, привирала, наврное. — Понимаешь, я вдруг сообразила, что толком не знаю о тебе ничего! Вот уж сколько лет мы с тобой работаем — пятнадцать, кажется...

— Больше.

— Видишь, больше пятнадцати — а не знаю. Ты вроде не по распределению сюда приехала.

— Нет. Просто жилплощадь поменяла.

— Ну, хоть не совсем память отшибло. И в отпуск ты никуда не едешь, стало быть, родственников у тебя нет...

— В живых — нет. По крайней мере, я не слышала, чтоб кто-то остался.

Тема требовала выражения сочувствия. А сочувствие — трата душевных сил и времени. В наше время и то и другое расходовать нерационально, и Петрова предпочла свернуть разговор, удалившись к любимой «четверке», заброшенной за время моего изгнания. Я осталась за стойкой, перебирая карточки.

Серьезные намерения, как же! Только не матримониальные. В затененной стеклянной створке шкафа я видела то, на что избегала смотреть, — свое отражение. «Такие неуловимые, как бы нарочито стертые безглазые лица часто встречаются у людей Поволжья — под скучной невыразительной маской эти люди...»

Прервем цитату. Главное, что этот облик несопоставим с именем.

Когда пришел Кутырин, я сразу же сказала ему:

— Нехорошо, Александр Игоревич, расспрашивать о возрасте женщины. Не по-джентльменски.

Тон был легкий, но он смутился. Даже, кажется, испугался. Что, в самом деле считал, что мне не передадут?

— Да я ничего дурного не имел в виду, Василиса Георгиевна...

Я поморщилась.

— Я думал, вы местная. Так хорошо знаете здешнюю историю, в подробностях. А вы, оказывается, тоже...

— Да, я приезжая. Но живу здесь давно.

— А говорят, Алтай — край сказочно красивый.

— Наверное. Не помню. Уехала и застряла здесь.

Не зря он крутился в отделе кадров.

— Почему?

— Потому что здесь много снега. Кстати, о сказочных красотах. Я почитала, что пишут о ваших огненных змеях. Помоему, все эти побасенки — просто выражение здравого народного смысла: чрезмерная скорбь по умершим губительна для здоровья. Но, конечно, авторы научных трудов таким простым объяснением не удовлетворяются. Они считают огненных змеев воплощением и символом мужского начала. Не случайно они женского пола не бывают, в отличие от всяческой другой нечисти.

— Вот уж от кого, а от вас примитивного феминизма не ожидал...

— Во-первых, не от меня, а от мифографов наших. А во-вторых, почему именно мне сие не позволено? Личиком не вышла?

— Ну, зачем же так?

— А я не обижаюсь. Знаю, что на Василису Прекрасную

никак не тяну. Разве что на ту, что так и осталась лягушкой. К вопросу о специфике славянской мифологии: сюжет бродячий, но у всех народов заколдованная героиня в облике эстетическом пребывает, птицы чаще всего, лебедя — вот и Пушкин эту традицию усвоил. А в русской сказке она лягушка. Почему?

— По контрасту. Прекрасная царевна — и нечто скользкое, мокрое и холодное.

— Лирика! Ответ неверный. Русский фольклор, в отличие от европейского, дошел до нас в весьма архаичной форме. Лягушка, жаба, змея — первообраз божества-творца. Мать сущего, поднявшаяся из мировых вод.

— Потому что она — существо земноводное?

— Потому что яйцекладущее. Почему смерть Кощея заключена в яйце? Спросите у Василисы — лягушки или жабы.

— Вы хорошо, однако, изучили эту сказку.

— Потому что имя «Василиса» — насмешка надо мной, и пришлось научиться стильно и со вкусом отбрехиваться.

— Вы поэтому моих огненных змеев приняли близко к сердцу? Чувствуете их своими родственниками?

— Ох, опять я отвлеклась... Вы продвинулись в своих изысканиях по библиотеке Алатырских?

— Не очень. Теперь я понял, почему никто не любит работать с картотекой. Этого списка нет в Сети? Я бы смотрел его по Интернету и не мешал вам.

— Конечно, это было бы удобнее... но каталога рода Алатырских в Сети пока нет. У нас огромное книжное собрание, а техникой нас оснастили всего лишь пять годков назад. Поэтому в первую очередь в Сеть забивают списки, которые пользуются наибольшим спросом. Чтобы как-то разгрестись, понадобится немало десятилетий... Так что полное представление о фонде дает лишь бумажная картотека. Ее почти сто лет вели — что вы хотите? И сейчас ведут.

— Я заметил, что в картотеке по Алатырским карточки заполнены одним почерком. Это ваш?

— Да. По-моему, я уже упоминала, что разбирала эти книги. Но я не работаю на компьютере. Стара стала и умом плоха...

— И последний вопрос — чтоб я от вас отстал. Кто такая

Екатерина Балабанова? Даже смешно — хожу-хожу сюда, а почему библиотека Балабановская — не знаю.

— Это медиевистка девятнадцатого века. Нет, ничего общего с вашими интересами, вообще ничего по русскому фольклору — фольклор ее интересовал исключительно провансальский и бретонский. Всяческие мелюзины и корриганы. Она почти забыта, да и помнить особо не за что, но — местная уроженка, а при нынешней моде на возвращения к истокам лучшей кандидатуры на смену Крупской не нашлось.

На сем он меня оставил. Любопытная получилась беседа. Кажется, я заметила все крючки, которые он мне понакидал. Непонятно только, почему он спросил про нашу нынешнюю патронессу. Действительно решил поискать в том направлении? Или по старому доброму принципу «запоминается только последняя фраза»?

Когда меня заметало на остановке, подошла какая-то бабуся в облезлом оренбургском платке и спросила:

— Сколько время? Время у вас есть?

Особенность местного говора — слово «время» здесь зачастую употребляют вместо «часы».

— Нет, — отозвалась я. — Времени у меня нет.

Почти.

Дома было все так обычно — темно и тихо. Даже, пожалуй, тише и темнее. Абдулмуратовна — та несла свой пост на кухне, а вот вдова Ладная повезла, как выяснилось, свою дочь-эпилептичку на богомолье в Сараклыч. Так что нынче ударов головой об стенку ждать не следовало. Не тревожа Абдулмуратовну, я прошла к себе в комнату. Свет от фонаря над ювелирным магазином пробивался сквозь шторы, дрожа, перебежал по стенам, но я знала, что не увижу там самого ненавистного на свете — своего отражения.

«...под скучной неопределенной маской эти люди ловко скрывают свой хитрый ум, здравый смысл и странную, ничем не объяснимую жестокость».

Конец цитаты. Впрочем, кое в чем буревестник революции ошибся...

Кутырин приходил еще раз. Разговор был сумбурный, весь из обиняков. О своей книге он больше не вспоминал.

— А почему вы не любите, когда вас называют по имени?

И это библиотечные девки ему натрепали...

— Я уже говорила — оно мне не подходит. И не выношу, когда его искажают.

— Но в наше время так легко сменить имя. Или укоротить. Из Василисы сделать Алису. Почти то же самое. Кстати, знаете, как назывался первый вариант книги, которую Кэрролл написал по возвращении из России? «Приключения Алисы под землей».

Он улыбался. Кажется, я видела это впервые. С улыбкой он вовсе не так симпатичен, как обычно. На губах блестела слюна.

Я тоже улыбнулась.

— Вряд ли ему что-то впаривали про библиотеку и подземные ходы. Чарльз Лютвидж Доджсон не говорил по-русски. Подземный ход — его собственный вымысел.

— И зеркало тоже?

— И зеркало. Ясно же, что это он сам придумал. Он не знал, каким должно быть правильное зеркало.

— А какое оно должно быть?

— Черное. Каменное. Квадратной формы. Когда-то подобные зеркала стояли в пещерных святилищах. Когда стали искоренять язычество, их в основном уничтожили. Но не все. Одно такое зеркало было у доктора Ди... Это было правильное зеркало. Но он неправильно его использовал.

— Никогда не слышал о таком в связи со славянской мифологией.

— При чем здесь славяне? Они пришли после... А я услышала об этом там, откуда приехала. В Белом Яре. Там не водилось князей, которые дрались между собой — чтоб про них сочиняли легенды.

— Да, князья... Князья были здесь. Между прочим, что такое «Алатырь»?

— Как что? — Я пожала плечами. — Город и река.

— Это по жизни. Но в славянской-то мифологии так вроде назывался какой-то камень. Его еще ни за что нельзя было трогать. Губительно.

— Правда? Стало быть, славяне все же кое-что знали.
— Выходит, что так. Хотя само слово скорее тюркское.
— Не обязательно. Не то по-мордовски, не то по-марийски «атырь» значит «ловушка».

— Но не «алатырь». И в фольклоре ничего не говорилось о том, как этот камень выглядел. И был ли он похож на зеркало — или он и был зеркалом?

— В любом случае местные жители в него не гляделись. Кто знает, какие гады из него полезут. И тем счастливо избежали змееборческих сюжетов. Как там у нобелевского лауреата? «В конце концов, убийство есть убийство. Долг смертных — ополчаться на чудовищ, но кто сказал, что чудовища бессмертны?»

— А в самом деле, кто это сказал? — сухо заметил Кутырин. И ушел, не попрощавшись.

Я ошиблась, полагая, что у меня почти нет времени. Времени не было совсем. Это выяснилось вечером, когда на кухне под мерное сопение Абдулмуратовны я встретила Ладную. Та была весела: дочь на неделю поселили в монастыре — изгонять нечистого, там это снова практикуется.

— А к тебе на той неделе заходил один, — радостно сказала она. — Да все не заставал — ты на работе была. Справный такой, с бородой.

— Как же ты разглядела, что он справный, у нас же света нет?

— А я таких носом чую. — Ладная рассмеялась. — Шучу. Днем же дело было, зачем свет? А кроме шуток — и без света бы различила, соскучилась. Плохо без мужиков-то, я так ему и сказала, да не живут они у нас, мрут. Моя-то дура так разволновалась, что мужик пришел, — аж запирать пришлось, а там припадок и случился. Я потом еще в окно посмотрела — все ходит и ходит по двору, слоняется. Но до темноты ни разу не дождался! — победоносно закончила она. Вроде не только моей дочке мужик не достался, но и тебе.

Конечно, он не дождался. Он точно знал, когда я заканчиваю работу. То, что он был в квартире и даже, может быть, пролезал в комнату под благостным оком истомившихся жен-

щин, — не важно. Ничего он в той комнате не найдет. А вот то, что он слонялся по двору возле сараев, — это очень плохо.

Все не так страшно, сказала я себе. Невозможно представить, чтобы современный здравомыслящий человек решился на такое... такое...

Правда, можно представить, что под личиной мирного журналиста скрывается извращенец, свихнувшийся мономан. Однако что я — не навидалась этих современных, не испытала, что самые дикие из суеверий прошлого с легкостью распространяются среди них — как чума, как холера? Даже легче, потому что от чумы и от холеры найдено лекарство.

Лучше бы вам, господин Кутырин, оказаться маньяком.

Утром я позвонила в отдел, с трудом отыскав в округе работающий автомат, сказала, что беру больничный, и повесила трубку, не слушая воплей, исторгаемых дуэтом ПП.

Мне никто не мешал в тот день — и кто бы мог помешать? Люди были на работе, на учебе, а те, кто оставался в домах, не выходили из-за метели. Если бы так бывало каждую зиму, моя работа подвигалась бы скорее. Но я надеялась закончить за несколько часов то, на что при нормальном развитии событий ушло бы несколько дней. Все же к тому времени, когда лопату можно было сменить на лом, темно было не только внутри, но и снаружи.

Так даже и лучше.

Нору, по которой можно было проползти и нащупать подвальную дверь, я проложила больше недели назад. И все предшествующие ночи только расширяла проход. За годы, проведенные в подzemелье, работая лопатой и тягая мешки с землей, я настолько укрепила эти дряблые женские мышцы, что могла бы сломать двери голыми руками. Однако предпочла сделать это ломом — так аккуратнее.

Любимая Пусина игра «Tomb raider» в действии. Только я в игры не играю. По крайней мере, сейчас.

Странно — когда открылась дверь, я не обрадовалась. Слишком долго я этого ждала. Никто не способен представить, как долго.

И слишком часто ошибалась.

Мои глаза привыкли к темноте подzemелья, но мрак цер-

ковного подвала был каким-то иным. Более густым, настоявшимся. Пришлось включить фонарь.

Из подвала нужно было подняться немного выше в полу-подвал-хранилище. То, что я ищу, предположительно находится здесь. В перечне вывезенного не значится, а в экспозиции никогда не выставлялось.

Стоило мне миновать четыре ступени (высокие, как на крепостной стене), как в лицо мне ударил узкий луч фонаря, и я услышала:

— А женщины копали и копали...

Слова из старой дурашливой песенки пришлось удивительно к месту — наверняка Кутырин приготовил их загодя. Однако голос у него дрожал. И я также направила луч фонаря ему в лицо — так, что он зажмурился. Он сидел на перевернутом ящике в нише у стены. И не встал при моем появлении.

— Не удивлена? — Он впервые обращался ко мне на «ты».

Я не ответила.

— Я уже третью ночь жду, — сообщил он. — А нынче, как услышал, что ты не вышла на работу, думаю: дождался. И не ошибся.

— И кто кого будет сдавать в милицию как церковного вора?

— Не говори глупостей. Это еще не церковь. И уже не музей, так что с музейным воров тоже не проканает.

Он с удовольствием выделил последнее слово, хотя в библиотеке изъяснялся на удивительно чистом для журналиста литературном языке.

— Кроме того, я вошел сюда почти официально. У меня есть знакомые в реставрационных мастерских. По дружбе да под обещание рассказа об их нелегком творческом труде в столичных газетах они ключи кому хочешь отдадут. Так что я просто, без затей, отпер дверь. А вот ты... Подземный ход, надо же!

— И давно ты догадался?

— О чем? О том, кто ты? Или о подземном ходе?

— Для начала — о подземном ходе.

— Не очень. То есть ручки твои я рассмотрел давно. Странно, что твои сослуживицы на это внимания не обратили. Они, впрочем, многое на что внимания не обратили. Вот и я не придал значения. Сейчас полно женщин дворничихами и уборщи-

цами подрабатывают, зарплаты-то мизерные... Только потом, когда по двору вашему походил, в сарай заглянул... нехитрое дело копать, но сколько центнеров, нет, сколько тонн земли ты оттуда выволокла? И куда девала? Там, конечно, у сараев груды земли лежат, снегом присыпанные, но это ж мелочь в сравнении с тем, что должно быть.

— Все можно сделать, если не торопясь и с умом.

— Догадываюсь. Если каждое утро пару сумок выносить да в реку... здорово ты, должно быть, здешний берег укрепила.

— Предложил бы ты, Кутырин, женщине сесть.

— Я бы предложил, если б здесь была женщина.

— А вот это уже хамство.

— Это диагноз.

— А как же насчет «женщины копали»?

— Те, может, и копали, но во всем остальном женщины так себя не ведут. Если хочешь, садись на пол, грязь тебя наверняка не пугает...

Я не воспользовалась его предложением. Только поднялась в хранилище и прислонилась к стене напротив. Грязи на моей куртке вряд ли прибудет.

— Может, хватит валять дурака? Если у тебя есть сотовый, вызывай милицию.

— У меня есть сотовый. Но он не работает с тех пор, как я зачистил в библиотеку, как будто ты не знаешь.

— А с чего бы мне об этом знать?

— А почему на улице, в доме, где ты живешь, никогда не горит свет? И телевизора у тебя нет. И ты не подходишь ко включенному компьютеру, потому что рядом с тобой вся техника вылетает! А когда я спросил у тебя в отделе, куда ты ходишь обедать, мне ответили: «Она не обедает». Естественно. Зачем? У тебя другой рацион. То-то у вас в квартире все мужчины умерли, а женщины, как более живучие, еще тянут, но болеют и сходят с ума...

— Я, получается, кровь из них пью?

— Не кровь. Тебе нужна энергия в разных проявлениях. И ты ее берешь повсюду.

— Стало быть, свет на улицах не горит не оттого, что «Итильэнерго» рассорилась с губернатором. И люди в квартире умирают не из-за сырости и вони в обветшавшем доме. И не

потому приходится жевать бутерброды, что при нашей зарплате по ресторанам не находишься. Вечно вы, люди, ищете виноватых в ваших же глупостях...

— Вот ты и проговорила: «Вы, люди»... Ты вообще не так редко проговариваешься, Василиса Ужасная, царевна-жаба. И про то, что здесь «все изрыто подземными ходами»...

— Значит, я — энергетический вампир? И ты в самом деле в это веришь?

— Я бы охотно поверил, что ты — психопатка, взбесившаяся от бедности и одиночества. Что ты — музейная воровка. Если б здесь была Золотая кладовая Эрмитажа. Алмазный фонд. Библиотека Ивана Грозного, наконец! Но здесь был музей Народного творчества. Чашки, плошки, поварешки, рушники, резные поделки. И сюда рыть ход через два квартала? Сколько это у тебя заняло лет — десять, пятнадцать? Когда можно было подобрать ключ, или оглушить сторожа, или влезть в окно? Но так поступил бы человек. А долгие годы рыть землю, ползать в подземелье — это для тех, кто лет не считает.

— Мило. Начинаю думать, что ты в самом деле готовился написать книгу.

— Собирался. Только это должна была быть другая книга. Напрасно ты посылала меня в Древнерусский институт. Я там уже был. Основательно попасся. Вот там-таки — женщины. Ценят мужское внимание и в то же время не устают трещать о любимой работе... Даже в койке. Я от них много чего узнал о староверческих рукописях. И прочел. О Епифаньеве, о том, что он у Алатырских оттяпал и с какими силами связался. И почему здесь черный змей на шпиле.

— У расколников было богатое воображение. Они и святого Агафангела Сараклычского за антихриста считали, и всякие ужасы ему приписывали.

— Вот не надо давить меня аналогиями, я этот твой прием уже раскусил. Конечно, я обязан был найти другие свидетельства. И я догадывался, где их искать. Последний князь, конечно, мало что мог и мало что знал. Но библиотеку спрятать у него ума хватило. Это вам не Ваня Грозный — примитивно в землю закопать. На глазах у всех — нате, берите! Кто же в кадетском корпусе такое читать будет? Сами подальше уберут. Вот и убрали — до поры, до времени. Ясное дело, я ничего не

нашел в каталоге. Но кто его составлял, этот каталог, кто собрание разбирал? Ответ известен. Ты прочла, что тебе было нужно. И сделала все, чтобы не прочли другие. И стала рыть.

— И что же такого я хотела нарыть?

— И об этом тоже все было сказано. То, что должно было стоять на алтаре. Истинное зеркало. Алатырь.

— Чтобы такая штуковина хранилась в музее и никто не распознал ее предназначения? А до того — в православной церкви? По-твоему, все здешние прихожане были тайными язычниками?

— Разумеется, нет. Они были вполне благочестивыми людьми. Оттого им здесь и не нравилось. А после эту вещь и вообще убрали в запасники. И там зеркалом она уже не выглядела, верно? Ее изменили. От большого ума... или от недостатка. Но тебе она все равно зачем-то нужна. Иначе для чего было затевать всю эту возню, переселяться через пол-России... и может, не в первый раз. Я ведь не знаю, сколько тебе лет на самом деле. И никто не знает. И вовсе не из дамского кокетства ты напугалась, когда я начал это выяснять. Ты ведь чувствовала опасность, верно? Оттого и сбивала постоянно меня с толку, уводила в сторону. Внушала, что огненные змеи не бывают женского пола. Но у тебя не получалось. Тебе очень хотелось поговорить о том, что тебе на самом деле важно. С кем-нибудь. Хотя бы со мной.

Я прикрыла глаза, опустила руку с фонарем.

— Ты что, правда в это веришь? Нет, действительно? Подпитка энергией, надо же... И почему, по-твоему, я не вырублю здесь электричество?

— Думаю, ты научилась себя как-то контролировать. А вернее всего, ты слишком устала, чтоб действовать на свой обычный манер.

Он был прав. Я устала. Слишком устала. Невыносимо устала. И он все угадал. Кроме главного.

— Что ж, пользуйся. Ты свои намерения выразил открыто. Где у тебя там кол осиновый или меч булатный. В конце концов, убийство есть убийство...

Он усмехнулся.

— Как будто ты сомневалась, что при мне их нет. Тот еще Егорий-победоносец из меня... Даже «макарова» с серебряны-

ми пулями не имеется. Хотя это вроде бы от оборотней... или от вампиров тоже помогает? Но от обычных. Все описанные способы рассказывают лишь о том, как убить обычных вампиров. Но я не собираюсь тебя убивать. Мне это не нужно.

Кутырин неожиданно легко поднялся, положил свой фонарь на пол, отодвинул ящик и поднял то, что было спрятано под ним.

Я оцепенела. Все время разговора, а может, и то, что он меня ждал, он сидел и разглагольствовал, положив *это* под задницу.

— «Чаша из черного поделочного камня. — Издевательский голос звучал почти в полной темноте, свет бил по ногам. — Ножка также украшена поделочным камнем, оgranенным, полупрозрачным. Возможно, использовалась как дароносица. Конец XVIII — начало XIX веков. Художественной ценности не представляет». Она никогда не выставлялась, но музей во время оно выпускал разные труды и каталоги. И они прямым ходом попадали к вам в библиотеку. Тогда ты и сложила, что есть что. Ценности не представляет, как же! Сначала я думал, что все твои заботы — завладеть истинным зеркалом. Но когда догадался, что ты хочешь его уничтожить, — все стало на свои места. И я понял, кто ты на самом деле.

Он повернул чашу ко мне, держа ее как щит.

— Кто забирал жизнь у людей одним только взглядом? Кого окружали змеи? Кого победили с помощью зеркала? А это все еще зеркало, несмотря ни на что!

Внутренняя поверхность чаши была гладко отполирована, казалось, во тьме она отливает серебром. Я засмеялась — своей победе и глупости человека. Они вечно все путают. То зеркало, которое ему необходимо, должно быть выпуклым, а это — вогнутое.

Ал-атырь.

Ловушка душ.

И туда, в самую середину, я направила луч своего фонаря. Гладкая поверхность чаши ярко высветилась, и брызнул сиянием в изножье доселе тусклый самоцвет. Жабий камень.

Кутырин попытался загордиться от меня чашей, и в зеркальном круге я все яснее видела свое отражение. Свое, а не этой отвратительной оболочки.

— Я знаю, кто ты! — как заклинание, выкрикнул Кутырин.

— Не знаешь, — сказала я.

И это было последнее, что сказано. Перед тем как выронить чашу, он тоже увидел. Но говорить уже не мог.

Я ненавижу, когда коверкают мое имя, а люди все время это делают. И все путают. Горгон с василисками, например. И вдобавок выдумали, что василиски не бывают женского пола. А как же их матери, царицы змей, родоначальницы?

Раньше, правда, они были умнее и знали о нас больше. И умели с нами бороться. Как тот старик из местных племен, что заточил меня в отвратительный человеческий облик и лишил силы. Ему это даром не прошло — я натравила на него одного глупого молодца. Но он, кроме того, что убил старика, еще и разбил последнее живое яйцо. А люди потом, как водится, все перепутали.

Они расправились с нами, с матерями, с Василисками, а потом предоставили вымирать нашим детям — ведь те были бесплодны.

Но теперь все изменится.

Я обрушила вход и выход из подземелья. А перед тем, обрета свой подлинный облик, отложила яйца. Того, что осталось от человека, и сброшенной мной шкурки хватит на то, чтоб напитать их соками до нужного времени. А сама выбралась наружу. Туда, где я могла до бесконечности плыть, нырять, свиваться кольцами — свободная и ничьим глазом не различимая.

Не знаю, существуют ли огненные змеи. Но мы, явившиеся в мир, когда он был полностью окутан снегом и льдом, — змеи снежные. Белые и пушистые. И в том, что зимы становятся все дольше и снега падает все больше — залог нашего возвращения. Я так долго искала истинное зеркало в этой огромной стране. Но ведь оно не одно, может, и я не одна.

Когда снег сойдет, придется снова нарастить сезонную шкурку. По счастью, носить ее придется недолго. Каждый год — все меньше. А потом придет пора, когда нам не станут мешать. И мы сможем быть сами собой на этих бесконечных равнинах, где морозную ночь освещает лишь снег.

СТРАШНЫЙ СУД № 20

Бессмысленная, теплая печаль,
 Часы стучат, как уходящий поезд,
 Любите нас сегодня и сейчас,
 Не потому, что завтра будет поздно,
 А просто так.
 Сегодня и сейчас.

Поезд тронулся. Господи, это ведь сплошная банальность — отправление поезда! Перрон плывет за окном. Провожающие машут руками. Толстая мамаша бежит рядом с вагоном, давая дочке, уезжающей в Москву, финальные напутствия. Дочка, та еще фифа, трещит по мобильнику, кивая мамаше на манер китайского болванчика. Символическая сцена: материнские советы не слышны, стекло окна надежно защищает блудную дочь от мудрости прожитых лет.

— Котик, я уже еду! Целую, котик, люблю, встречу меня с машиной...

На кой девчонке мудрость? Ей бы котика с машиной.

Народу мало. Часть купе пустует, в иных сидят по двое, по трое. Билеты дорогие? Не сезон? Здание вокзала уходит из поля зрения. Начинаются склоны, заваленные мусором, сортировки; спуют, плохо видимые в сумерках, бабы в оранжевых жилетах. Раскатились по путям круглыми апельсинчиками. Помнится, в юности я возил апельсины из Москвы. Там они были существенно дешевле. Э, нет, поправляю я себя, там они просто *были*. Оказавшись в столице моей родины, я затаривался апельсинами, бананами, «Майкопской» колбасой (одинадцать рублей сорок пять копеек за килограмм), мороженой венгерской уткой, обернутой в целлофан, пластинками с Диззи Гиллесли...

Нет уж. Теперь я вернусь налегке, обремененный лишь подписанным контрактом.

В моем купе уже шустрит попутчик — лысый подвижный коротышка. Не стесняясь чужих глаз, он раздевается до трусов — семейных, в горошек. Вешает костюм на плечики, пристраивает галстук — так, чтоб не помялось в дороге. И превращается в курортника — шорты до колен, гавайка навыпуск, тапочки-сланцы. Краем глаза слежу, как на столе объявляется бутылка коньяка, набор стопок в чехле, сыр, заранее порезанный ломтями, баночка маслин...

— По первой? — спрашивает лысый.

— Не рано ли? Только тронулись.

Лысый смеется, словно я отмочил бог весть какую шутку.

— Если тронулись, — булькает он, — тогда в самый раз.

На всякий случай улыбаюсь в ответ. В купе нас двое. Надеюсь, в Белгороде или Орле никто не подсядет. Меньше народу — больше кислороду. Еще одна шутка из тех, над которыми смеялись динозавры.

— Переодеваться будете? Я могу выйти.

— Спасибо, не надо. Я так, только туфли сниму.

— А я не умею так. — Лысый покаянно разводит пухлыми ручками. — Привык, знаете ли, с комфортам.

— Часто ездите?

— Ой, часто! Рафаил Модестович, к вашим услугам. Можно просто — Рафа.

— Сергей.

— Приступим, Сереженька?

— Пусть хоть билеты сперва проверят...

Отмахиваясь от моих возражений, он вскрывает коньяк, плещет в металлические стопки. Движения лысого быстры и уверенны. Наверное, полжизни провел на колесах. Такие умеют устроиться где угодно — в поезде, в провинциальной гостинице, за столиком ресторана в захолустье... Мир принадлежит им.

— В командировку? — спрашиваю я.

— Ага.

— Снабженец? Администратор?

— Адвокат. — Рафаил Модестович улыбается и добавляет со значением: — Ваш адвокат, Сереженька.

— Спасибо, не нуждаюсь.

— Это вам так кажется. Вы что думаете, это поезд?

Вызвать проводницу? Милицию? Выбежать из купе?

— Правильно думаете, Сереженька. Поезд, конечно, поезд. Состав номер двадцать. — Лысый наклоняется ко мне: — А название поезда знаете?

— Знаю, — вздыхаю с облегчением, словно это случайное знание может послужить мне защитой от психа. — «Николай Конарев». Раньше состав назывался «Южанин».

Коньяк душист и сладковат на вкус.

— А вот и нет! — Рафаил Модестович счастлив. — «Николай Конарев» ушел на Москву без нас. Наш поезд называется «Страшный суд № 20». Еще по стопочке?

— Вы не адвокат, — говорю я. — Вы юморист.

— Еще какой! — хохочет лысый.

— Наливайте. Я сейчас вернусь.

— Далеко собрались, Сереженька? Имейте в виду, стопкран не работает.

— В туалет. От ваших хохм и Железного Дровосека пронесет.

* * *

Туалет был занят.

Странно. Вагон новый, «крюковский»; в купе на табло, укрепленном над дверью, возле крошечных букв «WC» светились два зеленых огонька. Значит, свободно. И тем не менее... Я встал у окна. Мочевой пузырь взбунтовался. Молчал, гад, молчал, и вдруг приспичило. В сумерках, издеваясь над моей нуждой, мимо поезда летели смутные силуэты. Далеко-далеко мерцала россыпь огоньков. Их свет лишь добавлял теням плотности. Казалось, поезд стоит на месте, остолбенев от ужаса, а вокруг закручивается спиралью Дикая Охота. Не стук колес, а грохот копыт, не тряское движение — озноб страха...

Надо запомнить.

Щелкнул замок. Из туалета бочком выбрался коренастый мужик. На голову ниже меня, зато в плечах намного шире. Не стесняясь, мужик застегнул ширинку. «Молния» заела, ему пришлось раза два дернуть замок и немного попрыгать на месте.

— Здорово, Тюпа! — сказал мужик.

— Добрый вечер...

После школы никто не звал меня Тюпой. Я и забыл, как оно звучит.

— Не узнаешь?

— Извините, нет.

— Вадька я. Вадька Носов.

— Носов?

— Карлик Нос. Ну ты даешь, Тюпа...

Память смутно откликнулась. Маленький тихоня, сидел на задней парте. Говорил шепотом, с робостью. Временами наглед, чтобы хоть как-то укрепить статус. Увы, с наглостью у Вадьки были сложные отношения. Как у скверного актера с ролью.

— Вадик! — проникновенно сказал я. — Как я рад тебя видеть!

Дежурный ответ для таких встреч.

— Рад он, — буркнул мужик. — Видеть он. А кто меня в трухалку обул? На два рубля пятнадцать копеек? Радостный он, блин...

— Какую трухалку?

— Ну, трясучку...

Игру я вспомнил. Казино не было, обходились, чем могли. Двое пацанов скидывались по монетке, один зажимал деньги в ладонях — раковинкой — и начинал трясти. Второй говорил: «Стоп!» — и угадывал, орел или решка. Угадал — деньги твои. Промaxed — деньги уплыли к трясуну. Монетки легли вразнобой — трясем до победного конца.

— Вадя, ты чего? До сих пор злобу таишь?

Мужик набычился, зыркнул из-под бровей:

— Я все знаю, Тюпа. Теперь я все знаю. — Он так выделил слово «теперь», что по спине у меня побежали мурашки. — Ты, гад, мою монетку в ладони зажимал. Решкой вверх. Если я говорил «орел» — у тебя шансов больше было.

— А если ты говорил «решка»?

— Ты тогда ладони переворачивал. И монетку заодно. Сволочь ты, Тюпа. Два рубля пятнадцать копеек... Ты на них сигарет купил. «Родопи». И Дикашу угощал, чтобы он за тебя вступался, если что. Я помню, я теперь все помню...

Еще минута, понял я, и напружу в штаны.

— Извини, Вадя. По молодости, по глупости... Помнишь, я тебя яблоками угощал?

— Угощал он! Ты яблок терпеть не мог. А бабушка тебе в портфель вечно яблочко сует... Баринном хотел выглядеть? Бедного Карлика Носа подкармливал? Я-то по монетке копил, ничего не покупал — все мечтал у тебя рубль выиграть...

— Ну, прости меня, подлеца! Хочешь, я тебе коньячка поставлю? На те два пятнадцать хорошие проценты выросли!

— Не хочу.

— Столько лет сердишься?

Мужик вдруг поднял голову:

— Нет, Тюпа. Больше не сержусь.

— Ну и ладушки. Может, все-таки коньячок?

— Вот уже три месяца и шесть дней как не сержусь...

Он шагнул вперед и изо всех сил ударил меня кулаком в живот.

Как я не обмочился, не знаю. Под ложечкой полыхнула сверхновая. В глотку забили тугой кляп, воздух из тамбура выкачали дьявольской помпой. Я давился, тщетно пытаюсь вдохнуть. Слезы текли из глаз. Согнувшись в три погибели — в пять! шесть! десять погибелей! — я беззвучно проклинал Вадьку, школу, детство, собственную тупую хитрость, о которой и думать забыл. Вот сейчас Карлик Нос добавит мне по загривку, и буду я валяться на казенном полу, смешной и жалкий...

Нет, Вадим Носов не стал добивать Тюпу. Вместо этого он, хихикнув с отчетливо садистской интонацией, вернулся обратно в туалет и закрыл за собой дверь. Плохо понимая, что делаю, я вцепился в ручку, рванул на себя, не давая Вадьке запереться, — хрипящий, плачущий, полумертвый, какой угодно, я буду рвать его зубами, бить головой об унитаз или, получив вторую плюху, лягу трупом на резиновый коврик...

В туалете никого не было.

Мотая головой, я присел на край унитаза. Дыхалка малопомалу восстанавливалась. Наверное, синяк будет. Сволочь Вадька, как засадил... Думать о том, куда он делься, не хотелось. Ой, как не хотелось об этом думать! Встав, я облегчился, кряхтя и охая. Умылся холодной водой, остервенело дергая пиптик крана. Вытер руки туалетной бумагой — рулончик ее притулился в жестяном боксе. И увидел газету. Свернутая в мятую

трубку, сложенная пополам, газета лежала на полочке для мыла. Текст с краю кто-то взял в рамочку, обеда красным фломастером. Жирная линия походила на кровь, вытекшую из разбитого носа.

Я развернул.

«Популярный радиоведущий Вадим Носов погиб в автокатастрофе. Он разбился на трассе Киев — Харьков, неподалеку от г. Полтава, возвращаясь домой. Авария произошла около шести часов утра. В условиях плохой видимости из-за тумана «Chevrolet Aveo», которым управлял Носов, вылетел на полосу встречного движения и столкнулся с микроавтобусом «Фольксваген Транспортер». От полученных травм Носов скончался на месте. Водителя микроавтобуса доставили в больницу с переломами ног...»

«Вечерний Харьков» за восьмое июня сего года.

«Вот уже три месяца и шесть дней как не сержусь...»

* * *

— Вы ужасно выглядите! — всполошился Рафаил Модестович. — На вас лица нет! Сереженька, выпейте капельку, вам крайне необходимо...

Не возражая, я заглотил коньяк, как воду.

— Седалгинчику? Мокрое полотенечко на голову?

— Изыди, — буркнул я.

Рафаил Модестович просиял:

— И впрямь, что это я? Человека бьют в живот, а я лечу ему голову... Вы только не волнуйтесь, Сереженька...

— А я и не волнуюсь.

— Вот и не волнуйтесь.

— Не волнуюсь. Ни капельки.

— Ну и славно. Для вас главное — не волноваться...

— Я спокоен! Спокоен, черт бы вас всех побрал!

— Я вижу, вижу...

— Как мумия! Как Бুদ্ধа! Я спокойнее всех спокойных!

В купе сунулась проводница:

— Мужчины, не шумите! Подъезжаем к Казачьей Лопани. Приготовьте документики...

Плюхнувшись на койку, я в гробовом молчании дождался

явления погранца. Это оказалась миловидная женщина в камуфле. Бейдж на груди гласил: «Наливайко Оксана Потаповна». С фотографии, укрепленной в правом углу бейджа, мне улыбался кто угодно, но только не Оксана Потаповна. Фото было лет на двадцать старше оригинала. И мужского пола; даже с бородой.

— Предъявите паспорта...

Я предъявил. Оксана Потаповна раскрыла паспорт на первой странице; долго, шевеля ярко покрашенными губами, читала текст. Потом пролистнула дальше, туда, где была вклеена моя вторая фотография двухлетней давности. Сверила, бегая глазами туда-сюда, — я заподозрил, что на снимке выгляжу стержневой блондинкой, — и продолжила листать. Никогда не думал, что в моем паспорте столько страниц. Как в Библии, честное слово, или в русско-украинском толковом словаре. Она читала и читала, временами поглядывая на меня с немой укоризной. Пальцы шевелились, лаская бумагу, блеснул лаковый маникюр ногтей, длинных и острых, моргали влажные глаза, рот без звука жевал какие-то бесконечные монологи...

— Вы только не волнуйтесь, Сереженька, — эхом шепнул Рафаил Модестович, а может быть, это мне только почудилось. — Ничего, бывает...

— Сорок семь, — наконец сказала погранчиха.

— Что сорок семь? — не понял я.

— Все сорок семь. Сорок семь, и все. Что ж вы так?

И Оксана Петровна оставила наше купе, даже не поинтересовавшись паспортом адвоката. Ее сменил таможенник — наголо бритый шустрик. Он сиял, словно встретил двух кинозвезд и знал, что без автографа не отпустит добычу живой.

— Наркотики? — густым басом спросил шустрик. — Валюта? Драгметаллы?

— Ни в коем разе, — откликнулся Рафаил Модестович.

Я молча помотал головой.

— Оружие?

— Мы приличные люди! — возмутился адвокат.

— Необработанное перо? Пух?

Адвокат развел руками, я же задумался. О пухе меня спрашивали впервые.

— Шкуры крупного рогатого скота?

Я молчал и не двигался. Но, похоже, таможенно не интересовали мои ответы. Шустрик сыпал вопросами:

— Купроникель? Нейзильбер? Ниобий?

— Нет.

— Месть? Ненависть? Идея-фикс?

— За кого вы нас держите? — спросил адвокат.

— Не за кого, а за что, — поправил шустрик и расхохотался. — Вот так.

Показав, за что она нас держит (и каким образом), таможня покинула купе.

— Не обращайтесь внимания, — дал совет Рафаил Модестович. — Хамы. Развлекаются от скуки. Чего им проверять? Все равно никто ничего не вывезет. Много ли с собой заберешь? Ну, воспоминания. Тоже мне, ценность! Национальный, извините, Архивный фонд! К примеру, вы, Сереженька... Вспомнили, как в трухалку мужлевали. И что? Грош цена всему: и грешку, и воспоминанию, не в обиду будь сказано...

Возразить адвокату я не успел.

— Гривны на рубли! Меняем гривны на рубли! Хороший курс...

Всегда поражался ушлости наших менял. Не успела таможня перебраться в соседний вагон, а они уже тут как тут. Носом чуют? Или им по радию сообщают?

— Вам рубли нужны? — Адвокат извлек из-за шторы коньяк и стопки. Когда и спрятать успел? — Курс и правда очень хороший. Не обманут.

Я чуть не спросил: «Вы с ними в доле?» Еле сдержался.

— Ну что вы, дорогой мой! — Улыбку Рафаила Модестовича можно было мазать на хлеб вместо масла. — У нас, говоря аллегорически, разные епархии. Еще коньячку? — Ловкий, как бес, он наполнил стопки до краев, не пролив ни капли.

— Гривны на рубли!

В двери замаячила конопатая физиономия поперек себя шире. Персонаж кукольного спектакля: веселая тыква, глазавасильки, на макушке — рыжий куст торчком. Не узнать столь примечательный анфас-террибл мог лишь слепой.

— Лева?!

— Сколько лет, сколько зим!

Имени моего Лева, разумеется, не помнил. Он регулярно

забывал его даже в лихие девяностые, когда мы виделись через день. Знакомство наше началось с неуклюжей попытки Левы кинуть клиента, свернув купюру в сто баксов якобы для проверки подлинности — и возвратив мне один доллар.

Больше он себе такого не позволял.

— Лет пятнадцать, не меньше.

— Точняк! Девяносто пятый, декабрь. Ты у меня две сотни «зелени» купил.

Я не усомнился ни на мгновение. Имена и фамилии проваливались сквозь память Левы, как песчинки сквозь крупное сито. Зато подробности любой сделки застревают намертво.

— Все меняешь?

— Сам видишь. Как обменки пооткрывались, я в поезда переехал. Ниче, нормалек. Кручусь. Рублей подкинуть? Тебе — по льготному курсу.

— Спасибо, у меня есть.

— Спецпредложение?

— В смысле?

— Выйдем в тамбур. Вы не против, Рафаил Модестович?

У меня отвисла челюсть. Чтобы Лева назвал кого-нибудь по имени-отчеству?! И вообще, чего это он у адвоката позволения спрашивает? «Разные епархии», да?

— Без вопросов, Левочка! Нам еще долго ехать. Успеем наговориться...

Лева заговорщически манит меня в коридор. Говорят, любовитство сгубило кошку. Ну и ладно! Я не кошка. А если — ха-ха! — верить Рафаилу Модестовичу, беспокоиться о чем-либо уже поздно. И вообще, Лева (один раз не в счет) всегда работал честно.

Чего мне бояться?

* * *

Лева резво топал к переднему тамбуру. Ну да, в другом направлении курят — не уединишься. Я заторопился следом, запнулся о смятую дорожку — и едва не вспахал носом пол.

— Блин!

В последний миг, схватившись за поручень, я завис нелепой раскорякой. Перед глазами на грязно-белой дорожке от-

печатался рифленый след подошвы. «Сорок пятый растоптанный», — хмыкнув, я вернул себе равновесие и, отшатнувшись, едва не упал снова, теперь на спину. На меня уставились белые, неживые лица. Плоские, круглые маски, в глубине блестят человеческие глаза, угадываются смутные очертания носов, губ...

— Фарфор не желаете? — каркнули сверху.

Наваждение рассеялось. Высокий, похожий на ворона старик, облаченный в черный пиджак, развернул передо мной полотно. На нем чудом держалась дюжина тарелок. В тарелках отражалась перепуганная физиономия.

Моя.

— Н-нет, спасибо!

— Есть сервизы...

— Не надо!

Бочком протиснувшись мимо фарфороносца, я поспешил удрать в тамбур.

— Памятники? — несло в спину хриплое карканье. — Надгробья?

В тамбуре было на удивление чисто — ни пепла, ни окурков, ни грязных следов. И пахло фиалками. Наверное, проводница дезодорантом пшикнула. Лева занимал половину свободного пространства. Спиной он подпер внешнюю дверь. Гостям из соседнего вагона ворваться в тамбур было бы затруднительно. К чему такие предосторожности? Истинный вагонный меняла храбрый Джеймс Бонда.

— Что за спецпредложение?

Чем Лева решил удивить старого друга? Фунты? Йены? Золотые пиастры из сокровищ капитана Флинта?

— Мнезы.

— ...?

— Ну, мнемосрезы. Воспоминания.

— Прикальываешься?

— Какие приколы?! — Лева надвинулся горой, забубнил мне в ухо, брызжа слюной: — Ты че, не въехал? Тебе Рафа не вколотил понималку?

— И ты туда же?!

— Нет, я не туда. — Насупившись, Лева сделался похож на синьора Помидора из «Чиполлино». — Это ты туда. А я — туда-

сюда-обратно. Тебе, значит, и мне приятно. Я тебя когда-нибудь кидал? Дурил?

— Кидал. Один раз. Самый первый.

— Во-о-от! — Сосиска его пальца уперлась в железный потолок. — Если тебе ни хрена не нужно — может, продашь? Чего не жалко, а? Я куплю. За хорошие бабки.

Для наглядности Лева извлек из недр своей куртки толстый «пресс». Кажется, там были рубли, гривны, доллары с евро, еще какие-то загадочные банкноты, красные с золотом... Псих? На сумасшедшего Лева не походил.

Правда, я не психиатр.

— А тебе зачем?

— Бизнес! Давай, не тормози. Шевели мозгой: что бы ты забыть хотел?

Пачка банкнот с шелестом качается перед лицом. Туда-сюда-обратно, словно шарик гипнотизера. Лева — фокусник? шулер? — листает «пресс», как карточную колоду, разворачивает веером, тасует. Я слежу за мелькающими банкнотами — загадайте вашу карту, наденьте дурацкий колпак...

...лампы пригашены. Лишь тусклый ночник теплится у изголовья. Мамино лицо заострилось, под глазами копятя черные тени. Дыхание с нагсадным хрипом срывается с обметанных губ. Белые простыни кажутся серыми, а тело под ними — сухим, маленьким, легким, как пушинка. Я помню маму совсем другой...

Капельницу уже унесли. «Шансов нет, — развел руками врач. — Это агония. Часа три-четыре; может, пять. До утра не доживет. Вы, конечно, можете остаться... Извините за прямоту, но это очень тяжело. Она все равно без сознания и вряд ли очнется... В общем, смотрите сами».

Сжимаю мамину ладонь — холодную, влажную. Чувствую еле заметную дрожь. Едва ли не бегом покидаю палату.

К утру мамы не стало. Я так и не узнал, пришла она в себя перед смертью или нет. Иногда обжигает запоздалой укоризной: что, если она ненадолго очнулась, а рядом — никого? Больничная палата, удушливый запах лекарств и старческого, коченеющего тела; темнота подступает к койке...

А меня — нет.

*Это, наверное, страшно — умирать в одиночестве, в казенной палате... Даже родной сын и тот трусливо сбежал.
Прости меня, мама!*

- Оно тебе надо? На тебе ж лица нет. Продай!
- Ты...
- И больше никогда не вспомнишь. Я тебе бабок дам...
- Сколько? Сколько ты мне дашь?!
- Сорок два бакса.
- Сорок два? За *это*?!
- Ладно, сорок семь. Пятерку накину.
- Обижаешь, Левчик...
- Больше тебе никто не даст! Ну, сам цену назови.
- Лимон! Лимон баксов!

Еще с девяностых заметил: при общении слевой каждый раз заклинивает. Начинаю изъясняться, как мелкая шестерка.

- Сдурел?!
- Лимон. Или не договорились.
- Кому оно надо, за такие бабки?
- Мне! Мне — надо! Ты понял? Мне!
- Не ори, Карузо. Нет так нет. Бывай.
- Пока, благодетель.

Уже берясь за ручку двери, я ощутил запах крепкого табака. Когда я обернулся, Левы рядом не было. Вместо него у окна стоял старик в парусиновых брюках и майке.

* * *

В тамбуре курил мой дед.

— Это ты книгу спер, — без предисловий сообщил он, затягиваясь мятой «беломориной». Дым клубился вокруг, превращая тамбур в газовую камеру. — Я знаю. Я и раньше догадывался, а теперь я все знаю.

Душегубка лязгала и подпрыгивала.

— Какую книгу? — не понял я.

Дед умер тридцать лет назад, от отека легких. Суровый, временами грубый человек, диктатор и мизантроп, он любил меня больше всех на свете. Мать рассказывала, что, когда недоношенного слизнячка принесли из роддома, дед без колеба-

ний принял командование на себя. Ухаживал, мыл, пеленал, следил, чтоб кормили по расписанию, чтоб ни сквозняка... Построил всю семью «во спасение». «Ты не мать! — кричал он на маму. — Ты садистка! Иди сcejивайся...»

Результат налицо, подумал я.

— Немецкую. С голыми бабами.

Я иокраснел. Дед говорил чистую правду. Сопливым подростком, кипевшим от гормонов, я обнаружил в дедовой тумбочке старую-престарую книгу на немецком языке. Немецкого я не знал. Но в книге имелось десятка два фотографий с «обнаженкой»: на пляже, в спортивном зале, на опушке леса. Разумеется, я понятия не имел, что такое «Конгресс Наготы и Образования», кто такой Адольф Кох, социалист и учитель, жертва Указа от 1933 года — он отказался исключать евреев из своих коммун, справедливо полагая, что голый еврей мало чем отличается от голого арийца... Ни черта я не знал и знать не хотел. Обвисшие сиськи и круглые задницы ценились малолетним сопляком куда выше всей истории натурализма от Адама до Международной федерации...

Что ж, дед лишился сокровища.

— Ты ее в туалете хранил. В бачке. Бабушка искала, весь дом перевернула, а в бачок заглянуть не догадалась. Не с ее спиной на верхотуру лазить...

В те поры у нас был старый унитаз с бачком наверху, под потолком, и свисавшей вниз цепочкой. За цепочку полагалось дергать. Воды в бачок наливалось чуть выше середины, и там, над водой, я оборудовал тайник. Впрочем, книга быстро отсырела, и ее пришлось выбросить.

— Дай закурить, — попросил я.

— Свои иметь надо.

— Мне твою хочется.

Он долго смотрел на меня, не спеша угостить табачком. Припухшие веки, белки глаз в красных прожилках; неприятный, испытующий взгляд. Потом дед вздохнул, разом обмякнув, и полез в карман пиджака за пачкой «Беломора». Дал прикурить от старой бензиновой зажигалки. Папироса оказалась безвкусной, как диетический хлебец.

— Извини, дед.

— За книгу?

— За все.

— Дурака кусок, — с удовлетворением сказал дед. — Извиняется он. Передо мной, значит, извиняется...

— А перед кем надо?

Вместо ответа он спросил:

— Тебя не удивляет, что ты не удивляешься?

Тавтология, машинально отметил я.

— В каком смысле?

— В таком. Ходишь тут: ах, мерещится! Ох, не может быть! А ведь ты уже принял и понял. Скоро согласишься.

— С кем я соглашусь?

— С кем надо. Вот тогда — хана. Ладно, иди. Я тут покурю еще.

Он был прав. Я раздвоился. Одна моя половинка по привычке ужасалась и изумлялась. Она жила стереотипами, эта половинка, жрала их на завтрак и ужин, пила их и дышала ими. Вне очерченных рамок она жизни не представляла. Волга впадает в Каспийское море, «Собаку Баскервильей» написал Конан Дойль, от слив бывает понос... Другая же часть, спрятанная глубоко-глубоко, большей частью (тавтология! о, дед...) спала. Но, проснувшись, она лезла на холодный, зябкий воздух так решительно, что скорлупа вокруг нее шла трещинами. Готовая принять все что угодно, она казалась беззащитной.

— Когда кажется, креститься надо, — сообщил мне в спину мой некрещеный дед, евший на одну Пасху мацу, на другую — куличи. — Коньяка много не пей, от него изжога. Лучше водки. Или самогону. На лимонных корочках.

— Где я тебе самогону в поезде возьму? — безнадежно откликнулся я.

— Спроси у Рафы. Он достанет. Он, если надо, из-под земли достанет.

Мы подъезжали к Белгороду.

* * *

Российская граница проскочила легко, как очередная стопка. Бородатый погранец — его морду я видел на бейдже Оксаны Потаповны — листать паспорт не захотел. Обнюхал, чихнул и вернул без комментариев. Таможня нас проигнори-

рвала вообще. Зато из третьего купе кого-то выволокли за ноги и потащили из вагона в ночь. Бедняга вопил как резаный. Затылок его стучал по полу, по ступенькам и, наконец, по перрону.

Пять минут, отдаленный залп, и поезд тронулся.

— Пойду кофе закажу.

Рафаил Модестович, занятый извлечением очередной бутылки, не отреагировал. Я прикрыл за собой дверь. Колеса громыхали на стыках, но поезд шел плавно. Даже не приходилось хвататься за стены и поручни. Дверь соседнего купе была открыта. Все полки застелены, на нижних постели примяты, словно здесь только что сидели люди. На столе — стаканы, початая бутылка «Medoff», жареный гусь с оторванной ногой.

И — никого.

Курить ушли? «Заходи, кто хочет, бери, что хочешь!» Ладно, не мое это дело. За окнами мелькают огни — багровые, злые. «Красное смещение, — услужливо подсказывает память, взбодренная коньячными парами. — Эффект Доплера. Галактики продолжают разлетаться от точки Большого Взрыва...»

Кофе! Срочно!

От титана веет нешуточным жаром. С кипятком проблем не будет. Стучусь в купе проводников.

— Открыто!

Молоденькая проводница глядит на меня снизу вверх, полулежа на застеленной полке. Вставать она не спешит. Форменная синяя юбка совсем короткая. А ноги — наоборот, длинные и гладкие. И видны до...

В общем, хорошо видны.

Спohватившись, дергаю взгляд вверх — как собаку за поводок. Взгляд подчиняется с явной неохотой. Табличка «Наташа» на высокой груди. Это как в дамских романах: у каждой фемины — высокая грудь. Все выше, и выше, и выше... С заметным усилием тащу взгляд дальше. Улыбка. Такая, знаете ли...

Понимающая.

— Наташенька?

— Да-а-а?

— Кофе можно?

— А сладкое будете?

Глаза наивные-наивные. Пушистые ресницы порхают мотыльками. Кажется, что от них исходит легкое дуновение воздуха. В купе царит пряный, опиумный аромат духов.

— Сладкое? Не откажусь.

— Все настоящие мачо любят сладкое!

Розовый язычок облизывает пухлые губки. Что это? Флирт? Соблазнение?

— Что вы можете предложить?

— Из сладкого? О-о, у нас большой ассортимент!

— Я весь внимание!

— Конфеты, шоколад, вафли, клубничка-а-а...

— Клубничка, говорите?

— Хочешь?

— А ты сомневаешься?

— Какие могут быть сомнения? — Она наконец поднимается. — Ой!

Поезд содрогается. Ловлю проводницу в охапку. Не удержавшись на ногах, валюсь на полку вместе с Натали. Пушкин, значит; арап в порыве страсти. Губы, руки; мягкое, влажное, доступное...

— Тебе восемнадцать есть? — шепчу я, когда получаю такую возможность.

— Паспорт показать?! — В голосе — обида.

— Не надо паспорт. Я на слово поверю.

— А если нет — тогда что?

— Тогда — статья, душечка. Мне.

— Небось в первый раз ты про возраст не спрашивал...

— Какой еще «первый раз»?! —

— Забыл, Сержик? Ай-ай-ай, скверный мальчик... Девятнадцать лет назад. Тоже в поезде. Моя мама была на год старше, чем я сейчас.

Раздолбанное купе. Пустой вагон. Зима. Санкт-Петербург — Харьков. Стекло треснуло, в щель немилосердно дует. Бутылка перцовки — из рук в руки. Кто предложил греться под одним одеялом? Кажется, она. Было хорошо. Расстались — легко, без сожаления. Я ей рукой помахал. Ее звали... Черт, как же ее звали-то?

Наташа на нее очень похожа.

— А ведь ты был женат.

— Не был! Мы только заявление подали...

Откуда она знает?!

— Значит, только заявление? До свадьбы — не считается? А после? Сколько раз не считается после свадьбы?! Как тебе результат, Сержик? Я лучше мамы? Ну, скажи, что лучше! Эй, ты куда?! Мы же только начали! Может, я тебе все наврала...

* * *

— Как кофе? Понравился?

Излом брови, добродушный прищур. Рафе бы еще бо-родку, и можно смело имя-отчество менять. На Владимира Ильича.

— Не распробовал.

Падаю напротив, отшибая зад. Моя стопка налита всклень. Жидкий янтарь колышется, играет масляными бликами. И ведь ни капли не проливается, что характерно. Ну, с богом! Плевать, что коньяк не пьют, как водку.

— Эдак вы и вкуса не распробуете! — смеется Рафаил Модестович. — Давайте-ка, Сереженька, я вам еще налью. Успокоились? Теперь с чувством, с толком, с расстановкой... Аромат обоняете? Во-о-от. — Он тянет это слово на манер Левы. — Пригубьте, покатайте во рту. Окажите уважение благородному напитку, тогда и он вас уважит. Впрочем, что это я вас учу? Вы и сами с усами...

Коньячок и впрямь хорош. Жаль, бутылка боком стоит, этикетку не разглядеть. Повернуть? — лень. Все лень. Только стопку и могу еще держать.

— А что *кофий* не распробовали — это правильно. Это вы молодец. Только дурак дважды наступает на одни и те же грабли. Вам не в чем себя винить. Она ведь сама напрашивалась. Мимолетная встреча, дорожный романчик. Молодость, гормоны взыграли — с кем не бывает? Жене не признались?

— Нет.

— Мудрое решение. Лишние нервы на пустом месте. Вот, закусите шоколадкой...

И правда, чего я распереживался? Ну, чуть не трахнул ве-

селую Натали. Так ведь не трахнул! Хватило силы воли! Врет, стерва вагонная, никакая она мне не дочь...

— Ай, молодца! Ай, умница! Не берите дурного в голову.

— Думаете?

— Наплевать и забыть. Суета сует...

— ...и всяческая суета!

— Именно так, Сереженька. Радуйтесь жизни!

За окном мелькает грузная, мохнатая тень. Пока я поворачивал голову, тень исчезла. Лишь тьма, в которой вспыхивают глаза фонарей — желтые, хищные. Лишь отсвет далеких пожарниц на горизонте. Торфяники горят, что ли?

— Лева мне уже предлагал — забыть! За сорок два бакса...

— Ну и зря вы отказались. Средство, не стану врать, радикальное. Но помогает. К чему изводить себя понапрасну? Тем более когда вы ни в чем не виноваты.

— Конечно, не виноват!

— А я о чем толкую? Нам еще долго ехать, успеете понять — ни в чем нет вашей вины. Ни на грош. Поймете, родной мой, прочувствуете...

— Нет, погодите...

— Да что тут годить? Маме вы ничем помочь не могли.

— А вдруг...

— Очнулась? Вряд ли. Помните, Сереженька, — сердце, оно не железное...

— Нет, ты мне зубы не заговаривай...

— Ну что вы, право! Самоедством решили заняться? Еще деда вспомните. Или одноклассника, которого в трясучку обыграли. У Носова родители в торговле работали. Оба. А у вас? Если уж решили все по крохам перебрать — припомните, как вас Дикаша в шмэн обул. И на счетчик поставил. Вам еще повезло: фарцанули сигаретками, рассчитались...

— Дикаша грозился морду разбить...

— Вот-вот! Для Носова те два рубля — плюнуть и растереть. А для вас — спасение.

— Он сказал, по монетке копил...

— Мало ли что он сказал? Доверчивый вы, Сереженька.

Поезд рвался в ночь, захлебываясь гудком.

— Да что ж ты меня все время защищаешь? Тут я не виноват, тут прав, там обстоятельства заставили?!

— Я ведь адвокат, дорогой вы мой человек! Ваш адвокат. Не забыли? Это работа моя — защищать и оправдывать. А вы мне помочь не хотите, упираетесь!

— Не упираюсь я...

— Клиент должен сотрудничать с адвокатом, доверять ему. Только тогда...

— Что — тогда? Убеди меня, Рафа! Заставь поверить! Мелочь, значит, никчемушная? Плюнуть и растереть? За какой бок меня ни возьми — все ерунда, говорить не о чем?! Вся моя жизнь — фигня на постном масле?

— Кем вы себя возомнили, Сереженька? Гитлером? Чингисханом? Чикатило, на худой конец? Вот и не переживайте. Нет за вами ничего. Ни-че-го. Даже на пятнадцать суток не наберется.

— Знаю, знаю твои дела. Ты не холоден и не горяч: о, если бы ты был холоден или горяч; но так как ты тепл, то избляю тебя из уст моих...

— Вы мне этот постмодернизм бросьте. Нечего коньяк даром переводить.

— Так ведь конец, Рафа! Конец!

— Кто вам сказал, Сереженька, что это конец? Что за глупости... Все у вас только начинается. Вам еще с этим...

— Нет, мне хватит... Ладно, еще по одной. Вот ты — адвокат, да?

— Да, милый мой. Адвокат.

— А я, значит, обвиняемый. Хорошо. А об-ви-ни-тель где? Прокурор?!

— Не кричите, все спят...

— Кто он? Где он?!

— А вы сами как думаете, Сереженька?

* * *

— Пассажир! Вставайте, пассажир!

— А?

— Курский вокзал! Вставайте, говорю...

Взлетел ежиком — тем самым, гордым, которого пнули. Пятерней расчесать волосы. Охнуть от головной боли. Протереть глаза. Прийти в себя. Все вышеперечисленное, кроме ох-

нуть, — без особого успеха. Выдернуть сумку из-под койки, прищемив палец. Охнуть еще раз, ясное дело. Покидать в сумку мелкое шмотье...

— Пассажиры! Полотенечко-то оставьте! Оно казенное...

Нет, не Натали-клубничка. Другая проводница, пожилая.

...и *воздвигся на перроне.*

Господи, ведь это сплошная банальность — прибытие поезда. Зловещий шепот таксистов: «Машина! Недорого...» Бравые носильщики с тележками. Троица цыганок с чумазой детворой. Раздерганный похмельем бомж. Чемоданы, сумки, баулы. Москвичи и понаехавшие. Лысый коротышка в костюме.

Взрагиваю.

— Рафаил Модестович?

— Что?

— Простите, обознался...

Нет, не он. Просто лысый. Мало ли лысых каждый день приезжает в Москву?

Когда меня разбудили, адвоката в купе не было.

Смотрю на вагон. От двери до двери бежит надпись: «Николай Конарев». Знать бы еще, кто он такой, этот Конарев... Ладно, брат, пошли в метро. На автомате: спуск под землю, карточка на две поездки, турникет, эскалатор, Кольцевая... Надо же, как вчера нагрузился. В мозгу булькали недопереваренные фрагменты мутного, тоскливого сна. Кажется, я пытался сбежать в Туле, но на перроне творилась такая жуткая, такая кошмарная хня, принявшая меня с распростертыми объятьями, что пришлось бегом вернуться в вагон; дергал стопкран, но тот, к счастью, не сработал; братался с Рафой по крови, требовал позвать начальника поезда, чтобы взять его за бороду...

— Мужчина! Вы садитесь?

— Что?

— Стал на дороге...

Литое плечо дамы отшвыривает меня в сторону. Дама грудится в вагон метро. А я, значит, загораживаю. Нет, я не сяду. Я обожду следующий состав. Да, метро. Нет, не вокзал. Ну и что? Да хоть автобус, такси, рикша! Видите? Там, за вагонным стеклом, улыбается мне Рафаил Модестович. Машет рукой,

приглашая войти. Кто это рядом с адвокатом? А сзади? У двери? Кто висит на поручне? Кто читает книгу?

Кто хочет напомнить мне обо мне?

Нет, не войду.

Надо учиться жить с этим. Иначе я весь остаток жизни простою здесь, под землей, глядя, как поезда один за другим скрываются в тоннеле. Надо учиться. Заново. Можно, я еще немножко подожду? Совсем чуть-чуть. В конце концов, куда торопиться? Как говорил Рафа: «Кто вам сказал, Сереженька, что это конец? Что за глупости...»

— Мужчина! Вы едете?

— Да.

СЛЕТ

Ждал Гамулина, а никакого Гамулина не было — встала у него машина на Егорьевском шоссе. Вечер, как сонное одеяло, укрывал землю, и начал моросить осенний дождик. Мне надоело, стоя на обочине, держать над головой зонтик, и я пошел через подлесок к станции, чтобы спрятаться под ее худую крышу.

Там, у кассы, уже сидел один человек. Старик в резиновых сапогах и хорошей спортивной куртке ждал чего-то на перевернутой плетеной корзине. Я дал ему закурить, и мы молча стали смотреть на мокнущие пути.

Подошел, пыхтя, дизель на Егорьевск, выплюнул рабочих, сразу севших в отправляющуюся мотодрезину, и какого-то похожего на цыгана туриста с разноцветным рюкзаком. Жаль, что не надо было мне на Егорьевск, совсем не надо.

Старик оглядел опустевшую платформу и засобирался.

— Не приехали? — спросил я.

— Кто?

— Ну, там... Ваши...

Но, оказалось, старик никого не ждал, а просто каждый день выходил на станцию, чтобы встретить поезд, а потом поглядеть, как он исчезает вдали. Он давно жил здесь, купив дом в товариществе садоводов, и даже подрабатывал там же сторожем.

Время сторожа было с сентября по апрель, когда домики садоводов пустели. Тогда старик чувствовал себя настоящим хозяином необитаемого островка на просеке под линией электропередачи.

— У нас места-то хорошие. У нас тут Ленин умер, — сказал старик веско.

Мы пошли по тропинке, что вела под мачтами ЛЭП к зеленому забору. Пахло осенней сыростью и моченым песком прошлого, на котором так хорошо работает двигатель ностальгии.

Я воткнул посреди стола бутылку коньяка, припасенного вовсе не для этого случая. Но и хозяин, пошарив под столом, достал какую-то наливку ядовито-красного цвета. Старик извлек откуда-то два стакана — чуть почище для меня, а другой, с несмываемой чайной пленкой, для себя. Мы выпили, каждый чужого, и стали слушать нарастающий свист электрического чайника. Дождь разошелся и уже всю барабанил по жестяной крыше.

Потом мы поменялись, и каждый выпил своего, а потом и вовсе перестали обращать внимание на принадлежность жидкостей.

Странный звук вдруг раздался где-то рядом, мне показалось — за калиткой, будто кто-то быстро перебрал гитарные струны, — я с недоумением посмотрел на сторожа.

— А ты про потерянный слет слышал? — спросил он.

— В смысле? Какой слет? Туристов?

— Ну, это только так называется — туристов. Никаких не туристов... Давай еще выпьем, и я расскажу. Дело было так: один грибник пошел как-то в лес, набрал немерено опят, а потом понял, что заблудился, и настала ночь. Нечего делать, надо было устраиваться как-то в лесу, ждать рассвета, чтобы найти дорогу обратно. Тогда ведь народу было по лесам мало, дачников считай по пальцам, тропы сплошь звериные, а машина по лесным колеям раз в год проедет.

Только он собрался коротать ночь у костерка, как услышал неподалеку гитарный перебор и пение. Да такое чудное пение, что дух захватывает — про то, что всякой встрече суждены разлуки, и самолет уже расправил крылья, чтобы унести суженого от любимой. Пошел грибник на голоса и через некоторое время увидел слет любителей пения под гитару. Вокруг горят костры, а у костров сидят люди, и всяк что-то поет. Гудит, звенит над лесом гитара семиструнная, что иногда зовется русской или цыганской, а ночь такая лунная, и вся душа полна предвкушением и любовью. Один парень про речные перека- ты, другой про то, как спит картошка в золе, а третий про голу-

бую ель. Несутся во все стороны песни, как птицы с дерева, вспугнутые детьми. И есть в них все — и люди, идущие по свету, и песня шин, и боль расставания, и тревожность встреч.

Грибник остановился неподалеку и решил сначала осмотреться, ведь странный народ эти люди с гитарами, как еще их тогда называли — каэспэшники. А отчего каэспешники, зачем слово такое гадкое — никто не знает.

Но дело, конечно, не в этом: грибник вдруг увидел у одного из костров девушку неопишуемой красоты. Скрыть эту красоту не могла ни брезентовая штормовка, ни грубый свитер. Пела девушка про то, что нет в сердце у цыган стыда, а поглядеть, то и сердца нет. И гитара у нее была старинная — с семью струнами. Но все помнят, что и цыгане считают такую гитару своей.

Грибник был человек средних лет, разведенный, и понял он, что во что бы то ни стало хочет познакомиться с этой девушкой. Еще стоя за кустами, в отблесках костра, дал он себе слово жениться на этой красавице.

А ведь в ту пору жениться было не так просто, люди в очередь стояли, чтобы к свадьбе специальный талон получить — на пиджак или, скажем, туфли-лодочки. Супруга в квартире прописывали, бюджет семейный начинали планировать и в профкоме не за одну, а за две путевки драться. А это в два раза сложнее.

Но пролетела ночь, которая, как известно, нежна. Хоть костры и не думали гаснуть, люди уже разбрелись по палаткам. Грибник заметил, куда скрылась его певунья, и направился следом за ней.

Уже светало, как подкрался он к палатке, просунул голову и от ужаса пополз обратно на четвереньках. Все потому, что в большой палатке лежали вповалку мертвые каэспэшники — у кого нет рук, у кого ног, а у кого и головы. Волосы зашевелились на голове у грибника, и он понял, что встретился ему на пути мертвый слет, о котором он как-то когда-то и от кого-то слышал.

Но понемногу грибник успокоился, а потом увидел и свою девушку. Лежала она в обнимку с гитарой, да такая красивая, что у грибника сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Даже

смерть не мешала этой красоте, чего уж там говорить о свитере и штормовке.

Поднял грибник девушку на плечо и зашагал к своему дачному дому. Семиструнную гитару он, впрочем, тоже не забыл. А как встречали его дачники, то он им отвечал, что это пьяная подруга его идти не может.

Как настала ночь, девушка ожила и всполошилась:

— Ты с ума сошел?! Куда ты меня притащил? Ведь сейчас придут к тебе, в твой дурацкий домик, мои друзья, лесные братья, зарубят тебя туристскими топорами да истычут кольями от туристских палаток. Отпусти меня обратно!

Но грибник был непреклонен, только, бормоча, обещал жениться и приносить домой всю свою небогатую зарплату.

Однако только он это произнес, как его дверь затрещала под ударами незнакомцев. И вот к нему в домик вломились крепкие бородатые ребята в ветровках с топорами и гитарами в руках. Начали они бить хозяина, а один ему даже обухом ребра пересчитал.

Очнулся он наутро — все в доме поломано, а рядом никого нет. Отер кровь, умылся и думает: «Нет уж, слово комсомольское дал, от своего не отступаюсь. Видать, это испытание для моей любви, надо только что-то придумать, чтобы эти каэспэшники в дом не пролезли». Заколотил крест-накрест окна, дверь усилил, да и отправился снова в лес.

Но ничего не вышло — не помогли ни доски на окнах, ни запоры на двери. Снова вломились к нему мертвые каэспэшники и избили до полусмерти. В этот раз, правда, один бородач сказал ему с сожалением:

— Жаль тебя, парень. Видно, и человек ты неплохой, и смерти не боишься, но пропадешь от любви, коли не отступишься.

Однако все равно они унесли свою подругу петь песни о цыганском сердце.

На третий день пошел грибник на хитрость: стал он плутовать по лесу, сбивать со следа, да и залез в чужую пустующую дачу. Зажег там свечки, запалил лампаду под какой-то старушечьей иконой, а сам, для верности, взял в руки другую.

Под самое утро все равно нашли его мертвые каэспэшники.

ки, но бить не стали. Велели повесить портрет на стенку, а самому слушать.

— Два раза испытывали мы твою любовь, — сказали они ему. — Но есть еще и третий раз. Выбирай, парень свою судьбу, хоть, по совести сказать, выбирать тебе нечего. Не было раньше такого, чтобы живой человек на мертвом женился, а мертвая замуж за живого шла. Никогда еще женщина с гитарой за нормального мужика не шла. Но все бог ведает, а чудеса в руке божией зажаты. Пока ты дрожишь и ждешь, что будет, мы тебе расскажем нашу историю. Случилось с нами вот что: много лет назад поехали мы на гитарный слет, пели и пили, веселились, но в какой-то момент заснули у костров. А двое наших пошли в соседнюю деревню за водкой и подрались там с местными. Подрались так крепко, что тамошнего тракториста наши поутру мертвым. Тогда взяли колхозники косы да дреколье и пришли к нашей стоянке. Так и стал наш слет мертвым. С тех пор видят мертвый слет в разных местах — то на Нерской, то в Опалихе, то в Снегирах, то на Наре. С тех пор и не знают наши души покоя, и только гитара умягчает нашу боль по ночам.

Ты, мы видим, хоть и комсомолец, но бога боишься. Похорони нас, прочитай Псалтырь над могилой и тогда живи себе спокойно. Это тебе третье испытание, самое главное: потому что настоящая любовь не та, что ведет тебя к смерти, а та, что позволит тебе остаться человеком, а твоей возлюбленной — успокоить свою душу.

Ну, грибник так и сделал — похоронил казспешников и прочитал над ними Псалтырь, который нашел все в том же заброшенном дачном доме. Да только девушку с гитарой хоронить не стал, да и отпевать, понятно, тоже — самому, дескать, пригодится. А любовь моя такова, решил грибник, что мне все равно — мертвая моя любимая или живая. И подумал грибник, что уж теперь настанет для него счастливая пора, но не тут-то было.

Ожила она ночью, да и заплакала: «Что ты наделал? Не послушался ты моих друзей да на нас обоих беду навел. Не будет мне теперь покоя навек, да и тебе счастья не видать. Будем мы с тобой теперь души людские губить и рушить чужие жизни». Так и вышло...

Вокруг нас клубилась туманом ночь. Вдруг рассказ старика прервался, потому что в другой комнатке его домика снова раздался звон гитарной струны. Пронесся окрест над местами, где умер Ленин, звук, именуемый «ми-минор», и снова все стихло.

Старик посмотрел мне в глаза:

— Жена играет. Днем стесняется, а по ночам — ничего.

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

ногда Коське вспоминалось детство. Как пацанами еще воровали горох с колхозного поля, как играли в прятки или войнушку среди высоких и толстых кукурузных стеблей. Посаженные квадратно-гнездовым способом ряды темно-зеленых растений уходили вдаль правильными ровными линиями. Будто много-много параллельных прямых, которые Коське доведется изучать потом на уроках геометрии в седьмом классе. Жесткие, с острыми краями листья шуршали за спиной; качались стебли, развевались пучки волосьев, росших из крепких золотистых початков. Если задрать голову, то становилось видно ярко-голубое июльское небо, перекрещенное сужающимися к верхушке стволами. В небе плавало и дышало жаром огромное желтое солнце, похожее на только что выкатившийся из печи румяный колобок. Облака днем скрывались, объявляясь лишь к вечеру, чтобы пролиться дождем. Такое «разумное» поведение облаков не могло не радовать: надобность в поливе огорода отпадала. И свободное время, проводимое опять-таки на улице, с лихвой возмещало прополку грядок и прочие несуразности.

В бескрайнем кукурузном поле немудрено было заблудиться или вовсе потеряться, да так, что блуждаешь и блуждаешь, выбредешь наконец к пыльной грунтовке и сам удивляешься — звон занесло. Поэтому в прятки играли редко, чаще в войнушку — за фашистов и за наших. По очереди. Естественно, «фашисты» каждый раз проигрывали и, разумеется, не обижались. Реванш брали на следующий день, в роли «наших». Точкой сбора обычно назначали старую водонапорную башню, высившуюся в центре поля и огороженную символической оградкой-штaketником непонятно в каких целях. Внутри башни, покрытой синей облупившейся краской и пятнами

ржавчины, вечно что-то гудело и хлопало. На железных боках обильно выступали капли влаги, оставляя со временем белесоватые потеки.

— Дальше ста метров не уходить, — напоминал Серега и хмурил редкие брови. В руке он держал водяной пистолет-сикалку. Одевался Серега обыкновенно, как все: рубашка или футболка, штаны, сандалии. Зато на голове носил самую настоящую пилотку — выгоревшую, линялую и со звездочкой. Пилотку Серега выпросил у отца, а сикательный пистолет — у брата-восьмиклассника Игоря, которому тот более не требовался: надоел. Эти военно-властные атрибуты, наподобие скипетра и державы у монарха, резко возвышали Серегу над остальными, давали право распоряжаться. Он и командовал. Никто, впрочем, не спорил.

Воевали азартно, с переменным успехом, но с ожидаемым, конечно, результатом. Потом, утомившись, отдыхали; ели сочную, сладкую, не приобретающую еще должной зрелой твердости кукурузу; валялись на теплой земле — пузом кверху, надвинув кепку на лоб — чтоб нос не сгорел. Составляли планы на вечер: у деда Игната вишня поспела, у Бузыкиных красная смородина сильно вкусная.

— Может, испустаться сходим? — нехотя бросал Серега. — Жарко.

— Можно, — соглашался народ. — Щас, полежим чуток.

Ленивые и сонные полуденные мухи вяло жужжали, пролетая над головами. По травинкам, листикам, суховатым комьям земли ползали мелкие жучки, гусеницы, муравьи. От съеденной кукурузы слегка подташнивало и хотелось пить. Как всегда, по рукам гуляла двухлитровая фляжка с ягодным морсом, прихваченная запасливой Коськой. Пузатая, смахивающая на средней вместимости бидончик фляжка.

Это детство было неправильным.

Тогда он вспоминал другое.

Улицы, улочки, перекрестки... Облезлые фасады домов — двух-, трех- и пятиэтажных. Стук доминошек во дворах, где сидели забивающие «козла» компании. Очереди возле бочек, с которых торговали пивом или квасом. И люди в очереди, в основном — с банками, с канистрами, берущие «продукт» про

запас. Невысокие молодые клены, акации, вербы, березки, в изобилии растущие перед каждым домом. Трава на газонах, зеленая, но привядшая от случившегося вдруг в мае неслыханного солнцепека. Ходить по газонам «строго воспрещалось». А никто и не ходил — бегали, носились, как угорелые. «У-у, пацанва шкодливая!» — ругался усатый дворник дядя Женя, грозил мосластым кулаком, сплевывал в сердцах. Брался за метлу угрожающе. И стайка ребятни порскала со двора на улицу. Там их поджидали куда более интересные приключения.

Постовые с полосатыми жезлами и громким залившимся свистком; бодрые, чихающие бензиновым перегаром «Запорожцы», трудяги-«Москвичи», наглые вертлявые «копейки». Шум, гудки и фырчанье проезжающих машин, уворачиваться от которых, пересекая дорогу, было трудно, опасно и вместе с тем — весело. Естественно, пешеходная зебра и светофор игнорировались напрочь. Потом ватага дружно садилась в дребезжащий и лязгающий трамвай-пятерку, чтобы, проехав с десятков остановок, вылезти на Вишневого, а дальше гурьбой устремиться в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Опробовав бесчисленные аттракционы и объевшись до икоты мороженым, шли в кинотеатр — на дневной сеанс. Если успевали, конечно. На вечерний не пускали: строгая тетка-контролер с впалыми бледными щеками и глазами навывкате, уперев руки в бока, кричала: «До шестнадцати! Понятно? Ишь, удумали!» Подрагивавшая на теткиной щеке бородавка с тремя торчащими из нее волосинками наводила на нехорошие мысли, например, что контролерша — заправская ведьма и по ночам, как раз после вечернего сеанса, с гиканьем носится над примолкшим городом, оседлав разлохмаченную от частого мытья полов швабру.

Домой возвращались затемно; Коська наспех, не жуя, глотал макароны по-флотски, запивал жидким чаем и, покидав учебники с тетрадками в школьную сумку, ложился спать. Утром, просыпаясь под громкое стрекотанье будильника, он чистил зубы, порой делал зарядку, пил чай с наскоро приготовленным бутербродом. Одевался, повязывал красный пионерский галстук и спешил на занятия.

Детство это тоже оказывалось неверным. Ошибочным.

«Правильное» вспоминаться не хотело: упиралось, рвалось с крючка сомом-подкоряжником. Тяжелое, неподъемное. Отвратительное.

Ряска пруда забвения колыхалась тягучим склизким ковром, наружу прорывались тошнотворные, воняющие сероводородом пузыри. Лопались гадкими ошметками. В пузырях сидело прошлое...

Маленькие базарчики, где продавали всякую дрянь. Тусклые витрины продуктовых магазинов с длинными рядами полок. Толпы равнодушных усталых прохожих, снующих по бульварам: мужчины, женщины, старики, дети. Безликая масса. И среди них они — отбросы большого города. Волчата, брошенные на произвол судьбой и родителями. Современные Гавроши, озлобленные, жестокие, беспощадные.

Коська промышлял на базарчиках вместе со стайками дворовой гопоты. Тырили с лотков разную мелочовку или еду, подрезали кошельки у зазевавшихся покупателей. Полосовали бритвами сумки. На большие рынки не совались: там мазу держали черные, связываться с ними — себе дороже. Впрочем, если замечали «абреков» на своей территории, то организовывали «дружескую встречу» — налетали толпой по десять-пятнадцать человек. Пинали от души, иногда насмерть, в ход шли заточки, ножи, ржавая арматура, палки и кирпичи. Жаль, кавказцы редко разгуливали поодиночке.

По ночам «бомбили» магазины: брали водку, сигареты, деликатесы и конфеты. Зависали обычно на «точке» — в подвале соседнего дома, слушали магнитофон, в основном «Алису» и «Коррозию металла», терзали до хрипоты расстроенную гитару. Травили байки о разудалых похождениях «правильных пацанов» и обсирали козлов в синей форме, пили краденую водку, курили до посинения дешевые «Опал» и «Приму», заедая липкими ирисками. Потом стреляли из пневматической винтовки, которую Сашка стянул у отчима, в голубей и воробьев. Жирные толстозадые сизари лишь курлыкали и улетали, если только пулька не попадала в голову, тогда голуби умирали. С воробьями получалось интереснее: они смешно дергались, кропили шероховатый, заплатанный по весне дорожниками асфальт капельками крови, а затем подышали — кто сразу, кто чуть погодя.

Еще казнили кошек — отлавливали блохастых тварей на окрестных помойках и тоже расстреливали или забрасывали камнями. Или живьем бросали в костер, связав лапы алюминиевой проволокой. Кошки забавно выли, пучили зенки и пытались выползти из огня — их запикивали назад, но подчас отпускали, плеснув на шерсть бензин из бутылки. Горящий факел отчаянно мяукал, метался в тесном пространстве меж гаражей-«ракушек», вызывая дружный хохот компании. Но кошки очень быстро приелись, да и сопротивлялись они слабо, поэтому Коська с товарищами принялся сжигать собак. Большие, здоровые псины мучились долго, доставляя пацанам море удовольствия.

Да, это детство было правильным, верным, но слишком ублюдочным.

Коська осознавал сей факт с трудом, заново. Удивлялся, недоумевал, морщился. Слово больной лунатизмом, которого ткнули носом в его неблагоприятные ночные проделки.

И тут же вспоминал следующее. Будущее, предыдущее, настоящее, прошлое, незнакомое, красивое, злое, фальшивое...

Детства мелькали, точно коняшки на карусели в парке аттракционов. Дни сливались чередой фотовспышек — солнечные, хмурые, летние, дождливые, зимние, с облаками и рассветами-закатами. Путались.

Щелк — невидимый переключатель менял позицию. Щелк. Щелк!

Все это могло быть.

Все это было.

Уже. С ним. Когда-то.

Или не с ним. Не было. Никогда.

Не важно.

Тогда это будет. Непременно. С ним. Или не с ним. Но будет.

Вчера, завтра, сегодня.

Или не будет.

Ни в прошлом, ни в грядущем, ни в настоящем.

Потому что теперь вокруг только...

Мысли сбивались, реальность сбивалась. Плыла. Путалась.

Кружилась в безумном вальсе, отбивала чечетку, водила хоровод. Двоилась. Мерцала бледным огоньком в пустыне тьмы и непонимания. Обретала на миг кристально ясные очертания и вновь сбивалась. Как волна на дряхлом, отслужившем свое приемнике-ветеране, многожды разобранном, чиненом-перечиненом, но — вот странный факт! — до сих пор работающем.

Если сравнивать Бытие со стареньким радиоприемником, то главной деталью, несомненно, следует считать рукоятку для переключения диапазонов — черную, круглую и выщербленную по краю. Невидимый и неведомый Слушатель волен крутить ее как вздумается.

Меня жизнь.

Меня судьбу.

Меня... все.

Щелк, щелк, щелк — позиций более чем достаточно.

Коська вспоминал юность.

Взвинченные до безумия цены, небывалый разгул преступности и суматошную неопределенность начала девяностых. Повыраставшие, как грибы из-под земли, ларьки, в которых торговали паленой водкой, поддельными ликерами и заграничными сигаретами. Ну и жвачкой, конечно же. Жвачку покупали в основном ради вкладышей. Изображенные на них машины пленяли умы и сердца подрастающего поколения. Вкладыши бережно собирались в пухлые альбомчики, для чего из них вытряхивались марки, купленные в более нежном возрасте. Коллекционирование марок казалось занятием старомодным и глупым, в то время как различные наклейки, татушки и прочий ширпотреб стремительно набирал популярность. В ту пору они высоко котировались среди школьников, став почти что вторыми деньгами.

На дискотеках крутили музыку в стиле техно, в моду входили короткие стрижки, джинсовые и спортивные костюмы. Всякие хипповатые личности с длинными волосами, цепочками, фенечками, слушающие рок и другую сомнительную лабуду, зло высмеивались, а то и вовсе получали по шее. «В целях профилактики и чтоб задумались, сволочи, о своей уродской

жизни». В городе хозяйничало несколько ОПГ, ведя меж собой непрерывную войну за территории. То и дело постреливали, что-то взрывали, крушили торговые точки неприятелей. В борьбу оказались втянуты и совсем молоденькие пацаны, бегающие под лидерами местных контор; чаще всего именно их посылали наводить порядок в соседние микрорайоны. Арматурные пруты, самодельные кастеты, биты, велосипедные цепи — вооружение бойцов не отличалось разнообразием. Тактика, впрочем, тоже. Дрались с чужими толпой, стенка на стенку, иной раз устраивали засады. Ну и прохожим перепадало — будь здоров: разве станут пьяные обкуренные подростки разбираться, мимо ты шел или где?

Коська был «дворовым», «с улицы». Быстро поднялся от «содата» до «старшака», завел собственный бизнес — тонировка, покраска, ремонт машин. По сути, автомастерская служила лишь ширмой, и занимались там совершенно незаконными делами, в частности — перепродажей угнанных тачек. Также перебивали номера, торговали крадеными запчастями. Еще разруливали возникающие меж водителями конфликты — аварии в основном, решая, кто виноват и кому платить. Крышевали таксистов.

Эта юность была до омерзения правильной. Вспоминать ее, переживать снова и снова, вариться в адской повседневности будней парнишки из ОПГ — не хотелось.

Не хотелось до тошноты, до ломоты в несуществующих костях и суставах, до воя и плача. И до горько-соленой (и тоже несуществующей) крови из прокушенной и такой же иллюзорной губы.

Пустота одобрительно щелкала и одаривала Коську, будто шубой с барского плеча, подложной юностью. Она подходила ему, как чалма правоверного хаджи — босяку из питерских трущоб; Коська пугался в ней, словно малыш, напяливший отцовский халат, но, как и несмысленная кроха, улыбался.

Однако прежде...

Прежде его в упор, из обрезка, расстреливали отмороженные чечены с Центрального рынка.

Взрывали в собственной автомастерской, заложив мину в подогнанную для перебивки номеров тачку.

Душили перекрученным в жгут электропроводом на шикарном персидском ковре гостиничного «люкса».

Топили, сбросив с моста...

Вымышленные неизвестно кем благостные воспоминания давались в обмен на кровь, грязь и страдания — большей частью тоже вымышленные, но правильные, похожие на настоящие. Коську точно тыкали носом, как описавшегося щенка в лужицу. Смотри, мразь. Смотри. Вот что ты наделал, сучара. А мог бы жить по-другому. Иначе.

Например, так...

И Коське являлась альма-матер, институт, в который он когда-то не поступил по причине плохого знания русского и математики. Коська был душой компании, по нему сохли все девочки с геологического факультета. Учился он весьма недурственно, хотя и не корпел над уроками, что называется, хватал на лету. В многочисленных походах по изысканию полезных ископаемых и картографированию горных пород ему не находилось равных в сноровке и выдержке. Казалось, он сутками мог обходиться без сна, работая на износ. Еще Коська постоянно брал с собой гитару-семиструнку и бряцал у ночного костра песни — как чужие, эстрадно-популярные, так и собственные. Поэтому одноклассники Коську просто обожали, а уж одноклассницы вовсе с ума сходили. Они томно вздыхали, загадочно поглядывали на удалого гитариста влажными коровьими глазами и то и дело подбрасывали благоухающие изысканными духами записочки с любовными признаниями и пронзенными стрелой сердечками.

Коська смеялся, шутил, назначал свидания, отменял свидания, рассылал девушкам воздушные поцелуи и никому не говорил определенно ни «да», ни «нет». Предпочитая играть в прожженного ловеласа. А девушки, эти обольстительные, прекрасные существа, изводили тушь, тени, помаду килограммами и, не добившись ответного чувства, принимались изводить валерьянку — литрами.

И вот однажды... О, то самое пресловутое «однажды»! В общем, Светка была обычной первокурсницей и никакой не красавицей, симпатичной, да, но не более. За Костей она не гонялась, она только-только поступила в институт, а он, матерый

пятикурсник, увидел ее и замер, провожая долгим восхищенным взглядом. Явился на другой день в общагу с пышным букетом гвоздик и пал на колени. Букет Светка милостиво приняла и... и все: как выяснилось, у нее уже был парень. Такого позора в Коськиной жизни еще не случалось. Он обхаживал Светку по всем правилам светских повес-донжуанов и через полгода добился-таки своего; за их бурным романом следил весь институт...

Коська смотрел, и эфемерные слезы струились по прозрачным щекам. Невидимый переключатель издевательски щелкал, менял позиции. Например, так. Так, так, так...

Юность проносилась перед Коськиным взором, подобно скорому поезду. Тук, тук — стучали колеса, наматывая на себя бесконечную змею рельсов, так, так. Например, так... Каждый вагон — новая нереализованная возможность, новая жизнь. Каждый вагон внешне похож на остальные и внутренне отличен: обстановкой, пассажирами, самим Коськой. За красивыми чистенькими вагонами с весело плещущими на ветру занавесками и проводниками, которые стояли в тамбурах при полном параде (синие форменные куртки, золотой отблеск надраенных пуговиц), тянулись унылые грязные теплушки. Окна в теплушках были зарешечены, двери закрыты на толстые засовы, и охранялись они звероватого вида солдатами внутренних войск с точно такими же злобными немецкими овчарками черно-желтого окраса.

Скотская теплушечья жизнь не шла ни в какое сравнение с той, уютно-комфортной и упорядоченной, которая протекала в передних вагонах. Ехавшие впереди занимались любимым делом, растили детей и отдыхали с семьей у престарелых родителей в благолепных деревеньках, примостившихся на излучине Волги или же в не тронутой еще таежной чащобе. А влачившиеся позади обитатели теплушек грызлись за лучшее место на завшивевших нарах и лишнюю миску вонючей баланды. Самые малохольные и слабые духом быстро отходили в мир иной. Следующими на очереди были наглые счастливики, забравшиеся слишком высоко и тем создавшие угрозу власти паханов и авторитетов. Особо борзым в два счета совали перо под тощие ребра да скидывали затем на полном ходу в придорожные кусты. Охрана этому не препятствовала, разве что

сторожевые псы щерились и утробно рычали, чуя свежую кровь.

Коська был наглым; в вагонах-теплушках его убивали несчетное количество раз, он, как и другие молодые и агрессивные щенки, постоянно пополнял ряды жмуриков. А в головных вагонах Коська ухаживал за Светкой-студенткой, сочетался браком со Светкой-бухгалтершей, тетешкал Ванечку и Машеньку, детей Светки — директора Дома культуры. Иногда Костя женился на рыжей стервозной Людке, порой — на очаровашке Богдане, изредка — на эффектной блондинке Кире. Но, так или иначе, Светка все равно мелькала на горизонте Коськиной жизни. В роли любовницы, подруги, начальника, подчиненной...

У «правильного» Коськи тоже была Светка. Своя Светка. Которая раз за разом разрывала с ним всякие отношения. Очень редко случалось, что Светка была под стать отвязному пареньку Коське; тогда она становилась его правой рукой, совмещая обязанности марухи и боевого товарища. И жили они долго и счастливо — до первой пули в затылок. Его или ее.

Тусклое безвидное Ничто — вот что такое смерть, думал Костя. Пустота, забавляющаяся с отлетевшей в горние выси душой как ей вздумается. Играющая с мышью кошка.

«Правильный» Коська отдавал концы во всякой «правильной» жизни преждевременно, при любом раскладе, являя этим апофеоз насильственной смерти. И попадал сюда, в Ничто, в Пустоту, отсутствие и отрицание всего сущего. Он не верил в загробную жизнь, в райские кущи, лютни-арфы и добренького седенького боженьку с окладистой бородой — и их не было. Не боялся адских каленых сковородок, чертей с вилами, кипящей смолы, булькающей в устрашающего вида котлах, и князя мира сего — Люцифера. Поэтому ада тоже не было.

Не мусульманин, не буддист, не кришнаит, не... кто там еще? Не важно. Ни к каким из безнадежно больных на голову религиозных фанатиков Костя себя не причислял. Любая конфессия вызывала у него искреннее отвращение. Он никогда не задумывался, а что же там, за последней чертой, за кромкой, разграничивающей жизнь души и тела, здраво полагая, что решительно ничего. И если каждому воздается по вере его, то

Костя не стал исключением, умерев и очутившись незнамо где.

Абсолютная Пустота и Абсолютное Ничто оглушили, раздробили личность на миллионы крохотных «я», растащили и размазали по атомам в пространстве-времени. И железные, пышущие жаром саркофаги за стенами inferнального Дита, столицы Сатаны, где мучаются еретики, показались наказуемому манной небесной.

Самый первый вопрос «почему?» и второй «за что?!» канули втуне, разлившись полынной горечью.

Ответ пришел. Сразу. Непонятный и оттого жуткий.

Он притворялся знакомым, привычным словом, но обладал при этом совершенно иным, новым смыслом.

Ответ звался: *выключатель*.

Щелк, щелк, щелк...

Коська вспоминал.

Прошлое, настоящее, будущее. Его, чье-то, вообще чужое, но которое могло быть его.

Хорошее, плохое, никакое... Разное.

Не жил — вспоминал. Тонул, бултыхался в аморфном, размытом, гадко-кисельном Ничто и — вспоминал.

Вспоминал, как по утрам отводил близнецов — Петеньку и Сашеньку — в детский сад; как встречал дочурку после школы, когда выдавалось свободное время; как гонял на лыжах с сыном по пятикилометровой трассе среди сказочно-дремучих елей и сосен на турбазе «Сорочьи горы».

Всемогущее Ничто ворошило его память, будто старьевщик груды заплесневелого и ветхого барахла, вынесенного на просушку. Плохих вещей у старьевщика по имени Ничто отыскивалось гораздо больше, чем хороших, и Ничто демонстративно выставляло эту рухлядь напоказ, окуная Костю в дерьмо по самые уши. Бросало в неисчислимые миры, подчас настолько тошнотворные, что Коська не выживал там и дня.

Ничто было ужасно придирчивым зрителем, ну, или слушателем, если вернуться к сравнению Бытия с древним радиоприемником. Оно крутило и крутило рукоятку, меняя диапазоны, вращало верньеры грубой и точной настройки. И никогда не останавливалось.

Щелк-щелк-щелк-щелк... Клацанье *выключателя* сливалось в сплошной мерный стрекот часового механизма.

Разумеется, правильное звучало так — *переключатель*. Из одного положения в другое, третье, четвертое... У выключателя их всего два. У обыкновенного выключателя типа «рубильник». А у этого их оказалось миллион, миллиард в квадрате, в кубе, бессчетное множество. Костю *включали*, и он жил чужой-своей новой жизнью, потом *выключали*. Это было неприятно, больно, страшно и чертовски несправедливо. Все *выключения* из «правильной» жизни заканчивались принудительной гибелью. «Неправильные» *включения* вообще не имели ни начала, ни конца, являясь самодостаточными. В эти недолгие мгновения можно было отдохнуть, расслабиться. Но вскоре пытка продолжалась.

События кружили, складывались диковинным, но неизменно зловещим калейдоскопом. Новые узоры, цвета, оттенки. Менялась панорама: было, есть, будет. Не было, нет, не будет никогда...

Щелк, щелк, щелк...

Выключатель.

Ничто развлекалось тем, что подбрасывало и подбрасывало Косте несуразные, а то и вовсе нелепые события, ситуации, обстоятельства... В основном похожие на «правильные». Возможно, Костю ставили перед выбором, заставляли решать — за себя и за других. Возможно, нет.

Он каждый раз действовал «правильно». Не размышлял. Не думал. Просто действовал.

Быть может, Ничто оценивало поступки по какой-то одному ему известной шкале. Быть может, нет. Но *выключатель* сухо щелкал, и реальность вновь перестраивалась в соответствии с заданными установками.

На этот раз грабили банк...

— Уходя, гасите Свет! — выкрикнул Костя, наклоняясь к молодой женщине за окошком. Дернул черную обтягивающую маску, прошептал: — Узнала, сука?

Выстрелил.

Негромкий хлопок, благо у пистолета имелся глушитель, расцвел лоб девушки красной точкой. Она безвольно отки-

нулась на спинку высокого, с пластмассовыми подлокотниками, офисного кресла-вертушки; круглые очки в тонкой оправе слетели на колени, запутались в строгой темно-синей юбке. Кровь толчком плеснула на желто-зеленую, облагороженную евроремонтom стену. Пятно, напоминающее кляксу в прописи ученика-первоклашки, и вокруг — капельки-брызги. Так обычно выглядит солнце на рисунках детсадовцев, не умеющих еще правильно обращаться с кисточкой и красками. Сухой гипсокартон за тонкой пленкой пупырчатых, под штукатурку, обоев жадно впитывал влагу, не давал стечь, пролиться на пол. Левая рука девушки сползла со стола, болталась сломанной веткой; другая, запутавшись в сплетении проводов, оставалась на месте. На висящей руке громко, сюрреалистично тикали часики. Маленькие, с фальшивой позолотой, они были такой же дешевкой, как и сука-Светка.

— Прально! — выдохнул, заходясь в кураже, главарь Пашка. — Мочи гадов!

И вышиб мозги у лежащего ничком охранника.

Сообщники, однако, не поддержали.

— Надо валить, — благоразумно заметил Леха-толстяк. — Бабла срубили выше крыши. Берем заложников и мотаем.

Остальные молча кивнули, соглашаясь. Костя напялил маску обратно, подошел к главарю, пробормотал:

— Это личное, Паш. Айда, что ли?

Благоразумно прихватили с собой троих посетителей: старикашку с тросточкой, жирную тетку и молодую, симпатную на вид сучку. Минуя стеклянный тамбур, резво выбежали на крыльцо. Длинный лестничный пролет из белого мрамора показался трапом, по которому спускаются на землю с теплохода или авиалайнера. И — куча встречающих. Крутятся синие сполохи в маячках ментовских «Дзу» и «Ниссанов», взрывают сирены. Суется омовцы в шлемах и пятнистых комбезах. «Сложить оружие! — басовито гавкает мегафон. — Вы окружены, сопротивление бесполезно!» Щетинятся дула короткоствольных автоматов, идеально подходящих для боя в городских условиях.

— Капец, пацаны, — выразил общую мысль Толик. — Кто-то успел «сигналку» нажать. Проморгали.

— Ни хрена, — зло бросил Пашка. — У нас заложники.

Эй! — заорал. — Кто уполномочен вести переговоры?! Требую чистую дорогу до аэропорта и самолет. Понятно? А то щас всех перестреляем! Считаю до трех!

От толпы отделился невысокий плотный человек в куртке-штормовке, форменных брюках и фуражке; зашагал по направлению к банку. Знаков различия на куртке не было.

Прятавшиеся на крышах снайперы проводили мента до самого входа, лоя в перекрестье прицелов. Глядели сухо, холодно, профессионально. В приказе, зачитанном перед занятием позиции, начальник особо выделил слова «на поражение», а «стараясь избежать потерь среди гражданского населения» не выделил. Поэтому снайперы, рассматривая искаженные мучкой и страданием лица заложников, думали о размере премиальных после удачно (кто бы сомневался!) проведенной операции, о возможном присвоении внеочередного звания, о стерве-жене и милке-любовнице, о честно заработанных деньгах, которые придется потратить на обеих. О заложниках не думали. Совсем.

Переговоры затягивались. Бандиты угрожали шлепнуть кого-нибудь прямо перед телекамерами: вездесущие журналюги и тут успели — вели прямой эфир. Налетчики поставили на колени ярко крашенную, истерически всхлипывающую дамочку, уперли дуло в висок. Сказали: ждем ровно минуту.

Поступило подтверждение приказа. «Огонь, — шепнули наушники. — На поражение».

Стреляли скучно и буднично. Мишени давно разобрали между собой. Бандюки смешно вскрикивали, падали на мраморное крыльцо, ложились скошенной травой под руками умелого косаря.

Трупы оттащили в сторону. Бледных, дрожащих, теряющих сознание заложников отвели к машинам «Скорой помощи». Двоих слегка зацепило. «Легкие пулевые, — констатировал врач. — Ерунда». Усатый, с крупными залысинами полковник Никифоров уже давал блиц-интервью репортерам.

— Операция прошла, как и планировалось. Никто не пострадал. Жертв среди гражданских нет. Все просчитано, поверьте.

Он врал. Никто ничего не просчитывал. Заложников зараннее списали в «допустимые потери».

Журналисты охотно соглашались и давали крупный план: залитые кровью ступени, разбитые стекла главного входа, сумки, набитые тугими пачками банкнот, мужественная ряшка плешивого полкана.

Матерым волчарам пера и камеры, этим циникам жизни было, в общем-то, все равно.

Костю похоронили. Мать плакала. Кладбищенский сторож и двое похмельных небритых гробокопателей сочувственно пошмыгали носами, а затем решительно потребовали деньги — на «мерзавчик».

Ничто забавлялось. Оно подбрасывало и подбрасывало Косте несуразные, а то и вовсе нелепые события, ситуации, обстоятельства... В основном одни и те же.

Его определенно ставили перед выбором.

Все было заранее взвешено, сосчитано и измерено. Но, кажется, некий конкретный, явный выбор мог бы склонить чашу весов. Поэтому Костя, словно бы поняв мудреные устремления Ничто, уже не действовал без толку, наугад. Он думал и размышлял. Хотя, что вполне вероятно, въедливый Зритель-и-Слушатель не преследовал каких-либо особых высокоморальных целей, а так же, как и раньше, карал и наказывал. Либо бесхитростно глумился. Впрочем, здесь мог крыться неведомый посвященным смысл и потаенная ирония.

Выключатель в который раз щелкал, подгоняя реальность к надлежащим лекалам, и оставлял Коську наедине с его собственным выбором.

На этот раз снова грабили банк...

— Уходя, мочите всех! — веселился главарь-Пашка. — Прально, пацаны? На кой свидетели?

Пашка любил курить, а свидетелей не любил. Курить Пашка любил часто, а так как в маске ему, видите ли, дымить неудобно, то он ее снял. Теперь же намеревался порешить очевидцев налета.

— Прально, — соглашались пацаны, играя волынами. — Кого первого?

— Паш, постой, — неожиданно вмешался Костик. Он и сам не понял, зачем это сделал. Может, из-за Светки, дуры-

Светки, которая сидела сейчас за окошком и нервно плакала. Все отношения с Костей, вставшим на скользкую дорожку джентльмена удачи, она давно порвала. А может, и не только из-за Светки.

— Это же... люди, — сказал Коська. — У них дома дети, жены, мужья, собаки и кошки. И попугайчики в клетках. Они их ждут, понимаешь? А у нас — бабки. Целая куча бабок. Мы богаты, как... как... Ну не знаю. Очень богаты. Мы сядем в самолет и свалим на хрен из этой чертовой страны. Улетим в Южную Америку, там маленьких государств что крыс в подвале. Не найдут, ни в жизнь не найдут, Пашка.

Главарь надел маску, подумал и решил: сегодня, именно сегодня побыть добрым. Просто так.

Развернулись, бодро затопали к выходу; тяжелые сумки с деньгами приятно оттягивали руки.

А вот ворвавшийся в помещение отряд спецназа добрым быть не пожелал. Ничуть. Свинцовые капли автоматного дождя крошили налетчиков, перечеркивая крест-накрест. Перемалывали в фарш.

Упал вельсчак-Пашка. Свалился Толик. Лопались и со звоном сыпались на пол осколки стекла. Стучали падающие гильзы, горячие, будто свежеспеченные пирожки с повидлом. Гражданские метались, орали, корчились, попав под хлесткую плеть очереди. Становились невольными жертвами.

Девушка-кассир за окошком, неосторожно высунувшись из-под стола, словила несколько пуль. Глаза за очками в изящной металлической оправе удивленно расширились: да как же... Бурое пятно запачкало стену плюхой-кляксой: кровь брызнула, точно из начиненного краской проколотого шарика. Девушка рухнула на колени, покачнувшись, запрокидываясь набок. Следом повалилось изрешеченное офисное кресло, колесики его печально вращались.

Оглядев «поле боя», командир группы захвата недовольно поморщился: раненые и убитые среди штатских. Плохо. Не профессионально. А, ладно, на грабителей спишем. И потянулся за рацией — докладывать...

Костю похоронили на городском кладбище за государственный счет. Родственников у него не осталось: мать с отцом пропали без вести четыре года назад, угодив в горнило Восточ-

но-Сибирского конфликта, единственный брат сгинул в знойных девяностых, на первой чеченской. Как раз тогда, когда юный Костик вышибал мозги из хитрожопых барыг и ставил их на счетчик.

Но сейчас-то младшему братишке было все равно.

Он лежал под сырой рыжей глиной, давящей сверху двухметровым слоем, спокойный и умиротворенный. Здесь не было рая, в который он не верил, и не было ада, которого Коська не боялся. Здесь вообще ничего не было.

А самое главное — не было душно-безликого серого Ничто. И выключателя тоже.

Теперь он щелкал для кого-то другого.

БЕДСТВИЕ НОМЕР РАЗ

(Из цикла «Сказки Долгой Земли»)

 ант-мухомор, ядовито-красный в белый горошек, полз вдоль края стеклянного прилавка, то замирая, то опять снимаясь с места.

— Девочка, иди отсюда, — потребовал господин Гробиц, с нервно поджатыми губами наблюдавший за его перемещениями. — Пока ничего не стащила...

Вторую фразу он пробормотал шепотом, себе под нос, но его услышали и с готовностью огрызнулись:

— Сами чего-нибудь не своруйте! А я ничего не трогаю, смотрю блестяшки, они красивые, мне бы такие! Мне надо вот эту, и эту, и еще вот такую со звездочками-цветочками...

Гробиц возвышался над прилавком с достоинством многолетней выдержки, но в душе у него нарастала паника. Он знал, как вести себя с ребенком, который более или менее слушается старших, но если тебя абсолютно не слушаются, игнорируют? Как назло, помощник на сегодняшний вечер отпросился, и он оказался с малолетней негодяйкой один на один.

— У тебя все равно нет денег, чтобы это купить.

— Ага, нету, так я хоть посмотрю... Люблю смотреть всякие блестяшки. Вот такую золотую корону с красными камушками и белыми шариками мне обязательно надо!

Губа не дура: диадема «Улыбка рассвета», дорогуший эксклюзив. Мягко сияют идеально круглые жемчужины — из иноземного океана, с Изначальной. В долгианских реках такого чуда не сыщешь. Сверкают безупречной огранкой рубины, с риском для жизни добытые безбашенными старателями в Кесуане. Все это Гробиц рассказывал приличным покупателям, не таким, как наглая малявка, натащившая с улицы грязного снега.

Не обращая внимания на хозяина магазина, та разглядывала разложенные за стеклом драгоценности, словно рыбок в ак-

вариуме. Росту в ней было вровень с прилавком, и она прижималась сопливым носиком к прозрачной передней стенке, протирай потом после нее... Гробиц поздравил себя с тем, что велел помощнику перед уходом затащить в служебное помещение плюшевую банкетку, а то бы взгромоздилась с ногами и всю испачкала.

— Красиво! — мечтательно протянула девчонка. — Мне понравилось... Когда я вырасту, у меня будет много денег, и я все это куплю, или мне подарят.

— Иди домой. — Он решил прибегнуть к дипломатии. — Уже темно, тебя, наверное, мама с папой ждут.

— У нас больше нет своего дома, мы беженцы с Ваготы. Где снимали угол, оттуда нас уже выгнали. Хозяйка сказала, потому что я дрянь такая. Она врет, я же не дрянь, правда ведь?

— Ты будешь хорошей девочкой, если поскорее отправишься к маме с папой, — медовым голосом заверил Гробиц.

Душу теребила острыми коготками тревога: дрянь и есть, еще разобьет витрину и убежит, не высказывать же за ней на улицу, да и толку, если поймаешь... С этих нищевродов, которые в последнее время хлынули в Танхалу с окраинных островов, взятки гладки. Получится чистый убыток без надежды на возмещение. Нужно выпроводить ее по-хорошему.

— Давайте подарок, и пойду.

Она отступила от прилавка на несколько шажков и теперь вся была на виду. Лет семь-восемь. Ни загадочной преднимфеточной прелести, ни скромного очарования примерной девочки. Упитанная, щекастая — родители от себя отрывают, а наглючку свою кормят. Две толстенькие косички торчат в стороны, и на каждой бант мухоморной расцветки, вроде того, что сидит на макушке. Синюю вязаную шапочку с помпоном держит в руках, возле маленьких цепких лапок болтаются замызганные варежки, пришитые к продернутой через рукава тесемке. Пальтишко сшито из кусков коричневого и рыжего меха, неровных, но тщательно пригнанных. Маленькие валенки с галошами измазаны уличной грязью. Глаза цвета темного шоколада похожи на пару буравчиков.

— Какой еще подарок? — строго спросил Гробиц, ощущая, что выдерживать прямую конфронтацию с этими буравчиками — не самое приятное испытание. — В магазинах все продается за деньги.

— Неправда! Вот же у вас написано про подарки. — Она ткнула пальцем в плакат на стене. — Я уже умею читать, бе-бе-бе!

Плакат был нарядный, с посаженными на клей блестками из фольги, нарисованными алой гуашью улыбками и вырезанными из старых открыток цветами. Он и впрямь гласил: *«Каж-дому покупателю — подарок!»*

— Это для покупателей, — через силу изобразив ласковую интонацию, разъяснил Гробиц. — Для тех, кто платит деньги и что-нибудь покупает. Видишь, к тебе это не относится.

— Я бы тоже купила, если б у меня были деньги, поэтому давайте мой подарок, а то нечестно!

— Девочка, в торговле никакое «если бы» не считается.

— Нет, считается!

Они бы долго препирались, но тут звякнул колокольчик и отворилась дверь, впуская новых посетителей.

В первый момент Гробиц струхнул. Парень с недоброй худощавой физиономией бретера. Второй почти подросток, выражение милостивой мордашки нервное и дерзкое — только попробуй, проведи по холке против шерсти! И у того, и у другого торчат за плечами лаковые черные рукоятки дуэльных мечей. Да что же сегодня за вечер такой неудавшийся...

Немного успокаивало то, что оба хорошо одеты и с ними дама. Ее лицо до самых глаз прикрывал пушистый серый шарф, словно боялась обморозиться, хотя столбику термометра всего нескольких делений не хватало, чтобы доползти до нуля, — почти оттепель. Весна не за горами.

Подумав о весне, Гробиц сообразил, кто перед ним, он ведь уже видел этих троих на одном из предвыборных мероприятий, когда на денек поручил дела помощнику и выбрался посмотреть на соревнования господ кандидатов.

Они, точно они. Метресса одного из наиболее вероятных претендентов на Весеннюю корону — Гробиц узнал ее по шубке из серебристой луницы, похожей на дымчатое облако, — и пронырливые ребята из его свиты. Ясно, почему при мечях: между приспешниками рвущихся к верховной власти политиков нет-нет, да и случаются сшибки, при этом огнестрел под строжайшим запретом. А он сразу вообразил невесть что... Несомненно, эти трое опасны, но не сейчас и не здесь. Худшее

зло, какое они могут причинить Гробицу, — это повернуться и уйти, ничего не купив.

Заставив себя просиять, он прочистил горло и заговорил:

— Здравствуйте! Прошу вас, недавно поступила в продажу новая коллекция, пожалуйста, посмотрите... Каждому посетителю магазина — приятный подарок на память!

Про маленькую поганку совсем забыл, а напрасно.

— Мне-то подарок до сих пор не отдали, — буркнула она негромко, словно разговаривала сама с собой.

Гробиц как раз выбрался из-за прилавка, чтобы принести из смежного помещения вытертую малиновую банкетку для дамы.

— Уходи, кому сказано! — Он замахнулся на девчонку, но испугался, что на покупателей это произведет неприятное впечатление, поэтому жест вышел скорее суматошный, чем угрожающий.

Проигнорировала.

— Присядьте, госпожа, так вам будет удобней. Что вас интересует?

— Мне нужен браслет. — Сине-серые глаза, обрамленные длинными, загнутыми на концах пепельными ресницами, смотрели на драгоценности с королевским равнодушием, голос из-под шарфа звучал глуховато. — Что-нибудь весеннее, для бала.

— Вот, прошу вас, примерьте на свою ручку...

Гробиц отпер витрину и начал доставать товар. Кражи он не опасался, потому что припомнил, какие ходят слухи об их господине: тот отличался, во-первых, крутым нравом, а во-вторых, подмоченной в далеком прошлом репутацией — что-то темное, недоказанное и всеми забытое, но схлопотать свежий компромат во время предвыборной кампании для него будет очень некстати. Убьют. Говорят, еще и колдун, и если кто-то из его команды окажется нечист на руку, в случае жалобы правда быстренько выплывет наружу.

Надо расшибиться в лепешку, но этим троим угодить. Вот, допустим, станет их господин Весенним Властителем, а они, соответственно, придворными — и заодно постоянными покупателями в магазине Гробица, придворным без драгоценных аксессуаров никак не обойтись...

Злорадный тонкий голосок не позволил домечтать до конца:

— Меня-то здесь обманули, не дали подарка, и вас тоже надуют!

— Иди, малышка, домой, — с неискренней лаской вздохнул Гробиц — и объяснил посетителям, чтобы у тех не сложилось представления, будто он никак не может от нее отделаться: — Извините, она с улицы забежала погреться, не выгнать же.

Выслушали, но не отреагировали: их это не касается. Они пришли сюда, чтобы на деньги, выданные господином, купить для его шикарной пассивной приличествующее случаю украшение, и задача Гробица — добиться, чтобы эти деньги перекочевали к нему в кассу. Не обращать внимания на маленькую дрянь с бантами-мухоморами, словно ее тут нет. И не забыть на прощание вручить подарки: даме булавку с радужными стразами, молодым людям по брелку. Расход небольшой, а у них останутся приятные воспоминания о посещении магазина.

— Мне понравилась «Улыбка рассвета», — обронил тот, что помоложе. — Бранд, как думаешь, пойдет мне, а?

— Давай, перебеешься пока без диадемы, — ухмыльнулся старший. — Мы сейчас Эфре браслет покупаем, а не тебе новую цацку.

— Жемчуг из другого измерения, натуральный океанский, — сообщил Гробиц, решив, что стоит подогреть интерес к диадеме хотя бы с расчетом на перспективу. — У вас отличный вкус...

— А мне она тоже понравилась! — радостно завопила девчонка. — Рубины красненькие красивенькие такие, ага? Это настоящие рубины или стеклянные? Я тоже такую хочу, и вот это хочу, и вон то с серебряными висюльками...

— Пошла вон! — срываясь на фальцет, крикнул Гробиц. — Понаехало вас, бегаете везде, людей пугаете! Прошу прощения, господа, но я не знаю, как еще с ней разговаривать...

Улыбнувшись, юноша сунул руку в карман стеганой куртки с меховой подкладкой и вытащил гляцевую фиолетово-золотую плитку.

— На тебе — и брысь домой.

— А нельзя брать шоколадки у незнакомых... — алчно уставившись на угощение, пробормотала девчонка.

Потом, со свирепым выражением на маленьком личике,

схватила сверкнувшее золотым тиснением сладкое сокровище и стремглав бросилась вон из магазина. Жалобно тренькнул колокольчик, хлопнула дверь.

— Вот паршивка! — заметил даритель.

Скорее с восхищением, чем с осуждением.

— Даже спасибо не сказала, — печально покачал головой Гробиц.

После того как наконец-то удалось ее выгнать, он почувствовал себя, словно проколотый воздушный шарик, но, посмотрев на покупательницу, задумчиво разглядывающую браслеты, воспрянул духом.

— Что-нибудь выбрали, госпожа?

Она слегка пожала плечами, как будто ей было все равно, и обратилась к своим спутникам:

— Мальчики, выбирайте вы.

Заброшенный на плечо конец шарфа соскользнул, и Гробиц внутренне охнул, пораженный ледяной прелестью ее лица. В прошлый раз он видел эту девушку издали, поэтому впечатление осталось не настолько сильное, а сейчас взгляд так и примерз. Ему даже подумалось: ради такой красоты можно пойти на преступление — например, ограбить ювелирный магазин... Но молодые люди с видом знатоков сравнивали разложенные на прилавке браслеты и грабеж явно не планировали.

С трудом повернув голову, он увидел на улице, за стеклянной витриной с бутафорской бижутерией, окаянную девчонку — та натягивала, насупившись, вязаную шапочку, шоколадка торчала из кармана. Гробиц испугался, что негодяйка сейчас вернется, но она затянула под подбородком свисающие концы, показала на прощанье язык и вприпрыжку побежала прочь сквозь темноту, мерцание снега, скольжение черных теней и лимонный свет фонарей.

«Слава тебе господи...» — произнес Гробиц одними губами.

У нее красивое имя: Александра. Или Сандра, тоже красиво. И самые лучшие на свете бантики. В магазине с блестяшками она сняла шапочку специально, чтобы продавец посмотрел на ее главный бант, который самый большой, на макушке. Наверное, тот взрослый мальчик подарил ей шоколадку, потому

что она похожа на принцессу из книжки с картинками. Кому попало не подарил бы.

Убегав подалее от магазина, Сандра остановилась под фонарем в виде граненого стакана, на который зачем-то надели корону, огляделась и вытащила из кармана плитку в нарядной шелковистой обертке. Надпись золотыми буквами: «Флирт с вафельно-трюфельной начинкой». И фольга внутри золотая! Шоколадка всамделишная, вкусная-превкусная, с хрустящей вафлей. Половинку она маме оставит. Или не половинку, чуть поменьше... Вот столько.

Спрятав мамину долю в карман, Сандра побежала дальше. Скорее, пока не передумала. А то расхочется делиться, и она все съест сама, а маме, наверное, тоже хочется настоящего флирта с вафлей и трюфелем.

Запахнув благоухающую табакосмешью, Онората спустилась на лестничную клетку, неверными от злости пальцами вытащила из пачки сигарету. Она добрая волшебница. Добрая, дьявол вас всех подери! Драган и Лотта — беспринципные приспособленцы, а еще смеют ей угрожать... Кто их только сюда позвал...

Онората карала зло. Должен ведь кто-то этим заниматься, так почему не она? Обнаружив где-нибудь вечеринку, свадьбу, именины, любое другое торжество, она приходила туда незваной гостьей, молча усаживалась за стол, дожидалась, когда ее так или иначе оскорбят, — и после этого, охваченная справедливым негодованием, или наводила на всю компанию порчу, или изничтожала кушанья и имущество обидчиков. Смотри по тому, насколько была в ударе. Нечего веселиться, когда у нее все паршиво, любовник удрал с кривоногой козой на Лаконоду, от скверных предчувствий не продохнуть и настроение такое же, как этот дрянной подъезд в доходном доме средней руки: тускло, пыльно, серо, из подвала сочатся канализационные миазмы, в воздухе клубами плавают сизый дым. Пролетом выше — жизнерадостные, мать их, голоса, приглушенные закрытой дверью. Если бы не Драган со своей подрастающей шавкой, веселье уже бы заглохло.

В этот раз все вышло не так. И хозяйева, и гости вели себя до того приторно, что Онорату почти затоснило. В ответ на ее подначки радушно улыбались и что-нибудь подкладывали на

тарелку. Даже когда она локтем толкнула соусник, сделали вид, поганцы, что ничего не заметили. Словно стоворились не давать ей повода... Это зло может обрушиться на дурные головы ни с того, ни с сего, а добру нужен повод, и Онората дожидалась, когда кто-нибудь сорвется, — пока не появились Драган и Лотта.

Усевшись рядом с Оноратой, рыжая веснушчатая сучка прошипела:

— Убирайся отсюда, пока цела. И не вздумай что-нибудь выкинуть, мы тебе возврат обеспечим. В прошлый раз ты побывала на дне рождения у моей троюродной сестрички и напакостила там, как свинья на деревенской кухне. Мы все про тебя знаем.

Драган стоял рядом с вежливой миной, словно это он ходит в учениках у Лотты, а не наоборот.

— Драган, придержи свою соплячку, — задохнувшись от ярости, потребовала Онората.

— Лучше я тебя придержу, — флегматично процедил колдун, похожий на прожигателя жизни, утомленного этой самой жизнью до приятной дремоты. — Убирайся отсюда.

Участники домашнего застолья этого разговора словно не слышали, разве что некоторые выглядели напрягшимися. Онората поняла, что угодила в мышеловку. Драган и Лотта опередили ее, проинструктировали этих, за столом, как себя вести, добавок применили чары, чтобы обеспечить присутствующим непрошибаемо благостное настроение. А сами дожидались на площадке верхнего этажа, чтобы после свалиться из засады, как снег на голову.

Началось с того, что ей не повезло нарваться на родственников Лотты, и Драган решил воспользоваться случаем, чтобы натаскать свою ученицу еще и в этой области. Воевать с коллегами-колдунами Онората не хотела и не собиралась. Это наказанным обывателям можно объяснять, что она добрая волшебница, карает за плохие поступки, мелкие чувства и себялюбивые побуждения, а с коллегами такой номер не пройдет. Засмеют. Они же все поголовно циники.

Докурив сигарету, Онората стряхнула с шубы пепел и двинулась вниз по лестнице. Она ушла не сразу, так что на бегство это не похоже. Драган и Лотта, видимо, остались угощаться свиным рулетом и молодыми побегами вырчай-дерева, ту-

шенными с чесноком, — раз уж спасли вечеринку, почему бы не попользоваться плодами? Желчно усмехнувшись, колдунья распахнула дверь подъезда и шагнула в сырую ознобную темноту.

Дверь за спиной хлопнула так, что стекла в ней задребезжали и всхлипнули. Вот вам! Придерживая полы длинной шубы, Онората присела на корточки, осторожно подняла двумя пальцами самый крупный осколок. Она за испорченный вечер поквитается... с кем-нибудь, кто этого заслуживает.

Сандра в Танхале уже освоилась. Город оказался в самый раз для нее: большой, интересный, и заблудиться не страшно — она каждый раз плутала-плутала, а потом все равно выбиралась на знакомые улицы. Она исследовала эту огромную таинственную страну домов, фонарей, машин, дворцов, каменных мостов, пляшущих на ветру бумажек и всяких-разных магазинов, словно любопытный и сообразительный зверек, который готов сунуть нос в любую щель, но ни к кому в руки не пойдет.

Сейчас — домой, а то мама беспокоится и не знает, что Сандра несет ей почти половинку шоколадки. «Домой» — это вообще-то одно название, но мама с папой всегда так говорят, как будто они по-прежнему живут на Ваготе в собственной избушке с тремя комнатами, кухней и теплой уборной — папиной гордостью: он сам ее сбоку пристроил, на исходе минувшей осени, когда на маме женился.

Сандра — ровесница зимы, других времен года она еще не видела. Ее полное имя, Александра, похоже на сверкающий блестками снег или на алмазные украшения, какие она видела в том магазине, зато второе, короткое, — как лето на картинке: солнечное, яркое, красно-золотое. Хорошо, что ее зовут Сандрой.

Их избушка стоит теперь заколоченная, и весной туда полезут всякие личинки, а ближе к лету на чердаке поселятся медузники — летучие кровососы, выгоняй их потом... Ничего, она выгонит, нечего им жить в ее доме! Но это будет нескоро, когда они с мамой и папой туда вернуться.

На Ваготе людей почти не осталось, кроме самых упрямых. После того как кесу разворотили ворованной взрывчаткой бе-

реговую стену, вырезали гарнизон и разграбили продуктовые склады, немногочисленное население островка, собрав самые ценные пожитки, пристроилось в хвост проходившему мимо каравану и подалось на Кордею — там хотя бы есть шансы выжить. Километровая вереница потрепанных драндулетов с залитыми доверху баками тащилась за автоколонной Трансматериковой компании по пробитой таран-машиной просеке, мимо громадных елажников с корявыми стволами в несколько обхватов и ммурыми кронами. Сандре еще подумалось: это, наверное, будущие тучи, когда они станут совсем большими — оторвутся и улетят по небу. Она поняла, что это не так, насобирав во время стоянки шишек и веточек с длинной серой хвоей. Путешествовать ей понравилось, и она не могла взять в толк, почему все взрослые такие невеселые, молчаливые, раздражительные и у мамы глаза на мокром месте.

Сейчас они за компанию с целой толпой беженцев с таких же, как Вагота, разоренных окраин Кордейского архипелага жили в ночлежке на задворках Сытного рынка. По вечерам можно насобирать под опустевшими прилавками капустных листьев или найти мерзлую луковицу. Овощи стоят дорого, потому что тепличные или со складов, а когда что-нибудь такое попадется, мама варит королевский суп на мясном бульоне.

Мясо и хлеб приносит папа, если найдет поденную работу. Несколько дней назад ему повезло — взяли в уборщики на вокзал. Там скоро поезда начнут выходить из зимней спячки, а перед этим надо чистить скребком их шкуры, мыть изнутри кожистые полости-вагоны, удалять угнездившихся в складках паразитов. Работа не только грязная, но еще и опасная: бывает, что какой-нибудь поезд спросонья корчится в судорогах, бьется о стенки длинного бетонного стойла, человека запросто зашибет насмерть или покалечит. Но за это деньги платят, и папа обещал Сандре, что с ним ничего не случится.

— Если будет плохо себя вести, я его лопатой по морде!

Ага, морда у зверопоезда — побольше вон той афишной тумбы, но папа сильный.

В ночлежке чуть тепленькие батареи цвета побуревшей крови, пахнущие дезинфекцией жесткие тюфяки на скрипучих топчанах и грязная общая кухня, и соседи, случается, воруют друг у друга, скандалят, напиваются вдрызг, но Сандре с

мамой и папой больше некуда деваться. Их уже с трех квартир выселили, хотя Сандра по-честному старалась быть хорошей.

Правда, госпожа Доротея из Картофельного переулка, у которой мама мыла окна и прибиралась в погребе, обещала им помочь. Они ходили туда вместе: пока мама трудилась, Сандре дали посмотреть книжки с картинками, а потом обеих угостили чаем, печеньем и конфетами с помадкой.

— Вы мне понравились, но я не могу позволить себе постоянную домработницу, — тревожно и сокрушенно говорила Доротея, похожая на суетливую птицу с ощипанной шеей. — Пенсии не хватает, сбережений не хватает, четверых детей надо накормить, одеть, выучить, пристроить... Мою старшую, Калерию, обещали взять по протекции на службу в Весенний дворец, уж и загадывать боюсь, получится или нет. Кушайте, кушайте печенье... Да, я для вас кое-что подыскала. Одному из моих соседей очень пришлось бы кстати помощники по хозяйству, такие, как вы с мужем. Как он вернется из рейса, я с ним поговорю. Он служит следопытом в Трансматериковой компании, сейчас ушел с караваном на север. Платят им сами знаете сколько... Молодой человек живет один, а дом большой, двухэтажный. Вру, не совсем один, у него там еще квартирует приятель-студент, тоже очень славный молодой человек — и такой же безалаберный по хозяйству. Не чистят, не моют, не подтирают, кухня — настоящий вертеп, это словами не описать, надо хоть раз увидеть! Первый этаж пустует, и для вас бы комната нашлась, если к Залману как следует подъехать. Их зовут Залман и Дэнис. Хорошие, добрые ребята, а вот девушка, которая к ним ходит, подружка Залмана, — она понизила голос до испуганного шепота, — это оторви и выброси, и больше не подбирай! Прости, конечно, господи...

— Гулящая? — сочувственно подсказала мама.

— Ох, хуже.

— Неужели пьет?

Сандра тем временем разломала печеньица на кусочки и выложила из них мозаичную избушку. Вот бы у домов были колеса, чтобы возить их за собой с места на место...

— Ох, еще хуже.

— Разве бывает что-то хуже гулящей и пьющей девушки?

— Бывает, когда она вроде этой Виринеи. А парень бедный как за нее держится... у него сердце золотое, только лицо не в

порядке. Покусили вьюсы, он был еще маленький, вы же знаете, это нельзя расчесывать, а то на всю жизнь останется.

— Да, да. — Мама закивала. — У нас на Ваготе тоже такое случилось — летом, в начале осени... Сандра, ты что делаешь с печеньем? Ну-ка, скушай все, что разломала!

— Он нельзя сказать что бесхарактерный, он ведь, когда сюда переехал, от нашего Картофельного переулка шпану отвадил. Один против этого зверья — и заставил их поджечь хвосты, с тех пор они тут безобразничать не смеют, и все наши соседи на него за это молиться готовы, а с одной девицей разнужданной сладить не может. Комплексы из-за проблемы с лицом... Как только он приедет, я с ним поговорю и тогда вас позову, поэтому не пропадите, заглядывайте. И знаете, совет, когда вы с супругом придете с ним знакомиться, Сандру на первый раз с собой не берите.

— Это почему? — возмутилась Сандра.

Рассказчица от ее возгласа вздрогнула, а мама озабоченно нахмурилась.

— Чтобы его сразу не отпугнуть, — ласково объяснила Доротея. — Пусть мама с папой без тебя встретятся с хозяином дома, а ты у нас посидишь, книжки посмотришь, в игрушки поиграешь.

Сандра насупилась и ничего не ответила.

— Потому что ты у нас бедствие номер раз, — со вздохом повторила мама папины слова, сказанные однажды еще на Ваготе.

В дымных розовых сумерках, когда они уходили, Доротея показала им дом Залмана. И впрямь большой, с заснеженной крышей и двумя кирпичными трубами. Калитка закрыта, ни одно из окон не светится.

«Пусть я буду жить в этом доме! — загадала Сандра. — Чтобы нас с мамой и папой туда пустили и не выгнали... Пусть мое желание сбудется!»

Пока из Картофельного переулка никаких известий, зато она несет маме настоящую шоколадку с вафлей и трюфелем.

Сандра остановилась на перекрестке, припоминая, налево дальше или направо. Ага, в эту сторону. Знакомая улица: старые четырехэтажные дома с квадратными окошками и полукруглыми балкончиками, похожими на обглоданные мышами

сахари. Штукатурка на балкончиках растрескалась и осыпалась. Наверное, кому-нибудь на голову. На одном из домов торчит башенка со сломанными часами: стрелка осталась только та, которая потолще и покороче, и все время указывает на двойку. Часы белели в лунном свете, словно еще одна потускневшая луна, усевшаяся отдохнуть на крышу.

«Уже поздно... — поглядев на них, подумала Сандра. — Но я иду «домой», и не с пустыми руками — с шоколадкой! Только бы с мамой и папой все было хорошо и наши вещи не пропали...»

В ночлежке была камера хранения — кладовка такая с отдельными шкафчиками, где можно за плату оставить свое имущество, чтобы другие постояльцы не своровали. Шкафчики запирались, ключи хранились у жены директора заведения, который на всех ругался и говорил, что он «господин директор», а не «содержатель», как его всякая деревенщина обзывает.

Из чернильного проема в стене, наверху закругленного, выступил кто-то высокий, загородил дорогу.

— Девочка, стой!

Взрослые учили: «Если встретишь плохого дядю, сразу от него убегай. Можешь лягнуть, или укусить, или завизжать погромче, чтобы все услышали».

Это оказался не дядя, а дама, и вместо того, чтобы кинуться от нее со всех ног, Сандра остановилась. Не потому, что решила послушаться, а из практических соображений: может, тоже чем-нибудь угостит?

Дама была в длинной шубе, но с непокрытой головой, прямые волосы распущены по плечам, в пальцах зажата сигарета с горящим кончиком. Овальное лицо с припухшими щеками и большим выпуклым лбом, колючие темные глаза.

«От этой надо убежать», — запоздало поняла Сандра.

— Как тебя зовут? — Голос резкий, как папина бензопила, которая сломалась и осталась на Ваготе.

Девочка молчала. Еще чего — говорить такой тетке свое имя!

— Я спросила, как тебя зовут!

— А вы сама кто такая? — уставившись ей в глаза, огрызнулась Сандра.

— Я добрая волшебница, — прошипела тетка.

— А по-моему, никакая не добрая.

— Это ты плохая девочка, — злорадно возразила незнакомка. — Грубишь старшим, не слушаешься, да? Я хочу, чтобы ты отдала мне самое дорогое, что у тебя с собой есть, иначе я тебя накажу.

— Ну нет, бантики в горошек не отдам, и полшоколадки не отдам! Это все мое!

— Девочка, нельзя говорить «это мое». И жадничать нельзя, всегда нужно делиться с теми, кто тебя об этом попросит! — провозгласила волшебница с таким торжеством, словно к ее ногам уже накидали целую кучу шоколадок.

— Я делюсь, когда хочу, — буркнула Сандра. — А когда не хочу, не делюсь.

— Говорить «я хочу» тоже нельзя.

— Нет, можно.

— Нет, нельзя! — Глаза дамы радостно и безумно вспыхнули, как будто в глубине души она была довольна таким поворотом. — Надо слушаться и делать то, что тебе сказали!

— А я буду делать то, что сама решу, и не буду спрашивать об этом всяких волшебниц, которые притворяются добрыми, а взаправду злые!

— Тогда вот тебе наказание!

Она выхватила из кармана своей долгополой шубы и швырнула в Сандру что-то, блеснувшее в свете фонаря.

Ледышка или кусок стекла.

Девочка бросилась бежать. Завернув за угол, чуть не налетела на кого-то взрослого. Взвизгнули тормоза вильнувшего в сторону автомобиля. Из темной небесной выси тихо сыпался искрящийся снежок, а она неслась, не разбирая дороги, и оставилась, только миновав несколько кварталов, возле знакомого галантерейного магазина «Пуговичное королевство».

Проверила: шоколадка на месте. Подойдя к установленному в витрине зеркалу, в котором отражались подвешенные на нитках красивые пуговицы, поправила шапочку.

За спиной у нее что-то шевелилось и кривлялось, выглядывая то из-за правого, то из-за левого плеча. Сандра сжала кулаки и повернулась, готовая стукнуть того, кто ее дразнит, но никого позади не было.

Вечер выдался пошлый. Сначала, с подачи рвущейся на подвиги ученицы, стычка с малахольной «доброй волшебницей», вообразившей, будто она призвана всех карать направо и налево. Потом застолье с посредственно приготовленными кушаньями и третьесортным алкоголем, приправленное обстоятельными разговорами о ценах на продукты, о выборах Весеннего Властителя и бесплатных развлекательных мероприятий, коими оные сопровождаются, о водопроводной аварии в масштабе нескольких кварталов — муниципальщики твердят, что трубу прогрызла какая-то дрянь, до срока вышедшая из спячки, а в Санитарной службе говорят, что при минусовой температуре так не бывает, просто труба у них уже сто лет была ржавая, — и рядовому жильцу непонятно, кто будет за это платить... Отстой. Словно сидишь в закишем пруду, по горло в мутной цветущей воде, солнце печет голову, хором жужжат мухи. Незамысловатые шутки, пьяный смех. Постепенно разговор раслоился: мужчины вдумчиво рассуждают о солярке и огнестрельном оружии, женщины хвалятся школьными успехами своих детишек. Все равно отстой.

— Лотта, ты наелась? — флегматично поинтересовался Драган.

— Мгм. — Юная колдунья дожевывала последний кусок пирога со сливовым повидлом.

— Тогда попрощаемся с гостеприимными хозяевами. Нам пора.

На их отбытие, так же как и на их появление час назад, никто не обратил внимания. Лотта быстро научилась этим чарам, способная девочка. Если б не она, Драган не вяпался бы в эту бестолковую историю с Оноратой. Что бы ни происходило, он не вяпывался, сохранял нейтралитет, а «добрых» и «злых» всегда считал опасными для окружающих психами. Собрать тех и других в одной резервации, и пусть между собой разбираются... Впрочем, даже если бы кто-нибудь затеял претворить в жизнь такой проект, Драган и то постарался бы остаться в стороне. Принципиально и по велению души. Во что-нибудь ввязываться — себе дороже.

В последнее время его мучил животрепещущий — словно здоровенная скользкая рыбина, которая бьется и лупит хвостом, — вопрос: куда и когда сбежать из Танхалы? Он любил

столицу и не сомневался, что будет по ней тосковать, но здесь оставаться нельзя. Скоро начнется пресловутое «интересное время», а это как грунтовая дорога в ливень — и не хочешь, да вяпаешься.

В числе прочих на Весеннюю корону претендует Валеас Мерсмон. Драган, как узнал об этом, на сутки потерял аппетит. Зачем коллеге-колдуну, тем более такого заоблачного уровня, лезть в политику — этого он искренне не понимал, но раз уж Валеасу оно понадобилось, спокойной жизни не жди.

Драган с ним не враждовал — он не идиот, чтобы наживать таких врагов. Много лет назад, когда ему было примерно столько же, сколько сейчас Лотте, их даже связывали отношения, условно напоминающие дружбу. К счастью, длилось это недолго, но Драган тогда успел научиться у опасного старшего приятеля кое-чему полезному по части магии — это да, переоценить трудно, и вдобавок усвоил: этому лучше ни в чем не перечить, а если он затеял какой-нибудь эксперимент, желательно находиться как можно дальше от места действия.

Если Валеас станет Весенним Властителем, что-то будет. И если проиграет, все равно что-то будет. Пожалуй, самый разумный вариант — это Сансельба: караван туда идет черт знает сколько, сансельбийские нефтяные бароны держатся особняком, в политику не играют — симпатичная позиция, схожая с жизненным кредо самого Драгана. Он дождетсa результата выборов, посмотрит на инаугурацию, интересно же все-таки, а после соберет чемоданы и отправится на Сансельбу, пока что-нибудь не началось. И Лотту с собой прихватит, если она будет не против. К своей ученице Драган в меру привязался, но нет смысла спасать того, кто спастись не хочет. Он не любил применять силу, это натуральный отстой.

Спускаясь по заплеванной лестнице, колдун размышлял на другую тему: тащить ли Лотту с собой на завтрашний бал во дворце у Зимней Властительницы? Как уважаемый представитель магического сословия, он честь по чести получил приглашение и мог привести с собой даму, но баловать учеников нельзя, девчонка должна заслужить награду. Хм, подсунуть ей до завтра какое угодно задание посильной сложности...

Сам он однозначно туда собирался. До него дошли сплетни, что Валеас где-то откопал фантастически красивую девуш-

ку, «увидишь — челюсть отвалится», и Драгану хотелось на нее посмотреть. Придерживая челюсть, если понадобится. Тем более стоит прийти с собственной дамой. Даже если эта бывшая медсестра из забытой богом глухомани нужна Валеасу исключительно как декоративный элемент — а судя по тому, что Драган о нем знал, так и есть, — он не потерпит, чтобы кто-то прельщал его официальную пассию. Он же классический хищник. Если он наденет Весеннюю корону, Драган его тепло поздравит и сбежит на Сансельбу, а если не наденет... тогда тем более сбежит.

Внизу тянуло сквозняком. Входную дверь украшали застекленные квадратные оконца — и все до одного расколоты трещинами, а нижнее и вовсе вылетело. Когда они с Лоттой сюда пришли, стекла были целехонькие. Драган на секунду напрягся, ощутив следы недавнего магического возмущения. Не придется изобретать для Лотты учебное задание, Онората обо всем позаботилась.

— Ничего не чувствуешь? — поинтересовался он с легкой усмешкой, когда вышли во двор.

— Это добрая гадина от души приложила дверью, выскочив из подъезда, и все стекла побила.

— Хм, видно невооруженным глазом. Еще?

— Что-то было...

Миловидное конопатое лицо ученицы стало настороженным и сосредоточенным. Начала озираться, присела. Свела брови, разглядывая осколки. Драган ждал, что она скажет.

— Онората выделила из себя какую-то малую вредоносную сущность. Спонтанно или нарочно, не понять... Наверное, засадила ее в стекло и унесла с собой, здесь не хватает большого осколка.

— Как называется эта сущность?

— Стеклянник, — выпалила девушка, испытывая гордость оттого, что знает точный ответ.

— Что она делает?

— Преследует того, к кому ее прилепили, перескакивая в любые отражающие поверхности — зеркало, стекло, вода, лед, полированное дерево, блестящий металл...

— Чем опасна?

— Портит те предметы, в которых подолгу задерживается,

и питается жизненной энергией преследуемого. Берет понемногу, но это ослабляет организм, вызывает разные заболевания.

— Молодец. Учебные материалы ты усвоила на совесть, а теперь вот тебе практическое задание: надо найти того беднягу, которого Онората оделила стеклянником, и избавить от этой напасти. Насколько я знаю Онорату, выбирала она недолго, это какой-нибудь случайный прохожий. Ты должна взять след, разыскать его, и дальше... Что ты сделаешь дальше?

Девчонка наморщила лоб, припоминая последовательность действий.

— Подвести преследуемого к зеркалу, сотворить выманивающие стеклянника чары. Когда он появится, поймать его, рассечь связь между ним и преследуемым и отослать малую сущность назад к хозяйке. Можно при этом поменять вектор вредоносного воздействия на обратный, а можно не трогать, тогда оно просто рассеется. Я поменяю, пусть Онората получит!

— Когда поворачиваешь вектор, это дополнительный расход силы, имей в виду. Теорию ты знаешь, теперь дело за тем, чтобы выполнить это на практике. Если справишься, пойдём с тобой завтра на бал к Зимней Госпоже.

— Учитель Драган! — восхищенно ахнула Лотта.

— За работу.

Как он и предвидел, Онората отыгралась на первом встречном: недостающие осколки нашлись в двух шагах от пропахшей мочой арки, выводящей со двора на улицу.

Ученица опустила на корточки, изучая следы в развезенном на тротуаре снежном месиве, а Драган, засунув руки в карманы пальто, смотрел на тихую в этот поздний час зимнюю улочку, выбеленную и усыпанную блестками, и думал о том, что-то будет твориться в Танхале весной... Ему казалось, что ничего хорошего.

— Учитель Драган, я нашла. — Голос Лотты звучал потрясенно. — Следочки-то маленькие, с мою ладонь! Она своего стеклянника ребенку засадила, вот сука...

— Это упрощает твою задачу. Взрослый первым делом начал бы выяснять, какой счет мы ему после выставим, а услышав, что это бесплатно, потому что учебная практика, еще бы

призадумался, что безопасней — принять помощь от колдуньи-ученицы или таскать с собой стеклянного. Взяла след?

— Да. — Лотга выпрямилась, сверкнув глазами. — Ребенок побежал в ту сторону.

— Тогда вперед, за билетом на бал.

Это напоминало сплетенную из веревок куклу: болтаются длиннющие ручки-ножки, вместо головы мешочек размером с кулак, и на нем нарисовано углем злобное личико. Веревоочное существо извивалось в темном стекле, мотало головой, гримасничало, кривя черный рот.

Сандра в ответ тоже скорчила рожу: на тебе! Это была уже которая витрина, куда она заглянула проверить, не отвязалась ли чертова кукла. Надейся, такая отвяжется...

Над витриной красные и желтые лампочки освещали вывеску: «Господин своей жизни», внутри стояло несколько мужских манекенов в строгих костюмах с жесткими белыми воротничками, зато босиком. Гипсовые ступни с аккуратно вылепленными пальцами попирали полированный пол.

Какие же они господа своей жизни, если у них даже обуви зимой нету, хмуро подумала Сандра, вытаскивая из кармана дареную шоколадку. Она совсем чуть-чуть отломит, чтобы маме тоже осталось.

Надо придумать, что делать. Возвращаться в ночлежку с этой штучкой нельзя, их тогда на улицу выгонят. Недавно один пьянчуга, тоже с Ваготы, подцепил в городе «прилипал» — толкнул незнакомого старика, а тот обиделся и оказался колдуном, — так директор ночлежки сразу выставил его за порог.

«Прилипалы» похожи на хлопья пыли, которые вьются вокруг человека и то видны, то не видны. Из-за них в два счета скисает молоко, другая еда тоже протухает, а спиртное, по словам взрослых, становится мерзопакостным — стоит только жертве протянуть руку к посудине, куда это положено или налито. Вот бедолагу и выдворили, пока он все продукты не перепортил. Если попал в такой переплет, надо поскорее сходить к ведьме или колдуну, но те помогают не за «спасибо», а у несчастного алкаша денег не было. Он так и околел от голода и холода, нашли возле помойки окоченевшего. Сандра хотела сбегать посмотреть, но мама непустила, даже рассердилась, а на

следующий день ничего там уже не было, кроме примятого снега, почерневших картофельных очисток и собачьих следов.

Шоколадка оказалась в полном порядке. Значит, не «прилипала». На радостях Сандра отломала себе последний квадратик — честно, последний. Остальное засунула поглубже в карман, для мамы. Поглядела на белолицых босяков в дорогих костюмах, натянула варежки и зашагала дальше. Витрину бить нельзя, а то папу с мамой засудят и заставят деньги платить. Надо найти что-нибудь попроще и расколотить вдребезги: может, тогда это пугало сдохнет?

Застекленную табличку с надписью «Скупка иноземных изделий в переулке» она еще позавчера заметила на улице с блестящими трамвайными рельсами, ароматом свежих булочек и рыжим вечерним солнцем над крышей дома, выдвинутого вперед острым углом — как будто нос корабля, плывущего по сутробам.

Корабли Сандра видела на картинках, и что такое «иноземный» — тоже знала. Это значит — с иной Земли, где все по-другому, но тоже есть люди, а попасть туда можно только летом, когда открываются порталы. К началу лета ей исполнится шестнадцать, она будет уже большая и обязательно побывает на параллельной Земле.

Уже поздно, и ни солнца, ни запаха булочек там наверняка не осталось, но рельсы и дом-корабль вряд ли куда-то делись. Это в той стороне. Она бежала, шныряя среди прохожих, иногда задерживаясь на миг у какой-нибудь витрины, чтобы бросить сердитый взгляд на кривляющегося преследователя.

Табличка оказалась на месте, а то Сандра всю дорогу опасалась — вдруг до нее разбили? Висит высоко, но она запаслась камнем, когда пробиралась мимо разрытой поперек тротуара канавины.

Под задумчивым звездным небом трехэтажный дом, уткнувшийся носом в сутроб, еще сильнее напоминал корабль из книжки. Может быть, ему хочется стать настоящим кораблем, и он уже начал превращаться — понемногу, чтобы никто раньше времени не заметил? Окна заманчиво светились желтым и зеленым. Вот бы интересно побывать внутри... Только сперва надо отделаться от веревочной куклы.

Мимо прошли, энергично скрипя снегом, то ли двое солдат

лесной пехоты в грязновато-белых маскировочных полушубках, то ли какие-то неведомые мохнатые существа, обутые в армейские сапоги, — Сандра вверх не смотрела и лиц не видела. Следом просеменил кто-то тщедушный, укутанный в потрепанную шаль с поредевшей бахромой, он тащил в охапке большую настольную лампу с цаплями на абажуре. Дождавшись, когда вся эта публика скроется за углом, Сандра подбежала к стене с табличкой. Стекло поблескивало, отражая свет фонаря, и внутри ухмылялась мучнисто-бледная рожица, шевелились похожие на веревки конечности.

— Ну, сейчас я тебе...

Камень ударил в середину таблички. Хрустнуло, посыпались осколки. Сандра бросилась наутек, а то от грохота все, кто живет рядом, выскочат из домов и начнут ругаться... Возле перекрестка остановилась, перевела дух, оглянулась: никто за ней не гонится, не считая окруженного электрическим нимбом трамвая, но тот проехал мимо, словно был с ней заодно, хотя притормозил на пустой остановке, а потом умчался, дребезжа и подпрыгивая, в манящее цветное марево — в ту сторону, где Сандра еще ни разу не бывала. Хорошо бы покататься по городу на трамвае... Но без билета нельзя.

Она вышла на набережную неширокого каменного канала, заваленного снегом, как будто высланного ватой. Этот канал напоминал ей окна их домика на Ваготе: там меж двойных рам лежала толстым слоем старая вата, посыпанная для красоты конфетти. Однажды Сандре даже пришло в голову: должен быть какой-нибудь хитрый прием, чтобы раз — и через этот ватный канал очутиться дома возле окошка, а после таким же манером перенестись обратно в Танхалу. Но для этого надо, чтобы окно и канал взаправду были одним и тем же, словно разные грани какого-нибудь переливчатого камня в магазине, где ей дали шоколадку.

Ночлежка на том берегу, а на набережной есть посудная лавка с башней из тарелок и хороводом стаканов в витрине. Сперва стоит посмотреть, получилось или нет.

Не получилось. Привязавшееся к Сандре мерзкое создание дразнилось из витрины как ни в чем не бывало. И если снова каменюкой засадить — наверное, бесполезно, ему опять ничего не сделается.

Сжав кулаки, Сандра потопала к мосту. Она все сильнее злилась. Никого не трогала, первая не начинала, и вдруг приключилась такая ерунда! Показать бы, где раки зимуют, этой вредной тетке, которая на самом деле никакая не добрая, а просто дура, хоть и волшебница... Рыча под нос, словно маленький, но свирепый зверек, она по узкой каменной лесенке с обледенелыми ступенями спустилась под мост.

Внизу валялось несколько пустых фанерных ящиков. Две тощие собаки встрепнулись и настороженно уставились на человеческого детеныша.

— Нечем вас угостить, — буркнула Сандра, устраиваясь на ящике. — У меня только шоколадка, но она мамина. Зато когда я вырасту, я стану королевой кошек и собак и открою для всех вас бесплатную столовую, ага, по правде... Я тут с вами немножко посижу, ладно? А то мне надо придумать, как от этой зеркальной приставки избавиться.

Понурые городские псы не возражали. Она долго смотрела на заснеженный коридор с каменными стенами в многолетних ледяных наплавах и протоптанными наискосок тропинками, на звезды в сине-черном небе, на желтеющие с двух сторон окошки и фонари, на круглую луну, которая осторожно выползла из-за дома, украшенного сверху толстым пластом снега, словно взбитыми сливками. Захотелось сладкого. Сердась на себя, Сандра зашелестела фольгой, отломилла квадратик. На этот раз самый-самый последний! Она же несет подарок маме, а если не удастся расправиться с чертовой куклой и нельзя будет вернуться в ночлежку, ей придется еще долго этой шоколадкой питаться, как заблудившимся в Лесу путешественникам, которые должны беречь припасы.

Насупившись, спрятала на дно кармана оставшийся кусочек, сказала «до свидания» собакам и полезла наверх. Подошвы скользили, вдобавок в покрывающей ступеньки наледи мелькали веревочные конечности, кривилось уродливое личико, но Сандра в ответ только скалила зубы и карабкалась, цепляясь руками в отсыревших варежках.

Выбравшись на набережную, она поднялась с четверенок, стряхнула налипший на штаны снег — и тут обнаружила, что на нее смотрят. Двое прохожих, мужчина и девушка.

Госпожа Доротей говорила: «Когда гуляешь по городу,

веди себя хорошо, как воспитанная девочка, на тебя люди смотрят», — а Сандра про себя возражала: делать им больше нечего, кроме как глазеть по сторонам и высматривать, кто воспитанный, а кто нет? Дураки они, наверное, раз не могут найти себе занятия поинтересней.

Судя по вниманию, с каким уставилась на нее незнакомая парочка, это и есть те самые люди, которыми пугала Доротея: сначала будут во все глаза смотреть, а после что-нибудь скажут или подумают, и тогда маме с папой придется краснеть.

Играть в гляделки Сандра тоже умела и упрямо вытаращилась на незнакомцев. Мужчина напоминал манекены из лавки «Господин своей жизни», но в отличие от них разгуливал не босиком, а в начищенных черных ботинках. Гладкое молодое лицо, черты правильные и даже красивые, но какие-то сонные, вяловатые, как будто их обладатель живет мало-помалу, особенно не напрягаясь. И не так уж он молод на самом деле, почувствовала Сандра. Парень, угостивший ее шоколадкой, действительно почти мальчишка, а этот, наверное, подвид С — из тех, которым по двести-триста лет. Ей хотелось тоже быть подвидом С, ей же надо столько всякого увидеть и сделать — короткой жизни не хватит! На манекене было длинное, подбитое мехом пальто с модной пелериной, щегольское белое кашне, кожаные перчатки. Голова не покрыта, волосы зачесаны назад. То, что он ходит без шапки, настораживало: мама говорила, это можно только колдунам, которые умеют не замерзнуть, все остальные простудятся. Этот франт или простудится, или он вроде той тетки, которая прицепила к Сандре чертову куклу.

Девушка в короткой шубке крысиного цвета, теплых штанах в полоску, заливчато повязанном ярко-красном шарфе и такой же шапочке была похожа на Калерию, старшую дочку госпожи Доротеи, — конопушками на круглом лице и выбившимися из-под шапочки золотистыми завитками. Только с виду похожа, на самом деле они разные, это Сандра тоже поняла мигом. Калерия размазня и трусиха, а эта смотрит вон как решительно, словно сейчас полезет в драку, хотя с кем бы ей тут драться, кроме Сандры?

— Наконец-то мы тебя поймали, — с торжеством объявила обладательница красного шарфа. — Ну-ка, иди сюда!

Ага, размечталась... Пока еще не поймали.

Сандра сорвалась с места. Судя по топоту, манекен и красный шарф бросились в погоню.

— Девочка, подожди!

На улице не спастись: даже если полусонный франт бегаёт медленно, длинноногая взрослая девчонка в два счета её догонит. Сандра нырнула в ближайшую арку. Надо от них спрятаться и где-нибудь пересидеть, пока не уйдут.

Опозориться перед учителем да еще не попасть на бал у Зимней Госпожи — на это она не согласна. Черта с два. Она расшибется, но изловит маленькую паршивку.

Двор благоухал застарелой помойкой. Один-единственный тусклый фонарь освещал дерево с запутавшейся в голых ветвях гирляндой треугольных флажков — эффектно освещал, как театральную декорацию, вокруг которой сейчас будет танцевать кордебалет, — а все остальное громоздилось в затхлых потемках плохо различимыми возвышениями и складками. Похоже, из этого двора выгребли весь снег, и луна в отместку обходила его стороной, не жалея своего серебра для укутанных белым одеялом окрестностей.

Не оскандалиться перед учителем. Лотта несколько раз щелкнула пальцами, после чего тихонько зашипела и потрясла зудящей кистью. Она пока еще не научилась зажигать шары одним лишь ментальным импульсом, без этих щелчков, зато результат вполне себе приличный: в воздухе повисли, озаряя двор, магические источники света — голубой, золотистый и розовато-золотистый.

С досадой закусила губу: два щелчка вхолостую, и Драган не мог этого не заметить, он все замечает.

Двор как двор. Кирпичная будка с нарисованным на двери скелетом, пронзенным зигзагами молний. Грандиозная куча отбросов, из нее торчит краешек погребенного бака. Деревянная горка с разбитой в щепки лесенкой. С десятков автомобилей. Грубо сложенный щит с объявлениями о продаже бывшей в употреблении шубы, лыжных ботинок и мешка пшена. Здесь же белеет пара свежих листовок. Одна от руки: *«Голосуй за Келмарга, он обещал расстрелять преступников, ответственных за вывоз бытового мусора!»* Вторая отпечатана типо-

графским способом: *«Выявляйте личинки, яйца, куколки и своевременно сообщайте в местное отделение Санитарной службы по адресу: ул. Канатоходцев, 19, в цоколе, вход с торца. Уничтожив одну личинку медузника, вы сэкономите своим согражданам 60—70 литров крови!»*

С трех сторон стоят жилые дома, кое-кто прилип к окнам, привлеченный волшебной иллюминацией. Четвертая стена глухая, по светлой штукатурке расплзлись темные пятна, самое большое напоминает очертаниями Африку — материк в параллельном измерении, окруженный бездной соленой воды, потому что вместо Леса на той Земле мировой океан.

Девчонка забилась под покосившуюся горку. Счастье, что не додумалась залезть в трансформаторную будку.

— Девочка, выходи! — громко позвала Лотта. — Мы добрые волшебники, мы хотим тебе помочь!

Она выползла из своего укрытия — и тут же в воздухе что-то мелькнуло, ударило не успевшую отшатнуться Лотту в грудь, а малявка, похожая в своем пальтишке на меховой колобок, укатилась за мусорную кучу.

— Тактическая ошибка, — промурлыкал Драган. — Ребенок имел дело с Оноратой, поэтому отрекомендоваться доброй волшебницей — не самый лучший способ завоевать ее доверие.

Лотта мрачно поглядела на гнилую картофелину, наподдала по ней носком сапога и крикнула:

— Девочка, не бойся нас, мы не добрые!

Из-за кучи прилетело еще две картофелины. Драгану хоть бы что, а Лотта пока не научилась ставить магическую защиту, и пришлось ей самым примитивным образом уворачиваться.

— Поганка маленькая, сейчас тебе и уши, и косички оборву!

В ответ на мерзлую землю возле ног снова шмякнулась какая-то дрянь.

— Лотта, Лотта... — вздохнул Драган. — Представь, что это чадо богатых заказчиков и ты должна избавиться ее от стеклянного, не травмирующего хрупкую детскую психику, чтобы не отпугнуть перспективную клиентуру.

— Девочка, тебя заколдовали, а я тебя расколдую и дам конфету!

За кучей настороженно помалкивали.

— Лотта, к одной и той же цели ведет множество тропинок. Дипломатия для дипломатов, а мы с тобой маги, поэтому действуем соответственно своей природе. Чему я тебя учил?

Юная чародейка пристыженно кивнула. Всего лишь четыре с половиной месяца назад учитель ее «забрал со склада». Почти все так начинают: консервация, хранение и расконсервация продовольствия, без этого долгую зиму не пережить, поэтому профессия складского мага — нужная, почетная, хлебная, всегда и везде востребованная... И до чертиков скучная. Лотта готова была прыгать от счастья, когда Драган взял ее в ученицы. Наконец-то начнется жизнь, какая должна быть у настоящей ведьмы! Приключения, риск, тайны... Главное — не разочаровать учителя Драгана. Лотта влюбилась в первый же день: он весь такой загадочный, элегантный, ироничный, наверняка не единожды дрался на магических дуэлях... Нет уж, она перед ним не ударит лицом в грязь из-за какой-то вредной мелюзги с косичками!

Размышляла она недолго. Приосанилась, покосилась на учителя — и сотворила рассредоточивающее заклятие.

Похоже, этого не следовало делать. Если до сих пор мусор громоздился устрашающей кучей посреди двора, то теперь его разметало во все стороны. Дремлющие автомобили и доску с объявлениями заляпало грязью, самой Лотте тоже досталось, зато на белоснежном кашне учителя ни пятнышка.

— Ну и дураки! — тоненько выкрикнула девчонка, мышкой шмыгнувшая за будку.

Обычно Лотта за словом в карман не лезла, но сейчас она была слишком потрясена результатом своего колдовства, и дар речи ее покинул. Магические шары озаряли праздничным сиянием темные кучки и комья, обрывки истерзанных бумажек, тряпье, консервные банки, перекрученные тюбики, рваные газеты, куриные и свиные кости, хлопья спутанной пряжи, рыбы головы, блестящие нити истрепанной мишуры. Зажигали цветные искры в битом стекле, высвечивали пыльные грозди винограда и цепочки верблюдов на кусках старых обоев. Окрашивали в голубоватые и золотистые оттенки яичную скорлупу.

— Отстой... — пробормотал Драган не то удрученно, не то

с восхищением. — Лотта, хорошо бы не затягивать с решением проблемы. Вряд ли здешние жители это поймут. Нашим с тобой коллегам не надо объяснять, что обучение начинающего мага требует определенных жертв от окружающей среды, но боюсь, рядовой обыватель с такой точкой зрения может не согласиться.

— Сейчас я покончу с девчонкой...

— Со стеклянником, Лотта. Не с девчонкой, а со стеклянником. Лучше даже в мыслях не забывайся, категорически не советую.

— Я оговорилась, — не поднимая глаз, выдавила ученица.

Все-таки опозорилась. Несмотря на холод, от стыда она взмокла, щеки горели. Надо поскорее доказать Драгану... В общем, доказать. Держа в поле зрения арку, за которой серебрилась обласканная луной вечерняя улица — если что, наперерез, — Лотта крадучись двинулась в обход будки. Вот она! Прижалась к кирпичной стенке, стиснула кулачки и глядит исподлобья. Даже зубы оскалила.

— Ты зря испугалась, мы не сделаем тебе ничего плохого. К тебе прицепили стеклянника, ты его увидишь, если помотришь в зеркало. Как тебя зовут?

— Не скажу, — огрызнулась девчонка. — И стеклянник ваш мне не нужен! Пусть этот стеклянник убирается вон! Я хочу отнести маме шоколадку, хочу стать королевой кошек и собак, хочу открыть для них бесплатную столовую, потому что собаки и кошки тоже люди, и чтобы у меня была настоящая золотая корона с красными рубинами и другими блестяшками, и чтобы с папой на вокзале все было в порядке и поезд его не убил, и чтобы нас пустили жить в хороший дом в Картофельном переулке и хозяин бы нас потом не выгнал, и хочу увидеть лето, и везде побывать — на Магаране, на Сансельбе, на Лакноде и еще обязательно на Изначальной Земле в параллельном мире, и чтобы мама с папой не болели, и хочу покататься по Танхале на трамвае и поесть тортика с розочками из крема! А стеклянник — убирайся туда, откуда пришел!

Лотта шагнула вперед, нашаривая в кармане зеркальце, необходимое для предстоящего колдовства.

— Стой, — шепнул учитель, поймав ее за руку. — Не мешай...

— Стекланник, пошел от меня вон! — Девчонка яростно тряхнула торчащими косичками. — Иди обратно к своей дурететке и больше ко мне цепляться не смей!

— Молодец, у тебя получилось, — негромко сказал Драган, прежде чем она снова заверещала. — Можешь не продолжать, ты уже отправила его по обратному адресу. Давай, мы теперь проводим тебя домой?

— Спасибочки, сама дойду, — буркнула невоспитанная малявка и стремглав кинулась на улицу — словно меховой колобок укатился в мерцающую арку, мелькнул в последний раз и исчез из виду.

— Идем, — окликнул ученицу Драган.

Когда дошли до подворотни, он остановился, оглянулся — и разметанные отбросы за несколько секунд сползли в аккумуляторную кучу. Цветные шары погасли.

После недолгого сконфуженного молчания Лотта все-таки решилась спросить:

— Учитель Драган, что произошло? Разве может быть, чтобы она самостоятельно избавилась от стеклянника, прицепленного Оноратой?

— Раз это произошло у нас на глазах — значит, может. — Он подмигнул неожиданно весело. — Я бы и сам вряд ли поверил, если бы мне рассказали, но деваться некуда, мы с тобой очевидцы. Ее интерес к жизни, мечты, привязанности, желания — все это, вместе взятое, пересилило колдовство Онораты, зловерное, но маломощное. Девчонка выдала волевой импульс такой силы, что стеклянника буквально вышвырнуло, как будто он получил хорошего пинка.

— Значит, мы напрасно за ней гонялись?

— Почему же, не напрасно. Вероятно, она проделала бы этот фокус и без нас, но не сейчас, а, к примеру, завтра или послезавтра. Загнав ее в угол, мы ускорили события, так что есть тут и наша скромная заслуга.

— А как же... — начала девушка, стараясь, чтобы голос звучал бодро, без расстроенных ноток.

Хотела спросить насчет завтрашнего бала у Зимней Властительницы, но умолкла, не договорив.

— Поскольку проблема решилась сама собой, вот тебе другое контрольное задание: проанализируй свои ошибки, по пунктам, в письменном виде. Принесешь завтра утром. Гм,

лучше поздним утром, к обеду. До начала торжества времени хватит. Только пиши разборчиво, договорились?

— Хорошо. — Лотта воспрянула духом: шанс попасть на зимний бал у нее все-таки есть.

Когда миновали охотничий магазин с выставленным в витрине двухметровым чучелом медведя на задних лапах — оскаленным, косматым, черным, с дюймовыми когтями, — Драган рассеянно поинтересовался:

— Ты ведь никогда не бывала на Сансельбе?

— Нет. Я путешествовала только по Кордейским островам — в гости к родственникам и на практику.

— Возможно, через некоторое время мы с тобой отправимся на Сансельбу. Если ты захочешь меня сопровождать... Не скажу, что это будет безопасное предприятие, но есть вещи, которыми не следует пренебрегать.

— Я с вами, учитель Драган.

Как он мог подумать, что она струсит и откажется!

— Что ж, поговорим об этом позже, когда придет время.

Лотта еще при выходе со двора заметила, что учитель, подерживая беседу, одновременно плетет чары — что-то совершенно ей незнакомое, невероятно красивое, в нежнейших переливах, невесомое, как полет пушинки. Вот он закончил, и его творение поплыло в ту сторону, где остался засыпанный снегом канал.

— Что это? — невольно оглянувшись, прошептала девушка.

— Подарок, — улыбнулся Драган. — Заклятье, способствующее исполнению желаний. Настолько редкое, что у него и названия-то нет.

— Такая красота!.. Вы меня потом научите?

— Общие принципы объясню, но этому не научишь. У меня эта штука получилась всего-то второй раз в жизни. Впервые, ее нельзя сплести для себя, только для кого-нибудь другого. Вдобавок, это невозможно сделать на заказ, тут нужно вдохновение, порыв — и определенное настроение.

— Вы сплели его для той девочки?

— Для кого же еще? Не каждый день у тебя на глазах случаются чудеса. Она подарила мне чудо, как ни банально это звучит, а я отдался, как сумел, вот и все.

— Погодите... — собираясь с мыслями, девушка поправила

сбившийся шарф. — Все равно же то, что получилось у нее, с вашей техникой ни в какое сравнение не идет. Вы же сами на каждом шагу творите чудеса.

— Нет, Лотта. То, что творю я, — это магия, чары, волшебство, иначе говоря, применение на практике освоенных мной колдовских техник, если использовать этот термин, тут ты совершенно права. А то, что проделала она, — вот это уже чудо. Победа отчаянного духа над превосходящими силами противника.

— У нее есть магический дар?

— С ходу не скажешь. Во всяком случае, у нее есть дар не сдаваться.

— Так может быть, вам ее тоже взять в ученицы?

— Да нет, пожалуй. — Драган непонятно усмехнулся. — Думаю, тут нужен другой учитель, а я ничему ее не научу...

«Ничему хорошему», — добавил он мысленно, с легкой грустью.

Драган не собирался менять свое жизненное кредо. Что поделаешь, он вечный беглец. Когда наступит весна, он уедет на Сансельбу, вместе с Лоттой, которая так и не догадается, что они не охотятся за опасными приключениями, а совсем напротив — удирают от вышеупомянутой сомнительной радости. И разбираться с Оноратой, как хочется юной ведьмочке, он тоже не будет, еще чего не хватало, сразу из всех щелей проблемы полезут... Пусть этим занимается Валеас, когда станет Весенним Властителем.

Драган всегда предпочитал быть сторонним наблюдателем, а не участником, но как же его радовали встречи с непохожими на него существами, живущими в полную силу, вроде этой девочки. Без них нельзя. Это без него можно, а без них нельзя, и пусть сплетенное им заклятье поможет малышке выжить в Танхале, стоящей на пороге весенних передряг.

Сандра задержалась у витрины посудной лавки и долго всматривалась в темноватую стеклянную полость, но чертовой куклы след простыл. Манекенистый тип в белом кашне не обманул, хоть и тоже колдун.

Поверив наконец, что все в порядке, она бегом побежала к

мосту через канал. Уже поздно, мама заруается. О том, что сегодня приключилось, маме лучше не рассказывать, а то еще беспокоиться начнет и строго-настрого запретит гулять в одиночку. Вообще-то уже запрещала, и не один раз, однако Сандра со спокойной совестью не слушалась, а если мама с папой за нее перепугаются — тогда никуда не денешься, придется послушаться, поэтому она схитрит, ничего не скажет.

Ночлежка пряталась за грудой неказистых построек и кривых заборов, но Сандра знала, по каким закоулкам короче всего до нее добраться. Внутри полно народу, галдеж, вонючий дым, светят тусклые лампочки, пахнет подгорелой едой, потом, отсыревшей одеждой. Длинный коридор, по обе стороны крохотные каморки с занавесками вместо дверей. Повезло: мама только что вернулась, еще и раздеться до конца не успела. В последние несколько дней она вместе с группой других ночлежниц за поденную оплату разгребала снег за береговыми воротами. С детьми туда нельзя, это ведь уже территория Леса, зато часть заработка выдают продуктами — хлебом, колбасой, вареными яйцами, чаем.

— Ты где опять была? — вздохнула мама, пристраивая на батарее свои рукавицы. — Я же просила, отсюда ни ногой. Пока меня нет, играй в снежки с другими ребятами, а тебя где носит?

— Я ходила смотреть на трамваи, как они через соседний мост ездят, — честно глядя ей в глаза, объяснила Сандра. — Это же близко.

— На обратном пути я завернула в Картофельный переулок. Госпожа Доротей сказала, хозяин того дома вчера вернулся из рейса. Хоть бы он и правда оказался таким хорошим человеком, как она говорит.

— Ага... А я, мамочка, сегодня торговала собой в магазине и шоколадку тебе принесла, извини, что совсем маленький кусочек остался...

Мама охнула и уселась на топчан — так, что в нем что-то хрустнуло.

ПОВЕСТИ

<i>Антон Орлов. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ КАРАВАН</i>	7
<i>Андрей Фролов. СИБИРСКАЯ БЫЛЬ</i>	80
<i>Людмила и Александр Белаш. ОГОНЬ ПОВСЮДУ</i>	127
<i>Олег Кулагин. ВОЙНА ТЕНЕЙ</i>	191

РАССКАЗЫ

<i>Лев Прозоров. КРИКСА</i>	239
<i>Леонид Алехин. МОРЕ И ДОЖДЬ</i>	255
<i>Святослав Логинов. МУХИНО ЧЕРТОВЬЕ</i>	291
<i>Владимир Березин. БИЛЬЯРД В ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО</i>	312
<i>Наталья Егорова. УМНЫЙ ДОМ</i>	319
<i>Андрей Фролов. КУПЕ № 7</i>	349
<i>Генри Лайон Олди. КАРУСЕЛЬ</i>	383
<i>Олег Сеницын. ЯГНЕНОК</i>	405
<i>Андрей Бударов. ДО НИТОЧКИ</i>	423
<i>Людмила и Александр Белаш. РОДНАЯ КРОВЬ</i>	426
<i>Сергей Герасимов. ДОМИК У МОРЯ</i>	451
<i>Генри Лайон Олди. КОЕ-ЧТО ПРО ВАМПИРОВ</i>	458
<i>Владимир Березин. ЕДИНОРОГ</i>	463
<i>Святослав Логинов. ОТК</i>	480
<i>Александр Григоров. ССУДА</i>	486
<i>Наталья Резанова. БЕЛАЯ И ПУШИСТАЯ</i>	503
<i>Генри Лайон Олди. СТРАШНЫЙ СУД № 20</i>	531
<i>Владимир Березин. СЛЕТ</i>	552
<i>Артем Белоглазов. ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ</i>	558
<i>Антон Орлов. БЕДСТВИЕ НОМЕР РАЗ</i>	575

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ-2010
фантастические повести и рассказы

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 21.12.2009.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 4002041

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

ISBN 978-5-699-39844-7

9 785699 398447 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ 2010

Злобными колдунами покинут единорог, обитавший в Подмоскowie... Гигантская муха безнаказанно разгуливает по лесам в районе деревни Мухино... Тибетские махатмы активно участвуют в великой астральной войне между двумя империями - советской и нацистской... Вампиров тоже можно понять, особенно если это собственные родственники... Купе скорого поезда превращается в зал Страшного суда, языческие злые духи без труда проникают в квартиры многоэтажного дома, в подвале подмосковного коттеджа обнаруживается ход в параллельный мир, морская дева, по совместительству бизнес-леди, вступает в опасную игру с зловещим союзом магушествовавшего мага...

Очередная ежегодная антология городской фэнтези предлагает на ваш суд новые произведения отечественных писателей-фантастов, для которых современный мегаполис — не просто бессмысленный человеческий муравейник, а загадочная территория, наполненная невидимой магией и живущая по своим, отличным от повседневных,

